
**КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
В ДНЕПРОВСКОМ РЕГИОНЕ
НА ИСХОДЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
И В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ДОКЛАДЫ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. А. ГОРЮНОВА**

**Санкт-Петербург,
14 -17 ноября 2000 г.**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ XI**

**КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В ДНЕПРОВСКОМ РЕГИОНЕ
НА ИСХОДЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
И В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ДОКЛАДЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. ГОРЮНОВА
(Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.)**

Санкт-Петербург
2004

УДК 930.26(471.33)
ББК Т4(2)273.12

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 02-01-16175д*

Редакторы:
В. М. Горюнова, О. А. Щеглова

Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. — 288 с.

К 90

Представленные в сборнике доклады Международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Евгения Алексеевича Горюнова (25.03.1940—9.06.1981), отражают последние достижения археологов России, Украины и Франции в изучении этнокультурных и миграционных процессов, характерных для Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. В сборнике представлены новые научные концепции и вводятся в научный оборот новые археологические материалы, имеющие принципиально важное значение для изучения раннеславянской дописьменной истории.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов в области славяноведения, историков, археологов, студентов и преподавателей вузов.

Корректор и редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — М. В. Вялкина

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 05.02.2004. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 36 псч. л. Заказ № 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии СПб ИИ РАН
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

т 235-68-15

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.

Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-254-0

© Коллектив авторов, 2004

© Петербургское Востоковедение, 2004

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Вместо предисловия	К шестидесятилетию со дня рождения Е. А. Горюнова (<i>Р. В. Терпиловский</i>)	5
	Памяти друга (<i>Е. Н. Носов</i>)	6
Осталось на письменном столе		
<i>Е. А. Горюнов</i>	Могильники колочинской культуры	10
<i>В. М. Горюнова</i>	Могильник VI—VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области	18
<i>В. М. Горюнова</i>	Поселение Картамышево II (постзарубинская эпоха на Верхнем Псле)	43
Днепровский регион в системе культурных взаимодействий		
<i>В. В. Седов</i>	Голтескифы	88
<i>Л. В. Вакуленко</i>	Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов	96
Древности первой половины I тыс. н. э. в региональном контексте		
<i>Г. Ю. Стародубцев</i>	Исследование археологических памятников Верхнего Псла в XIX—XX вв.	108
<i>О. А. Щеглова</i>	Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий	117
<i>Д. В. Акимов,</i> <i>А. П. Медведев</i>	Памятники типа Чертовинского городища III на Верхнем Дону	124
<i>Р. В. Терпиловский</i>	Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья	131
<i>Н. В. Лопатин</i>	Керамические стили и культурные группы III—V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье	144
Культурные трансформации в середине I тыс. н. э.		
<i>М. Б. Щукин</i>	Силадышомйо или Шимлео Сильваней и Фритигерн	158
<i>И. Р. Ахмедов,</i> <i>М. М. Казанский</i>	После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст	168
<i>А. Г. Штилев</i>	К уточнению места нахождения «обоянского клада» 1849 г.	203
<i>И. В. Зиньковская</i>	К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской Лесостепи на рубеже римского времени и раннего Средневековья	204
<i>И. О. Гавритухин</i>	Среднеднепровские ингумации второй половины V—VI в.	208
<i>А. М. Обломский</i>	Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области	221
<i>А. Г. Фурасьев</i>	Истоки погребального обряда грунтовых могильников Подвинья середины I тыс. н. э.	228
Древности третьей четверти I тыс. н. э. в Поднепровье и за его пределами		
<i>В. Е. Родинкова</i>	Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов	233
<i>Е. А. Шаблавина</i>	Пальчатая фибула из коллекции Е. А. Горюнова	244
<i>П. В. Шувалов</i>	Оружие ранних славян	254
<i>О. М. Приходнюк</i>	Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства	265
<i>В. В. Приймак</i>	Идеи Е. А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н. э.	282
Список сокращений		288

Евгений Алексеевич Горюнов

Вместо предисловия¹

К шестидесятилетию со дня рождения Е. А. Горюнова

25 марта 2000 г. Е. А. Горюнову исполнилось бы 60 лет. Трудно даже представить себе, сколько сделал бы еще этот талантливый и разносторонний исследователь, если бы 19 лет тому назад его жизнь внезапно не оборвалась. Однако и сделанного за короткую, но яркую жизнь достаточно, чтобы вспоминать о нем сейчас не просто как о друге и коллеге, но и как об ученом, внесшем значительный вклад в изучение проблем происхождения славян и их ранней истории.

Как известно, тема эта практически неисчерпаема, она охватывает широкий круг вопросов, рассматриваемых историками, лингвистами, археологами. В свою очередь, сфера археологии ранних славян включает изучение целого ряда культур Центральной и Восточной Европы от латена до Средневековья. Основные научные интересы Е. А. Горюнова оказались связаны с проблемой появления раннеисторических славян в Днепровском Левобережье — регионе, ранее считавшемся неперспективным. Его предшественники и учителя, И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов, придерживались мнения, что славяне здесь появились относительно поздно, во времена роменской культуры. Иную точку зрения отстаивали киевский ученый В. Н. Даниленко и присоединившийся позднее к его концепции П. Н. Третьяков. По их мнению, основная линия славянского этногенеза была связана с наследием зарубинецкой культуры. Для того чтобы подкрепить новыми материалами гипотезу формирования славянства в пограничье лесостепи и лесной зоны Поднепровья, П. Н. Третьяковым и была организована Верхнеднепровская экспедиция, активное участие в работе которой со второй половины 1960-х гг. принял Е. А. Горюнов. В это время основные работы проводились в Среднем Подесенье, где был обнаружен ряд памятников первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. В 1967—1970 гг. Е. А. Горюновым были проведены раскопки на поселении Целиков Бугор и связанном с ним могильнике Смяч, а также на селищах Чулатово и Заярье. В 1970 г. Евгений Алексеевич возглавил разведку, обследовавшую р. Снов в районе Чернигова. Небольшие раскопки были проведены на таких поселениях, как Клочков, Ровчак, Змеевка. Материалы раскопок деснинских памятников были оперативно опубликованы в ряде статей.

Здесь следует отметить, что работы в Черниговском Подесенье получили продолжение — с 1974 г. здесь вели раскопки раннеславянских памятников киевляне (Е. В. Максимов и автор), с начала 1980-х гг. — ленинградцы (Г. А. Щеглова, Г. А. Романова, М. Б. Щукин) и местные археологи (А. В. Шекун).

Исследования в Подесенье заставили Е. А. Горюнова обратить внимание на смежные районы лесостепи, где до сих пор встречались лишь многочисленные памятники черняховской культуры, а также разрозненные материалы раннеримского и раннесредневекового периодов. Основательные разведки на территории Сумской и Полтавской обл. позволили наметить для раскопок несколько памятников. Широкие исследования были проведены на поселении Хитцы в устье Удая. Образцовые раскопки 1973—1976 гг. сделали этот памятник с пеньковским и сахновским слоями классическим для днепровского левобережья раннесредневекового периода. Заслуживает внимания также поселение Вовки с позднезарубинецким и волынцевским горизонтами. Все эти интереснейшие материалы позволили Евгению Алексеевичу найти новые подходы к вопросам формирования раннесредневековых культур Левобережья (пеньковской и колочинской) на основе позднезарубинецких и киевских древностей, определить их роль в сложении последующих волынцевской и роменской культур. Эти разработки и легли в основу кандидатской диссертации, защищенной в 1977 г., а затем и монографии «Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья» (Л., 1981). Эта книга, опубликованная 19 лет назад, составила этап в изучении данного региона и, безусловно, не утратила своего значения до настоящего времени.

Затем Е. А. Горюнов сосредоточил свое внимание на малоисследованной территории — Курской и Белгородской обл. Основываясь на материалах работ предшественников — Г. П. Сосновского, Ю. А. Липкинга, Э. А. Сымоновича, его экспедиция со второй половины 1970-х гг. охватила разведочными, а потом и стационарными работами верховья Псла. В этом относительно небольшом регионе удалось зафиксировать десятки памятников I тыс. н. э. Особый интерес представляют широкомасштабные исследования позднезарубинецкого поселения и колочинского могильника Картамышево II, а также поселения гуннского времени Песчаное, полная публикация которых еще ждет своего часа.

¹ Статья Е. Н. Носова и Р. В. Терпиловского были опубликованы в Археологических Вестях ИИМК РАН № 8. С. 325—331.

Творческая атмосфера экспедиции позволила приобрести бесценный полевой опыт помощникам и соратникам Евгения Алексеевича — Г. А. Романовой, О. А. Щегловой, М. М. Казанскому, И. А. Бажану и др. Отметим также, что «бросок на восток» значительно расширил представления обо всех указанных культурных группах первой половины — третьей четверти I тыс. н. э., привлек внимание к водоразделу Днепра и Дона. Работы в этом регионе начиная с 1980-х гг. были продолжены В. М. Горюновой, Г. А. Романовой, О. А. Щегловой, Н. А. Тихомировым, А. М. Обломским. Позднее к ним подключились А. Н. Некрасова, В. В. Приймак, автор и др. В настоящее время древности познеримского времени изучаются археологами Москвы, Воронежа и Липецка еще восточнее — на территории Верхнего Подонья.

Вклад Е. А. Горюнова в археологическую науку не исчерпывается полевыми исследованиями. Значительные усилия были затрачены на введение в научный оборот обширных музейных коллекций, остававшихся неопубликованными на протяжении долгих лет. Таковы были материалы, хранящиеся в фондах музеев Курска, Гомеля, Могилева, Смоленска и др.

Разнообразные собственные экспедиционные работы, знакомство с археологическими коллекциями и многочисленными изданиями по раннеславянской археологии, опубликованными как в СССР, так и за рубежом, участие в отечественных и международных конференциях позволили Е. А. Горюнову стать одним из наиболее активных и квалифицированных археологов-славистов. Его работы отличает высокий процент «попадания в яблочко» — новые находки подтвердили многие гипотезы Евгения Алексеевича. Основным его достижением следует считать исследование массовых памятников Левобережья Днепра периода выхода славян на историческую арену, а также предшествующих и последующих периодов. Для этой территории и этой эпохи ученым впервые разработана и применена методика поиска поселений, установлены критерии анализа керамических материалов, позволяющие выделить различные культурно-хронологические группы. Успешное применение этой методики дало возможность наметить основные культурные группы, связанные с процессами формирования и развития исторического славянства: 1) позднезарубинецкие памятники (I—II вв.); 2) киевская культура (III—V вв.); 3) раннесредневековые славянские культуры — пеньковская и колочинская (V—VII вв.); 4) волынцевская культура (VIII—IX вв.). Е. А. Горюновым был поставлен вопрос о чересполосном существовании на Левобережье Днепра памятников киевского и черняховского типов, отмечено генетическое родство колочинской и пеньковской культур, намечена граница между ними, проходившая по средним течениям левых притоков Днепра. Применительно к Верхнему Поднепровью им показано различие между культурами Колочини, с одной стороны, и Тушемля-Банцеровщина, с другой, которые ряд исследователей склонны были объединять в единую культуру днепровских балтов раннего Средневековья. Значительный вклад был внесен и в разработку проблемы сложения волынцевской культуры, контактов ее носителей с алано-болгарскими племенами, связи с последующими роменскими древностями.

Работы Е. А. Горюнова послужили толчком к подготовке диссертаций по различным вопросам раннеславянской археологии Днепровского Левобережья автором (1980), О. А. Щегловой и О. А. Макушниковым (1987), М. В. Любичевым (1994) и др.

В дальнейшем Евгений Алексеевич планировал крупное исследование, посвященное сравнительному анализу трех славянских культур раннего Средневековья — пражской, пеньковской и колочинской. Так как он удачно сочетал в себе достоинства своих учителей — широту охвата проблемы П. Н. Третьякова и строгий, скрупулезный подход к источнику И. И. Ляпушкина, то можно не сомневаться, что такая работа стала бы крупным событием в славянской археологии. Однако этому не суждено было случиться. В 1981 г. Е. А. Горюнова не стало. Память о нем, добытые им материалы и написанные статьи и монография навсегда останутся с нами.

Р. В. Терпиловский

Памяти друга

25 марта 2000 г. Евгению Алексеевичу Горюнову исполнилось бы шестьдесят лет. Так и хочется сказать: «только шестьдесят», но все же надо признать, что это далеко не молодость, а в полной мере значительный возраст. Все дело в том, что мы, его друзья, коллеги и ученики, состарились вместе, не замечая, или, скорее, делая вид, что не замечаем, как превращаемся в пожилых мужей и дам, а Женя всегда оставался с нами сорокалетним, таким, каким мы его знали и запомнили, помним и сейчас.

Он был небольшого роста, большеголовый, коренастый и крепкий, для большинства — угрюмый, нелюдимый и упрямый, для близких людей — отзывчивый, добрый, даже сентиментальный и очень надежный человек. Он любил новые и красивые галстуки и вообще новую одежду, но всегда с огромным внутренним напряжением облачался в парадный костюм для доклада или конференции и чувствовал в нем себя весьма неловко.

Известным ученым, начитанным человеком, большим любителем поэзии и литературы, особенно книг о путешествиях, он сделал себя сам, во многом вопреки судьбе, predeterminedенной семьей, где появился на свет, и обстоятельствами.

Он родился вторым сыном (на 13 лет позже первенца) в семье сотрудника «Большого Дома» Алексея Алексеевича Горюнова, который начал там истопником и за двадцать восемь лет дослужился до майора (ум. 1961). Об этом факте,

который в советской реальности мог быть скорее плюсом, чем минусом, Женя всегда умалчивал и этому было объяснение. Из блокадного Ленинграда в ярославскую деревню, где оказались тогда на родине мамы Женя и его старший брат, пришло сообщение о разводе. Мать, Мария Васильевна, малограмотная крестьянка из многодетной семьи, с трудом умевшая читать и писать, никогда не работавшая на производстве, завербовалась на Кировский завод и в 1944 г. смогла вернуться в Ленинград (может быть, вернее будет сказать — от отчаяния бросилась в Ленинград, где жил теперь уже бывший муж). Старшего сына отец взял в новую семью. Для младшего там места не нашлось. Мать была в панике: как прописаться, как работать без специальности, как «тянуть» себя и тогда четырехлетнего мальчика в голодном и разоренном войной городе, где и детсада при заводе еще не было. У Жени на всю жизнь осталась глубокая детская обида на то, как его «делили» отец и мать, подталкивая друг к другу со словами «возьми его себе». Его оставили с матерью. Потом почти двадцать лет он практически не видел отца. Последний бывшую семью не навещал, но Женя, по настоянию матери, ходил несколько раз «в гости», после чего возвращался домой с обостренным чувством унижения и протеста.

Началась жизнь в коммунальных квартирах Ленинграда. Сначала на проспекте Маклина, потом в домах, построенных пленными немцами для рабочих Кировского завода. Детство прошло во дворах с их обычными развлечениями (коньки, горки, футбол, катание «на колбасе» трамвая) и постоянных драках, дележе «территорий», где формировался характер и осознание того, что только ты сам можешь постоять за себя, и помощи не будет. К нему приклеилась кличка «Жора». Некоторые приятели по двору оказались позднее даже в заключении. Мать никак не способствовала общему развитию сына. Ему запрещалось ходить в гости и приводить друзей к себе. Эта отчужденность и сознание того, что он почти всем в тягость, сохранились на всю жизнь и определили многие его черты характера и поступки. Учеба же давалась легко, особенно математика, проблем не было, очень увлекали шахматы и шашки, книги читал «запоем». На вопросы родственников, что подарить, всегда отвечал однозначно: «книгу».

После десятого класса и уговоров матери Евгений поступил в среднее мореходное училище. Главными аргументами было то, что там казенное питание, обмундирование и казарменное положение. Для бедной семьи что могло быть лучше? Подспудно мать, видимо, хотела и оторвать взрослеющего сына от дворовой среды. Во время практики ходили на баржах по Волго-Балту и Верхней Волге, но «казарменный» быт был не по душе. Последовали уход в «самоволку», единственно возможный повод для исключения из училища, и столь ожидаемое отчисление. Потом около полугода работал в механическом цеху № 17 Кировского завода. Сверлил какие-то отверстия в деталях танков. Впоследствии Женя не раз с упоением рассказывал о катаниях на автокарах в ночную смену по огромному пустому цеху завода.

Сказочно повезло со службой в армии. Служил в ракетных войсках под Ленинградом, при классах по повышению квалификации офицерского состава. Там и жил при классах с двумя ребятами из Москвы и Ленинграда, оказавшимися из очень интеллигентных семей (один из них сын писательницы Веры Кетлинской). Это были годы усиленного самообразования — занимался немецким языком, много читал, благо недостатка в книгах и журналах не было. Непосредственный высший начальник, полковник по званию, искренне поощрял ребят в занятиях и чтении. К концу службы сформировался особый интерес к истории и, прежде всего, к древней истории. Армия переломила Женину судьбу, заставила или, скорее, позволила сменить жизненные ориентиры. Задумался о серьезном образовании. Еще до формального окончания армейской службы был отпущен для сдачи экзаменов в Ленинградский университет.

Кафедру археологии на истфаке, кажется, выбрал в какой-то мере случайно. А вот специализация по неолиту случайной уже не была. Для Евгения выбор руководителя даже после армии был проблемой, прежде всего проблемой общения. Ведь даже на улице он стеснялся и в тридцать лет спросить время у прохожего, а на четвертом десятке ему было неловко расспрашивать местных жителей о древностях, урочищах и дорогах, и он всегда предпочитал, чтобы это сделал кто-то другой. На кафедре археологии ЛГУ проще всего для него оказалось общение с Татьяной Дмитриевной Белановской, Т. Д. или ТЭДИ, как ее любовно звали студенты, на что она не обижалась, тем более именно с поездки на Дон начиналась тогда археологическая практика первокурсников. Татьяна Дмитриевна задала тон научной деятельности Е. А. Горюнова, привила ему привычку к тщательности и скрупулезности, щепетильность, не позволявшую пропустить чье-либо имя в историографии, стремление к тотальному сбору материала, внимание к правильности русского языка. Уже первая курсовая работа Е. А. Горюнова была посвящена одной из ключевых тем археологии Восточной Европы — проблеме зарождения земледелия. Школа раскопок Ракушечного Яра на Дону с его сложной стратиграфией явилась основой знаний о полевой методике работ. Потом были экспедиции А. П. Окладникова, позднее, после окончания университета, — раскопки И. И. Ляпушкина в Гнездово, разведки и раскопки П. Н. Третьякова в Подесенье.

Учился истово и с интересом, всецело отдавал себя науке, а во время зимних каникул всегда подрабатывал на заводах. Несмотря на вспыльчивый характер, был отходчив и незлопамятен. Людей, которые ему были чужды и несимпатичны, просто не включал в орбиту своей жизни. Увлекался футболом и сам любил играть. Был страстным болельщиком и на стадионе, и у телевизора, когда семейным человеком уже не мог так свободно и постоянно ходить на футбол.

Страшно был доволен, когда удалось получить однокомнатную кооперативную квартиру на Гаванской улице, перестать снимать комнаты и впервые почувствовать себя независимым. Образ жизни Евгения был аскетичен и прост, казалось, что вещная ее часть ему просто неинтересна, но это было не так. Он ценил и любил красивые вещи, комфорт и уют, но в реальности лишь в последние годы жизни смог их себе позволить. Это отчасти компенсировалось стремлением к почти армейскому порядку на рабочем столе, аккуратностью и точностью архивных выписок и своих записей. Он любовно оформлял папки с материалами и своими заметками, часто из жести вырезая для них различные фибулы и бляшки, делал наклейки.

После окончания в 1967 г. кафедры археологии Е. А. Горюнов был принят в ЛОИА АН СССР стажером-исследователем, но отнюдь не по прямой археологической специализации — каменному веку, а в группу славяно-русской ар-

хеологии, где в качестве начальной ему была определена историкографическая тема о раннеславянских древностях в чешской, немецкой и польской литературе, которая в дальнейшем вылилась в опубликованный в одном из номеров «Советской археологии» обстоятельный обзор. Это был резкий перелом в направленности его научной работы, а ведь в начале карьеры даже небольшая смена в специализации рассматривается по молодости обостренно. Не знаю, сколь это значимо, но причину, может быть, стоит и объяснить. П. Н. Третьяков, игравший тогда ведущую роль в славистике Ленинграда, обратился к заведующему ЛОИА АН СССР М. К. Каргеру с просьбой — а в устах П. Н. Третьякова это было почти требованием — о необходимости включения в состав института специалиста по теме ранних славян. Сам П. Н. Третьяков никакой кандидатуры не имел, но М. К. Каргер его пожелание исполнил. На кафедре археологии ЛГУ в выпускной группе необходимого специалиста не оказалось, но Евгений согласился сменить тематику ради поступления в институт. Об этом ни он, ни его коллеги-слависты впоследствии не пожалели. П. Н. Третьяков же испытывал определенные трудности в общении с Евгением и неоднократно сетовал: «Я обращаюсь к нему, а он насупился и молчит».

Вклад Е. А. Горюнова в науку специально рассматривается Р. В. Терпиловским. Я же, поскольку много работал с Женей в экспедициях И. И. Ляпушкина, деснинских экспедициях П. Н. Третьякова, экспедициях, возглавлявшихся самим Женей (а он в моей), и поскольку мы вообще были достаточно близкими и откровенными между собой людьми, постараюсь и дальше отметить некоторые личные черты Евгения Алексеевича как человека, без которых любые научные взгляды и позиции останутся односторонними.

Десна. Экспедиции Петра Николаевича Третьякова. Обычно приезжаем в большое украинское село на Черниговщине, а именно таковые привольно и живописно раскинулись вдоль широкой поймы Десны, да еще с такими поэтичными названиями, как Вишенки или Черешенки. И только въезжает в село экспедиционная машина и П. Н. Третьяков начинает расспрашивать, где сельское начальство и где можно поселиться (жили по домам колхозников), как весь небольшой состав отряда, обычно не более 5—7 человек, высыпает к книжному магазину, которые всегда были в селах и не пользовались особой популярностью среди местных жителей. Все и всегда покупали массу книг — от томиков Леонида Андреева до изданий отечественной и зарубежной фантастики, всего того, что в Ленинграде, если только не заниматься специальными поисками и не переплачивать, купить в книжных магазинах было попросту невозможно. П. Н. Третьяков не имел привычки задерживаться долго на одном месте. Сколько книжных магазинов мы тогда пересмотрели! Евгений был страстно увлечен этой книжной эпопеей и собрал целую библиотеку «деснинской» литературы.

Первые экспедиции на Десну. Женя был старше нас, студентов, за плечами была армия и университет, но в быту и в работе он ни в чем не ставил себя выше, и сейчас даже кажется странным, что его никак не выделял П. Н. Третьяков, не поручая никакой иной археологической работы кроме землекопной. П. Н. Третьяков смотрел на всех лишь как на квалифицированных рабочих — один уже закончил университет и стажер, другие еще учатся. Важно подчеркнуть, что в личном плане это Евгения никак не задевало. Он азартно копал, спорил о том, куда идет стенка полуземлянки, а поскольку физически был крепок, то и задавал высокий общий темп работ. П. Н. Третьяков же сам, не вникая в наши дискуссии, сверху раскопа почти в чистовом варианте рисовал планы землянок и ям, стоя или сидя на раскладном стульчике рядом с супругой.

Руководство экспедициями давалось Евгению Алексеевичу с огромным внутренним напряжением, но выезжать в поле ежегодно он считал для себя просто необходимым. Я помню, как после защиты наших диссертаций, случившейся в один день 20 мая 1977 г. на заседании ученого совета Института археологии в Москве (Б. А. Рыбаков специально выделил его для ленинградских славистов), Е. В. Горюнов поехал со мной в июне в разведку в Ильменское Поозерье. Жили в Юрьевом монастыре, много ходили в разведку, вскрыли втроем немалую площадь на селище Васильевское на р. Веряже. Евгений постоянно шутил, был весел до озорства, засушивал на булавках по окнам стрекоз для дочки, с удовольствием ловил рыбу и на удочки, и с сеткой, ночью лазил по залитой болотистой пойме, утопая в грязи, под покровительственные команды экспедиционного шофера, а вечерами был не прочь пропустить рюмочку и откровенно к этому подначивал. Подобного просто не могло быть там, где он становился руководителем. Это был совсем другой человек. Все объясняется очень просто — не было груза ответственности, рядом были люди, которых он хорошо знал и с которыми мог быть самим собой.

Внутренняя скромность, стремление не быть в центре внимания, полное отсутствие какой-либо публичности в реальности мешали не только работе в экспедициях, где приходилось общаться и договариваться со многими людьми, но и работе в институте. При его тщательности и ответственности массу времени занимало у Евгения руководство аспирантурой ЛОИА. Аспиранты со своими документами приходили к нему даже домой. Мучительно давались и научные доклады, особенно первые, не в смысле подготовки текста и материала — все выверялось и готовилось досконально и не раз, а в смысле их публичного произнесения даже на заседаниях родной группы славяно-русской археологии.

Несмотря на внешнюю угрюмость и замкнутость, Евгений Алексеевич был внутренне мягок и даже несколько сентиментален, любил кошек. Безумно был счастлив, когда появилась долгожданная дочка Настя. В день ее рождения 1 апреля был в институте и молчал, рисуя керамику, и сообщил нам о пополнении семейства лишь на следующий день, наивно оправдываясь: «Я думал, что вы не поверите». С Настей он уже в счастливом варианте как бы переживал свое собственное детство. Азартно и с интересом играл в детские игры, увлеченно лепил и мастерил игрушки. А покупать вообще предпочитал игрушки мягкие. С наслаждением читал детские книги, причем первым читал их сам, и под предлогом, что надо иметь книги «на вырост», активно пополнял свою библиотеку. С удовольствием и гордостью водил дочку в детский сад, вызывая добрые усмешки сотрудников, для которых это была рутинная обязанность. Вспоминаю фразу М. В. Малевской: «Встретила сегодня утром Женю Горюнова с Настей на руках, несет ее как хрустальную вазу».

Во многом жизненный комфорт для Евгения создавала его жена Валя, с ее страстью к разведению цветов и в квартире, и на общественном балконе многоэтажного дома, стремлением к домашнему уюту и порядку. Эти люди, на первый взгляд такие разные, органично дополняли друг друга. Мы знали, что убедить в чем-то Евгения в жизненном плане очень сложно, а с первого раза почти невозможно. Тогда обращались к Валентине и объясняли суть просьбы, начиналась внутрисемейная работа и недельки через две Евгений Алексеевич менял свое изначально негативное восприятие. Естественно, научных взглядов это не касалось.

Особые отношения сложились у него с Мишей Казанским, хотя статуса официального руководства не было. Это было настоящее научное партнерство, они азартно спорили, с увлечением работали над научными статьями. Евгений Алексеевич был очень привязан к Михаилу, относился к нему, по сути как к младшему брату, очень сопереживал ему в перипетиях его личной жизни. Однако часто бесцеремонно мог напрямую высказать все, что о нем думает, а потом в ответ на дружеское замечание о его манере разговора смущался и удивлялся: «Неужели я мог так говорить, я же не хотел». Вероятно, в этом общении с М. Казанским он полностью раскрепощался, тем более что с возрастом уже появилось и желание делиться знаниями с человеком, близким ему по научным взглядам. Потом Михаил уехал во Францию. Евгений Алексеевич очень радовался, что темой ранних славян стала заниматься Оля Щеглова, и щедро отдавал ей свои материалы, хотя с самого начала несколько опасался ее задиристой независимости.

Научные труды Евгения Алексеевича, несомненно, останутся в нашей историографии, полученные материалы сохранятся в музеях, но человеческая память, к сожалению, коротка, и личность Жени забудется, как во многом, кроме близко знавших его людей, забылась уже сейчас. Не знаю, насколько мне это удалось, но я хотел, чтобы грядущие исследователи представляли Е. А. Горюнова не только как ученого, но и как человека — сложного по характеру, упрямого, противоречивого, далеко не ординарного, но честного и принципиального, несмотря на все изломы его нелегкой судьбы. Как же жаль и обидно, что так часто хорошим людям достается столь непростая и короткая жизнь.

Е. Н. Носов

Осталось на письменном столе

От редакции

Евгения Алексеевича Горюнова отличала счастливая черта, свойственная не всем исследователям — он не копил «хвостов». Все (иногда очень объемистые, например, Хитцы) материалы его раскопок вводились в научный оборот оперативно и в максимально полном объеме. На письменном столе Е. А. Горюнова осталась лишь полевая документация последних двух лет его разведок и раскопок археологических памятников I тыс. н. э. в Верховьях Псла и уже начатая обобщающая работа по колочинской культуре. Редакция посчитала нужным опубликовать наиболее завершённую главу этой большой работы. Сегодня некоторые выводы Е. А. Горюнова могут показаться устаревшими и самоочевидными. Но 20 лет назад, когда была написана эта глава, сама постановка вопроса была новаторской и актуальной — не случайно к этой проблематике потом обратились несколько исследователей (Р. В. Терпиловский 1984, 1990; А. М. Обломский 1990, 1991, 1996; И. В. Зиньковская 1997). Полевые материалы раскопок 1979 и 1980 гг. на одном из самых ярких памятников региона Картамышево II подготовила к публикации В. М. Горюнова.

Е. А. Горюнов

Могильники колочинской культуры

Всего колочинской культуре в основном ее ареале принадлежит около 14 бескурганных могильников. Из них далеко не все могут быть привлечены для определения черт погребального обряда, одни из-за плохой сохранности погребений, другие потому, что не исследовались или известны по давним, случайным находкам и отрывочным сведениям, не раскрывающим характер обнаруженных на них погребений.

Из четырех основных районов распространения колочинской культуры — лесостепного Левобережья, Киевщины, Подесенья и Юго-Восточной Белоруссии — преимущественное положение занимает лесостепное Левобережье, с которым связывается половина всех известных могильников: Артюховка, Княжий, Лебяжье I, Картамышево II, Моква, Авдеево. Кроме названных памятников, колочинской культуре в полосе лесостепи, возможно, принадлежит разрушенный могильник на Верхнем Псле у хут. Курочкин Беловского района Курской области, открытый еще в начале XX в. Д. Я. Самоквасовым. Им были обнаружены два бескурганных погребения с лепными горшками-урнами [Самоквасов 1915: 3—5]. Сосуды не сохранились до настоящего времени, что осложняет определение памятника. В 1979—1980 гг. это местонахождение обследовалось Днепровской левобережной экспедицией ЛОИА АН СССР. В шурфах, заложенных поблизости от раскопок Д. Я. Самоквасова, погребений не оказалось, но в них были найдены мозаичная стеклянная бусина, предположительно, VI—VIII вв. (по определению З. А. Львовой) и обломок лепного сосуда, возможно, от разрушенной урны, по всем признакам близкого керамике колочинского типа.

Шесть других могильников лесостепного Левобережья неравноценны. Артюховский могильник известен по случайным находкам. О его колочинской принадлежности можно судить по форме опубликованного Н. Е. Макаренко лепного горшка-урны, типичного для колочинских древностей [Макаренко 1907: 50—54].

Не больше сведений и о могильнике Моква под Курском. Неясно, сколько было открыто на нем погребений и что они собой представляли. Из погребений Моквы, по данным А. С. Федоровского, происходят оплавленные поясные

накладки и другие вещи VII в. Они известны по зарисовкам того же А. С. Федоровского, а также А. А. Спицына (Федоровский, архив; Спицын, архив).

Что касается остальных могильников, то они изучались: Авдеевский — Э. А. Сымоновичем [Сымонович 1974: 153—154], Лебяжинский и Княжинский — Ю. А. Липкингом [Липкинг 1974: 136—158], Картамышево II — Е. А. Горюновым [Горюнов 1980; 1981a]. Три последних исследованы полностью, на Авдеевском — произведена лишь шурфовка.

На Киевщине погребальные памятники колочинского типа остаются неизвестными. В Подесенье, не считая разрушенных могильников неясной культурной принадлежности, их известно три: Усох, Кветунь и Смячь. Последний из них — сильно разрушенный, всего с пятью погребениями — мало пригоден для выяснения специфики погребального обряда колочинской культуры [Горюнов 1974: 119—121].

Кветуньский могильник известен по предварительной публикации [Артишевская 1963: 85—96]. Наряду с грунтовыми погребениями на нем имеются и курганные. В отношении тех и других многое остается неясным. Есть основания полагать, что не все комплексы Кветуни в действительности являлись погребальными. В некоторых случаях за грунтовые погребения Л. В. Артишевской приняты обычные хозяйственные ямы-погребя, о чем можно судить по их форме и по заполнению, в котором отсутствовали пережженные кости. Такой характер имели отдельные (?) ямы, обнаруженные под курганными насыпями [Горюнов 1981b: 30—32]. Таким образом, материалы Кветуни нуждаются в тщательной источниковедческой проработке для выделения бесспорных погребальных комплексов IV—VI вв.

Для понимания погребального обряда в Подесенье в V—VII вв. наиболее важен Усохский могильник с 18 погребениями, исследованный В. А. Падиным [Падин 1960: 317—318; 1974: 132—135]. В Юго-Восточной Белоруссии колочинской культуре принадлежат четыре бескурганных могильника, раскопанные Л. Д. Поболем и Э. А. Сымоновичем — Тайманово, Новый Быхов и Нижняя Тошица. Два последних полно освещены в литературе [Поболь 1974: 159—180]. Таймановский, самый большой — со 165 погребениями, известен лишь по суммарным описаниям, приведенным Л. Д. Поболем в ряде своих работ [Поболь 1974: 166].

Таким образом, для определения погребального обряда колочинской культуры фактически могут быть использованы материалы 6 могильников: трех исследованных в лесостепном Левобережье (Княжий, Лебяжье I, Картамышево II), двух деснинских (Усох, Смячь), трех известных в Юго-Восточной Белоруссии (Новый Быхов, Нижняя Тошица, Тайманово).

Наиболее типичным для колочинских могильников является расположение в пределах речных долин и на надпойменных террасах вблизи воды, т. е. в тех же топографических условиях, в которых находятся поселения этой культуры.

Преобладают небольшие могильники, насчитывающие до 50 погребений. Правда, первоначальное число погребений в некоторых случаях устанавливается лишь предположительно из-за плохой их сохранности. Большие могильники, подобные Лебяжьему I, на котором раскопано 104 погребения и еще примерно столько же разрушено при строительстве дороги, или Тайманову со 165 погребениями, были сравнительно редки. К числу больших, возможно, относятся также могильник у пос. Новый Быхов, содержащий, по мнению Л. Д. Поболя, «много сотен» погребений [Поболь 1974: 166]. Другие же могильники по числу погребений не идут ни в какое сравнение с Лебяжьим I и Таймановым. В Усохе под Трубчевском, кроме исследованных 18 погребений, В. А. Падин насчитывает еще «три-четыре погребения уничтоженных распашкой» [Падин 1974: 135]. В Картамышеве II на Псле под г. Обоянью обнаружено 44 погребения, фактическое же их число на этом могильнике было близким к 60—70. В Нижней Тошице близ пос. Новый Быхов Л. Д. Поболем обнаружено 12 погребений. Границы этого могильника, однако, шире пределов раскопа [Поболь 1974: 174]. В Князьем близ г. Суджи обнаружено 24 погребения. Всего же их здесь, по подсчетам Ю. А. Липкина, «имелось до 30—40» [Липкинг 1974: 138]. Могильник Смячь под г. Новгород-Северским оказался сильно разрушенным, на нем открыто всего 5 погребений. Все они связаны с северной его периферией, только и сохранившейся от выветривания дюны [Горюнов 1974: 119—121]. В Авдееве на Сейме, где открыты 4 погребения, истинные размеры могильника не установлены из-за характера проведенных Э. А. Сымоновичем работ, которые были сведены к шурфовке [Сымонович 1974: 153].

Мнение о преобладании небольших могильников, содержащих от 20 до 50—60 погребений, является вероятным еще и потому, что оно находит подтверждение в исследованиях колочинских поселений. Они небольшие, с 6—8 (иногда несколько больше) жилищами, и размещаются на площади менее 0,5 га. Большие долговременные поселения с десятками жилищ, тянувшиеся на сотни метров, нетипичны для колочинской культуры. Исключение в этом отношении составляют лишь памятники Белорусского Поднепровья.

Преобладание небольших поселений и могильников обуславливалось, видимо, определенными формами хозяйственной деятельности и социальной организации, господствовавшей на территории Верхнего Поднепровья в V—VII вв., в частности, широким применением подсечного земледелия и неизбежной при этом непрочной оседлостью населения. Колочинские могильники бескурганные, их погребения ничем себя на поверхности не проявляют, но в древности они, вероятно, имели какие-то внешние признаки, так как при отсутствии хорошо выраженной систематичности в расположении погребений, друг друга почти не нарушают.

Известны бесспорные случаи сооружения наземных погребальных оградок-часток. Они отмечены при исследовании Картамышева II на Верхнем Псле. Все они прямоугольные в плане и почти одинаковых размеров. Площадки с погребениями, ограниченные столбовыми оградками, имели длину до 4 м, ширину до 2,8 м. Следы оградок выступали на поверхности материка в виде узких, заполненных гумусом канавок глубиной 0,1—0,25 м, шириной до 0,2 м. Внутри оградок находятся чаще всего две внешне ничем не отличающиеся друг от друга погребальные ямы. В обеих помещены пережженные кости, перемешанные с землей и углем; ямы имеют одинаковую форму и близкие размеры.

Различия между ними устанавливаются лишь на основании анализа костных остатков, который показывает, что только одна из ям содержит кости человека, а именно — восточная. В западную яму помещали кости жертвенных животных, чаще всего лошади. Эту яму нельзя считать отдельным погребением. Своеобразие безурновых погребений Картамышева II заключается в наличии не только деревянных оградок, но и обрядовых ям с костями жертвенных животных, сожженных одновременно с умершим, возможно, на одном с ним костре.

Подобные погребения, по-видимому, имелись и на других могильниках. На Лебяжьем I Ю. А. Липкингом выделены так называемые парные погребения, в большинстве своем характеризующиеся теми же признаками, что и безурновые погребения Картамышева II с оградками [Липкин 1974: 142]. Парные погребения Лебяжьего I представляют собой наполненные пережженными костями и углем две погребальные ямы, которые расположены друг от друга на расстоянии до 1 м. Ямы одинаковы по форме и размерам и располагаются обычно по линии запад-восток с некоторым отклонением, что отличает и погребения в оградках на Картамышеве II. К сожалению, анализ костных остатков из Лебяжьего I не проводился и поэтому действительный характер парных погребений Лебяжьего I нельзя считать установленным фактом. В Лебяжьем I, в отличие от Картамышева II, не обнаружены оградки. Наиболее вероятно, что следы их здесь не сохранились. Как отмечает Ю. А. Липкин, верхний слой дюны, в котором залежали погребения Лебяжьего I, оказался сильно разрушенным, так что размеры и формы некоторых погребальных ям определялись лишь по углистым пятнам или вообще не прослеживались. Об изменении рельефа дюны можно судить и по разной глубине залегания погребений, колебавшейся в пределах от 0,8 до 0,15 м.

Колочинские погребения — моноритуальные, связаны с одним обрядом — кремацией на стороне. Места кремации остаются неизвестными, не считая одного спорного случая. Речь пойдет об овальной глинобитной площадке, обнаруженной в могильнике Княжье. Площадка размером около 2,0×1,5 м вымощена керамикой, а по краю в основании — яйцевидными керамическими блоками. Ю. А. Липкин видит в этой площадке сооружение, предназначенное для кремации [Липкин 1974: 140], однако ни на самой площадке, ни вокруг нее не было следов некогда свершавшихся кремаций, что не позволяет согласиться с ним.

Погребения содержали разное количество пережженных костей — от двух-трех десятков до нескольких сотен. Иногда пережженные кости только единичны. Как правило, погребения с большим количеством костей принадлежат к безурновым. Однако точное определение соотношения колочинских погребений по этому показателю практически невозможно, ибо количество костей в погребениях зачастую указывается не в точных цифрах, а приблизительно. «на глаз» — «несколько десятков», «много», «мало», «многочисленные», «немногочисленные». При этом остается неясным, чем объясняются различия между погребениями: неодинаковой степенью сожжения, возрастной принадлежностью погребенных, присутствием костей животных, различной сохранностью погребений или несколькими причинами сразу.

Погребения в большинстве безинвентарные, на два-три десятка погребений приходится не более 5—7 вещей, а нередко и того меньше. Наличие их чаще отмечается для безурновых погребений, причем женских, судя по составу вещей. Мужские погребения по вещам определяются много реже. Вещи могут быть разделены на две неравные в количественном отношении группы. Самую большую из них образуют вещи, сопровождавшие умершего в момент сожжения. Среди них — оплавленные бронзовые украшения и детали убора, покрытые окалиной железные орудия труда и другие. Во вторую группу входят вещи, которые помещались в могилу лишь в момент погребения останков. Они не несут следов действия огня. Некоторые из них, например, бронзовая литая фибула из погребения 16 Картамышева II, возможно, преднамеренно поломаны. Порча вещей, как известно, характерна для многих культур римского времени и Средневековья. Ее принято объяснять верой в загробную жизнь, страхом перед мертвыми и вещами, которыми они пользовались при жизни [Никитина 1974: 60].

Набор вещей из погребений составляют украшения и предметы личного убора, в том числе фибулы, пряжки, браслеты, височные кольца, детали мужского наборного пояса, а также орудия труда — ножи, точильные камни, пряслица; оружие — наконечники копий или дротиков; посуда. В таблице I отражено соотношение инвентарных и безинвентарных погребений по отдельным памятникам и категориям вещей.

По способу погребения останков колочинские сожжения подразделяются на три вида: урновые (I), безурновые (II) и смешанные (III), представляющие сочетание элементов первых двух.

I. Урновые погребения. В численном отношении они, как правило, уступают безурновым. В качестве урн служила бытовая глиняная посуда обычных для колочинской культуры форм — горшки и крупные сосуды-корчаги. Способы помещения урн в погребения различны. Чаще всего урны находятся в обычном положении, т. е. стоят на днище в центре ямы. При этом в большинстве случаев урны оставались открытыми. Покрытые урны менее обычны. Виды покрытий следующие: глиняные «диски», сковородки, части сосудов. Известны случаи, когда урна была накрыта более крупным, перевернутым кверху дном сосудом («клошем»). Урновые погребения содержат по одному сосуду. Исключение составляют лишь три могильника — Авдеево, Лебяжье I, Картамышев II, где известны погребения с двумя урнами.

Количество костей в урнах бывает различным. Иногда их всего 10—15, и они едва покрывают дно урны. В других погребениях пережженные кости многочисленны, до нескольких сотен, и они доверху заполняют большие сосуды с диаметром тулова 30—35 см.

Наличие вещей, как уже было сказано, в урновых погребениях отмечается еще реже, чем в безурновых. Форма и размер погребальных ям такие же, как у безурновых погребений. Диаметр ям в среднем составляет 0,3—0,6 м, глубина обычно соответствует высоте урны и не превышает 0,3 м. Заполнение ямы между ее стенками и урной бывает различным по характеру. В одних погребениях оно в той или иной степени углистое. В других — почти не отличается по цвету и структуре от слоя, в котором вырыта яма. Форму и размер таких ям не всегда удается установить.

Таблица I

Соотношение инвентарных и безинвентарных погребений

Район	Памятники	Всего погребений	Количество погребений					
			украшения, предметы убора,	орудия труда	оружие	посуда	обломки керамики	осколки, отщепы кремня
Юго-Вост. Белоруссия	Новый Быхов	41	6			1	9	5
	Нижн. Тошица	12		1			1	
	Тайманово	165	14 ?	?	?	?	18	
Курское Посеймье Верхний Псел	Авдеево	4	1				3	
	Княжий	24	3	1	1	2	1	1
	Лебяжье I	104	46	16	1	4	42	7
	Картамышево II	44	11	4		2	11	1
Подесенье	Смяч	5	1				2	
	Усох	18	5	2		2 ?	6 ?	?
Сев. Белоруссия Смоленщина Псковщина	Акатово	37	3 ?				?	
	Узмень	34	7 ?	1			5	
	Ревячка	5	1		1	1	2	

Урновые погребения большинства памятников представлены двумя группами. Одну из них образуют урны с очищенными от золы и угля пережженными костями, другую — урны с остатками костра. При этом первая всегда более многочисленна.

II. Безурновые погребения. К их числу относятся погребения с остатками кремации, помещенными непосредственно в яму. Форма ям преимущественно округлая, диаметр ям в среднем 0,4—0,6 м, но иногда больше — до 1,3 м. Глубина ям — 0,15—0,40 м. Как и урновые погребения, они содержат различное количество костей. Однако погребения с большим количеством костей — до 200 и более — среди них не единичны. Пережженные кости в таких погребениях лежат плотной массой и полностью заполняют яму. Положение вещей в погребениях разнообразно — среди костей, на разной глубине ям или поверх них, у верхнего края ям. Вещи в большинстве оплавлены или со следами огня. Среди безурновых погребений, как и среди урновых, различаются погребения с очищенными пережженными костями и такие, в которых пережженные кости перемешаны с углем. Статистические подсчеты показывают, что безурновые погребения с неочищенными костями почти всегда наиболее многочисленны. Лишь в Лебяжьем I они в количественном отношении уступают «чистым» погребениям.

К сожалению, антропологическое изучение остатков костей из колочинских погребений почти не проводилось, что не позволяет определить соотношение мужских, женских и детских погребений и их размещение на памятниках. По той же причине нельзя указать в абсолютных цифрах и количество погребений, включавших кости животных. Очевидно лишь, что фактическое число таких погребений превышает указываемое в публикациях. Благодаря анализу костных остатков из Картамышева II, как уже отмечалось, удалось выделить двукостные безурновые сожжения с отдельно погребенными костями человека и животных. Аналогичные погребения имелись, видимо, и на Лебяжьем I. Они отнесены Ю. А. Липкингом к парным по расположению погребальных ям, а не на основании анализа костных остатков. Безурновые погребения Картамышева II отличает еще одна черта, не прослеженная на других памятниках, а именно наличие прямоугольных оградок частоколов, что сближает их с более поздними славянскими курганными погребениями днепровского Левобережья [Бессарабова 1973: 65—82].

III. Смешанные погребения. Они характеризуются сочетанием признаков, свойственных первым двум видам погребений — урновым и безурновым. В некоторых публикациях смешанные погребения не выделяются в самостоятельную группу и рассматриваются вместе с урновыми. Однако эти погребения все же четко обособляются от урновых и поэтому могут быть рассмотрены отдельно. По обрядовым признакам они делятся на три группы. К первой относятся погребения с очищенными пережженными костями, как в урне, так и в яме, ко второй — погребения с очищенными костями в урне и неочищенными в яме, к третьей — погребения с неочищенными костями в урне и яме. Все эти группы на большинстве могильников представлены единичными погребениями. Форма и размеры погребальных ям те же, что у погребений других видов, в первую очередь урновых. По характеру вещей и их размещению они также не отличаются от урновых погребений.

Из всех погребений, известных для колочинской культуры, только одно нельзя отнести ни к одному из трех основных видов, а именно погребение 14 Усохского могильника. Пережженные кости в нем находились в центре ямы «в виде компактного скопления — вероятно, они были помещены в яму в какой-то емкости, до наших дней не сохранившейся» [Падин 1974: 134]. Подобные черты имеют так называемые спрессованные погребения пшеворской культуры, к которым причисляются погребения с останками, находившимися в каких-либо вместилищах из органического материала — дерева, бересты, кожи, ткани [Никитина 1974: 63].

Для количественного выражения погребального обряда, выяснения его основных черт составлен список признаков, характеризующих виды колочинских погребений. В него включены специфические признаки, являющиеся наиболее значимыми для определения характера погребения. По таким признакам и их сочетаниям выделены группы или варианты погребений, соотношение между которыми на отдельных памятниках устанавливается подсчетами, сведенными в таблицу. Для более полного исследования картины погребального обряда в таблицу введены графы с подсчетами общих признаков и таких, которые лишь конкретизируют или уточняют, но не определяют особенности различных видов погребений (рис. 2). В таблице они не получили цифрового (кодowego) обозначения.

Признаки урновых погребений¹:

- 1) урны с очищенными пережженными костями;
- 2) урны с неочищенными костями;
- 3) очищенные кости в урне и в яме;
- 4) очищенные кости в урне, в яме — неочищенные;
- 5) неочищенные кости в урне и в яме;
- 6) урна открытая, в обычном положении;
- 7) точно так же поставленная урна, но накрытая «диском» или сковородкой;
- 8) урна в обычном положении накрыта частью сосуда или (8а) частью сосуда прикрыты только кости внутри урны;
- 9) урна, поставленная на дно ямы, накрыта другим, перевернутым вверх дном, сосудом;
- 10) перевернутый вверх дном сосуд прикрывает кости внутри урны, стоящей в обычном положении;
- 11) урна помещена в более крупный сосуд, стоящий на дне ямы в обычном положении. 11а — урна, находящаяся внутри другого сосуда, прикрыта частью сосуда;
- 12) урна перевернута вверх дном и прикрывает кости, сложенные на дно ямы;
- 13) пережженные кости перемешаны с остатками костра;
- 14) очищенные пережженные кости;
- 15) наличие отдельной ямы с костями жертвенных животных;
- 16) наличие прямоугольной оградки-частокола.

Систематизация погребального обряда позволяет прийти к следующим выводам.

1. Для колочинской культуры характерны три вида погребений — урновые, безурновые и смешанные, выступающие на разных памятниках в неодинаковом количественном соотношении (рис. 2). На большинстве их (7 из 9 исследованных) наиболее многочисленны безурновые погребения. В Новом Быхове безурновым принадлежат 38 погребений из 41 обнаруженного, или 92,6 %, в Усохе — 15 из 18, или 83,3 %, в Тайманове 143 из 165, или 86,8 % (в 20 случаях из 37, т. е. 54 %, определяющихся по характеру), в Лебяжьем I — 55 из 79, т. е. 69 %. Лишь на одном могильнике, Княжинском, безурновых погребений оказалось меньше, чем урновых и смешанных вместе взятых, всего 3 из 24 исследованных, т. е. 12,5 %. В Нижней Тошице эти погребения составили равное число с урновыми и смешанными вместе взятыми.

2. Безурновые погребения, как уже отмечалось, в большинстве содержат неочищенные пережженные кости. На некоторых памятниках — Усох, Княжий, Авдеево, Смяч — вообще не обнаружены «чистые» погребения. В Нижней Тошице и Картамышеве II представлено всего по одному «чистому» безурновому погребению. В Новом Быхове на 10 безурновых погребений с очищенными костями приходится 28 погребений с остатками костра. «Чистые» безурновые погребения численно несколько преобладают лишь на одном могильнике, Лебяжье I, на котором их насчитывается 29, тогда как погребений с неочищенными костями 26.

В то же время среди урновых погребений всех без исключения памятников численно преобладают «чистые», а погребения с неочищенными костями единичны или вообще отсутствуют, как, например, в Княжьем, Авдеево, Усохе, Новом Быхове.

Из смешанных погребений наиболее характерны погребения с очищенными костями в урне и неочищенными в яме. Они обнаружены на четырех памятниках, причем на двух из них имеют численное преимущество среди смешанных погребений.

3. Одна из основных черт колочинских могильников определяется преобладанием безынвентарных погребений. На некоторых памятниках «пустые» погребения составляют до 80—90 %. В Ново-Быхове их насчитывается 34 (82 %), в Нижней Тошице — 11 (91 %), в Тайманове — 85 (51 %), в Княжьем — 20 (85 %), в Лебяжьем I — 59 (60 %), в Картамышево II — 23 (67 %), в Усохе — 12 (66 %). Таким образом, на всех наиболее сохранившихся и полно исследованных могильниках безынвентарные погребения составляют если не абсолютное, то относительное большинство. При этом отсутствие вещей не является признаком, свойственным погребениям только одного какого-то вида — безурновым, урновым или смешанным. Этот признак присущ погребениям разных видов примерно в одинаковой степени, и то, что он отмечается при подсчетах чаще для безурновых погребений, скорее всего, объясняется численным преобладанием последних на большинстве памятников (см. табл. II).

4. Погребальные памятники Курского Посеймья и Верхнего Псла отличаются некоторым своеобразием. Так, только здесь известны безурновые двукладные погребения с прямоугольной столбовой оградкой. Помимо Картамышева II, такие погребения имелись, по всей видимости, и на Лебяжьем I. К числу их относятся, в первую очередь, погребения, обозначенные Ю. А. Липкингом как парные, — № 10 и 10а, 11 и 11а и др. Все они характеризуются теми же признаками, что и погребения с оградками Картамышева II.

¹ Признаки с 6 по 12 см. на рис 1.

Таблица II

Распределение инвентарных погребений по способу погребения

Район	Памятники	Количество погребений с вещами		
		безурновые	урновые	смешанные
Юго-Восточная Белоруссия	Новый Быхов	7		
	Нижн. Тошица		1	
	Тайманово	?	?	?
Курское Посеймье, Верхний Псел	Авдеево		1	
	Княжий	2	1	1
	Лебяжье I	29	3	3
	Картамышево II	6	2	4
Подесенье	Смяч	1		
	Усох	5	1	
Сев. Белоруссия, Смоленщина, Псковщина	Акатово		3	
	Узмесь	7		
	Ревячка	1		

Кости животных из погребений Картамышева II в большинстве принадлежат лошади. Лишь в одном погребении находились кости не только лошади, но и овцы или козы, а также кости медведя.

Анализ костных остатков из Картамышева II, выполненный Н. М. Ермоловой (см. в приложении к статье В. М. Горюновой в настоящем сборнике), наводит на мысль, что различия в характере захоронений этого памятника находятся в некоторой зависимости от половозрастной принадлежности погребений. Дело в том, что урновые погребения Картамышева II, которые поддаются антропологическому определению, содержат только кости ребенка и, таким образом, наличие урны в захоронении с достаточно высокой степенью вероятности может свидетельствовать о присутствии в погребении останков ребенка. Кости животных в этих погребениях всегда отсутствуют. В то же время, безурновые погребения, как показывает антропологический анализ, характеризуется наличием останков только взрослых индивидуумов — женщин или мужчин. Кроме того, в данных погребениях нередко кости животных, которые, как уже было сказано, ни разу не отмечены в погребениях с урнами.

Мнение о половозрастных отличиях между урновыми и безурновыми погребениями Картамышева II вполне согласуется и с результатами анализа вещевого инвентаря. В Картамышеве II он найден главным образом в безурновых погребениях и состоит из вещей индивидуального пользования — орудий труда, украшений, в принадлежности которых взрослым индивидуумам не приходится сомневаться.

5. Урновые погребения на многих памятниках образуют несколько групп, отличающихся друг от друга по одному или двум признакам: по положению урны в погребении, присутствию или отсутствию угля. Наиболее характерной из них следует признать группу из «чистых» погребений в открытой урне, находящейся в обычном положении. Урновые погребения с такими признаками наиболее многочисленны на всех памятниках. Типичны для колочинской культуры и погребения с урнами, накрытыми перевернутым вверх дном сосудом. Они обнаружены в Княжьем, Лебяжьем I, Картамышеве II и в Тайманове, т. е. в четырех из 9 исследуемых в работе могильников. Урновые погребения, характеризующиеся сочетанием других признаков, имеются лишь на отдельных памятниках, причем и на них такие погребения единичны.

6. Смешанные погребения обычно численно уступают погребениям других видов. Только в Тайманове их насчитывается 15, тогда как урновых всего 7. Наиболее многочисленную группу образуют погребения, содержавшие одновременно очищенные и неочищенные кости: очищенные — в открытой урне, неочищенные — в яме между ее стенками и урной. Такие погребения исследовались в Нижней Тошице, Княжьем, Лебяжьем I и Картамышеве II. В Нижней Тошице к их числу принадлежат три из четырех имеющихся смешанных погребений, в Лебяжьем I — пять из двенадцати.

7. К общим или объединяющим признакам колочинских памятников относится наличие в безурновых могилах отдельных обломков лепной посуды, а также осколков и бесформенных отщепов кремня. Первый признак прослеживается на всех без исключения памятниках, хотя и в различном количественном выражении. Так, если в Лебяжьем I из 55 безурновых погребений обломки керамики содержат 42 (около 76 %), то в Картамышеве II этот признак отмечен в 11 погребениях из 20 (около 50 %), а в Новом Быхове еще реже — лишь в 9 погребениях из 38 (несколько более 20 %). Чем объясняются эти колебания, остается неясным, но, видимо, не географическим положением памятников и не различным количеством на каждом безурновых погребений.

Другой признак — наличие в погребении осколков и отщепов кремня, — несомненно, менее характерен для погребального обряда колочинской культуры. Он прослеживается лишь в 14 погребениях четырех памятников — Новый Быхов, Княжий, Лебяжье I и Картамышево II.

Систематизация погребального обряда колочинской культуры, предложенная в настоящей работе, может рассматриваться как предварительная. Она охватывает фактически только 9 памятников, включая сильно разрушенные и недостаточно исследованные. В немалой степени изучение погребального обряда культуры осложняется невысоким

уровнем отдельных публикаций, содержащих самое общее описание деталей обряда, к тому же взятых выборочно, а не во всей их сумме. Отсюда возможны некоторые ошибки в подсчетах признаков и основанных на них выводах.

Многое все же представляется бесспорным, прежде всего, единообразие погребального обряда на всей территории культуры. Практически невозможно выделить локальные группы, характеризующиеся численным преобладанием того или иного признака. Отличия между памятниками выражены слабо и к тому же их характер не всегда очевиден. В отдельных случаях они, видимо, связаны не с объективным проявлением погребального обряда, а с другими причинами, в том числе и не имеющими к нему отношения: со степенью изученности памятников, недостаточной полевой фиксацией погребений и т. д. Очевидно также, что отличия, выраженные в подсчетах признаков, могут быть и просто хронологическими. Принятые в литературе датировки многих памятников суммарны, действительные временные рамки их намного более узкие и, несомненно, не совпадают друг с другом.

Некоторая дифференциация или градация памятников намечается лишь по одному показателю — количественному соотношению различных видов погребений (рис. 2). Как уже отмечалось, большинство памятников характеризуется преобладанием безурновых погребений. На одних памятниках погребений этого вида насчитывается до 80—90 %, на других — много меньше, около 50 %, и, соответственно, иное количество урновых и смешанных погребений. На двух памятниках урновые и смешанные погребения вместе взятые составляют большинство. В Нижней Тошице на 12 безурновых погребений приходится 24 смешанных и урновых, в Князьем количество безурновых погребений еще меньше и не превышает 12 %.

По количественному соотношению различных видов погребений могильники подразделяются на две основных группы. Одну, с очень высоким процентом безурновых погребений (их более 80 %), образуют могильники Новый Быхов, Тайманово, Усох, другую — остальные памятники, на которых безурновые погребения имеют менее ошутимое количественное преимущество или вообще его лишены (рис. 2). Поскольку дифференциация памятников не связана с их локальным расположением, то она отражает скорее эволюцию и динамику развития погребального обряда. Это мнение находит подтверждение и в широких временных пределах колочинской культуры, охватывающей не менее трех столетий — конец IV—VII в., ибо трудно допустить, что погребальный обряд за столь длительное время не претерпел никаких изменений.

Хронологически лучше определяется вторая группа благодаря находкам датирующих вещей в погребениях Лебязьего I, Картамышева II — деталей поясного набора (погребения 3, 68, 67, 12 Лебязьего I, погребение 9 Картамышева II), бронзовой литой фибулы с решетчатым орнаментом на прямоугольном щитке (погребение 16 Картамышева II) и др. Можно полагать, что общие временные рамки этой группы соответствуют VI—VII вв.

Что касается первой группы, то она предположительно может быть датирована концом IV—VI в., т. е. временем наиболее ранних колочинских поселений, таких как Ульяновка, Роище, Заярье на Десне, Новые Безрадицы на Киевщине и др. Надежных оснований для ее датировки не имеется из-за отсутствия в погребениях датирующих вещей. Если же обратиться к керамике Нового Быхова и Тайманова, то анализ ее не противоречит предложенной датировке. Так, среди набора керамических форм этих могильников отмечается присутствие реберчатых форм, характерных в основном для раннего пласта колочинских древностей. Датировка Таймановского могильника может быть уточнена опосредованно по бронзовой двучленной фибуле с ромбической ножкой (IV в., группа 17, подгруппа 3 по: [Амброз 1966: 70]). Эта фибула была найдена на поселении, связанном с могильником. В одном из погребений Усоха присутствовала оплавленная пальчатая фибула керченского типа (по определению Г. Ф. Корзухиной), датируемая VI в. и несколько более поздним временем.

Таким образом, мнение о разновременном характере выделенных групп в целом является оправданным, хотя и не может считаться единственно возможным. Окончательное решение этого вопроса, очевидно, дело будущего.

Литература

- Амброз 1966: Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М.
 Архив ИА АН Украины, ф. 7 (А. С. Федоровского), д. 3.
 Архив ИИМК РАН России, ф. 5 (А. А. Спицына), д. 334.
 Артишевская 1963: Артишевская Л. В. Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. 108. С. 85—96.
 Бессарабова 1973: Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжениями и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. 15. С. 65—82.
 Горюнов 1974: Горюнов Е. А. Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине // РВД. С. 119—125.
 Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
 Липкинг 1974: Липкинг Ю. А. Могильники середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // РВД. С. 136—152.
 Макаренко 1906: Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК. С. 22.
 Никитина 1974: Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культуры полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э. М.
 Падин 1960: Падин В. А. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска // СА. 3. С. 317—319.
 Падин 1974: Падин В. А. Древности VI—VII вв. в окрестностях Трубчевска // РВД. С. 132—135.
 Поболь 1973: Поболь Л. Д. О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв. // Славяните и средиземноморският свят VI—XI век: Международен симпозиум по славянска археология. София. С. 221—230.
 Поболь 1974: Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // РВД. С. 151—180.
 Самоквасов 1915: Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М. С. 3—5.
 Сымонович 1974: Сымонович Э. А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска // РВД. С. 153—158.

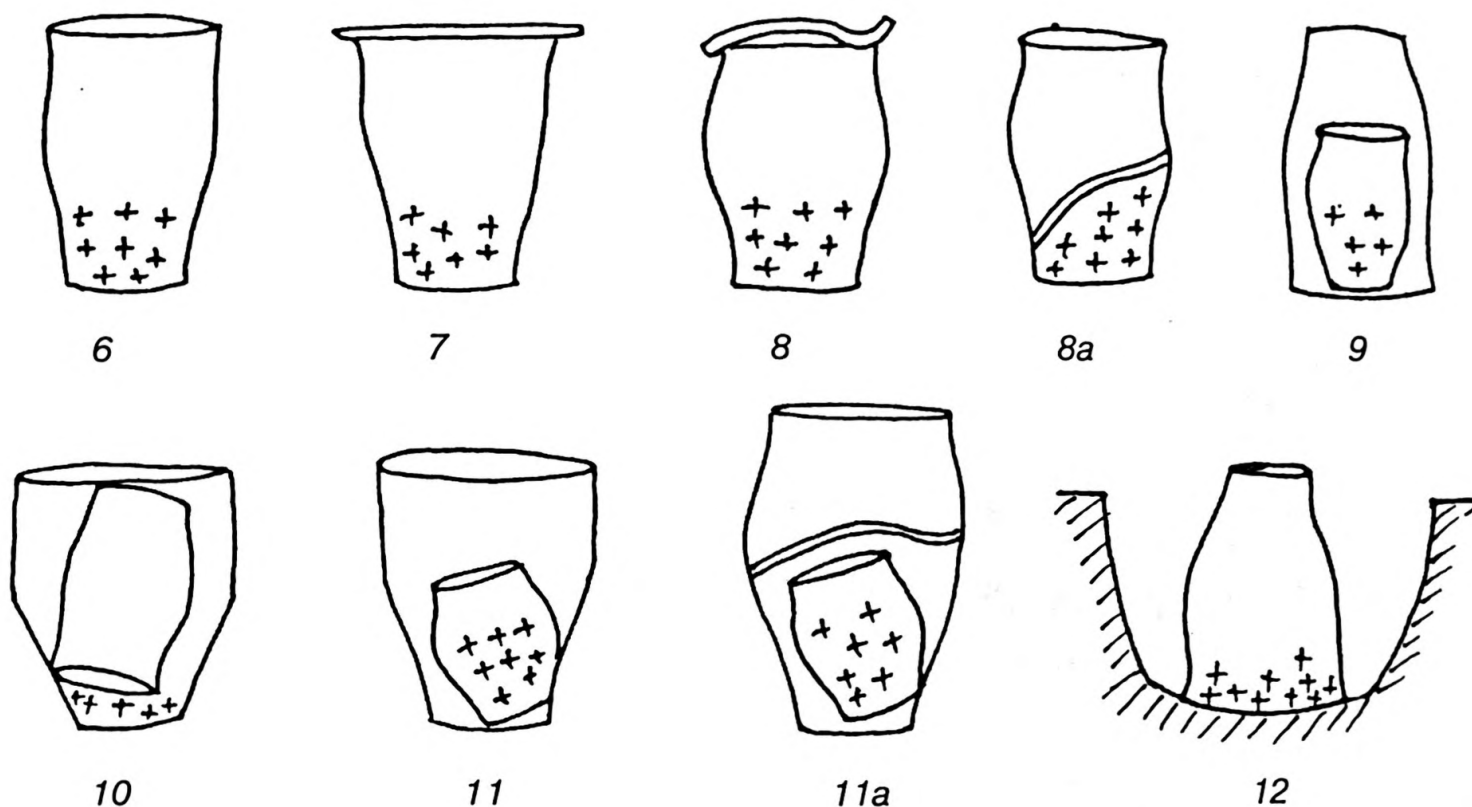

Рис. 1. Основные группы урновых погребений

район /дата	V – VI вв.	VI – VII вв.		
Юго-Восточ. Белоруссия	Нов. Быхов. 	Тайманово 	Н. Тошица 	
Подесенье	Усох 			
Курское Посеймье. В. Псел		Лебяжье I 	Кртымышево II 	Княжий
Смоленщина Псковщина	Узмень 	Акатово 		

Рис. 2. Соотношение урновых, безурновых и смешанных погребений в могильниках разных территорий и разного времени
Условные обозначения: 1 — погребения неустановленного характера и времени; 2 — урновые и смешанные погребения;
3 — безурновые погребения

В. М. Горюнова

Могильник VI—VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области¹

Днепровской левобережной экспедицией в 1978—1991 гг. на Верхнем Псле между г. Суджа и г. Обоянь Курской области было обследовано свыше 50 археологических памятников I тыс. Наиболее эффективными оказались работы, осуществленные под руководством Е. А. Горюнова на дюне в 0,3—0,4 км к югу от с. Картамышево Обоянского района², где при исследовании постзарубинецкого поселения II в. неожиданно выступил еще один «горизонт» памятника, который был связан с колочинской культурой (рис. 1, 2).

Ему принадлежат 44 грунтовых захоронения по обряду сожжения, урновых и безурновых, обнаруженных в пределах основной части раскопа площадью 1826 м².

Могильник расположен на дюне, вытянутой вдоль поймы правого берега р. Псла. Длина дюны около 200 м при ширине 60—80 м и высоте над поймой 4,0—4,5 м. Вершина и склоны дюны в местах, подвергшихся эрозии, нарушены выдувами, некоторые из них тянутся на десятки метров и достигают глубины 1,5 м. Одна из таких впадин прорезает юго-восточный склон дюны, занимаемый могильником. Появление и постепенное разрастание ее под действием ветра привело к гибели 25—30, а может быть и более погребений.

Исследованные погребения имеют ряд общих черт. Все они ямные, не проявляющие себя на поверхности дюны. Контуры ям прослеживались в материковом песке на глубине 0,3—0,4 м от дневной поверхности. Лишь у небольшого числа погребений, выявленных в культурном слое II в., границы ям были не всегда четкими. В расположении погребений не наблюдалось хорошо выраженной систематичности. Расстояние между ними колебалось от 0,5—0,7 м до 8—10 м, чаще же оно не превышало 2—3 м. В семи случаях удалось проследить, а в двух — предположить наличие погребальных оградок-часток, ограничивавших площадку, на которой совершалось захоронение. Все они прямоугольные в плане, почти одинаковых размеров. При описании этих конструкций использован термин «погребальное сооружение». Следует также отметить, что погребения почти никогда не нарушают друг друга, и это позволяет полагать, что все они в свое время имели какие-то наземные знаки. Редкие случаи перекрывания свидетельствуют лишь о значительном временном разрыве между погребениями, в течение которого утрата внешних признаков вполне естественна.

Погребальное сооружение I обнаружено на глубине 0,4 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 4, Л). От него сохранилась прямоугольная площадка, ограниченная со всех сторон узкой канавкой. Она ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад и имеет размер 2,1×1,5 м. Ширина канавки 0,2—0,3 м, глубина от 0,1 до 0,16 м. Дно неровное, с неровными впадинками, не имеющими четкого контура, глубиной до 0,22 м. Заполнение канавки гумусированное песчаное, серого цвета, местами с включениями желтого песка. При разборке погребального комплекса найдено до 10 небольших обломков стенок лепных сосудов. Вход на площадку располагался с западной стороны, с которой разомкнута канавка. В центре площадки выявлено углистое пятно, возможно, от разрушенного погребения. Диаметр пятна 0,6 м.

Погребение 1. Располагалось в круглой яме диаметром 0,5 м, глубиной 0,35 м (рис. 3, Л)³. Пережженные кости женщины⁴ находились в верхней части ямы и были перемешаны с золой и мелкими углями. Среди костей у восточно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-01-00228а «Археологические памятники I тыс. н. э. на Верхнем Псле (Этнокультурная история микрорегиона)».

² Дюна у с. Картамышево впервые была обследована курским краеведом и археологом Г. П. Сосновским в начале нашего столетия. Характеризуя керамику, найденную при сборах, Г. П. Сосновский отмечал, что она в общей массе лепная, грубой выделки и лишена орнамента. Опубликованные Г. П. Сосновским сведения указывали на наличие близ с. Картамышево древнего поселения, это и подтвердили исследования 1979—1980 гг. [Сосновский 1911: 318; Сосновский, Архив].

³ Глубина погребальной ямы дается от уровня материка.

⁴ Определение костного материала было выполнено Н. М. Ермоловой. Работа была проведена только на материалах 1979 г. (погребения № 1—36). См. табл. I. В таблицу не внесены погребения, костный материал которых не поддавался определению.

го края ямы находилось глиняное пряслице (рис. 6, 21) и обломок лепного сосуда. У северной стенки ямы лежал железный нож, покрытый окалиной (рис. 6, 16).

Погребение 2. Урновое. Сосуд-урна (рис. 7, 3) с пережженными костями ребенка, очищенными от углей, стоял в центре ямы диаметром 0,40 м, глубиной 0,15 м. Заполнение ямы — песчаное слегка углистое (рис. 3, 2).

Погребение 3. Обнаружено в овальной ямке размером 0,43×0,32 м, глубиной 0,1 м. В ямке лежало несколько мелких кальцинированных костей, перемешанных с золой и углями (рис. 3, 3).

Погребение 4. Находилось в яме в плане округлой формы, диаметром 0,40 м, глубиной 0,12 м (рис. 3, 4). Яма снизу доверху была заполнена очищенными пережженными костями, среди них некоторые определяются как человеческие. Между костей найдено десять кусочков оплавленных бронзовых украшений (рис. 6, 14), обломок груболепного сосуда с примесью шамота в тесте.

Погребение 5. Нарушено с северной стороны передвижением песка. Сохранилось основание ямы диаметром 0,5 м, глубиной 0,1 м (рис. 3, 5). В углистом заполнении ямы найдены пережженные кости (до трех десятков, в том числе человеческие), а также три мелких обломка лепной керамики и бронзовая заклепка (?) костяного гребня или какой-то другой поделки. В 0,4 м к северу от погребения 5 встречен фрагмент боковой пластины (?) костяного гребня, покрытый циркульным орнаментом (рис. 6, 10). Вполне вероятно, что он происходит из разрушенной части этого погребения.

Погребение 6. Урновое (рис. 3, 6). Урна, которой служил лепной горшок, стояла на дне овальной ямы размером 0,52×0,32 м, глубиной 0,20 м. Заполнение ямы углистое. Пережженные кости ребенка, среди которых попадались отдельные угольки, едва покрывали дно горшка. Кости были прикрыты сверху фрагментом дна лепного сосуда (рис. 7, 4, 5).

Погребение 7. Выявлено в культурном слое на глубине 0,3 м от современной поверхности. Располагалось в округлой ямке, контуры которой удалось определить по углистому заполнению. Последнее на всю глубину ямки включало мелкие кальцинированные кости, среди которых выявлены человеческие (рис. 3, 7).

«Погребение» 8⁵. Располагалось между погребениями 7 и 9 на той же глубине в овальной яме размером 1,0×0,6 м, глубиной 0,15 м (рис. 3, 8). Пережженные кости (несколько десятков) были ссыпаны в яму вместе с золой и углями. Определением выявлены кости копытного животного (лошадь?). Среди костей найдены три мелких фрагмента лепной керамики.

Погребение 9. Выявлено в овальной яме размером 0,50×0,38 м, глубиной до 0,20 м. Яма снизу доверху была заполнена пережженными человеческими костями, сравнительно крупными, перемешанными с золой и углями (рис. 3, 9). В 0,4 м к югу от погребения на уровне материка встречен бронзовый наконечник ремня (рис. 6, 12).

«Погребение» 10. Обнаружено в округлой яме диаметром 0,8 м, глубиной 0,2 м (рис. 3, 10). Имеет тот же характер, что и погребение 8. Пережженные кости, в общей массе довольно крупные, находились вместе с золой и углями. Найдено несколько десятков костей, среди которых достоверно принадлежащих человеку не оказалось. Их анализ показал присутствие нескольких костей лошади и, возможно, овцы или козы. Найден также обломок лепного сосуда.

Погребение 11. Выявлено на глубине 0,3 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 3, 11). Захоронение совершено в округлую яму диаметром 0,50 м, глубиной 0,15 м. Пережженных костей найдено около четырех десятков. Они лежали среди золы и углей. Определены кости человека. В погребении также оказались обгоревший зуб парнокопытного (корова?), кости овцы-козы, коготь медведя. Найдены бронзовая трапециевидная подвеска, обломок пластинчатого украшения (рис. 6, 7, 13) и два фрагмента лепной керамики.

Погребение 12. В округлой ямке диаметром 0,25 м, глубиной 0,1 м, заполненной углистым песком, находились единичные (4—5 шт.) пережженные человеческие кости (рис. 3, 12).

Погребение 13. Разрушенное урновое. Обнаружено в культурном слое. Контуры погребальной ямы не прослеживаются (рис. 3, 13). Целая урна с очищенными от угля и золы костями ребенка была прикрыта перевернутым кверху дном более крупным лепным горшком. Оба сосуда, особенно урна, сильно повреждены при вызванных ветром передвижениях песка (рис. 7, 1, 2).

Погребение 14. Располагалось в округлой ямке диаметром 0,36 м, глубиной 0,12 м (рис. 3, 14). Пережженные человеческие кости были единичными, перемешанными с углем и пеплом. Среди них находился фрагмент лепного сосуда. Погребение имеет тот же характер, что и погребение 12. Пятно погребения 14 выступило на глубине 0,36 м от современной поверхности.

Погребение 15. Сильно разрушено, урновое (рис. 3, 15). Сохранились отдельные части лепного горшка-урны (рис. 8, 7) с 5—6 пережженными костями человека, очищенными от золы и углей (?). Размер ямки, в которую была опущена урна, определяется по углистому пятну. Его диаметр — 0,3 м.

Погребальное сооружение II с захоронениями 16, 17, 18 (рис. 4, 11). Погребения 16, 17, 18⁶ выявлены на глубине 0,32—0,34 м от уровня современной дневной поверхности в пределах прямоугольной песчаной площадки, ограниченной со всех сторон узкой канавкой, заполненной гумусированным серым песком. Площадка имеет размеры 3,2—3,4×2,0 м, вытянута по длинной оси с востока на запад с небольшим отклонением. Ширина канавки 0,20—0,25 м, глубина в материке 0,13—0,16 м. Дно неровное. В пределах канавки прослежены нечеткие контуры трех ямок, в плане овальных, глубиной одна 0,20 м, другая — 0,35 м, третья — 0,21 м. Из канавки происходят три обломка лепных сосудов.

Погребение 16 (восточное). Находилось в округлой ямке диаметром 0,50 м, глубиной 0,15 м. Несколько десятков пережженных костей, принадлежавших женщине (?) были перемешаны с углями и золой. В центре ямы на глубине 0,07 м

⁵ В кавычки взято обозначение тех объектов, где анализ костей выявил кости только животных.

⁶ Судя по расположению погребения № 17, оно не входило в комплекс погребального сооружения II. Оно почти перекрывало погребение № 18 в оградке.

была обнаружена уникальная литая бронзовая фибула (рис. 6, 17) с прямоугольным щитком и узкой ножкой, плавно изогнутой и выступающей вперед. На ножке — личина. Щиток покрыт решетчатым орнаментом. На разной глубине среди костей находились девять обломков лепных сосудов.

Погребение 17. Урновое. Лепной сосуд (рис. 8, 8) с очищенными пережженными костями человека был помещен на дно округлой ямы диаметром 0,36 м, глубиной 0,30 м. Заполнение ямы состояло из гумусированного серого песка. С западной стороны урны, на уровне ее верха, лежал на боку небольшой лощеный лепной сосудик (рис. 8, 2), не содержащий костей. На дне ямы найдено бронзовое круглопроволочное кольцо. Другое такое же кольцо находилось в урне среди пережженных костей (рис. 6, 15).

«Погребение» 18 (западное). Совершено в большую округлую яму диаметром 0,67 м, глубиной 0,35 м. Яма была снизу доверху заполнена пережженными костями, перемешанными с углем и пеплом. Среди костей нет достоверно принадлежащих человеку. В то же время в погребении оказались два обломка лопатки и хвостовой позвонок лошади или, что менее вероятно, коровы. В центре ямы на глубине 0,04 м среди костей находился серебряный язычок поясной пряжки (рис. 6, 18) и фрагменты от двух сосудов (рис. 8, 4, 6).

Погребение 19. Имеет тот же характер, что и погребения 12, 14. Оно содержало единичные пережженные кости человека. Последние находились в верхней части округлой ямки диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м. Ямка была заполнена углистым песком (рис. 3, 19).

Погребение 20. Единичные пережженные кости (6—8 шт.) находились в углистом заполнении округлой ямки. Диаметр погребальной ямы 0,30 м, глубина 0,16 м. Кости (часть их?), видимо, принадлежали животному (рис. 3, 20).

Погребение 21. Урновое, во многом напоминает погребение 17 (рис. 3, 21). В центре округлой ямы диаметром 0,36 м, глубиной 0,20 м, заполненной серым песком, находился лепной горшок (рис. 8, 5). Внутри этого горшка лежал на боку маленький лощеный сосудик (рис. 8, 3), содержащий мелкие единичные пережженные кости человека (ребенка?). Несколько пережженных костей обнаружено на дне большой урны. На середине высоты последней, прикрывая сверху маленький сосудик, находился фрагмент придонной части еще одного сосуда. В центре он имел округлое отверстие диаметром около 1 см (рис. 8, 1).

Погребение 22. Урновое разрушенное, в округлой ямке диаметром 0,4 м, глубиной 0,3 м (рис. 3, 22). Выявлено на глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности. Лепной горшок (рис. 9, 3), наполненный очищенными пережженными костями девочки-подростка, находился на дне ямки и был прикрыт перевернутым вверх дном несколько более крупным сосудом (рис. 9, 2). Оба сосуда оказались сильно деформированными. Заполнение ямы, в которой они находились, было углистым.

Погребальное сооружение III с захоронениями 23 и 24 (рис. 4, III). Последние подобны погребениям 16 и 18, обнаружены в пределах прямоугольной песчаной площадки, ориентированной по длинной оси с востока на запад и ограниченной со всех сторон узкой канавкой.

Размер площадки составляет 2,6×1,5 м, ширина канавки 0,2 м, глубина 0,15—0,16 м. Дно канавки неровное, с отдельными впадинами глубиной 0,20—0,26 м. Канавка была заполнена серым, местами серо-желтым песком.

«Погребение» 23 находилось в западной половине площадки. Совершено в округлую яму диаметром 0,55 м, глубиной 0,4 м. Пережженные кости прослеживались в пределах всей ямы на всю ее глубину. Вместе с ними находились угли, зола и отдельные обломки лепных сосудов. Среди костей нет достоверно принадлежащих человеку, определяются кости лошади или, что менее достоверно, коровы.

Погребение 24 находилось в восточной половине площадки и занимало округлую яму диаметром 0,6 м, глубиной 0,2 м. Пережженные кости из этого погребения также многочисленны. Они определяются как человеческие. Кости находились среди золы и углей.

Погребение 25. На дне овальной ямы, вытянутой с юго-запада на северо-восток, размером 0,62×0,40 м, глубиной 0,33 м (рис. 3, 25) находились два лепных горшка (рис. 9, 1, 4), содержавшие единичные пережженные кости человека. Расстояние между урнами 15 см. Яма была заполнена серым песком.

Погребение 26. Урновое, разрушенное (рис. 3, 26). На дне округлой ямы диаметром 0,70 м, глубиной 0,36 м находился большой сосуд с поврежденной верхней частью (рис. 10, 1). Он был заполнен золой и углем и содержал небольшое количество мелких пережженных костей человека. На дне урны найдено глиняное пряслице и отщеп кремня (рис. 6, 9, 23). Заполнение ямы на глубину до 0,15 м было серо-коричневым, ниже — черным углистым.

Погребение 27. Нарушено погребением 26 (рис. 3, 27). В овальной яме размером 0,5×0,4 м, глубиной 0,32 м, заполненной серым песком, на середине глубины найдены молочные зубы и кости черепа ребенка (от двух до шести-семи лет). Рядом лежали четыре стеклянные бусины — три круглые патицизированные и еще одна — глазчатая из темного стекла (рис. 6, 5). Контуры ямы четко не прослеживались.

Погребальное сооружение IV с захоронениями 28 и 29 (рис. 4, IV). Погребения 28 и 29 находились в пределах прямоугольной песчаной площадки, ограниченной узкой канавкой. Площадка размером 2,0×1,6—1,8 м вытянута с юго-запада на северо-восток. Вход шириной 0,6 м располагался с северо-восточной стороны. Ширина канавки 0,16—0,2 м, глубина 0,15 м. Дно канавки покрывали ямки с нечеткими границами, глубиной от 0,2 до 0,3 м.

Погребение 28 занимало округлую ямку диаметром 0,64 м, глубиной 0,2 м. Пережженные кости человека, в общей массе мелкие, лежали в яме вместе с золой и углями. Среди них находились три мелких обломка лепной керамики и осколок кремня.

«Погребение» 29 располагалось на расстоянии 0,2 м от погребения 28 в округлой яме диаметром 0,9 м, глубиной 0,14 м. Пережженные кости лошади (несколько десятков), перемешанные с углем и пеплом, находились в пределах всей ямы. Кроме них найдены отдельные мелкие обломки лепной керамики, один из которых от реберчатой миски II в.

Погребение 30. Урновое, разрушенное (рис. 3, 30). Лепной горшок (рис. 10, 4) с очищенными пережженными костями человека оказался раздавленным землей. Он находился на дне округлой ямки диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м, заполненной гумусированным серым песком.

Погребение 31. Ямное, безурновое (рис. 3, 31). Пережженные кости находились вместе с углем и золой в округлой яме диаметром 0,7 м, глубиной 0,2 м. Костей сравнительно немного. Все они определяются как человеческие.

Погребение 32. Урновое, выявлено в культурном слое в пределах ямки с нечетким контуром, диаметр 0,4 м, глубина 0,2 м (рис. 3, 32). Урна (рис. 10, 3) содержала пережженные кости человека, перемешанные с углем и пеплом. Единичные пережженные кости находились и на дне ямы в углистом песке.

Погребение 33. Ямное, безурновое (рис. 5, 33). По характеру идентично погребениям 12, 14. Единичные пережженные кости (3—4 шт.) находились в верхней части округлой ямки диаметром 0,32 м, глубиной 0,1 м, заполненной углистым песком.

Погребение 34 нарушило канавку сооружения V (рис. 4, V, 34). Обнаружено в округлой яме диаметром 0,6 м, глубиной 0,2 м. Пережженные человеческие кости (около 20 шт.) находились среди угля и золы на дне ямы.

Погребальное сооружение V и погребение 35 (рис. 4, V). *Погребение 35* обнаружено в пределах прямоугольной площадки, ограниченной со всех сторон узкой (шириной 0,2 м) канавкой. Площадка ориентирована с северо-востока на юго-запад, с юго-востока нарушена погребением первой четверти XX в., с севера — погребением № 34.

Глубина канавки 0,16—0,18 м, дно неровное, покрыто отдельными ямками глубиной от 0,26 до 0,38 м. Площадка имеет размер 2,1×1,2 м, она находилась на глубине 0,22—0,30 м от уровня современной дневной поверхности.

Погребение 35 — разрушенное урновое, обнаружено у восточного края площадки в округлой ямке диаметром 0,3 м, глубиной 0,1 м. В углистом заполнении ямки находилось днище от разбитой и не сохранившейся лепной урны. Костей нет.

В отличие от других погребальных сооружений это не содержало второго жертвенного погребения с костями животных.

Погребение 36 располагалось в округлой яме диаметром 0,6 м, глубиной 0,3 м (рис. 5, 36). Пережженные кости (около 15 шт.) находились среди углей и золы. Вместе с ними лежали отдельные обломки лепной керамики и около 10 мелких сплавившихся фрагментов бронзовых украшений, среди которых один принадлежал браслету с утолщенным концом (рис. 6, 11).

Погребение 37 обнаружено на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 37). Лепной сосуд-урна находился на дне округлой ямки размером 0,58×0,52 м, глубиной 0,22—0,24 м от уровня материка. Действительная глубина погребальной ямы примерно соответствовала высоте урны, т. е. 24—30 см. Это был крупный горшок с выпуклым гуловом, на середине высоты которого находился максимальный диаметр (рис. 10, 2) Урна с одного бока несколько деформирована тяжестью земли. Погребение смешанное: пережженные кости находились и в урне и в яме. Причем и там и тут они оказались перемешанными с углем. В урне костей было примерно в три раза больше, чем в яме (350 против 120 шт.). В яме кости не образовывали компактной массы, хотя были сосредоточены главным образом у её верха (до глубины 10—15 см). На эту же глубину прослеживались и угли. Ниже до дна ямы шел серо-коричневый песок, в котором найдены всего 2—3 пережженные кости. Вне урны среди пережженных костей лежали глиняное биконическое пряслице (рис. 6, 19) и два мелких фрагмента оплавленных бронзовых украшений (рис. 6, 1).

Погребение 38. Урновое разрушенное (рис. 5, 38). Обнаружено в культурном слое на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности. От него сохранилась нижняя часть лепного сосуда (рис. 11, 3) с единичными пережженными костями, очищенными от золы и углей. Ямка, в которой стояла урна, в плане была овальной, размером 0,40×0,34 м, в материк углублена всего на 7—8 см.

Погребение 39. Урновое, разрушенное (?). Обнаружено в культурном слое на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 39). Сохранилась небольшая ямка, в плане округлая, диаметром 0,3 м, углубленная в материк на 0,1 м, заполненная слегка углистым черным песком. С пятном ямы связаны 2—3 мелкие пережженные кости и крупный фрагмент сосуда, возможно, принадлежавший разбитой урне (рис. 11, 2).

Погребение 40. Урновое, разрушенное (рис. 5, 40). Было выявлено на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности в яме округлой в плане формы диаметром 0,45 м, углубленной в материк на 0,26 м. Урна разбита. Все части урны находились в пределах пятна погребения. Яма была заполнена слегка углистым черным слоем. На середине глубины при разборке этого скопления были обнаружены мелкие единичные пережженные кости (4—5 штук).

Погребение 41. Обнаружено на глубине 0,45 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 41). Урновое, разрушенное (?), подобно погребению 39. Единичные пережженные кости (2—3 шт.), очищенные от угля и золы, находились вместе с фрагментами лепного горшка (рис. 11, 5) в ямке, овальной в плане, размером 0,4×0,3 м, углубленной в материк на 0,1 м.

Погребение 42 было обнаружено на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 42). Погребение совершено в лепном горшке (рис. 11, 4), поставленном на дно округлой ямы диаметром 0,42 м, углубленной в материк на 0,1 м. Урна раздавлена тяжестью земли. Сохранилась только её нижняя часть на высоту 14 см, с двумя десятками пережженных костей, очищенных от золы и угля, среди которых найден оплавленный кусочек бронзы (рис. 6, 3). Пространство между урной и стенками ямы заполнено углистым песком, в котором попадались отдельные пережженные кости. 2—3 кости находились под днищем урны вместе с углем. Углистый слой под урной составил 3—5 см.

Погребение 43 обнаружено на глубине 0,1 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 43). Урновое, совершенное в яму диаметром 0,4 м, углубленное в материк на 0,2—0,22 м. Несколько сотен пережженных костей находились на дне реберчатого сосуда с валиком на середине высоты и отверстием диаметром 0,8—1,0 см (отверстие пробито наме-

ренно) (рис. 12, 3). Внутри этой урны был поставлен еще один (рис. 12, 2), перевернутый кверху дном, сосуд, который перекрывал пережженные кости, сыпанные на дно первого сосуда. На краю погребальной ямки с юго-восточной стороны лежала нижняя часть третьего сосуда (рис. 12, 1), отдельные фрагменты которого были обнаружены внутри первой реберчатой урны. Между урной и стенками ямы с южной стороны на середине глубины ямы находились пережженные кости. Среди них лежало глиняное биконическое пряслице (рис. 6, 20) и фрагмент оплавленного бронзового украшения (рис. 6, 4). Угли и зола отсутствовали как в урне, так и в яме. В 0,08 м к северо-востоку от погребальной ямы была выявлена округлая яма диаметром 0,2 м, углубленная в материк на 0,2 м. На дне ямы лежали фрагменты нижней части груболепного сосуда. По стенкам ямы, начиная от верхнего ее края и ко дну, полосой в 7—10 см, прослеживалась глиняная крошка. Возможно, это след горловины лепного сосуда, перевернутого вверх дном и перекрывавшего яму сверху.

Погребальное сооружение VI с захоронениями 44 и 45 (рис. 5, VI). Погребения 44 и 45 выявлены на глубине 0,36—0,40 м от современной дневной поверхности в пределах прямоугольной песчаной площадки, ограниченной со всех сторон узкой канавкой, заполненной серым песком, местами с включениями желтого песка. Площадка имеет размеры 2,45×1,60 м. Вытянута с запада на восток с небольшим отклонением к северу. Ширина канавки 0,20—0,22 м, углублена в материк на 0,10—0,12 м. Дно канавок неровное. В пределах канавки по углам площадки обнаружены столбовые ямки. Юго-восточная столбовая яма имела диаметр 0,3 м, глубину от уровня материка — 0,23 м, остальные — диаметр 0,3 м, глубину — 0,15 м.

Погребение 44 совершено в округлой яме диаметром 0,45 м, углубленной в материк на 0,15 м. Углистое заполнение ямы содержало около четырех десятков пережженных костей. Кости лежали рассеянно, не образуя компактного скопления.

«Погребение» 45 находилось в округлой яме диаметром 0,68 м, углубленной в материк на 0,26 м. Пережженные кости лежали среди углей и золы в виде компактной массы на дне ямы. Количество их достигало нескольких сот. Подавляющее число, если не все, принадлежат животным. Здесь же обнаружены три небольших фрагмента керамики.

Погребение 46 обнаружено на глубине 0,35—0,40 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 46). Совершено в яму размером 0,60×0,40—0,26 м, углубленную в материк на 0,16—0,18 м. Заполнение ямы углистое, содержало отдельные пережженные кости и сосуд, раздавленный, лежащий на боку (рис. 11, 1). В сосуде и под ним кости и угли отсутствовали.

Погребение 47 частично перекрывало хозяйственную яму № 23 поселения II в. Обнаружено на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности в яме овальной формы, вытянутой с запада на восток, размером 0,6×0,3 м, углубленной в материк на 0,18 м. Пережженные кости в заполнении были единичны и перемешаны с углем (рис. 5, 47).

Погребальное сооружение VII с захоронениями 48 и 49 (рис. 5, VII). Погребения 48, 49 выявлены на глубине 0,32—0,40 м от современной дневной поверхности в пределах площадки, ограниченной со всех сторон канавкой, заполненной серым песком. Площадка имеет размеры 3,90×2,90 м. Вытянута с запада на восток с отклонением к северо-востоку. Ширина канавок 0,20 м, глубина в материке — 0,16—0,20 м. На дне канавок обнаружены столбовые ямки, четыре из них расположены по углам площадки, одна — в середине северной канавки. Диаметр их колеблется в пределах 0,24—0,40 м, в материк они были углублены на 0,32—0,36 м. В заполнении канавок была обнаружена разнохарактерная керамика, около 10 фрагментов. 34 из них раннего железного века, остальные — I—II вв.

Погребение 48. Пережженные кости (около двух десятков) лежали вместе с углями в округлой яме диаметром 0,48 м, углубленной в материк на 0,36 м. Среди угля и костей лежали три небольших фрагмента лепных сосудов. Пережженные кости находились на разной глубине погребальной ямы.

Погребение 49 совершено в яме диаметром 0,80 м, глубиной 0,28 м. Пережженные кости, перемешанные с углем, заполняли яму сверху донизу. Количество костей столь же велико, как и в погребении 45. Среди костей находились два невыразительных фрагмента лепной керамики. К востоку от погребения 48 выявлена округлая яма диаметром 0,30 м углубленная в материк на 0,26 м. В её заполнении найдено несколько фрагментов керамики эпохи раннего железного века и невыразительные фрагменты груболепных сосудов II в.

Погребение 50 обнаружено на глубине 0,38—0,4 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 5, 50). Урновое, разрушенное, совершено в округлой яме диаметром 0,38 м. Яма сохранилась лишь в своей нижней, углубленной на 0,16 м в материк, части. Пространство между стенками ямы и урной заполнено углистым песком. Урна (рис. 13, 1, 2) раздавлена. Единичные пережженные кости и угли найдены под урной. Там же обнаружены три многочастные синие стеклянные бусы (рис. 6, 6). По-видимому, пережженные кости с углем были сыпаны на дно ямы, а за тем перекрыты перевернутым вверх дном горшком.

Погребение 51 обнаружено на глубине 0,36 м от современной дневной поверхности (рис. 5, 51). Пережженные, очищенные от угля и золы кости были сыпаны на дно округлой ямы диаметром 0,5 м, сохранившейся на глубину 0,26 м. Сверху кости были прикрыты цилиндрическим горшком (рис. 13, 3), перевернутым вверх дном. Между стенками ямы и сосудом встречены единичные пережженные кости и биконическое пряслице (рис. 6, 22).

Следуя классификации Е. А. Горюнова способов погребения колочинской культуры (см. статью в настоящем сборнике), сожжения могильника Картамышево можно разделить на три вида: I — безурновые, II — урновые и III — смешанные, представляющие сочетание элементов первых двух видов или, как их еще называют в археологической литературе, «урновые с подсыпкой». Каждый из видов делится на группы в зависимости от того, какие кости содержат погребения: очищенные или не очищенные от остатков погребального костра⁷.

⁷ Целый ряд погребений не получил достаточно четкого обрядового определения в силу плохой сохранности (погребения 40, 46, 39, 35, 15). Они лишь предположительно могут быть отнесены к тому или иному виду погребений: № 40 — к смешанным, № 46, 39, 35, 15 — к урновым.

Безурновые погребения (их 21). Численное преобладание таких погребений безусловно. Остатки сожженных ссыпались непосредственно в яму округлой формы диаметром 0,4—0,6 м, глубиной до 0,3 м. Типичными признаками безурновых погребений является наличие в них золы и угля (20 погребений), остатков тризны (в 12 случаях из 19 наблюдаемых), сопровождение большей их части инвентарем (12 случаев), как правило, побывавшим на костре. Не тронутые огнем вещи также сопровождают преимущественно этот вид погребений. Только в одном погребении наблюдалось очищение сожженных костей от остатков погребального костра.

Особую группу составляют девять безурновых погребений, совершенных на площадках с деревянными оградками-частоколами, ранее неизвестными на грунтовых могильниках VI—VII вв. в Поднепровье.

Погребальные оградки Картамышева — прямоугольные, с несколько округленными углами. Они ограничивают по периметру площадки, ориентированные по длинной оси в направлении с запада на восток, чаще всего с небольшим отклонением. Следы оградок выступают в виде узких (шириной до 0,2 м) канавок глубиной 0,10—0,25 м, заполненных гумусированным песком серого цвета, местами перемешанным с желтым песком. Дно канавок неровное, с небольшими впадинами, не имеющими четкого контура. Такие канавки могли быть оставлены, скорее всего, оградками-частоколами из нескольких бревен или плах. Срубная конструкция оградок менее вероятна, поскольку канавки в плане не образуют правильной прямоугольной фигуры. Канавки, как правило, ограничивают площадки по всему их периметру, и только в двух случаях они разомкнуты с одной из узких сторон, там где, очевидно, был устроен вход на площадку, по ширине равный расстоянию между длинными сторонами площадки (0,3—0,5 м).

Необычен и сам характер погребений с оградками. Внутри большинства оградок прослеживались две, внешне во всем подобные друг другу, погребальные ямы. В обеих находились пережженные кости, перемешанные с золой и углем. Ямы имели одинаково округлую форму и располагались по длинной оси площадки на расстоянии от 0,2 до 0,5 м одна от другой. Анализ костных остатков показывает, что кости человека помещались лишь в восточную яму (табл. I).

Что касается западных ям внутри оградок, то в них пережженные кости принадлежат жертвенным животным: овце, козе, преобладают кости лошади, в одном случае присутствовали когти медведя (табл. I). Кости жертвенных животных, помещенные в обрядовую яму, вероятно, сжигались одновременно с умершим, возможно, на одном с ним костре. Как правило, эти ямы содержат также отдельные фрагменты керамики, изредка — вещи. Основная часть инвентаря сопровождает сожжение человека, помещенное в восточную яму.

Внутри двух оградок (I и V) не выявлены погребения, связанные с ними, можно предположить, что они не сохранились. В пределах погребальной оградки V были обнаружены два сожжения (№ 34 и № 35), но по расположению и по характеру они отличаются от остальных погребений в оградках и, следовательно, скорее всего не относятся ко времени их сооружения. На это указывает и стратиграфия объекта: погребение 34 частично выходит за пределы площадки и перекрывает канавку частокола. Оба погребения не составляют единую линию, расположенную по длинной оси площадки.

Следует добавить, что имеются явно парные захоронения того же типа, что и выявленные в оградке, но не имеющие следов ограждения (погребения 8—9; 10—11). Вполне возможно, что эти следы были утрачены в результате эрозии верхнего покрова дюны.

Урновые погребения (их 11) в отличие от безурновых обычно содержали очищенные от угля пережженные кости (10 случаев). Урны ставились в небольшие ямы, подобные тем, что использовались при безурновом погребении. Глубина ям соответствовала высоте урны и не превышала 0,3 м. Урновые погребения были почти исключительно одиночными, лишь в одном погребении оказались две урны. Наряду с урнами без покрытий, стоявшими на дне в центре ямы в обычном положении (7), обнаружены урны, покрытые другим сосудом, перевернутым вверх дном. В двух случаях урна была помещена в более крупный сосуд, находившийся на дне ямы. Обнаружены также погребения, в которых урна, перевернутая кверху дном, покрывала кости, сыпанные в яму (погребения 50, 51).

Как правило, урновые погребения — безынвентарные, за редким исключением. Погребение 17 сопровождалось миниатюрным лощеным сосудиком, помещенным в яме у верхнего края урны, и двумя височными проволоочными кольцами, одно из которых лежало среди костей в сосуде, а другое — на дне ямы. В погребении 50 среди костей обнаружены бусы темного стекла, а в погребении 51 за пределами урны — пряслице.

Смешанные погребения составляют самый малочисленный вид погребений Картамышевского могильника. Они представлены всего четырьмя погребениями (№ 21, 32, 37, 43). Особенно хорошо сохранились и не вызывают сомнений в своем характере погребение 37, помещенное в вертикально стоящую открытую урну с очищенными костями внутри неё и с неочищенными в присыпке, и 43, очищенное, помещено в урну и покрыто меньшим по размеру сосудом, опущенным внутрь погребального сосуда, подсыпка также очищена. Сопровождающий инвентарь, который наблюдается во всех без исключения смешанных погребениях, как правило, находится за пределами урны. Только в одном случае в неочищенных погребениях вещи помещались в урну (№ 26). Редкий случай сопровождения основного погребения сосудами-приношениями наблюдается также в рассматриваемом виде погребений (погребение 43).

Как показал анализ костных остатков из Картамышева (см. табл. I), различия в характере захоронений этого памятника определены в значительной мере половозрастной принадлежностью погребенных. Урновые погребения Картамышева, как правило, содержат кости ребенка. Костей животных в этих погребениях нет. Безурновые погребения принадлежат взрослым женщинам или мужчинам и сопровождаются костями животных (см. статью Е. А. Горюнова в настоящем сборнике).

Таблица 1

Анализ костных остатков из погребений могильника VI—VII вв. Картамышево II

(Материал раскопок 1979 г. Определение Н. М. Ермоловой)

№ погребения	Пол погребенного	Кости животных	Инвентарь
Безурновые погребения			
1	Женское	—	Нож, пряслице (рис. 6, 16, 21)
3	?	—	—
4	?	—	—
5	?	—	Бронзовая заклепка от костяного гребня
7	?	—	—
8—9	?	Копытное, вероятно, лошадь	Бронзовый наконечник ремня (рис. 6, 12)
10—11	?	Лошадь, овца (коза?), коготь медведя	Трапецевидная подвеска, обломок бронзовой пластинки (рис. 6, 7, 13)
12	?	—	—
14	?	—	—
16—18	Женское (?)	Лошадь или корова, вероятнее лошадь	Литая фибула с прямым щитком, язычок поясной пряжки (рис. 6, 17)
19	?	—	—
20	?	?	—
23—24	Женское (?)	Лошадь или корова, вероятнее лошадь	—
28—29	?	Лошадь и еще какие-то животные	—
31	?	—	—
334	?	—	—
36	?	—	Оплавленные фрагменты бронзовых браслетов (рис. 6, 11)
Урновые, с очищенными костями			
2	Детское	—	—
6	Детское	—	—
13	Детское	—	—
15	?	—	—
17	?	—	Миниатюрный лощеный сосудик (рис. 8, 2), два кругло-проволочных кольца (рис. 6, 15).
21	Детское (?)	—	—
22	Детское или женское	—	—
25	?	—	—
26	?	—	Пряслице, отщеп кремня (рис. 6, 9, 23)
30	?	—	—
Смешанные погребения			
32	?	—	—

Половозрастные отличия между урновыми и безурновыми погребениями Картамышева подтверждаются составом вещевого материала. Орудия труда, украшения найдены, как правило, в безурновых погребениях. Разнообразие погребального обряда на Картамышеве, несомненно, кроме половозрастных причин, определялось еще и достаточно длительным периодом функционирования могильника. Об этом говорят, прежде всего, хотя и немногие, но совершенно четкие стратиграфические наблюдения. В четырех случаях из девяти наблюдается перекрывание безурновых погребений в оградке урновыми (в двух случаях — погребение 35, 17), смешанным (в первом случае, погр. 26) и безурновым (в двух случаях — погребение 34, 7). И если принять во внимание, что Е. А. Горюнов считал высокий процент

урновых погребений свидетельством более поздней даты могильника, а безусловное преобладание ямных безурновых не очищенных от погребального костра захоронений ранним признаком, то представляется возможным сделать следующее заключение. Группа безурновых двоямных погребений в оградках, несомненно, составляет наиболее древний пласт сожжений Картамышевского могильника. Безурновые сожжения продолжают древние традиции киевской культуры. Выделение древнейшего пласта погребений в Картамышеве тем более правомерно, что общие хронологические рамки памятника довольно широки — VI—VII вв.

Анализ вещевого инвентаря позволяет датировать прежде всего эту, древнюю, часть погребений. С погребением 9 связан прорезной наконечник пояса из бронзы (рис. 6, 12). Он имеет полукруглый верхний конец с двумя остроконечными выступами, прорезь в виде буквы U. По этим признакам он может быть датирован второй половиной VI—первой четвертью VII в. [Амброз 1973: 293; Айбабин 1990: 52].

В парном погребении 16 в оградке II найдена уникальная литая бронзовая фибула с прямоугольным щитком и узкой ножкой (рис. 6, 17). Щиток имеет городчатую разделку, выполненную резьбой. На узкой ножке на ее нижнем конце изображены косо поставленные глаза. На обратной стороне ножки приемник для иглы не сохранился, хотя видны его следы. Место, где должны были располагаться ушки для крепления пружины иглы, опилено при взятии пробы на спектральный анализ. Прямые аналогии данному экземпляру найти сложно, и лишь по деталям (сетчатая разделка щитка, его квадратная форма, личина на ножке) можно установить её близость к меровингскому кругу украшений VI в. Эта вещь, судя по стилю и декору, также связана с небольшой группой украшений из Верхнего Поднепровья, в которой А. К. Амброз видит проявление местной ювелирной школы, сложившейся в VI в. в несомненном контакте с ремеслом Среднего Подунавья [Амброз 1970: 70—74, рис. 1, 2—4]. Особую близость по стилю и технологии исполнения проявляют решетчатые пластинки из Посудичей и Борков. Незначительность серии подобных вещей создает затруднения в выборе узких хронологических рамок, хотя ясно, что она существовала недолгий промежуток времени и широкого распространения в Восточной Европе не получил. Следует отметить особо, что сетчатая разделка в технологическом плане, вероятно, связана с предшествующей модой на эмалевые (стекловидные) вставки: разделка верхнего щитка нашей фибулы, как и пластинки из Посудичей, как и щитков пряжек из Демидовки и Борков, по сути, является упорядоченной и более углубленной, получившей декоративное выражение насечкой на дне ячейки, предназначенной к заливке эмалью. Чисто технический прием перерождается в декоративное явление. Подобные предположения заставляют нас также ограничиться VI в. с небольшим выходом в начало VII в. Хотя автор раскопок склонен был датировать эту фибулу концом VI и всем VII в. Тем более что тонкие круглопроволочные небольшие браслеты, имеющие утолщенные, но не массивные концы, с двумя-тремя рядами кольцевых линий (один из культурного слоя, второй из погребения 36, рис. 6, 2, 11), по материалам рязано-окских могильников датируются V—VI вв. [Кравченко 1974: 131]. Схема П. П. Ефименко была в свое время пересмотрена А. К. Амброзом, и с учетом его поправок можно ограничиться VI в. с небольшим выходом в начало VII в. Подобный браслет найден в могильнике Усох, погребальный обряд которого (преимущественно ямные сожжения) входит в разряд ранних признаков колочинской культуры (вторая половина V—VI в.)⁸

Итак, в ранний пласт сожжений Картамышева выделяется целый ряд ямных безурновых погребений (№ 36, № 1 — с уплощенным остросереберным пряслищем) и прежде всего парные сожжения в оградках. Не исключено, что в это же время существовали и урновые захоронения, но в силу почти полной, за редким исключением, безынвентарности таких погребений им трудно дать более определенную хронологическую привязку.

Типология керамики (рис. 4).

Цвет керамики коричневый, реже — серый. Тесто подавляющей части сосудов содержит примесь крупного шамота. Поверхность из-за примеси шероховатая, бугристая, нередко со следами грубого сглаживания пальцами или щепкой, оставлявшего своеобразные расчесы. Изредка (урны из погребений 50, 51) к шмоту добавлен мелкий песок. Поверхность таких урн хорошо выглажена. Два маленьких сосуда из погребений 17 и 21 покрыты лощением. Орнамент на всех урнах отсутствует.

Основным критерием для типологического деления керамики погребальных комплексов могильника служат изменения общей профилировки, соотношение основных пропорций, а также форма венчиков сосудов.

Тип I. Открытые округлобокие сосуды-корчаги. Наибольшее расширение у них приходится на середину высоты или почти равно ей.

Тип II. Открытые тюльпановидные горшки вытянутых пропорций, с нечетко выделенным горлом и суженной нижней частью. Они разделяются на два варианта. *Первый вариант* представляют сосуды, у которых наибольший диаметр находится немного выше середины высоты. У *второго варианта* наибольший диаметр находится немного ниже середины высоты.

Тип III. Горшки, максимальный диаметр которых приходится на середину высоты, а диаметры горла и дна равны или почти равны друг другу. Вид имеет варианты, различающиеся по пропорциям. Для *первого варианта* характерны вытянутые пропорции: максимальный диаметр в полтора-два раза меньше высоты. *Второй вариант* образуют более приземистые широкие сосуды, высота которых ненамного меньше наибольшего диаметра сосуда.

Тип IV. Небольшие слабопрофилированные горшки с коротким вертикальным или слабо отогнутым венчиком. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть сосудов. По пропорциям ($H_1: H = 0,6—0,8$ и $D_3: D_2 = 1,1—$

⁸ Не во всех случаях обломки проволочных украшений с утолщением на конце можно определять в качестве фрагментированных браслетов, какая-то их часть принадлежит либо височным кольцам (Шмидт 1963: 61, рис. 12, 4; 1970: 68, рис. 3, 19, 20; Минясян 1979: 181, рис. 6, 10), либо это детские браслеты, диаметр которых не превышает 3 см (Шмидт 1963: 61, рис. 12, 1).

1,4) и общей профилировке вид IV идентичен основному типу корчакской посуды в классификационной схеме И. П. Русановой [Русанова 1976: 1—18].

Тип V. Цилиндро-конические горшки. Изгиб стенок в средней части имеет вид хорошо выраженного ребра и украшен оттянутым валиком. Венчик прямой, невыделенный или очень короткий с чуть намеченным изгибом наружу (10 %).

Тип VI. Небольшие баночные приземистые сосуды, у которых наибольший диаметр равен высоте и расположен в верхней трети.

Несколько сосудов выпадают из общей типологической схемы. Один имеет эсовидную профилировку с хорошо выраженным отогнутым наружу венчиком, утолщенное дно с закраиной (рис. 7, 2). По общей профилировке близок славянским сосудам роменского типа или типа Луки Райковецкой. Второй, широко раскрытый, приземистый сосуд с выпуклыми боками и резко суженным дном имеет на венчике ногтевые отпечатки, а под венчиком сквозные проколы (рис. 11, 1). По форме оформления венчика близок скифской керамике, но по тесту (грубоватое, с крупным шамотом, а не песком) резко от нее отличается.

Два небольших сосуда покрыты лощением. Один из них, кувшинообразный миниатюрный, имеет узкое горло, пологие плечики, мягкое ребро на середине высоты и добавку песка в тесте (рис. 8, 2). Второй — несколько большего размера, имеет выраженные плечики. Его наибольший диаметр почти равен высоте и расположен в верхней трети сосуда (рис. 8, 3).

И еще несколько замечаний по поводу керамического набора Картамышевского могильника. Если I, II, V типы и вариант 1 типа III с самого раннего времени и до конца существования колочинской культуры были наиболее характерными формами ее посуды (особенно это касается II типа, который к концу существования колочинской культуры становится преобладающим), то этого нельзя сказать о втором варианте III типа. Он практически отсутствует на самых разных памятниках колочинской культуры, его нет и в северных районах (Белоруссия, Подесенье). Исключение составляет Ронше (жилища № 10, 17). Более половины этих форм в могильнике Картамышево найдены в группе смешанных погребений, которые нередко (два из четырех случаев) принадлежат явно женщинам, т. к. в состав сопровождающего инвентаря входят пряслица. И к тому же, судя по формам пряслиц (высокие биконические), эти погребения не составляют раннюю группу. Возможно, в данном случае мы имеем дело с внедрением какого-то этнически инородного элемента.

Итак, подводя итог, можно сказать, что из всех выделенных форм керамики претендентом на самые ранние урновые погребения могут служить те, что связаны с V типом посуды (погребения 50, 51 и 43). Эта группа посуды составила на Картамышеве II неожиданно высокий процент. Во-первых, для южного региона колочинской культуры данный тип посуды не характерен, это скорее ее северный элемент, причем достаточно ранний. Близкорасположенные одновременные могильники Княжий и Лебяжье I почти совсем не содержат подобных форм (одна урна в Лебяжье). Такие сосуды характерны для северных районов колочинской культуры и более ранних комплексов. Прежде всего, наиболее близкие аналогии мы имеем на памятниках Юго-Восточной Белоруссии (Тайманово, Новый Быхов, Колочин). В Подесенье (Заярье, Целиков Бугор — 28 %, Смольянь — 35 % и др.) такой профилировки сосуды имеют слегка скругленное ребро без оттянутого валика.

Во-вторых, именно эти погребения отличаются очень редкой, но зато весьма архаичной особенностью. Погребения 50 и 51, строго говоря, можно и не называть урновыми, поскольку сосуды в них служили не вместилищем сожжения, а крышкой: перевернутые вверх дном, они покрывали прах ссыпанный на дно ямы. В погребении 43 кости, помещенные в большую реберчатую урну, покрыты опять же перевернутым горшком, а в нижней части сосуда-урны пробито отверстие для выхода души. Погребение сопровождалось сосудом-приставкой и тризной, которые были помещены в специальную ямку, расположенную рядом с погребальной ямой.

Наличие в керамическом комплексе могильника отдельных форм с эсовидной профилировкой (рис. 7, 2), на наш взгляд, связано с проявлением поздних тенденций в развитии колочинской культуры.

Следует особо остановиться на некоторых деталях погребального обряда Картамышевского могильника. Несомненное своеобразие ему придают выделенные в ранний пласт сожжения с не очищенными от костра костями, сопровождаемые захоронениями жертвенных животных и остатками тризны, окруженные столбовой оградкой. Подобные сооружения, по-видимому, имелись и на других могильниках VI—VII вв. в Поднепровье (см. статью Е. А. Горюнова в настоящем сборнике). И если в Картамышеве погребения в оградках — безурновые ямные неочищенные, то в Лебяжье среди парных погребений есть не только ямные, но и урновые, и смешанные (т. е. урновые с присыпкой).

Е. А. Горюнов погребениям Картамышева в оградках приводит аналогии из курганных древностей VIII в. бассейна Оки и верховьев Дона [Бессарабова 1973: 78—88]. Но считать оградки Картамышева их прямыми предшественниками я не решаюсь, поскольку большая часть боршевских и им подобных подкурганных сооружений содержит, по-видимому, коллективные захоронения, причем не одномоментные, а связанные с неоднократным подзахоронением и по своей сути могут быть трактованы как своеобразный домик мертвых под курганной насыпью. Отсюда и конструктивная особенность — примыкание к поле кургана прямоугольного деревянного ящика, вход в который закладывала нередко плита или камень. Среди курганных древностей по своим конструктивным особенностям, пожалуй, ближе всего к картамышевским погребальным сооружениям стоят подкурганные погребения Кветуни, обнаруженные Артишевской Л. В. в двух курганах. Прямоугольные оградки размером 3,5×5,0 м были сооружены из вертикально поставленных бревен, от которых остались канавки шириною 0,2 м и глубиной до 0,4 м. Близки они также и по ориентировке — длинной осью вытянуты с запада на восток [Артишевская 1963: 85—96].

В корчакской культуре известны как подкурганные (Корчак, курган 7), так и грунтовые трупосожжения (Тетеревка I — VII—VIII вв.), заключенные в оградку, ориентированную длинными сторонами по линии запад-восток. Внутри

оградки кургана 7 стояли два сосуда: один — урна, другой — приставка. В Тетеревке оба сосуда содержали пережженные кости [Русанова 1973: 20—21]. В Верхнем Поднепровье известны четырехугольные ограждения, состоящие из столбов и горизонтально положенных бревен [Поболь 1969: 65—67], в Мирополе (курган 1, 2), а также Воронине, Закурье прослежены следы прямоугольных оградок, ориентированных по линии юго-восток — северо-запад⁹.

Заканчивая обзор приведенных аналогий погребальным сооружениям могильника Картамышево, мы должны констатировать, что полного и точного соответствия мы им не имеем. Вышеперечисленные аналогии отличаются в деталях и часто весьма существенно: иные размеры, конструкция чаще не столбовая, ящики или оградки делались из плах (Воронино) и даже из каменных плит (Корчак), поставленных на ребро. По-видимому, сооружение оградок, особых площадок, вообще подготовка места под погребение — явление общего порядка, возможно стадияльное.

Среди раннего пласта погребений Картамышева обращает на себя внимание захоронение несожженного черепа ребенка (погребение 27). Оно было помещено в яму размером 0,5×0,4 м, углубленную в материк на 0,32 м и заполненную серым песком. На середине ее глубины размещались раздавленные плохо сохранившиеся кости черепа. По зубам возраст определяется примерно до 6—7 лет. Рядом лежали четыре стеклянные бусины: три круглые сильно патинизированные (цвет стекла не определяется), одна глазчатая из темного стекла. Погребение было отнесено к раннему горизонту существования могильника на том основании, что оно было слегка нарушено урновым погребением 26.

Аналогий этому явлению в синхронных раннеславянских могильниках мы не имеем. Но погребения отдельных черепов — довольно распространенное явление. Прежде всего, следует вспомнить подобные захоронения, известные у поволжских финнов в XII—XIII вв. Причем некоторые из них имеют сопровождающий характер. Например, курган 3 в третьей группе на р. Черной в Кинешемском регионе содержал женский череп при мужском захоронении [Рябинин 1986: 39]. Самостоятельные захоронения черепов, связанные с ритуальной традицией расчленения умерших, зафиксированы в погребальных памятниках у волго-окских финнов [Горюнова 1953: 37; 1961: 119, 12].

Финноугорские племена практиковали погребение отдельных черепов и в более ранний, близкий нашему могильнику период. В Шатришенском могильнике VI—VII вв. встречено три отдельных захоронения черепа: два — в специальных ямах размером 0,5×0,5 м на глубине 0,6—0,7 м от современной поверхности, без вещей; третий обнаружен сразу под дерном, он был ориентирован лицом на север, сопровождался бронзовым височным кольцом с заходящими друг за друга концами. Автор публикации указывает на жертвенный характер этих погребений [Кравченко 1974: 124]).

Хотя в самой колочинской культуре примеров подобного обряда мы не имеем, все же некоторые наблюдения, сделанные в последние годы, позволяют утверждать, что погребение 27 Картамышева — явление для славянской культуры не случайное. Известно ритуальное захоронение черепа в культурном слое поселения Ханска III под Кишиневом. Оно сопровождалось тремя реберчатыми сосудами пеньковского облика и было безынвентарным. Несомненно, что редкая практика подобных погребений говорит о каких-то очень древних полузабытых традициях. Дело в том, что в киевской культуре, предшествующей колочинской и пеньковской и послужившей для них основой, известен случай захоронения черепа. В могильнике Шишино 5 в овальной яме, ориентированной по линии север-юг, захоронена голова с четырьмя позвонками, без вещей. По антропологическому определению, она принадлежала мужчине 35—40 лет грациального средиземноморского типа (Обломский 1991: 61, 201—202). Иноземное происхождение погребенного не вызывает сомнений, и это говорит о безусловно жертвенном характере данного захоронения.

Вопрос о происхождении и социально-культурном содержании отдельных захоронений черепов неоднократно обсуждался в российской археологической литературе в связи с подобными явлениями в зарубинецкой и черняховской культурах [Федоров 1968: 85—93; Максимов 1982: 108]. К единому мнению авторы не пришли, так как часто степень сохранности погребений не позволяет дать однозначного заключения, но, по-видимому, в этих культурах мы также сталкиваемся с явлениями обряда принесения жертвы на родовом кладбище. Древность этой традиции для Восточной Европы подтверждается находками позднескифского времени. Еще до революции в районе лесостепного Левобережья в одном из курганов этого времени, судя по сопровождающей керамике, было обнаружено ритуальное захоронение трех черепов, поставленных рядом с глиняной женской фигуркой. Приношение сделано выше основного почти безынвентарного труположения [Бобринский 1901: 143].

Присутствующее в Картамышеве покрытие урнового сожжения перевернутым сосудом (клешем) — чрезвычайно редкое проявление погребального обряда. Обычно встречается по одному-два случая на могильник: в Князьем, Акатове, Узмени и Ревячке. В Лебязьем (в качестве исключения) известно четыре таких случая. В киевской культуре это явление также относится к разряду исключений. Авторы раскопок поселения Гочево I (Курская область) обнаружившие подклешевое погребение в культурном слое поселения, отмечают уникальность такого способа погребения для киевской культуры [Тихомиров, Терпиловский 1990: 50, 51, рис. 9, 17—22].

Итак, подводя итог анализу погребального обряда могильника Картамышево VI—VII вв., отмечаем следующие наиболее характерные черты:

Первое. Безоговорочное преобладание (21 из 38) безурновых неочищенных сожжений, часто сопровождаемых фрагментированной керамикой, инвентарем, побывавшим на огне, а также сожжениями жертвенных животных. Это общая, за редким исключением, для всех могильников колочинской культуры черта, перешедшая к ним из киевской культуры. Особую группу среди безурновых неочищенных погребений составляют сожжения в оградках, которые отличаются весьма значительной жертвой, захороненной в отдельной яме. Обычно это сожжение лошади, иногда добавлены еще и другие животные, в том числе присутствуют кости медведя.

⁹ На Волынцевском могильнике сосуды на погребальной площадке располагались в ряд с востока на запад. Причем урна с прахом помещалась на восточном конце ряда (Сухобоков 1975: 53), т. е. погребение с костями человека так же, как и в оградках Картамышева было восточным.

Второе. Довольно значительный процент урновых очищенных от погребального костра сожжений, что является относительно поздним хронологическим признаком (см. статью Горюнова в настоящем сборнике).

Третье. Наличие довольно значительного числа арханчных обрядовых черт. Подкleshевые погребения, ритуальное захоронение черепа, перевернутые вверх дном урны и пробитые намеренно отверстия для выхода души в дне или в нижней части сосуда — все это редкие, но постоянно встречающиеся элементы погребального обряда в подавляющем большинстве культур с рубежа н. э. Средней и Восточной Европы с обрядом погребения в виде трупосожжения.

Литература

- Айбабин 1990:* Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднего римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь. С. 5—86.
- Амброз 1970:* Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. Древние славяне и их соседи // МИА. № 176. С. 70—74.
- Амброз 1973:* Амброз А. К. Рец. на кн.: Erdélyi J., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА. № 2. С. 288—289.
- Артишевская 1963:* Артишевская Л. В. Могильники раннеславянского времени на Десне // МИА. № 108. С. 85—96.
- Бессарабова 1975:* Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины I тысячелетия н. э. с трупосожжениями и с деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15. С. 31.
- Бобринский 1901:* Бобринский А. В. Курганы и случайные находки близ м. Смелы. Т. III. СПб.
- Кравченко 1974:* Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М. С. 116—183.
- Липкинг 1974:* Липкинг Ю. А. Могильник третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. С. 142—143.
- Максимов 1982:* Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.
- Минасян 1979:* Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узьмень // Труды ГЭ. XX. 2. С. 169—185.
- Никитина 1974:* Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М. С. 5—132.
- Обломский 1991:* Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы.
- Поболь 1969:* Поболь Л. Д. Древности Туровщины. Минск.
- Русанова 1973:* Русанова И. П. Славянские древности VI—II вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. E1—25. М.
- Рыбаков 1953:* Рыбаков Б. А. Древние: русы // СА. Т. XVIII. С. 23—104.
- Рябинин 1986:* Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.
- Сухобоков 1975:* Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья. Киев.
- Тихомиров, Терпиловский 1990:* Тихомиров Н. А., Р. В. Терпиловский. Поселение Гочево I на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 43—77.
- Федоров 1968:* Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1953 г. // КСИА. Вып. 113. С. 85—93.
- Шмидт 1963:* Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники смоленщины // МИА. № 108. С. 51—67.
- Шмидт 1970:* Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // МИА. № 176. С. 63—69.

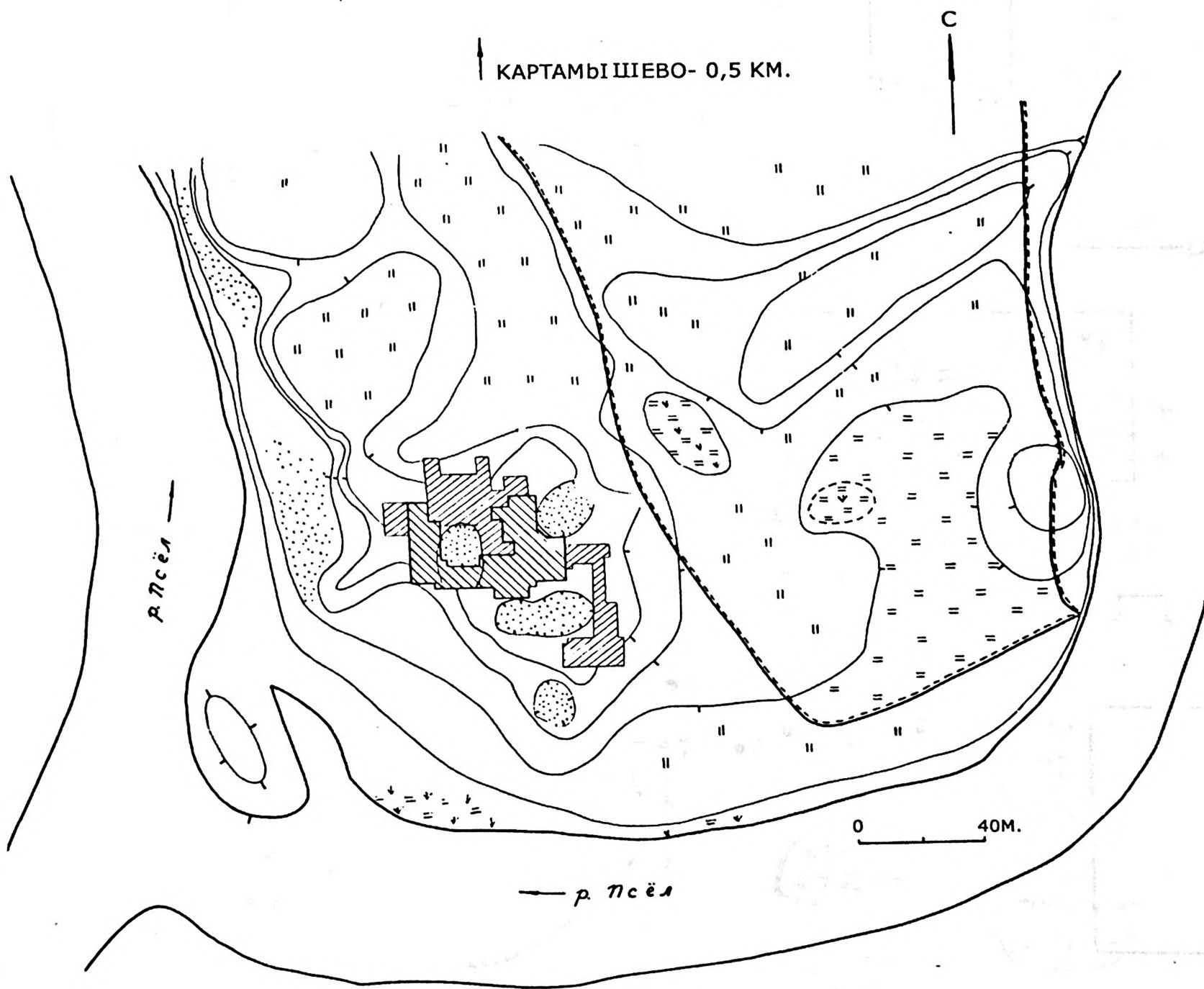

Рис. 1. Ситуационный план поселения II—III вв. Картамышчево II и могильника VI—VII вв.

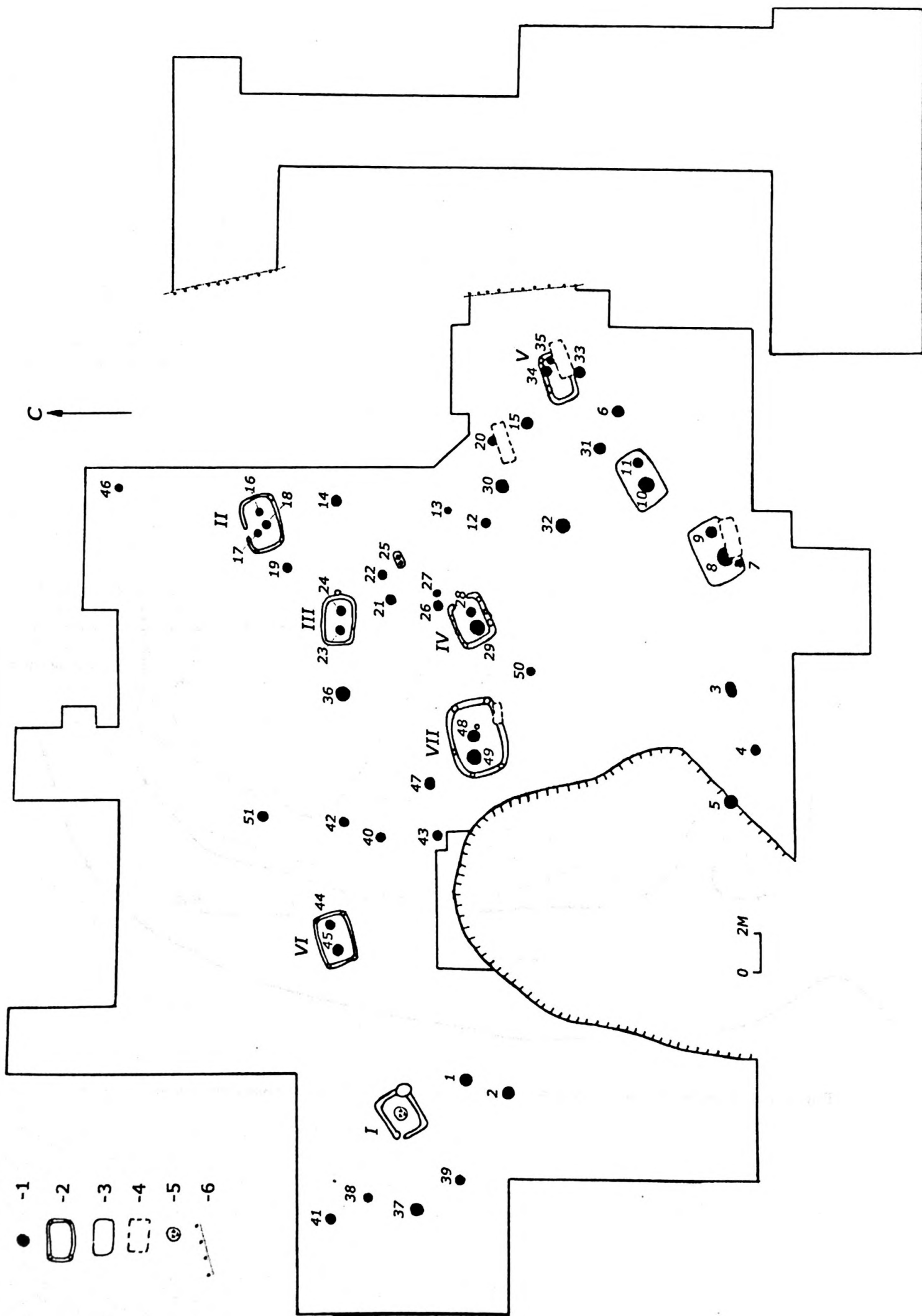

Рис. 2. Общий план могильника.

Условные обозначения: 1 — погребальные ямы; 2 — погребальные сооружения «оградки»; 3 — предполагаемые парные погребения из разрушенных «оградок»; 4 — пятна могильных ям XX в.; 5 — угловое пятно разрушенного погребения; 6 — линия разрыва на плане

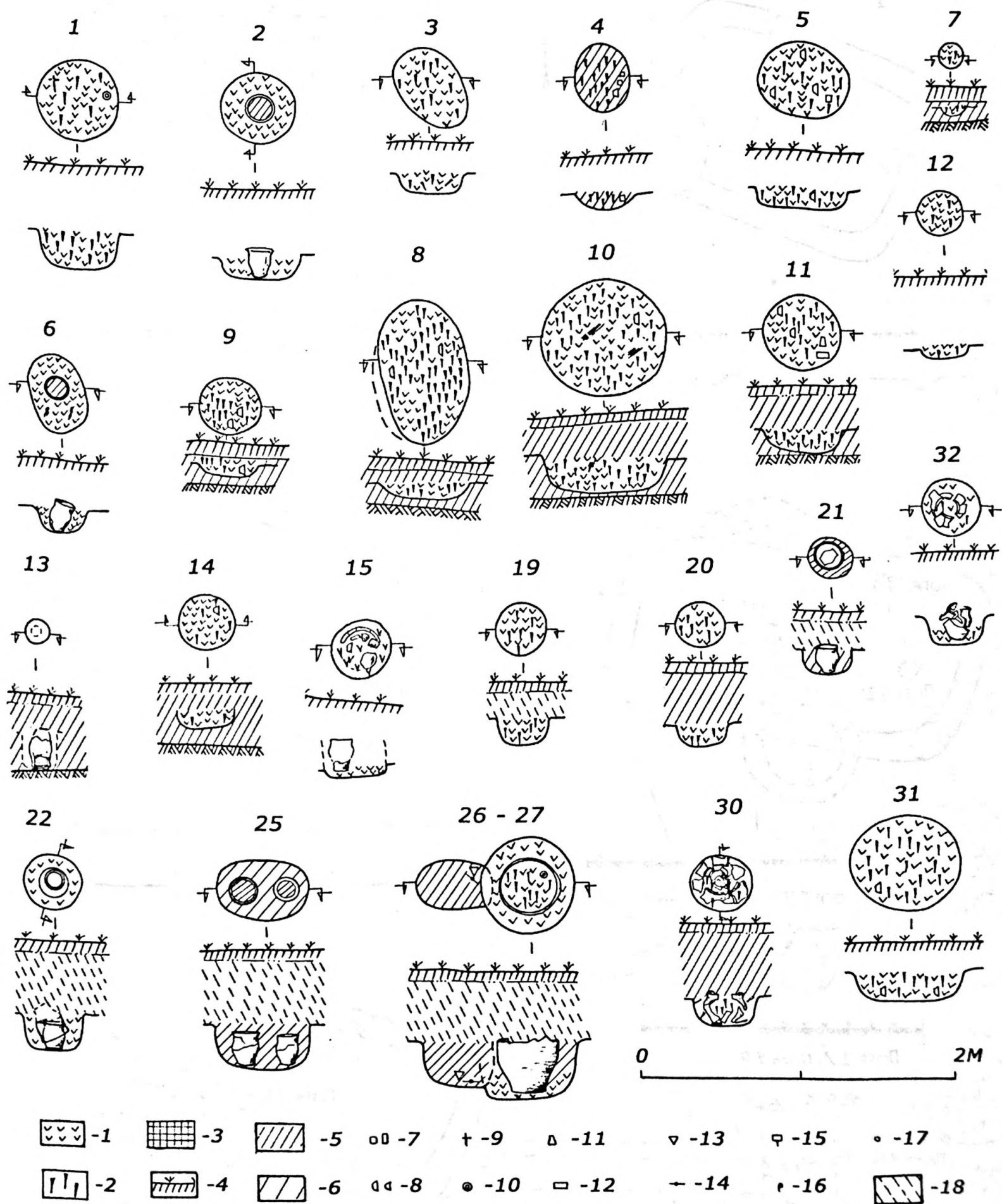

Рис. 3. Планы и разрезы погребальных ям № 1—15, 19—22, 25—27, 30—32.

Условные обозначения: 1 — уголь, зола; 2 — пережеванные кости; 3 — пятна могил первой трети XX в.; 4 — дерновый слой; 5 — черный гумусный слой; 6 — слабогумусированный слой с вкраплениями светлого песка; 7 — фрагменты бронзовых изделий; 8 — фрагменты керамики; 9 — нож; 10 — пряслице; 11 — трапециевидная подвеска; 12 — бронзовая пластинка; 13 — зубы, кости черепа погребения 27; 14 — бусы; 15 — фибула; 16 — язычок пряжки; 17 — височные кольца; 18 — переотложенный слой

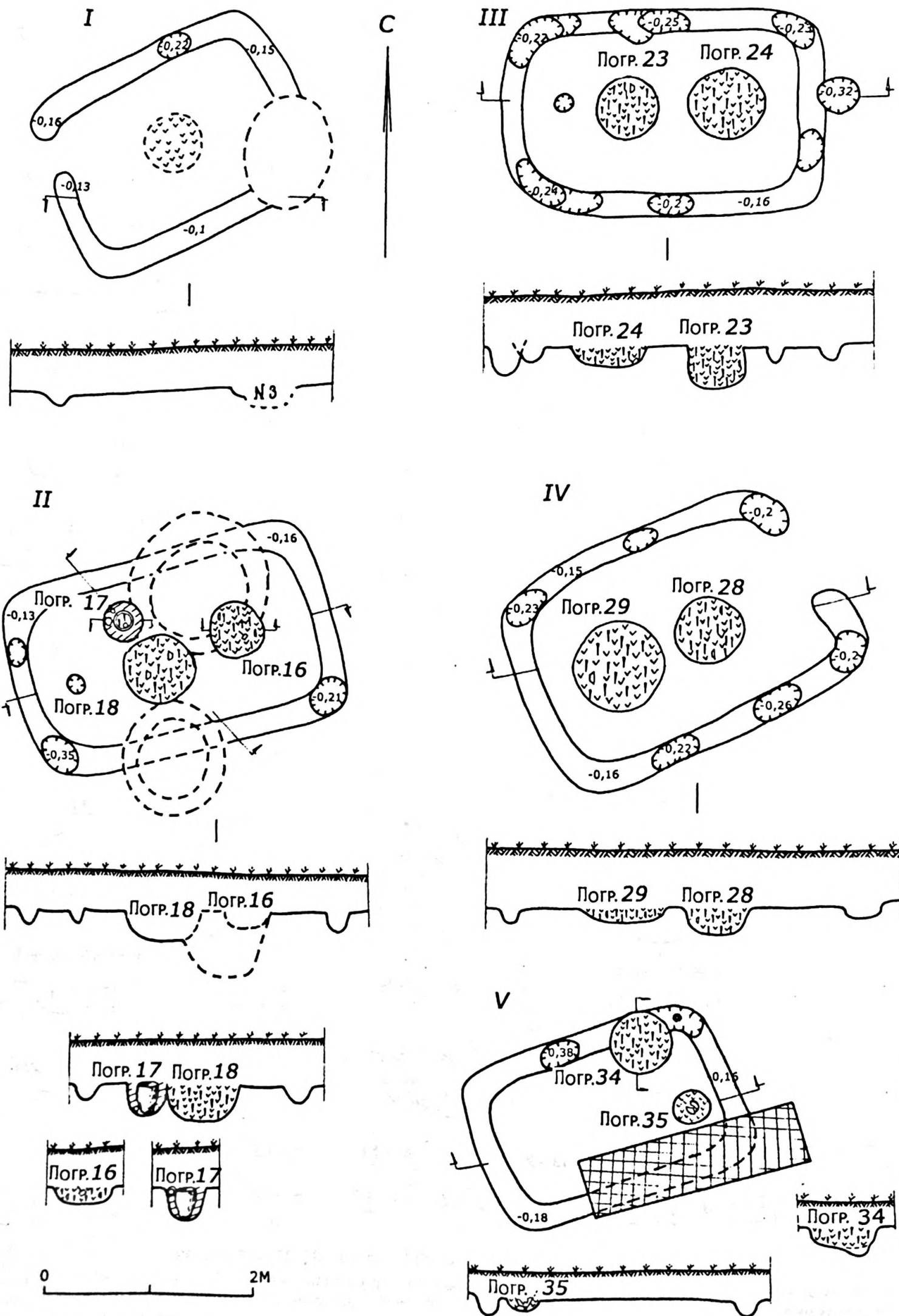

Рис. 4. Планы и разрезы погребальных сооружений I—V и погребальных ям № 17, 34, 35.
Условные обозначения см. на рис. 3

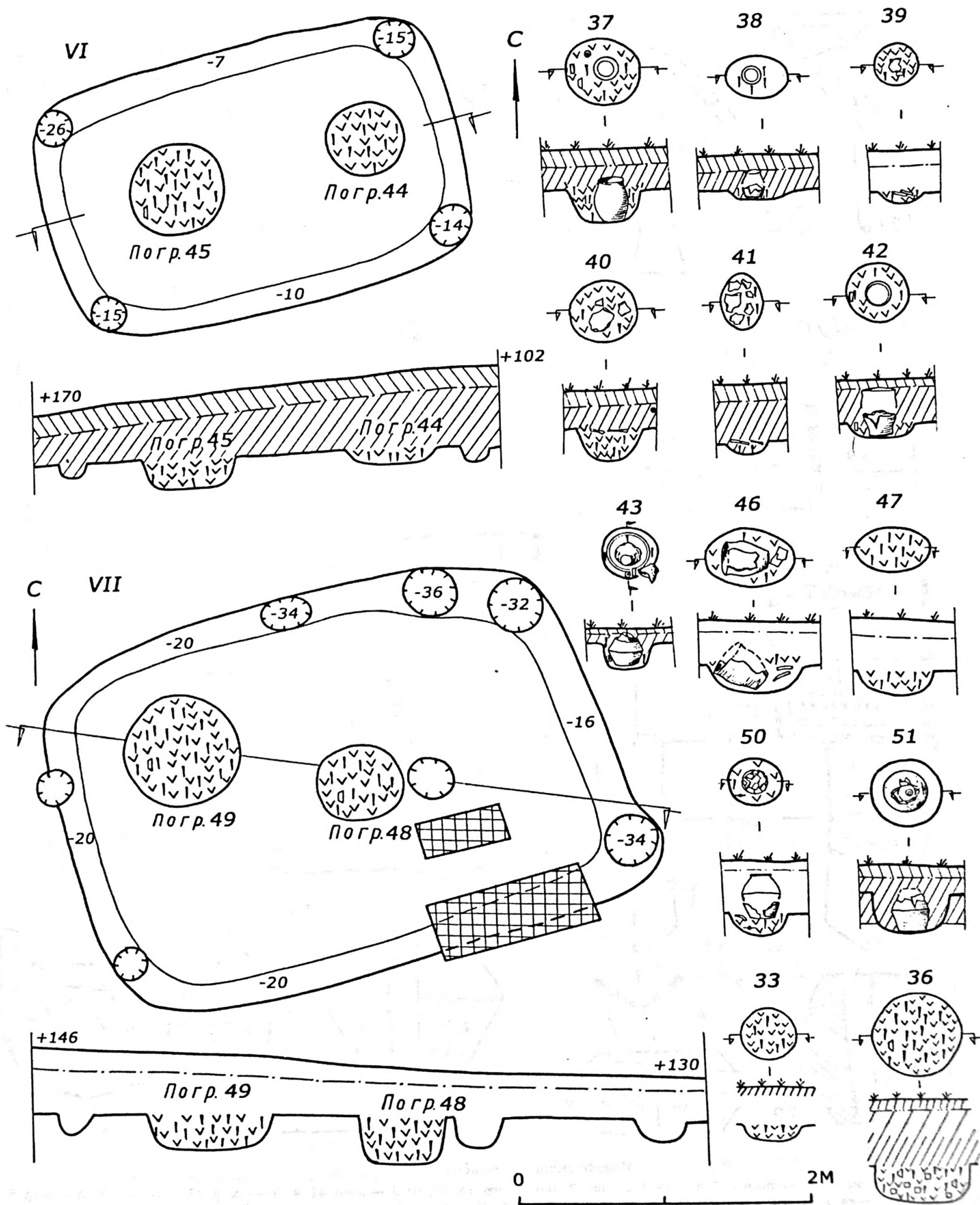

Рис. 5. Планы и разрезы погребальных сооружений VI—VII и погребальных ям № 33, 36—43, 46, 47, 50, 51.
Условные обозначения см. на рис. 3

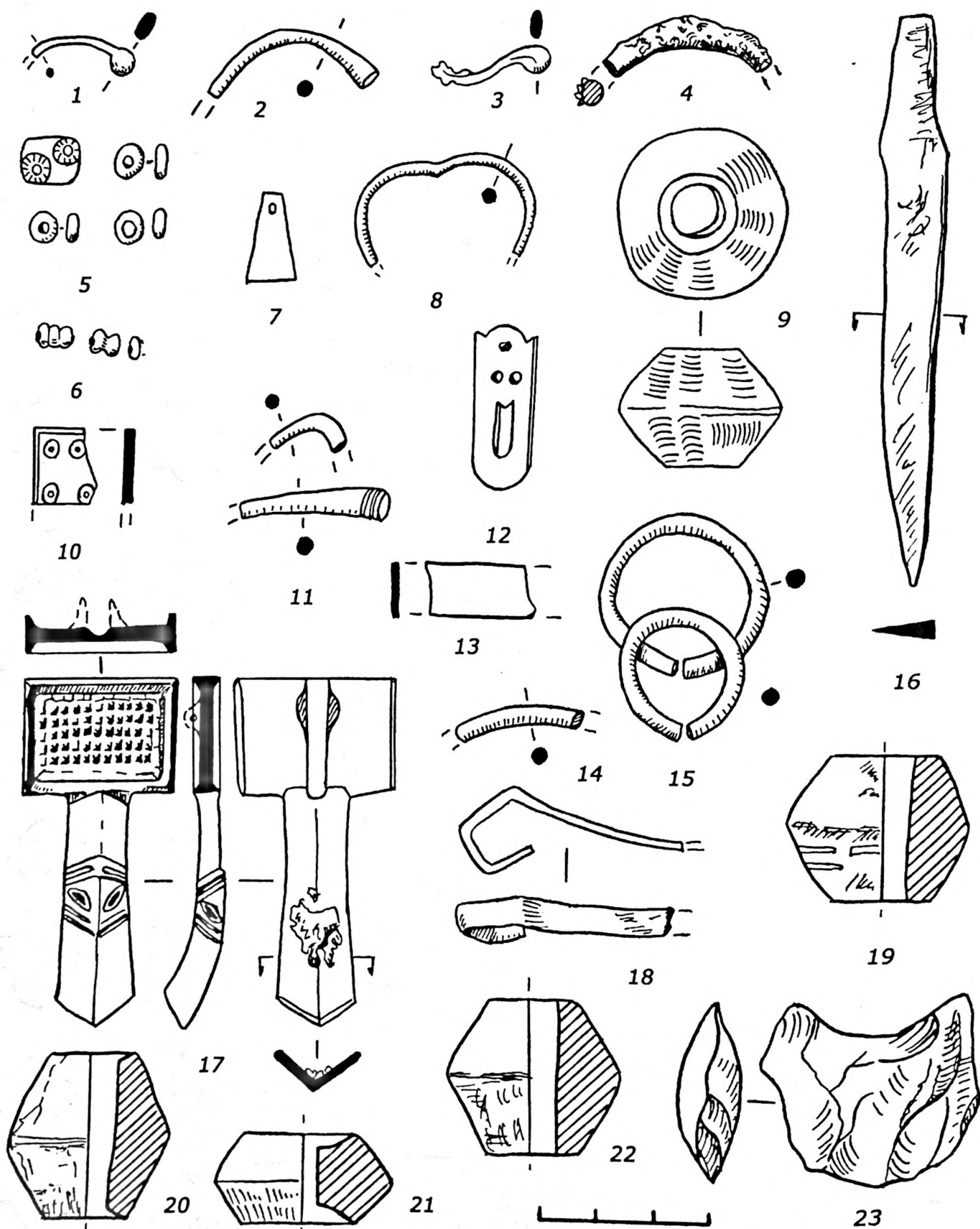

Рис. 6. Вещевой инвентарь могильника.

1, 19 — погребение (далее — погр.) 37; 2 — кв. Е-22, шт. 2, около погр. 15, 20, 30; 3 — погр. 42; 4, 20 — погр. 43; 5 — погр. 27; 6 — погр. 50; 7, 13 — погр. 11; 8 — кв. Е-21, шт. 2 около погр. 15, 20, 30; 9 — погр. 26; 10 — кв. М-11, шт. 2, около погр. 5; 11 — погр. 36; 12 — кв. Н-18, материк около погр. 8, 9; 14 — погр. 4; 15 — погр. 17; 16, 21 — погр. 1; 17 — погр. 16; 18 — погр. 18; 22 — погр. 51; 23 — погр. 26. 1-4, 7-8, 11-15, 17 — бронза; 5-6 — стекло; 10 — кость; 9, 19-22 — глина; 16 — железо; 18 — серебро; 23 — кремень

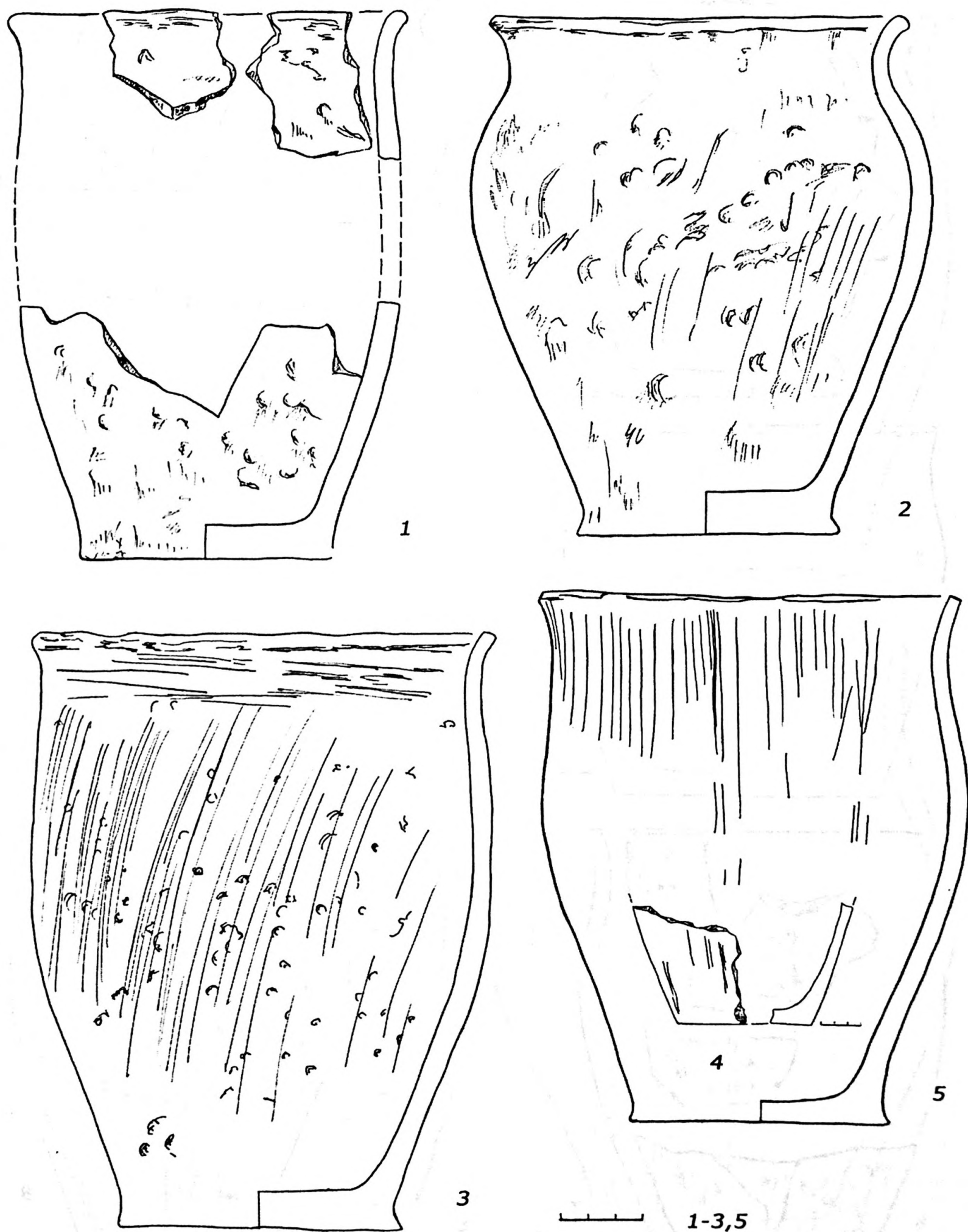

Рис. 7. Керамика из погребений: 1, 2 — № 13; 3 — № 2; 4, 5 — № 6

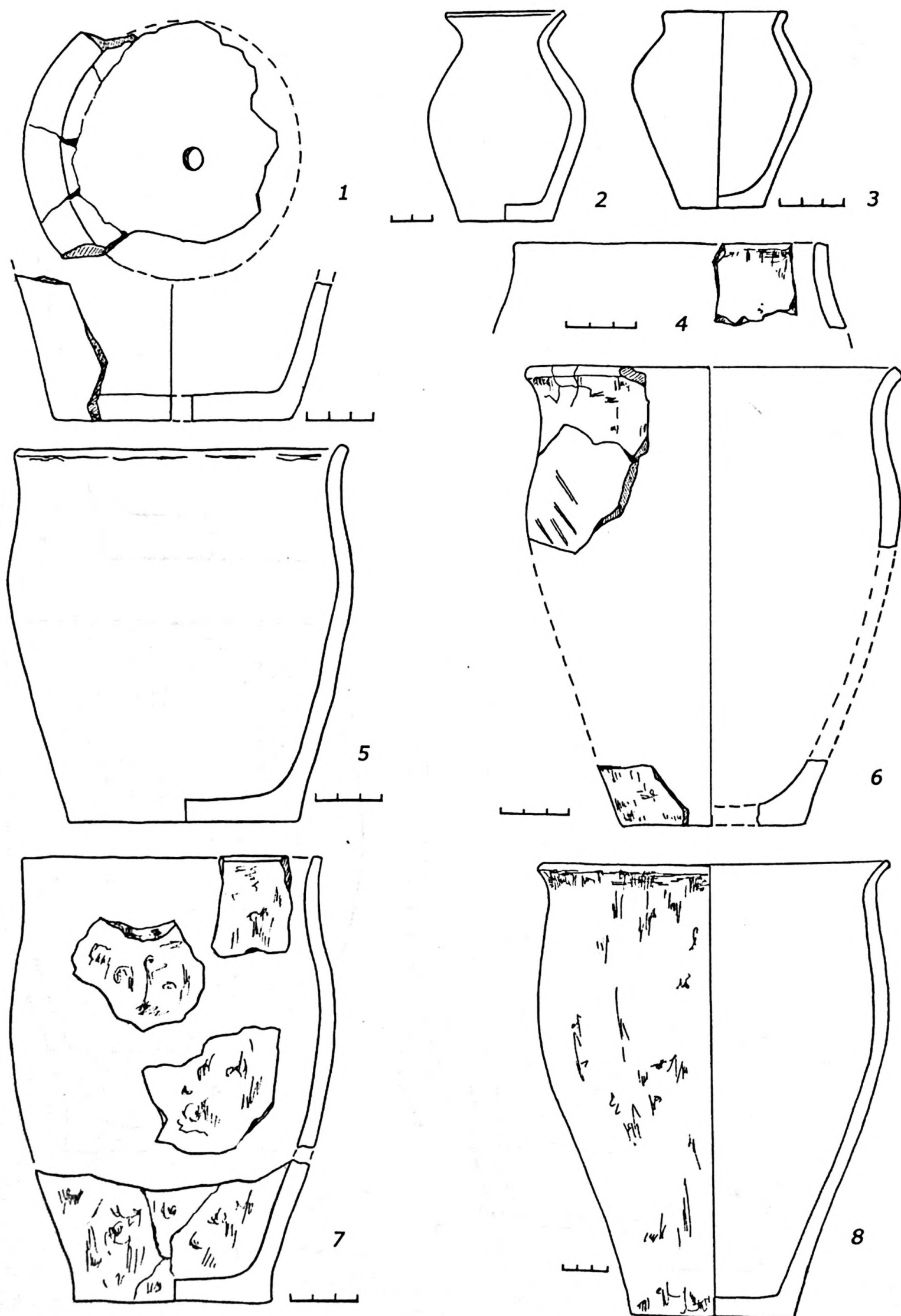

Рис. 8. Керамика из погребений: 1, 3, 5 — № 21; 2, 8 — № 17; 4, 6 — № 18; 7 — № 15. 2, 3 — подлощенные

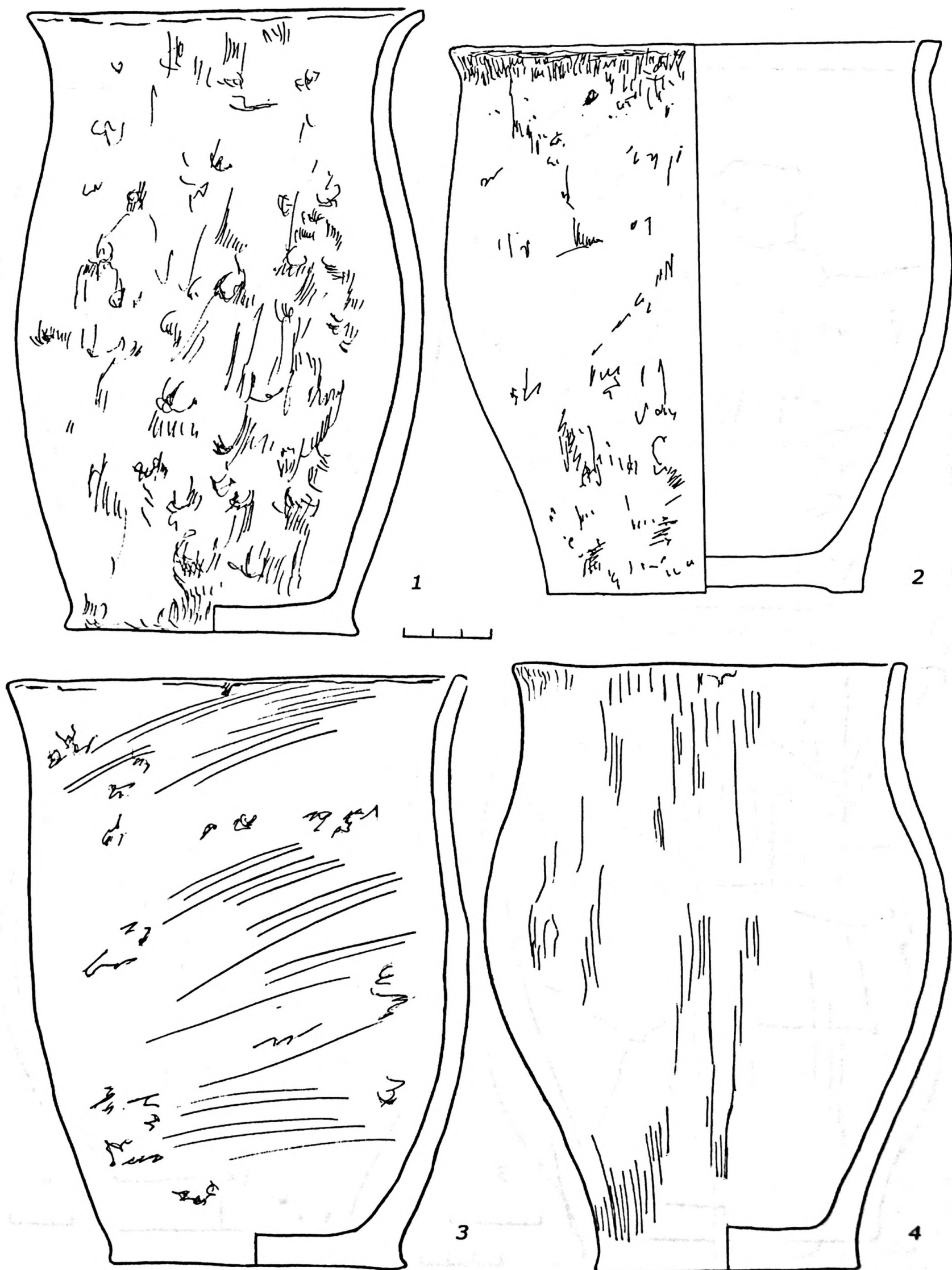

Рис. 9. Керамика из погребений: 1, 4 — № 25; 2, 3 — № 22

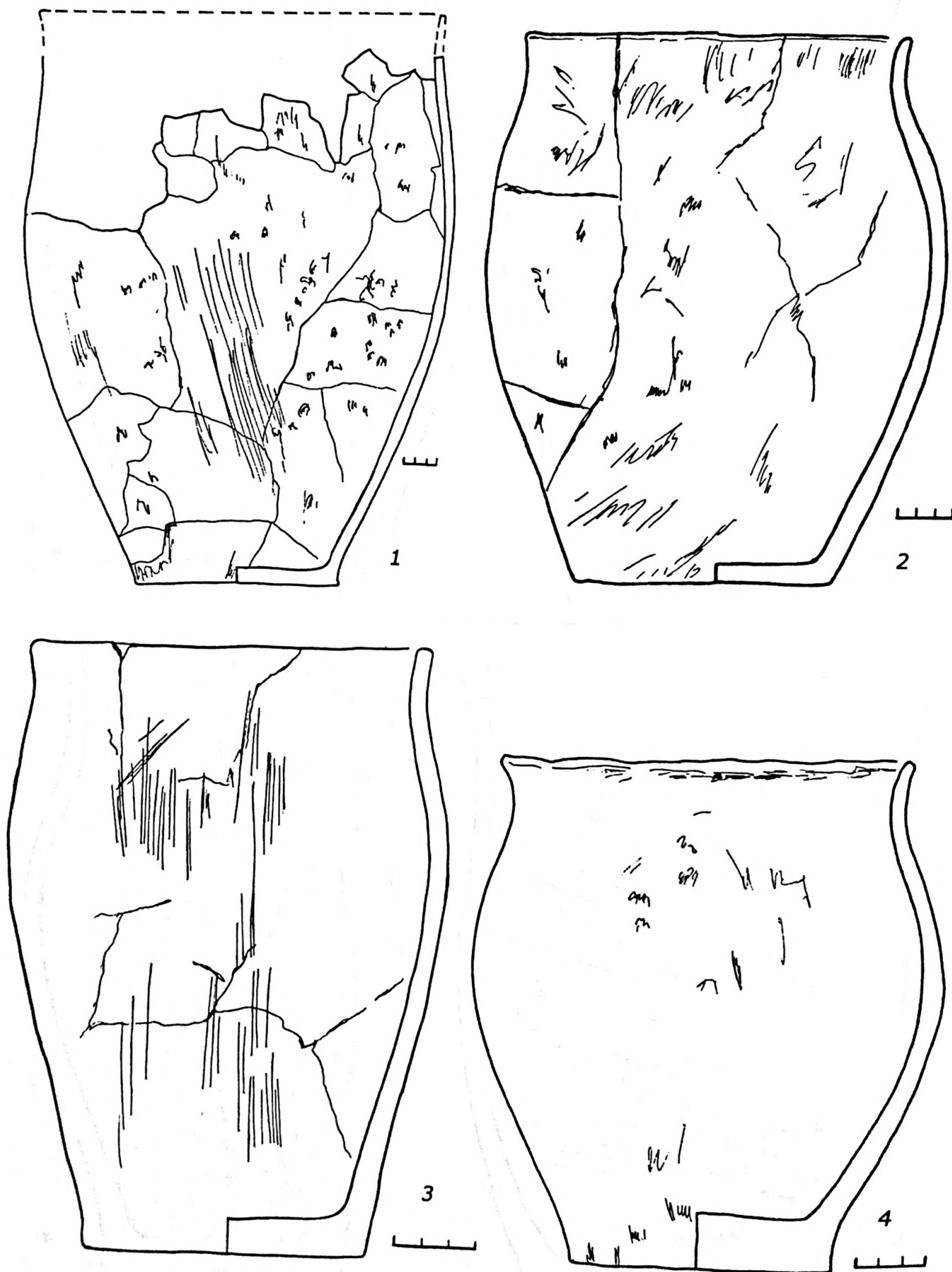

Рис. 10. Керамика из погребений: 1 — № 26; 2 — № 37; 3 — № 32; 4 — № 30

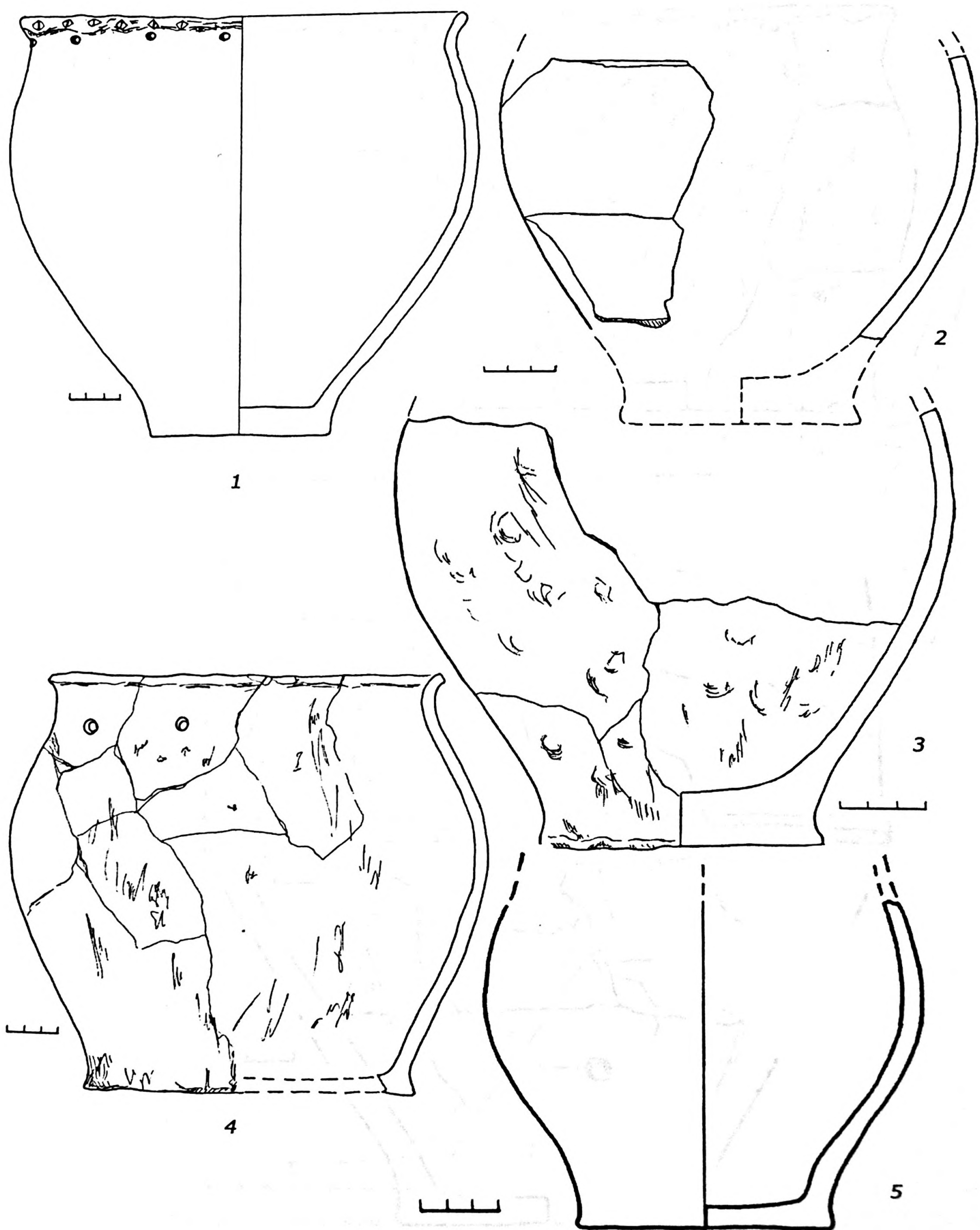
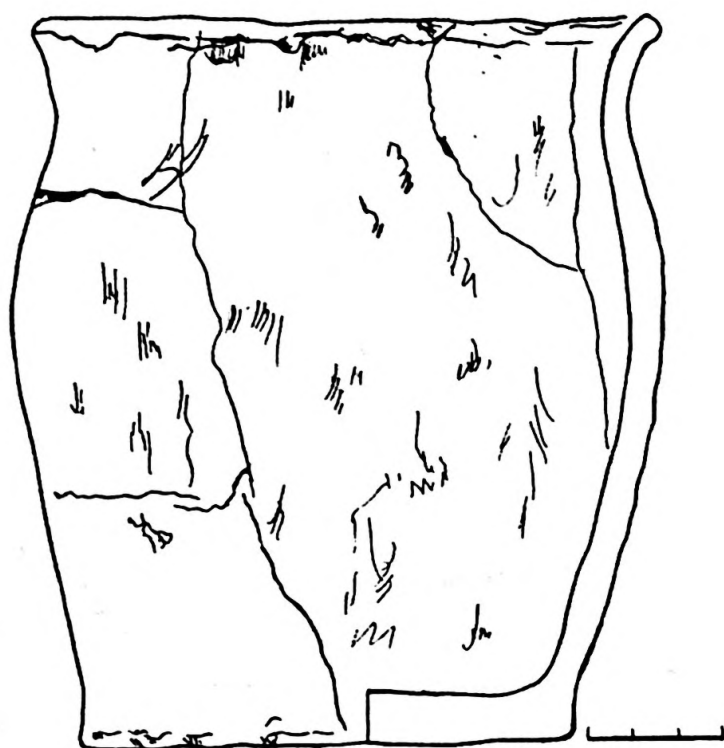
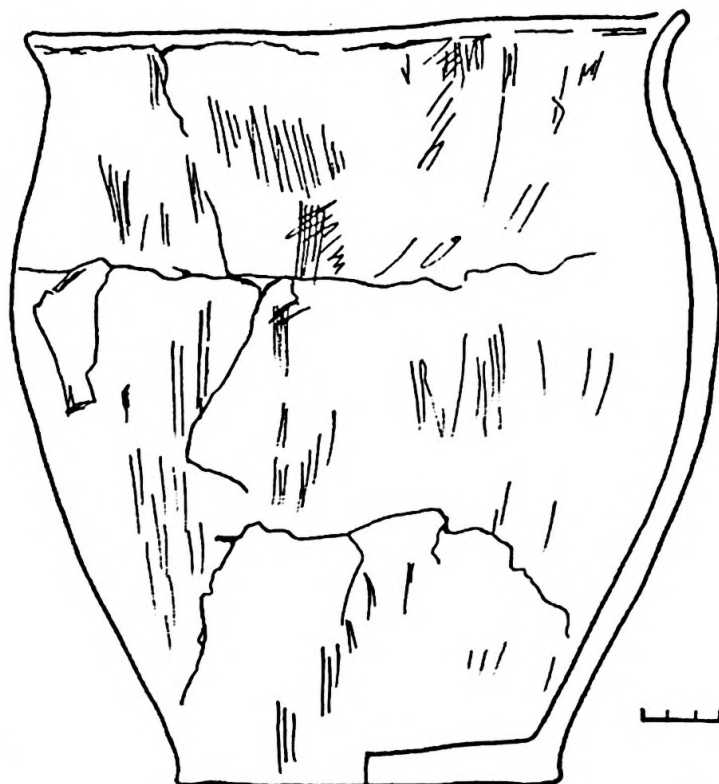

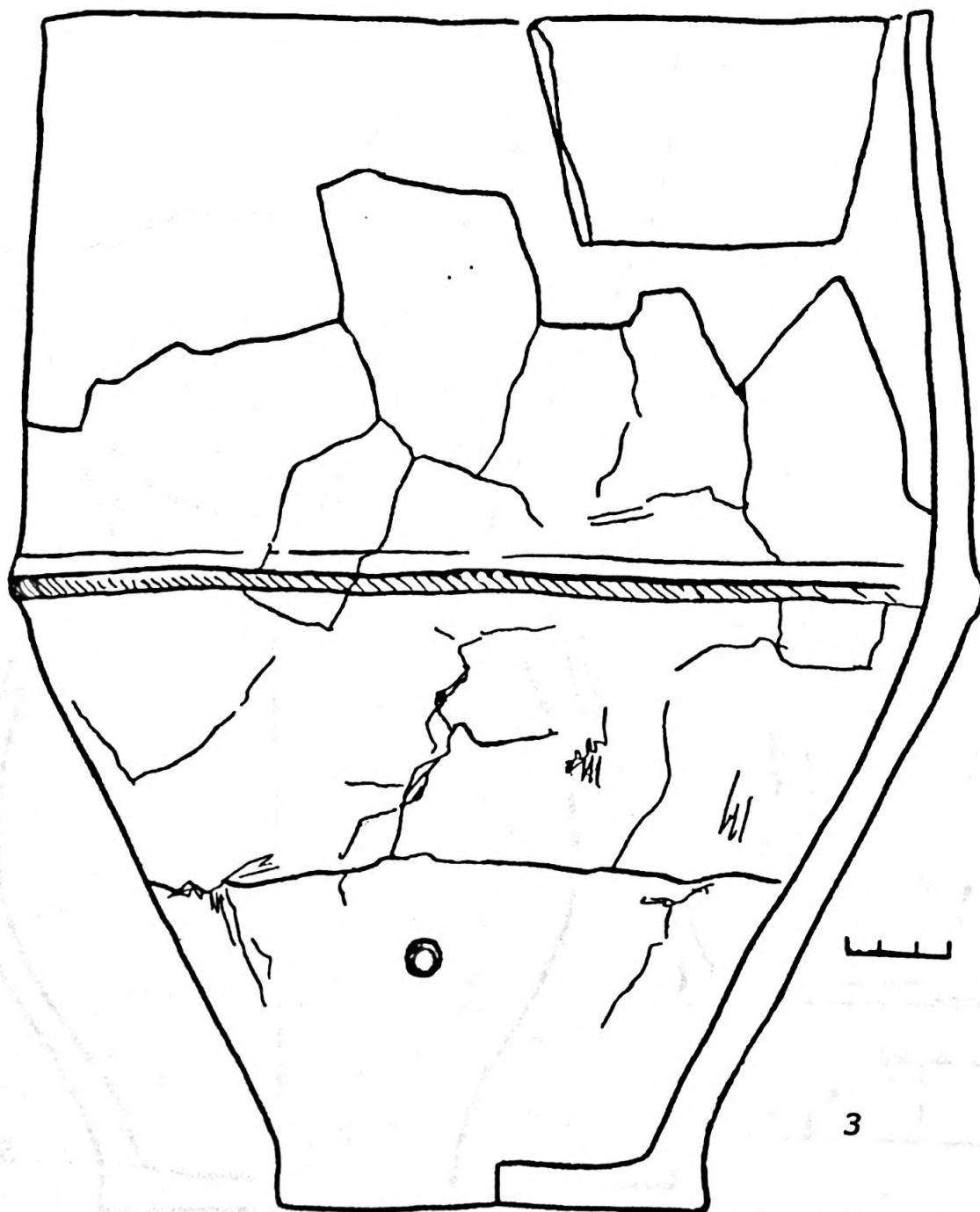
Рис. 11. Керамика из погребений: 1 — № 46; 2 — № 39; 3 — № 38; 4 — № 42; 5 — № 41

1

2

3

Рис. 12. Керамика из погребения 43. 3 — тщательно заглажен

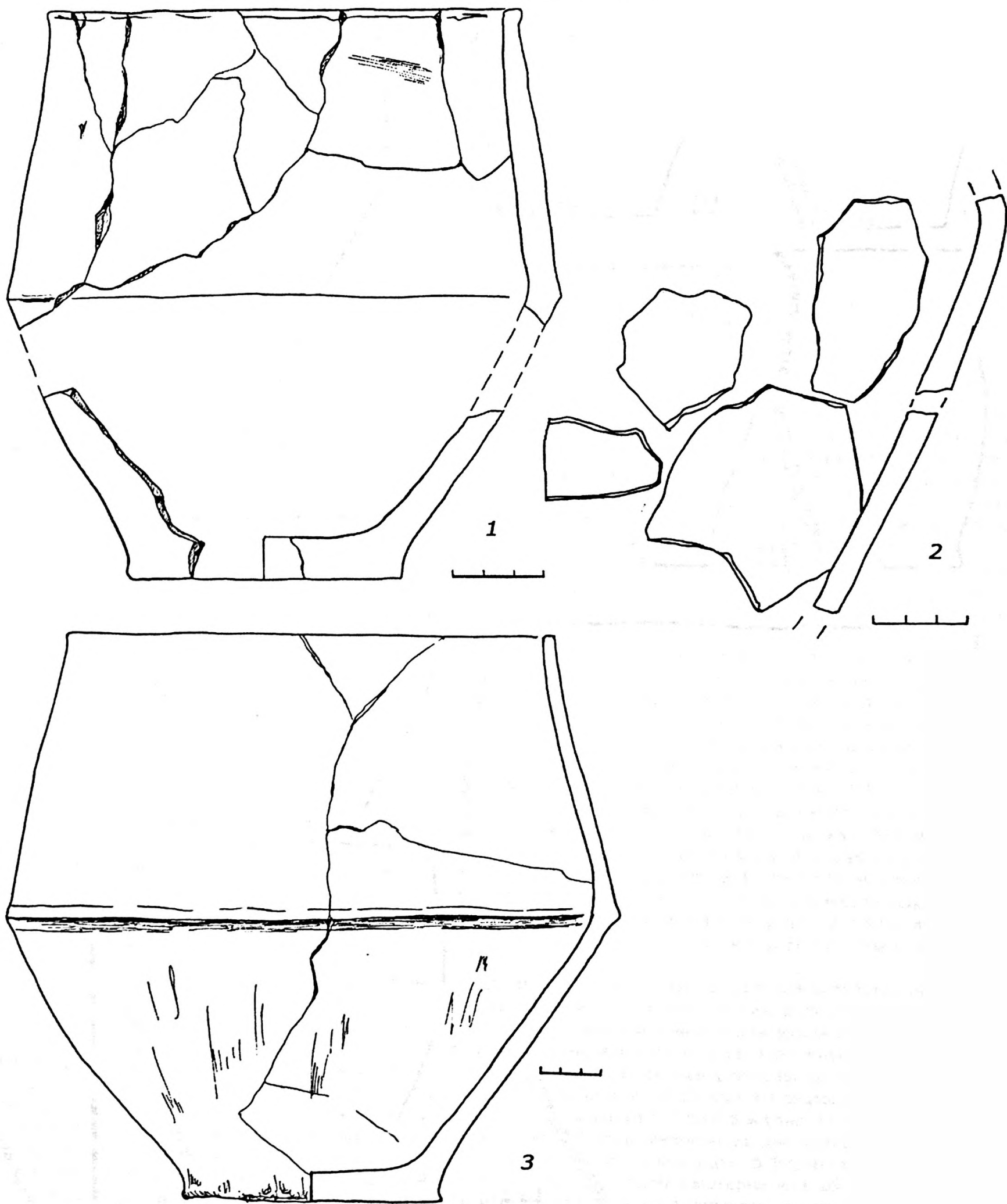

Рис. 13. Керамика из погребений: 1, 2 — № 50; 3 — № 51. 1, 3 — тщательно заглажен

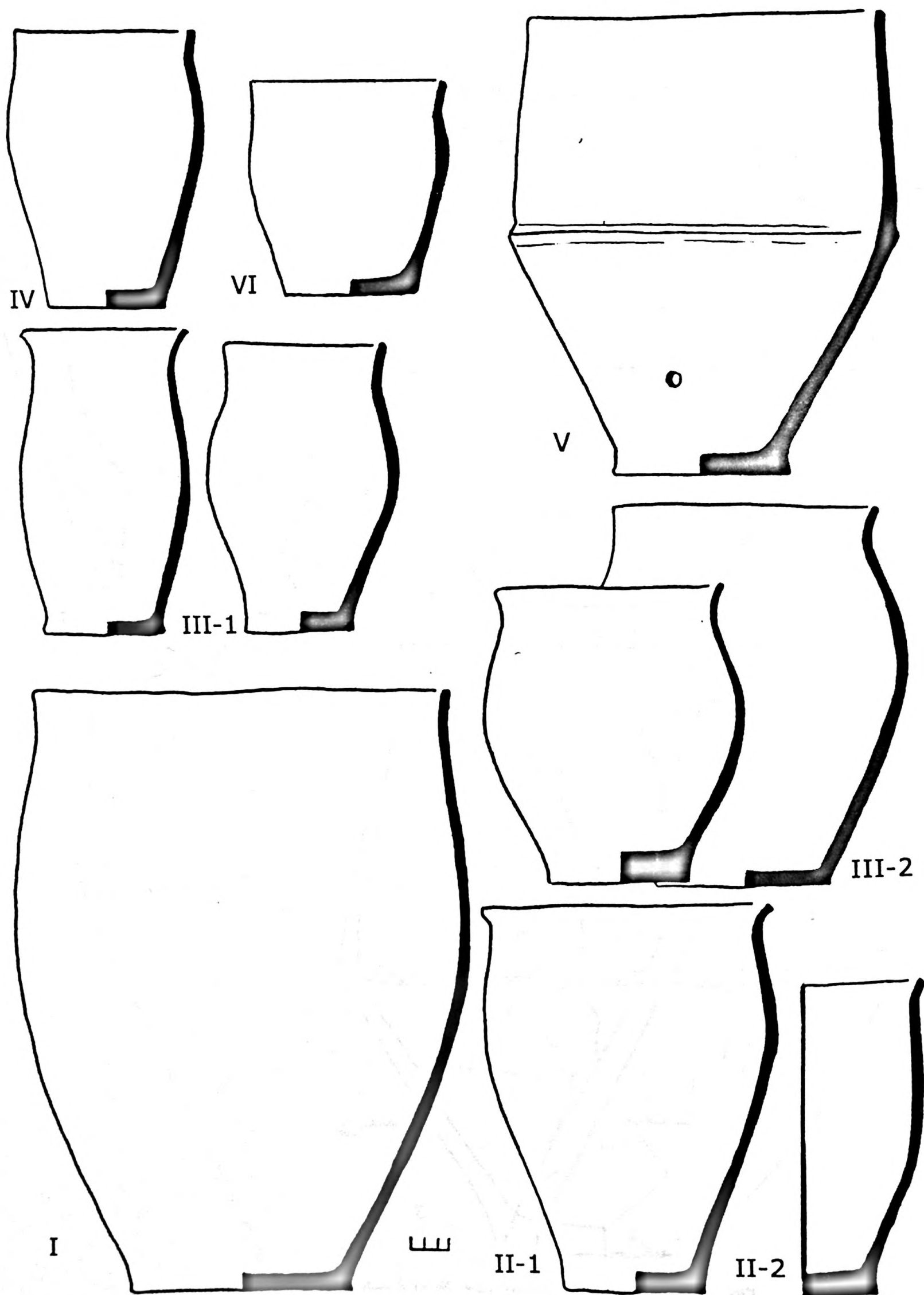

Рис. 14. Типологическая таблица керамики из погребений. Типы I—VI

В. М. Горюнова

Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле)¹

Резкое изменение этнокультурной ситуации в первых веках нашей эры на обширных пространствах восточно-европейской лесостепи и прилегающей к ней южной части лесной зоны привело к формированию новых культурных археологических образований, в современной литературе обозначенных как позднезарубинецкие или горизонт памятников Рахны-Почеп. Разбросанные на огромных пространствах небольшие группы и скопления новых памятников отделены друг от друга речными водоразделами. Каждая группа, несмотря на более или менее единые хронологические рамки, отличается своеобразием, обусловленным естественной природной изолированностью и теми отношениями, которые складывались у них с аборигенами по прибытии на новые места расселения. И все же печать места исхода — зарубинецкий «след» просматривается сквозь вуаль новаций и заимствований, вопреки неизбежности потерь. Причины, вызвавшие поразительное изменение карты археологических культур Восточной Европы в первых веках нашей эры, определяются разными авторами в двух вариантах. Это либо сарматское нашествие [Щукин 1994: 233], либо резкое изменение климатических условий, повлекшее за собой резкую структурную перестройку ведения земледелия [Обломский и др. 1990].

На Верхнем Псле в первых веках нашей эры обосновалась группа населения, своим происхождением тесно связанная с традициями зарубинецкой культуры. Памятники, оставленные переселенцами, образуют компактную, четко выделяемую локальную группу, культурно-хронологическое определение, генезис и история которой за последние десять лет были предметом неоднократного обсуждения в нашей археологической литературе [Обломский, Терпиловский 1991; Обломский 1991; Щукин 1994: 235 и др.]. Классический, ставший уже эталонным, главный памятник постзарубинецкого времени верховьев Псла — Картамышево II был открыт Днепровской левобережной экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством Е. А. Горюнова и раскапывался им в 1979—1980 гг. Памятник, исследованный широкой площадью, по существу, оставался до сих пор неопубликованным, за исключением отдельных керамических форм и вещей, которые присутствовали в вышеозначенных монографиях. Материалы Картамышева II могут быть дополнены коллекциями Гочево I, Гочево III, а также не столь многочисленными, но достаточно выразительными комплексами этого же круга: Картамышево I, Гочево VII, Бобрава 3 (урочище «Сильник») и Богдановка. Все эти памятники располагаются в пойме р. Псел (Богдановка — на р. Суджа) на дюнах и останцах, окруженных болотистой, труднопроходимой местностью. Большая часть этих поселений была в свое время открыта экспедицией под руководством Е. А. Горюнова, а после 1981 г. работы в регионе были продолжены В. М. Горюновой, Н. А. Тихомировым, Г. А. Усовой и О. А. Щегловой.

На поселении Картамышево II открыты десять жилых построек, около четырех десятков хозяйственных ям, остатки производственных сооружений, связанных с выплавкой железа и ювелирным делом, и столбовые ямы. Плановая структура поселения свободная: жилые постройки занимают в основном южный склон дюнного холма. Хозяйственные ямы располагаются двумя группами: в северной части поселения и в южной. При этом ямы южной части поселения связаны в основном с производством железа и обработкой бронзы. Возможно, поселение было обнесено столбовой оградой, так как в северо-западной его части прослежена четкая линия столбовых ям диаметром от 0,4 м до 0,7 м, углубленных в материк от 0,18 до 0,50 м. Расстояние между этими ямами от 0,2 до 0,8 м (рис. 1).

Жилые сооружения. В строительстве жилых сооружений прослеживаются две традиции: одна постройка имеет наземную столбовую конструкцию, остальные — полуземлянки почти квадратной формы с открытым очагом.

Наземная постройка имела размеры 5,8×3,6—3,4 м. Пол жилища углублен в материк на 0,08—0,10 м. 13 округлых столбовых ям диаметром 0,20—0,35 м, глубиной до 0,30 м располагались по периметру жилища. Длинные стены жилища имели по четыре столба, короткие — по два-три. Следы очага в виде углистого пятна прослежены на полу в центре постройки (рис. 2, 1).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-01-00228а.

Полуземляночные жилища Картамышева II представляют собой самую распространенную конструкцию. Это небольшие однокамерные постройки с углубленным в землю полом, открытым очагом. Форма их в плане близка квадрату с длинной стороной 3—4 м. Иногда углы сильно закруглены, и тогда строение приобретает в плане округлую форму. Конструкция стен была срубной. Следы центрального столба и входа прослежены только в двух случаях: столб — в полуземлянке 8, вход — в постройке 7. В полу построек иногда были вырыты хозяйственные ямы. Очажные ямы с углем и сажей или следы очага в виде прокала занимали в жилищах место, близкое к центру (рис. 2, 2; 3; 4).

Приемы строительства полуземляночных жилищ, принятые на поселениях Верхнего Псла, аналогичны приемам, принятым на большинстве восточноевропейских постзарубинецких памятников Среднего Днестра и его Левобережья, а также Сейминско-Донецкого региона. Они составляют общий элемент материальной культуры археологических групп типа Лютежа, почепской культуры и памятников типа Терновки 2 [Обломский, Терпиловский 1991: 22], впрочем, как и последующих этапов развития раннеславянских культур: киевской, колочинской и пеньковской.

Хозяйственные сооружения. Среди них преобладают ямы-погребя. Наиболее характерны круглые или овальные погребя с отвесными стенками цилиндрической формы. Одна яма имела колоколовидную форму. В некоторых случаях в ямах обнаружены развалы крупных корчаг, что свидетельствует об использовании ям для хранения зерна. Обычные размеры ям: диаметр 0,7—1,2 м, глубина 0,3—0,4 м.

К хозяйственному комплексу относятся два очага: выносной очаг А (рис. 2, 3) и очаг Б, расположенный на южном борту полуземлянки 2 (рис. 2, 4). Оба очага вымощены песчаниковыми плитами в несколько слоев, имеют углистое заполнение и при этом углублены в материк. Многослойные выносные очаги из слоев камней и битой керамики или только керамики хорошо известны на киевских памятниках, как верховьев Псла (Гочево I), так и Среднего Поднепровья (Обухов II, III, Обухов VII, Глеваха) и близких к верховьям Псла (Каменево 2, Воробьевка 2, Тазово, Авдеево) [Обломский 1991: 104; Терпиловский, Абашина 1992: 36, 111].

Производственные сооружения. На поселении, в его юго-восточной части, размещалась производственная зона, связанная с варкой, обработкой железа и ювелирным делом. Здесь находилась постройка 10, в северном углу которой была вырыта предгорновая яма (№ 42). Остатки очажка-горна располагались на северном ее борту (рис. 4, 3.) От горна сохранился развал пережженных кусков песчаника, крошки ярко-оранжевой обожженной глины, железных шлаков. Последние располагались в два-три яруса на песчаной подсыпке размером 0,5×0,5 м, мощностью 0,05 м. Самый крупный кусок шлака (крицы?) размером 20×16 см, толщиной 7—8 см, из нижнего яруса, имел слегка скругленную нижнюю сторону, которая повторяла выемку в песчаном основании горна. Шлаки находились и вокруг очажка. Поблизости от него в культурном слое найдены обломки стенок тиглей. У восточного края предгорновой ямы в углистом слое было прослежено скопление железных шлаков (около 50 кусков), лежавших компактно в углистом слое. Заполнение ямы пестрое, содержит углистые вкрапления и включения желтого песка. В стенах и в полу постройки были вырыты ямы (№ 38, 39, 40), которые также служили производственным целям. В заполнении ям и постройки, а также в непосредственной близости от них в культурном слое выявлен ряд фрагментов тиглей, куски шлака, руды.

Кроме этого, к остаткам сооружений, связанных с производством железа и ювелирных изделий, судя по характеру заполнения (сажисто-углистое) и находок (большое количество шлака, фрагменты тиглей, поломанные вещи — топор, наконечник стрелы, сплавленные звенья бронзовой цепочки), следует также отнести целый ряд объектов, по форме ничем не отличающихся от хозяйственных обычных ям, расположенных в непосредственной близости от постройки 10. Такому виду артефактов принадлежат ямы № 33, 35, 36. Между ямами № 35 и 36 наблюдалось значительное скопление шлаков в углистом слое, размеры скопления составили 1,16×0,41 м.

Очаг В располагался в северной половине поселения (рис. 1; 2, 5). Он был углублен в материк на 0,16—0,18 м. Стенки ямы обложены крупными фрагментами толстостенного сосуда-зерновика. Дно ямы было выложено мелкими кусками известняка, обожженными и растрескавшимися. Очажная яма забита мелким камнем и фрагментами керамики. Среди камней попадались отдельные угольки и отдельные пережженные кости. По своим конструктивным особенностям данный объект следует отнести к типу сооружений, которые мы называем «горнами», за отсутствием другого более подходящего наименования. Они представляют собой усеченно-коническую яму, обложенную крупными фрагментами лепных сосудов, иногда скрепленных глиной с включениями камней. Внутренняя поверхность таких сооружений несет следы прокала. Гораздо более полное представление о таких сооружениях дают материалы из урочища «Сильник» — Бобрава 3 (рис. 28, 4), а также из Гочева III (материалы раскопок 1991 г.). Подобные конструкции опубликованы в материалах по Гочеву I [Тихомиров, Терпиловский 1990: 71, рис. 5, 1—3]. Очаг В картамышевского поселения представляет собой нижнюю часть аналогичной конструкции. На поселениях Богдановка и Гочево VII от таких конструкций сохранилась также только нижняя часть: небольшая яма в материке, выложенная фрагментами керамики.

Правда, некоторые исследователи подвергают сомнению высказанное нами предположение о связи данных ям с производством железа. При этом они ссылаются на отсутствие шлаков в их заполнении и следов воздействия высоких температур [Обломский 1991: 46; Терпиловский, Абашина 1992: 37]. Но, во-первых, на поселениях Гочево VII и Богдановка в непосредственной близости от таких ям были найдены железистые шлаки. Во-вторых, не все процессы обработки железа связаны с образованием большого количества шлаковых отходов. Такие процессы, как цементация, требуют применения относительно умеренных температур, правда, на протяжении довольно длительного времени. А яма такой конструкции способствовала длительной аккумуляции определенных постоянных температур. Здесь уместно будет вспомнить, что древнерусские мастера науглероживание крицы проводили в обычном горшке, помещая его в обычную бытовую печь.

Следы производства, которые можно связывать либо с обработкой железа (развалы обожженной глины, шлаки, куски кричного железа), либо с ювелирным ремеслом (шлаки, фрагменты тиглей, кусочки бронзы) — неперенный компонент материальной культуры племен постзарубинецкой эпохи Верхнего Псла. Так же как и на Картамышево II, на поселении Гочево I была выделена специальная производственная зона (Гочево II) с производственной полуземлянкой, в которой к одной из стен примыкала печь, предназначенная для производства железа [Тихомиров, Терпиловский 1990: 60—63, 77, рис. 11]. Возможно, подобная зона была исследована и на Гочево VII с полуземлянкой и рядом ям, в которых были найдены отходы ювелирного производства — кусочки шлаков, стенки тиглей. Прослежена также нижняя часть плохо сохранившегося «горна» типа Гочево—Бобрава, рядом были найдены железистые шлаки.

У племен Верхнего Псла в постзарубинецкое время, кроме выделения особой производственной зоны для выделки железа, практиковалось создание временных становищ ремесленников, занятых обработкой металла. К такому типу поселения принадлежит практически полностью раскопанное нами сезонное становище ремесленников на дюне в урочище «Сильник» около с. Бобрава: одна-две полуземлянки, «горн» для обработки железа и несколько ям с отходами ювелирного дела. На Богдановке, где удалось проследить остатки конусовидного «горна» и предгорновой ямы обычного типа, по-видимому, также располагалось подобное временное производственное поселение. Сезонностью объясняется незначительность культурных отложений на такого рода памятниках, в том числе и отходов производства.

Керамический комплекс

Подавляющая часть керамической коллекции поселения Картамышево II представлена посудой, изготовленной ручным способом. По назначению она делится на кухонную (грубо лепную) и столовую (лошеную) посуду.

Кухонная посуда сделана из грубого теста, в качестве примесей использован крупный шамот и иногда небольшая примесь песка. На некоторых фрагментах хорошо выявляется техника кольцевого налета из широких лент глины. Поверхность сосудов, грубая, с выступающим шамотом, нередко несет следы грубого заглаживания пальцами или щепой. Очень мало фрагментов с нарочитой хрупчатостью и штриховкой. Орнаментация наносилась в основном на край венчика сосуда и состояла из пальцевых защипов с ногтевыми отпечатками. Есть единичные фрагменты, на которых подобные защипы нанесены на боковую поверхность сосуда (рис. 12, 6; 30, 7; 31, 5). На одной из корчаг венчик орнаментирован насечками гребенчатого штампа (рис. 19, 4). Основу керамического комплекса данной группы посуды составляют горшковидные сосуды.

Горшковидные формы разделены на две группы: округлобокие и ребристые сосуды.

Группа I. *Округлобокие* (рис. 10). Тип 1 — широкогорлые сосуды с максимальным расширением корпуса в верхней части, сравнительно высокой шейкой и узким дном. Представлены преимущественно корчагами (рис. 11, 5; 12, 2; 15, 1; 17, 4, 7). Тип 2 — слабопрофилированные тюльпановидные сосуды с широкой горловиной и узким дном, имеют плавно отогнутый венчик, наибольший диаметр сосуда находится на середине высоты или немного смещен вниз (рис. 10, 3, 6; 11, 4; 20, 1; 26, 3; 27, 1; 29, 1, 5, 7, 8). Тип 3 — слабопрофилированные баночные сосуды средних размеров со слабо выделенной шейкой, диаметр дна их почти равен диаметру венчика (рис. 13, 2; 15, 2, 6; 16, 12; 22, 2; 26, 6; 31, 7). Тип 4 — округлобокие сосуды с максимальным расширением на середине высоты и плавно отогнутым венчиком, диаметр дна равен или почти равен диаметру венчика (рис. 15, 5, 9; 16, 2; 17, 2; 19, 1; 22, 1). Тип 5 — раскрытые сосуды с невыделенным, загнутым внутрь краем и, вероятно, коническим туловом (рис. 16, 4; 31, 2, 6).

Группа II. *Ребристые* (рис. 11). Тип 1 — открытые корчаги с прогнутой линией профиля верхней части, широкой горловиной и узким дном. Ребро расположено в верхней части корпуса (рис. 12, 10; 13, 6, 7; 22, 5). Тип 2 — биконические горшки и корчаги с ребром около середины высоты или выше и слегка отогнутым коротким венчиком (рис. 10, 1; 12, 1; 14, 1, 8; 18, 1; 19, 2; 21, 1).

В группе груболепной посуды выделяются единичные экземпляры чашевидных сосудов с загнутым внутрь или коротким вертикальным венчиком (рис. 9, 1—4; 14, 3, 4, 6). Целый ряд особых единичных форм груболепной посуды представлен на рис. 15, 1; 16, 1; 18, 2; 19, 4; 24, 3; 29, 6; 31, 5.

Лощеная (столовая) посуда. На памятниках Верхнего Псла фрагменты стенок лошенных сосудов наблюдаются почти повсеместно, но наиболее представительную коллекцию столовой посуды мы имеем на поселении Картамышево II. Лощеная посуда изготовлена из хорошо промешанного теста, примеси шамота очень мелкие, часто присутствует какая-то органическая примесь (в стенках видны тонкие круглые каналцы), поверхность тщательно выровнена, лощение черного, темно-серого или желтовато-серого цвета. Большая часть такой посуды была орнаментирована фризами прочерченных геометрических мотивов разной комбинации: меандры, свастики, перекрещивающиеся двойные линии, параллельные линии, заштрихованные внутри или заполненные зигзагом, ромбами и т. п. На некоторых экземплярах в углублении врезных линий сохранилась белая паста. В этой группе керамики выделяются два вида форм: миски и горшки. Орнаментация наносилась в основном на миски.

Горшки представлены четырьмя типами. Тип 1 — тюльпановидной формы с коротким слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 14, 9; 22, 4). Тип 2 — плавной профилировки с ребром в средней части (рис. 21, 3; 29, 3). Тип 3а — плавной профилировки с вертикальным венчиком и округлыми плавными плечиками, с наибольшим диаметром в верхней трети сосуда (рис. 13, 1, 3; 14, 5; 16, 6; 20, 2, 7, 8; 22, 7; 26, 2; 27, 3). Тип 3б — отличается от предыдущего профилированным, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 18, 3; 20, 6, 8). Тип 4 — с ребром в верхней трети, с венчиком, слегка наклоненным внутрь (рис. 21, 7).

Миски можно разделить на три типа. Тип 1 — широкооткрытые, с резким ребром в верхней трети, с отогнутым наружу венчиком (рис. 24, 1; 27, 4; 30, 3). Тип 2 — миски слегка закрытого вида, резкое ребро несколько сдвинуто к

средней части корпуса (рис. 24, 2). Тип 3а — с вертикальным венчиком, широкооткрытые, с мягким ребром на середине высоты (рис. 14, 2; 27, 2). Тип 3б — с выделенным, слегка отогнутым венчиком, широкооткрытые, с мягким ребром на середине высоты (рис. 9, 6).

Керамический комплекс памятника дополняется миниатюрными сосудами разных форм (рис. 32). Особое внимание обращают на себя фрагменты диска (рис. 30, 5) и чернолощеного узкогорлого сосуда раскрытого типа, форма которого не поддается полной реконструкции (рис. 12, 7; 32, 6).

Своеобразие керамического комплекса Картамышево II определяется группой лощеной керамики. Лощеная посуда, украшенная врезным геометрическим орнаментом, является хорошим этнокультурным признаком. Горшки типа 3а повторяют некоторые формы зарубинецкой культуры. Традиции зарубинецкого времени продолжает также третий тип мисок, но он представлен единичными фрагментами, к тому же, как нам кажется, он значительно осложнен центральноевропейским влиянием. Например, одна из таких мисок имеет прорезной геометрический орнамент. Явно указывает на влияние центральноевропейских культур более представительная группа мисок типа 1 и 2. В литературе существует мнение, что истоки такого влияния следует искать в памятниках пшеворской культуры, «где они (такой формы миски) появляются в конце позднего латена и максимально распространяются в раннеримское время» [Обломский, Терпиловский 1991: 88—90, рис. 23; 1998: 76—78; Обломский 2002: 15]. Приведенные вышеуказанными авторами аналогии вполне справедливы для формообразующих признаков, но что касается орнаментации, все обстоит несколько сложнее. Гораздо более близкие элементы и комбинации узоров можно подыскать в качестве аналогий на несколько более поздних мисковидных сосудах вельбарской традиции [Тиханова 1964: рис. 18, 4; Щукин 1989: рис. 3, 4, 1; Tuszyńska 1988: 179, рис. 2, 17] или, наоборот, среди более ранних памятников оксывской культуры [Prehistori... 1981: Tabl. XIX, 2]. Насколько справедливы столь далеко (хронологически) идущие параллели, сказать трудно. Приходится, не объясняя механизм связи, констатировать факт совпадения в применении и форме орнаментальных мотивов. Не исключено, что существовало третье передаточное звено, где могла сохраниться «оксывская» орнаментация и параллельно сформироваться форма мисок, аналогичная пшеворским. Нельзя не учитывать и тот факт, что в Посеймье во II—I вв. до н. э. существовала группа памятников, зарубинецкая основа которых была сильно осложнена центральноевропейским влиянием, по мнению одних — пшеворским [Максимов 1972: 50—58], по мнению других — пшеворским и лукашевско-ясторфским [Обломский, Терпиловский 1994: 162]². Эти памятники слабо изучены, материал ограничен, но в нем присутствуют лощеные миски и мисковидные сосуды по своим формам близкие картамышевским [Обломский, Терпиловский 1994: 169, рис. 3, 6; 170, рис. 4, 14, 15], хотя сами авторы этот факт отрицают. Не исключено наличие и близкой орнаментации [Обломский, Терпиловский 1994: 172, рис. 6, 1]. Приведенные замечания заставляют нас задуматься, а не имела ли в данном регионе история зарубинецко-центральноевропейского симбиоза местное продолжение в варианте постзарубинецких памятников типа Картамышево II? Притягательность данного региона для центральноевропейских импульсов в постзарубинецкий период тогда получает дополнительное обоснование. Возможно, при дальнейшем изучении памятников типа Харьевки появятся материалы этой культуры, еще более близкие Картамышеву и по времени, и по формам. Гипотеза Обломского—Терпиловского о генезисе памятников типа Картамышево II из среды среднеднепровских зарубинецких племен не может быть полностью сброшена со счетов [Обломский, Терпиловский 1991: 85—88; Обломский 2002: 14—15], но следует обратить внимание и на то, что ряд перечисленных ими культурообразующих отличий (высокие мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем и миски с прямым загнутым внутрь венчиком) связаны с чисто инновационными явлениями: в одном случае — с Пшевором, в другом — с влиянием античной посуды, переработка типов которой активно происходила в варваризованных центрах не только Северо-Западного Причерноморья, но и Нижнего Подонья, а затем через сарматскую среду активно вносилась в область постзарубинецкого культурного пространства.

Импортная керамика на поселении представлена очень незначительным числом образцов и к тому же сильно фрагментирована (рис. 23, 1; 28). Примечательна концентрация подавляющей части привозной керамики вокруг жилища 3 и к северо-востоку от него. В культурном слое встречены обломки стенок светлоглиняных и красноглиняных амфор, тип которых точно не установлен, поскольку фрагменты либо незначительны либо не имеют диагностируемых признаков. Возможно, некоторые из таких фрагментов принадлежат каким-то другим формам (кубкам или кувшинам?), поскольку два фрагмента красноглиняной посуды с тонким валиком имеют слишком тонкие стенки, чтобы представлять амфорную тару (рис. 28, 2, 3). Коллекцию керамического импорта дополняет находка фрагмента лощеного светлого розово-охристого ребра (вероятно, от миски) и лощеного ребра стенки красноглиняного сосуда с внешним черным покрытием (графит? или науглероживание?)³. Последний прием обработки внешней поверхности сосудов, как в сероглиняном, так и в красноглиняном вариантах, выработан с I в. в Нижней Паннонии, затем такие миски появились и на поселениях Днестровского лимана [Гудкова, Молюкевич 1999: 9—11].

Кроме того, в коллекции Картамышево II присутствует фрагментированный гончарный горшок из плотного теста с добавками мелкого песка, коричневатого-охристого цвета, орнаментированный по плечу врезной волной, с выделенным слегка отогнутым наружу округлым венчиком (рис. 28, 5). По технологии он явно иноземного происхождения, но насколько безупречными будут наши сопоставления с той или иной группой провинциально-римских сосудов, сказать трудно. Не исключено, что поиск аналогий среди римской керамики II—III вв., происхождение которой связывают с лагерями римских легионеров [Щукин 1999А: 73; Шаров, Бажан 1999: 40, табл. 14, 1; там же сводка литературы], даст

² В настоящее время А. М. Обломский в своей последней работе датировку этих памятников как будто изменил на II в. до н. э.—начало I в. н. э. [Обломский 2002: 14]. Правда, эту перемену он никак не объясняет и аргументацию в пользу новой датировки не приводит.

³ Материал сильно измельчен, и включать рисунки данных фрагментов в таблицы было нерационально.

положительные результаты, но при этом необходима работа с «живым» материалом. Нельзя исключать и подражательный характер нашего экземпляра.

Особый интерес представляют находки двух фрагментов сероглиняной гончарной посуды. В одном случае это обломок ребра лощеного сосуда, в другом — придонная часть корчаги, дно которой не имело ни закраин, ни поддона (рис. 28, 1). По характеру теста, обжигу и фактуре поверхности эти фрагменты напоминают черняховскую посуду. Определить форму посуды затруднительно, но на поверхности обломка корчаги видны характерные для шероховатой черняховской посуды выбоины от крупного песка, возникавшие под руками гончара при вращении горшка на гончарном круге. Материалы и объекты, синхронные черняховскому времени на поселении Картамышево II отсутствуют, поэтому отодвинуть верхнюю границу существования памятника во вторую половину III в., когда можно говорить о появлении черняховских памятников на Левобережье, не представляется возможным. Скорее всего, это импорт из причерноморской среды.

На памятниках, близких Картамышеву II территориально и культурно-хронологически (Терновки 2, Гочево I, Попово-Лежачи, Шишино 5, Кулига и др.), помимо амфорной тары постоянно отмечалось присутствие гончарной посуды позднеантичного облика: фрагменты красноглиняных и розовоглиняных, коричнево- и сероглиняных лощеных и нелощеных сосудов. При этом сероглиняную лощеную керамику чаще определяли в качестве черняховской [Обломский 1991: 48, 188, 189, 195, 197, 200], хотя большинство перечисленных выше памятников относятся к предчерняховскому времени. В последнее время в связи с направленным изучением вопросов возникновения и места изготовления сероглиняной гончарной посуды, а также времени появления ее в Причерноморских центрах с одной стороны [Гудкова, Молюкевич 1999: 81—8; Гудкова 1999: 269—270], и на памятниках черняховской культуры — с другой [Щукин 1999б: 19; Шаров, Бажан 1999: 19—65], подходить к определению подобного рода керамики стали более осторожно. Чаще решают вопрос в пользу ее провинциально-римского происхождения [Терпиловский, Абашина 1992: 74; Обломский 2002: 18], подчеркивая при этом трудности в определении форм и типов в силу большой фрагментированности материала. Со своей стороны могу добавить, что для определения источника подобной керамики во II—начале III в. есть несколько вариантов, но все они не связаны с черняховской культурой. На данный момент определенно установлено появление специфических сероглиняных гончарных форм в Причерноморском регионе, по крайней мере, на полтора столетия раньше, чем в черняховской культуре; начиная с конца I в. н. э. она здесь существует во II—первых десятилетиях III в. н. э. [Гудкова 1999: 270]. М. Б. Щукин на материалах Лепесовки определяет время появления серой гончарной керамики лишь в рамках 200—240 гг. Вероятно, проникновение гончаров-производителей сероглиняной керамики с характерной валиковой орнаментацией в Восточную Европу (в район Северо-Западного Причерноморья, в частности) опережало формирование черняховской культуры на данной территории. Кроме того, нельзя не учитывать распространение в сарматской среде серолющеной посуды как позднеантичных, так и северокавказских форм, которые в мелких фрагментах трудноотличимы от черняховской посуды. Кроме того, в материалах Приазовья существует ряд реберчатых мисок, по форме очень близких черняховским, но не все исследователи признают их черняховское производство. Это важно учитывать особенно при работе с материалами памятников постзарубинецкого времени Сейминско-Донецкого бассейна и других близких ему регионов.

И, наконец, следует отметить два фрагмента гончарной посуды, которые относятся к несколько более раннему периоду, чем вышеописанная группа керамических импортов. Это ручка двуствольной красноглиняной амфоры (рис. 28, 4), датировка которой ограничена I в. до н. э.—серединой I в. н. э. [Абрамов 1993: 44—45], и крупный фрагмент стенки гончарного сосуда коричнево-кофейной глины, по тесту как будто повторяющий ручку вышеозначенной амфоры (рис. 28, 6).

Вещевой инвентарь

Группу производственно-хозяйственного инвентаря составили узколезвийный топор с обломанным обухом и лезвием ложка (рис. 5, 22; 6, 10). Они отличаются сложной техникой изготовления с применением пакетной заготовки [Гопак, Горюнова 1991: 235—245]. Универсальные ножи обычного типа и шилья (рис. 6, 1—4, 13) сделаны из грубо прокованного кричного железа, рыболовный крючок — из сырцового железа (рис. 5, 17). В яме № 35 был найден маленький втульчатый наконечник стрелы с обломанной втулкой (рис. 6, 7). Дополняют данную группу инвентаря биконические и плоские пряслища, вырезанные чаще всего из стенок лощеных сосудов (рис. 7), конек из плюсовой кости (рис. 6, 9), костяная втулка (рис. 5, 13), костяная игла (рис. 5, 21), точильные камни (рис. 6, 12; 8, 6, 8). Особо следует выделить фрагмент костяного изделия с руноподобными знаками (рис. 5, 9).

В культурном слое и заполнении ям, в основном на юго-восточной части поселения, где концентрировались следы ювелирного производства, найдены фрагменты тиглей. Если судить по некоторым фрагментам, а также по целому экземпляру, это были сильно ошлакованные миниатюрные конические сосудики с треугольным устьем (рис. 8, 1—5, 7, 9). В глиняное тесто при их изготовлении добавлялась кварцевая дресва. Формы таких тиглей традиционны для зарубинецких и ряда постзарубинецких памятников [Максимов 1969: 44, рис. 5, 18; Заверняев 1969: 103, рис. 11, 13, 15; Максимов 1982: 52, табл. XI, 25]. Их форма резко отличается от тиглей, которые были в ходу у мастеров северной лесной зоны: юхновской, верхнеокской культур и культуры штрихованной керамики. Лесные жители пользовались для плавки бронзы круглодонными стакановидными сосудиками с цилиндрическим корпусом [Горюнова 1994: 66—67, рис. 6]. С ювелирным производством связаны обрывки бронзовой проволоки (рис. 5, 4, 5, 8), бронзовая массивная не до конца прокованная пластинка (рис. 6, 5), оплавленные звенья цепочки из ямы 33 (рис. 5, 3).

Предметы убора и вопросы хронологии. Железная посоховидная булава, найденная в постройке 2, и массивное железное кольцо с серебряной насечкой (рис. 5, 18, 23) мало что дают для хронологических изысканий, так же как и фрагменты проволочно-пластинчатых украшений, которые не поддаются реконструкции (рис. 5, 2, 5). Кольцу подобрать

аналогии не удалось, но можно отметить, что украшение темного железа вставками светлого серебра — традиционно центрально-европейский стиль. Посоховидные булавки широко распространены в балтских культурах лесной зоны.

Возможности группы украшений, о которых пойдет речь ниже, несколько шире. В культурном слое поселения найден осколок крупной стеклянной бирюзово-белой бусины с накладным глазком слоисто-щитковой структуры: белый диск, на нем золотисто-желтый, потом опять белый и, наконец, завершает эти наслоения темно-синяя капля (рис. 5, 12). Подыскать аналогии данному экземпляру непросто. Если наша реконструкция верна, то, возможно, она несколько напоминает синие бусы с такими же глазками, которые Е. М. Алексеева датировала от эллинистического времени до I в. н. э. По ее мнению, они продолжали изредка встречаться и во II в. н. э. Слоистые глазки особенно характерны для I—II вв. [Алексеева 1975: 51—73, 54, 56, табл. 14, 9, 29, 30, 15, 60, 75—77, 81—84, 86, 15, 51—55, 70]. В постройке № 7 найдена бочонковидная бусина глухого стекла (?) охристо-желтого цвета (?). Бусина, вероятно, была подвергнута вторичному обжигу и изменила свою структуру и цвет, поэтому типологическому определению поддается с трудом. На ее внешней поверхности четко видна слоистая структура, следы навивки стеклянной массы на круглую основу (рис. 5, 11). По форме ей можно было бы подыскать аналогии в работе Е. М. Алексеевой в разделе, посвященном бусам одноцветного стекла (тип 57). Такие экземпляры сделаны из глухого красного стекла и зачастую имеют на своей поверхности зеленоватые волокна. Широкая дата этих бус — I—IV вв., более узкая — I—III вв. [Алексеева 1975: 67, табл. 33, 15]. Но не исключено, что это была глазчатая бусина, у которой глазок из-за повторного обжига потерял свой цвет и структуру. Плнчатую глухого красного стекла бусину из культурного слоя (рис. 5, 15) по ее датировкам следует относить ко II—III вв. н. э. (тип. 104) [Алексеева 1978: 69—70].

Более узкую дату указывает находка бронзовой глазчатой фибулы прусской серии типа Альмгрен 61 (тип BIV по Ямке), которая найдена в заполнении жилища 7. По средневропейской хронологической шкале начало существования данного типа определено с рубежа I и II вв. В Польше такого рода фибулы доживают до последней четверти II в. [Godłowski 1985: 52; Гей, Бажан 1993: 56, примечание главного редактора; Шукин 1994: 267, рис 90]. Фибула из Картамышева II несет следы длительного использования: она потерта, была поломана и починена, это необходимо учитывать при определении времени ее существования в рамках нашего памятника (рис. 5, 1).

В жилище 8 и культурном слое Картамышева II найдены целая и фрагментированная трапециевидные подвески, украшенные композициями из двойных концентрических окружностей (рис. 5, 7, 20). Подобные бронзовые пластинчатые украшения входят в вещевой комплекс выемчатых эмалей [Корзухина 1980: 61]. В наборах сложных составных украшений с вещами выемчатых эмалей употреблялись также и плоские подвески-лунницы, подобные найденной в заполнении жилища 8 (рис. 5, 16), и цепочки, колечки которых имеют треугольное сечение или ребрышко в центральной части (рис. 5, 3). В яме № 24 Картамышевского поселения обнаружена лунница с дуговидным корпусом и двумя круглыми гнездами-вставками с красной эмалью на дисковидных концах, у которых имеются три округлых выступа. Лунница представляет собой один из самых ранних типов такого рода украшений: с дугообразным телом, круглыми эмалевыми вставками на концах и шарообразными отростками вокруг вставок. По типологии И. К. Фролова, она относится к типу I—B1 [Фролов. 1980: 111—115]. В ушко продето кольцо, в которое вставлена петля, сделанная из проволоки треугольного сечения (рис. 5, 14). Вещи с эмалевыми вставками характерны для памятников постзарубинецкой эпохи на Верхнем Днепре и Северском Донце. Наиболее полная сводка находок вещей с выемчатыми эмальями на постзарубинецких и раннекиевских памятниках приведена в работах А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского [Обломский 1991: 20—21; Терпиловский, Абашина 1992: 68—69].

Тема эмалей, их типологическое и хронологическое членение — все эти вопросы имеют довольно длинную и сложную историю. На данный момент в литературе установилась точка зрения на достаточно раннее появление эмалей, большая часть исследователей, согласно разработкам Е. Л. Гороховского, связывает их появление со второй половиной/концом II в. Данный вывод Е. Л. Гороховского зиждется в основном на стилистической связи ранних типов эмалей с прототипами II в. и второй половины II—начала III в. [Гороховский 1982: 127—129; 1982б: 133, 134]. Но те немногие случаи попадания ранних типов эмалей в датированные комплексы, сведения о которых имеются в литературе последних лет, как будто не противоречат этому выводу. А. М. Обломский в своей монографии приводит примеры точных датировок, подтверждающих вывод Е. Л. Гороховского: находки из Головино I, по М. М. Михельбертасу, относятся к периодам B2/C1 и C1a, т. е. ко второй половине II—первой трети III в., а эмали из Дьякова городища по C14 датируются рубежом II и III вв. [Обломский 1991: 14, 23, 25; Кренке, Сулержицкий 1988: 42, рис. 1, 2]. К этим данным можно добавить находку из Клинь Яра (Северный Кавказ), где в погребении местной женщины эмалевая лунница сопровождается сильнопрофилированной фибулой последней трети II—первой трети III в. [Виноградов, Рунин 1968]⁴. В богатом сарматском кургане № 33 могильника Валовый (Приазовье) группа эмалей сопровождается датирующими вещами второй половины II—первой половины III в. [Безуглов, Гудименко 1993: 170]. В Польше в Леськах была найдена лунница самого раннего типа, с круглыми эмалевыми вставками на концах, без выступов, в сопровождении фибулы периода B2/C1, пик распространения предметов которого приходится на 170—180 гг. н. э. [Bitner-Wróblewska 1988: 162; Шукин 1999б: 15].

В свое время А. М. Обломский синхронизировал поселения типа Картамышева II — Терновки 2 с прочими памятниками позднезарубинецкого этапа в рамках третьей четверти I—конца II в. [Обломский 1991: 10]. В определении нижней даты не последнюю роль сыграли материалы Картамышева II, в частности, автор был ориентирован на хронологию красноглиняных амфор с двустольными ручками и глазчатых фибул прусской серии. В последней своей работе А. М. Обломский, оперируя теми же материалами, рамки существования памятников типа Картамышева II определяет второй половиной I—серединой-концом II в. [Обломский 2002: 13].

⁴ На рисунке плохо просматриваются детали фибулы, поэтому более точно определить ее тип невозможно. Не исключено, что она может относиться к тем формам, которые были распространены только во II в. [Амброз 1966: 40—41, табл. 8, 7, 8].

Я склонна несколько иначе датировать Картамышево II, а следовательно, и всю группу постзарубинецких памятников не только верхний Псла, но и всего водораздела Дона и Днепра. Не соглашаться с предложенными датами заставляет одно весьма простое обстоятельство: фрагмент двуствольной ручки красноглиняной амфоры, по моим наблюдениям, не может быть включен в комплекс постзарубинецких материалов Картамышева II. В коллекции поселения присутствует довольно значительная группа позднескифских находок (см. «Приложение»). В их распределении на территории поселения можно усмотреть тенденцию к концентрации в центральной части и на его северной и северо-западной окраине. Фрагмент ручки был найден в северной части поселения, на его окраине, где проходила линия скопления хозяйственных ям. Здесь же был найден крупный фрагмент стенки красноглиняной амфоры (?) и посоховидная булава со спиральной головкой — еще две довольно ранние находки, выпадающие из общего постзарубинецкого комплекса. Таким образом, ручка и крупный фрагмент стенки двуствольной амфоры с известной долей вероятности могут быть соотнесены с позднескифскими материалами. В свое время еще И. И. Ляпушкин, опираясь на особенности как общего облика поселений, так и керамического комплекса, предполагал, что жизнь на поселениях северо-восточного Посеймья продолжается, «повидимому, несколько дольше, чем на юге» — до рубежа эр или даже несколько позже. Он приводил в пример находки пряслиц из краснолаковых сосудов I в. на городище Щуклинка в слоях скифской культуры [Ляпушкин 1961: 47, 48]. В последнее время в археологической литературе появились сведения о позднескифских памятниках (Ратское городище под Курском и Битица на Псле под Сумами), существовавших в I н. э. [Медведев. 2000: 243; Обломский 2002: 14]. Причем, материалы последнего содержат светло- и красноглиняные амфоры с двуствольными ручками и аналогичную картамышевскую булаву с плоской спиральной головкой (рис. 6, 8)⁵. И наконец, в качестве дополнительного аргумента, косвенно подтверждающего наши предположения о возможности существования на поселении комплекса позднескифской культуры, следует указать аналогии конической мисочке, вернее, профилировке ее венчика. Такие плоские оттянутые на обе стороны венчики характерны для лепных скифоидных мисок, распространенных по всей территории сарматской культуры в I в. н. э. [Симоненко 1977: 226—227, рис. 3, 1].

Но даже если считать, что оснований для связи фрагмента двуствольной ручки красноглиняной амфоры с позднескифским комплексом нет, все равно возникают определенные трудности методического плана. Хронологический разрыв в полвека между бытованием амфоры (до середины I в., по уточненной хронологии А. П. Абрамова) и появлением глазчатой фибулы типа А61 (с рубежа I и II вв.) дает серьезные основания считать, что двуствольная ручка не может быть включена в основной набор датирующих вещей посзарубинецкого слоя Картамышева II. Не получается «сцепления» необходимого для выявления наиболее вероятного совпадения во времени всех датирующих вещей памятника. Схема № 1 дает нам представление о двух группах хронологических индикаторов, не связанных между собой или почти не связанных⁶.

Таким образом, для выяснения абсолютной хронологии Картамышева II, если отбросить бусинный материал с его широкими хронологическими рамками, остаются только две вещи: глазчатая фибула прусской серии типа Альмгрен 61 (Ямка BIV) и подвеска-лунница с эмалевыми вставками. В датировке этого материала, кроме относительной хронологии К. Годловского, я опиралась на ряд принципиальных положений, изложенных в работе М. Б. Щукина [Щукин 1999: 14—16]. Относительная хронология — это всегда достаточно плавающая «конструкция», и при попытках жесткого определения границ смены стилей всегда возникают хронологические противоречия. Выход из таких положений видится ему в обязательном учете: а) времени расцвета, максимального распространения типа (стиля); б) периода его постепенного «изживания» («выклинивания»); в) следствия первых двух моментов — перекрывания «хвоста» одной ступени началом «клина» другой. М. Б. Щукин момент «выклинивания» ступени B2 (глазчатая фибула А61) относит к 170—180 гг. н. э. — периоду расцвета ступени B2/C1 (появление ранних эмалей не ранее этой ступени). При этом ступень B2/C1 зарождается в пределах ступени B2 в конце 140—начале 150 г. н. э. и бытует до рубежа II/III вв. Учитывая все вышеизложенное, пересечение двух датирующих вещей Картамышева, принадлежащих двум разным ступеням средневропейской хронологии, с наибольшей вероятностью могло произойти во второй половине II в. или даже в его последней четверти. Таким образом, нижний рубеж существования Картамышева II не может быть определен ранее этого момента⁷.

Решение вопроса о верхней хронологической границе Картамышева II находится за пределами возможностей данного памятника. А. М. Обломским было отмечено, что присутствие эмалевых украшений ранней стилистики на посе-

⁵ Крышка с полой ручкой, железные булава, воинская одночленная фибула со сплошным приемником и фрагменты лепных сосудов с насечками по венчику с городища Битицы были представлены на выставке в Киеве, организованной к открытию V МКАС в 1985 г. (Материалы из раскопок С. П. Юренко).

⁶ Подобные осложнения возникают и в случае с амфорным материалом Осиповки (урочище «Пляж»). Если пользоваться старыми разработками Д. Б. Шелова [Шелов 1978: 18, 19], то хронологические позиции всех типов светлоглиняных амфор компактно укладываются без разрывов в основном во II в. с выходом в первую половину III в. (тип D) и последние три трети I в. (тип B). Узкая хронология по ним будет определяться в пределах первой половины—середины II в. Но если обратиться к данным А. П. Абрамова [Абрамов 1993: 8, 46], возникает, как и в случае с картамышевской двуствольной ручкой, разрыв с середины до конца II в. между типами B, C, с одной стороны, и типом D — с другой (см. схему № 2).

⁷ Существует еще одна веская причина, по которой нижний рубеж Картамышева II должен быть отодвинут вверх. Синхронизации всех групп постзарубинецких памятников, по нашему мнению, не существует. Несмотря на то что хронологического разрыва между комплексами Картамышево II и Лютеж нет, по составу керамических форм первый памятник является несколько более поздним явлением, чем второй. Форма мисок лютежской группы не региональное явление, а хронологическое. Памятники типа Лютежа стоят значительно ближе к зарубинецким «истокам». Кроме того, на лютежских памятниках есть более ранние формы глазчатых фибул, отсутствуют эмалевые украшения. Еще больший разрыв у Картамышева II с почепской группой. Последняя сформировалась в то время, когда самые поздние памятники зарубинецкой культуры еще существовали (см. хронологические схемы: [Щукин 1994: 258—259, рис. 83, 84]). Памятники типа Картамышево II—Терновка 2 и группы Лютеж и Почеп не могут быть одновременными явлениями.

лениях типа Картамышево II — Терновка 2, безусловно, говорит о вероятном существовании этих памятников в начальных десятилетиях III в., их хронологической нерасчлененности с памятниками раннекиевского этапа [Обломский 1991: 10, 14, 25]. Вероятно, именно поэтому возникают сложности при решении вопроса, к какому кругу отнести тот или иной памятник. Так, например, возникли в свое время разногласия по поводу Гочева I: типа Картамышева он или раннекиевский переходного типа? [Обломский 1991: 228—230; Тихомиров, Терпиловский 1990: 57, 60; Терпиловский, Абашинна 1992: 162—163]. Тем более что на Гочево I мы имеем близкий набор узкодатирующих вещей: эмалевые лунницы, две из них еще более неразвитых форм, чем на Картамышеве II, шпора периода B2. Весь этот вещевой набор по хронологии аналогичен набору Картамышева II: группа эмалей, возникшая не ранее периода B2/C1 и вещь предшествующего периода B2, выклинивающегося в момент расцвета B2/C1⁸.

Судя по тому, что эмалевые украшения составляют относительно постоянную категорию находок на постзарубинецких и дочерняховских памятниках Днепровского Левобережья, определение хронологического рубежа между ними, вероятно, может быть увязано с моментом возникновения второго этапа развития эмалевого стиля, вещи которого найдены, например, в кладе Шишино 5. Но на данной стадии изученности этой категории вещей, придется довольствоваться относительной хронологией, дробность которой обеспечена керамическими материалами. Следует, видимо, учитывать, что возможности абсолютного датирования весьма ограничены, когда речь идет о недолговременных поселениях одной и той же культуры, хронологические позиции которых очень близки. Создать непротиворечивую абсолютную хронологию близких памятников, относящихся к одной культурной общности, на материале Днепровского Левобережья нельзя. По крайней мере, на данном этапе состояния изученности памятников.

Таким образом, учитывая раннюю дату поселения Картамышево II — памятника, эталонного для постзарубинецкого времени Днепровского Левобережья, общие хронологические рамки для раннего (постзарубинецко-киевского) этапа существования раннеславянских памятников данного региона можно определить следующим образом: с середины (?) последней трети (четверти) II в. до середины (?) III в. (более осторожно — до момента становления черняховской культуры на Левобережье)⁹. И только в пределах этого хронологического отрезка, опираясь на типологические разработки керамических комплексов, мы можем говорить о ранних и более поздних культурных явлениях и промежуточном положении памятников, сочетающих элементы тех и других. Дополнительный аргумент для такого объединения — стабильность в пределах этих хронологических рамок, действие одних ритмов и импульсов, связей, общих на Левобережье для всего пласта постзарубинецких и раннекиевских племен. С появлением черняховских памятников на Левобережье стабильное развитие киевских племен на какой-то части их территории прерывается, в других регионах наступает время иных новаций и связей, возникает новая эпоха в развитии раннеславянского населения Восточной Европы.

Приложение

Материалы поселения Картамышево II

Дюна, на которой расположено поселение, находится в 0,3—0,4 км к югу от с. Картамышево Обоянского района Курской области. Она вытянута вдоль широкой поймы правого берега р. Псел. С юго-запада к дюне вплотную подходит один из рукавов р. Псел. Напротив дюны река течет тремя рукавами. Один из них дугой огибает дюну с юга и юго-запада и, соединяясь со средним рукавом, образует небольшой остров (рис. 1 в статье по могильнику).

Поселение на «песчаных россыпях» у с. Картамышево входит в число памятников, обследованных впервые Г. П. Сосновским. Говоря в своей работе о керамике с этого поселения, Г. П. Сосновский отмечал, что она отличается грубой выделкой и в общей массе лишена орнамента.

На памятнике вскрыта площадь в 1866 кв. м. Культурный слой второй половины II — начала III в. оказался нарушенным ингумациями первой четверти XX в. и погребениями VI—VII вв., совершенными по обряду кремации. Ко второй половине II — началу III в. относятся следующие объекты: 10 жилых построек, одна из которых связана с производственным комплексом, 43 хозяйственных ямы (8 из них использовались при обработке железа и бронзы), остатки железоплавильного горна и ряд столбовых ям, связанные с оградой поселения.

Жилые сооружения

Жилище 1 (рис. 2, 1). Представляет собой наземное сооружение со слегка углубленным полом, ориентированное углами по сторонам света. Размер 5,8×3,6—3,4 м. Пол жилища прослежен на глубине 0,08—0,10 м от уровня материка. Основа стен жилища была столбовая: 13 округлых столбовых ям, диаметром 0,20—0,35 м, глубиной до 0,30 м, располагались по периметру жилища. Длинные стены жилища имели по 4 столба, короткие по 2—3. Очаг — обожженное пятно с углистыми вкраплениями — находился в центре. При исследовании жилища найдено несколько обломков грубой лепной посуды, в том числе, покрытой расчесами, а также мелкие фрагменты чернолощенных сосудов (рис. 9; 10, 1—3, 6, 9). Присутствуют отдельные куски железного шлака, глиняное пряслице шаровидной формы, плоское пряслице, сделанное из стенки лощеного сосуда (рис. 7, 19). Обнаружены кости коровы (2) и козы (1).

⁸ Кстати, определяя тип шпоры, авторы считают ее дериватом, что, на наш взгляд, свидетельствует о моменте изживания типа, т. е. ситуация повторяется, как и в случае с глазчатой фибулой Картамышева II.

⁹ Сам факт появления на левобережных памятниках фибул типа Альмгрен VII и танаисских амфор еще не свидетельствует о сформировавшемся черняховском культурном пространстве. Возможно, это такие же провозвестники, как и гончарная серолощенная и шероховатая керамика.

Жилище 2 (рис. 2, 2). Полуземляночное, в плане четырехугольное со скругленными углами, близкое к округлому, размером 4,2×3,8 м. Пол опущен на глубину 0,35—0,40 м от уровня материка. Его восточный угол нарушен двумя погребениями, одно из которых — VI—VII вв., другое — первой четверти XX в. Находки из постройки представлены грубой и лощеной посудой (рис. 10, 2, 5, 7, 8, 10; 11; 32, 5), железными посоховидной булавкой и рыболовным крючком (рис. 5, 17, 23), фрагментом каменного точила (рис. 6, 12), костями коровы (2), свиньи (4), овцы и козы (1).

На южной границе жилища выявлена *очажная яма Б* — округлая в плане, диаметром 0,5 м, глубиной 0,3 м (рис. 2, 4). Яма была доверху заполнена обожженными кусками песчаника, которые располагались в несколько ярусов, один над другим. При расчистке верхнего яруса найдено 3 обломка грубой лепной керамики.

Жилище 3 (рис. 3, 1). Полуземляночное, в плане близкое к круглому, размером 4,2×3,9 м. Пол прослежен на глубине 0,4—0,6 м от уровня материка. Жилище нарушено погребением первой четверти XX в. Находки из жилища составили обломки лепной керамики грубой выделки и лощеной черного цвета (всего около 50 обломков). На фрагментах лощеной посуды имеется орнаментация в виде прочерченных линий (рис. 12, 1—8, 10; 32, 10). Найдены также четыре пряслица — два плоских, сделанных из черепков, два сферических (рис. 7, 7, 39), кусок железного шлака, кости коровы (3), свиньи (3), овцы или козы (1) и бобра (1).

Жилище 4 (рис. 3, 2). По форме и размерам оно не отличается от жилищ 2 и 3. Длина его стен около 4 м. Пол прослежен на глубине 0,5—0,6 м ниже уровня материка. Хорошо выраженные следы очага отсутствовали. С северо-западной стороны жилище нарушено погребениями VI—VII вв. В заполнении найдены обломки грубой лепной посуды (рис. 12, 9).

Жилище 5 (рис. 3, 3). Полуземляночное, в плане близкое к овалу, размером 5,4×4,6 м. В его северной половине пол прослежен на глубине 0,4—0,5 м от уровня материка, в южной — на глубине, не превышающей 1 м.

В центре жилища обнаружен след очага в виде обожженного пятна с углистыми и сажистыми вкраплениями. При разборке заполнения вблизи очага найдены два развала грубой лепной керамики, один из которых состоял из 80, другой — из 20 обломков (рис. 13, 2, 4—7). Присутствуют единичные обломки лощенных сосудов, в том числе с прочерченным на стенках орнаментом (рис. 13; 32, 3). Найдены также кусок железного шлака, железный нож (рис. 6, 13), кости животных.

Жилище 6 (рис. 3, 4). Полуземляночное, в плане имеет ту же форму, что и другие жилища (2—6). Северная и восточная стенки жилища разрушены погребением первой четверти XX в. Длина сохранившихся стен составляла 4,2—4,5 м. Пол прослежен на глубине 0,20—0,25 м от уровня материка. На полу обнаружено углистое пятно, которое можно связывать с очагом. В жилище найдены кусок каменного точила и около 100 обломков груболепных сосудов. Из них почти половина принадлежит крупному сосуду-корчаге биконической формы, украшенному по краю венчика косыми насечками (рис. 14; 15, 1). Среди керамики жилища встречено 10 фрагментов лощеной посуды черного цвета (рис. 14, 2, 5, 7, 9).

Жилище 7 (рис. 4, 1). Полуземляночное, в плане имело прямоугольную форму со скругленными углами, размером 4,5×5,5—5,8 м. Пол опущен в материк на 0,50—0,55 м. Длинные стороны жилища имели по одной полукруглой нише, углубленной в борт полуземлянки. В центре пола жилища находилась округлая в плане очажная яма диаметром 0,4 м, углубленная в пол на 0,15 м. В заполнении жилища прослежены углистые вкрапления и включения горелого дерева и сосновой коры с ошлакованными фрагментами лепной керамики, грубой и лощеной (рис. 15, 2—9; 32, 9). Найдены четыре целых и пять фрагментированных пряслиц, два куса точильных брусков (рис. 7, 6, 14, 15, 18, 31, 37; 8, 6, 8). На полу, в северо-западном углу, обнаружена бронзовая глазчатая фибула прусской серии, а близ северной стены — стеклянная бочонковидная (глазчатая?) бусина (рис. 5, 1, 11).

Жилище 8 (рис. 4, 2). Полуземляночное, прямоугольное в плане, со скругленными углами. Пол жилища углублен в материковый песок на 0,5 м. В центре пола находилась округлая в плане яма от столба, диаметром 0,6 м, углубленная в пол жилища на 0,54 м. Между столбовой ямой и северо-восточной стеной жилища на полу прослежено очажное заполненное слоем угля пятно. Основная масса находок принадлежит лепной керамике (рис.), а также мелким кускам песчаника, некоторые из них были сильно пережженными. Найдены шесть целых и три обломка глиняных пряслиц (рис. 7, 5, 12, 13, 24, 25, 27, 28, 30, 36, 38), железная обоймица и плоское железное колечко диаметром 1 см (рис. 5, 19), трапециевидная бронзовая подвеска (рис. 5, 20), фрагмент бронзового украшения — узкая тонкая пластина с геометрическими выступами (рис. 5, 2), обломки точильного камня. Около северо-восточной стены жилища найдена бронзовая лунница с одним звеном от бронзовой цепочки (рис. 5, 16).

Жилище 9 (рис. 4, 3). Полуземляночное, в плане имеет неправильную подквадратную форму. По верхнему краю жилище имеет размеры 2,8×2,6 м, по полу — 2,6×2,4 м. В материк углублено на 0,25—0,50 м. В южном углу постройки прослежен вход в виде выступа. В центре пола выявлена очажная яма диаметром 0,35 м, глубиной 0,15 м. Яма заполнена углистым слоем. Из жилища происходят фрагменты грубых лепных сосудов. Чернолощенные фрагменты единичны (рис. 17). Одно плоское пряслице сделано из стенки лощенного сосуда (рис. 17, 33). Присутствуют также кости животных.

Производственные сооружения

Жилище 10 (рис. 4, 4). Полуземляночное, в плане прямоугольной формы, размером по верхнему краю котлована 3,65×3,60 м, а по полу — 2,90×2,80 м. Пол углублен в материк на 0,6 м. В стенах жилища были выкопаны ряд ям производственного назначения (№ 38—42). Яма № 42, связанная с остатками очажка-горна, располагалась в северном углу жилища. Очажок-горн был сооружен на северном борту ямы. Ямы № 38 и 41 были расположены под северо-восточной стеной, а яма № 39 — под северо-западной. Яма № 40 была вырыта в южном углу жилища. В полу жилища столбовые и очажные ямы не выявлены. Заполнение постройки содержало фрагменты грубой и лощеной керамики. Формы лощеной посуды представлены главным образом реберчатыми мисками, иногда украшенными по тулову прочерченным орнаментом (рис. 18—20; 32, 8). В жилище найдены также два обломка точильного камня, пять целых и два фрагментированных пряслица (рис. 7, 1, 17, 26, 34, 35), один обломок костяной проколки (рис. 5, 21), кусок шлака и кусок железной руды.

Очажок-горн выявлен на глубине 0,26 м от уровня современной дневной поверхности. От горна сохранился развал пережженных кусков песчаника, крошки ярко-оранжевой обожженной глины, железных шлаков. Последние располагались в два-три яруса на песчаной подсыпке размером 0,5×0,5 м, мощностью 0,05 м. Самый крупный кусок шлака (крицы?) размером 20×16 см, толщиной 7—8 см, из нижнего яруса, имел слегка скругленную нижнюю сторону, которая повторяла выемку

в песчаном основании горна. Шлаки находились и вокруг очажка. Поблизости от него в культурном слое найдены обломки стенок тиглей.

Яма 42 — предгорновая. Диаметр ямы 0,7—0,8 м, глубина 0,75—0,78 м. У верхнего края с восточной стороны прослежено скопление шлаков (около 50 кусков), лежавших компактно в углистом слое. Заполнение ямы пестрое, содержит углистые вкрапления и включения желтого песка. Находки отсутствуют.

Яма 38 — диаметром 1,2 м, глубиной 0,5—0,7 м, сохранилась только восточная часть. Обнаружены единичные кости животных, части тиглей конической формы (рис. 8, 3, 9).

Яма 39 — размером 1,2×1,0 м, была углублена в материк на 0,8 м. Заполнение, пестрое из-за включений желтого песка, содержало железные шлаки, куски камней, кости животных, измельченные фрагменты лепной керамики, два обломка тигля.

Яма 40 — прослежена в полу жилища 10. Сохранилась лишь нижняя часть ямы на глубину 0,5 м. Заполнение, подобное заполнению ямы № 38, содержало единичные обломки грубой лепной керамики и недостающую часть тигля, найденного в яме 39.

Яма 41 — частично перекрыта северным углом жилища 10. Диаметр ямы 0,6—0,7 м, глубина 0,5 м. В яме найден один невыразительный фрагмент лепного сосуда.

Очаг В (рис. 2, 5). диаметром 0,45 м в верхней части и 0,5 м в нижней, углублен в материк на 0,16—0,18 м. Стенки очажной ямы обложены крупными фрагментами толстостенных сосудов-зерновиков (рис. 21, 1, 3, 4, 6). Дно ямы было выложено мелкими кусками известняка, обожженными и растрескавшимися. Очажная яма забита мелким камнем и фрагментами керамики (около 10 шт.). Среди камней попадались отдельные угольки и пережженные кости.

Яма 33. Диаметр верхнего края ямы 1,05 м, внизу у пола — 1,25 м. Углублена в материк на 1,0 м. Найдены фрагменты грубых лепных сосудов, обломки чернолощеной посуды (рис. 27, 2—4), слегка оплавленные два звена бронзовой цепочки (рис. 5, 3), фрагменты тиглей (рис. 8, 2), мелкие камни, отдельные куски железных шлаков, кости животных.

Яма 35 — диаметром 1,0 м, глубиной 0,7 м. Найдены фрагменты грубой и лощеной лепной керамики, обломки тиглей, один кусок железного шлака, железный наконечник стрелы (рис. 6, 7).

Яма 36 — диаметром 1,2 м, углублена в материк на 1,0 м. Заполнение, углистое с большим количеством железного шлака, содержало небольшие обломки костей животных, мелкие фрагменты тиглей и керамики (рис. 8, 1, 5; 27, 1). Одна из трубчатых костей представляла собой, по-видимому, втулку или заготовку рукояти ножа (рис. 5, 13).

К югу от ям № 36 и 35 наблюдалось значительное скопление шлаков в углистом слое, размеры скопления составили 1,16×0,41 м.

Хозяйственные ямы

Очажная яма А (рис. 2, 3) выявлена на глубине 0,3 м от уровня современной дневной поверхности. Она имеет те же особенности, что и очажная яма Б (см. описание жилища 2). Диаметр ямы 0,5 м, глубина 0,44 м. Яма снизу доверху была заполнена кусками песчаника и известняка, образовавшими несколько плотных ярусов. При разборке верхнего яруса камней попадались отдельные древесные угольки.

Яма 1 — округлая в плане, диаметром 1,1 м, глубиной 0,21 м. В заполнении найден кусок песчаника, мелкие обломки лепной посуды, в том числе лощеной (рис. 22, 1).

Яма 2 — овальная в плане, своим восточным краем вышедшая за границу раскопа. Длина ямы около 1,5 м, ширина до 1,0 м. Находки из ямы — 8 мелких обломков грубой лепной посуды.

Яма 3 — овальная, размером 1,25×0,80 м, глубиной до 0,20 м. Находки из ямы: кости животных (3), несколько обломков грубой лепной посуды II в., обломок глиняного «шара».

Яма 4 — округлая в плане, диаметром 1,10 м, глубиной 0,36 м. Находки: 6 мелких обломков лепной посуды.

Яма 5 — диаметром 1,2 м, глубиной около 1 м. Находки из ямы — единичные обломки грубой лепной посуды, кости животных. У южной стенки на глубине 0,7 м найдена часть лощеного реберчатого сосуда (рис. 21, 7).

Яма 6 — полусферической формы, диаметром 1,6 м, глубиной 0,8 м. В заполнении найдено несколько мелких обломков грубой лепной посуды.

Яма 7 — диаметром 1,0 м, глубиной 0,8 м, найдено бронзовое проволочное колечко (рис. 5, 6), других находок нет.

Яма 8 — округлая, диаметром 1,74 м, глубиной 0,70 м, нарушена тремя погребениями VI—VII вв. В яме найдено несколько обломков грубой лепной посуды (21, 2, 5).

Яма 9 — округлая, диаметром 1,1 м, глубиной 0,6 м. Найдены обломки лощеных сосудов черного цвета (рис. 22, 4, 7).

Яма 10 — округлая, диаметром около 1,0 м, глубиной 0,5 м. Находки — три мелких обломка грубых лепных сосудов.

Яма 11 — аналогична по форме яме 10. Диаметр 1,20 м, глубина 0,63 м. Найдены кусочек бронзовой проволоки (рис. 5, 8) и кусок шлака.

Яма 12 — округлая в плане, диаметром 1,10 м, глубиной 0,75 м. В заполнении найдены мелкие фрагменты грубой лепной керамики, глиняное пряслице, изготовленное из стенки сосуда (рис. 7, 20).

Яма 13 — округлая, диаметром 1,0 м, глубиной 0,3 м. Находки отсутствовали.

Яма 14 — диаметром 1,1 м, глубиной 0,6 м. Находки отсутствовали.

Яма 15 — диаметром 1,0 м, глубиной 1,3 м. На дне ямы найдены обломки толстостенного сосуда-корчаги, лощеной реберчатой миски (рис. 22, 2, 3, 5, 6), куски песчаника.

Яма 16 — диаметром 1,1 м, глубиной 0,8 м, половина ямы разрушена погребением. Найдены мелкие обломки лепной керамики и обломки костяного «конька» (рис. 6, 9) и других изделий из кости (рис. 5, 9; 6, 6).

Яма 17 — по форме близка к цилиндру, диаметром 0,8 м, глубиной 0,4 м. По характеру заполнения не отличается от большинства ям. Находки отсутствовали.

Яма 18 — округлая в плане, диаметром 0,80 м, углублена в материк на 0,47 м. Найдены кость свиньи, 10 фрагментов грубой лепной посуды I—II вв.

Яма 19 — диаметром 0,47 м, глубиной 0,55 м. В заполнении найдено 2 фрагмента лепной керамики, один из них — от стенки лощенной реберчатой черного цвета миски с прочерченным орнаментом (рис. 23, 2, 7).

Яма 20 — диаметром 2 м, глубиной 0,9 м. В заполнении найдены единичные кости животных, глиняное пряслице сферической формы (рис. 7, 2), 42 обломка грубой лепной посуды, два обломка глиняных «шаров».

Яма 21 — округлая в плане, диаметром 0,42 м, глубиной 0,26 м. Находок нет.

Яма 22 — диаметром 1,05 м, углублена в материк на 0,56 м. По дну имела диаметр 0,50 м. Находок нет.

Яма 23 — имела диаметр 1,0 м, глубину 0,9 м. В заполнении найдены обломки лепной керамики, кости животных, один обломок пряслица, сделанного из стенки лощенного сосуда (рис. 7, 22).

Яма 24 — размером 1,0×1,15 м, углублена в материк на 1,05 м. При разборке найдены обломки грубых лепных сосудов, один обломок стенки лощенного сосуда, один обломок миски с загнутым внутрь краем (рис. 23, 1, 4). У верхнего края ямы обнаружена бронзовая лунница с красной эмалью (рис. 5, 14).

Яма 25 — диаметром 0,8 м, глубиной 0,8 м. В этой яме найдены единичные обломки грубых лепных сосудов (25, 2, 6).

Яма 26 — диаметром 1,30 м, углублена в материк на 0,64 м. Найдены обломки грубой и чернолощенной лепной керамики I—II вв. (рис. 24; 26, 2), фрагменты грубых лепных сосудов-корчаг с ямочным орнаментом по краю венчика (рис. 23; 24; 25).

Яма 27 — диаметром 1,1 м, углублена в материк на 1,1 м. Здесь найден фрагмент лощенного биконического пряслица серого цвета (рис. 7, 23).

Яма 28 — диаметром 1,2 м, глубиной 1,0 м. Найдены фрагменты грубой лепной керамики I—II вв. и отдельные куски песчаника (рис. 26, 1, 4—6).

Яма 29 — диаметром 1,10—1,15 м, углублена в материк на 1,20 м. В заполнении ямы найдены отдельные обломки грубой лепной керамики (рис. 26, 3).

Яма 30 — размером 1,0×1,1 м, углублена в материк на 1,2 м. Находки — измельченные фрагменты грубой лепной керамики, миниатюрный сосудик (рис. 6, 11). На дне лежало маленькое глиняное пряслице.

Яма 31 — диаметром 1 м, перекрыта северо-восточным углом жилища 7. Прослежена на глубину 0,48 м от уровня пола жилища № 7, найдены фрагменты лепных сосудов и зуб коровы.

Яма 32 — размером 1,07×1,50 м, углублена в материк на 0,80 м. Имела включения крошек обожженной глины и 4 невыразительных обломка лепных сосудов.

Яма 34 — диаметром 1,15 м была углублена в материк на 0,90 м. Найдены обломки грубой лепной посуды.

Яма 37 — диаметром 1,5—1,6 м, глубиной 1,1 м. В заполнении были встречены куски песчаника, кости животных, измельченные фрагменты лепной керамики.

Яма 43 — округлой в плане формы, размером 1,55×1,45 м, глубиной 1,0—1,1 м, содержит невыразительные обломки лепной керамики, кости животных, отдельные куски песчаника.

Кроме хозяйственных ям на поселении было открыто 115 столбовых ям, в расположении большинства которых трудно было усмотреть определенную систему. На западном участке удалось проследить ряд столбовых ям, оставшихся от часток-кола. Выявлено восемь расположенных в одну линию ям от столбов диаметром от 0,40 м до 0,70 м, углубленных в материк от 0,18 до 0,50 м. Заполнение ям находок не содержало, только в трех были мелкие обломки лепной керамики II в. Расстояние между этими ямами от 0,2 до 0,8 м (см. рис. 1).

На северном участке поселения прослежено несколько столбовых ям, заполнение которых резко отличалось от других. Центральную часть ямы занимал черный насыщенный углем слой диаметром 0,58—0,28 м, который шел до самого дна. Непосредственно вдоль стенок ямы прослеживалась углистая прослойка. Пространство между угольным внешним кольцом и центральной частью ямы заполнено желтым материковым песком.

В культурном слое кроме массового фрагментированного керамического материала лепной выделки (рис. 29; 30; 31; 32, 1, 2, 4, 6, 7) обнаружены комплексные скопления двух лепных горшков с плавно отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю ямками (рис. 29, 5, 6), стенки лепных чернолощенных сосудов, иногда с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 29, 3; 30, 2, 3, 6, 9, 10; 32, 6). Помимо лепных сосудов встречены фрагмент гончарного коричнево-охристой глины горшка, украшенного врезной волной (рис. 28, 5), сильно фрагментированные гончарные чернолощенная и светлая розово-охристая реберчатые миски, два обломка гончарных красноглиняных тонкостенных сосудов (рис. 28, 2, 3), обломки стенок красноглиняных и светлоглиняных амфор неустановленного типа, двустовольная ручка красноглиняной амфоры (рис. 28, 4), стенка крупного гончарного сосуда из коричнево-кофейной глины, эту стенку лишь предположительно можно соотнести с двустовольной ручкой (рис. 28, 6).

Железные шлаки и фрагменты тиглей чаще встречались в культурном слое южной части поселения, в районе постройки № 10. К западу от нее обнаружено особо значительное скопление шлаков.

В культурном слое нередко находки точильных камней и глиняных пряслиц (рис. 7, 8—10, 16, 21, 29, 32). Вне комплексов обнаружены также куски бронзовой проволоки и пластин, фрагмент бронзового браслета (рис. 5, 4, 5; 6, 5), обломок бронзовой лунницы (рис. 5, 10), обломок бронзовой подвески с орнаментом (рис. 5, 7), кусочек бирюзовой стеклянной глазчатой бусины (рис. 5, 12), красная пастовая плитчатая бусина (рис. 5, 15). Найдены массивный железный перстень с серебряными насечками (рис. 5, 18), узколезвийный топор (рис. 6, 10), железный нож (рис. 6, 3), четыре железных шила (рис. 6, 1, 2, 4), железный резец-ложкарь (рис. 5, 22).

Довольно часто в культурном слое встречаются находки кремневых отщепов и скребков. Керамический материал, соответствующий данной категории находок, найден только в кв. Е5, это были фрагменты неолитического сосуда. К этому же времени следует отнести кремневый наконечник стрелы двусторонней обработки.

Вторая группа материалов иного культурно-хронологического горизонта представлена в основном керамическими формами поздней скифской культуры. На поселении не обнаружены объекты, соответствующие этому комплексу. Преобладающая часть скифского материала была рассредоточена в культурном слое поселения на северной, северо-западной и центральной части раскопанной площади. Иногда они попадали в заполнения объектов II в. Это фрагменты достаточно тонкостенных, вылепленных из плотного песчанистого теста, горшков, венчики которых украшены разного рода, пальцевыми

вдавлениями с отпечатками ногтей и проколами под венчиком. Дно таких сосудов, как правило, имеет тонко оттянутый край, иногда отпечатки проса и ткани-рогожки. В эту группу входят также лепная кружка с плоской ручкой и хорошо заглаженной, почти залощенной поверхностью, плошка и две мисочки с загнутым внутрь краем венчика: одна сферическая, вторая коническая с плоским дном. Весь этот керамический материал сопровождают шаровидные пряслица с узким канальцем и глиняные «шары» или «блоки» яйцевидной формы с несколькими округлыми ямками. Не вызывает сомнения, что с наиболее поздней частью данного комплекса находок связана железная с плоской спиральной головкой булавка (рис. 6, 8), которая также была найдена в культурном слое северной части поселения.

Литература

- Абрамов 1993: Абрамов А. П. Античные амфоры: периодизация и хронология // Боспорский сборник. Т. 3. М. С. 4—135.
- Алексеева 1975: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1—12. Т. 1. М.
- Алексеева 1978: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1—12. Т. 2. М.
- Амброз 1966: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э.—IV в. н. э.) // САИ. Вып. Д1—30. М.
- Безуглов, Гудименко 1993: Безуглов С. И., Гудименко И. В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // СА. № 1. М. С. 169—179.
- Гей, Бажан 1993: Гей О. А., Бажан И. А. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. 3. С. 52—59.
- Гопак, Горюнова 1991: Гопак В. Д., Горюнова В. М. Черный металл раннеславянских памятников Днепропровского Левобережья (по материалам Е. А. Горюнова) // СА. № 4. М. С. 235—245.
- Гороховский 1982: Гороховский Е. Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виємчастою емаллю // Археологія. № 38. С. 17—20.
- Гороховский 1982: Гороховский Е. Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев. С. 66—110.
- Горюнова 1994: Горюнова В. М. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. С. 60—73.
- Гудкова 1999: Гудкова А. В. I—V вв. в Северо-Западном Причерноморье. (Культура оседлого населения) // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса. С. 235—404.
- Гудкова, Малюкевич 1999: Гудкова А. В., Малюкевич А. Е. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н. э.) // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса. С. 8—18.
- Заверняев 1969: Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. № 160. С. 90—101.
- Корзухина 1980: Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. // САИ. Вып. Е 1—43. М.
- Кренке, Сулержицкий 1988: Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. № 194. С. 40—47.
- Кравченко, Гороховский 1979: Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // СА. № 2. С. 33—68.
- Ляпушкин 1961: Ляпушкин И. И. Днепропровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.
- Максимов 1969: Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160. С. 39—45.
- Максимов 1982: Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Медведев 2000 — Медведев А. П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. С. 233—255.
- Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы.
- Обломский 2002 — Обломский А. М. Днепропровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III—первая половина V в. н. э.). Раннеславянский мир. Вып. 5. М.
- Обломский и др. 1990: Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев.
- Обломский, Терпиловский 1991: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепропровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
- Обломский, Терпиловский 1994: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. О связях населения Центральной Европы и востока Днепропровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. Lublin. T. I. S. 159—182.
- Симоненко 1977: Симоненко А. В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. Киев. С. 221—230.
- Терпиловский 1984: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев.
- Терпиловский, Абашина 1992: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры. Киев.
- Тиханова 1964: Тиханова М. А. Днестровско-Волынская экспедиция в 1960—1961 гг. // КСИА. Вып. 121. С. 25—67.
- Тихомиров, Терпиловский 1990: Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В. Поселения Гочево-1 и 2 на Псле. Материалы и исследования по археологии Днепропровского Левобережья. Курск. С. 43—77.
- Фролов 1980: Фролов И. К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига. С. 111—125.
- Шаров, Бажан 1999: Шаров О. В., Бажан И. А. Черняховские этюды // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса. С. 19—65.
- Шелов 1978: Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. № 156. С. 15—20.
- Щукин 1989: Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin. S. 195—215.
- Щукин 1994: Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.—I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
- Щукин 1999: а — Щукин М. Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса. С. 66—101.
- Щукин 1999: б — Щукин М. Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев. С. 10—25.
- Bitner-Wróblewska 1988: Bitner-Wróblewska A. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin. S. 161—178.
- Godłowski 1985: Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław.
- Prahistoria 1981: Prahistoria ziem polskich. T. V. Warszawa.
- Tuszyńska 1988: Tuszyńska M. O zapinkach z gąsienicowatym kabłąkiem w obrębie kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin. S. 177—187.

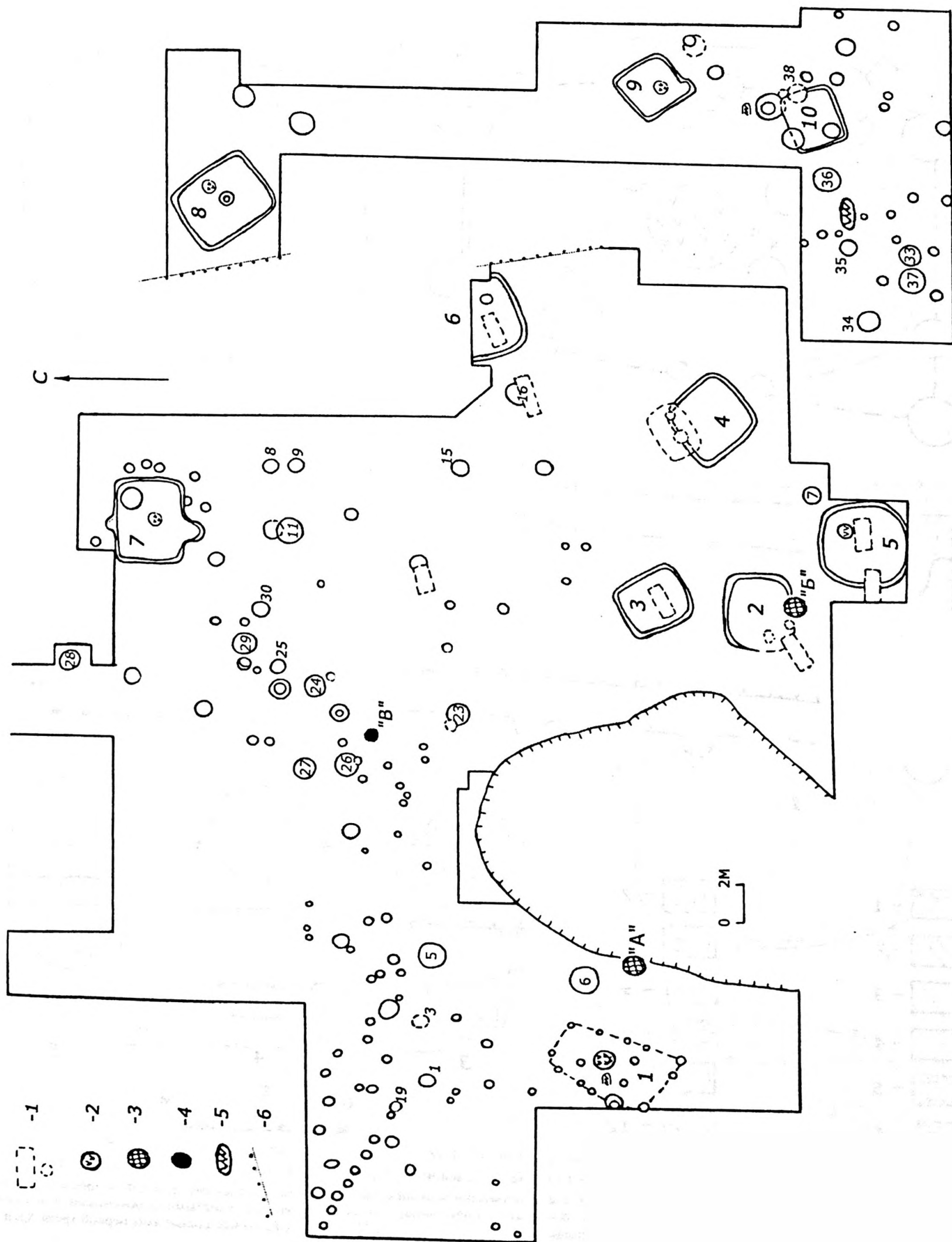

Рис. 1. Общий план поселения Картамышево II:

1 — погребальные ямы VI—VII вв. и первой трети XX в.; 2 — очаговые пятна с включениями углей; 3 — выносные очаговые ямы с каменной забутовкой; 4 — «горючая» яма с выемкой фрагментами керамики; 5 — скопления шлаков; 6 — линия разрыва на плане

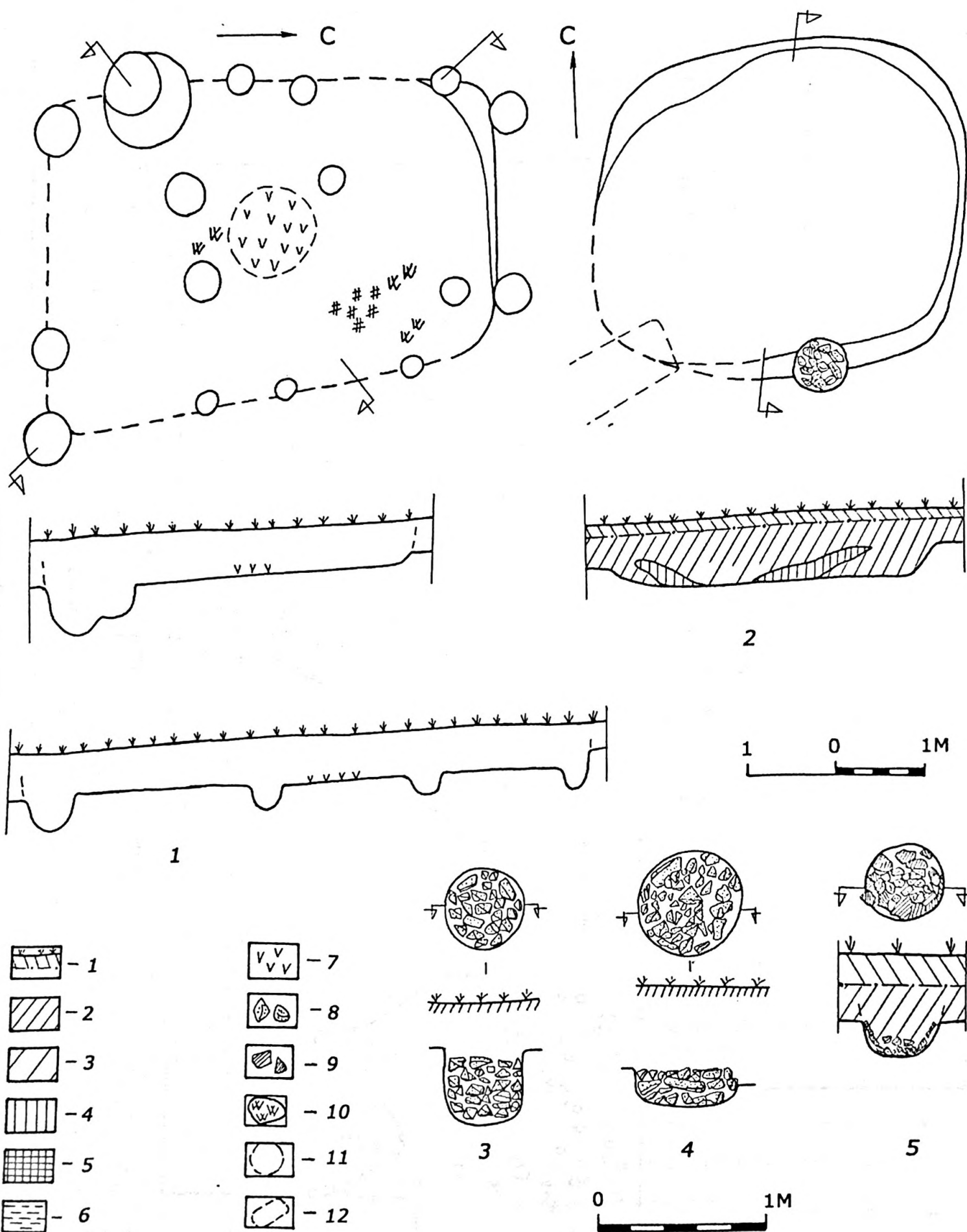

Рис. 2. Планы, профили и разрезы жилищ № 1 (1), № 2 (2), выносных очагов А (3), Б (4) и «горновой» ямы В (5):

1 — дерновый светлый слой; 2 — черный гумусный слой; 3 — слабогумусированный слой с включениями светлого песка; 4 — прослойка бурого цвета с древесным тленом; 5 — могилы первой трети XX в.; 6 — обожженная глина; 7 — очажные пятна с углистыми включениями; 8 — камни; 9 — фрагменты керамики; 10 — скопления железистых шлаков; 11 — могильные ямы VI—VII вв.; 12 — могильные ямы первой трети XX в.

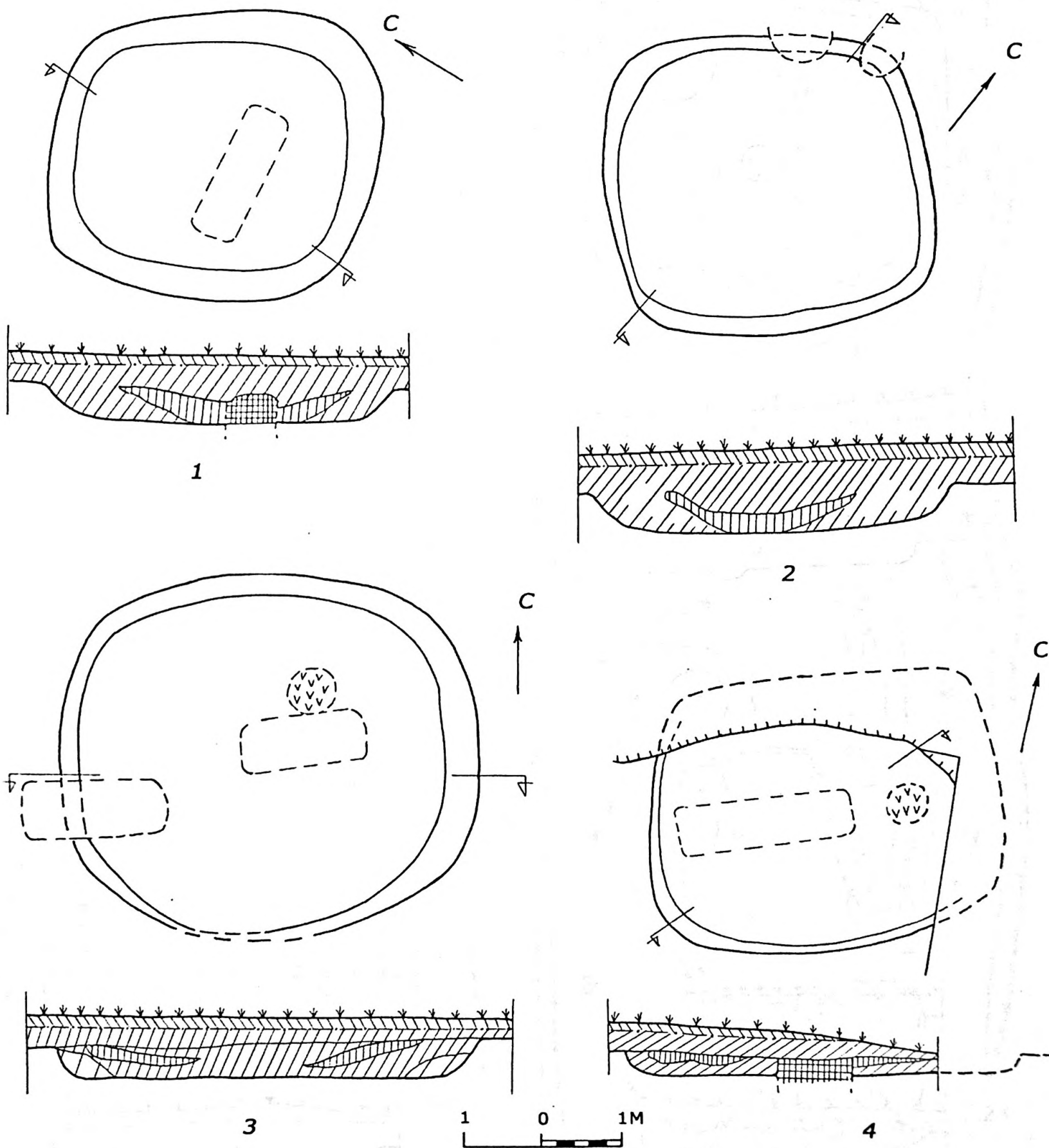

Рис. 3. Планы и разрезы жилищ № 3 (1), № 4 (2), № 5 (3), № 6 (4). Условные обозначения см. на рис. 2

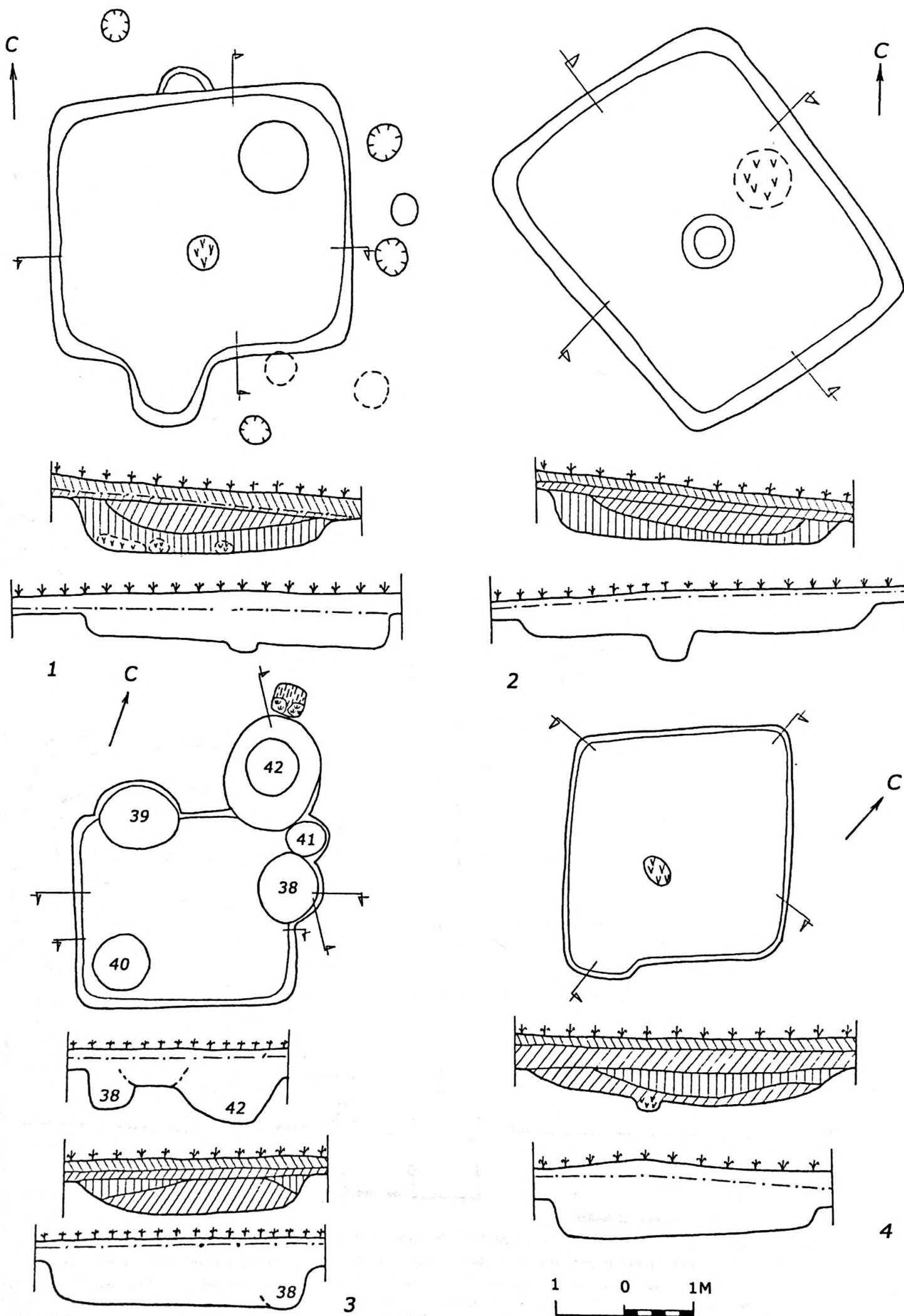

Рис. 4. Планы и разрезы жилищ № 7 (1), № 8 (2), № 9 (3), № 10 (4). Условные обозначения см. на рис. 2

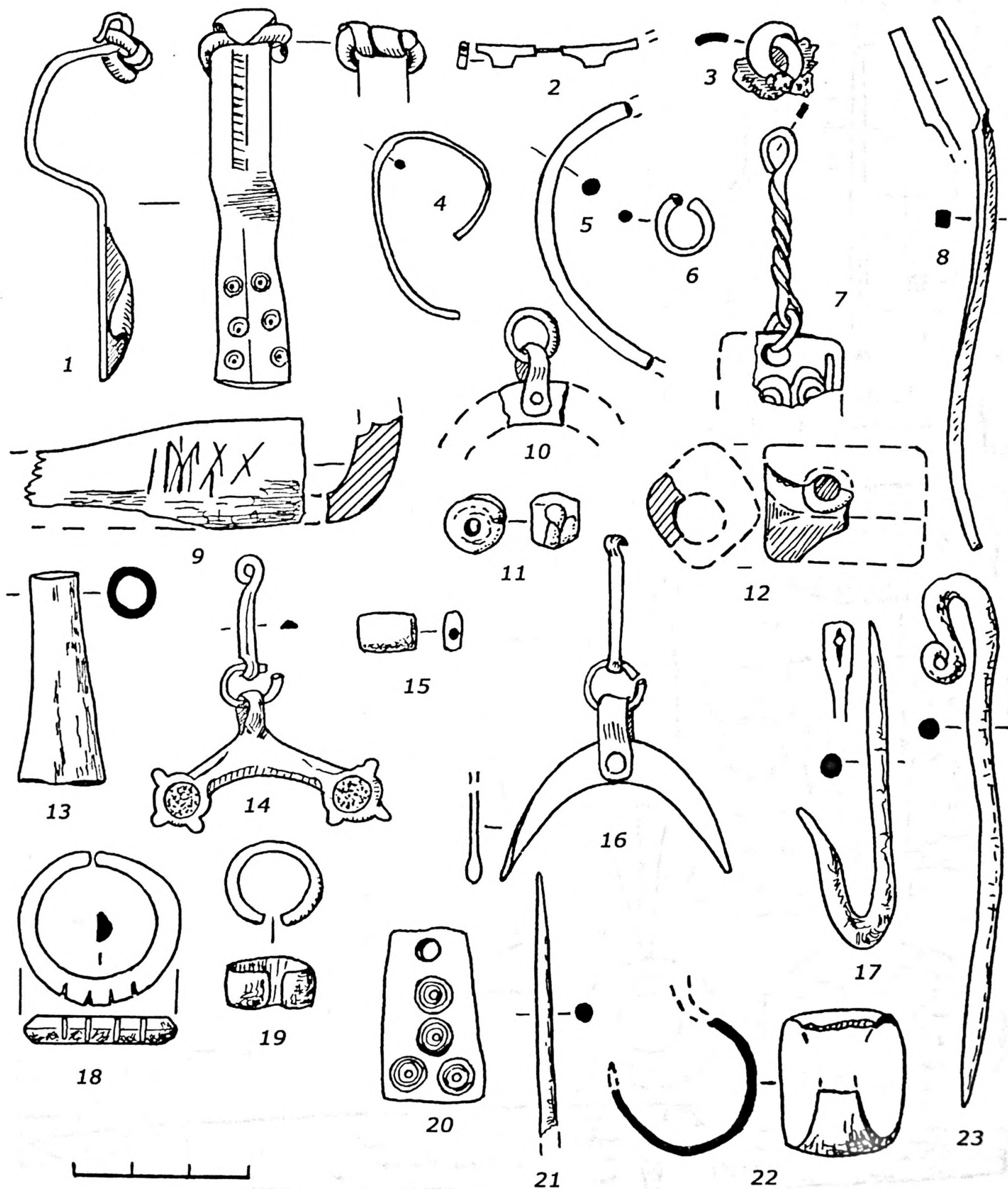

Рис. 5. Вещевой комплекс поселения Картамышево II:

1, 11 — жил. 7; 2, 16, 19, 20 — жил. 8; 3 — яма № 33; 4 — кв. В-2, материк; 5, 12 — кв. В'-10, шт. 2; 6 — яма № 7; 7 — кв. Ц-32, шт. 1 (около жил. 10); 8 — яма № 11; 9 — яма № 16; 10 — кв. И-22, шт. 2; 13 — яма № 36; 14 — яма № 24; 15 — подъемный материал; 17, 23 — жил. 2; 18 — кв. К-20, шт. 2; 21 — жил. 10; 22 — кв. Е-22, шт. 2;
1—8, 10, 16, 20 — бронза; 9, 13, 21 — кость; 11, 12, 15 — стекло, паста; 14 — бронза, эмаль красная; 17, 19, 22, 23 — железо; 18 — железо с серебром

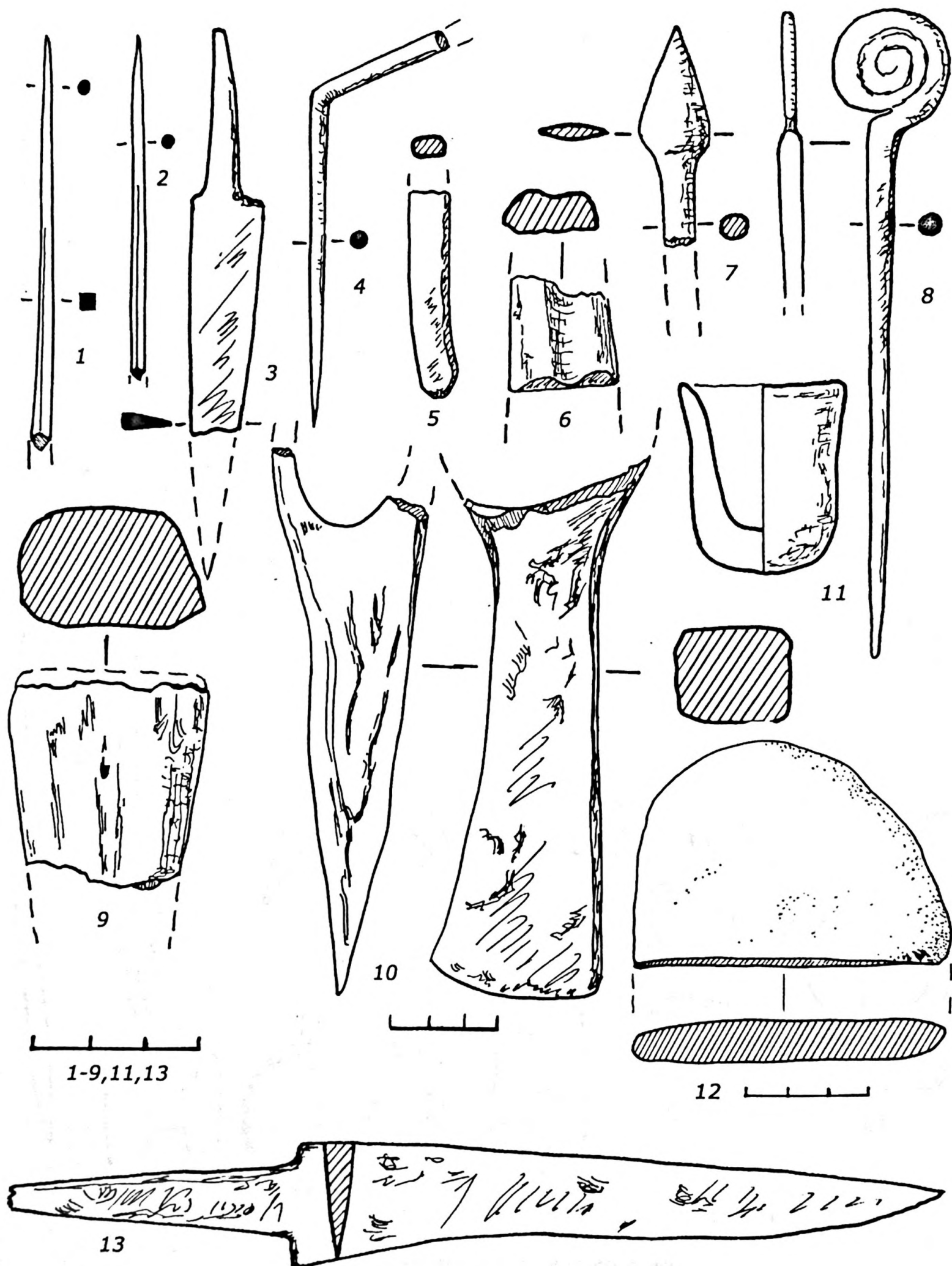

Рис. 6. Вещевой комплекс поселения Картамышево II:

1 — кв. В-5, шт. 2; 2 — кв. А'-16, шт. 2; 3 — кв. Д-13, шт. 2; 4 — кв. М-23, шт. 2; 5 — кв. А'-13, шт. 2; 6 — яма № 16; 7 — яма № 35; 8 — кв. Б'-10, шт. 2; 9 — яма № 16; 10 — кв. Ш-30, шт. 2; 11 — яма № 30; 12 — жил. 2; 13 — жил. 5;
1—4, 7, 8, 10, 13 — железо; 5 — бронза; 6, 9 — кость; 11 — глина; 12 — камень

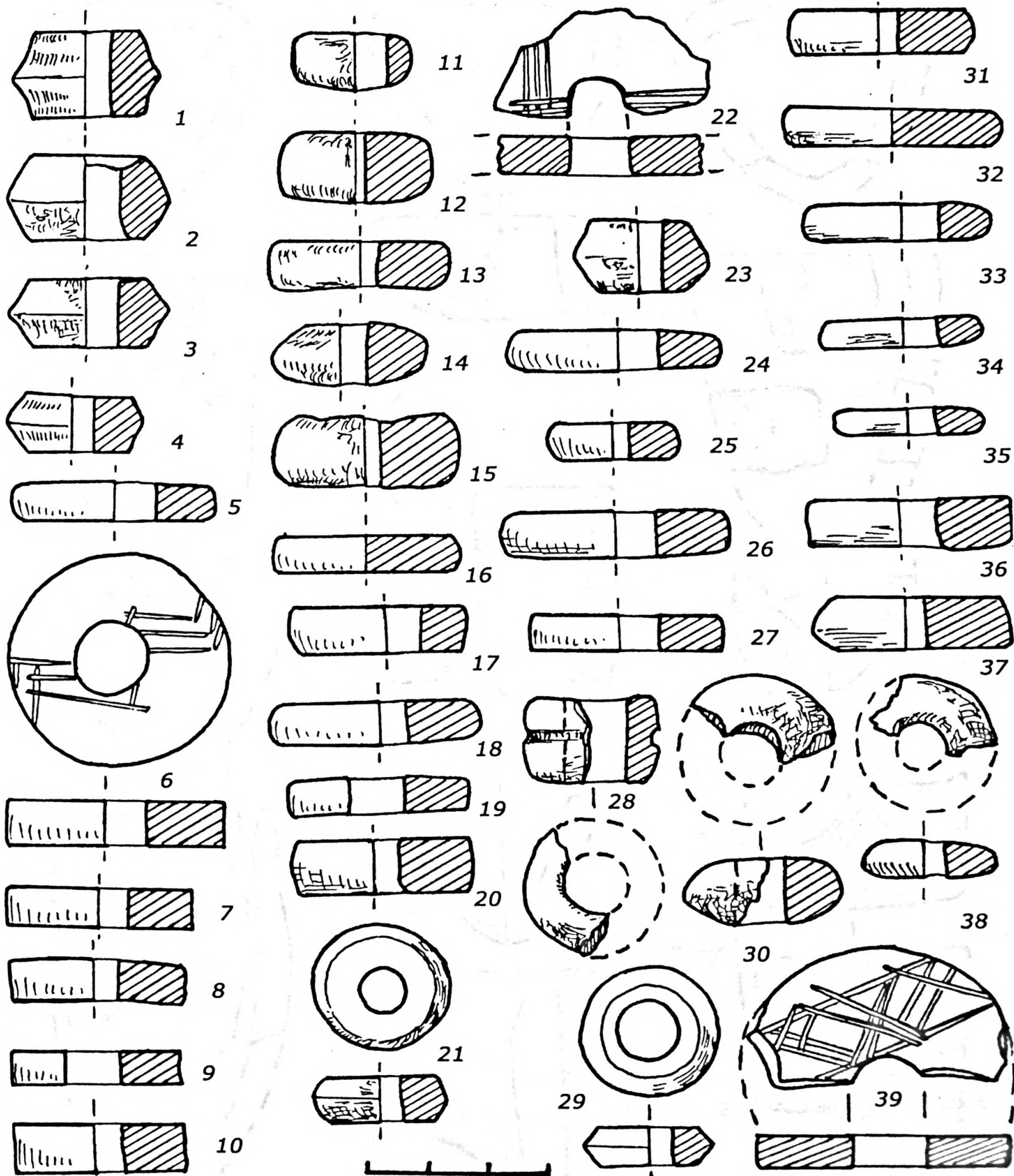

Рис. 7. Глиняные пряслица поселения Картамышево II:

1, 17, 26, 34, 35 — жил. 10; 2 — яма № 20; 3, 4, 11 — яма № 30; 5, 12, 13, 24, 25, 27, 28, 30, 36, 38 — жил. 8; 6, 14, 15, 18, 31, 37 — жил. 7; 7, 39 — жил. 3; 8 — кв. А'-18, шт. 2; 9 — кв. Н-7, шт. 2; 10 — кв. Е-5, шт. 2; 16 — кв. Ж-36, шт. 2; 19 — жил. 1; 20 — яма № 12; 21 — кв. М-23, шт. 2; 22 — яма № 23; 23 — яма № 27; 29 — кв. М-18, шт. 2; 32 — кв. Ш-32; 33 — жил. 9; 4 — лошеное; 5-8, 10, 17-20, 22, 24, 26, 27, 34, 36, 37, 39 — из стенок лошенных сосудов; 9, 35 — из стенок светлоглиняных амфор; 16, 32 — заготовки из стенок сосудов

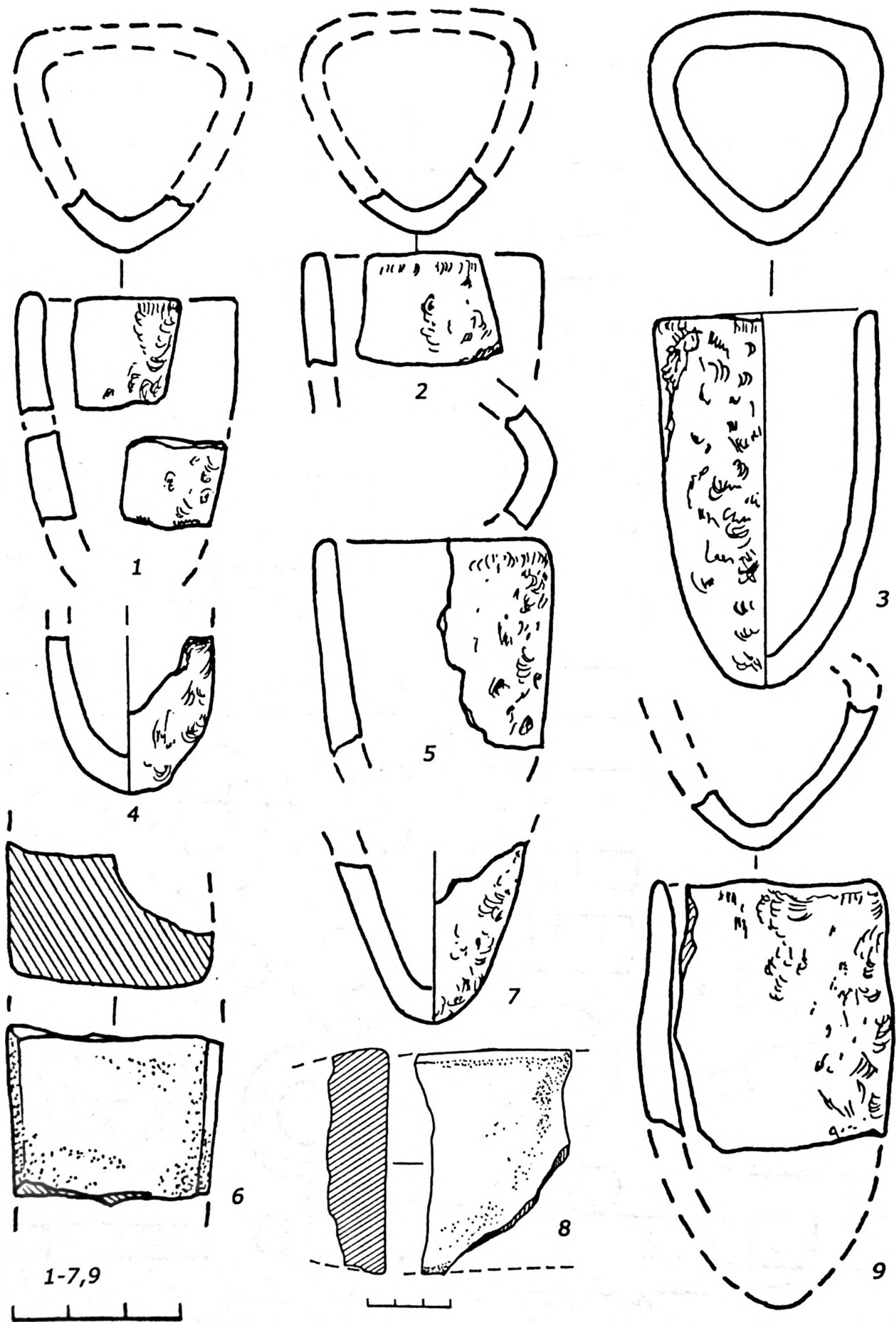

Рис. 8. Тигли и точильные камни поселения Картамышчево II:
 1, 5 — яма № 36; 2 — яма № 33; 3, 9 — яма № 38 в жил. 10; 4, 7 — яма № 35; 6, 8 — жил. 7;
 1—5, 7, 9 — ошлакованная глина; 6, 8 — песчанник

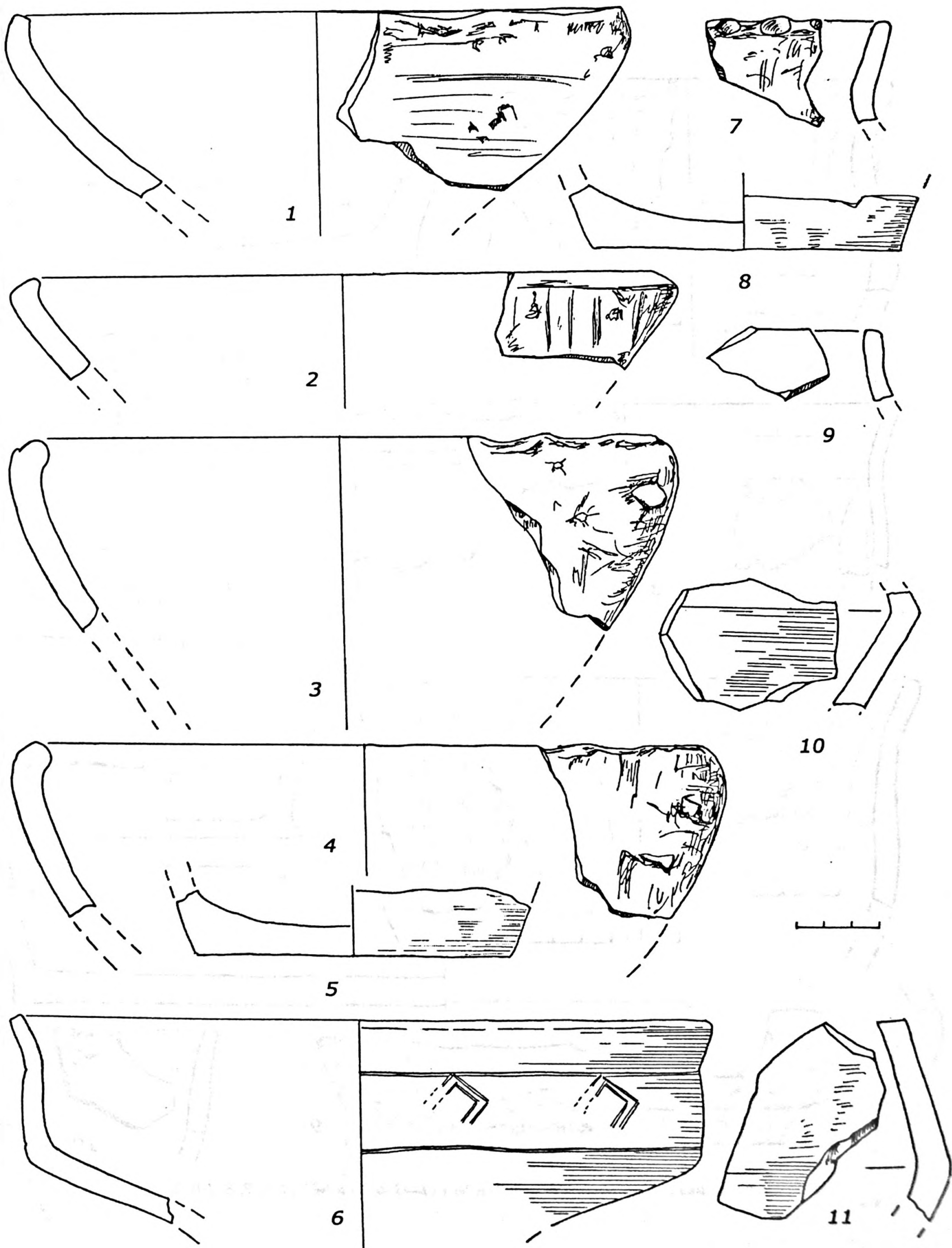

Рис. 9. Керамика из заполнения постройки № 1. 5, 6, 8, 10, 11 — лошенная

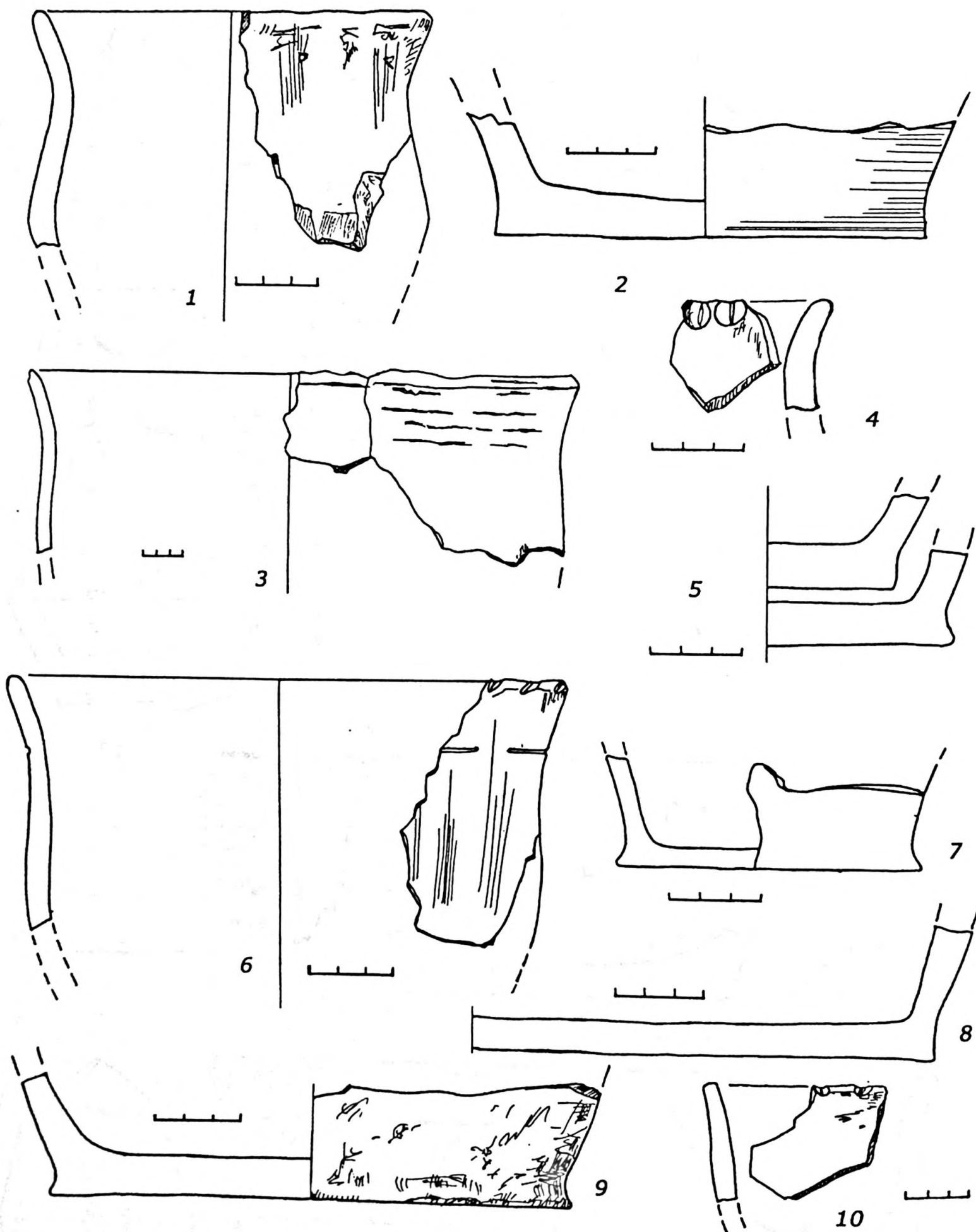

Рис. 10. Керамика из заполнения постройки № 1 (1—3, 6, 9) и № 2 (4, 5, 7, 8, 10). 2 — лошенная

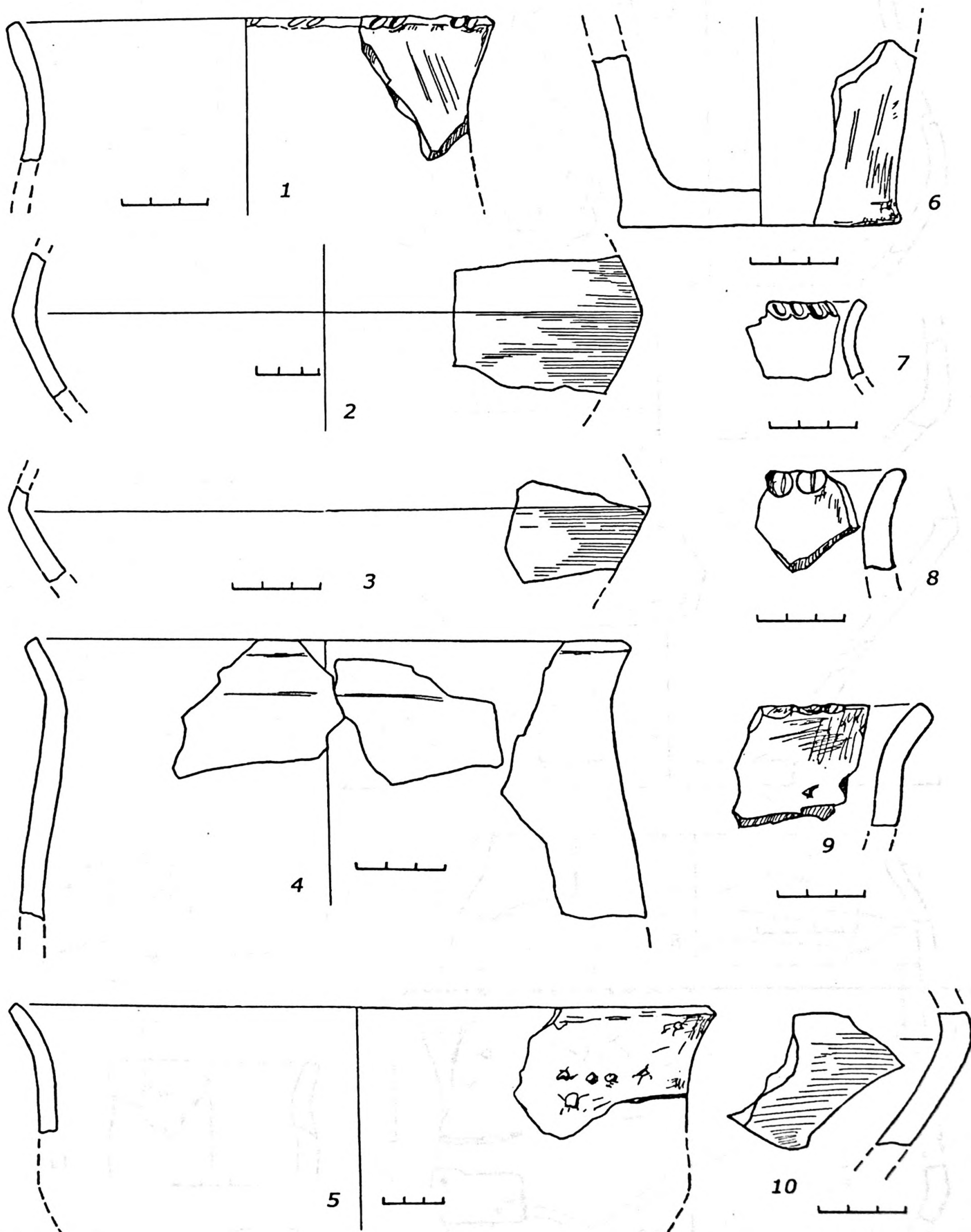

Рис. 11. Керамика из заполнения постройки № 2. 2, 3, 10 — лощеная; 4 — заглаженная

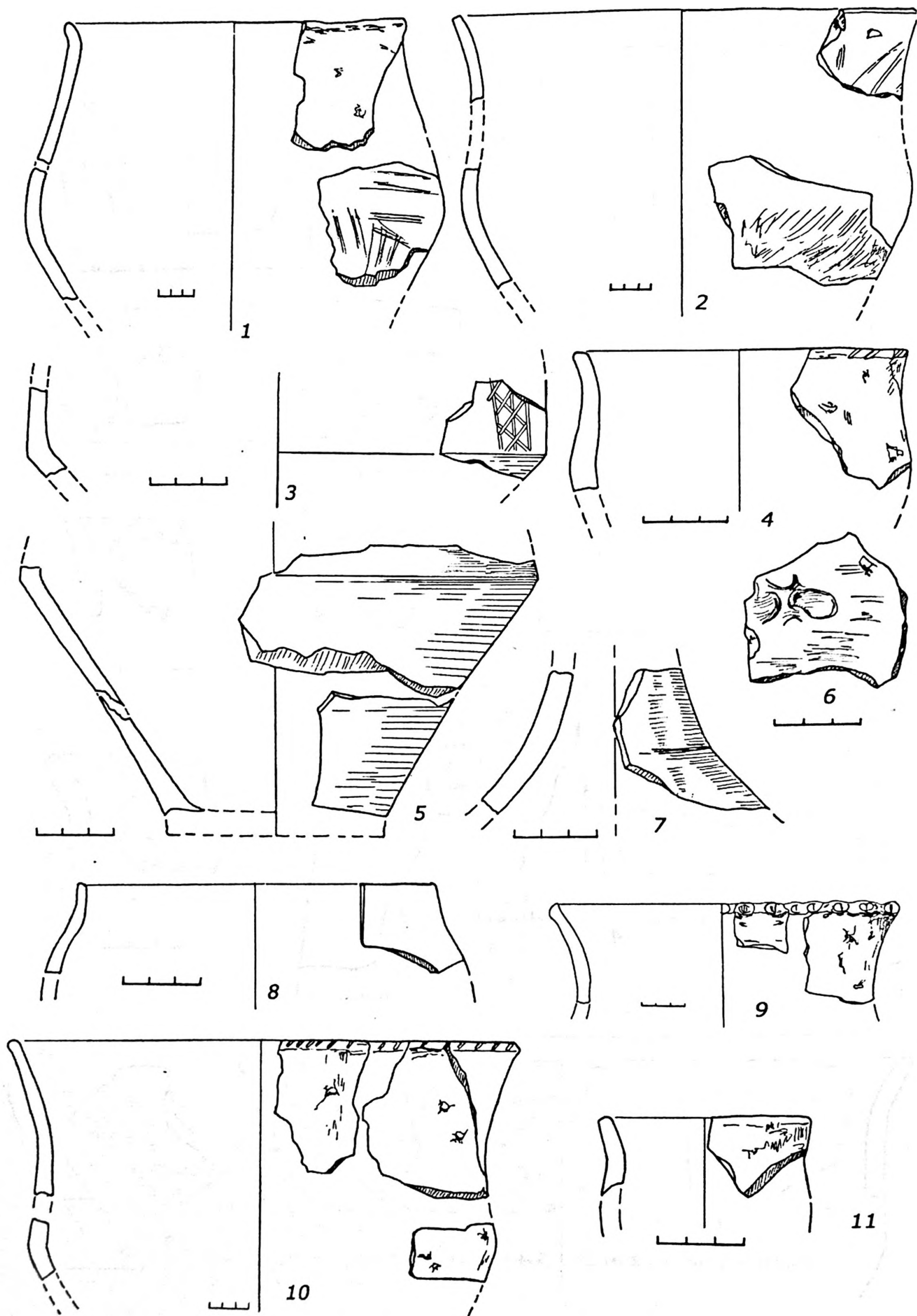

Рис. 12. Керамика из заполнения построек: № 3 (1—8, 10); и № 4 (9). 3, 5, 7 — лошечная

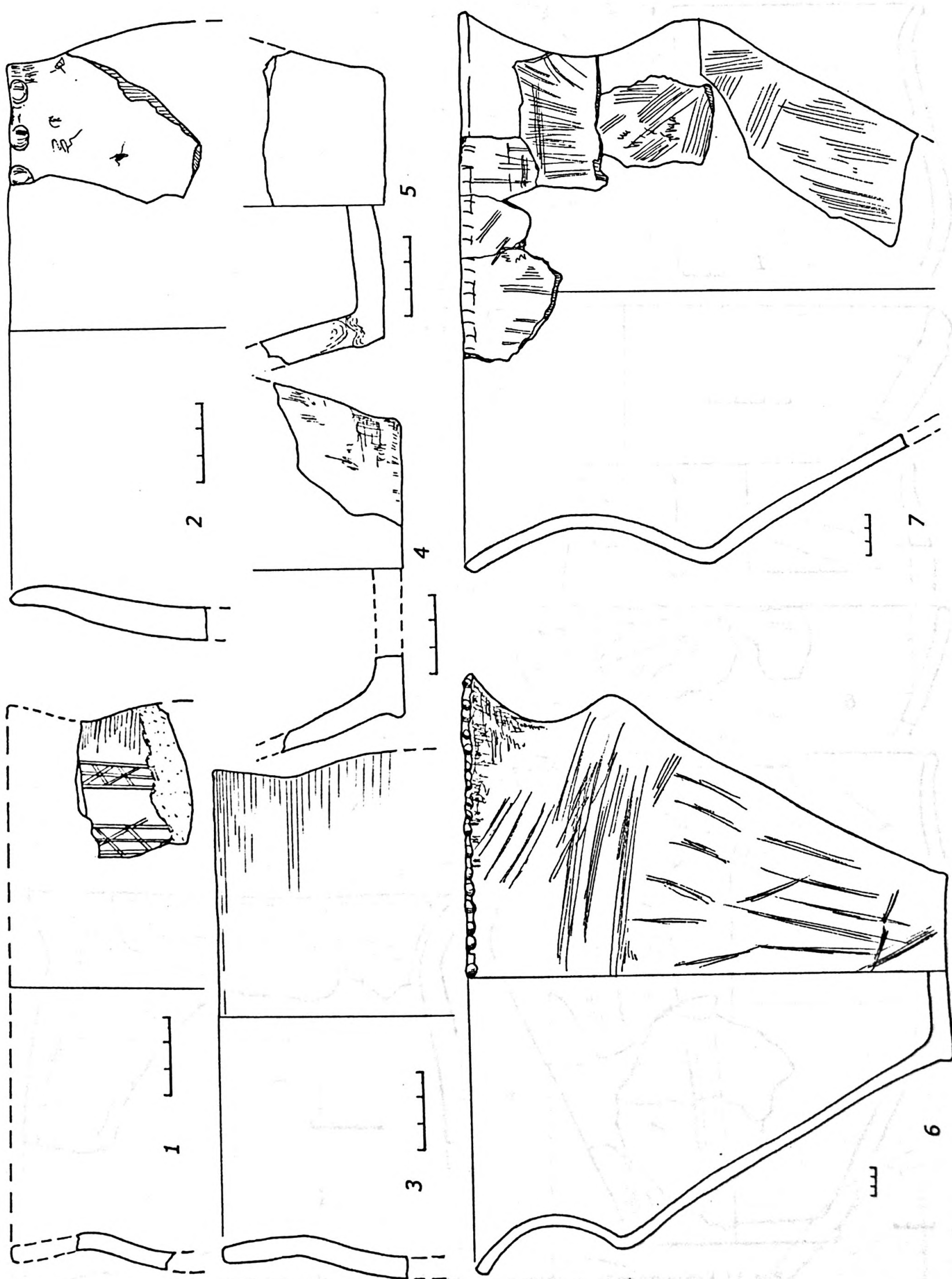

Рис. 13. Керамика из заполнения постройки № 5. 1, 3 — лощеная

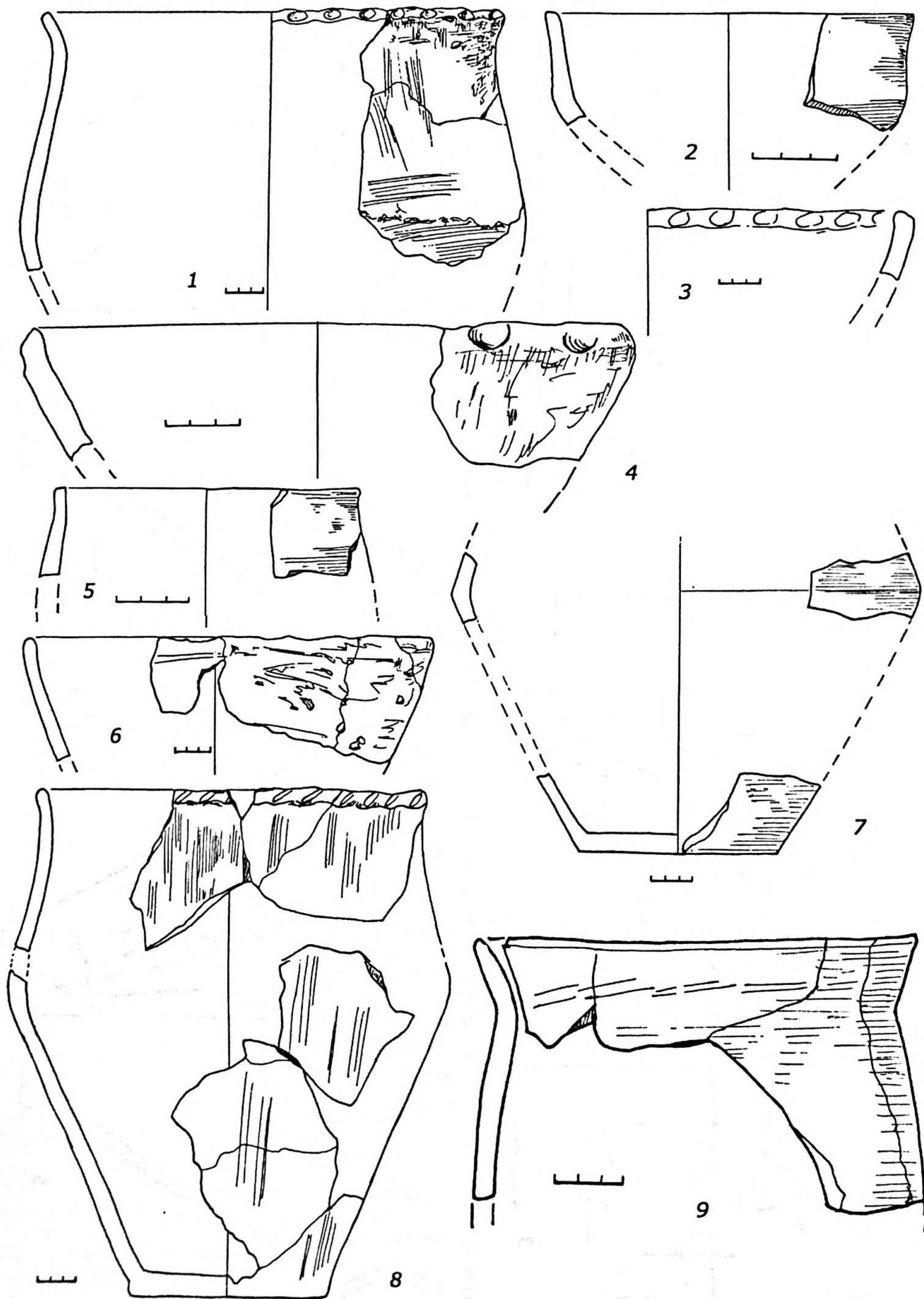

Рис. 14. Керамика из заполнения постройки № 6. 2, 5, 7, 9 — лошенная

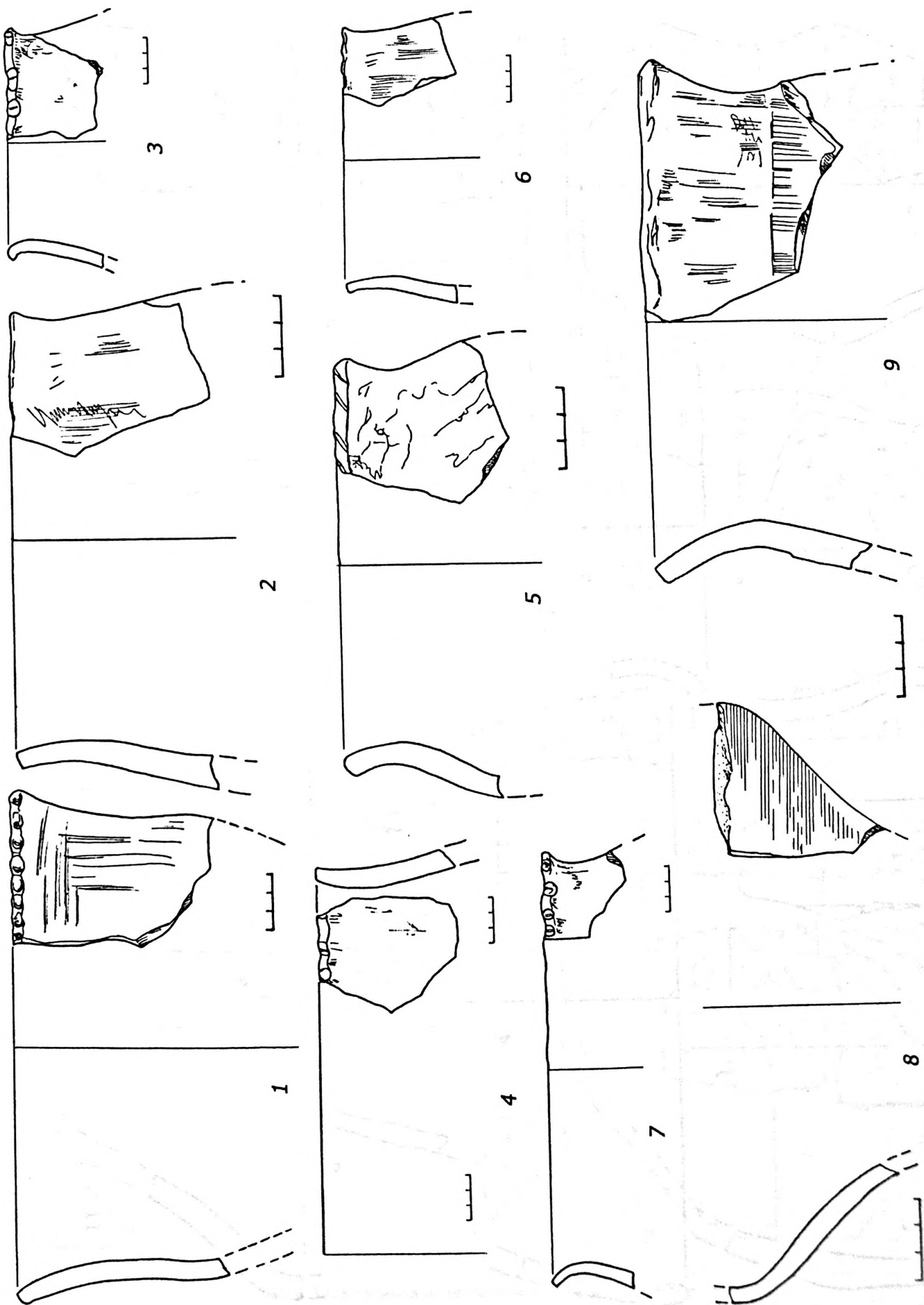

Рис. 15. Керамика из заполнения построек № 6 (1), № 7 (2—9). 8 — лошная

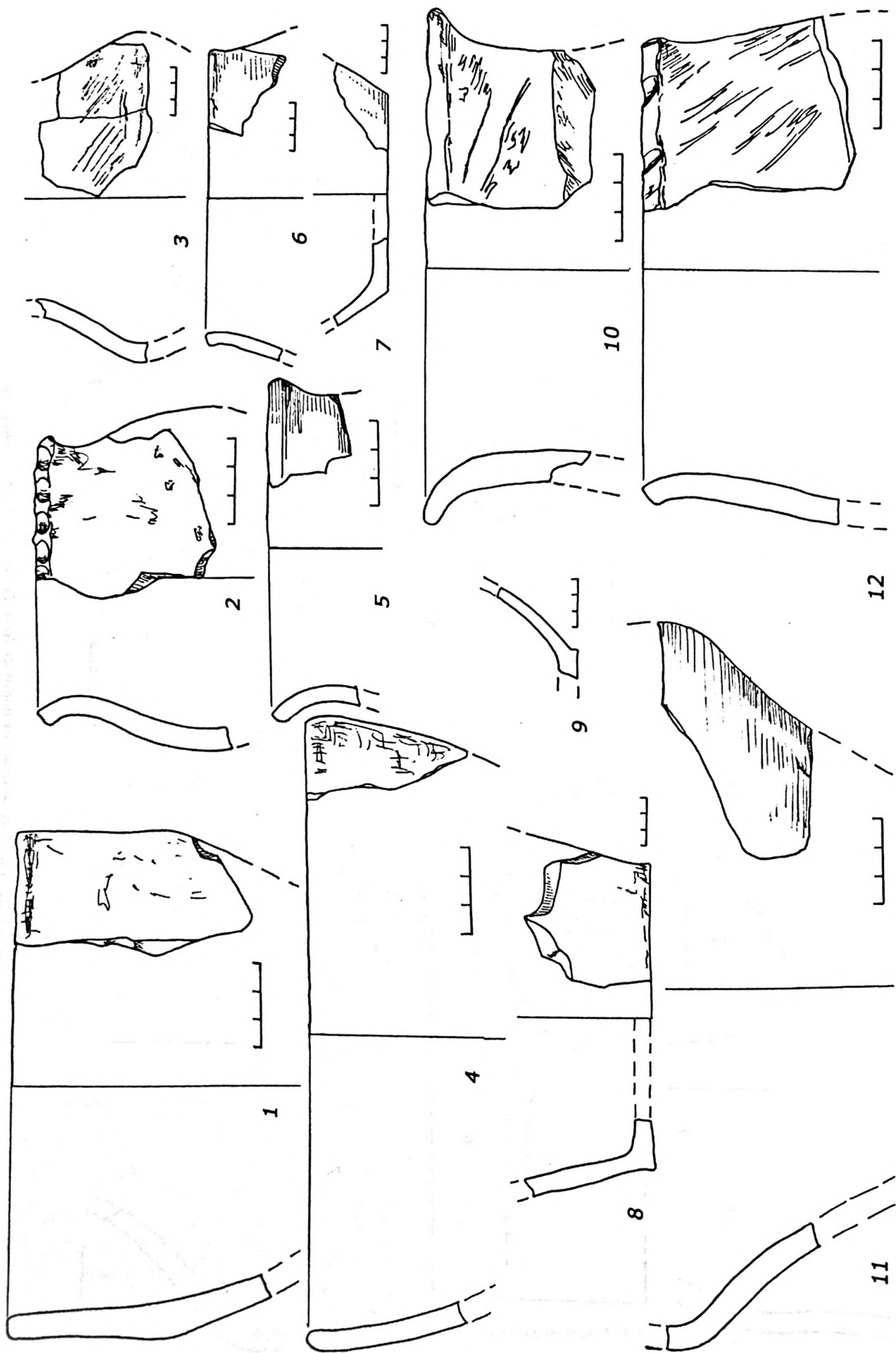

Рис. 16. Керамика из заполнения постройки № 8. 5--7, 11 — лощеная

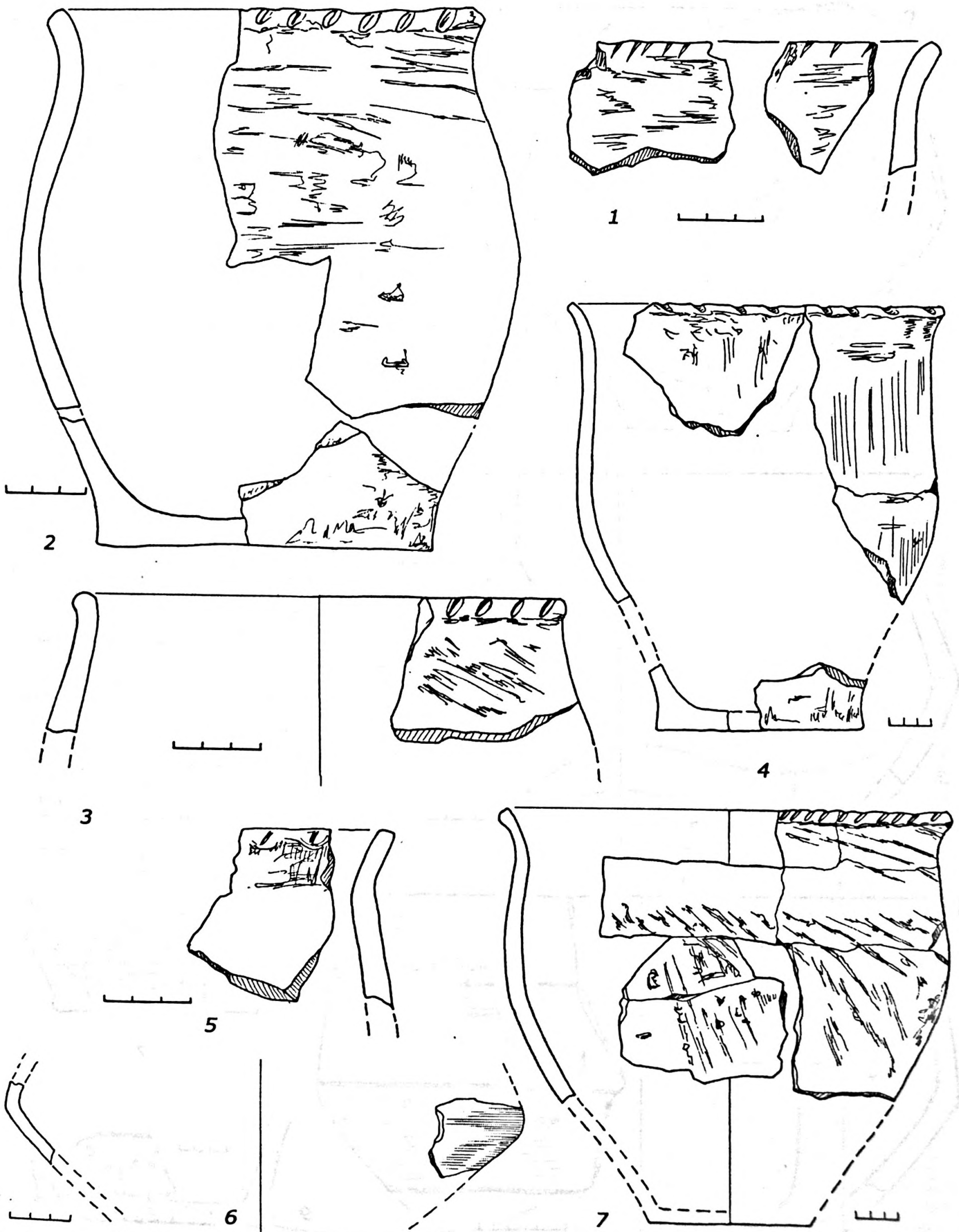

Рис. 17. Керамика из заполнения постройки № 9. 6 — лощеная

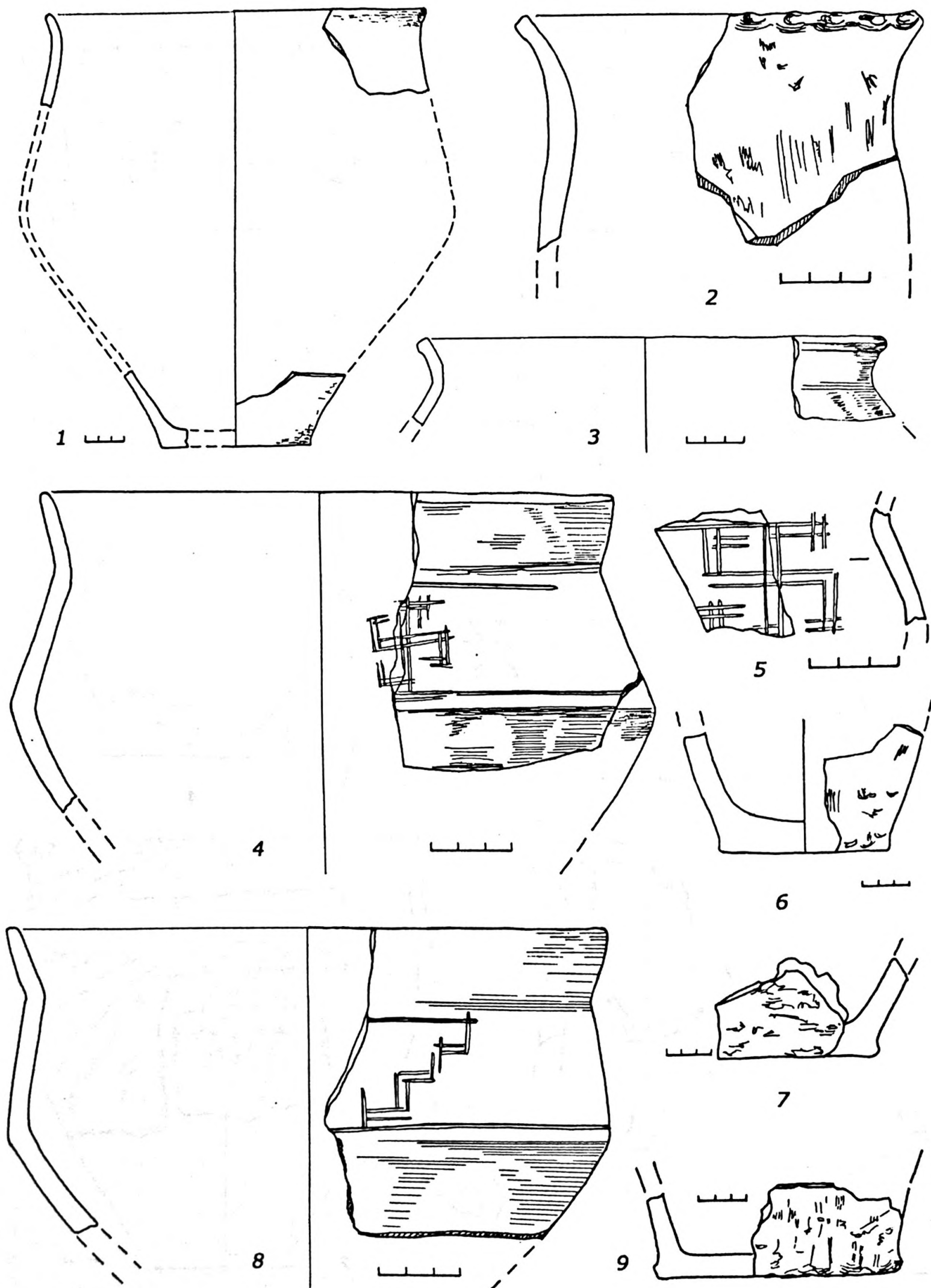

Рис. 18. Керамика из заполнения постройки № 10. 3—5, 8 — лощеная

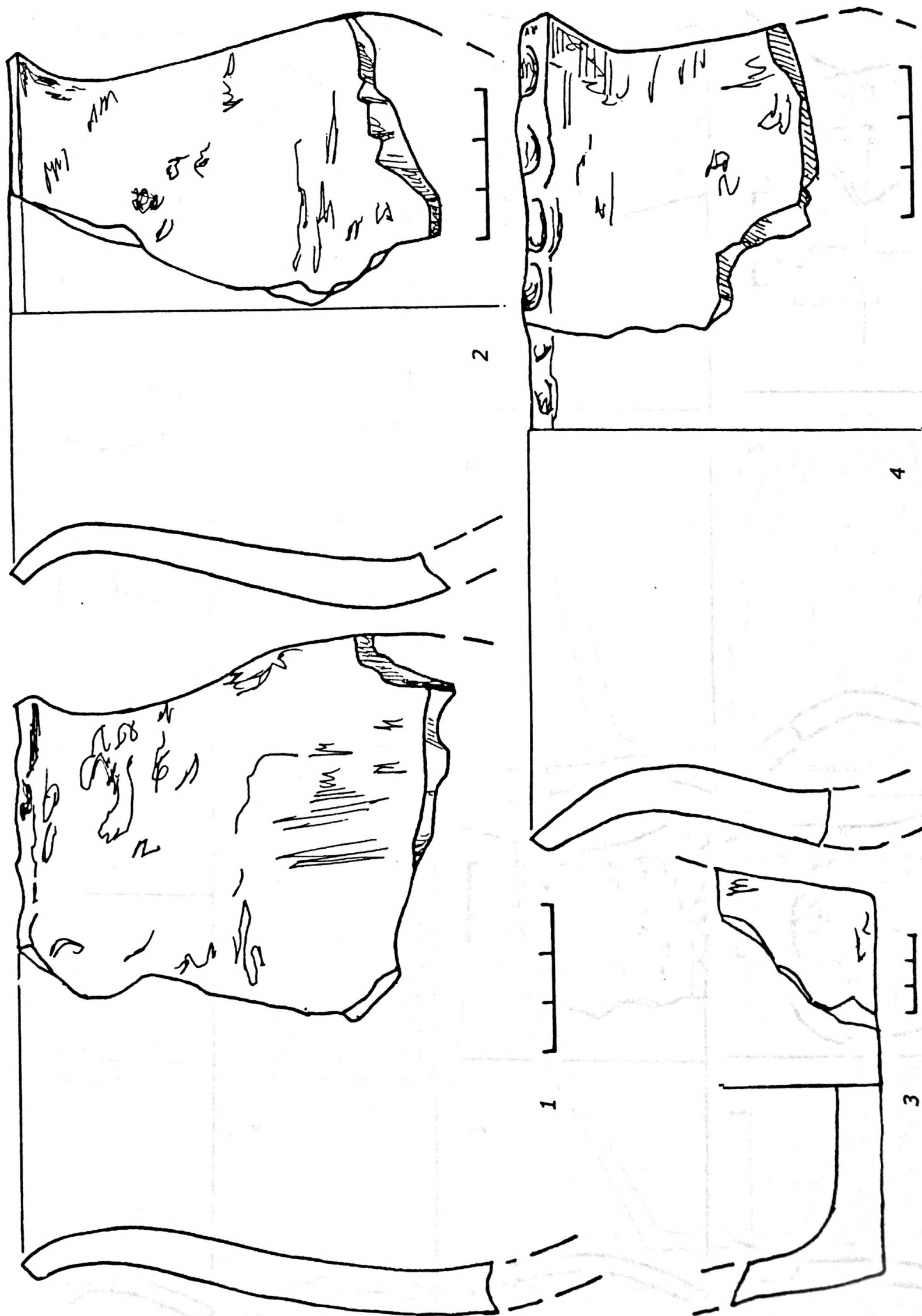

Рис. 19. Керамика из заполнения постройки № 10

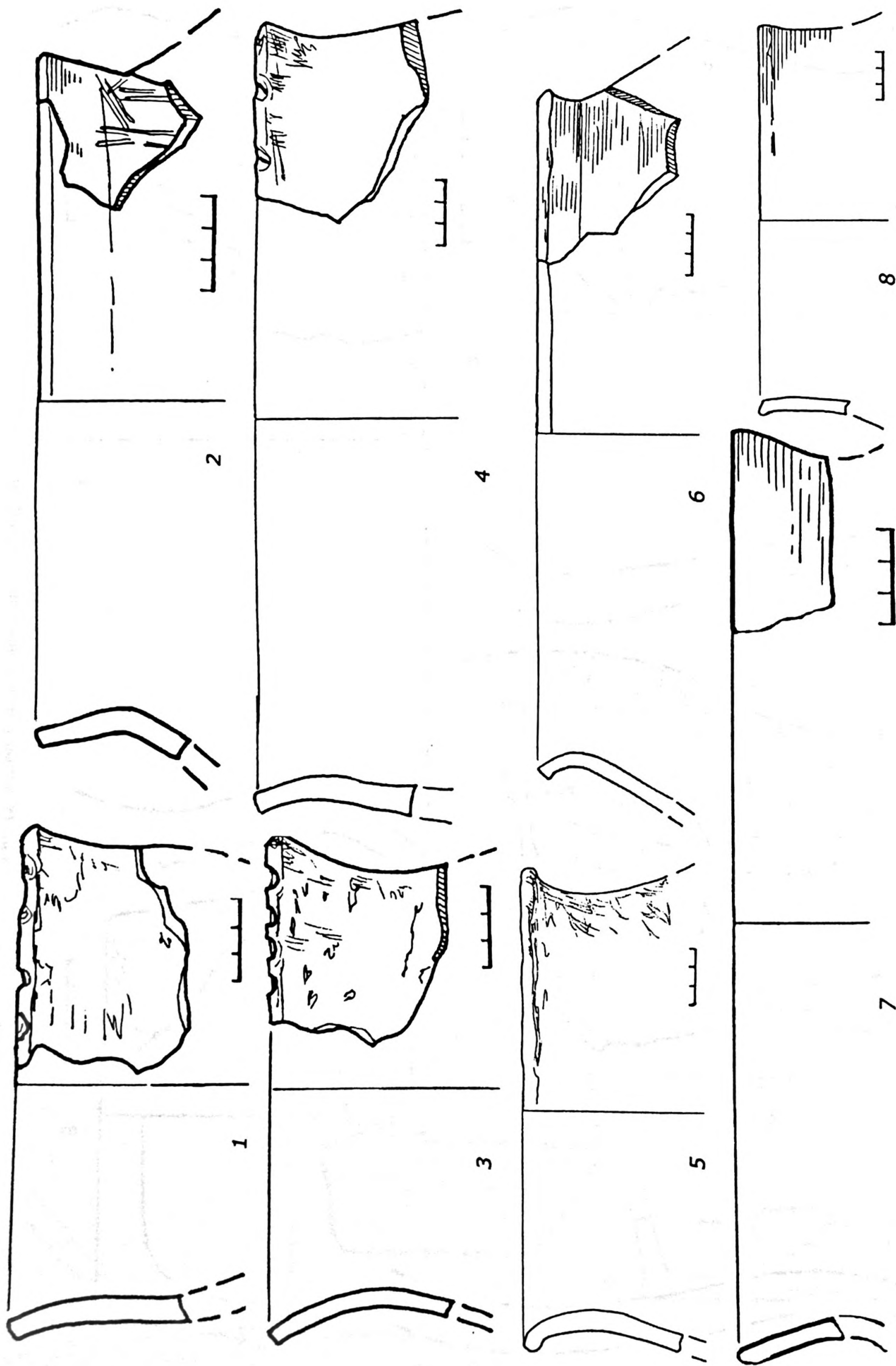

Рис. 20. Керамика из заполнения постройки № 10. 2, 6—8 — лощеная

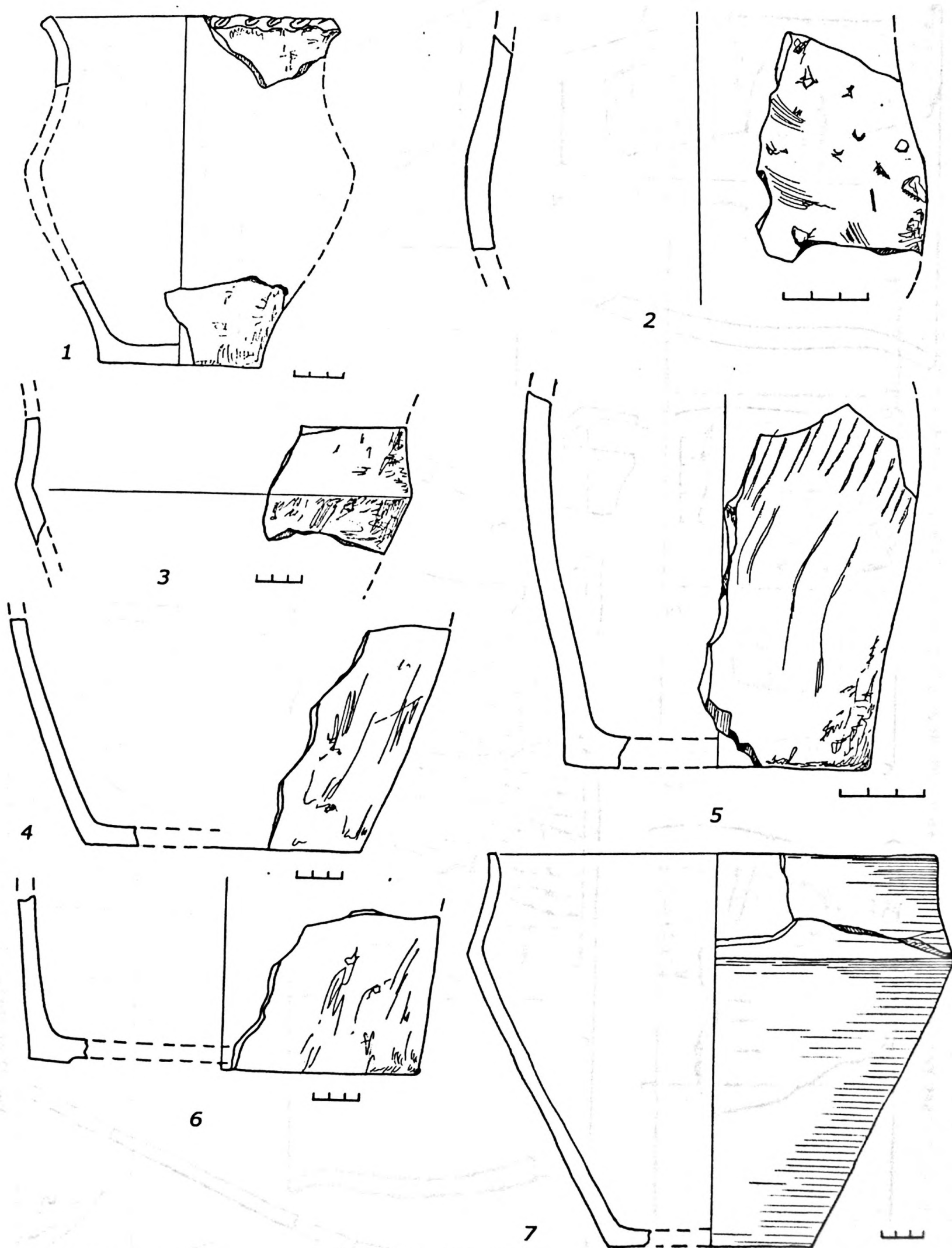

Рис. 21. Керамика из заполнения «горновой» ямы В (1, 3, 4, 6), хозяйственных ям № 8 (2, 5), № 5 (7). 7 — лошенная

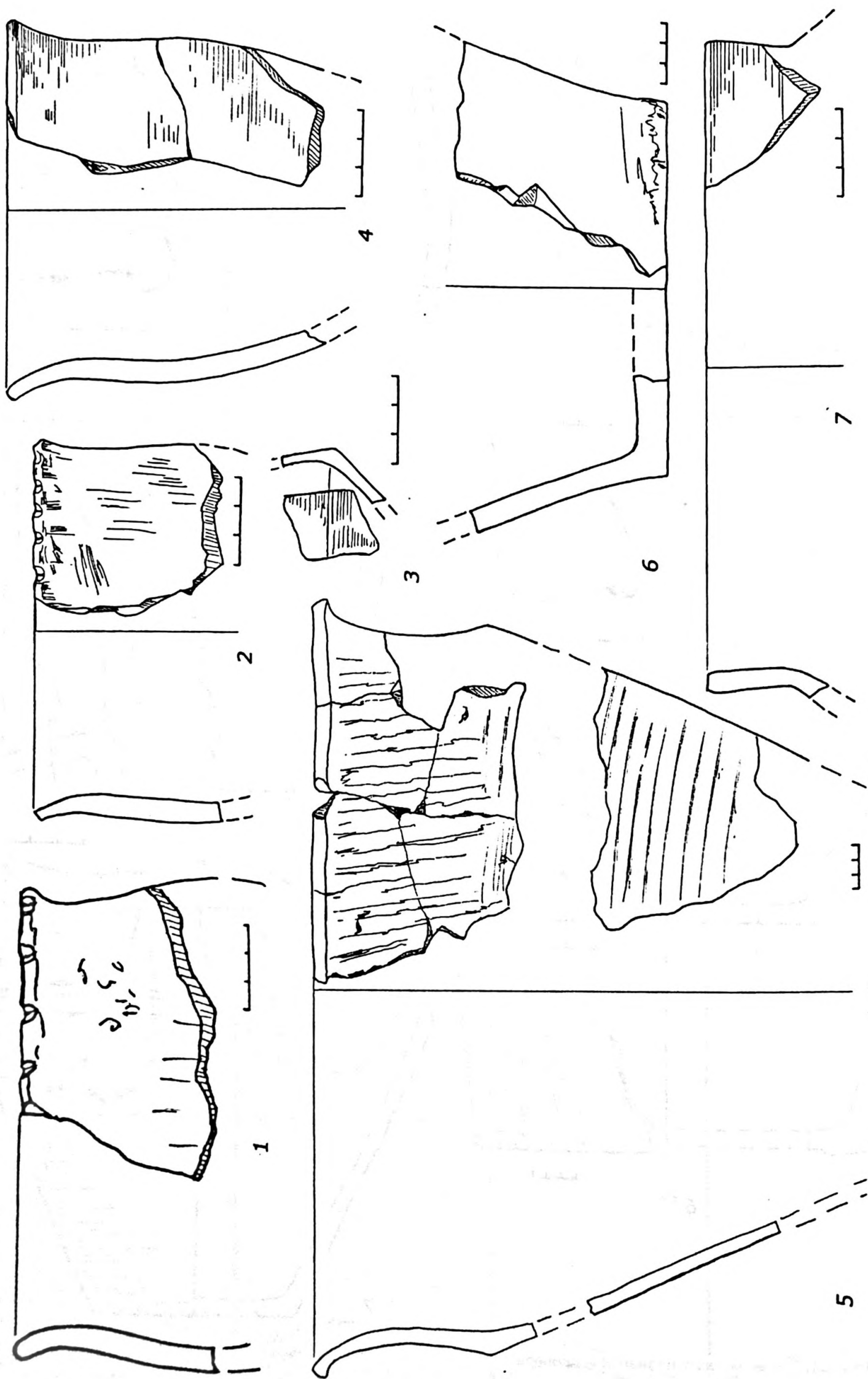

Рис. 22. Керамика из заполнения хозяйственных ям № 1 (1), № 15 (2, 3, 5, 6), № 9 (4, 7). 3 — гончарная (?), 4, 7 — лощеная

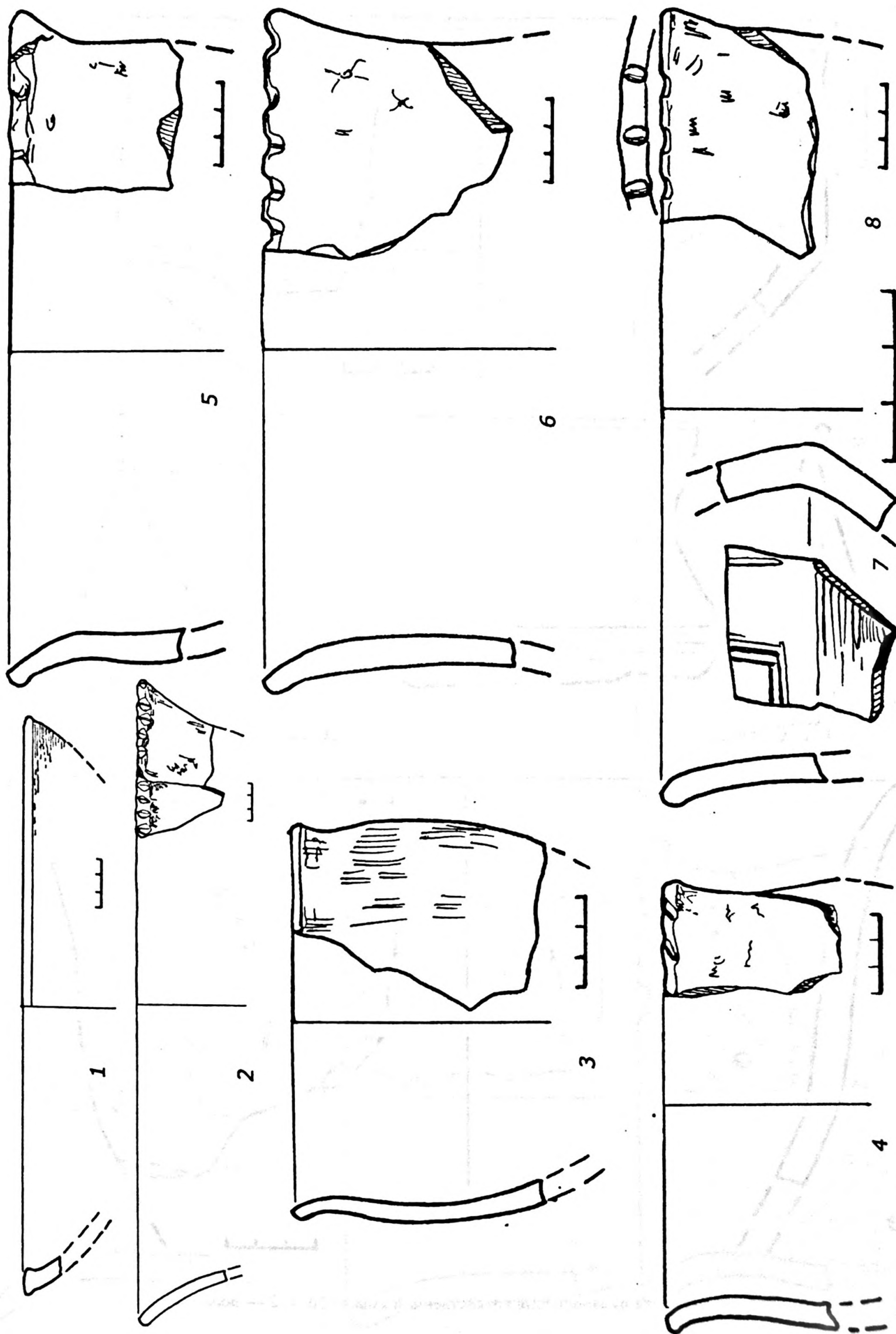

Рис. 23. Керамика из заполнения хозяйственных ям № 24 (1, 4), № 19 (2, 7), № 26 (3, 5, 6, 8). 1 — гончарная; 7 — лошная

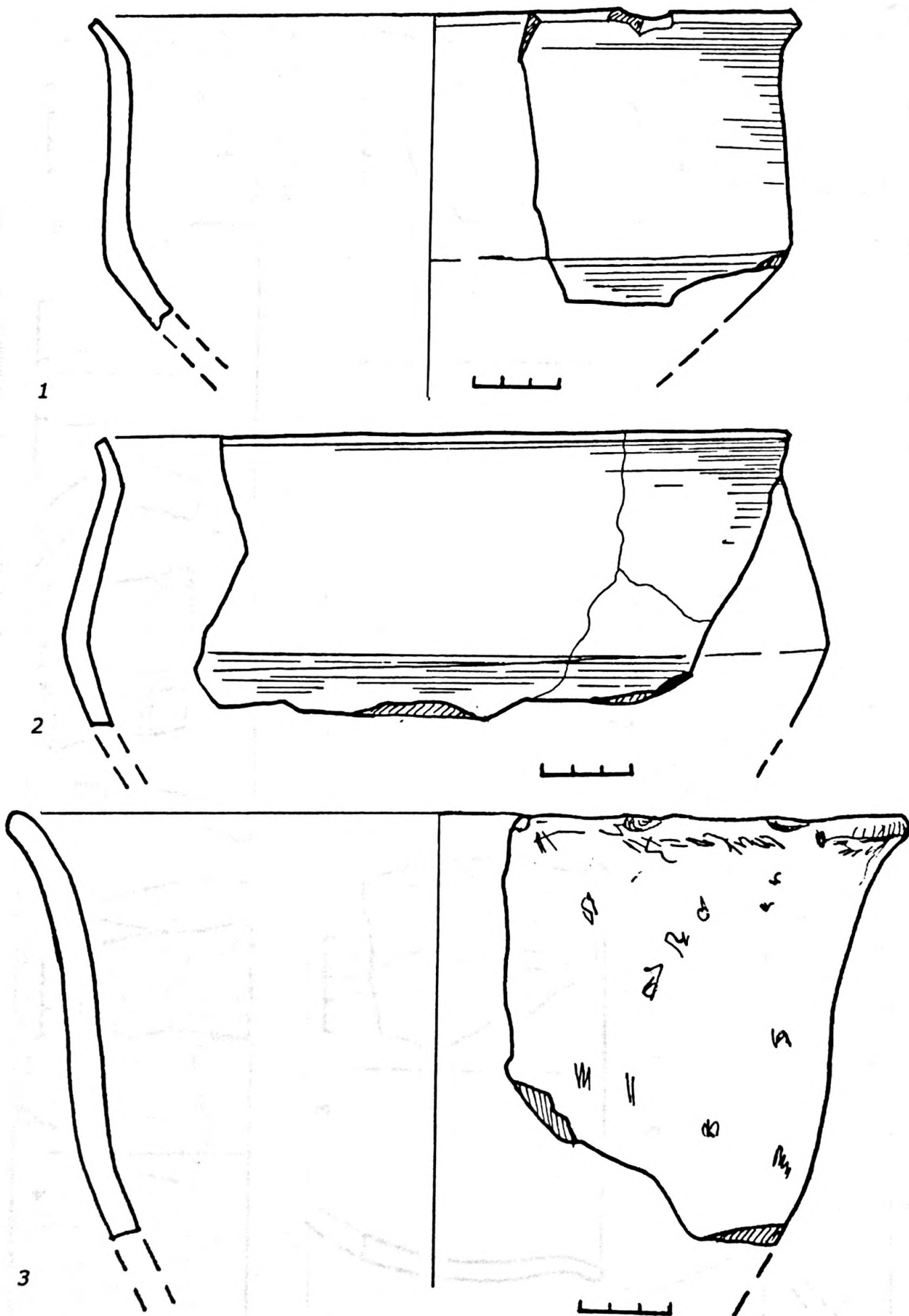

Рис. 24. Керамика из заполнения хозяйственной ямы № 26. 1, 2 — лощеная

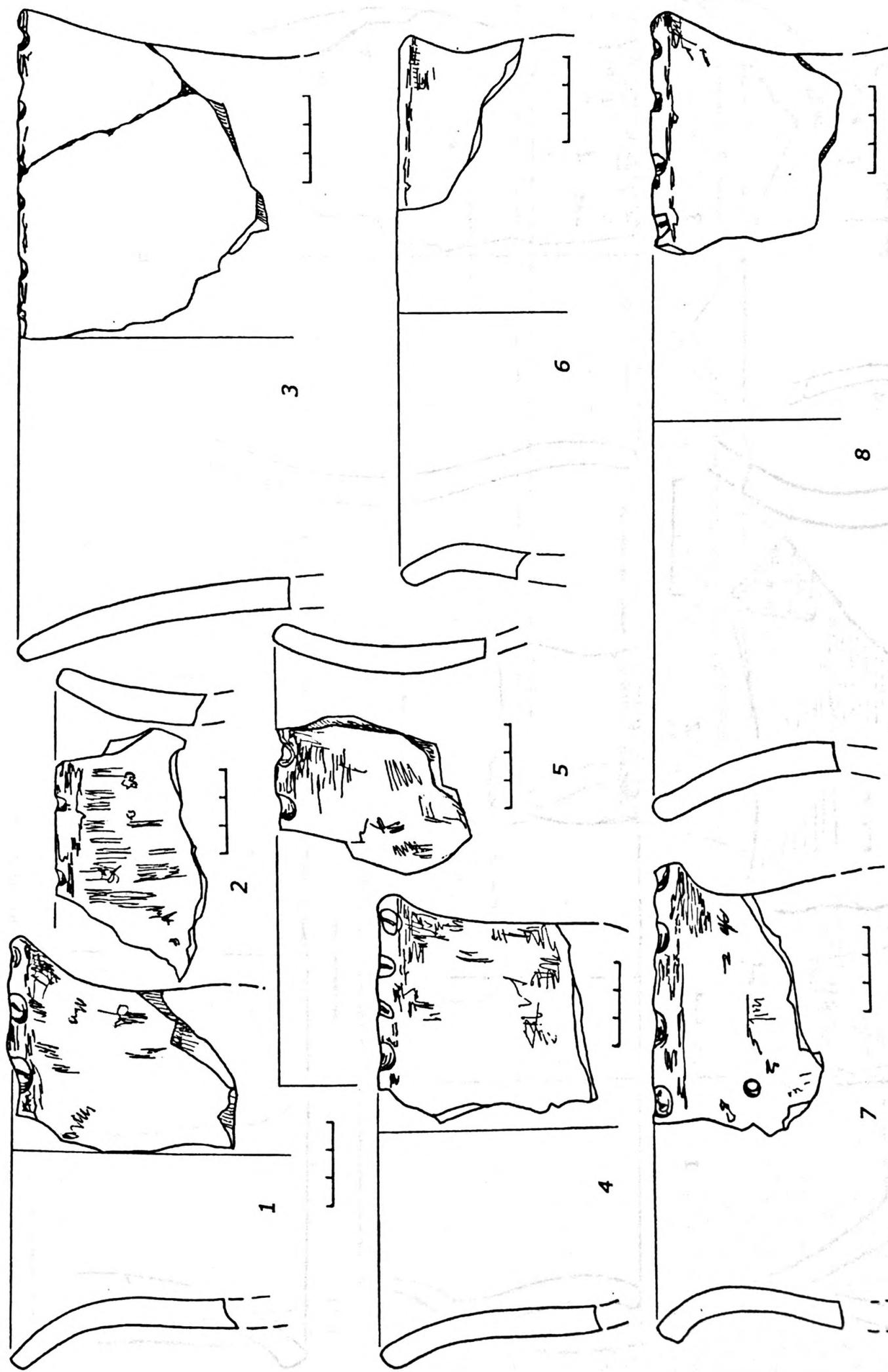

Рис. 25. Керамика из заполнения хозяйственных ям № 25 (2, 6), № 26 (1, 3—5, 7, 8)

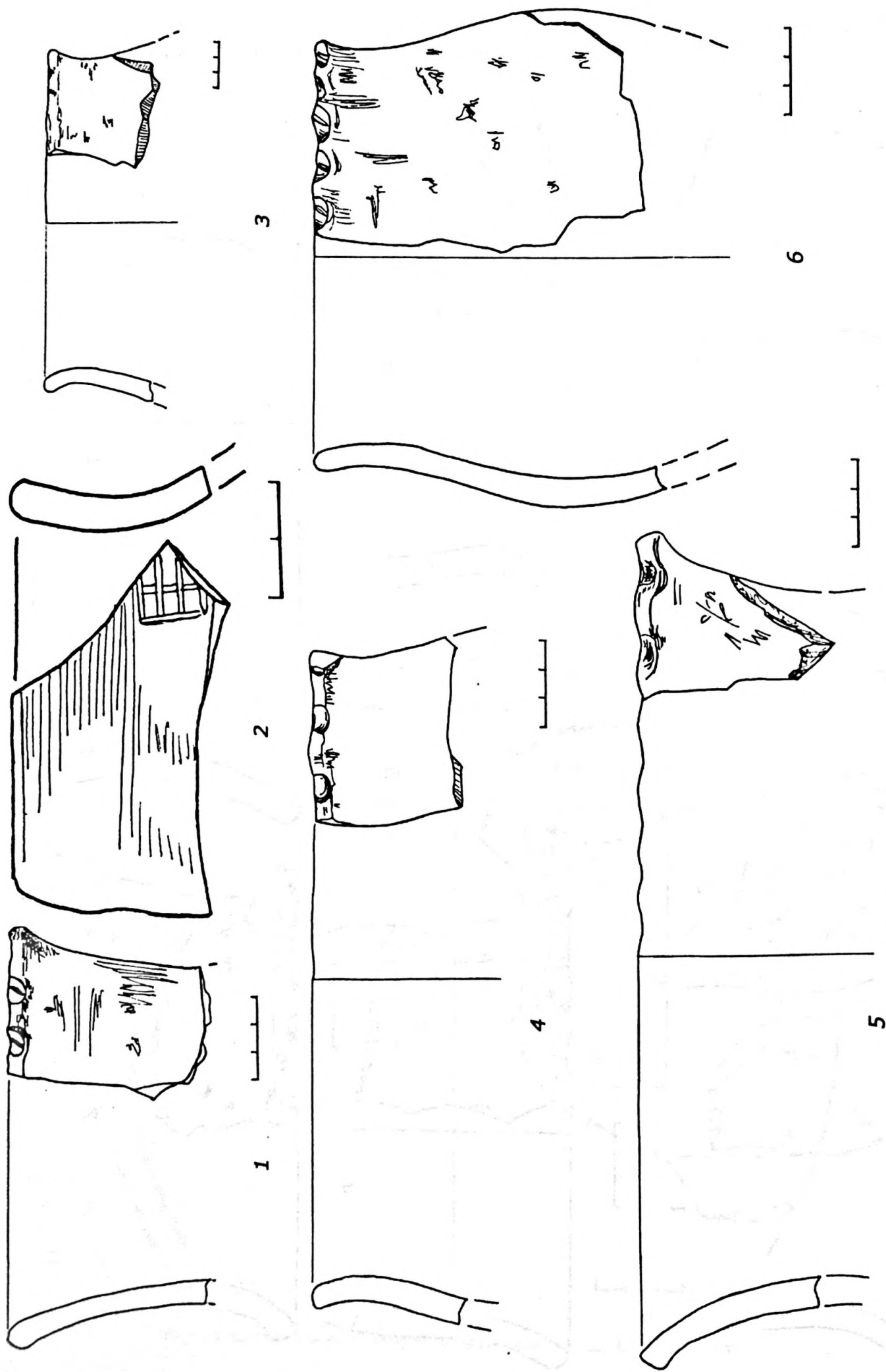

Рис. 26. Керамика из заполнения хозяйственных ям № 26 (2), № 28 (1, 4—6), № 29 (3). 2 — лошаная

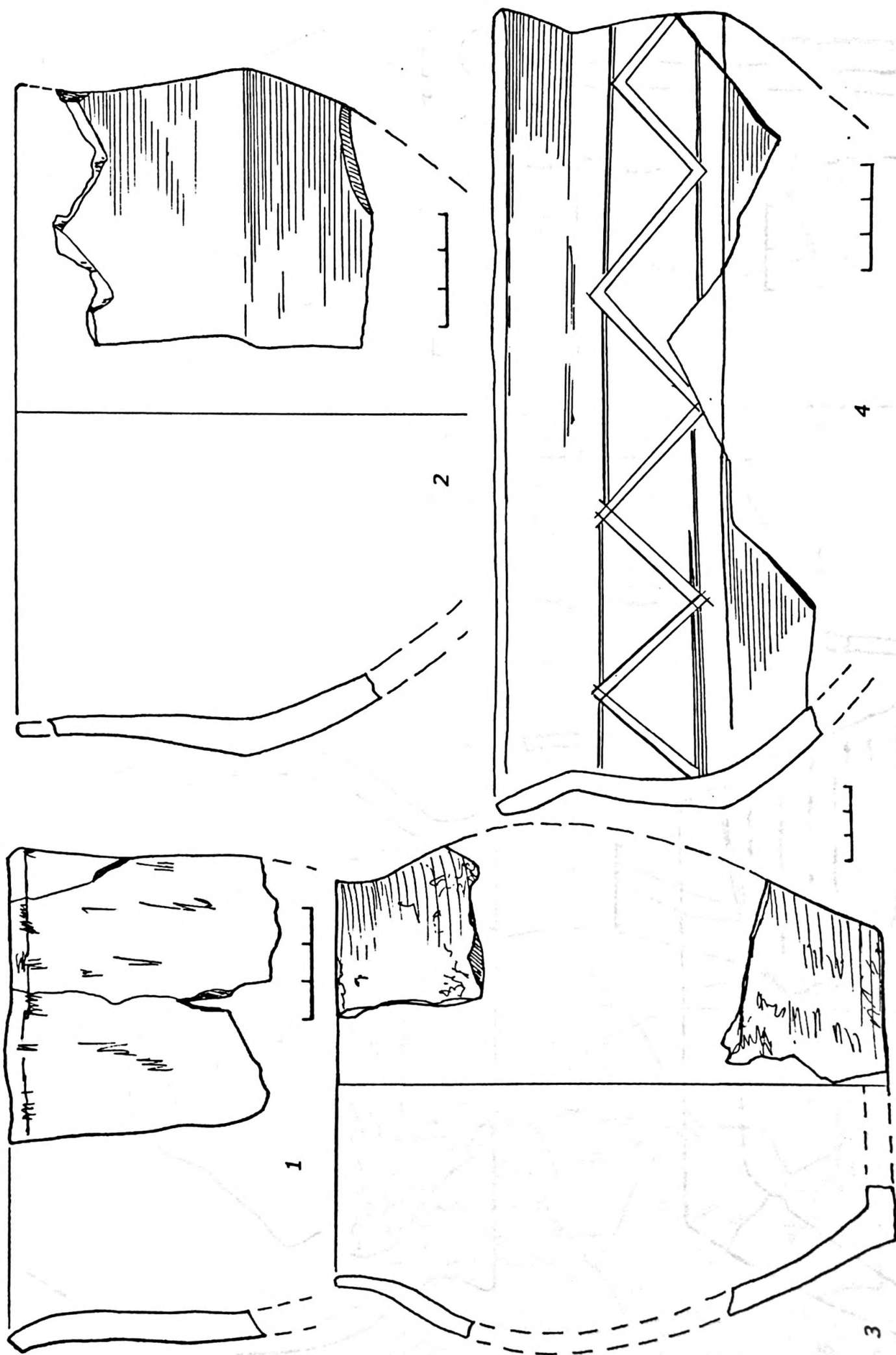

Рис. 27. Керамика из заполнения хозяйственных ям № 33 (2—4), № 36 (1). 2, 3, 4 — лошечная, 3 — ошлакованная

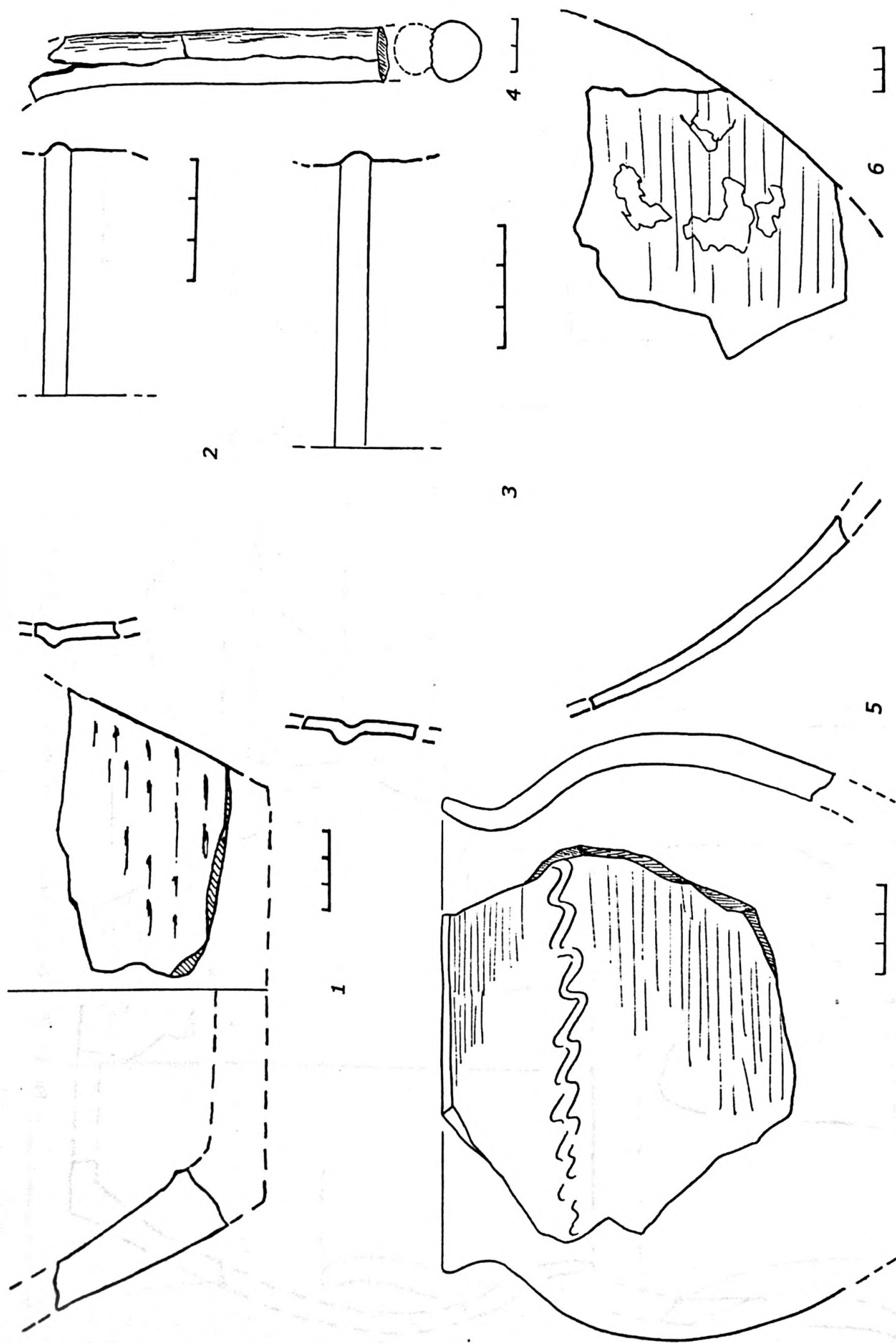

Рис. 28. Керамика из культурного слоя.
 1 — сероглиняная гончарная; 2—6 — краснойглиняная гончарная

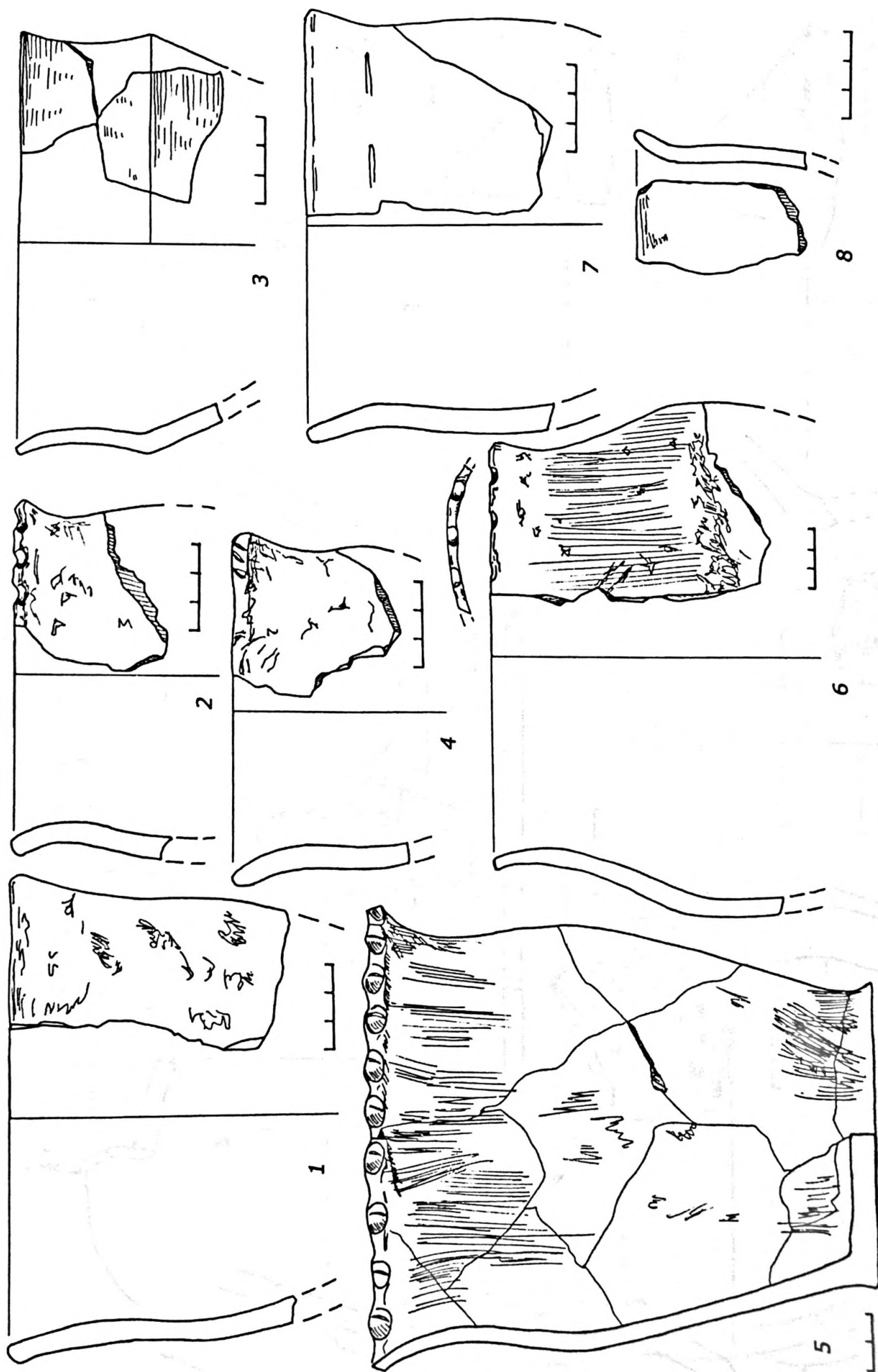

Рис. 29. Керамика из культурного слоя. 3 — лощеная

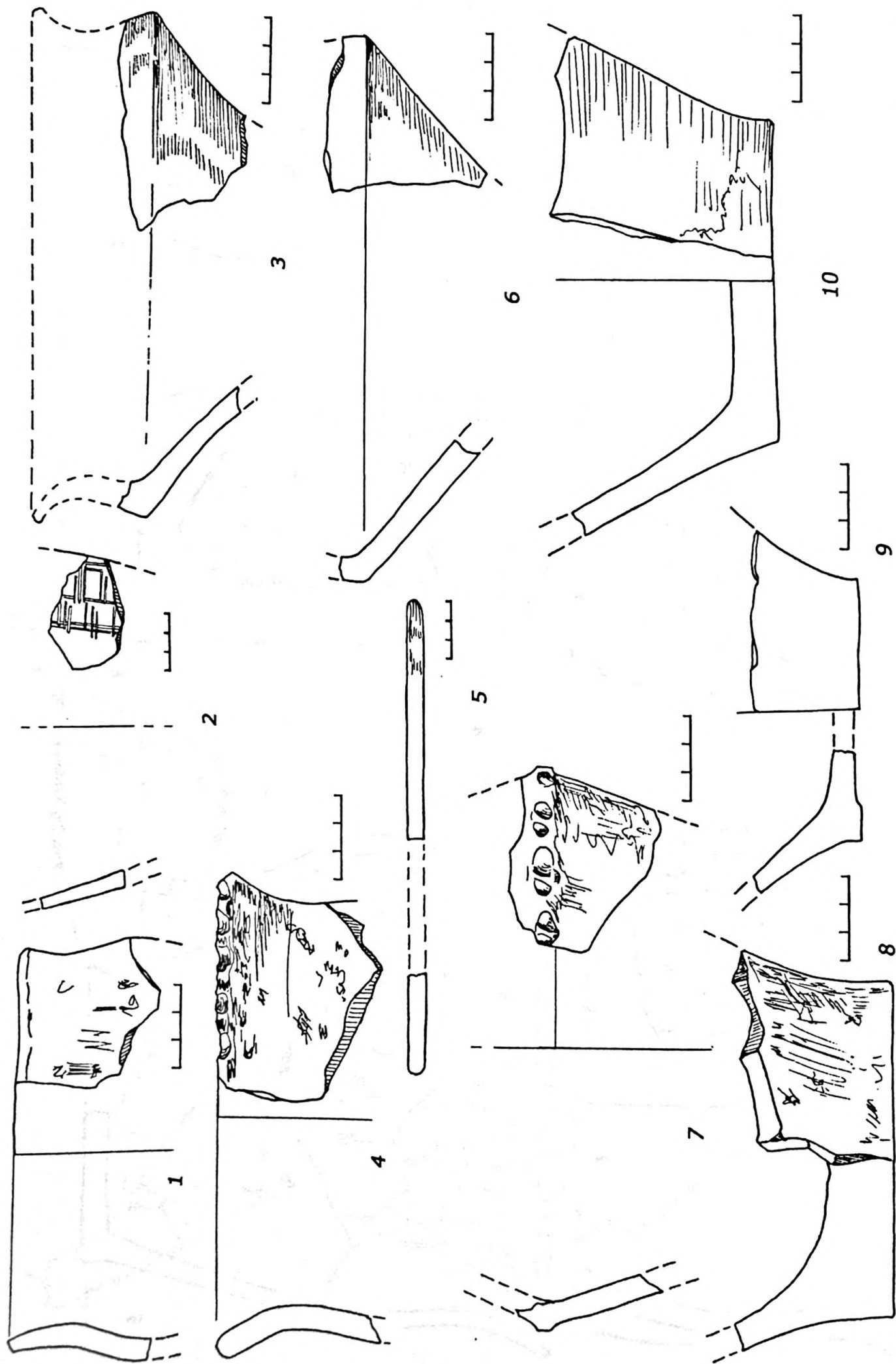

Рис. 30. Керамика из культурного слоя. 2, 3, 5, 6, 9, 10 — лошная

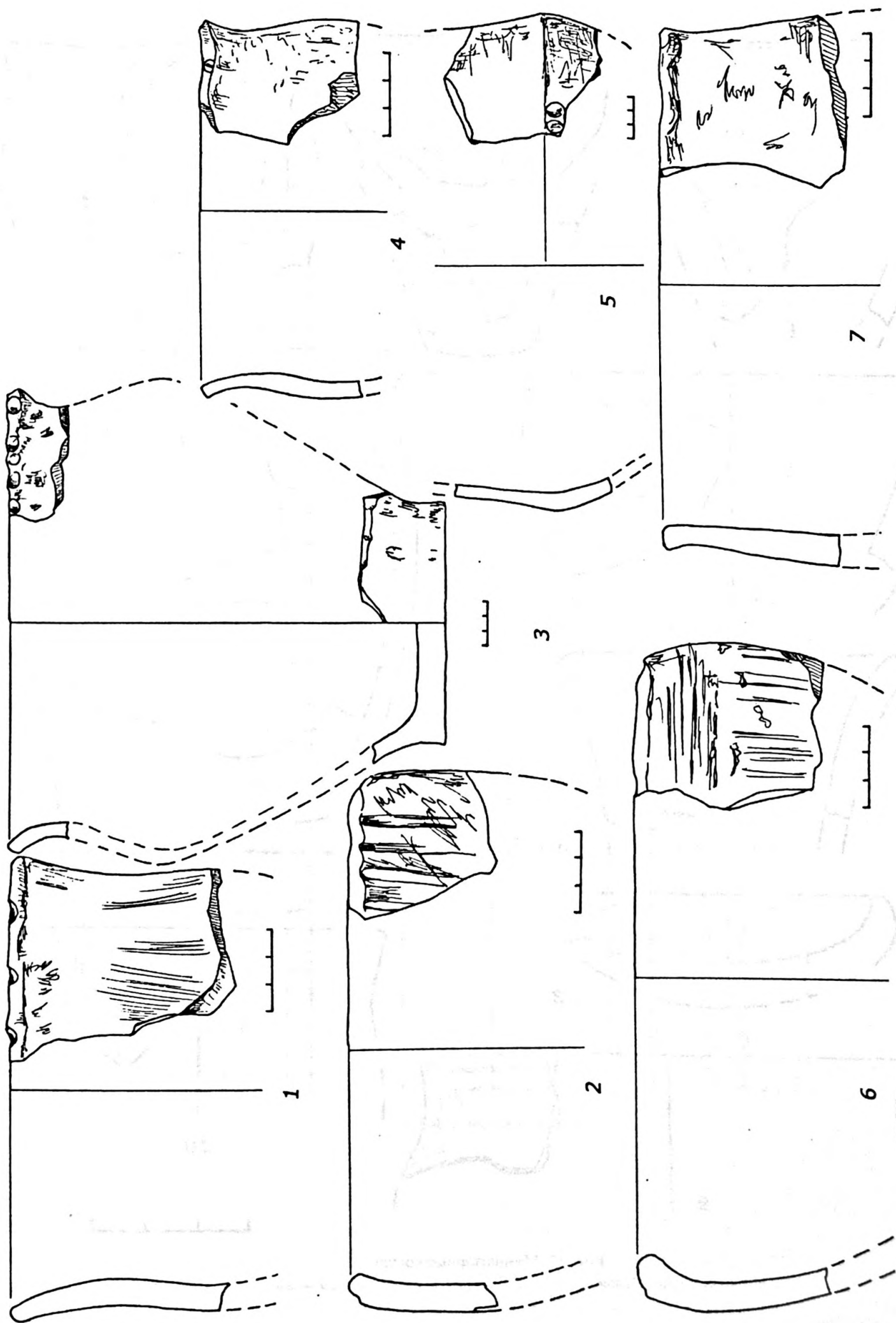

Рис. 31. Керамика из культурного слоя

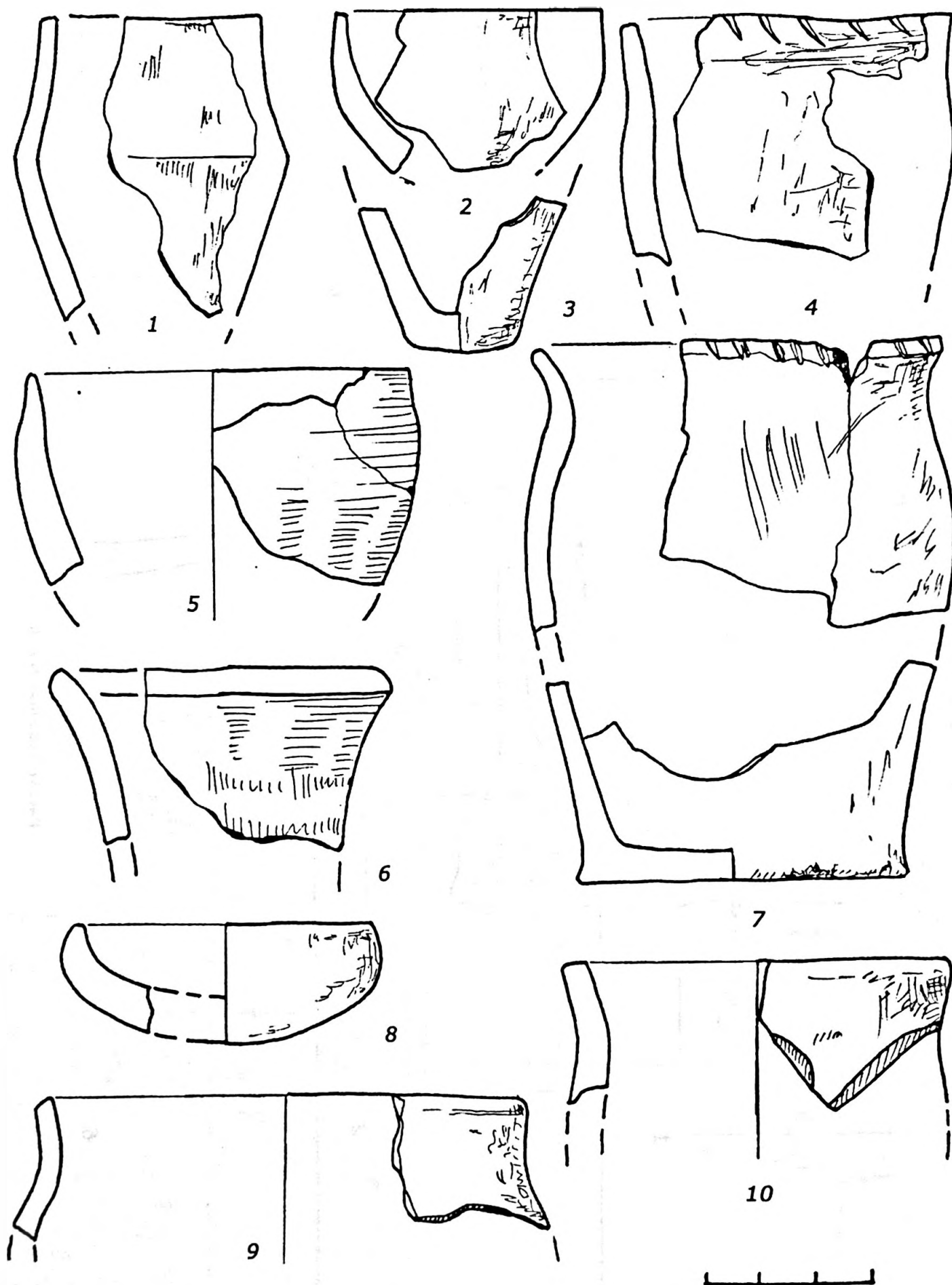

Рис. 32. Миниатюрные сосуды:

1, 2, 4, 6, 7 — культурный слой; 3 — жил. 5; 5 — жил. 2; 8 — жил. 10; 9 — жил. 7; 10 — жил. 3;
2(?), 5, 6 — лощеные

І в. до н.э.	І в. н.э.	II в. н.э.	III в. н.э.
25 50 75	25 50 75	125 150 175	225 250 275
	бусина типа 104 ↑		
	фибула типа А61 ↑		
			эмалевая лунница типа І-Б1
двуствольная ручка	красногл. амфоры		
глазчатая бусина			

Хронологическая схема № 1

Днепровский регион в системе культурных взаимодействий

В. В. Седов

Голтескифы

В настоящее время представляется несомненным, что становление зарубинецкой культуры было процессом взаимодействия пришлого из Висленского региона поморско-подклёшевого населения с местными жителями, принадлежащими к разным этнокультурным группам (рис. 1). При этом вклады переселенцев и аборигенного населения в эволюцию зарубинецкой культуры в разных регионах её ареала были неодинаковыми. В Припятском регионе в формировании зарубинецкого населения ведущую роль сыграл пришлый этнический компонент (вклад милоградского субстрата здесь почти незаметен). В Верхнеднепровском регионе наблюдается вполне определенная преемственность формирующей зарубинецкой культуры с местными милоградскими древностями, свидетельствующая о том, что местное население не покинуло места своего обитания, смешалось с пришлым и включилось в единый культурно-генетический процесс.

Среднее Поднепровье в дозарубинецкое время относительно плотно было занято земледельцами скифской культуры. Здесь известно более сотни скифских поселений и городищ V—III вв. до н. э., которые обычно рассматриваются как памятники скифов-пахарей Геродота. Как скифологи, так и исследователи древностей полей погребальных урн неоднократно подчеркивали близость (генетическую связь) раннезарубинецких древностей этого региона с местными скифскими. Это проявляется в целом ряде существенных культурных элементов, в том числе в типах и особенностях жилых и хозяйственных построек, формах и орнаментации глиняной посуды, в однотипности орудий труда и быта [Либеров 1950: 75—84; Кухаренко 1954: 111—121; Петров 1959: 41, 49, 59; Петренко 1961: 98—100; 1967: 58; Максимов 1972: 116—129; 1982: 53—58]. Полная преемственность наблюдается в домостроительстве. Жилища прямоугольной формы со стенами каркасно-плетневой конструкции, обмазанными с двух сторон глиной, и несколько опущенным в грунт полом, на котором находился очаг с глиняным или каменным бортиком, характерные для лесостепной правобережной Скифии V—III вв. до н. э., оставались неизменными в Среднем Поднепровье и в зарубинецкое время. Внутри скифских жилищ обычно находились хозяйственные ямы, то же зафиксировано и в домах зарубинецких поселений. Другие регионы зарубинецкой культуры таких строений не знали. Припятскому региону были свойственны полуземлянки со срубными стенами и расположенным в центральной части очагом в виде круглого углубления, заполненного камнями, которые были привнесены поморско-подклёшевыми переселенцами. В домостроительстве Среднего Поднепровья ничего подобного не обнаруживается.

Развитие зарубинецкого кузнечного и металлургического дела Среднего Поднепровья, как показывают формы изделий из железа и их металлографические исследования, генетически восходит к местному ремеслу скифской поры. Ряд форм массовой керамики зарубинецкой культуры рассматриваемого региона представляют собой непосредственное продолжение развития скифской глиняной посуды.

Среднеднепровское население сохранило с городами Причерноморья торговые связи, установившиеся в скифское время. На поселениях зарубинецкой культуры встречаются те же античные амфоры, что и в скифских древностях этого региона.

Все свидетельствует о том, что основу носителей зарубинецких древностей Среднего Поднепровья составило местное скифское население. В отличие от других регионов зарубинецкой культуры, где в ее становлении активная роль принадлежала крупным группам переселенцев из более западных областей Европы, в Среднем Поднепровье, по-видимому, имела место лишь слабая инфильтрация переселенцев в крупный массив скифских аборигенов. Непрерывность эволюции от скифской культуры к зарубинецкой в Среднем Поднепровье отмечали В. П. Петров, В. Г. Петренко, Е. В. Максимов и другие исследователи. Со скифским миром связывал зарубинецкую культуру и А. А. Спицын [Спицын 1948: 53—70].

Если это так, то в Среднем Поднепровье при распространении зарубинецкой культуры смены этноса не произошло, местные жители могли сохранить свой язык, а пришлые относительно немногочисленные группы растворились в скифской среде.

Зарубинецкая культура в разных вариантах просуществовала до середины I в. н. э., когда ее носители переселились в основном на более северные территории. Отток зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья был результатом нашествия воинственных сарматов [Щукин 1972: 52; Максимов 1972: 77—78; Третьяков 1982: 57—58]. На первом этапе между зарубинецким населением и сарматами установились контакты, свидетельством чего являются курганы, исследованные в нижних течениях Псла и Сулы и на правом берегу Днепра и датируемые первой половиной I в. н. э. (Лубны, Дьяченки, Верхняя Мануйловка, Кичкас, Михайловка). Они содержали впускные захоронения по обряду трупопожжения (не свойственному сарматам) и керамику, близкую к зарубинецкой [Рудинский 1928: 43, 48—50; Махно 1965: 185—189; Смиленко 1969: 21—28]. Около середины I в. н. э. наблюдается активизация сарматов, они заняли южные части Среднего Поднепровья, и зарубинецкое население вынуждено было почти полностью оставить эти земли.

Разрозненными группами носители зарубинецкой культуры расселились в разные стороны (рис. 2). Сравнительно небольшая группа их из Среднеднепровского региона перемещается на Южный Буг, где ей принадлежат памятники типа Рахны [Хавлюк 1971: 84—95; 1975: 7—19]. Впоследствии эти потомки зарубинецких племен вошли в состав населения черняховской культуры. Основные же массы зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья и из Припятского региона расселились в левобережной части Верхнего Поднепровья. Здесь переселенцы встретились с неоднородным балтоязычным населением, в связи с чем формируется несколько позднезарубинецких образований. При этом зарубинецкая культура потеряла свой классический облик и подверглась существенным изменениям.

Наиболее крупным новообразованием стала почепская культура, сложившаяся на Десне в результате взаимодействия зарубинецких переселенцев с местными балтами, представленными юхновскими древностями [Амброз 1964: 56—70; Заверняев 1969: 88—118; Седов 1970: 42—43; Зеленецька 1980: 80—86]. Связи со среднеднепровским вариантом зарубинецкой культуры здесь проявляются и в конструкциях жилых и хозяйственных построек, и в керамических материалах (округлобокие горшки с яйцевидным туловом и отогнутым наружу изогнутым венчиком, округлобокие и чашеобразные ребристые с прямым венчиком миски, миски с зигзагообразной в профиле верхней частью и др.).

В поречье Днепра (от устья Припяти до устья Друти) и на Нижней Десне формируются древности типа Абидни-Гриней-Вовков [Максимов 1969: 39—41; Горюнов 1981: 108—109; Обломский, Терпиловский 1991: 78—84], в верховьях Сейма, Псла, Северского Донца и Оскола — памятники типа Картамышева — Терновки [Обломский 1991: 35—46; Обломский, Терпиловский 1991: 62—77]. В левобережной части Смоленского Поднепровья на базе днепровской культуры в условиях инфильтрации зарубинецкого населения складывается культура типа среднего слоя Тушемли на Смоленщине [Третьяков, Шмидт 1963: 22—25, 54—59]. Разрозненные памятники типа Лютежа [Бидзиля, Пачкова 1969: 51—74; Максимов 1972: 19—32; Обломский, Терпиловский 1991: 20—46] фиксируют небольшие группы зарубинецкого населения, сохранившегося на северной периферии Среднего Поднепровья.

Анализ древностей типов Лютежа и Картамышева—Терновки показывает, что их носителями являются в основном потомки зарубинецкого населения Среднего Поднепровья. Значительно участие последнего также в формировании почепской культуры.

Верхнее Поднепровье до Припяти и поречья Сейма на юге является неотъемлемой частью балтского гидронимического ареала [Топоров, Трубаев 1962]. О том, что эти земли с глубокой древности были заселены балтскими племенами, свидетельствуют и данные археологии. Вместе с тем в левобережной части Верхнего Поднепровья (до Сейма на юге) среди многочисленных водных названий балтского происхождения изысканиями лингвистов выявлено немалое число иранских гидронимов (рис. 3), [Топоров, Трубаев 1962: 229—232; Орел 1986: 107—113]. Более того, топонимика фиксирует в этом регионе следы балто-иранского взаимодействия, указывая на чересполосное проживание местных балтов с проникшими в их среду группами ираноязычного населения. Ни в скифское, ни в более раннее время каких-либо заметных следов широкой инфильтрации ираноязычного населения в левобережные области Верхнего Поднепровья (вплоть до Смоленщины) в археологических материалах не обнаруживается. Балто-иранские пограничные контакты в скифский период документируются лишь в поречье Сейма [Седов 1965: 52—62].

Наличие водных названий иранского начала на широких пространствах левобережного Верхнего Поднепровья может быть объяснено только инфильтрацией в эти земли многочисленных групп зарубинецкого населения из Среднеднепровского региона. Таким образом, высказанная выше мысль о скифской принадлежности зарубинецкого населения Среднего Поднепровья, основанная на данных археологии, кажется, находит подтверждение в лингвотопонимических материалах.

В первой половине III в. н. э. в южных районах левобережья Верхнего Поднепровья складывается киевская культура, датируемая III—V вв. [Терпиловский, Абашина 1991]. Происхождение её из-за слабой изученности решается проблематично. Согласно гипотезе А. М. Обломского, существенную роль в сложении киевской культуры сыграли северные позднезарубинецкие племена (группа памятников типа Кистени—Чечерск), проживавшие к северу от устьев

Сожа и Березины по соседству с носителями культуры штрихованной керамики. Продвигаясь на юг, это позднезарубинецкое население встретилось с племенами, представленными древностями типов Лютежа, Гриней, Картамышева—Терновки, в меньшей степени типа Почепа. Результатом такого взаимодействия и предполагаемого небольшого притока населения с Волыни и стало становление новой культуры — киевской.

Этническая атрибуция населения киевской культуры остается не определенной. По установившейся в середине XX в. традиции некоторые археологи считают зарубинецкую культуру славянской.

Исходя из этого и киевская культура, имеющая позднезарубинецкую основу, рассматривается ими как славянская. Каких-либо серьезных оснований для такого вывода в распоряжении науки нет.

Изложенное выше допускает мысль о смешанном балто-иранском облике племен киевской культуры. Если в сложении её приняли участие потомки среднеднепровских скифов-зарубинцев, то можно с определенностью говорить о наличии в составе населения киевской культуры иранского этнического компонента. Прилив же населения из более северных областей Верхнего Поднепровья дает основание утверждать о наличии в составе носителей киевских древностей и балтского этноязыкового элемента. В пользу последнего говорит и широкое распространение на территории киевской культуры предметов с выемчатыми эмальями, весьма характерных для всего балтского ареала [Nowakowski 1990: 359—402, fig. 4].

Население киевской культуры, видимо, было еще неоднородным в этническом отношении. В ряде мест, вероятно, установилось двуязычие. Определить же, были ли в ареале киевской культуры анклавы балтского населения среди массива ираноязычного или островки последнего в массе балтского и в каких направлениях протекали ассимиляционные процессы, при современном состоянии знаний невозможно.

Выявляемая балто-иранская ситуация в киевской культуре дает возможность отнести к её населению этноним «гол-тескифы» (рис. 4). Последний назван Иорданом в перечне народов [Иордан 1960: 89], которых «...покорил и заставил повиноваться своим законам» король готов Германарих, умерший от ран, полученных в сражении с гуннами в 376 г.

Этому этнониму посвящена обширная литература. Историками и лингвистами высказано множество весьма различных догадок. Все они излагаются в полном отрыве от исторической реальности той поры.

Голтескифы — двусоставный этноним, подобный таким известным по античным источникам образованиям, как аланорсы, тавроскифы (или скифотавры), галлогреки, кельтоскифы, кельтиберы, готоаланы и др. Первую часть этого слова, несомненно, составляет этноним «голты». Попытки истолкования его как «готы» (готоскифы) нельзя признать удачными — наличие в этнониме *-л-* достаточно хорошо засвидетельствовано источником. Более правдоподобной является мысль о родстве голтов Иордана с галиндами и голядью, которая всесторонне проанализирована В. Н. Топоровым [Топоров 1983: 38—49]. Исследователь показал, что этнонимы с элементом *-d-* в прусско-литовском регионе нередко чередуются с названиями с *-t-* и, следовательно, голтескифы Иордана следует трактовать как голядо-скифы или галиндо-скифы. Отмечая, что голтескифы названы первыми среди народов, покоренных Германарихом, В. Н. Топоров говорит о наиболее вероятной локализации их в Верхнем Поднепровье, по соседству с припонтийскими готами.

В свете рассмотренных археологических данных голтескифов следует отождествлять с населением киевской культуры, в составе которого были балтоязычные голды (голяди) и скифы — ираноязычные потомки скифо-зарубинецкого населения Среднего Поднепровья.

Часть племен почепской культуры переселились в бассейн Верхней Оки, где в результате смешения их с местными балтами, представленными верхнеокской культурой, складывается мощинская культура [Седов 1970: 43—44]. В Верхнеокском регионе, в той его части, которая примыкает к Подесенью, выявлены водные названия иранского происхождения.

Среди покоренных Германарихом народов Иордан называет еще голдов (Coldas), которые надежно отождествляются с племенами мощинской культуры. Их потомками была голядь, зафиксированная русскими летописями в XII в. на реке Протве, притоке Оки [Седов 1970: 46—48].

Литература

- Амброз 1964: Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. № 1.
 Бидзиля, Пачкова 1969: Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. № 160.
 Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.
 Заверняев 1969: Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. № 160.
 Зеленецька 1980: Зеленецька І. Б. Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні // Археологія. Вип. 33. Київ.
 Иордан 1960: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.
 Кухаренко 1954: Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. По данным погребального обряда // СА. XIX.
 Либера 1950: Либера П. Д. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине // КСН-ИМК. Вып. XXXIV.
 Максимов 1969: Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160.
 Максимов 1972: Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.
 Максимов 1982: Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
 Махно 1965: Махно Е. В. Похоронения на Замковій горі в Лубнах (розкопки Ф. Камінського 1881 р.) // Археологія. XVII. Київ.
 Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы.
 Обломский, Терпиловский 1991: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

- Орел 1986*: Орел В. Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // Вопросы языкознания. № 5.
- Петренко 1961*: Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА. № 96. С. 53—102.
- Петренко 1967*: Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д 1—4. М.
- Петров 1959*: Петров В. П. Зарубинецкий могильник // МИА. № 70.
- Рудинський 1928*: Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава.
- Седов 1965*: Седов В. В. Балто-иранский контакт в днепровском Левобережье // СА. № 4.
- Седов 1970*: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Смиленко 1969*: Смиленко А. Т. Похоронения в с. Кичкас (допитання про формування черняхівської культури) // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Спицын 1948*: Спицын А. А. Поля погребальных урн // СА. Т. X. М.
- Терпиловский, Абашина 1991*: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Киевская культура. Свод археологических источников. Киев.
- Топоров 1983*: Топоров В. Н. Еще раз о Golpheschytha Иордана (Getica, 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М.
- Топоров, Трубаев 1962*: Топоров В. Н., Трубаев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков 1982*: Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л.
- Третьяков, Шмидт 1963*: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Хавлюк 1971*: Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. Вип. 14. Київ.
- Хавлюк 1975*: Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Вип. 18. Київ.
- Шукин 1972*: Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып. 14.
- Nowakowski 1990*: Nowakowski W. Baltes et proto-slaves dans l'antiquite // Dialogues d'histoire ancienne. № 16:1.

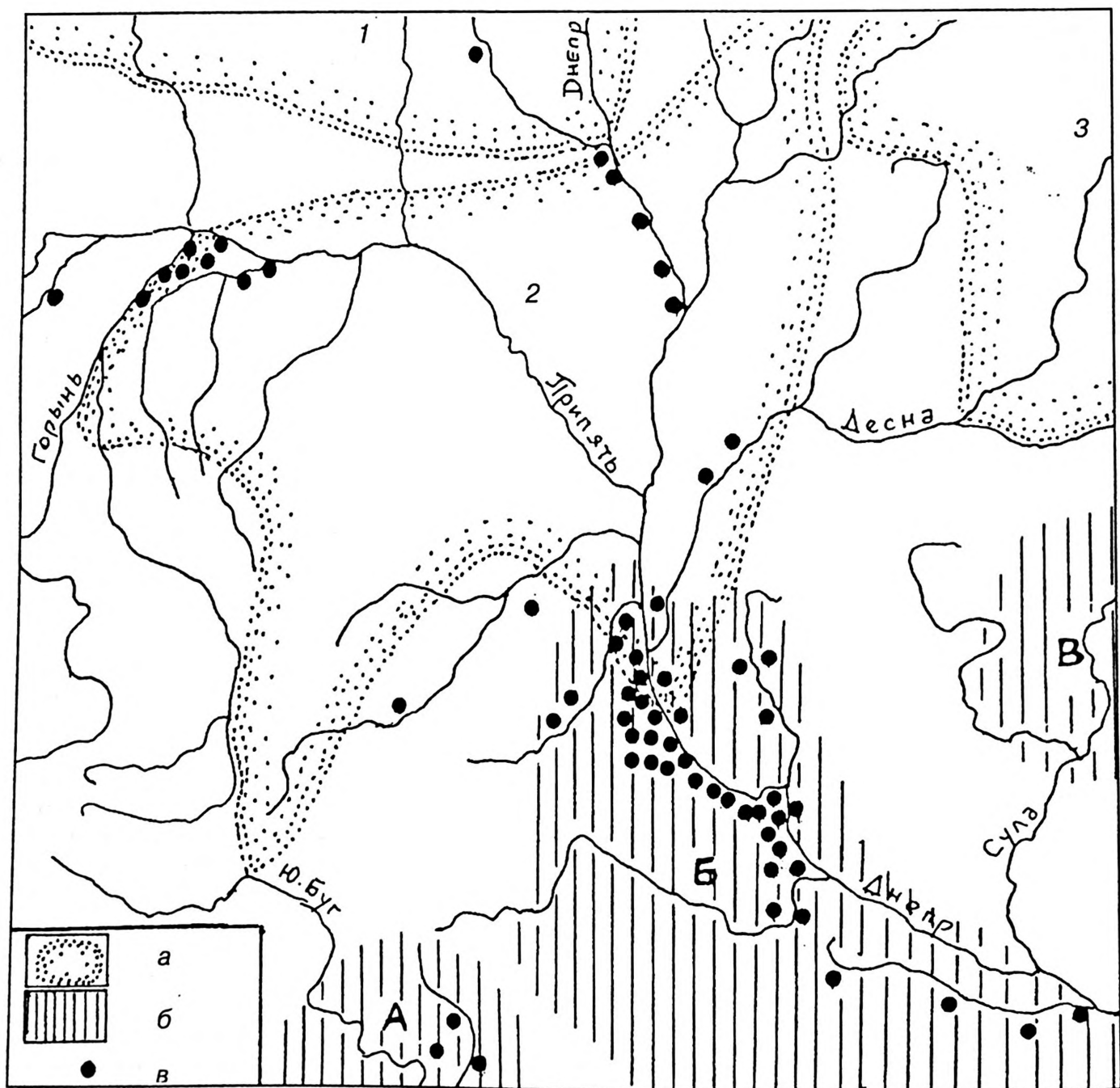

Рис. 1. Распространение памятников зарубинецкой культуры

а — ареалы балтских культур (1 — культура штрихованной керамики; 2 — милоградская; 3 — юхновская); б — ареалы скифских культур (А — Побужская группа; Б — Правобережная Днепровская; В — Посульская); в — памятники зарубинецкой культуры

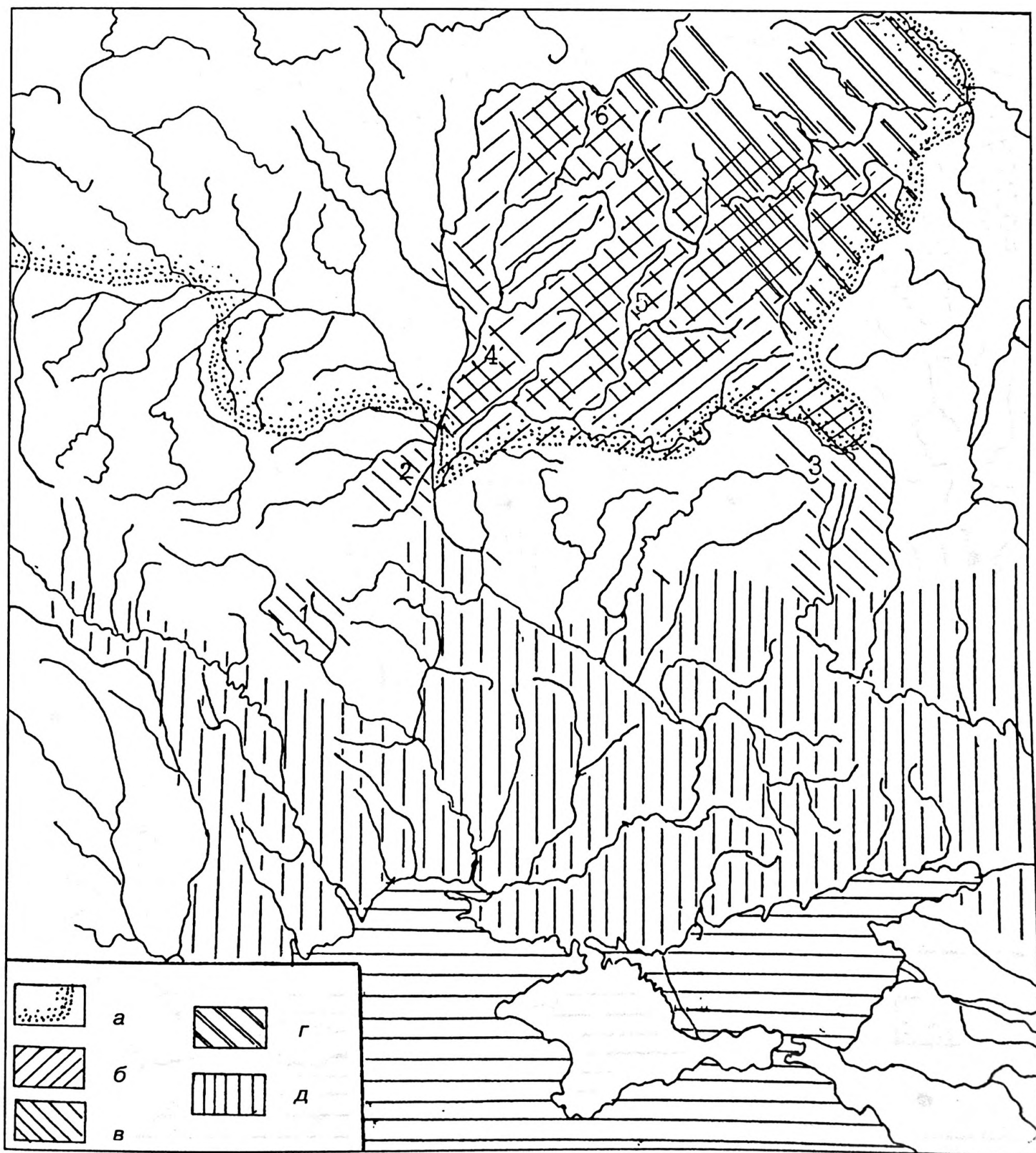

Рис. 2. Миграции племен зарубинецкой культуры в I в. н. э.

a — южная и восточная границы балтского гидронимического ареала; *б* — область иранской гидронимии на балтской территории; *в* — регионы позднезарубинецких древностей (1 — типа Ракны; 2 — типа Лютежа; 3 — типа Картамышева—Терновки; 4 — типа Гриней; 5 — типа Почеп; 6 — типа среднего слоя Туземли); *г* — регион мошинской культуры; *д* — территория расселения сарматов

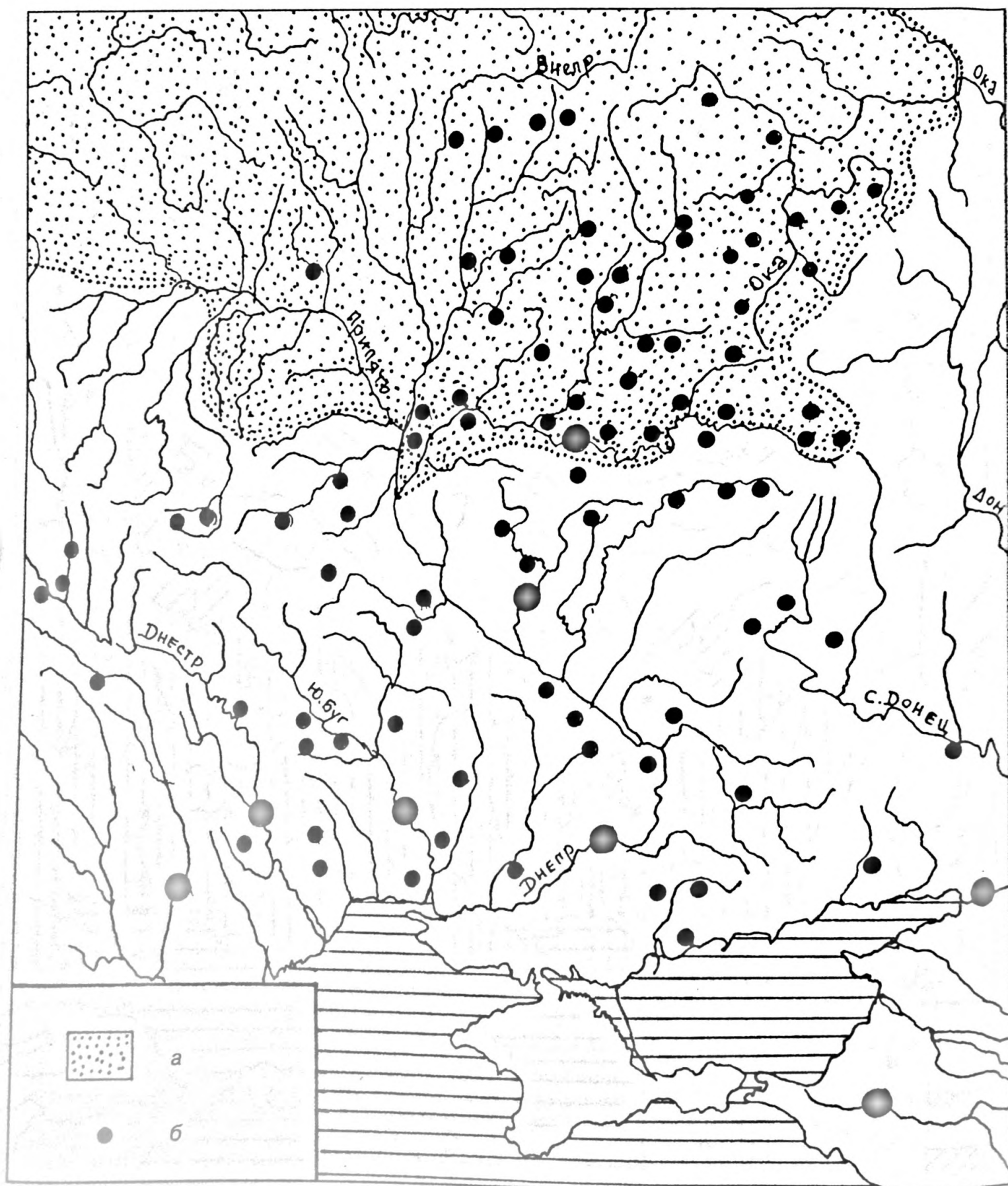

Рис. 3. Распространение гидронимов иранского происхождения.

а — ареал балтской гидронимии; б — гидронимы иранского происхождения (более крупным значком обозначены названия больших рек)

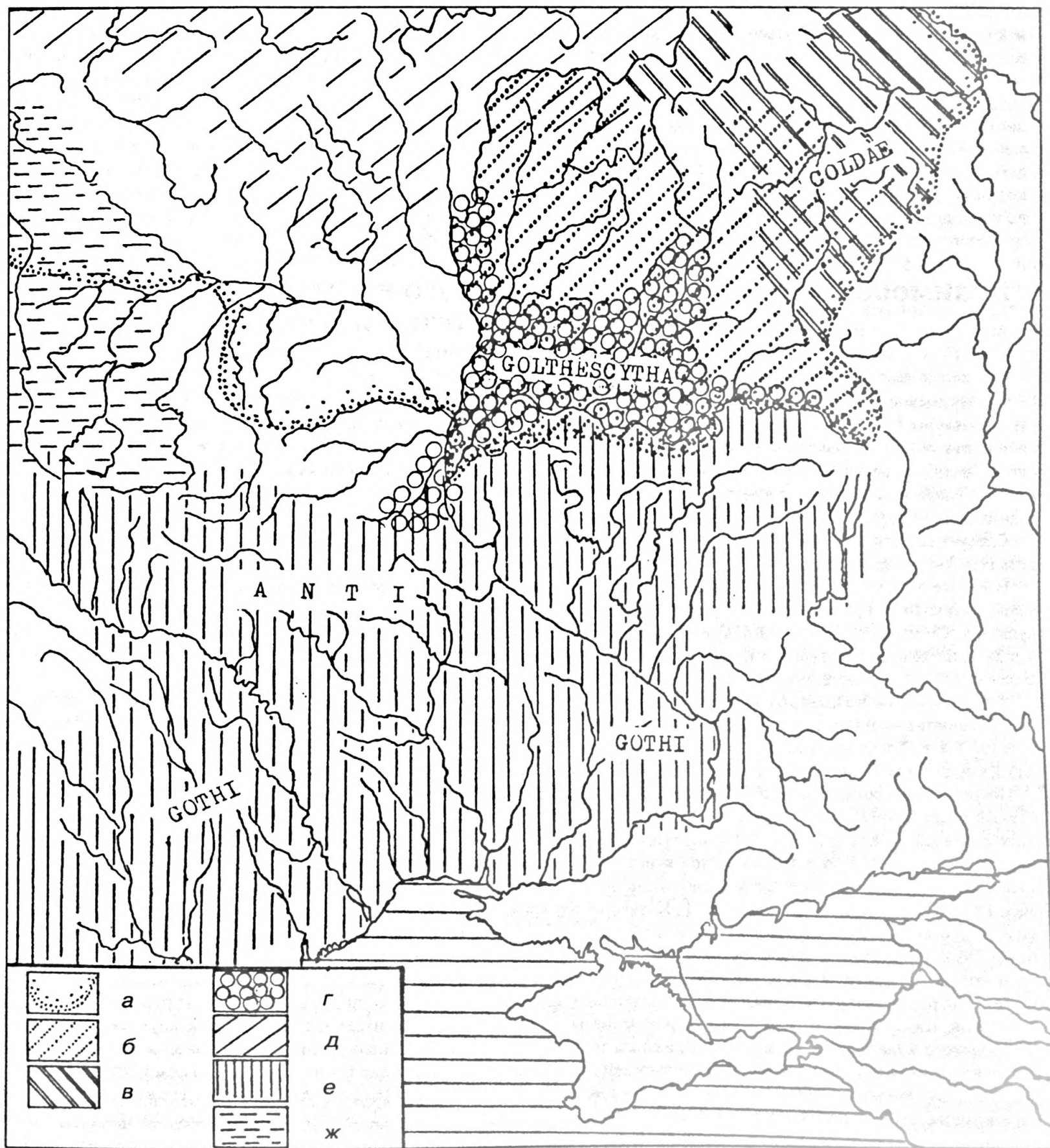

Рис. 4. Этнокультурная ситуация в Поднепровье в позднеримское время

а — южная и восточная границы балтского гидронимического ареала; б — область иранской гидронимии на балтской территории;
 регионы: в — мошинской культуры; г — киевской культуры; д — культур штрихованной керамики и днепро-двинской;
 е — черняховской культуры; ж — вельбарской культуры

Л. В. Вакуленко

Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов

В позднеримское время территорию юга и юго-запада Восточной Европы занимали памятники черняховской культуры и культуры карпатских курганов. Безусловно, масштабы этих культурных явлений, как территориальные, так и по количеству открытых памятников, несопоставимы. Территория культуры карпатских курганов едва ли составляет десятую часть, по сравнению с пространством, занятым памятниками черняховской культуры, а счет открытых памятников — десятки в первом случае против тысяч — во втором. Однако вопросы соотношения и взаимовлияния этих граничащих между собой культур неоднократно привлекали внимание исследователей.

Следует сказать, что новые материалы, полученные в последние десятилетия прошлого века, заставляют пересмотреть выводы о территории распространения памятников культуры карпатских курганов.

В начале 50-х гг. XX в. М. Ю. Смишко впервые высказал мысль, что курганные могильники позднеримского времени, открытые в предгорных областях Украинских Карпат по обе стороны Карпатского хребта, составляют одну культуру [Смишко 1952: 315—336]. С тех пор представление о существовании в позднеримский период в Прикарпатье и в Закарпатье однокультурного и одноэтничного населения, археологическим воплощением которого является культура карпатских курганов, утвердилось в науке.

К тому времени в Прикарпатье было известно 18 курганных могильников позднеримского времени, а на территории Закарпатья — один, вблизи с. Иза [Смишко 1960]. Прикарпатские могильники широко исследовались начиная с 30-х гг. XX в. Тогда уже стало ясно, что речь идет о новой археологической культуре, которая выделяется, прежде всего, специфическим погребальным обрядом — трупосожжениями на месте погребения под курганом.

Погребальный обряд закарпатского могильника Иза был похож на обряд прикарпатских могильников. Именно это, а также расположение памятника в пределах карпатского предгорья, хотя и по другую сторону Карпатского хребта, стало основанием для объединения закарпатского могильника Иза и могильников в Прикарпатье в одну культуру. С тех пор прошло более 50 лет, количество курганных могильников, исследованных в Прикарпатье, возросло до 30. В Закарпатье же, несмотря на широкомасштабные полевые работы, так и не было открыто ни одного подобного памятника. Правда, закарпатский археолог В. Г. Котигорошко кроме Изы относит к культуре карпатских курганов еще несколько курганных могильников, известных вблизи ее: Кальник, Ключарки, Лискове, Липче, Руське Поле [Котигорошко 1991: 154]. Однако трудно сказать что-либо определенное относительно хронологии и культурной принадлежности этих памятников. В тех случаях, когда в прошлом некоторые из них были подвергнуты раскопкам, их материалы не сохранились. Приводимые В. Г. Котигорошко сведения о том, что при раскопках в курганах Лискового, Ключарков, Кальника были найдены римские монеты, не отвечают действительности. Старший научный сотрудник Ужгородского краеведческого музея И. В. Кобаль при изучении книг музейных поступлений обнаружил, что эти монетные находки хотя и происходят из окрестностей названных пунктов, однако были найдены совсем в других местах, на полях, отдаленных от курганов, и не имеют к ним никакого отношения [Kobal 2000: 29—43]. Не внесли ясности и более поздние исследования курганов в Закарпатье. Так, когда в 1977 г. В. Г. Котигорошко раскопал три кургана на могильнике вблизи с. Руське Поле, то в двух из них погребения не были найдены, а еще в одном кургане обнаружено кострище, вблизи восточного края которого находилась кучка кальцинированных костей, сверху присыпанных пеплом. Рядом лежали железные пружинные ножницы [Балагури, Котигорошко и др. 1978: 293—294]. Следует заметить, что железные пружинные ножницы являются одним из атрибутов снаряжения пшеворского воина. Они найдены в пшеворских погребениях Закарпатья в Арданове, Сваляве, Братове [Kobal 1997: 48], часто присутствуют среди погребального инвентаря мужских погребений пшеворской культуры как на территории Польши, так и в других регионах. [Godłowski 1976: 94—95; Budinský-Krička V., Lamiová-Schmiedlová 1990: 272; Козак 1985: 61, рис. 2, 2]. В то же время ножницы ни разу не были найдены на памятниках культуры карпатских курганов.

Очевидно, нельзя отнести к культуре карпатских курганов и курган в Братово [Котигорошко 1979: 153—162], несмотря на то что сожжение умерших совершено на месте, где был насыпан курган. Пять погребений (два урновых и три ямных), открытых в прямоугольной яме под курганной насыпью, следует признать пшеворскими, поскольку они сопровождались предметами вооружения и керамикой, характерными для пшеворских древностей.

Как уже было сказано, курганный обряд прослежен на могильнике в Изе, где раскопано 38 курганов. В 23 случаях имеются в наличии планы и сведения о характере погребений. Из других курганов частично сохранился вещевой материал [Смишко 1960: 51—59; Котигорошко 1980: 220—247]. В 13 курганах обнаружены кострища, свидетельствующие о трупосожжении на месте погребения. Тем не менее в целом погребальный обряд Изы отличается от курганных погребений Прикарпатья ряд существенных обрядовых деталей. В Изе отсутствуют погребения на горизонте, являющиеся наиболее распространенной формой прикарпатских захоронений, и резко преобладают урновые. Всего выявлено 42 урновых и 6 ямных погребений. Заметим, что в Прикарпатье именно урновые погребения являются наименее распространенными из трех типов (на горизонте, ямные, урновые) погребений. К тому же, если в Изе урнами в большинстве случаев служили лепные сосуды (36 лепных и только 6 — гончарных), в Прикарпатье для урн всегда использовалась гончарная посуда. Исключение составляют три кургана на могильнике в Нижнем Струтине, где урнами служили лепной горшок, лепная чаша и нижняя часть лепного маленького сосуда. Однако наибольшее отличие от прикарпатских комплексов прослеживается в керамике и вещевых находках из Изы. Различен сам набор форм гончарной посуды, найденной на могильниках Прикарпатья и Изы. Так, в курганах Прикарпатья наиболее часто встречаемой формой гончарной керамики являются миски. Обнаруженные в Изе немногочисленные экземпляры мисок представлены другими, отличными от прикарпатских, типами (рис. 2, 6). Только две маленькие мисочки с цилиндрическими плечиками, одна из которых украшена неизвестным на Прикарпатье штампованным орнаментом (рис. 2, 7), напоминают по форме изделия из прикарпатских комплексов. Не имеет аналогий в Прикарпатье и двуручная миска (рис. 2, 10). Если кувшины разных типов — частые находки в прикарпатских курганах, то из Изы происходит единственный экземпляр — маленький биконический кувшинчик высотой 13,5 см. В Изе отсутствуют часто встречающиеся в Прикарпатье вазы, трехручные вазы, керамические кубки, подражающие провинциально-римским стеклянным изделиям типа Ковальк. Различны формы гончарных горшков, найденных в курганах по разную сторону Карпат. Так, например, в Прикарпатье отсутствуют характерные для Изы биконические горшки с узкой шейкой и наибольшим расширением ближе к середине высоты (рис. 2, 1—3). Нет аналогий и для большинства других гончарных форм (рис. 2, 4, 5). Исключение составляют найденные в Изе четыре кухонных сосуда с профилированными венчиками и многочисленными мелкими примесами в тесте. Подобные изделия, восходящие к провинциально-римской керамике, часто присутствуют в прикарпатских комплексах. Не вдаваясь в подробный анализ, можно отметить наиболее бросающиеся в глаза отличия лепной керамики Изы от прикарпатской. В Прикарпатье не встречаются наиболее распространенные в Изе лепные горшки с расширяющимся в верхней трети корпусом и характерным сужением, отделяющим придонную часть (рис. 3, 1—4). В свою очередь, наиболее частая в прикарпатских курганах форма лепной керамики — толстостенные миски с плоским дном и расширенными сверху стенками — отсутствует в Изе. Нельзя сказать, что явные отличия изовского погребального обряда и погребального инвентаря не замечались ранее. Однако это явление было склонно объяснять более ранней хронологией памятника [Этнокультурная карта... 1985: 61—63].

Между тем в обобщающих работах, в иллюстрациях разделов, посвященных культуре карпатских курганов, всегда фигурирует керамическая посуда, найденная при раскопках курганов в Изе. Не в последнюю очередь это, вероятно, связано с тем, что в монографии М. Ю. Смишко (Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ 1960) находки из Изы даны в рисунках, а керамика, происходящая из прикарпатских памятников, в основном представлена фотографиями плохого качества. Так, в томе Археологии СССР на таблице ХС, представляющей гончарную посуду культуры карпатских курганов, 16 (из 41) изображенных сосудов происходят из Изы [Русанова 1993: табл. ХС, 5, 8, 10, 12, 16, 18—22, 26—29, 32, 33]. Если добавить еще характерную липницкую двуручную посудинку из многослойного поселения Гореча [Русанова 1993: табл. ХС, 14], то станет ясно, что гончарный керамический комплекс культуры карпатских курганов представлен в сильно искаженном виде. Еще хуже обстоит дело с лепной посудой. В этом же издании содержится 41 рисунок лепных изделий, из этих изделий только 2 взяты из материалов закрытых погребальных комплексов Прикарпатья, а именно из могильника в Нижнем Струтине [Русанова 1993: табл. LXXXIX 11, 12], 12 происходят из Изы [Русанова 1993: табл. LXXXIX, 1—3, 6—10, 14, 18—20] и еще 12 — из культурного слоя многослойных поселений Прикарпатья и Закарпатья. В частности, в свете последних исследований весьма сомнительна связь с культурой карпатских курганов таких поселений, как Гореча, Рогатка, Виноградове, Михальчэ (Русанова 1993: табл. LXXXIX, 15, 22, 25, 29, 35).

Не только материалы Изы, но в целом закарпатские и прикарпатские памятники позднеримского времени демонстрируют выразительные и стойкие дифференцирующие черты. Так, в Прикарпатье на протяжении всего позднеримского периода наблюдается исключительно курганный погребальный обряд, при этом в подавляющем большинстве случаев курган насыпался на месте сожжения покойного. В Закарпатье для этого времени зафиксировано три типа погребений: грунтовые (Арданово 1, Арданово 2, Свалява, Становэ, Квасово и др.), курганные (Братово, Руське Поле, Иза) и послойные (Солонцы). Таким образом, в Закарпатье, в отличие от Прикарпатья, курганный обряд с трупосожжением на месте погребения не может определять этнокультурную специфику.

Различается не только керамическая посуда, но и инвентарь и украшения, найденные в погребениях Прикарпатья и Закарпатья. Оружие, ножницы, ключи, оковки шкатулок, присутствующие в комплексах закарпатских памятников, не встречаются в курганах Прикарпатья.

Особенное внимание привлекает тот факт, что железные одночленные фибулы с подвижной ножкой, которые были самым распространенным типом застежек у закарпатского населения на протяжении всего позднееримского времени, поскольку входили в комплексы как самых ранних памятников, таких как Братово, так и самого позднего — могильника в Солонцах [Вакуленко 2000: 137—145], отсутствуют в материалах курганных могильников Прикарпатья.

Характерно, что керамические комплексы этих регионов отличаются даже по соотношению гончарной и лепной посуды. В грунтовых могильниках типа Арданово—Свалыа и в погребениях Братовского кургана встречена исключительно лепная керамика пшеворского облика. В курганах Изы, как было показано выше, большинство керамических изделий составляла лепная керамика. Только в Солонцах, памятнике, начавшем функционировать не ранее второй половины IV в. [Вакуленко 1999: 303—304], наблюдается резкое преобладание гончарной посуды, а также массово присутствуют миски и кувшины, в большинстве своем украшенные штампованным орнаментом (рис. 2, 8, 9, 11, 12). На Прикарпатье массовое употребление гончарных изделий началось раньше на 70—100 лет. Это, безусловно, свидетельствует о разном ритме культурного развития областей по обе стороны Карпатского хребта.

Таким образом, на памятниках позднееримского времени по обе стороны Восточных Карпат отсутствует общий предметный мир, что является обязательным условием существования одной археологической культуры. Сравнительное изучение комплекса определяющих этнокультурных признаков, связанных с бытом и идеологией древнего населения, показало, что Прикарпатье и Закарпатье в позднееримское время были абсолютно отдельными и разными этнокультурными областями.

Как известно, для зарождения и развития этнокультурного массива необходимо, чтобы его члены не только проживали на одной территории, но и находились в тесных хозяйственных отношениях. Внутренние экономические связи являются обязательным условием зарождения каждого этноса, объективной формой существования этнокультурной общности. Однако выявленные материалы показывают полное отсутствие каких-либо экономических связей между населением, жившим в северных и в южных областях Карпатских предгорий. Достаточно напомнить, что население Прикарпатья широко использовало импортные товары, поступающие в амфорной таре, целые экземпляры и обломки которой являются распространенными находками на прикарпатских памятниках позднееримского времени. Однако на памятниках Закарпатья не было найдено ни одного амфорного обломка.

Напротив, в Закарпатье получила распространение серая гончарная посуда, украшенная штампованным орнаментом. Изготовленная в производственных центрах Берегшурани, она непременно присутствует на позднееримских памятниках, датируемых после середины III в. Так, большая часть из имеющихся на могильнике в Солонцах (вторая половина IV—начало V в.) 15 265 обломков гончарной керамики принадлежала именно штампованным изделиям [Котигорошко 1987: 177]. Однако ни одного обломка такой посуды не найдено при исследовании могильников и поселений на Прикарпатье.

Отсутствие культурных и экономических связей, что четко проявляется при сравнении археологических материалов позднееримского времени Прикарпатья и Закарпатья, иллюстрирует приведенная ниже таблица.

Определяющие признаки	Прикарпатье	Закарпатье
Курганные могильники	+	+
Грунтовые могильники	—	+
Одночленные фибулы	—	+
Оружие в погребениях	—	+
Штампованная керамика	—	+
Амфоры	+	—

На археологических материалах хорошо прослеживается и различная внешнеэкономическая ориентация древнего населения этих регионов. Типы амфор и стеклянные изделия, найденные на памятниках Прикарпатья, и направление торговых путей указывают на экономические связи региона с восточными римскими провинциями. Внешняя же торговля жителей Закарпатья была налажена, напротив, с западными провинциями Империи. Основной торговый путь, который шел по р. Тиса, вел в римскую факторию, чьи остатки открыты на территории современного венгерского г. Сегед.

Таким образом, древности позднееримского времени в Прикарпатье и Закарпатье не могут быть объединены в одну археологическую культуру. Понятие «культура карпатских курганов» должно употребляться исключительно для определения прикарпатских памятников позднееримского времени, объединенных общей компактной территорией, погребальным обрядом, керамическим комплексом и другими материальными признаками.

Следует подчеркнуть, что отнесение закарпатских памятников, в частности, могильника в Изе, к культуре карпатских курганов сыграло фатальную роль при определении ее места в системе позднееримских древностей Европы. Искаженное представление о керамическом комплексе, как было показано выше, привело к тому, что к культуре карпатских курганов были отнесены хронологически более ранние селищные памятники с лепной керамикой гето-дакийского облика на территории Прикарпатья и Закарпатья. Это, в свою очередь, послужило основанием для выводов об этническом характере культуры. Более того, В. Котигорошко [Котигорошко 1991: 162—163] и, вслед за ним,

В. Михайлеску-Бирлиба даже отодвигают нижнюю хронологическую границу культуры карпатских курганов к рубежу I—II вв. н. э., хотя в материалах культуры нет ни одной вещи, датированной этим временем. Карпатское сообщество из-за явного преобладания лепной керамики в Изе, а также из-за того, что было ошибочно отнесено к культуре хронологически более ранних поселений, выглядит более отсталым в своем социально-экономическом развитии, чем черняховское, что не соответствует действительности.

Итак, культура карпатских курганов занимает территорию к северо-востоку от Карпатского хребта. Ее памятники расположены вдоль северных и восточных склонов Карпатской дуги по верхнему течению Днестра, Прута и Серета. К северу и юго-востоку эту территорию окружают памятники черняховской культуры. Очень важно подчеркнуть, что территориальная граница между двумя культурами четко выдержана. На основании картографирования погребальных памятников обеих культур можно с уверенностью утверждать, что черняховцы не заходят на территорию, занятую населением культуры карпатских курганов (рис. 1). Во всем Прикарпатском регионе, включающем предгорные области Украины и Румынии, для позднееримского времени обнаружены исключительно курганы с сожжениями. Здесь никогда не встречаются ни Черняховские могильники, ни даже отдельные погребения. Хронология культуры карпатских курганов, так же как и черняховской, полностью укладывается в рамки позднееримского периода, захватывая начальный этап эпохи великого переселения народов, в целом, согласно общепринятой европейской периодизации, соответствуя периодам C и D [Вакуленко, Магомедов, Терпиловский 1990: 172—186]. Характерно, что в своем развитии культура карпатских курганов синхронно проходит те же хронологические этапы, что и черняховская культура, обнаруживая кульминацию своего развития после середины III—IV вв. н. э. Интересно отметить также, что археологически фиксируется некое продвижение прикарпатского населения к югу одновременно с черняховским. Именно самые южные памятники культуры, обнаруженные на территории Румынии, являются наиболее поздними. Огромное сходство демонстрирует и материальная культура прикарпатского и черняховского населения. На памятниках обеих культур присутствуют одни и те же типы двучленных подвязных фибул. В курганах и на поселениях встречены те же типы амфор, среди которых наиболее часты так называемые инкерманские [Вакуленко 1999: 303—304]. Хотя черняховская посуда превосходит и по количеству, и по разнообразию керамику культуры карпатских курганов, прикарпатский керамический комплекс имеет полный набор форм, выделяемых для черняховской культуры. Это миски закрытого и открытого типов разных вариантов (рис. 6, 4—8, 12—14; 7, 2, 4), одноручные (рис. 5, 1—9; 6, 1, 2) и двуручные (рис. 6, 3) кувшины, кружки (рис. 6, 9—11), вазы (рис. 4, 1, 7—9; 7, 1, 3, 5—7), трехручные вазы (рис. 4, 2—6), горшки, сосуды для хранения припасов, кубки (рис. 6, 13, 15, 16) и др. Интересно отметить, что в составе гончарной посуды культуры карпатских курганов присутствуют изделия, считающиеся типично черняховскими, т. е. определяющими специфику черняховского керамического комплекса. Это трехручные вазы (рис. 4, 2—6), которые представляют собой характерную особенность черняховской культуры [Магомедов 1998: 144; 1997: 39—44] и одноручные биконические кувшины (рис. 5, 1—3), эталонные для черняховской культуры [Магомедов 1998: 144]. Имеет сходство и лепная керамика. Горшки стройных пропорций со слегка отогнутым венчиком, напоминающие славянскую раннесредневековую керамику, небольшие горшки баночного типа с одинаковыми диаметрами дна и венчика, лепные миски с расширенными сверху стенками, редкие в обеих культурах кружки с ручками. Хотя, безусловно, керамические комплексы обеих культур не идентичны. Например, несколько иная форма у прикарпатских двуручных кувшинов (рис. 6, 3), не имеют аналогий в черняховской керамике и некоторые типы гончарных ваз (рис. 7, 3, 5). Заметны отличия в гончарной кухонной керамике. Для Прикарпатья характерны тонкостенные кухонные горшки со сложнопрофилированными венчиками и обильными, выступающими на поверхность сосуда примесями (рис. 7, 8—10). У черняховцев они имеют другую форму, а главное, фактуру. Отличается ассортимент керамических кубков, подражающих провинциально-римским стеклянным изделиям.

И сам первооткрыватель культуры карпатских курганов М. Ю. Смишко, и другие исследователи обращали внимание на удивительное сходство гончарной керамики культуры карпатских курганов и черняховской. М. Ю. Смишко при этом справедливо отмечал, что прикарпатская керамика обнаруживает как бы большее влияние кельтского керамического производства [Смишко 1960: 104—106]. Поскольку явление кельтского ренессанса тогда еще не было выявлено и сформулировано, он полагал, что это следствие связей с кельтами, ранее пребывавшими на этой территории. Именно удивительное сходство гончарных керамических комплексов обеих культур дало основание М. Ю. Брайчевскому отнести прикарпатские памятники к черняховской культуре [Брайчевский 1964: 4—5]. Однако четко выраженная специфика погребального обряда культуры карпатских курганов, являющегося как бы ее визитной карточкой, а также компактная территория проживания не оставляют сомнений в том, что перед нами отдельная археологическая культура.

Культура карпатских курганов относится к кругу европейских древностей позднееримского периода. Ее образование, как и образование черняховской культуры, безусловно, связано с перемещением огромных масс варварского населения, что в позднееримское время привело к коренному изменению этнической карты Европы. Миграционные процессы играли главенствующую роль и при формировании этнической ситуации в Закарпатском регионе. Однако археологические материалы достаточно хорошо показывают, что внутри Карпатского региона роль и направленность этих процессов была неодинаковой, по-разному определяя судьбу древнего населения на территориях, расположенных на север и на юг от Восточных Карпат, что привело к созданию различной исторической ситуации на территории Прикарпатья и Закарпатья.

Литература

- Балагури, Котигорошко и др. 1978: Балагури Э. А., Котигорошко В. Г., Ковач К. И., Петров С. Г. Работы Ужгородского университета // АО. 1977. М. С. 293—294.
- Брайчевський 1964: Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. Київ: Наукова думка. 354 с.
- Вакуленко 1977: Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ: Наукова думка. 142 с.
- Вакуленко 2000: Вакуленко Л. В. Залізні одночленні підв'язні фібули та питання хронології пам'яток пізньоримського часу в Закарпатті // Давня і середньовічна історія України. Кам'янець-Подільський. С. 137—145.
- Вакуленко, 1999: Вакуленко Л. В. Экономические связи населения Восточного Прикарпатья в IV в. н. э. // Na granicach antycznego świata. Rzeszow. С. 303—312.
- Вакуленко, Магомедов, Терпиловский 1990: Вакуленко Л. В., Магомедов Б. В., Терпиловский Р. В. Хронология и периодизация // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 485 с.
- Кобаль 2000: Кобаль Й. Культурні зміни на терені Закарпаття в епоху римських впливів // Acta Beregsuenfes. I. Berer. С. 29—43.
- Козак 1985: Козак Д. Н. Могильник пшеворської культури поблизу с. Гринів на Верхньому Подністров'ї // Археологія. С. 52—64.
- Котигорошко 1979: Котигорошко В. Г. Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово // СА. 1979 (2). С. 153—162.
- Котигорошко 1980: Котигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза в Закарпатье // СА. 1980 (1). С. 220—247.
- Котигорошко 1987: Котигорошко В. Г. Жертвенник III—IV вв. н. э. у села Солонцы // СА. 1987 (2). С. 177—191.
- Котигорошко 1991: Котигорошко В. Г. Культуры римского времени // Древняя история Верхнего Потисья. Львов: Свит. С. 147—178.
- Магомедов 1997: Магомедов Б. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. Lublin 1997. III. С. 40—44.
- Магомедов 1998: Магомедов Б. Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Masłomeczu. Lublin. II. С. 143—155.
- Русанова 1993: Русанова И. П. Культура карпатских курганов // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука. С. 171—181.
- Смішко 1952: Смішко М. Ю. Два кургани могильники в околицях с. Ізи, Закарпатської області // АП. III. Київ. С. 315—336.
- Смішко 1960: Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ: Вид. АН УРСР. 186 с.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.
- Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová 1990: Budinský-Krička V., Lamiová-Schmiedlová. M. A late it century B. C. 2nd century A. D. cemeteries at Zemplin // SLA. XXXVIII (2). P. 245—344.
- Godłowski 1976: Godłowski K. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa. S. 255—383.
- Kobal 1997: Kobal I. V. Kultura przeworska na Ukrainie Zakarpaciej // WA. 1997. LIII (2). С. 31—56.
- Mihailescu-Bîrliба 1997: Mihailescu-Bîrliба V. The carpatians Barrows Culture // Acta Musei Porolissensis. XXI. P. 833—841.
- Mihailescu-Bîrliба 1999: Mihailescu-Bîrliба V. Die Karpatiesche Hügelgräberkultur in Rumänien // Na granicach antycznego świata. Rzeszow. S. 313—332.
- Vakulenko 1999: Vakulenko L. Beiträge zur ethnischen Bestimmung des Gräberfeldes von Solonzi/Kisselmenc (Karpatoukraine) // JAMÉ. Nyiergyháza. S. 161—172.

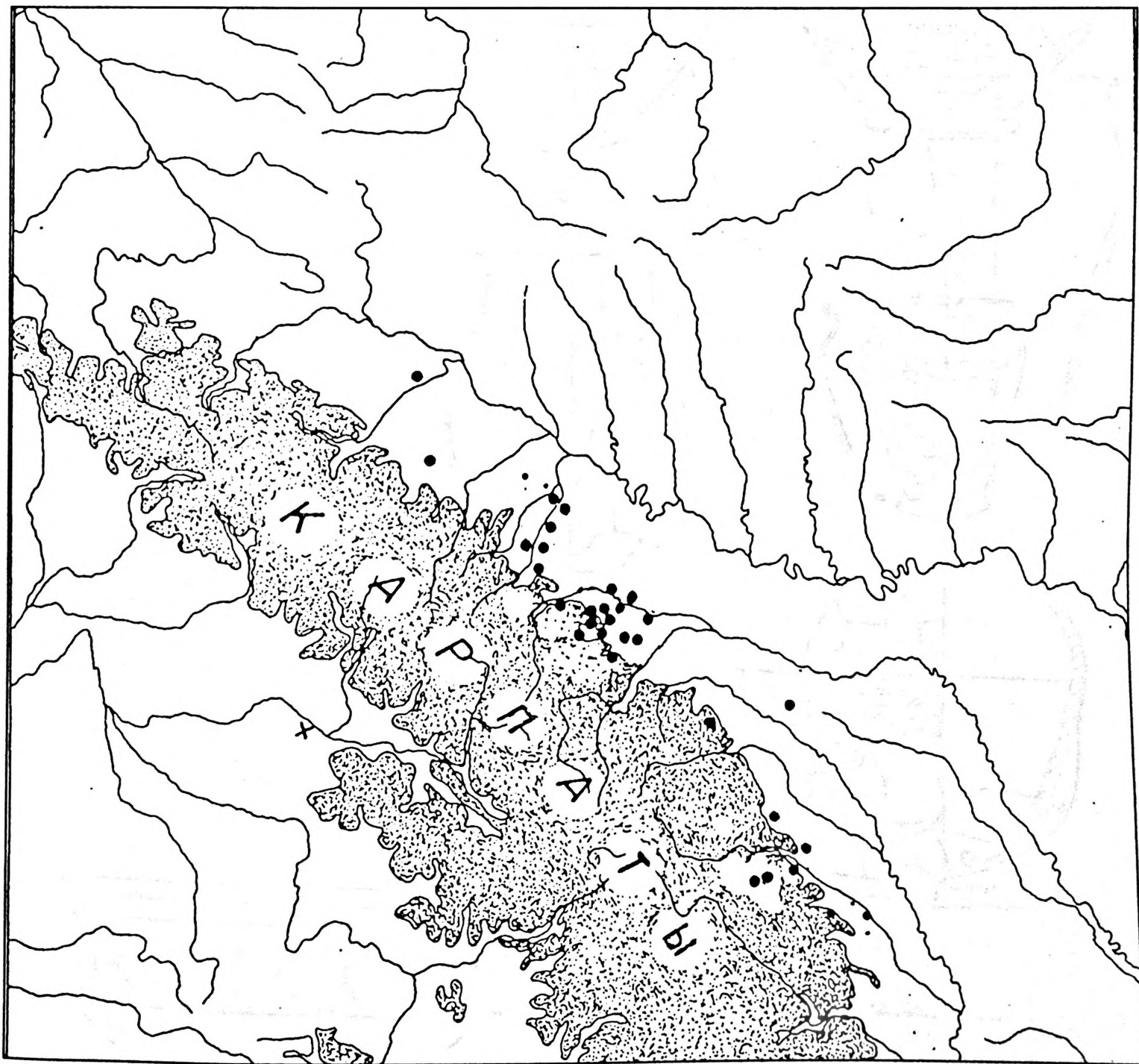

Рис. 1. Восточные Карпаты и территория распространения культуры карпатских курганов:
 • — могильники культуры карпатских курганов; X — могильник Иза

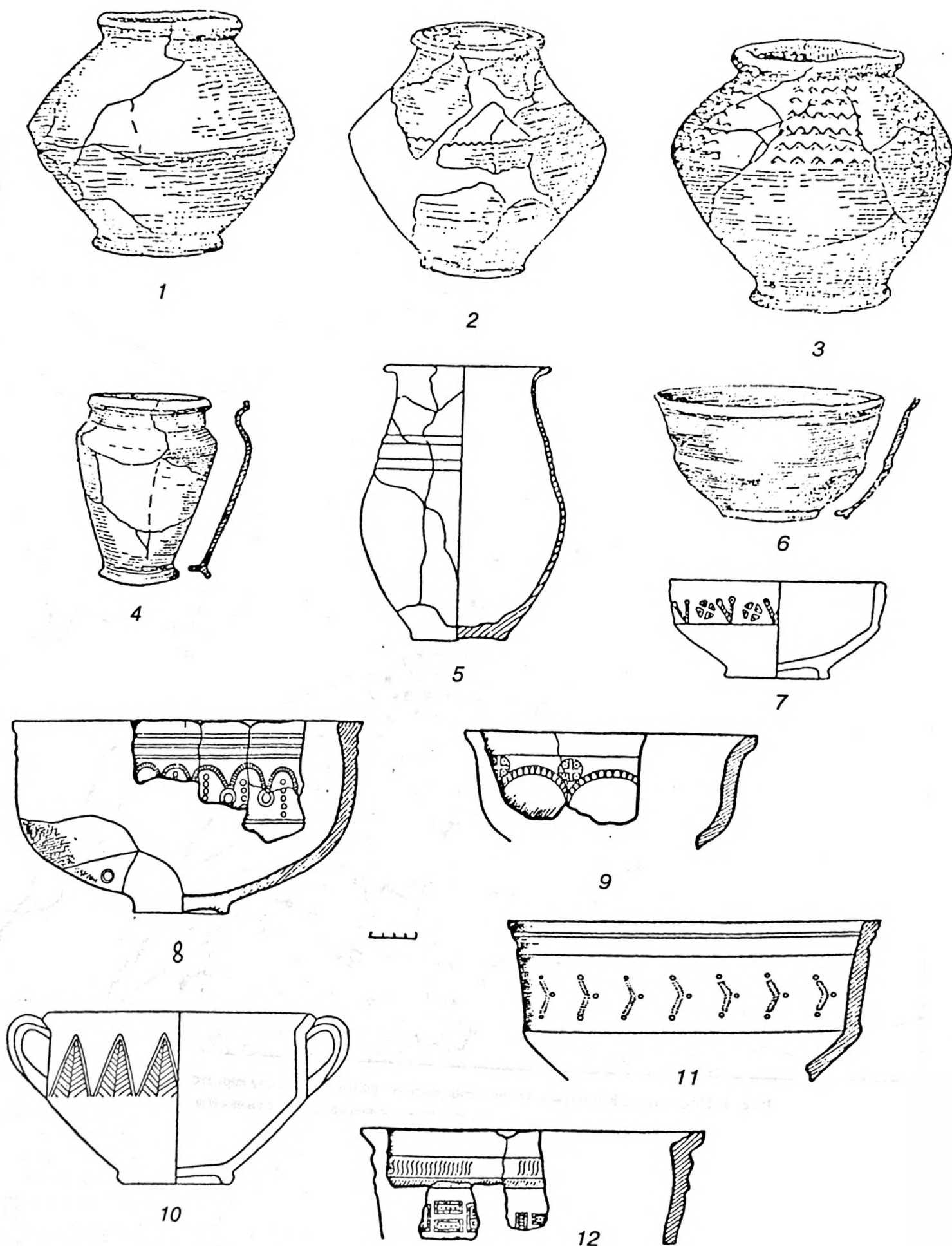
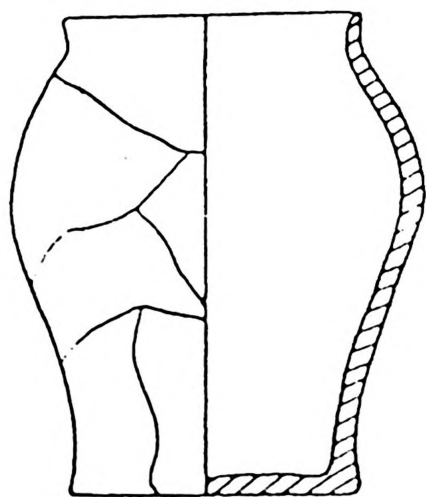
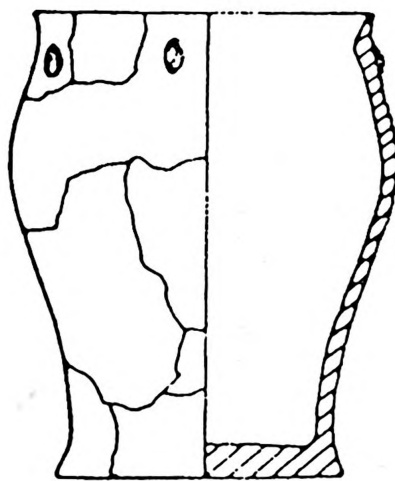

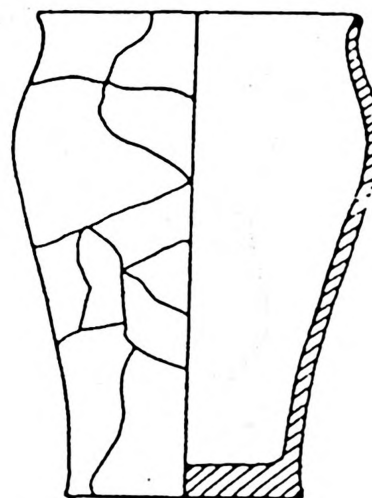
Рис. 2. Образцы гончарной керамики из курганных погребений
закарпатского могильника Иза (1—7, 10) и могильника Солонцы (8, 9, 11, 12)

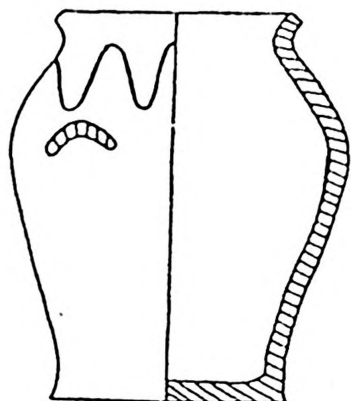
1

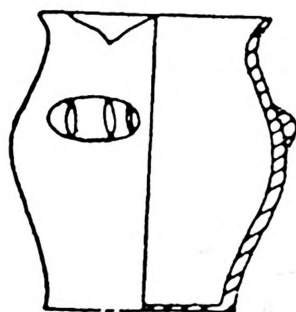
2

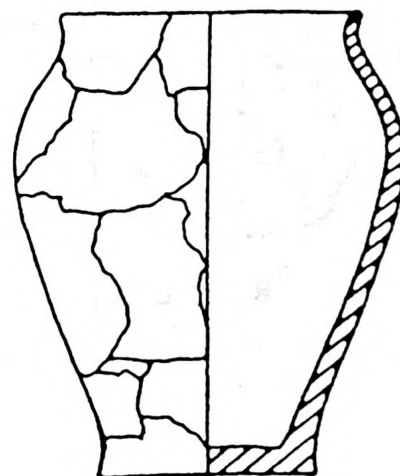
3

4

5

6

Рис. 3. Образцы лепной керамики из погребений закарпатского могильника Иза

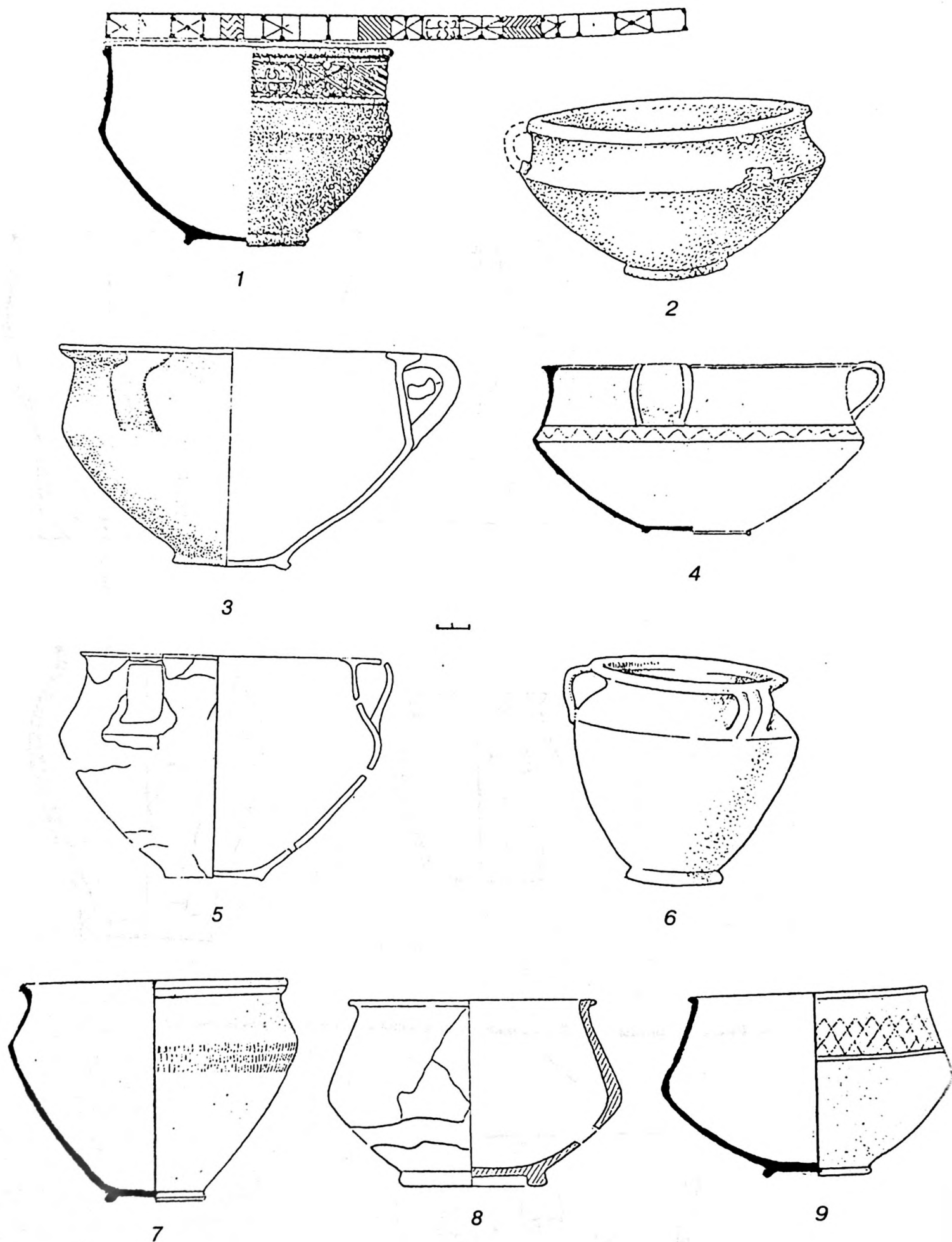

Рис. 4. Образцы гончарной керамики из погребений культуры карпатских курганов. Трехручные вазы (2—6) и вазы (1, 7—9):
 1 — Бранешты-Немцишор; 2 — Перерисль; 3, 8 — Пылыпы-Гнылец; 4 — Дебеславцы; 5 — Трач-Мыкитинське; 6 — Маркивцы;
 7 — Нижний Струтинь; 9 — Трач-Вивалянт

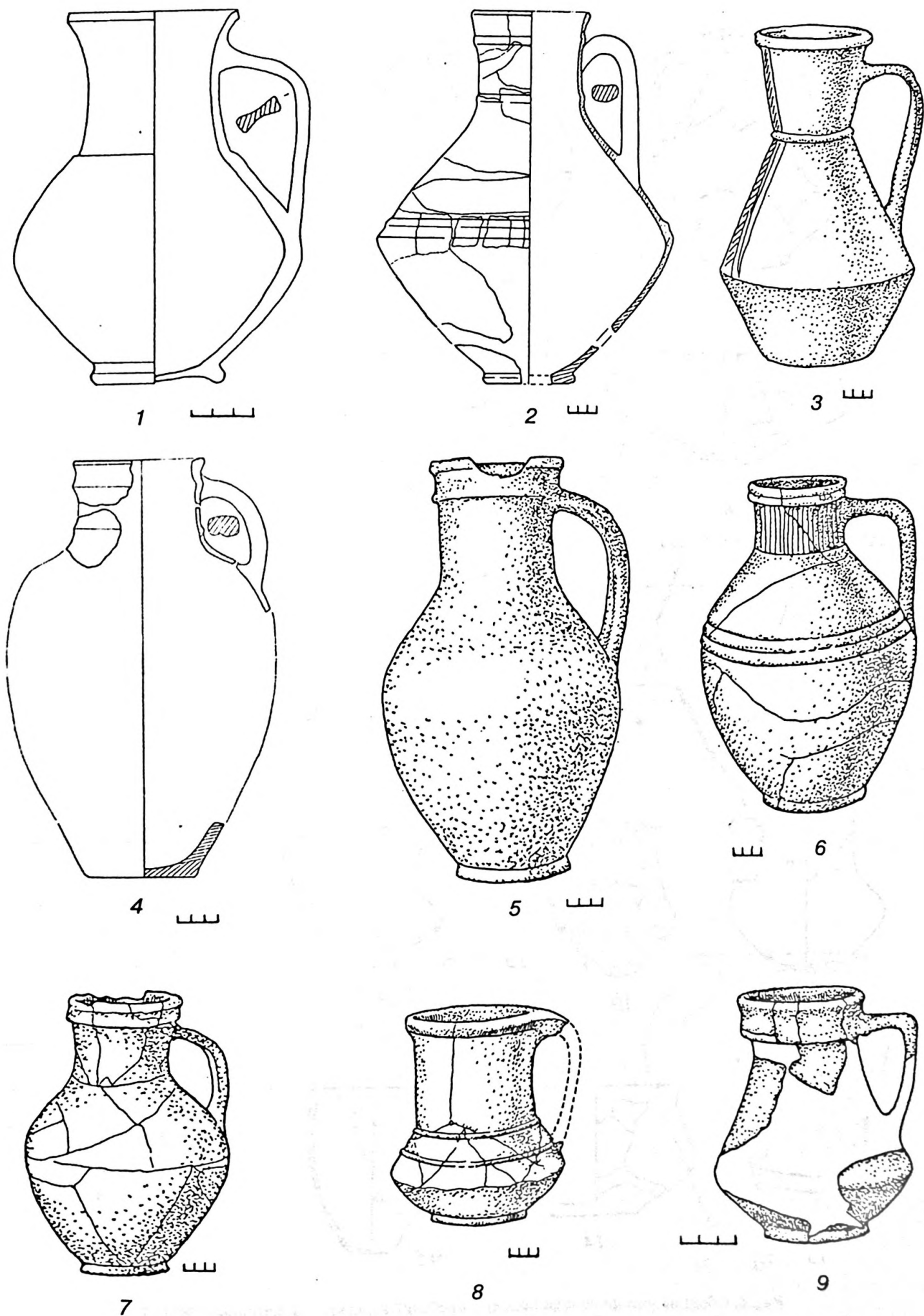

Рис. 5. Образцы гончарной керамики из погребений культуры карпатских курганов. Одноручные кувшины: 1 — Товмачик; 2 — Пылыпы-Корнешьке; 3, 6, 8 — Перерисль; 4 — Пылыпы-Гнылец; 5, 7, 9 — Мышин

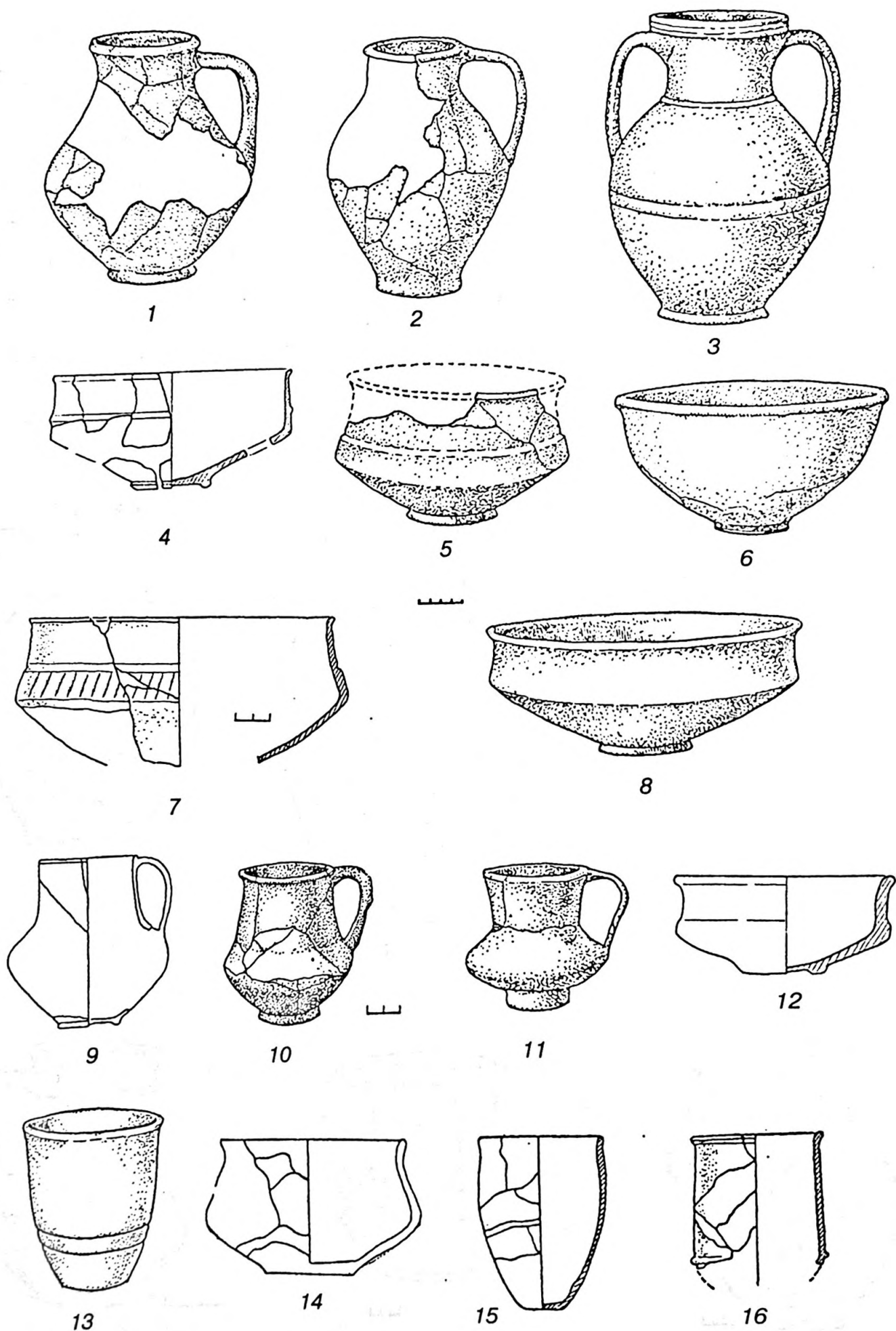

Рис. 6. Образцы гончарной керамики из погребений культуры карпатских курганов.
Одноручные (1—2) и двухручные (3) кувшины, миски (4—8, 12, 14), кружки (9—11), кубки (13, 15, 16):
1 — Цуцулы; 2, 10, 11 — Мышин; 3, 6 — Перерисль; 4, 12, 14—16 — Пылыпы-Гнылец; 5, 8, 13 — Грушив-Дебра;
7 — Пылыпы-Корнецьке; 9 — Товмачик

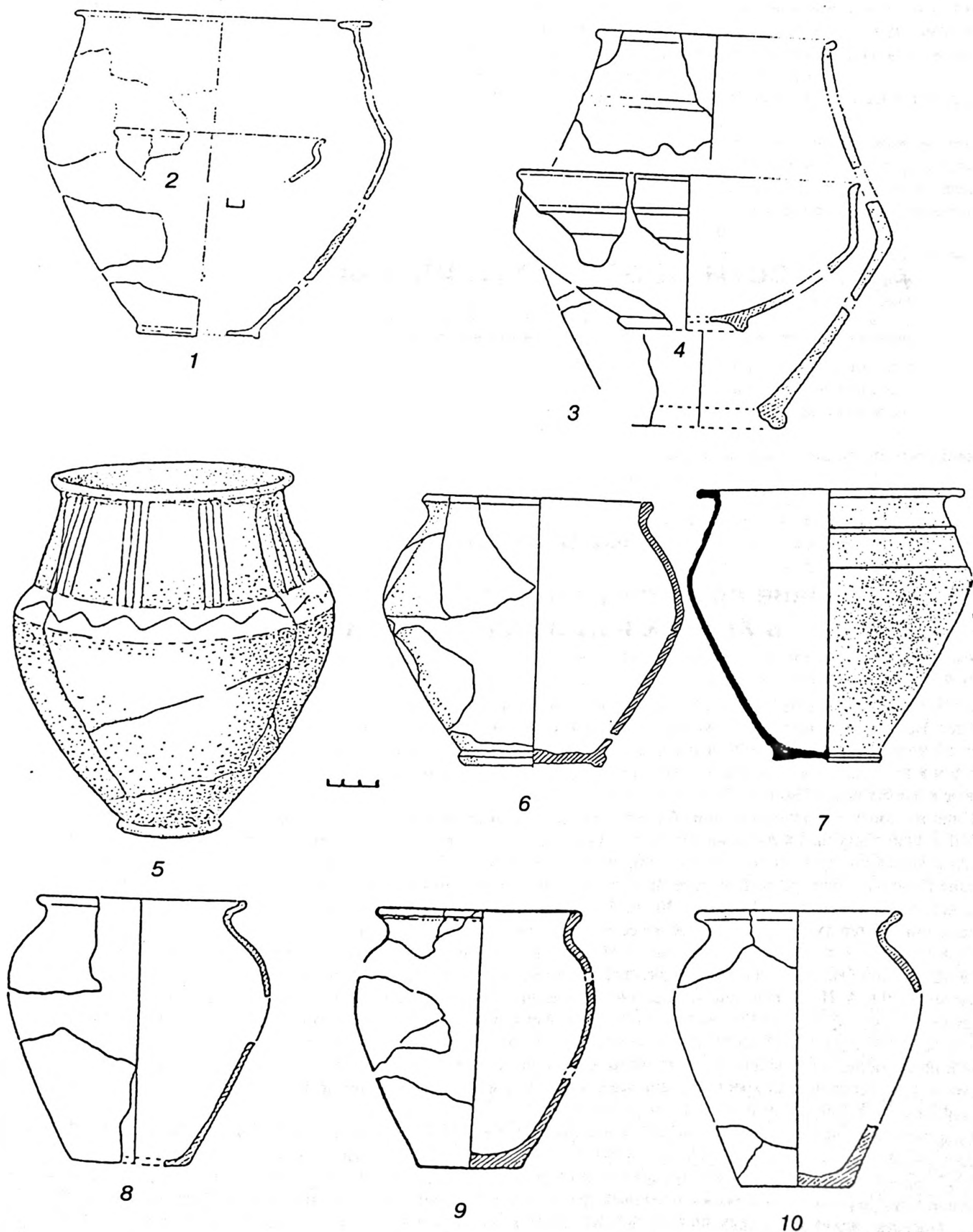

Рис. 7. Образцы гончарной керамики из погребений культуры карпатских курганов.
 Вазы (1, 3, 5—7), миски (2, 4), кухонные горшки (8—10):
 1—4, 6, 8—10 — Пылыпы-Гнылець; 5 — Грушив-Дебра; 7 — Трач-Вивалянт

Древности первой половины I тыс. н. э. в региональном контексте

Г. Ю. Стародубцев

Исследование археологических памятников Верхнего Псла в XIX—XX вв.: исторический обзор

История исследования памятников археологии, находящихся в бассейне верхнего течения р. Псел, насчитывает более 170 лет. Не удивительно, что за этот период в этом интереснейшем регионе было открыто и подверглось изучению большое количество объектов. Однако эти сведения часто разбросаны по различным архивам или изданиям, представляющим в настоящее время библиографическую редкость. Поэтому мы взяли на себя смелость обобщить имеющиеся данные в рамках данной работы.

Одно из самых ранних сообщений об археологическом памятнике, находящемся в данном регионе, относится еще к XVII в. Оно поступило в Академию наук из г. Обояни. Помимо описания остатков старой Обоянской крепости, там рассказывалось и о древних городищах — «в дачех Обоянского уезду в деревни Гочевой, в селе Долгом Колодези, в деревне Корочки... близ реки Псла деревни Суходолу на малых горах и значут земляные валы, а как те городища назывались, о том неизвестно» (ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 74, л. 86). В настоящее время это самое раннее из обнаруженных в архивах или в литературе упоминание об известнейшем памятнике — Гочевском археологическом комплексе.

Первые попытки проведения целенаправленных научных исследований памятников Верхнего Псла относятся к 20-м гг. XIX в. Их предпринял один из немногих энтузиастов-краеведов — Алексей Иванович Дмитриюков (1795—1868).

Летом 1829 г. А. И. Дмитриюков, тридцатичетырехлетний преподаватель Суджанского уездного училища, бродил в окрестностях «между селами Рождественским, Горналью и рекою Пслом». Местные крестьяне недоуменными взглядами провожали странного барина, подбирающего на пахоте «черепья каких-то сосудов», взбирающегося на крутые мысы и обмеряющего поросшие лесом курганы. Со стороны А. И. Дмитриюкова это, однако, не было праздным любопытством. Он расспрашивал крестьян, записывал с их слов местные предания и договаривался со здешним помещиком майором Г. П. Хлоповым о проведении раскопок.

Имея скромный чин коллежского асессора и должность училищного смотрителя, Алексей Иванович тем не менее находил время и средства для занятий самообразованием, для этнографических и археологических изысканий [Щавелев 1997: 93—94]. Будучи членом-сотрудником Императорского Географического общества, он регулярно снабжал отделение этнографии сообщениями о народных традициях и суевериях, обрядах и обычаях Суджанского и Рыльского уездов. Посещая архивы уездных присутственных мест и монастырей, он делал выписки из древних документов, стремясь отыскать сведения, «указывающие на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селении жившего». Это же пробудило в нем интерес и к археологии.

«Быв на должности в городе Судже, — объяснял причины своей любознательности Алексей Иванович, — я обращал внимание на находящиеся там и в смежных уездах различного вида насыпи, известные под общим названием „могилы“. Рассказы старожилов об этих могилах Курского края не удовлетворили моему любопытству, тем более, что

эти рассказы относили все разные виды насыпи к временам татарского владычества» [Дмитрюков 1863: 507]. Доверие к этим преданиям подорвали уже первые раскопки. Вскрыв курган, известный под названием «Крестище», стоявший в 13 верстах от г. Суджи по большой дороге на г. Мирополье, А. И. Дмитрюков обнаружил там один лишь костяк, лежащий на спине, лицом вверх, «положенный не в углублении, а на одном уровне с окружающей плоскостью, хотя легенда повествовала, будто там „погребены многие малороссийские казаки... павшие в сражении с Татарами“». Кроме непосредственно самого погребения в насыпи были зафиксированы куски сгнившего дерева. Из сопровождающего инвентаря был зафиксирован лишь фрагмент острого конца серпа [Дмитрюков 1863: 507—508].

Критически оценив горнальские легенды, А. И. Дмитрюков приступил к собственным исследованиям и стал тем человеком, открывшим для науки целый ряд важных археологических памятников.

Археологический комплекс у с. Горналь (Суджанский р-н), протянувшийся на 5 км по прибрежным мысам реки Псел, включает в себя два городища — Большое и Малое, большое селище, курганный могильник, ряд отдельно стоящих курганов и 12 неукрепленных поселений. Возможно, что до основания в XVII в. Белогорского Николаевского монастыря существовало и третье городище — Девич-гора, укрепления которого оказались скрыты при строительных работах. Внимание А. И. Дмитрюкова в первую очередь было привлечено курганами.

В 1828 г. им были исследованы четыре из шести насыпей в первой курганной группе (считая от с. Рождественско-го). При раскопках были обнаружены захоронения по обряду трупосожжения. Сожжение покойников производилось на месте, затем кости вместе с пеплом были сложены в грубые лепные толстостенные плохо обожженные сосуды, которые находились на уровне древней поверхности. В двух курганах находилось по одному сосуду, в двух — по два, высота их была до 45 см, диаметр венчика — около 18 см [Дмитрюков 1863: 512; Памятная книжка... 1894: 3—4]. Так как раскопки проводились колодезным способом (при размере колодца около 2×2 м), то кроме самих захоронений ничего обнаружено не было. Но и эти данные, а также рисунки и указания А. И. Дмитрюкова на то, что сосуды сходны с керамикой городища у с. Горналь, позволяют предположить, что эти курганы относились к роменской культуре и датируются приблизительно второй половиной IX—серединой X в.

В 1830 г. работы продолжались. Были раскопаны 8 курганов второй курганной группы Горнальского городища. Во всех курганах были обнаружены захоронения по обряду трупоположения, в одном из курганов — групповое захоронение (мужчина, женщина, ребенок). Покойники располагались на уровне древней поверхности, на спине, головой на запад (лишь один из них — головой на восток). Сопровождающий покойных инвентарь был представлен исследователем сводным списком и включал следующие предметы: бронзовые бубенчики, золотостеклянные и серебростеклянные бусы, северянские спиральные серебряные и бронзовые перстнеобразные височные кольца, бусы зеленого стекла. В одном из погребений был обнаружен серебряный налобный венчик. Все это позволяет датировать данную курганную группу первой половиной—серединой XI в. Часть находок А. И. Дмитрюков отослал в 1831 г. в Императорскую Академию наук, а часть подарил знакомым [Дмитрюков 1863: 512—513].

Раскопки могильника были продолжены позднее другими археологами. В целом научному исследованию подверглось 117 из более чем 2000 насыпей могильника. Если учесть, что, по данным последних разведок, уцелело (с различной степенью сохранности) всего 22 кургана, то приходится признать, что подавляющее большинство захоронений безвозвратно погибло для науки. Причиной тому являются как распашка поля, занятого курганами, так и грабительские раскопки местных и проезжих кладоискателей. О подобных экспедициях сообщал еще А. И. Дмитрюков, который в молодости сам принимал участие в одной из них. Он, по собственному выражению, «поддался неточной молве» и с парой товарищей отправился искать «скарб» разбойничьего атамана Кулика: «Как не поверить молве, а особливо обещающей богатство!»

Вскоре кладоискатели были уже в двух верстах от г. Суджи на самой границе с тогдашним Рыльским уездом: «Рано утром... был я на кургане и согласно указаниям записки стал лицом на восход солнца, сошел с кургана, отступил три шага, начал рыть продолговатый ров, но вырывши в аршин глубиной, огибая курган с северо-востока к югу ... там ничего не нашёл, а разрывая сам курган, нашел глиняную расколотую черепушку, в которой обыкновенно простолудины трут табак» [Дмитрюков 1863: 510—511].

Такие неудачи не смущали искателей сокровищ. В результате их настойчивых поисков первая и третья курганная группы Горнальского могильника к настоящему времени исчезли полностью, не будучи исследованными до конца, а от крупнейшей второй группы уцелели жалкие остатки.

Горнальские городища также привлекали внимание А. И. Дмитрюкова. В 1829 г. он продолжил изучение Горнальских городищ. На Большом городище после вспашки им было собрано в качестве подъемного материала значительное количество лепной роменской керамики, а на Малом — заложены разведочные шурфы, которые не дали, впрочем, никакого материала [Дмитрюков 1863: 506].

Недостаточная подготовленность исследователя порой не позволяла ему не только обобщить и систематизировать, но иногда и просто сохранить материал. Стремление найти что-то необычное толкало его, как уже говорилось ранее, на путь обыкновенного кладоискателя. Тем не менее методика А. И. Дмитрюкова вполне соответствовала научному уровню того времени. По собственным его словам, исследуя курганы, он «не перерезывал их крестообразным рвом, но, отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана». Подобный способ раскопок практиковался позднее практически всеми археологами XIX в.

Часть своих находок исследователь отсылал в Императорскую Академию наук, которая выразила ему за это и другие корреспонденции свою признательность, попавшую в его послужной список [Щавелев 1997: 105]. Часть находок из горнальских курганов А. И. Дмитрюков подарил своим знакомым (в том числе профессору Харьковского университета Венедиктову), но большинство их было им передано Курскому губернскому статистическому комитету

(КГСК), выполнявшему в это время и историко-краеведческие функции. Позднее эти коллекции легли в основу экспозиции Курского историко-археологического и кустарного музея, созданного в начале XX в. на основе «кабинета древностей» КГСК [Щавелев 1997: 102].

Вклад А. И. Дмитриюкова в изучение археологических памятников Курского края, несомненно, значителен. Благодаря его точному описанию местонахождения городищ и курганов, погребального обряда, масштабным рисункам вещей погребального инвентаря, созданным им планам местности с нанесенными на них обнаруженными археологическими находками более поздние исследователи получили достаточно обширную информацию о несохранившихся до настоящего времени памятниках. Разъезжая по служебным обязанностям по губернии, он изучал и сравнивал между собой насыпи явно искусственного происхождения. При описании городищ он с большой скрупулезностью отмечал их очертания, состав почвы, высоту, площадь, конфигурацию валов и рвов, соседние ориентиры, рассказы и легенды, связанные с этими памятниками, а также результаты шурфовки и сборов подъемного материала. Особенно примечателен тот факт, что он неоднократно пытался обратить внимание общественности на уничтожение памятников в результате вырубки лесов и последующей распашки освобождающихся площадей. «Во всех группах, проезжая после те места, заметил я, — писал Алексей Иванович о горнальских курганах, — весьма большое уменьшение их от распашки, которой ежегодно уничтожается весьма большое их количество, особливо по мере вырубки леса» [Дмитрюков 1863: 512].

В 1836 г. в соответствии с указом Сената от 17 сентября 1835 г. был образован Курский губернский статистический комитет. В круг его обязанностей входило и изучение исторического прошлого Курской губернии. По инициативе и на средства комитета начинаются более настойчивые попытки изучения археологических памятников (ГАКО, ф. 4, оп. I, д. 63, л. 45; Труды КГСК 1863: схемы 1—2; Труды КГСК 1874: табл. I). Благодаря усилиям КГСК в 1874 г. был составлен «Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии» [Труды КГСК 1874: 155—176], явившиеся важным шагом в изучении памятников археологии края, даже несмотря на то, что «Указатель» носил не исследовательский, а описательный характер. Это объясняется тем, что материалы собирались не специалистами-археологами, а волостными управлениями, полицейскими урядниками и сельскими священниками. Конечно, сведения, полученные таким путем, не отличались полнотой и научной достоверностью. В них много ошибок и неточностей, многие памятники вообще пропущены. Часто стандартным ответом на запросы КГСК было: «Волостное правление честь имеет донести, что по сей волости древних земляных насыпей, валов, окопов и батарей, которые носят в народе названия городков или городищ, не имеется» (ГАКО, ф. 4, оп. I, д. 65, л. 104). И все же «Указатель» долгие годы (вплоть до 1960-х гг.) служил хорошим подспорьем археологам и краеведам. Ведь только на территории Обоянского и Суджанского уездов (совр. Обоянский, Беловский и Суджанский р-ны) благодаря данным «Указателя» было зафиксировано более 300 памятников, среди которых городища, курганы и курганные группы, валы.

Наряду с деятельностью КГСК по сбору информации об археологических памятниках, продолжается и работа различных исследователей (археологов и краеведов) по непосредственному изучению некоторых из них.

В 1871 г. врачебный инспектор И. Ф. Тихомиров провел разведку курганов около Белогорского монастыря (с. Горналь). Стремясь привлечь внимание археологов к этим курганам, он помещает заметку в «Трудах Курского губернского статистического комитета», в которой сообщает, что наблюдал «множество полусферической формы курганов, высотой аршина в два, расположенных полукругом на пространстве четырех верст от с. Горналь до с. Рождественского, по гребню правого берега реки, частью находящихся в открытом поле, частью же заросших вековым дубовым лесом» [Труды КГСК 1874: 151—153]. И уже в следующем году исследование этих курганов начинает известный впоследствии археолог Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911).

Его очень заинтересовало географическое положение курских памятников — «на границе земель Славянской и Половецкой, с одной стороны, и на границе Северян и Вятичей, с другой», а также «остатки древнего общественного быта народов, открытые в недрах их раскопками г-на Дмитриукова» [Щавелев 1997: 73]. Губернский статкомитет изыскал возможность выделения средств на проведение работ в количестве 200 рублей.

В июле 1872 г. экспедиция приступила к исследованиям. Объем проведенных за полевой сезон работ был весьма значительным. В ходе раскопок было исследовано 86 курганов во второй группе (из них 19 содержали урновые трупосожжения) и 8 насыпей в третьей (в двух были также найдены урновые трупосожжения) [Памятная книжка Курской губернии 1894: 31].

В 1875 г. Д. Я. Самоквасовым были заложены два шурфа на Большом Горнальском городище, а также продолжены раскопки курганов той же курганной группы. Помимо того, им были проведены исследования курганов в Курском, Сумском и Путивльском уездах, обследовано Ратское городище. Среди захоронений в его округе было обнаружено несколько редких для этих мест сидячих погребений (Памятная книжка... 1894: 5—6). Результаты этих раскопок были обобщены, систематизированы и представлены исследователям на III Всероссийском археологическом съезде в г. Киеве [Труды III ВАС 1878: 203—208].

В очередной раз в г. Курск профессор Д. Я. Самоквасов прибыл в апреле 1909 г. Имя его в начале XX в. уже было широко известно. К этому времени им были исследованы княжеские погребения в курганах «Черная могила» и «Гульбище» в г. Чернигове, из под его пера вышли книги «Древние города России» (СПб., 1879), «Основная хронологическая классификация и каталог древностей Д. Я. Самоквасова» (Варшава, 1892), «Могины русской земли» (М., 1908), «Происхождение русского народа» (М., 1908) и др. По его инициативе и по разработанной им инструкции во многих центральных губерниях России (в том числе и в Курской) в 1870-х гг. было проведено анкетирование по учету памятников истории [Щавелев 1992: 257]. Он принимал активное участие в работе ряда археологических съездов (III, V, VI, VII, IX).

Во время чтения Д. Я. Самоквасовым публичной лекции по теме «История культуры населения Русской земли по могильным древностям» он предложил членам Курской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК) «заняться собиранием сведений о древних земляных насыпях» и провести раскопки в совершенно не исследованном тогда Обо-янском уезде. Со своей стороны профессор внес для этой цели не только весь чистый сбор от прочитанной лекции, но и еще сверх того 200 рублей. Предложение заинтересовало Комиссию, и 15 мая она просила Д. Я. Самоквасова при-быть и «преподать указания относительно означенных раскопок». Для сбора предварительных сведений об археоло-гических памятниках Обо-янского уезда было решено предпринять поездку по нему одного из ее членов. Ее осуществ-вил управляющий акцизными сборами по Курской губернии член КГУАК Константин Петрович Сосновский.

Разведка была проведена в июле 1909 г. В результате К. П. Сосновский обнаружил 245 археологических памятни-ков (217 курганов (в том числе 10 курганных групп), 5 могильников, 5 полей погребений, 4 селища, 14 городищ) и со-ставил археологическую карту данного региона [Труды КГУАК 1911: 299—320, карта I]. О результатах своих иссле-дований он сообщил на собрании КГУАК 28 июля 1909 г. Комиссия приняла решение провести немедленные раскоп-ки на Гочевском городище и находящемся рядом курганном могильнике (одни из первых краеведческих сообщений: о городище и селище — А. Филиппенко 18 февраля 1901 г. [Филиппенко 1901], о селище и курганах — учительницы д. Хитровка Суджанского уезда Е. И. Резановой 19 августа 1904 г. [Резанова 1911: 49]).

Д. Я. Самоквасов «любезно принял» просьбу Комиссии, а затем, в ходе исследовательских работ, «подверг обследо-ванию» не только могильник, но также и песчаную дюну около д. Шмырево в 3 верстах от Гочевского городища.

Раскопки были проведены 18—26 августа 1909 г. Так как средств КГУАК было явно недостаточно, Д. Я. Самоква-сов остальные денежные расходы взял на себя. В исследованиях принимали участие члены Комиссии Ф. П. Амелин, П. П. Афанасьев, А. Н. Кобылин, Н. И. Златоверховников и К. П. Сосновский. В ходе работ Дмитрий Яковлевич ока-зывал им постоянную помощь по вопросам методики раскопок, фиксирования материала и ведения полевой документации.

По сути, раскопки носили показательный характер. Опытный археолог по просьбе курских краеведов продемонст-рировал им «образцовые приемы работ по вскрытию курганов... с соблюдением всех технических приемов работ, вы-работанных им многолетней практикой» [Самоквасов 1915а: IV]. Сохранилось описание этих «образцовых приемов раскопок», отражающих все особенности передовой археологической методики начала XX в.: «Прежде всего, Д. Я. Самоквасов объяснил слушателям значение линии, разделяющей насыпную часть кургана от материка, и на-стойчиво указывал, что эту линию исследователь не должен переходить ни в каком случае, пока не обнаружит пятна или обреза могилы под насыпью. Но чтобы знать, где эта линия находится в кургане при раскопке его шахтою, нужно изучить предварительно характер грунта, как насыпи, так и материка. Для этого Д. Я. Самоквасов приказал рабочим перерезать ... полу пробного кургана вертикальной траншеей аршинной ширины и такой же длины, что концы её за-ходили по 1½ аршина за обе стороны полы насыпи, а глубина траншеи была на один аршин ниже поверхности почвы, окружающей курган. Таким приемом от насыпи был отрезан полусектор, и когда бока разреза были подчищены, то ясно выступили границы материкового и насыпного слоев земли; изучив тот и другой, Д. Я. Самоквасов приказывал вскрывать курган колодезем, не засоряя отвалами земли пробной траншей» [Самоквасов 1915а: IV].

Всего было исследовано 287 курганов, а также небольшие участки на площадках городищ и поселения [Самоква-сов 1915а: V]. Раскопки велись с размахом, особенно когда развернулись исследования разрушаемых или разрушен-ных распашкой насыпей. Д. Я. Самоквасов заявил, что он «не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкою курганах, и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть» [Самоквасов 1915а: V]. Поскольку местные крестьяне в это время уже начинали на поле посев озимых, Д. Я. Само-квасов поставил на раскопки около 80 рабочих сразу. «Подняв лопатою 2—3 аршина насыпи и найдя погребение уничтоженным, каждый копщик быстро переходил к следующей насыпи и руководителю работ в эти два дня раскопок (24—25 августа) пришлось потратить много сил, чтобы поспеть туда, куда призывал его сотрудник для выяснения своих затруднений» [Самоквасов 1915а: V].

После окончания работ все находки, за исключением инвентаря двадцати шести курганов, который профессор Д. Я. Самоквасов взял с собой для более подробного изучения, были перевезены в г. Курск для реставрации и подготовки к экспозиции.

В ходе раскопок были обнаружены захоронения на уровне древней поверхности и в могильных ямах. В некоторых случаях были прослежены остатки ритуальных костров, свидетельствующих о сохранении языческих верований у на-селения этого города в древнерусское время. Инвентарь женских погребений многообразен: налобные венчики, ви-сочные кольца, различные бусы, подвески, перстни, браслеты. По этим находкам исследователи определили, что на-селение Гочева было полиэтничным, то есть в городе жили выходцы из различных славянских племен (северяне, вя-тичи, радимичи, дреговичи), а также балты, финны и кочевники. Среди мужских погребений обнаружено несколько захоронений дружинного типа с предметами вооружения (сабли, топоры, кистени, наконечники стрел).

Одновременно с проведением реставрационных работ, К. П. Сосновский под руководством Д. Я. Самоквасова под-готовил к изданию «Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обо-янского уезда Курской губернии» и «Атлас Го-чевских древностей» [Самоквасов 1915а; 1915б]. Сам Дмитрий Яковлевич посещал г. Курск еще раз в октябре 1910 г., чтобы посмотреть на работу своих сотрудников. Продолжительная болезнь и смерть 5 августа 1911 г. не позволили ему увидеть эти издания, но его вклад в развитие археологии Древней Руси, его исследования не потеряли своего зна-чения до настоящего времени.

Работы по изучению могильника продолжались в течение ряда последующих лет. В 1910 г. преподавателем исто-рии 2-го Курского реального училища, членом КГУАК П. С. Рыковым в Императорскую Археологическую комиссию

(ИАК) было послано прошение на Открытый лист для производства раскопок данного памятника. Однако ИАК отказал в выдаче листа, мотивируя отказ тем, что запрос был направлен слишком поздно. В 1912 г. по повторной заявке, сопровождаемой рекомендацией К. П. Сосновского, такое разрешение на раскопки было дано. По этому Открытому листу и на средства ИАК (200 рублей) П. С. Рыковым было исследовано 109 курганов, основного курганного массива в залесенной части могильника [Рыков 1912; 1923: 39—53]. В 1913 г. выпускник Московского археологического института, служащий Курского губернского акцизного управления В. С. Львович продолжил раскопки курганов. Им было исследовано 35 насыпей [Львович 1913]. В 1913 и 1915 гг. член-сотрудник РАО В. Н. Глазов продолжил изучение курганов (в 1913 г. — 105 и в 1915 г. — 101) с целью «выяснить устройство курганных насыпей», а также вскрыл часть площади городища Крутой курган. У основания вала им были заложены три подвижные траншеи общей площадью 560 м², проходящие поперек площадки городища [Глазов 1913; 1915].

Весной 1918 г. в с. Коренево Курской губернии между Советским правительством и украинской Центральной Радой начались мирные переговоры и 5 мая было заключено перемирие. Краткой передышкой в ходе гражданской войны решил воспользоваться известный археолог библиотечарь ИАК А. С. Раевский. Он собрался съездить в г. Лубны «для свидания с эвакуированным туда моим братом, членом Каменецкого окружного суда Алексеем Раевским, на предмет устройства его семьи в связи со смертью моего отца, последовавшею в феврале». Не желая упускать удобного случая для возобновления исследований, он обратился в ИАК с просьбой о выдаче ему Открытого листа на Лубенский уезд «для исследования местонахождения древних Лубен X—XII в.; кроме того, желал бы посетить урочище Солоницу под Лубнами, где был разбит Наливайко, и село Лазорка для дальнейших, по стопам Лясковонского, розысков Анненковского клада из Десятинной церкви; в самих Лубнах я желал бы сфотографировать предметы этого клада, хранящиеся в мужской гимназии и кое-что в Мгарском монастыре». Помимо этого, писал далее А. С. Раевский, «так как мне удалось точно определить место древнего города Выри (XI—XII в.), то я просил бы ... дать мне открытый лист на Путивльский уезд и небольшую сумму на разведку городища Выри» (Архив ИИМК, ф. 1, д. 7/1918, л. 1). Программа была весьма обширной, но А. А. Спичин, узнав о прошении, предложил ему еще несколько расширить район разведочных работ и обследовать курганы и могильники у с. Пены Обоянского уезда, известные еще по разведкам К. П. Сосновского.

Для выезда в «ближнее зарубежье» тогда требовалось получить два специальных разрешения. Одно из них, что весьма показательно, могло быть выдано «лишь гр(афом) Мирбахом или новым петроградским германским консулом, аккредитованным зараз для Великороссии, Украины и Финляндии», — Брестский мир отдал Украину немцам. Чтобы не терять даром времени, А. С. Раевский рассчитывал «до наступления июньских жаров» сразу выехать именно в с. Пены «по маршруту Петроград—Москва—Курск—Ржава (бывш. Клейнмихелево)—Обоянь, а с этой последней железнодорожной станции вдоль реки Псёла (Псла) до устья реки Пены и вверх по ней до с. Пен» (Архив ИИМК, ф. 1, д. 7/1918, л. 6). К сожалению, работы не удалось осуществить в полном объеме из-за различных непредвиденных обстоятельств того смутного времени.

До середины 1920-х гг. исследовательская работа на территории губернии практически полностью прекратилась. С созданием Курского губернского общества краеведения (КГОК), в течение 1927—1928 гг. членами проводились довольно обширные исследования в различных районах губернии, в том числе и на данной территории. Были проведены раскопки Белгородского городища и могильника, разведочные работы в бассейне р. Псёл от устья р. Суджа до устья р. Илём и в бассейне р. Оскол [Булгаков 1927: 3; Комаров 1927: 72—73; Орлова 1927: 73—75; Известия Курского губернского общества краеведения: № 6. 102]. В 1928 г. известными археологами В. А. Городцовым (1860—1945) и Л. А. Мацулевицем (1886—1959) проводятся раскопки у с. Каменца Суджанского района Львовского округа на месте находки Суджанского клада [Мацулевич 1928: 78].

Помимо перечисленных исследователей, в обследовании памятников, в меру своих сил, принимали участие местные отделения КГОК: члены Львовского уездного отделения провели разведки около с. Конышевка, Суджанское волостное отделение вело раскопки «остатков мамонта и орудий труда древнего человека» в окрестностях г. Суджи, сотрудниками Белгородского отделения в уезде были проведены раскопки «остатков мамонта» и т. д. [Известия Курского губернского общества краеведения: № 3. 81; № 6. 102].

Однако начавшееся в начале 1930-х гг. дело о «Контрреволюционной монархической организации „Краеведы“ в Центрально-Черноземной области привело к свертыванию практически всей работы. Было арестовано 92 человека — краеведы из Воронежа, Орла, Курска, Липецка и других городов. Пятеро из них в итоге были расстреляны, прочие заключены в лагеря [Акиншин 1992: 176—177]. Вслед за краеведами пришел черед и самого краеведения. В 1937 г. краеведческие организации в стране были вообще ликвидированы.

Таков был общий фон одного из крупнейших событий в археологической жизни области — раскопок одного из городищ (Крутой курган) Гочевского археологического комплекса в 1937 и 1939 гг. На них следует остановиться более подробно. Дирекция Курского областного краеведческого музея (КОКМ) в сентябре 1936 г. обратилась в ГАИМК с предложением продолжить исследования в с. Гочево, но теперь сосредоточить все внимание не на курганах, а на поселении. Предлагалось осуществить раскопки продолжительностью до полутора месяцев на деньги музея (до 5000 рублей) и при участии некоторых его сотрудников (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148, л. 1). Московский отдел ГАИМК им. Н. Я. Марра «выделил для этой цели» молодого археолога кандидата исторических наук Б. А. Рыбакова (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148, л. 2). В работах экспедиции принимали участие аспирант ГАИМК, а позднее видный советский археолог И. И. Лапушкин, сотрудники КОКМ В. И. Самсонов, Е. Т. Гученко, фотограф Л. А. Литошенко и П. С. Ткачевский.

«Выбор городища „Крутой курган“ из всего комплекса гочевских археологических памятников, — писал Б. А. Рыбаков, — объясняется следующими причинами: детальное обследование селища с многочисленными шурфами пока-

зало, что вся территория селища распахивается глубокой тракторной вспашкой... Вести раскопки селища было нецелесообразно. Задачей же экспедиции являлось исследование поселения, связанного с хорошо известными уже курганами» (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 8, д. 2, л. 194).

Материалы, полученные при раскопках, весьма впечатлили исследователя. Осенью 1937 г. он ознакомился с гочевскими коллекциями В. Н. Глазова и П. С. Рыкова в Эрмитаже и пришел к выводу о необходимости продолжения изучения столь интересного памятника, намереваясь заняться этим в следующем году. На 1938 г. им планировалось вскрытие всей площади Крутого Кургана, разрез всех валов и «пробная раскопка городища „Царский Дворец“»; в конце года должна была выйти книга, подводящая итоги исследований (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148, л. 9об.—10). Однако планы оказались неожиданно сорваны. В 1938 г. он был вынужден прервать свои работы по Гочевскому комплексу в связи с летними военными сборами.

Раскопки возобновились в 1939 г. Если в 1937 г. работы велись в основном в центральной части городища, то теперь внимание было перенесено «на край „Крутого Кургана“, где после удаления насыпи вала удалось открыть... (культурный) слой, консервировавшийся насыпью в течение тысячелетий» [Рыбаков 1939: 2]. Помимо этого небольшие по объему работы были проведены на городище Царский дворец и на поселении.

В целом на городище Крутой Курган было вскрыто 272 м² (в 1937 г. — 160 м²), на поселении и в Царском Дворце проведены небольшие разведочные работы. Материалы раскопок 1937 г. целиком поступили в фонды КОКМ. По окончании раскопок 1939 г. все предметы были отправлены для обработки в ГИМ. После подготовки отчета находки из квадратов Ж, З, И, а также из разведочных шурфов на территории поселения остались в Московском ГИМе. Предметы из квадратов К, Л, М и из раскопа на городище Царский дворец были пересланы КОКМ. Находки из квадрата Н были разделены между ГИМом и КОКМом по «Договору от 15 августа 1939 г. „по диагонали“, идущей из С. В. угла к Ю. З. углу. Все предметы, обнаруженные к Ю. В. от этой линии, идут к Курску, а к С. З. — Москве» (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148, л. 17). В результате подобного раздела коллекция находок с этого уникальнейшего памятника юго-востока Руси была раздроблена на части. Отчет о раскопках и список негативов 1937 г. оказался в ИИМК и ГАКО (второй экземпляр через копирку), отчет о раскопках в 1937—1939 гг. — в ИИМК, часть чертежей и фотопластинок негативов — в КОКМе, а коллекции раскопок — в ИА РАН, ГИМе, КОКМе и КГОМА. В результате последующих потерь при хранении коллекция значительно утратила свою научную ценность.

В 1940 г. план продолжения исследований Гочевского комплекса был предложен Курскому краеведческому музею теперь уже М. В. Воеводским, руководителем Деснинской археологической экспедиции. Однако в исполнение эти замыслы приведены не были из-за нехватки средств в размере 7000 рублей (ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148, л. 15).

В послевоенное время территория Попселя практически не исследовалась. Лишь в начале 1960-х гг. разведки по р. Псел и Суджа проводит Ю. А. Липкинг [Липкинг 1962: 134—141; 1974: 136—152], а в 1963—1964 гг. он проводит стационарные исследования грунтового могильника около хутора Княжий (Суджанский р-н), датируемого второй половиной VI—началом VIII в. н. э. и относящегося к колочинской культуре [Липкинг 1974: 136—152; Тихомиров 1990: 145]. Все обнаруженные погребения были совершены по обряду кремации. При работах удалось обнаружить 22 погребения. Их материалы свидетельствуют, что некоторые из них принадлежали дружинникам. Кроме элементов поясных наборов (пряжки, ложные пряжки, прорезные накладки, наконечник пояса), об этом говорят находки наконечников дротиков, фрагментов кольчуг и позвонка человека, с застрявшей в нем железной стрелой [Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период: 218].

В 1967 г. после окончания стационарных работ на могильнике около с. Средние Апочки А. И. Пузиковой была предпринята разведка по верхнему течению р. Псел. Ее целью было выявление памятников раннего железного века. Во время разведки обследовано два городища (Чернецкое и Круглое (Курочкин I)), уточнена их датировка [Пузикова 1967: 11—15].

В 1971—1973 гг. А. В. Куза (1939—1989) возглавил экспедицию, ведущую раскопки Большого Горнальского городища [Вознесенская, Куза, Соловьева 1972: 95—96; Куза 1981: 6—39]. В результате этих работ была исследована площадка городища, на которой стратиграфически зафиксировано несколько периодов застройки, а также уточнено время его существования. Раскопки позволили во многом прояснить не только историю собственно этого древнего поселения, но, отчасти, всего региона в целом [Куза 1981: 6; Кашкин, Узянов 1993: 16—18]. Находки позволили приблизительно определить дату его гибели — конец X в. Вначале этот разгром связывали с набегом кочевников-печенегов. Позднее утвердилось мнение, что следы пожара, уничтожившего Большое городище, как и целый ряд подобных северянских укреплений, связаны с присоединением этих земель к Киевской державе. Иногда гибель Горналя напрямую связывается с Восточным походом князя Святослава.

Позднее материалы раскопок, как городища, так и курганного могильника в Горнале, были комплексно проанализированы Е. А. Шинаковым, который пришел к выводу, что основная масса исследованных захоронений оставлена местным славянским населением в XI в. При этом им была особо отмечена ничтожная степень влияния на это население как «кинорегиональных элементов в инвентаре, так и христианской обрядности» [Шинаков 1980: 58]. Этот вывод представляется особенно важным в связи с общепринятой датировкой гибели Большого Горнальского городища (конец X в.). Тот факт, что могильник продолжал активно функционировать и после запустения городища, является еще одним свидетельством в пользу теории непосредственной преемственности между роменским (северянским) и древнерусским населением данного региона. Оно продолжало обитать на прежнем месте, все еще сохраняя на протяжении долгого времени свои племенные традиции.

Начиная со второй половины 1970-х гг., масштабы исследовательских работ на территории Курского края значительно увеличиваются. Этому было две причины. Первая заключалась в «Своде памятников истории и культуры на-

родов СССР», издание которого Институт Археологии АН СССР планировал начать с 1975 г. В рамках подготовки «Свода» десять полевых сезонов на территории Курской области работал Центрально-Черноземный отряд ИА АН СССР под руководством А. В. Кашкина [Кашкин 1980: 54—55; 1991: 81—88; 1998: 20—21] и пять — Курский отряд ИА АН СССР под руководством П. Г. Гайдукова [Гайдуков 1981: 47; 1983: 52—53; 1984: 51; Гайдуков, Алешковский, Чалых, Дорофеева 1979: 56; 1980: 56—57]. Целью работы этих отрядов было выявление и обследование памятников. Впервые в курской археологии ученые обратили внимание на структурное исследование микрорегионов, а полученные в ходе работ данные о динамике заселения бассейнов рек Сейм и Псел позволили проследить процесс заселения и всей Среднерусской возвышенности. Результатом широкомасштабных исследований стали описание и паспортизация более восьмисот археологических объектов (стоянок, могильников, поселений, городищ).

В 1977 г. на территории Курской области действуют два разведочных палеолитических отряда. Первый, Костенковский, возглавляемый В. Е. Щелинским, прошел по правобережью р. Псел в пределах Обоянского района и обнаружил кремневую мастерскую мустьерского времени у с. Гремячка. Второй, Авдеевский, под руководством В. И. Беляевой исследовал правый берег р. Псел и долину р. Крепна близ сел Кремянное и Ветряное (Кореневский р-н). Этим отрядом были открыты верхнепалеолитическое местонахождение Суджа и палеолитический комплекс Крепна—Ветряное. В 1978 г. работы в бассейне р. Крепны были продолжены и исследован комплекс стоянок Крепна—Ветряное.

Руководимая Е. А. Горюновым Днепровская левобережная экспедиция ЛОИА АН СССР, в конце 1970-х—начале 1980-х гг. проводила изучение поселения I—II вв. н. э. и бескурганного могильника VI—VII вв. около с. Картамышево Обоянского района, а также ряда позднезарубинецких, киевских и колочинских памятников в Беловском, Обоянском и Суджанском районах (Бобрава, Казачья Локня, Шмырево и др.) [Горюнов 1980: 50—51; 1981: 48—49; Горюнов, Казанский, Усова 1979: 57—58]. В 1979 г. во время археологической разведки на территории Беловского района экспедиция открывает неолитическое поселение Курочкин 3.

В 1980—1981 гг. поселение Курочкин 3 исследовала Степная неолитическая экспедиция ЛОИА под руководством Л. Я. Крижевской. В ходе работ было выявлено, что этот памятник многослойный — кроме поздненеолитического поселения, тут же располагалось славянское селище [Крижевская 1981: 59—60; 1983: 66—67]. Сотрудник экспедиции Т. М. Гусенцова во время археологических разведок открыла у с. Дубрава (Кореневский р-н) неолитическую мастерскую по первичной обработке кварцита и, предположительно, местонахождение мезолитического времени в Обоянском районе.

Вторая половина 1980-х—начало 1990-х гг. примечательны тем, что из-за начавшихся кризисных явлений в нашей стране были значительно сокращены государственные ассигнования на проведение научно-исследовательских работ ИА РАН, ЛОИА (ИИМК) РАН и других центральных учреждений, что привело, в свою очередь, к постепенному уменьшению количества этих экспедиций, географии и масштабов их работ.

Среди продолживших исследования необходимо отметить работы Среднерусской палеолитической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ под руководством С. Н. Алексеева, в течение полевых сезонов 1985—1988 гг. изучавшей верхнепалеолитическую стоянку Русское Поречное (Суджанский р-н).

В 1989 г. на территории области работала экспедиция Института археологии УССР под руководством А. П. Моци. Были продолжены исследования Гочевского археологического комплекса. На площадке одного из городищ («Царский дворец») были обнаружены остатки полуземляночных жилищ. Кроме того, зафиксированы находки шиферных пряслиц, крючков, косы, изделий косторезного и ювелирного производств. У внешнего вала городища исследована часть христианского кладбища, которое, по мнению А. П. Моци, появилось здесь после гибели городища [Моця 1997: 125—127].

В это же время продолжает работать Днепровская левобережная экспедиция ЛОИА, которую после безвременной смерти Е. А. Горюнова в 1981 г. возглавила В. М. Горюнова (с 1981 по 1991 гг.) и О. А. Щеглова (в 1986 и 1990 гг.). Были исследованы поселение эпохи бронзы Гочево IV, а также группа раннеславянских поселений Курочкин III, Бобрава (уроч. Сильник и Пустошь), Картамышево III, Гочево III, IV, Гочево VII и другие [Горюнова 1984: 52—53; 1985; Горюнова, Щеглова 1986: 84—85; Щеглова, Бажан 1987: 62—67].

В 1986—1987 гг. проводили совместные охранные раскопки в районе строительства моста через р. Псел около с. Гочево экспедиция Курского музея под руководством Н. А. Тихомирова и Днепровская левобережная под руководством В. М. Горюновой и О. А. Щегловой. В результате этих работ было открыто несколько раннеславянских поселений, относящихся к киевской, черняховской и воынецевской культурам (II—III, IV, VIII вв. н. э.). При раскопках поселения Гочево I археологи зафиксировали несколько жилых построек-полуземлянок с открытыми очагами, были выявлены хозяйственные и производственные сооружения: погребя, очаги, металлургические комплексы [Тихомиров 1986: 76; 1987: 253—254; Тихомиров, Терпиловский 1990: 43—77].

С 1994 г. ведутся охранные исследования Гочевского археологического комплекса. За время работы экспедиции (руководитель Г. Ю. Стародубцев) был составлен топографический план сохранившейся части курганного могильника в масштабе 1 : 500, исследованы остатки оборонительных сооружений в юго-западной части посада, 17 насыпей основного курганного массива и 5 — из курганной группы Загородье, а также 5 погребений грунтового могильника. В ходе работ 2 погребения были зафиксированы на распаханной части могильника и 1 — на территории поселения [Апальков, Стародубцев 1995: 66—67; Стародубцев 1995: 90—91; 1996а: 93—96; 1996б: 187—188; 1997: 176—177; 1998: 86—88; 2000: 149—151]. Наиболее ранние погребения курганного могильника датируются концом X в., основная масса — XI—XII вв. Вероятно, в конце XII в. языческое кладбище прекращает свое существование, а христианский городской некрополь переносится в другое место — в северную часть посада.

В 1993—1995 гг. Левобережной раннеславянской экспедицией ИА РАН под руководством А. М. Обломского были проведены разведки в Глушковском, Кореневском и Рыльском районах, подвергнуты изучению ряд поселений первых

веков I тыс. н. э. (Поповы Лежачи 4, Десятый Октябрь, Гапоново) [Кашкин 1998: 22]. На поселении Гапоново в июне 1994 г. этой экспедицией был спасен уникальный клад раннесредневековых древностей, случайно обнаруженный местными жителями при земляных работах [Гавритухин, Обломский 1995: 136—149; 1997].

В состав клада входили женские украшения из серебра и бронзы, янтарные и стеклянные бусы, серебряные и бронзовые детали мужских поясных наборов, предметы конской сбруи и другие предметы. О. А. Щегловой были реконструированы женские уборы Гапоновского клада, воссоздан облик парадного женского убора, зафиксированного в серии днепровских кладов «древностей антов», относящихся к достаточно узкому хронологическому отрезку (середина VIII в. н. э.), а также высказаны гипотезы о традиционности данного вида убора и о механизме распространения продукции раннесредневековых мастеров-ювелиров, которые не столько удовлетворяли спрос на традиционные типы украшений, сколько диктовали престижную моду, предлагая свой ассортимент изделий [Щеглова 1999: 287—312].

В 1995—1996 гг. по заданию Министерства культуры РФ экспедицией под руководством Н. А. Тихомирова было проведено сплошное обследование центральной части Суджанского района Курской области. В результате этих разведок было выявлено более 70 памятников различных исторических периодов от эпохи неолита до позднесредневековых [Тихомиров 1997а; 1997б].

С 1995 г. прекратилось выделение средств областного бюджета на проведение спасательных мероприятий Курского музея археологии на всех памятниках археологии, включая уникальнейшие, состоящие на республиканской категории охраны. Сегодня начальники экспедиций, если они хотят вести полевые охраняемые исследования, поставлены перед необходимостью самим добывать средства для проведения работ. Пока их, порой из самых неожиданных источников, они находят. Изучение памятников продолжается, хотя и не с той интенсивностью, как ранее.

История изучения памятников археологии верхнего течения р. Псел в XIX—XX вв. прошла достаточно сложный путь от эпизодических находок отдельных артефактов, к которым находчики относились как к «курьезным», до начала систематического сплошного обследования территории с целью выявления всех дошедших до нас памятников и издания их сводов. На этом пути были взлеты и падения, расцветы и кризисы, однако этот процесс продолжается. Тем самым продолжают замечательные традиции изучения этого региона, заложенные несколькими предыдущими поколениями исследователей.

Литература

- Акиншин 1992: Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х—начало 30-х годов) // ВИ. № 6—7. С. 173—178.
- Апальков, Стародубцев 1995: Апальков А. Н., Стародубцев Г. Ю. Исследования Курского музея археологии // АО 1994 г. М. С. 66—67.
- Булгаков 1927: Булгаков Г. И. К вопросу об учете археологических памятников Курского края // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. Курск. С. 3—4.
- Вознесенская, Куза, Соловьева 1972: Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М. С. 95—96.
- Гавритухин, Обломский 1995: Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад (предварительная публикация) // РА. № 4. С. 136—149.
- Гавритухин, Обломский 1997: Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 298 с.
- Гайдуков 1981: Гайдуков П. Г. Разведки в Курской области // АО 1980 г. М. С. 47.
- Гайдуков 1983: Гайдуков П. Г. Разведки в Курской области // АО 1981 г. М. С. 52—53.
- Гайдуков 1984: Гайдуков П. Г. Разведки в Курской области // АО 1982 г. М. С. 51.
- Гайдуков, Алешковский, Чалых, Дорофеева 1979: Гайдуков П. Г., Алешковский П. М., Чалых Н. Е., Дорофеева Т. С. Разведки в Курской области // АО 1978 г. М. С. 56.
- Гайдуков, Алешковский, Чалых, Дорофеева 1980: Гайдуков П. Г., Алешковский П. М., Чалых Н. Е., Дорофеева Т. С. Разведки в Курской области // АО 1979 г. М. С. 56—57.
- ГАКО, ф. 4, оп. 1, д. 63.
- ГАКО, ф. 4, оп. 1, д. 65.
- ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 74.
- ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148.
- ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 189.
- ГАКО, ф. Р-3139, оп. 8, д. 2.
- Глазов 1913: Глазов В. Н. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде. — Архив ИИМК, ф. 1, д. 123/1913.
- Глазов 1915: Глазов В. Н. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии. — Архив ИИМК, ф. 1, д. 93/1915.
- Горюнов 1980: Горюнов Е. А. Исследования в Курской области // АО 1979 г. М. С. 50—51.
- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Исследования в Курской области // АО 1980 г. М. С. 48—49.
- Горюнова 1984: Горюнова В. М. Разведочные работы в верховьях Псла // АО 1982 г. М. С. 52—53.
- Горюнова 1985: Горюнова В. М. Раскопки у с. Бобрава // АО 1983 г. М.
- Горюнова, Щеглова 1987: Горюнова В. М., Щеглова О. А. Итоги изучения памятников II—III вв. на Верхнем Псле // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. С. 84—85.
- Дмитрюков 1863: Дмитриюков А. И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды КГСК. Вып. 1. Курск. С. 506—517.
- Договор от 15 августа 1939 г. — ГАКО, ф. Р-3139, оп. 1, д. 148.
- Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3. С. 81; № 6. С. 102.
- Кашкин 1980: Кашкин А. В. Разведки по Сейму, Пслу, Рати // АО 1979 г. М. С. 54—55.
- Кашкин 1991: Кашкин А. В. 10 лет работы Центрально-Черноземного отряда // КСИА. Вып. 210. М. С. 81—88.
- Кашкин 1998: Кашкин А. В. Археологическая карта России: Курская область. Ч. 1. М. 304 с.
- Кашкин, Узанов 1993: Кашкин А. В., Узанов А. А. Об одном «несостоявшемся городе» на верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілья. С. 16—18.

- Комаров 1927: Комаров А. А. Краеведческая работа за 3 месяца // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. Курск. С. 72—75.
- Крижевская 1981: Крижевская Л. Я. Лесостепная неолитическая экспедиция // АО 1980 г. М. С. 59—60.
- Крижевская 1983: Крижевская Л. Я. Раскопки поселения Курочкино 3 // АО 1981 г. М. С. 66—67.
- Куза 1981: Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. С. 6—39.
- Липкин 1962: Липкин Ю. А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. № 113. С. 134—141.
- Липкин 1974: Липкин Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточно-славянские древности. Л. С. 136—152.
- Львович 1913: Львович В. С. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. — Архив ИИМК, ф. 1, д. 330/1913.
- Мацулевич 1928: Мацулевич Л. А. Суджанские находки и очередные задачи краеведения // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4—6 (10—12). Курск. С. 38—40.
- Моця 1997: Моця А. П. Путь из Булгара в Киев и обратно. «Киевская» часть пути // Булгар—Киев. Пути—связи—судьбы. Киев. С. 90—136.
- О раскопках А. С. Раевского в Путивльском и Обоянском уездах Курской губернии. — Архив ИИМК, ф. 1, д. 7/1918.
- Орлова 1927: Орлова М. Н. Белгородское городище и его могильник // Известия Курского губернского общества краеведения, № 3. Курск. С. 73—75.
- Памятная книжка Курской губернии на 1894 г., 1894. Отдел II. Курск. С. 3—6, 31.
- Пузикова 1967: Пузикова А. И. Отчет о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в августе 1967 г. — НА КГОМА, д. 1-35.
- Резанова 1911: Резанова Е. А. О курганах близ с. Гочева; Обоянского уезда // Труды КГУАК. Вып. 1. Курск. С. 49.
- Рыбаков 1937: Рыбаков Б. А. Отчет о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской области в 1937 г. — НА КГОМА, д. 1-95.
- Рыбаков 1939: Рыбаков Б. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область). — Архив ИИМК, ф. 1, д. 35/1937.
- Рыков 1912: Рыков П. С. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. — Архив ИИМК, ф. 1, д. 386/1912.
- Рыков 1923: Рыков П. С. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочево Обоянского у. Курской губ.) // Ученые записки Саратовского университета, т. 1, вып. 3, Саратов. С. 39—53.
- Самоковасов 1915а: Самоковасов Д. Я. Атлас Гочевских древностей. М. 112 с.
- Самоковасов 1915б: Самоковасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М. 40 с.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев. 488 с.
- Стародубцев 1995: Стародубцев Г. Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса // Деснинские древности. Брянск. С. 90—91.
- Стародубцев 1996а: Стародубцев Г. Ю. Некоторые итоги и перспективы исследований Гочевского археологического комплекса // Свя- тый князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів. С. 93—96.
- Стародубцев 1996б: Стародубцев Г. Ю. Продолжение охранных раскопок Гочевского курганного могильника // АО 1995 г. М. С. 187—188.
- Стародубцев 1997: Стародубцев Г. Ю. Работы Гочевской экспедиции // АО 1996 г. М. С. 176—177.
- Стародубцев 1999: Стародубцев Г. Ю. Топографические и обрядовые аспекты Гочевского некрополя // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк. С. 154—155.
- Стародубцев 2000: Стародубцев Г. Ю. Охранные раскопки Гочевской древнерусской экспедиции // АО 1998 г. М. С. 149—151.
- Тихомиров 1986: Тихомиров Н. А. Работы Курского музея // АО 1984 г. М. С. 76.
- Тихомиров 1987: Тихомиров Н. А. Охранные работы Курского краеведческого музея в 1986 г. у с. Гочево // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. С. 253—254.
- Тихомиров 1990: Тихомиров Н. А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 134—161.
- Тихомиров 1997а: Тихомиров Н. А. Отчет о разведке в центральной части Суджанского района Курской области в 1995 г. — НА КГОМА, д. 1-90.
- Тихомиров 1997б: Тихомиров Н. А. Отчет о раскопках Суджанской экспедиции в 1995 г. — НА КГОМА, д. 1-91.
- Тихомиров, Терпиловский 1990: Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 43—77.
- Труды III Всероссийского археологического съезда в г. Киеве. 1878. Т. I. СПб.
- Труды Курского губернского статистического комитета. 1863. Вып. I. Курск.
- Труды Курского губернского статистического комитета. 1874. Вып. IV. Курск.
- Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1874. С. 155—176.
- Филиппенко 1901: Филиппенко А. По губернии. Обоянь // Курские губернские ведомости. № 38.
- Шинаков 1980: Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X—первой половине XIII в.: Дис. ... канд. ист. наук — НА КГОМА, д. IV-3.
- Щавелев 1992: Щавелев С. П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоковасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // РА. № 1. С. 255—264.
- Щавелев 1997: Щавелев С. П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск. 136 с.
- Щеглова 1999: Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. № 5. С. 287—312.
- Щеглова, Бажан 1987: Щеглова О. А., Бажан И. А. Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Псле // КСИА. Вып. 175. М. С. 62—67.

О. А. Щеглова

Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий¹

20 лет назад, как раз перед началом активной полевой деятельности на Верхнем Псле, Е. А. Горюнов в монографическом исследовании «Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья» [Горюнов 1981] подвел итоги открытий и исследований памятников I тыс. н. э. в период после выхода капитального труда И. И. Ляпушкина «Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа» [Ляпушкин 1961]. Тогда успех полевой деятельности автора, открывшего и исследовавшего на Левобережье целый пласт ранее неизвестных или невыделенных древностей, находился в прямой зависимости от предложенной им новой парадигмы поиска поселений в иных топографических условиях, нежели достоверно славянские памятники более позднего времени или хорошо исследованные памятники черняховской культуры. Е. А. Горюновым же были выделены и охарактеризованы основные группы древностей I тыс. н. э. на Днепровском лесостепном Левобережье, намечены этапы их культурной трансформации, взаимоотношения и направление связей.

Последующие 20 лет уже не принесли открытия каких-либо новых типов древностей на территории Днепровского Левобережья. Зато археологические карты Е. А. Горюнова пополнились десятками памятников благодаря работам коллег из Киева, Москвы, Сум, Чернигова, Курска, Полтавы и других региональных центров. Особенно активной была разведочная деятельность Раннеславянской экспедиции ИА РАН под руководством А. М. Обломского при участии Р. В. Терпиловского, направленная на выявление памятников начала и середины I тыс. н. э. в бассейнах Сейма, Псла, Сулы [Обломский 1991, 1996, 2003; Обломский, Терпиловский 1991, 1998]. Памятники третьей четверти I тыс. н. э. не были объектом целенаправленного поиска, а из полевых открытий, которые способны изменить и дополнить картину колочинской культуры в рассматриваемом регионе, можно назвать, пожалуй, лишь одно. Это — достоверная фиксация курганного погребального обряда для колочинской культуры в Посеймень (Артюшково) [Енуков, Енукова 1995] и Посулье (Бездрик) [Журавлев, Обломский и др. 2003], т. е. в тех районах, где ранее фиксировались исключительно бескурганные поля урновых погребений. Для волынцевских памятников, относящихся к более позднему периоду, необходимо отметить инициированное раскопками О. М. Сухобокова и С. П. Юренко на Битицком городище [Сухобоков, Юренко 1993] обследование волынцевских древностей среднего течения Псла и Сейма, выполненное В. В. Приймаком [Приймак 1994]. Таким образом, результаты полевой деятельности последних 20 лет обеспечили широкий контекст для анализа конкретных памятников I тыс. н. э., хотя не привели к открытию новых культур или типов древностей на Днепровском лесостепном Левобережье.

Находки, призванные существенно изменить взгляд на рассматриваемые памятники, особенно для первой половины I тыс. н. э., были сделаны за пределами Днепровского Левобережья. Проводя полевые работы в районе с. Гочево, мы полагали, что исследуем один из самых северо-восточных микрорегионов, в которых зафиксированы древности киевской, колочинской, волынцевской культур. Однако открытие огромного пласта синхронных и типологически близких киевской культуре памятников второй четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подонье [Медведев 1998, Обломский 1997, 1999; Обломский, Терпиловский 1998а], исследование черняховских и пеньковских древностей на Харьковщине [Любичев 2000] заставляет посмотреть на памятники Верхнего Псла с точки зрения их размещения на водоразделе Днепра и Дона, в непосредственной близости от перевалочных пунктов древнего Днепро-Донского водного пути, связывавшего в широтном направлении области Центрального Черноземья.

В сфере обобщения и интерпретации материалов в последнее двадцатилетие были сделаны существенные шаги вперед. Памятники киевской культуры заняли свое место в обобщающих изданиях Украины и России («Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.» [Терпиловский 1985]; «Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период» [Славяне Юго-Восточной Европы 1990]; Археология СССР «Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э.—первой половине I тыс. н. э.» [Максимов, Терпиловский 1993]; свод «Памятники киевской культуры» [Терпиловский, Абашина 1992] и посвященная им монография Р. В. Терпиловского [Терпиловский 1984].

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 99-01 00228 «Археологические памятники I тысячелетия н. э. на Верхнем Псле (Этнокультурная история микрорегиона)».

Вновь открытые древности первой половины I тыс. н. э. Днепровского Левобережья и водораздела Днепра и Дона стали предметом цикла статей А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского и двух монографий А. М. Обломского [Обломский 1991, Обломский, Терпиловский 1991, Обломский 2002]. Необходимо отметить, что предварительные отчетные данные о памятниках, которым посвящено наше исследование, широко используются в работах коллег, создавая основу для выделения региональных групп. Авторы рисуют сложную картину передвижений групп населения, связанного происхождением с зарубинецкой культурой, из районов Среднего Поднепровья на восток Днепровского Левобережья и в бассейн Северского Донца после распада зарубинецкой культурной общности в середине—третьей четверти I в. н. э. («тип Картамышево II — Терновка 2»). Памятники I—II вв. I тыс. н. э. авторы называют позднезарубинецкими, хотя толчком к их появлению считают именно распад этой культурной общности. Впоследствии группы этих памятников постепенно эволюционируют в сторону унификации (тип Шишино 5 — Шмырево, ранний этап киевской культуры, «тип Букреевка—Тазово», в т. ч. Гочево 3, 4 — начало позднего этапа), чтобы затем испытать новый приток западных элементов из Подесенья (тип Букреевка 2 — Каменево 2, в т. ч. Песчаное). Общим методическим приемом указанных работ является выделение определенных традиций, отраженных в процентном соотношении керамических форм в комплексах соответствующих горизонтов, и поиск наиболее близких соответствий структуре керамического набора на памятниках предшествующего периода. Таким образом определяется направление миграций населения и степень близости синхронных памятников. Принимая общую идею исследователей о пришлое характере культуры востока Днепровского Левобережья во II—III вв. н. э., подчеркнем, что ряд вопросов преемственности между памятниками начала I тыс. н. э. и памятниками киевской культуры, их соотношения с черняховскими, доли участия двух последних в сложении колочинской культуры и т. д. может быть решен только на уровне анализа культурной истории конкретного микрорегиона, в котором представлены и достаточно широко исследованы все эти типы древностей. Такому требованию как нельзя лучше отвечает рассматриваемый нами микрорегион на Верхнем Псле. Кроме того, поблизости от этих мест находятся памятники, которые оказались вне поля зрения авторов рассматриваемой концепции, а именно богатые «княжеские» погребения рубежа IV и V вв. н. э. у Большого Каменца (Суджанский микрорегион) и так называемый Обоянский клад. В интерпретации М. М. Казанского [Казанский 1997], они принадлежат общеевропейскому горизонту Унтерзибербрунн (410—440-е гг.), соотносятся с финальной фазой черняховской культуры на Левобережье и принадлежат населению королевства Винитария или его наследников. Но какие еще памятники оставило это население, с такой варварской пышностью погребавшее своих королей? Ответ на этот вопрос попытался дать в последней обобщающей монографии А. М. Обломский, выделяющий особую «культуру раннесредневековых ингумаций», к сожалению, представленную единичными памятниками [Обломский 2002: 80—92].

Находка выдающегося по полноте и составу Гапоновского клада «древностей антов» в контексте исследуемого памятника колочинской культуры побудила А. М. Обломского обратиться к рассмотрению древностей этого типа с применением методик, отработанных на более раннем материале [Гавритухин, Обломский 1996]. Автор полагает, что колочинская культура верховьев Сейма и Псла связана происхождением с позднекиевскими древностями «типа Букреевка—Тазово», а волна потрясений, приходящаяся на середину—третью четверть VII в. н. э., которую маркируютклады «древностей антов», связана с небезконфликтным проникновением на Левобережье волны носителей славянской культуры типа Сахновки.

Несколько отличная картина нарисована воронежской исследовательницей И. В. Зиньковской, строящей выводы на основании анализа погребального обряда [Зиньковская 2000]. В этой работе также широко использованы сведения о погребальных памятниках нашего микрорегиона (Гочево I, Кулига, Шмырево, Картамышево II). И. В. Зиньковская обнаружила в погребальном обряде колочинских бескурганых некрополей синтез традиций киевской и черняховской культур, причем наследие обеих проявляется в равной степени. Выявлены и определенные пшеворские элементы. В остальном трактовка этнокультурной истории региона следует в русле общепринятой: преемственность населения колочинской и киевской культур; вторжение носителей черняховской культуры в середине III в. н. э. и их господство вплоть до конца IV в. н. э.; затем приток населения с севера, обусловивший сложение родственных колочинской и пеньковской культур, которые переживают некие драматические потрясения в середине VII в. н. э. под ударом кочевников с юго-востока. Мощный переселенческий поток славян с запада приходится на конец VII—VIII в. н. э.

По отношению к памятникам следующего, сахновско-волынцевского горизонта, представленным в нашем микрорегионе объектами на поселениях Гочево 3 и Боброва 5, в последних публикациях возобладала точка зрения О. А. Щегловой [Щеглова 1986, 1987, 1990], высказанная в полемике с киевскими исследователями О. В. Сухобоковым и С. П. Юренко [Сухобоков 1992], о том, что памятники этого типа появились в результате своеобразной этнокультурной интерференции, выразившейся в наложении волн переселения носителей сахновской культуры с Правобережья Днепра и почти синхронного этому процессу распространения хазарского влияния на те же территории [Обломский 1996; Приймак 1994, 1996; Зиньковская 2000; Григорьев 2000]. В последней работе А. В. Григорьева [Григорьев 2000] рассмотрены аспекты роменской культуры, ее происхождения и соотношения с памятниками Древнерусского периода.

Из приведенного выше обзора современного состояния исследований следует, во-первых, несомненная актуальность публикации памятников рассматриваемого нами микрорегиона, памятники которого еще до полноценного их введения в научный оборот стали опорными и эпонимными для ряда выделяемых культурно-хронологических горизонтов. Во-вторых, очевидна настоятельная необходимость перейти от практикуемых обобщений на уровне понятий «культура» и «тип памятников» к детальным микрорегиональным исследованиям, позволяющим рассмотреть взаимоотношения этих горизонтов на уровне конкретного памятника или группы памятников с учетом стратиграфии, микромиграций и функциональной дифференциации последних. Методические основы такого подхода отработаны, в частности, на близком материале в публикациях И. П. Русановой и Б. А. Тимошука [Русанова, Тимошук 1984], А. П. То-

мошевского и И. О. Гавритухина [Томашевский, Гавритухин 1992], серии статей В. И. Узянова и А. В. Кашкина [Кашкин, Узянов 1992, Узянов 1993].

Нанесение на карту маршрутов разведок разных лет, от «археологических прогулок» А. И. Дмитриюкова в 1829 г. до тотальных обследований, проводившихся в конце 1980-х—начале 1990-х гг. под эгидой проекта «Археологическая карта России», показало, что верховья Псла от Обояни до впадения в него реки Суджи обследовались тщательно и достаточно равномерно. При этом две зоны концентрации археологических памятников разных эпох (один — на участке течения Псла между Картамышевым—Гочевым—Бобравой и по берегам впадающих в Псел на этом участке малых рек, а второй — ниже по течению Псла, в районе нижнего течения его правого притока р. Суджи и далее вплоть до Горналя) выделяются объективно, а не являются результатом целенаправленных обследований только этих микрорегионов (Картамышево—Бобрава — маршрут разведок Е. А. Горюнов — 1980, В. М. Горюнова — 1982, О. А. Щеглова — 1986; Суджа-Горналь — А. В. Кашкин — 1990; Н. А. Тихомиров 1995), проводившихся уже после того, как зоны концентрации памятников были зафиксированы. Таким образом, ответ на вопрос об объективности выделения участка верхнего течения Псла между с. Картамышево и Бобрава в качестве предмета самостоятельного исследования должен быть положительным.

Степень археологической изученности рассматриваемого района достаточно высока даже на фоне Курской области в целом, где традиции планомерного и полного обследования и фиксации археологических памятников восходят к прошлому веку. Центром, неизменно привлекавшим внимание исследователей, являлся комплекс древнерусских памятников севернее села Гочево близ хутора Гочевок на правом берегу р. Псел, состоящий из хорошо определяемых визуально двух городищ с примыкающим к ним селищем и огромного курганного могильника, насчитывавшего около трех тысяч насыпей. Поэтому около столетия основное внимание уделялось воссозданию картины освоения района именно в эпоху Средневековья.

Однако начало освоения этих мест относится ко времени значительно более раннему. В устье р. Гремячка находится палеолитическая стоянка-мастерская эпохи мустье — одна из самых ранних в Курской обл.

Следующий этап заселения территории относится к мезолиту — именно здесь находятся обе известные в области мезолитические стоянки у с. Бобрава и Картамышево. Таким образом, освоение территории начинается именно тогда, когда, как было показано в предыдущем обзоре, формируются основные характеристики долины Псла, которые впоследствии не претерпевают больших изменений.

Концентрация памятников неолита наблюдается на левом берегу р. Псел на участке между селами Бобрава и Гочево, причем памятники образуют три скопления, одно из которых приурочено к месту современного впадения в Псел р. Бобравы, а другие — к мысам, образованным современным течением Псла и пойменными озерами или сухой старицей. На фоне исчерпываемого несколькими десятками количества неолитических памятников в Посейменьи и в верхнем течении Псла, концентрация местонахождений в рассматриваемом районе представляется знаменательной. Выделены здесь и отдельные древности эпохи энеолита.

Мощный куст памятников эпохи бронзы, свидетельствующий о наличии как долговременных стационарных поселений, так и недолговременных стоянок, относится ко времени XII/XIII—VII/VIII вв. н. э. и принадлежит бондарихинской культуре. Интересно, что ближайшее скопление синхронных памятников у с. Горналь в Суджанском районе относится уже к иной, сосницкой археологической культуре. Так же как и памятники неолита, поселения бондарихинской культуры тяготеют к островам первой террасы в пойме, причем с современным течением Псла связываются лишь немногие, а основное количество ориентировано на старицы и пойменные озера, как, например, поселения Гочево 3, 4, Пенские пески.

На этом фоне памятники раннего железного века отличаются от предшествующих и по топографии (городища), и по количеству (их гораздо меньше).

Однако первое тысячелетие оставило в рассматриваемом районе наибольшее количество памятников, принадлежащих ко всем известным на Днепровском лесостепном Левобережье археологическим культурам.

Благодаря подробной публикации результатов разведки микрорегиона в выпусках АКР, посвященных Курской области [Кашкин 1998, 2000], мы имеем возможность перечислить интересующие нас памятники, соотнося их с номерами, присвоенными в АКР. Список памятников, относящихся к первой—третьей четверти I тыс. н. э. (с севера на юг) насчитывает три десятка: р. Усланка, правый приток р. Псел, — Усланка; р. Туровка, правый приток р. Псел, — Воробьевка (АКР 649), Гридасово 1 (АКР 654), Гридасово 2 (АКР 655); участок течения р. Псел от с. Каменка до впадения р. Пена Песчаное (Белг. обл.), Гремячка (АКР 653), Кулига (Белг. обл.), Картамышево 1 (АКР 665), Картамышево 2 (АКР 666), Картамышево 3 (АКР 667), Шмырево 1 (АКР 688), Шмырево 2 (АКР 690); участок от впадения р. Пена до с. Гочево: Курочкино 3 (АКР 236), Гочево 1 (АКР 199), Гочево 2 (АКР 200), Гочево 3 (АКР 201), Гочево 4 (АКР 202), Гочево 5 (АКР 209); участок от с. Гочево до с. Стригослы: Гочево 7 (АКР 210), Гочево 10 (АКР 212), Гочево 11 (АКР 213), Гочево 12 (АКР 214), Стригослы 1 (АКР 250); р. Бобрава, левый приток р. Псел: Пенский (АКР 245), Бобрава 4 (АКР 195), Бобрава 3 (АКР 193), Бобрава 1 (АКР 194), Бобрава 5 (АКР 196), Бобрава 6 (АКР 197).

Памятники начала I тыс. н. э. принято называть позднезарубинецкими. Мы считаем это название неудачным, поскольку хронологический разрыв и существенные перемены, произошедшие в культуре населения, рассредоточившегося с «зарубинецкой прародины» после ее распада, достаточно велики, чтобы терминологически закреплять за разными явлениями лишь характеристику их как одного из этапов уже не существующей общности. Возможно, имеет смысл говорить о «позднезарубинецких» древностях. К их числу относятся поселения Гочево 7 и Богдановка, горизонты на пос. Картамышево 2 и Бобрава 3, отдельные объекты на поселениях Картамышево 1 и Гочево 3. Опорным памятником является Картамышево 2, где раскопано 10 жилых построек, 43 ямы и железоплавильный горн. В публикуемой

выше работе В. М. Горюновой рассмотрены категории бытового инвентаря, производственные характеристики железных изделий. Отмечен специфически производственный характер недолговременных поселений Гочево 7 и Бобрава 3. Высказана гипотеза о функциях так называемых горнах, как о сооружениях для науглероживания криц и цементации железа. Вопрос о нижней дате появления памятников типа Картамышева 2 пересмотрен в сторону омоложения (середина II в. н. э.). В связи с этим имеет смысл вернуться к гипотезе Г. А. Романовой о связях кладов римского серебра с путями, проторенными новым населением Днепровского Левобережья именно в это время. В конечном итоге можно сделать вывод о существовании в рамках рассматриваемой структуры памятников этнически однородного населения, представленного, возможно, одним коллективом, изменения материальной культуры которого носили эволюционный характер на протяжении II—III вв. н. э.

Памятники киевской культуры вплотную смыкаются с предшествующими как в хронологическом, так и в культурном отношении. Некоторые тенденции относительной хронологии определяются по комплексам с датирующими вещами. Так, поселение Гочево 1 в целом может быть отнесено к III в. н. э., ближе к его началу и середине [Тихомиров, Терпиловский 1990], оно монокультурно и содержит один строительный горизонт. Чуть более поздним временем датируются киевские объекты поселения Гочево 3, однако и они вряд ли выходят за границы III в. н. э. Две полуземлянки киевской культуры на Гочеве 4 также датируются второй половиной III в. и выше. Киевские памятники Гочево-ского комплекса как бы «сползают» постепенно на юг вдоль старого русла Псла, занимая постепенно все более высокие останцы первой надпойменной террасы. По-видимому, центральным пунктом долговременного обитания здесь было Гочево 3, но переотложенность горизонта киевского времени, многократно нарушенного последующими объектами, и образованный черноземом культурный слой, дающий зачастую «слепую» стратиграфию, не позволяет увидеть планиграфическую структуру поселения этого периода, заставляя проследивать ее лишь по заглубленным в материк объектам. Наши раскопы вскрыли в основном участок с киевскими хозяйственными ямами и двумя углубленными постройками. Гочево 1 — хуторок из двух жилых комплексов и хозяйственной зоны между ними — и Гочево 2 — комплекс, связанный с металлургией, — вынесены в низкую пойму, вероятно, в связи с пожароопасными занятиями их обитателей. Прекращение жизни на этих поселениях происходит без каких-либо следов драматической гибели или бегства обитателей — к моменту появления черняховских горизонтов Гочева 3 и 4 котлованы построек и ям предшествующего времени уже частично, но не полностью заплыли, что было использовано на Гочеве 3 при сооружении в таком углублении металлургической печи в черняховской постройке.

Вопрос о соотношении киевских и черняховских древностей может быть рассмотрен на материале черняховских горизонтов Гочева 3 и 4. Поздняя датировка этих поселений для Гочева 3 определяется в рамках IV в. н. э., ближе к его второй половине, а для Гочева 4 — и того позднее, второй половиной IV—началом V в. н. э. Авторам уже приходилось высказываться относительно отсутствия симбиоза между племенами киевской и черняховской культур в рассматриваемом районе Левобережья. К числу черняховских относятся не затронутые раскопками селища у с. Гридасово, Воробьевка—Туровец, Усланка, Пены. Обращает на себя внимание тот факт, что черняховские памятники, в отличие от киевских и более ранних, размещенных «кустами» небольших поселений, расположены на больших расстояниях друг от друга и занимают большую площадь.

В связи с этим встает вопрос о судьбе носителей киевской культуры — памятников, синхронных черняховским, в микрорегионе не выявлено (за исключением более позднего Песчаного, относящегося к самому концу V в.). Сопоставление с памятниками верховьев Дона типа Чертовицкого 3 городища и Седелок [Медведев 1998, Обломский, Терпиловский 1998а] показывает, что их появление в Подонье увязывается с оттоком киевского населения, в частности с Верхнего Псла, что документировано исчезновением памятников киевской традиции в микрорегионе Картамышево—Бобрава.

Колочинские памятники представлены одним большим (51 грунтовое погребение) могильником и рядом небольших поселений, представленных отдельными горизонтами на памятниках Картамышево 1, 3, Шмырево 2, Курочкин 3 и, возможно, Гочево 10. Могильник, во всяком случае датированная вещами ранняя его часть, относится к VI—начату VII в. н. э. Характерной, впервые исследованной его особенностью являются погребальные сооружения — оградки, ограничивающие место захоронения нескольких погребений. Преобладают (21 из 38 безурновых) неочищенные сожжения, часто сопровождаемые инвентарем, побывавшим в огне, фрагментированной керамикой и жертвенными сожжениями животных. Особую группу среди безурновых неочищенных погребений составляют сожжения в оградках, которые отличаются весьма значительной жертвой, захороненной в отдельной яме. Обычно это сожжение лошади, а иногда еще добавлены другие животные, в том числе присутствуют и кости медведя. Довольно значительный процент урновых очищенных от погребального костра сожжений является хронологическим признаком. Наличествуют архаичные обрядовые черты, роднящие данный памятник с предшествующей киевской культурой. Подклешевые погребения, ритуальные захоронения черепов, перевернутые вверх дном урны и пробитые намеренно отверстия для выхода души в дне или в нижней части сосуда, зафиксированные на могильнике, — все это довольно редкие, но постоянные черты для подавляющего большинства культур I тыс. н. э. Средней и Восточной Европы с обрядом погребения в виде трупосожжения.

Сложным является вопрос о том, где обитал коллектив, оставивший могильник. Исследованиями не обнаружено крупного поселения долговременного обитания, которое могло бы соответствовать такому могильнику. То же наблюдается для других колочинских погребальных памятников Курщины — Княжинских и Лебяжинских могильников. Возможно, небольшие поселения округи имели одно общее кладбище. В керамическом комплексе могильника отмечен высокий процент цилиндроконических форм, сближающий памятник с колочинскими древностями Подесеня. Отмечено и сохранение традиций черняховской лепной посуды (тип III-2), причем в не самых ранних женских погребениях.

бениях. Немногочисленные металлические предметы, сохранившиеся в погребениях, позволяют сопоставить личный убор похороненных в Картамышевском могильнике с традиционным для «древностей антов», финальный этап развития которого зафиксирован в отложившихся в несколько более позднее время кладах. Из них наиболее близок территориально Суджанский клад середины VII в. н. э. Реконструкция парадного женского убора из Суджи позволяет говорить о сохранении традиционного для восточных германцев двухфибульного набора, в состав которого также входят гривны, пластинчатые и проволочные подвески ожерелий разных типов, головные венцы и большие височные кольца. Мужские пояса украшались системой прорезных геральдических накладок и подвесных ремней с металлическими наконечниками. Это — общая мода, распространенная, судя покладам, в Среднем Поднепровье и Днепро-Донской лесостепи в середине VII в.

Колочинские древности Верхнего Псла, так же как и во всем ареале культуры, несомненно, связаны происхождением с древностями киевского типа, воспроизводя, однако, в керамике, костюме и погребальном обряде (И. В. Зиньковская) значительное число черт, характерных для поздних памятников черняховской культуры. В нашем микрорегионе непосредственной преемственности между хорошо представленным пластом киевских памятников, доживающих до IV в., и колочинскими, не прослеживается, наблюдается и хронологический разрыв между ними. В отличие от Подесеня, где многократно зафиксировано перерастание киевской культуры в колочинскую в рамках одного долговременного поселения, на памятниках Картамышева—Бобравы таких случаев нет, население осваивает удобные и часто заселенные в прошлом, но необитаемые к моменту возникновения колочинских поселков места на песчаных дюнах поймы Псла.

Следующий культурно-хронологический горизонт, сахновско-волынцевский, представлен древностями волынцевского типа, хотя в Картамышевском могильнике есть, по-видимому, поздние погребения с сосудами вида V, которые, как и несколько ям на поселении Курочкин 3, можно связать с появлением на колочинских памятниках пласта чисто сахновских элементов. Однако поселения с характерной лощеной волынцевской керамикой возникают (Бобрава 5, Гочево 3) на других местах. Поселение Гочево 3, последний горизонт которого относится именно к классической волынцевской культуре с домами-землянками, значительно углубленными в материк, печами в останцах и глубоких подбоях, с характерным набором развитых форм лепной и характерных унифицированных форм гончарной керамики с прямым высоким венчиком, дало выразительный комплекс этого времени потому, что было в спешном порядке покинуто обитателями. Причины бегства жителей, бросивших в печах горшки с нагаром невостробованной пищи (жилища 3, 4), неясны, т. к. внутренняя стратиграфия построек говорит о том, что они не горели, долго стояли под крышами, заплывали грязью, в них гнездились животные (семейство черепах было погребено под рухнувшей наконец земляной крышей жилища 4). По-видимому, запустение Гочева 3 нужно связывать с теми же причинами, что и драматическую гибель Битицкого городища, центра волынцевской культуры Левобережья. В непосредственной близости разведками зафиксировано небольшое пойменное селище Гочево 6 с лепной роменской керамикой. Группа роменских поселений, тяготеющая к городищу Крутой Курган, фиксируется на высоком правом берегу р. Псел, а на левом берегу напротив городища, в непосредственной близости от Курочкина 3 с волынцевскими объектами, появляются Курочкинское городище и еще одно роменское поселение. К сожалению, ни одно из роменских поселений рассматриваемого микрорегиона не исследовано так, чтобы датировать его более определенно, чем в целом IX—началом XI вв. Поэтому долгое запустение Гочева 3 может свидетельствовать о том, что роменское поселение Гочево 6 возникло уже после археологизации покинутых построек Гочева 3 (20—30 лет), но не исключена и вероятность того, что разрыв между ними не был столь велик, а волынцевское поселение было покинуто и не посещалось в результате эпидемии или другой, неуловимой для нас, но значимой для современников, причины.

С IX в. следует связать изменение русла Псла в районе с. Гочево и превращение в старичное озеро того его участка, к которому были привязаны памятники Гочево 1—6. После этого времени освоенные ранее участки поймы и останцы первой террасы заустевают вплоть до древнерусского времени, отдельные древнерусские находки зафиксированы на Гочеве 1 и 3. Как отмечалось ранее на материалах других комплексов роменских памятников (А. В. Кашкин, А. И. Узанов — Горналь, А. В. Григорьев — бассейн Тускари), освоение высокого правого берега реки связано не с изменением, а с расширением топографии поселений, вызванным не только развитием хозяйства, но и значительным увеличением численности населения, осваивающего микрорегион. Судьба центрального поселения такого микрорегиона могла быть различна. Если Горнальское городище так и не превратилось в городской центр, то роменское Гочевское городище Крутой Курган трансформировалось в древнерусское время в один из крупных опорных пунктов на пути из Киева в Булгар, с этнически неоднородным, как это и характерно для раннесредневекового города, составом населения.

В заключение хочется еще раз определить этапы освоения верховьев Псла в I тыс. н. э. и охарактеризовать причины изменения поселенческих структур. На материале микрорегиона Картамышево—Бобрава прослеживается несколько периодов эволюционного развития, перемежающихся сменой населения. Первый период (II—IV вв. н. э.) связан с появлением здесь постзарубинецкого населения, которое осваивает микрорегион, создавая, в частности, структуру небольших поселков выраженного производственного характера на песчаных дюнах низкой поймы Псла. Культура этого периода развивается последовательно, относительная хронология поселений позволяет проследить постепенную трансформацию от постзарубинецкой культуры к культуре киевского типа. Памятники имеют один строительный горизонт позднеримского времени, застройка небольших хуторков типа Гочева 2, 7, Бобравы 3 образована жилыми усадьбами, разделенными хозяйственными зонами. Причины оседания населения в микрорегионе определяются его привязкой к древнему водному Днепро-Донскому пути, направление которого указывают культурные связи с сарматским миром. По-видимому, именно по этому пути происходит отток киевского населения, выразившийся в прекраще-

нии жизни на поздних киевских поселениях перед появлением на них построек черняховской культуры второй половины IV—V в.

Черняховское население появляется на Верхнем Псле на самом последнем этапе существования культуры, уже в гуннское время. Сюда мигрирует, судя по комплексам Жигайловки и Большого Каменца, социальное и культурное ядро разрушенной готской державы. Гочевские поселения черняховцев, конечно, не были резиденциями вождей, здесь жили, в частности, металлурги. Одна из конкретных причин, притягивавших население в район Картамышева—Бобравы — доступность рудного сырья. Не случайно на протяжении всего I тыс. здесь на поселениях встречены объекты, связанные с металлургией железа и сопутствующей обработкой бронзы.

Колочинские памятники появляются в микрорегионе в VI в., причем, несмотря на безусловную преемственность между киевскими и колочинскими древностями, в данном конкретном случае последние принадлежат населению, не связанному генетически с обитавшими в первой половине I тыс. н. э. носителями киевской культуры. Скорее в их составе можно обнаружить потомков черняховского населения микрорегиона, смешавшихся с пришельцами из Подесень и внесших германские черты в погребальный обряд, костюм, керамику.

Колочинская культура Верхнего Псла переживает вместе со всем Средним Поднепровьем в середине—третьей четверти VII в. крупное потрясение, выразившееся в выпадении антских кладов, не приведшем однако, к гибели культуры или значительному оттоку населения. Продолжают функционировать могильники, на которых на рубеже VIII в. появляются погребения с сахновской керамикой (в нашем микрорегионе — Картамышево 2), сахновские объекты на поселениях. Ситуацию VI—VIII вв. можно сравнить с той, что имела место в первой трети I тыс. н. э. — культура испытывала трансформацию под влиянием культурного и переселенческого импульса с запада, а не смену основных компонентов. В конце VIII—IX в. рассматриваемый регион включается в зону воздействия восточного, салтовского, влияния, которое «транслируется» из укрепленного волынцевского центра — Битицкого городища. Загадочное запустение Гочева 3 маркирует прекращение непосредственного вхождения региона в круг волынцевских древностей. Незнание романских памятников микрорегиона не позволяет судить об интенсивности и продолжительности сохранения «волынцевского импульса» в романской культуре, судя по керамике Горналя, они могли быть весьма значительными.

Почти полное изменение структуры расселения в микрорегионе приходится на романский период. Этому имеется ряд демографических, экономических и палеогеографических причин (изменение русла Псла «обезвоживает» пойменные памятники Гочево 1—6). Раскрыть их до исследования в микрорегионе памятников конца I тыс. н. э. не представляется возможным. Такие исследования, несомненно, должны быть увязаны с изучением развития микрорегиона в древнерусское время, когда на одном из романских городищ возникает городская структура с укрепленным центром, посадом и огромным языческим некрополем.

Литература

- Гавритухин, Обломский 1996: Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Григорьев 2000: Григорьев А. В. Северская земля в VIII—начале IX века по археологическим данным. Тула.
- Енуков, Енукова 1995: Енуков В. В., Енукова О. Н. Курганы у дер. Артошково на Сейме // Деснинские древности. Сб. м.-лов межтос. науч. конф. Брянск.
- Журавлев, Обломский и др. 2003: Журавлев О. А., Обломский А. М., Приймак В. В., Рудин Т. И., Терпиловский Р. В. Раннеславянский курганный могильник у с. Бездрик // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Суми.
- Зиньковская 2000: Зиньковская И. В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж.
- Казанский 1997: Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб., Кишинев.
- Кашкин 1998: Кашкин А. В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1.
- Кашкин 2000: Кашкин А. В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 2.
- Кашкин., Узанов 1992: Кашкин А. В., Узанов А. А. Физико-географическая основа формирования микрорегионов археологической культуры в русской лесостепи // Теория и методика археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Любичев 2000: Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков.
- Ляпушкин 1961: Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 104. М.; Л.
- Максимов, Терпиловский 1993: Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Киевская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э.—первой половине I тыс. н. э. М.
- Медведев 1998: Медведев А. П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н. э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.
- Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы.
- Обломский 1996: Обломский А. М. Среднее Посеймье в позднеримское время: Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 4.
- Обломский 1997: Обломский А. М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. 1. М.
- Обломский 1999: Обломский А. М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.
- Обломский 2002: Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III—первая половина V в. н. э.). // Раннеславянский мир. 5. М.
- Обломский, Терпиловский 1991: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Обломский, Терпиловский 1998: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Попово—Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры // *Acta Universitatis Lodzensis (Folia Archaeologica)*. 22. Lodz.

Обломский, Терпиловский 1998a: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеаримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // *Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий*. Липецк.

Приймак 1994: Приймак В. В. Територіальна структура межиріччя середньої Десни і середньої Ворскли VIII—поч. IX ст. Суми.

Русанова, Тимошук 1984: Русанова И. П., Тимошук Б. О. Кодын-славянские поселения V—VIII вв. М.

Славяне Юго-Восточной Европы 1990: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.

Сухобоков 1992: Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст. Київ.

Сухобоков, Юренко 1993: Сухобоков О. В., Юренко С. П. Битицьке городище VIII—IX вв. н. е.: Перспективи вивчення // *Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі*. Суми.

Сухобоков, Юренко 1993a: Сухобоков О. В., Юренко С. П. Новое в изучении памятников волынцевского типа // *Славянская археология: этногенез, расселение и духовная культура*. М.

Терпиловский 1984: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья. Киев.

Терпиловский 1985: Терпиловский Р. В. Киевская культура // *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев.

Терпиловский, Абашина 1992: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев.

Тихомиров, Терпиловский 1990: Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.

Томашевский, Гавритухин 1992: Томашевский А. П., Гавритухин И. О. Славянское поселение Тетеревка I. Киев.

Узянов 1993: Узянов А. А. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // *Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы*. М.

Щеглова 1986: Щеглова О. А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // *КСИА*. 187. М.

Щеглова 1987: Щеглова О. А. Волынцевский горизонт поселения Вовки // *КСИА*. 190. М.

Щеглова 1990: Щеглова О. А. О двух группах древностей антов в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.

Д. В. Акимов, А. П. Медведев

Памятники типа Чертовицкого городища III на Верхнем Дону¹

Памятники второй четверти—середины I тыс. н. э. на Верхнем Дону открыты сравнительно недавно — лишь в начале 90-х гг. XX столетия. Тем не менее, они почти сразу же привлекли к себе пристальное внимание специалистов по раннеславянской археологии в России и на Украине. К настоящему времени раскопками исследовано около двух десятков поселений и городищ. Большая часть из них уже опубликованы как в виде отдельных статей [Медведев 1996; Бессуднов, Обломский 1996; Акимов, Медведев 1999], так и в специальном издании «Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э.», вышедшем в Воронеже в 1998 г. Полученные за десятилетие раскопок материалы позволяют сделать некоторые, пусть самые предварительные обобщения и определить место этих памятников в системе синхронных восточноевропейских древностей.

Верхнедонские памятники переходной эпохи от Древности к Средневековью сейчас подразделяются как минимум на два типа, названных по эпонимным поселениям: типа Чертовицкого городища III и типа Каширки II [Обломский 1997; Медведев 1998а: 8—10; Обломский 1999: 128—133]. Основанием для их разделения послужили явные культурные различия, проявившиеся в особенностях домостроительства, топографии, но прежде всего в составе керамического комплекса. Памятники типа Каширки II в последние годы специально изучает А. М. Обломский [Бессуднов, Обломский 1996; Обломский 1998; Обломский, Терпиловский 1998; Обломский 1999]. В нашем же докладе речь пойдет, пожалуй, о наиболее сложных в этнокультурном плане памятниках типа верхнего слоя Чертовицкого городища III, которые были исследованы Скифо-сарматским отрядом археологической экспедиции Воронежского госуниверситета начиная с 1989 г.

Интересующие нас древности представлены как городищами, так и неукрепленными поселениями. Среди первых помимо эпонимного можно назвать Подгоренское городище [Медведев 1996], среди вторых — поселения Староживотинное 3 [Акимов 1998], Замятино 5 и 8 [Бирюков. Отчеты за 1995, 1997—2000 гг.; Обломский. Отчеты за 1998—2000 гг.]. Городища, как правило, находятся на высоких (до 40 м) мысах коренного берега р. Воронеж, открытые поселения — на слабовозвышенных участках поймы или на краю первых надпойменных террас. Как показали полевые исследования, бытовые памятники типа Чертовицкого городища III чаще всего находятся на тех же местах, где ранее находились поселения предшествующего сарматского времени I—III вв. н. э.

Жилища на поселениях типа Чертовицкого III представлены преимущественно полуземлянками квадратной или прямоугольной формы (рис. 1). Сразу отметим, что большинству из них присущи характерные признаки построек киевской культуры. Так, 8 из 13 построек были квадратной в плане формы, в 4 постройках имелся центральный столб (рис. 1, 2, 5), в одной открыта печь-камин, врезанная в материковую стенку котлована (рис. 1, 4). Очаги и — реже — печи располагались по центру или в углу сооружения. В то же время, некоторые из жилищ находят аналогии среди полуземлянок черняховской культуры Верхнего и Среднего Поднестровья и, отчасти, Среднего Поднепровья. Их признаки — та же квадратная форма, глиняные печи в углу, а также печь, возведенная с применением камня (рис. 1, 3). Лишь в одном случае на памятниках чертовицкого типа встречена наземная столбовая постройка (Замятино 5).

Для культурно-хронологической атрибуции памятников типа Чертовицкого городища III особое значение имеют остатки каменного сооружения, врезанного во внутренний склон его вала (рис. 1, 1). Оно представляло собой двухкамерную постройку размерами 3×4 м, в основание которой были уложены нетесанные известняковые камни. Сооружение разделялось на две примерно равные части поперечной стеной, в центре которой находилась глинобитная печь округлой в плане формы. Внутри нее под завалом печного свода обнаружен раздавленный сосуд типа, весьма характерного для второй четверти—середины I тыс. н. э. (рис. 2, 1). По всем конструктивным признакам описанная чертовицкая постройка обнаруживает практически полную аналогию укреплениям из камня на черняховском городище Башмачка в Нижнем Поднепровье.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по гранту № 03-01-002.

Керамический комплекс памятников типа Чертовицкого городища III весьма своеобразен (рис. 2; 3). В культурном слое и постройках обнаружены очень немногочисленные образцы черняховской гончарной посуды (рис. 3, 13—16). Однако основу керамического комплекса памятников чертовицкого типа составляет груболепная керамика, близкая некоторым киевским и черняховским типам сосудов. В то же время необходимо отметить, что помимо посуды, имеющей прототипы в среднеднепровской культурной традиции, на всех без исключения городищах и поселениях этого типа присутствуют горшки, типичные для верхнедонских поселений предшествующего сарматского времени первых веков нашей эры. Речь идет об относительно крупных сосудах, отличительным признаком которых является раструбовидное горло, образующее в месте соединения с туловом подчеркнутое изнутри ребро (тип III по А. П. Медведеву) (рис. 2, 5, 6; 3, 3, 7). Обычно их венчик орнаментирован косыми насечками, реже — редкими ромбовидными вдавлениями. Об их бытовании и во второй четверти—середине I тыс. н. э., на наш взгляд, свидетельствуют типичные сарматоидные по форме, но груболепные по фактуре сосуды, найденные, в том числе, и в жилищах с материалами позднеримского и гуннского времени. В плане этнокультурной оценки верхнедонских памятников типа Чертовицкого городища III имеет принципиальное значение отношение именно этого типа керамики к изучаемому горизонту. Надо признать, что здесь мнения исследователей разделились. Как считают А. М. Обломский и И. Е. Бирюков, горшки III типа попадали в этот горизонт случайно, из нижних слоев, оставленных позднесарматским населением. Авторы же на основании многочисленных наблюдений склоняются к мысли, что этот тип горшков мог быть составной частью керамического комплекса обитателей верхнедонских поселений и в III—V вв. Хотя стратиграфически это пока надежно доказать не удалось, тем не менее показательно, что груболепные формы сосудов III типа встречаются даже в наиболее поздних постройках Чертовицкого городища III, например, в постройке 14 (рис. 2, 5). Известны они и на средневожских памятниках типа Лбища, которые вряд ли можно датировать ранее IV в., а скорее всего, концом IV—V в. К этому вопросу мы еще вернемся. Отметим, что, судя по последним раскопкам А. М. Обломского, рассматриваемый керамический тип присутствует и в слое относящегося к IV—V вв. верхнедонского поселения Замятино 8, где не обнаружено материалов первых веков.

Другие вещевые находки с памятников чертовицкого типа представлены в основном бытовыми предметами: глиняными пряслицами, грузилами для ткацких станков, железными ножами, крупными рыболовными крючками (рис. 4, 13, 14), железными поясными пряжками (рис. 4, 3—5), а также украшениями и другими изделиями (рис. 4). Пряслица в основном имеют биконическую форму, иногда с углубленными воронковидными основаниями (рис. 4, 11, 12, 16, 17). Некоторые из них украшены по ребру вдавлениями или каннелюрами (рис. 4, 16, 17), что нередко встречается в черняховской культуре. Обращают на себя внимание граненые пряслица с Животинного городища и из поселения Староживотинное 3 (рис. 4, 10), аналогичные черняховским изделиям. Для памятников типа Чертовицкого городища III также характерны конические грузила для ткацкого станка (рис. 4, 15), хотя встречаются и пирамидальные. Некоторые из них имеют небольшое углубление в верхнем основании. В постройке 17 III Чертовицкого городища обнаружен набор конических грузил из 36 экземпляров. Из украшений изредка встречаются пастовые и стеклянные позднеантичные бусины округлой или бочонковидной формы (рис. 4, 6—8), к сожалению, не имеющие узкой датировки. Из предметов вооружения найдены железные трехлопастные черешковые наконечники стрел гуннских типов: один на Чертовицком городище III (рис. 4, 1) и один на поселении Староживотинное 3 (рис. 4, 2).

В настоящее время на Верхнем Дону кроме бытовых памятников чертовицкого типа известны и погребальные. Так, на площади Чертовицкого городища III, в его пределах, но несколько в отдалении от поселения второй четверти—середины I тыс., одним из авторов открыт небольшой могильник с сожжениями, по основным характеристикам близкими раннекиевской погребальной традиции [Медведев 1998: 53—54]. Кремации были совершены на стороне, вблизи могильника, в котловане заброшенной постройки. Отдельные кальцинированные кости помещались в небольшие несохранившиеся «емкости» и погребались в неглубоких округлых или овальных ямах. Другой, явно более поздний могильник, содержащий только трупоположения, в 80-е гг. был открыт на площади Животинного городища. Датирующие вещи из погребений позволяют отнести его к концу IV—V в. н. э.

Хронология древностей типа Чертовицкого III также является предметом дискуссий. Так, А. М. Обломский, основываясь преимущественно на находках с поселений у села Замятино и привлекая материалы из Чертовицкого городища III и поселения Староживотинное, настаивает на их поздней по отношению к древностям типа Каширка 2 дате. Если последние он датировал второй половиной III в., то появление памятников типа Чертовицкого III относит к периоду не ранее конца IV—V в., то есть уже к гуннскому времени. При этом между указанными типами памятников у него обозначился hiatus — почти весь IV в. На наш взгляд, все же есть некоторые свидетельства в пользу удревнения поселений чертовицкого типа, по крайней мере до III в. н. э. Речь идет о ритуальном сожжении под валом Подгоренского городища и о комплексе находок из постройки 3 Чертовицкого III городища. В обоих случаях обломки характерной керамики и вещи второй четверти I тыс. н. э. встречены в комплексе с другими датирующими находками финала позднесарматской культуры Верхнего Подонья. Все это и дает основание опустить нижнюю хронологическую границу памятников типа Чертовицкого III городища в первую половину—середину III в. н. э.

Вопрос об этнокультурной принадлежности чертовицких памятников также весьма далек от разрешения. С одной стороны, имеются весьма существенные свидетельства миграции (а скорее — нескольких волн миграций) различных групп населения из западных (относительно Подонья) областей. В результате этого мы наблюдаем явление переноса части культурного комплекса киевской и черняховской культур на Верхний Дон и р. Воронеж. Точно локализовать исходную территорию или территории миграций пока сложно, хотя таковыми могут быть ареалы сейминско-донецкого и деснинского вариантов киевской культуры, а также черняховские поселения Нижнего Поднепровья и Приднестровья. С другой стороны, в культуре населения III—V вв., оставившего памятники чертовицкого типа, от-

четливо проявляются культурные традиции местного «сарматоидного» населения, наиболее массово представленные в керамическом комплексе. Не исключено, что древности чертовичского типа сформировались в результате наложения различных групп пришлого киевского и черняховского населения на местный позднесарматский субстрат — культуру оседлых обитателей верхнедонских поселений, оставшихся после ухода отсюда кочевников, с которыми соотносятся памятники типа Ново-Никольского и Вязовского могильников.

Так же не ясен пока вопрос о последующей судьбе носителей древностей типа Чертовичского городища III. На Верхнем Дону достоверных материалов третьей четверти I тыс. н. э. пока не обнаружено. Зато керамические формы, типичные для верхнедонского бассейна, в том числе и специфические «сарматоидные» с растробовидным горлом III типа, как уже отмечалось, есть в керамическом комплексе памятников типа городища Лбище на Самарской Луке. По нашему мнению, вполне правомерно допустить, что они были «перенесены» из Подонья группами населения, расселившимися на северо-восток.

Открытие памятников типа Чертовичского городища III, как и поселений типа Каширка 2, свидетельствует о появлении в Подонье во второй четверти — середине I тыс. н. э. носителей комплексов отдельных культур «полей погребений», которые ряд исследователей связывает с этногенезом ранних славян, впрочем, некоторые ученые отрицают эту взаимосвязь [Славяне 1993: 195, 196]. Не считая себя вправе вступать в эту сложную дискуссию, мы все же хотели бы еще раз отметить следующее. С расселением на Верхнем Дону этих групп населения можно связать появление в регионе двух из ряда археологических признаков, признаваемых большинством археологов-славистов в качестве индикаторов культуры ранних славян: квадратных полуземлянок, в том числе и с печами, и обряда трупосожжения на стороне с последующим захоронением праха в ямах. Как это часто наблюдается при далеких миграциях, за время переселения и адаптации к новой среде обитания значительная часть их исконного этнокультурного ядра была утрачена или сильно трансформировалась. Видимо, именно это мы и фиксируем в комплексах поселений типа Чертовичского городища III. Причиной миграционного движения на восток как в Поднепровье, так и на смежных с ним территориях, послужили сложные этнокультурные и политические процессы начиная с готских войн и заканчивая гуннским нашествием.

Источники и литература

Бирюков И. Е. Отчет за 1995 г. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области за 1995 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчет за 1997 г. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области за 1997 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчет за 1998 г. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области за 1998 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчет за 1999 г. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области за 1999 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчет за 2000 г. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области за 2000 г. — Архив ИА РАН.

Обломский А. М. Отчеты за 1998 г. Отчет о раскопках поселения Замятино 8 Задонского района Липецкой области в 1998 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчеты за 1999 г. Отчет о раскопках поселения Замятино 8 Задонского района Липецкой области в 1999 г. — Архив ИА РАН.

Он же. Отчеты за 2000 г. Отчет о раскопках поселения Замятино 8 Задонского района Липецкой области в 2000 г. — Архив ИА РАН.

Акимов 1998: Акимов Д. В. Поселение Староживотинное 3 на р. Воронеж // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж. С. 157—168.

Акимов, Медведев 1999: Акимов Д. В., Медведев А. П. Поселение Староживотинное 3 на реке Воронеж // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (Тезисы докладов научной конференции). Липецк. С. 134—136.

Бессуднов, Обломский 1996: Бессуднов А. Н., Обломский А. М. Изучение археологических памятников на р. Семенек // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педагогического университета). Воронеж. С. 21—48.

Медведев 1996: Медведев А. П. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк. С. 111—121.

Медведев 1998: Медведев А. П. III Чертовичское городище (материалы первой половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж. С. 42—84.

Медведев 1998а: Медведев А. П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н. э. (Основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Там же. С. 4—18.

Обломский 1997: Обломский А. М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеермское время // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М. С. 235—246.

Обломский 1998: Обломский А. М. Находки позднеермского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж. С. 110—123.

Обломский 1999: Обломский А. М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеермское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (Тезисы докладов научной конференции). Липецк. С. 127—133.

Обломский, Терпиловский 1998: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеермского времени Днепровского левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж. С. 124—156.

Славяне 1993: Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э.—первой половине I тыс. н. э. М.

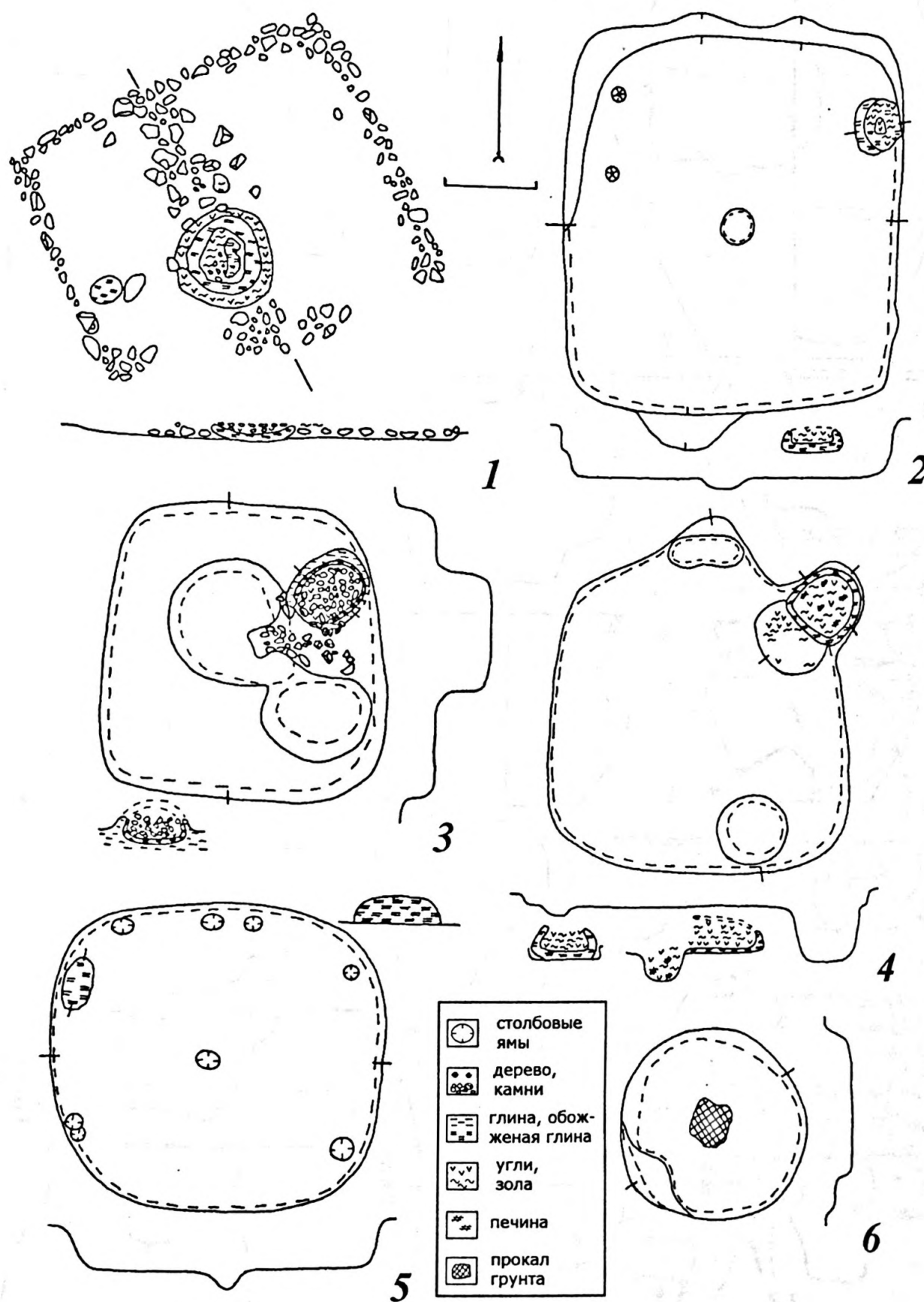

Рис. 1. Жилые и хозяйственные сооружения поселений типа Чертовичского городища III
 Чертовичское городище III: 1 — постройка 1; 2 — постройка 14; 3 — постройка 6; 4 — постройка 9; 5 — постройка 17;
 Поселение Староживотинное 3; 6 — «яма 9»

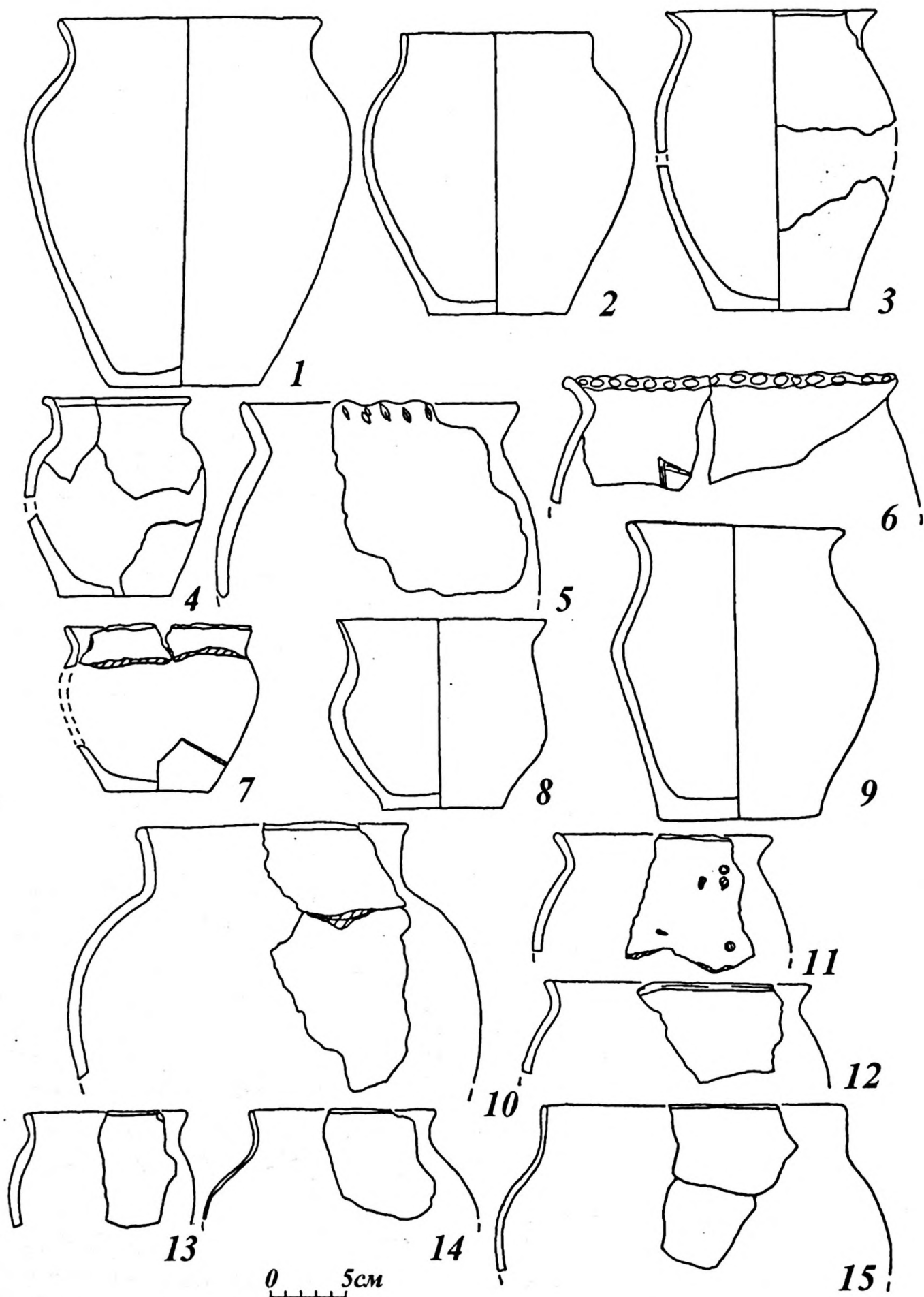

Рис. 2. Лепная керамика из построек и хозяйственных ям поселений типа Чертовичского городища III
 Чертовичское городище III: 1 — постройка 1; 2, 5, 6 — постройка 14; 3 — яма 9; 4, 13 — постройка 3; 7 — постройка 17;
 14, 15 — постройка 9; Поселение Староживотинное: 8 — яма 1; 9 — постройка 8; 11, 12 — «яма 9»;
 Подгоренское городище: 10 — яма 1

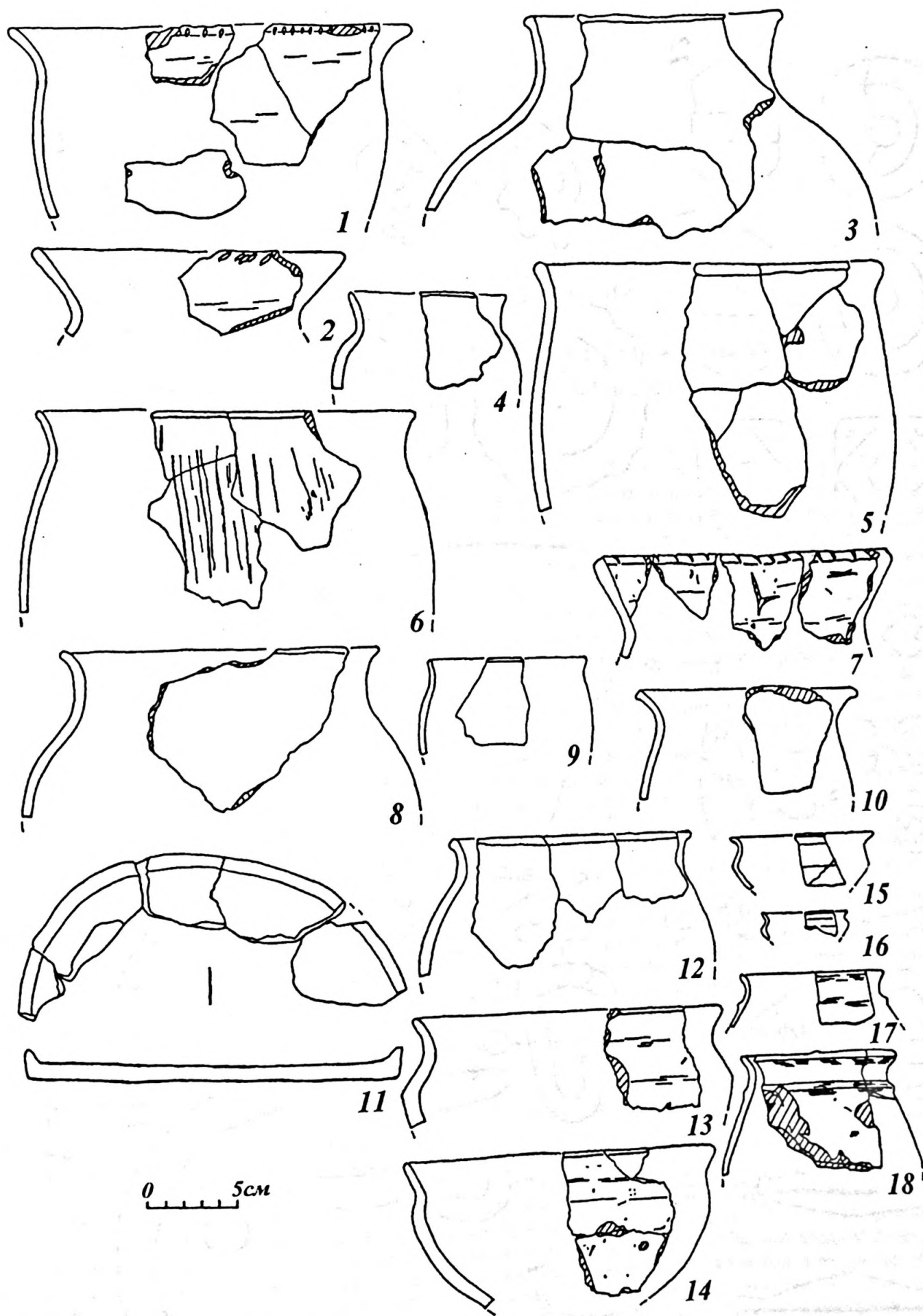

Рис. 3. Керамика поселений типа Чертовичского городища III
 Поселение Староживотинное 3: 1, 3 — скопление 3; 5, 7, 15, 17, 18 — слой; 10 — яма 40; 16 — яма 51;
 Чертовичское городище III: 2, 9, 12—14 — слой; 11 — яма 11; Подгоренское городище: 4, 6 — яма 3;
 8 — слой; 1—12, 17, 18 — лепная керамика; 13—16 — гончарная керамика

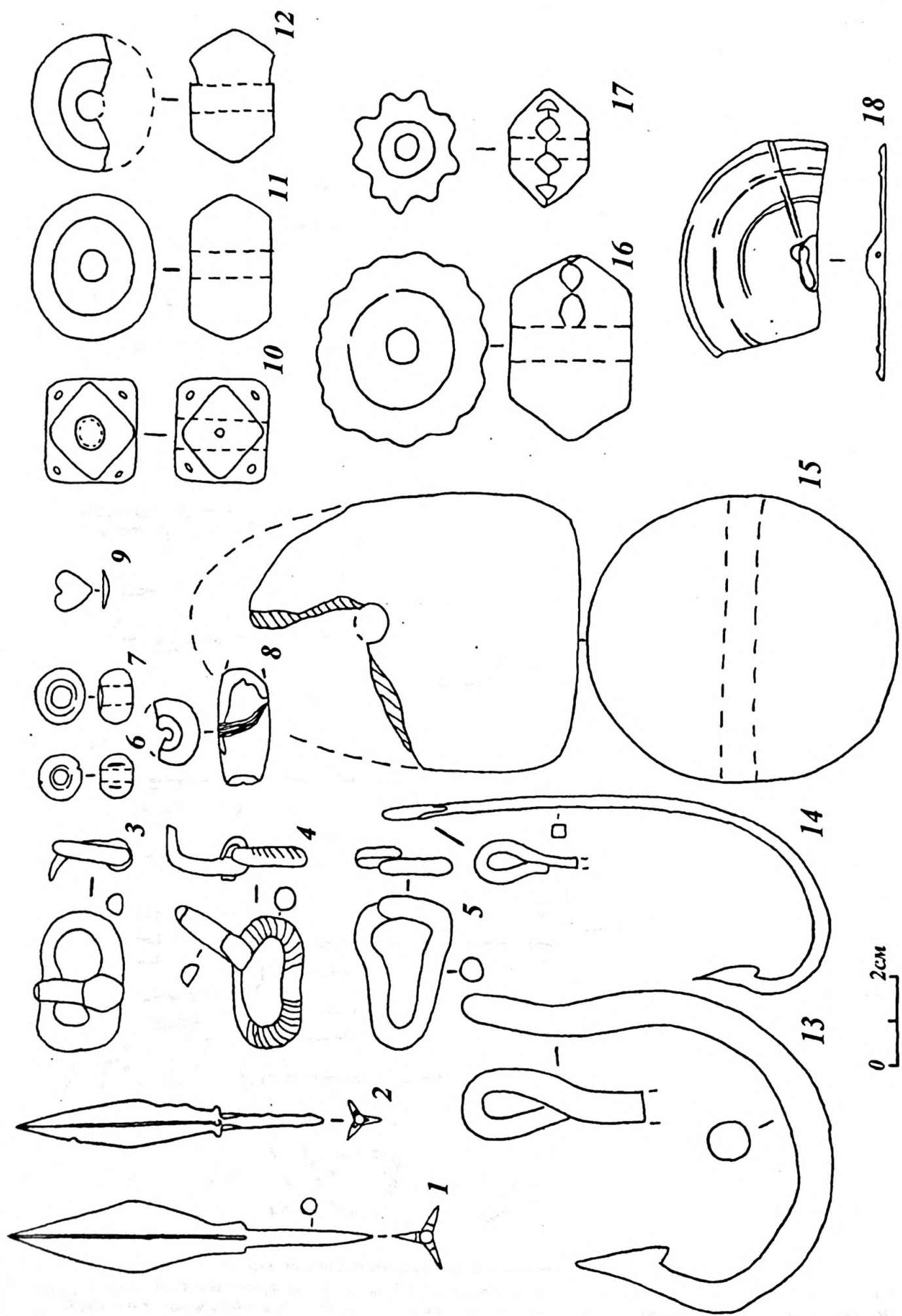

Рис. 4. Находки с памятников типа Чертовичского городища III

1, 3—5, 9, 11—15 — Чертовичское городище III; 2, 6—8, 10 — поселение Старожитинное 3; 16—18 — Подгоренское городище.
1—5, 13, 14 — железо; 6—8 — паста, 9 — стекло; 10—12, 15—17 — глина, 18 — бронза

Р. В. Терпиловский

Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья¹

Древнерусское городище в урочище Сампсониев Остров близ с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. издавна известно в литературе, однако о существовании тут раннеславянского поселения стало известно лишь благодаря работам Е. А. Горюнова, который в 1972 г. провел здесь небольшие раскопки. Сооружений этого периода найти не удалось, однако была получена серия образцов лепной посуды, сопровождавшаяся двумя фрагментами черняховской гончарной керамики и ручкой светлоглиняной амфоры. Материалы Сенчи заняли видное место в системе древностей Днепровского Левобережья, разработанной Е. А. Горюновым и отраженной в его известной монографии. Исследователь отнес соответствующий слой памятника к раннеколичинским древностям, сосуществовавшим с черняховской культурой около рубежа IV—V вв. [Горюнов 1981: 55—58]. Позднее эти находки неоднократно упоминались в литературе в связи с вопросами генезиса раннесредневековых славянских культур и обычно интерпретировались как переходные от киевской к количинской культуре [Этнокультурная карта 1985: 95; Терпиловский, Абашина 1992: 84, 173].

В 1990—1992 гг. совместной экспедицией под руководством Ю. Ю. Моргунова (Институт археологии РАН) и автора (Институт археологии НАНУ) были проведены широкомасштабные охранные раскопки многослойного памятника у с. Сенча, в результате которых раннеславянское поселение было исследовано практически полностью (вскрыто свыше 5,5 тыс. кв. м). Селище расположено на небольшом возвышении в пойме правого берега Сулы и отделено от коренного берега старицей. Часть объектов разрушена укреплениями и постройками эпохи Киевской Руси. Очевидно, участки культурного слоя и отдельные объекты, находившиеся в южной части памятника, были уничтожены при сооружении дамбы через пойму Сулы. Вероятно, площадь славянского поселения составляла около 1,5—2,0 га, однако недоступность для исследования участков, покрытых лесом, не позволяет считать эти цифры окончательными.

Особенностью культурного слоя (его мощность колеблется от 0,2 до 0,5 м) является то, что он перекрыт слоем аллювия и подстилается песчанистым материком с глинистой прослойкой. Границы объектов слабо фиксируются на уровне верхнего, песчанистого, слоя материка; отчетливо заметны лишь объекты, достигающие глинистой прослойки. В верхней части культурного слоя преимущественно встречена гончарная керамика эпохи Киевской Руси, славянская керамика тяготеет к его основанию. Находки эпохи бронзы и скифского времени единичны, они связаны в основном с верхней частью предматерика.

К раннеславянскому периоду относятся прежде всего многочисленные фрагменты лепной керамики, представленной в том числе несколькими скоплениями (рис. 1, 2). Кроме того, сюда же относятся отдельные обломки гончарной посуды черняховской культуры, 18 целых и фрагментированных глиняных пряслиц, два железных ножа, шило и стержень из серебряного сплава, глиняный «хлеб» и др. Особый интерес представляет «гуннская» трехлопастная стрела, вначале ошибочно принятая за древнерусскую.

Остановимся на характеристике исследованных объектов. Всего зафиксировано шесть славянских построек и около 340 хозяйственных ям, причем в большинстве их находки отсутствовали. Около 130 ям содержали в заполнении раннеславянские материалы и только некоторые — находки раннего железного века. Максимальная концентрация ям отмечена в юго-западной части славянского селища, перекрытой городищем (рис. 3). Плотность их расположения и нередкие случаи перекрытия ям свидетельствуют, что подобные погребения использовались недолго. Очевидно, края ям, вырытые в песчанистом слое материка, постоянно осыпались, после чего ямы оставляли, а рядом выкапывали новые, причем земля сбрасывалась в старый погреб. Очевидно, так образовывались многочисленные «цепочки» ям.

Хозяйственные ямы имели в плане преимущественно округлую или овальную форму. Их размеры в поперечнике от 0,6 до 1,8—2,1 м, глубина от 0,15 до 0,7 м от уровня материка. Стенки вертикальные или несколько расширяющиеся книзу, дно ровное.

¹ Работа выполнена при поддержке the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation/ Grant № 440/1999.

Постройками середины I тыс. н. э. были небольшие подквадратные полуземлянки с длиной стены 4,1—4,9 м, пол которых углублен в материк на 0,2 м. Три из них (7, 13, 15 по общей нумерации) неплохо сохранились — все они имеют яму центрального столба глубиной 0,22—0,50 м, размеры постройки 4,9×4,6—7,0 м. Места очагов не фиксируются, тем не менее можно предположить, что все исследованные сооружения представляли собой жилища (рис. 4). Из заполнения построек происходят фрагменты лепной керамики, а также единичные обломки гончарных черняховских сосудов (постройки 1, 3, 7), пряслица (постройки 7, 13, 15), обломок каменного оселка, костяные поделки, кости животных и др. (рис. 5, 6).

Хотя ряд участков на территории раннеславянского селища остался неисследованным, все же можно высказать некоторые соображения относительно его планировки. Максимальная концентрация объектов в юго-западной мысовой части поселения, вероятно, свидетельствует, что именно отсюда началось его развитие. Очевидно, тут находились наиболее ранние комплексы. Несколько позднее, видимо, началась застройка участков на север и восток от этого ядра, о чем говорит относительно редкое расположение здесь построек и ям. При нанесении на план ям-погребов складывается впечатление, что они в целом тяготеют к отдельным постройкам, а не располагаются хаотично.

В хозяйственных ямах кроме многочисленных обломков однообразной лепной посуды (рис. 7, 8) встречены единичные фрагменты черняховской гончарной керамики, железный нож, 12 биконических глиняных пряслиц, обломки льячек, каменные оселки, костяные тупики, кочедык и подвеска из позвонка крупной рыбы. Более детальные сведения об объектах и материалах из их заполнения содержатся в публикации [Терпиловский, Левченко 1994].

Остановимся подробнее на основных категориях находок. Коллекция лепной керамики середины I тыс. н. э. из Сенчи насчитывает несколько тысяч экземпляров. Почти вся посуда не орнаментирована: исключение составляют лишь несколько обломков, украшенных насечками по венчику или налепными валиками либо овальными налепами под венчиком (рис. 1, 1—5, 8). Обычная примесь к керамическому тесту — крупные или средние зерна шамота, изредка — дресвы. Основу керамического комплекса составляют лепные горшки и корчаги, причем в большинстве своем это кухонные горшки с диаметром венчика 12—22 см, часто со следами нагара. Всего учтено около трехсот фрагментов венчиков горшковидных сосудов, 34 обломка дисков (в том числе с утолщенным краем и невысоким бортиком) и лишь один фрагмент лепной ребристой миски, напоминающей черняховские гончарные изделия (рис. 8, 13).

Таким образом, горшковидные сосуды составляют около 90 %, а диски — 10 % керамического комплекса Сенчи. Распределение горшков и корчаг по формам довольно специфично. Следует отметить, что из-за незначительного количества целых форм и фрагментарности основной массы материала диагностирование керамики будет довольно-таки условным. Поэтому прибегать к вычислению процентного распределения здесь нецелесообразно. Можно лишь отметить основные тенденции, которые, на наш взгляд, будут выглядеть следующим образом. Преобладают сосуды с плавной линией корпуса и суженной горловиной, среди которых выразительные округлобокие формы составляют меньшую часть. В целом они близки к типам II и III типологии пеньковской керамики, причем основная масса соответствует варианту 2 типа II [Горюнов 1981: 72—73]. Им немного уступают ребристые горшки, в основном разные варианты биконических, близких к типу I, и немногочисленные цилиндро-конические. Затем следуют широкогорлые тюльпановидные и усеченно-конические формы (типы IV и V по Е. А. Горюнову). На первый взгляд, среди хорошо диагностированных обломков они занимают ведущее место. Однако это объясняется тем, что данные типы горшков легко определяются даже по небольшим обломкам венчиков. В то же время среди общего числа фрагментов верхних частей сосудов их процент не так уж значителен и не превышает 15 %. Не образуют серии также два миниатюрных сосуда с загнутым внутрь венчиком (рис. 1, 26; 7, 36).

С горизонтом середины I тыс. н. э. связаны также 16 фрагментов черняховских гончарных сосудов, пять из которых встречены в объектах, в том числе вместе с лепной керамикой (рис. 9, 1—12). Лишь два из них принадлежали шероховатым горшкам, остальные — столовым сосудам (мискам, вазам, кувшинам) с заглаженной или лощенной поверхностью. В культурном слое и яме 107 найдено пять фрагментов, принадлежащих типологически близким серолощенным кувшинам с коленчатой ручкой и биконическим туловом, орнаментированным по ребру овальными срезами или каннелюрами, а также отпечатками зубчатого колесика (рис. 9, 2, 4—6). Ряд обломков гончарных сосудов использовался как точильные бруски (обломок ручки кувшина и днище миски — рис. 9, 6, 9).

Из горизонта середины I тыс. н. э. происходит также ряд индивидуальных находок. Среди 30 пряслиц лишь одно имело черняховское происхождение: оно изготовлено из глины с мелкими примесями и отличается от славянских глубоко вдавленными торцами (рис. 9, 31). Почти все остальные изделия представлены уплощенно-биконическими пряслицами различных размеров и пропорций. Поверхность их в ряде случаев подлощена. До трети изделий орнаментированы, в том числе довольно сложными композициями. При этом использованы следующие мотивы: косые и прямые кресты, свастики, зигзаги и треугольники, а также бессистемные наколы (рис. 6, 4—6; 9, 26—30, 32).

Рассмотрев состав вещевого славянского комплекса из Сенчи, остановимся на вопросах культурно-хронологической принадлежности памятника. Формы горшкообразных сосудов имеют близкие аналогии в таких культурах второй—третьей четверти I тыс. н. э., как киевская, колочинская и пеньковская. Однако распределение тут типов горшков достаточно специфично. Так, Сенча существенно отличается от расположенного поблизости, в устье Удая, поселения Хитцы. В керамическом комплексе последнего выразительно доминируют биконические и сильнопрофилированные округлобокие формы. Гораздо реже, чем в раннепеньковском горизонте Хитцов, в Сенче встречены лепные миски (один случай), орнаментация горшков налепным валиком (три случая) и овальным налепом (два случая). В целом керамика Сенчи выглядит более архаично, чем керамика нижнего слоя Хитцов, в котором ярче представлены «северные» элементы. Неудивительно, что первоначально памятник относили к колочинскому кругу древностей.

С другой стороны, преобладание в комплексе Сенчи баночных горшков, присутствие тюльпановидных и цилиндрико-конических форм, единственная находка лепной миски сближают памятник с поздней фазой киевской культуры (Роище, Александровка I, Ульяновка). Важно подчеркнуть, что здесь прослеживаются традиции обеих деснинских групп — и типа Ульяновка, и типа Роище. От последних комплекс Сенчи отличается, в частности, меньшим количеством биконических форм. Заметна также связь Сенчи с раннеколичинскими древностями (Выгоры, Заярье), возникшими на основе памятников типа Ульяновка [Терпиловский 1984: 24, рис. 18, 30; Шекун, Терпиловский 1993: 18—20, рис. 17—19]. Тот же круг аналогий дают и такие признаки, как домостроительство, значительное количество ям-погребов, типы пряслиц и др.

В целом славянский комплекс Сенчи имеет весьма однородный характер, что позволяет предположить существование памятника на протяжении короткого промежутка времени, очевидно, порядка нескольких десятилетий. Выразительных датирующих вещей тут, однако, не встречено, если не считать отдельных фрагментов гончарной посуды и пряслица черняховского происхождения. Впрочем, приведенный выше круг аналогий определяет хронологические рамки его существования вполне отчетливо. Верхняя дата таких поселений, как Роище, Александровка I и Ульяновка, лежит в пределах первой половины V в. [Терпиловский, Абашина 1992: 82]. Нижний горизонт Хитцов Е. А. Горюнов датирует V—первой половиной VI в. [Горюнов 1981: 79]. На основании этих аналогий селище может быть датировано рубежом IV/V—серединой V в., чему не противоречат единичные находки черняховских вещей в сочетании со стрелой гуннского типа.

Таким образом, данный памятник обладает чертами как предшествующей киевской культуры, так и раннесредневековых количинской и пеньковской культур, что служит доказательством общности их происхождения. По всей видимости, материалы из Сенчи отражают начальный этап сложения пеньковской культуры на основе традиций переселившегося в лесостепь населения более северных территорий (возможно, Подесенья). Впрочем, судя по материалам более восточных территорий (Рябовка III, Занки), такой путь формирования пеньковской культуры, очевидно, был не единственным, на что обращал внимание еще Е. А. Горюнов. Не исключают его и современные исследователи, хотя конкретных материалов пока крайне мало.

По мнению О. И. Гавритухина и А. М. Обломского, возможно следующее объяснение специфики поселения Хитцы, керамический комплекс которого насыщен «северными» количинскими (или «архаичными киевскими») элементами. С их точки зрения, два типа комплексов в Хитцах (первого и второго этапов, по Е. А. Горюнову) могли быть оставлены двумя синхронно существовавшими группами населения со своими особыми чертами материальной культуры. Одна из них могла быть связана по происхождению с более северной количинской территорией, то есть в известной степени близка населению, жившему в Сенче. Другая группа, носители «собственно пеньковского комплекса», могла продвигаться в Посулье из региона, где в позднеримское время были распространены памятники среднеднепровской киевской традиции и контактные с ними черняховские типа Хлопков [Гавритухин, Обломский 1996: 119—120].

Такой вариант не исключен, однако, на мой взгляд, более прав Е. А. Горюнов, считавший, что развитие пеньковской культуры было направлено на изживание элементов, близких предыдущей киевской культуре, и на этой основе построивший свою периодизацию. Именно Сенчу можно поставить у истоков этого процесса.

Очевидно, лишь недоразумением можно объяснить утверждение О. М. Приходнюка о том, что материалы Сенчи «стали тем, недостающим ранее, переходным звеном, заполнившим хронологическую лауну, существовавшую ранее между древностями типа Сушков 2, пеньковского типа Роищ и количинскими типа Форостовичей» [Приходнюк 1998: 72]. Как бы это могло быть, если Сушки 2 датируются концом II—III в., Роище — второй половиной IV—первой половиной V в., а Форостовичи — III—IV вв.?!

Представляет интерес также проблема: сохранилось ли к моменту возникновения Сенчи в Посулье население черняховской культуры? Мне представляется, что, по крайней мере, большая часть этих земель была уже оставлена «черняховцами», вовлеченными в движение на запад событиями Великого переселения народов. Только этим можно объяснить крайнюю немногочисленность (хотя в Сенче их на порядок больше, чем в расположенных рядом Хитцах) находок черняховского происхождения. Очевидно, незначительные группы прежних обитателей лесостепи не оказали сопротивления северным племенам, продвигнувшимся на опустевшие территории.

Другой проблемой является существование границы между пеньковской и количинской культурами в Днепро-Донецком Левобережье. Е. А. Горюнов провел ее примерно через средние течения левых притоков Днепра: Сулы, Псла, Ворсклы [Горюнов 1981: 63]. Этот рубеж затем был уточнен в ходе детальных разведок на территории Сумской обл. Украины, Курской и Белгородской обл. России. Однако по обе стороны от границы наблюдается значительная инфильтрация элементов соседних культур. Например, материалы поселений Роище (жилище 10, 17) и Левкин Бугор в Подесенье демонстрируют переплетение количинских и пеньковских черт [Терпиловский 1984: 83]. На поселении Великие Будки (верховья Сулы) кроме количинских объектов выявлено раннепеньковское жилище [Горюнова, Родинкова 1999: 179—181].

Учитывая, что топография селищ и тип жилищ этих культур для Левобережья едины, сопоставим керамику этих комплексов. Во всех случаях формы ребристой посуды, в той или иной мере типичной для количинского и пеньковского керамического комплекса, немногочисленны. Заметное место принадлежит приземистым округлобким горшкам с максимальным расширением корпуса на середине высоты и с четко отогнутой наружу шейкой. Как отмечалось выше, некоторое количество тюльпановидных и цилиндрико-конических форм характерно для такого опорного памятника пеньковской культуры Левобережья, как Хитцы. Такие сосуды присутствуют и в указанных комплексах. Все это дает основание включить пространство от южной части Подесенья до верховьев Сулы и Псла в маргинальную зону между пеньковской и количинской культурами.

Необходимо отметить, что черты, роднящие обе эти культуры, наиболее четко выражены именно на ранних памятниках. Данное обстоятельство свидетельствует об общности их происхождения, а не об «обмене» этими чертами в результате продолжительных контактов. Напротив, со временем преобладающее развитие получают черты различия, а не сходства. Второй период пеньковской культуры, в отличие от первого, «северного», характеризуется активными связями с кочевническим миром и пражской культурой [Горюнов 1981: 81—82; Приходнюк 1985: 16—18].

Таким образом, материалы поселения Сенча отражают процесс формирования раннесредневековых славянских культур на основе киевских древностей позднеаримского времени. В ходе возникновения такого нового культурно-исторического явления, как пеньковская культура, в западной части Днепро-вского Левобережья происходит сложное переплетение традиций различных групп киевской культуры Подесенья, продвинувшихся в лесостепь. В гуннское время они осваивают новые земли, оставляемые черняховскими племенами. Предложенное Е. А. Горюновым видение хода сложения пеньковской культуры оказалось верным. За прошедшие 20 лет получены новые материалы, позволившие конкретизировать некоторые детали этого процесса. Очевидно, формирование пеньковских древностей шло по крайней мере двумя основными путями: они возникают на основе памятников типа Хлопков [Некрасова 1988] киево-черняховского пограничья, а также в результате продвижения на юг деснянских групп, свидетельством чего и является поселение Сенча.

Литература

- Гаври-тухин, Обломский 1996: Гаври-тухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. (Раннеславянский мир, вып. 3). 296 с.
- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепро-вского Левобережья. Л. 134 с.
- Горюнова, Родинкова 1999: Горюнова В. М., Родинкова В. Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. № 4. С. 167—219.
- Некрасова 1988: Некрасова Г. М. Поселення черняхівської культури Хлопків 1 на Київщині // Археологія. № 62. С. 70—76.
- Приходнюк 1985: Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы VI—VII вв. (пеньковская культура). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев. 34 с.
- Приходнюк 1998: Приходнюк О. М. Пеньковская культура (культурно-хронологический аспект исследования). Воронеж. 170 с.
- Терпиловский 1984: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев. 123 с.
- Терпиловский, Абашина 1992: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников Киев. 224 с.
- Терпиловський, Левченко 1994: Терпиловський Р. В., Левченко Д. І. Слов'янське поселення середини I тис. н. е. поблизу с. Сенча в Середньому Посуллі // ПАВ. № 2. С. 45—68.
- Шекун, Терпиловский 1993: Шекун А. В., Терпиловский Р. В. Памятники I в. до н. э.—VII в. н. э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов. 48 с.
- Этнокультурная карта: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. 184 с.

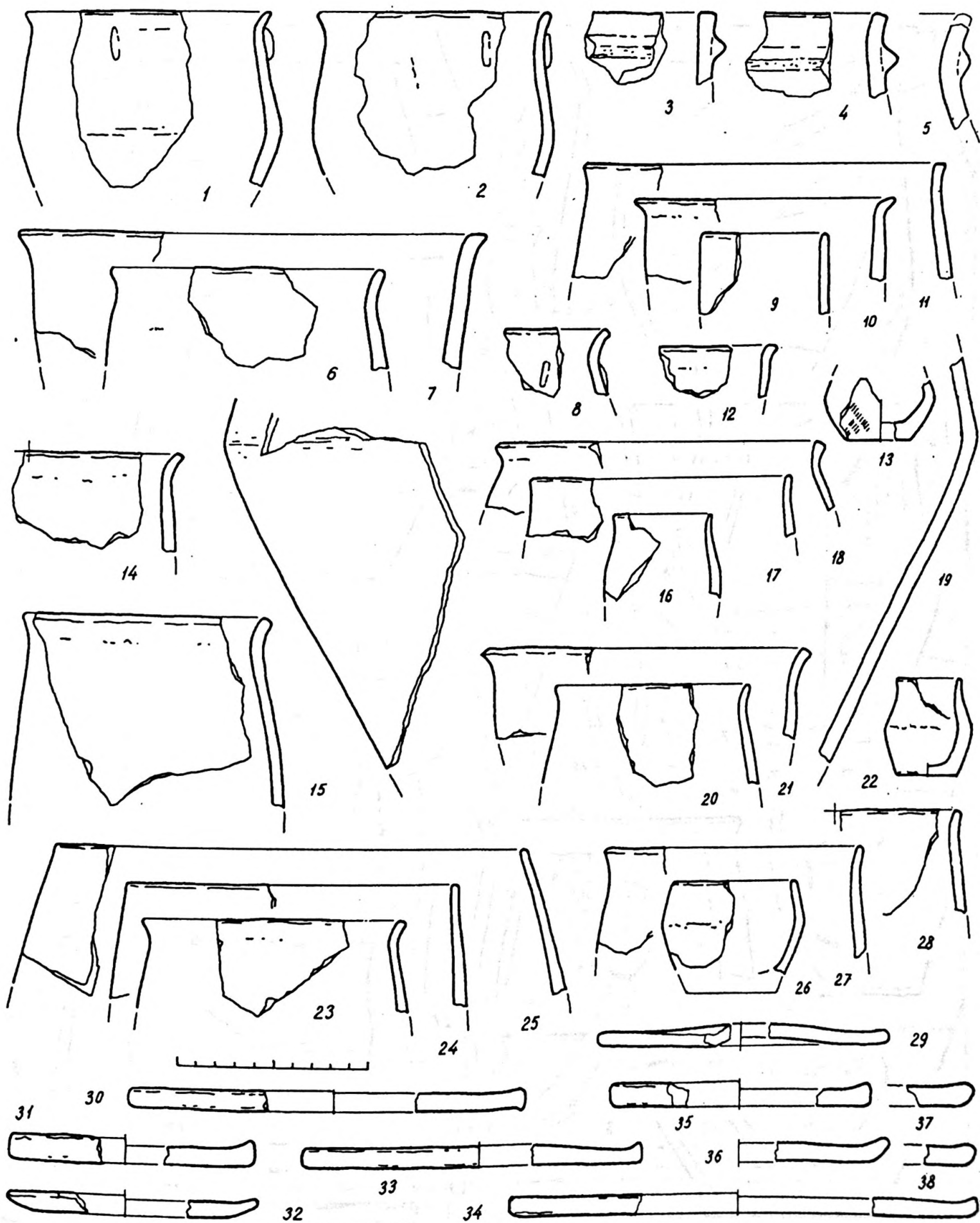

Рис. 1. Сенча. Лепная керамика из культурного слоя поселения

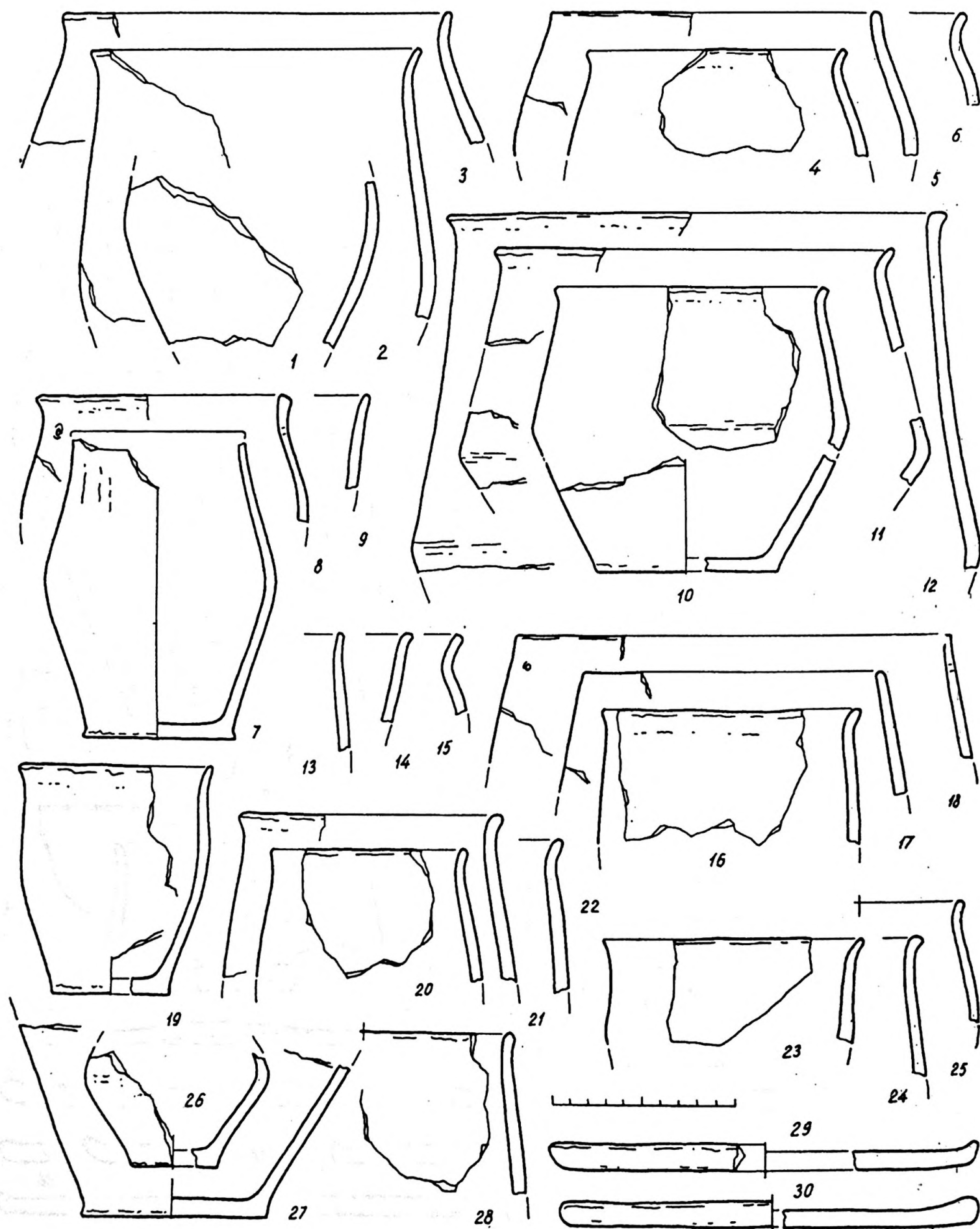

Рис. 2. Сенча. Лепная керамика из культурного слоя поселения

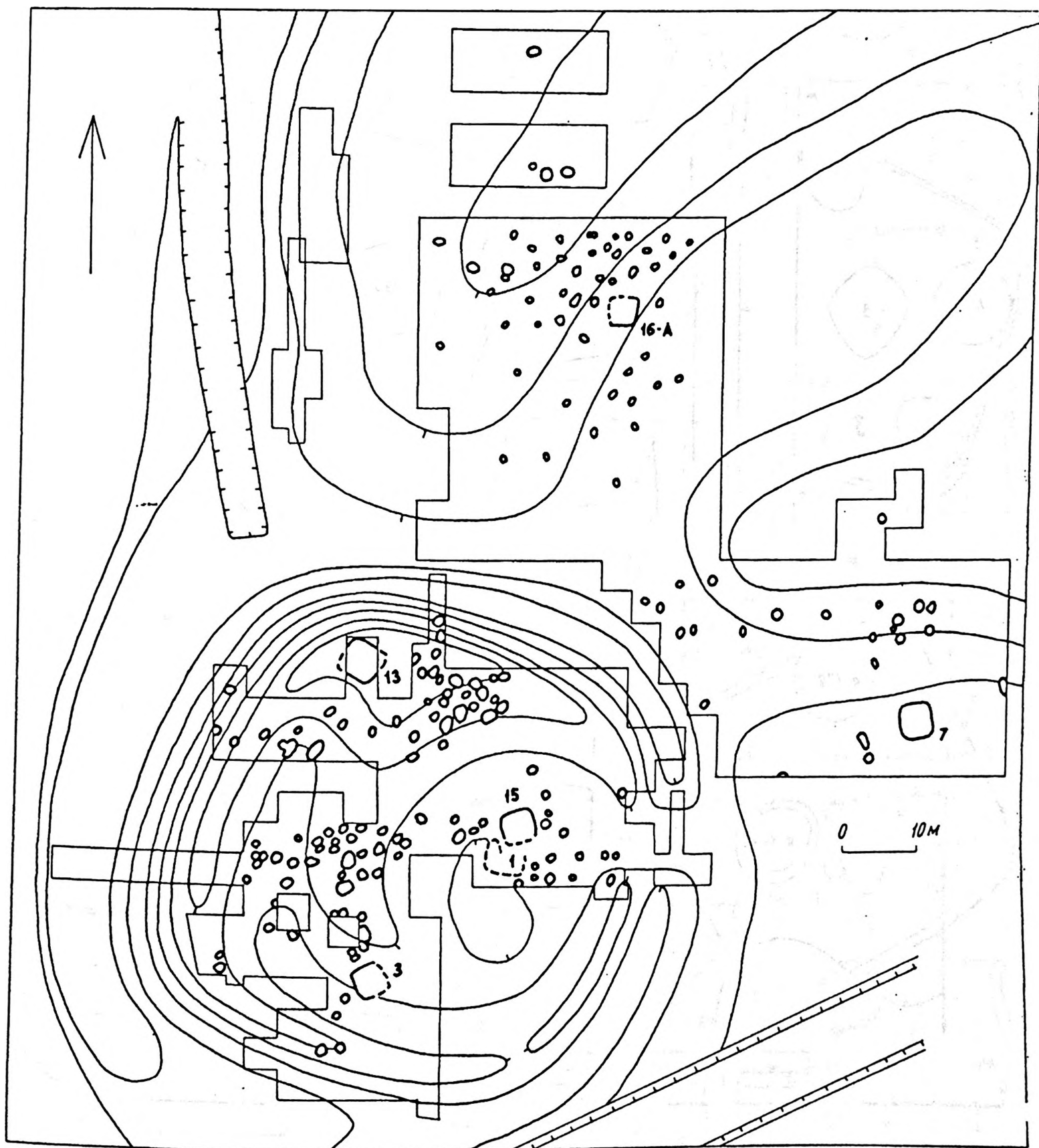

Рис. 3. Сенча. Схема расположения объектов середины I тыс. н. э. в раскопах
(в пределах городища указаны только ямы с находками)

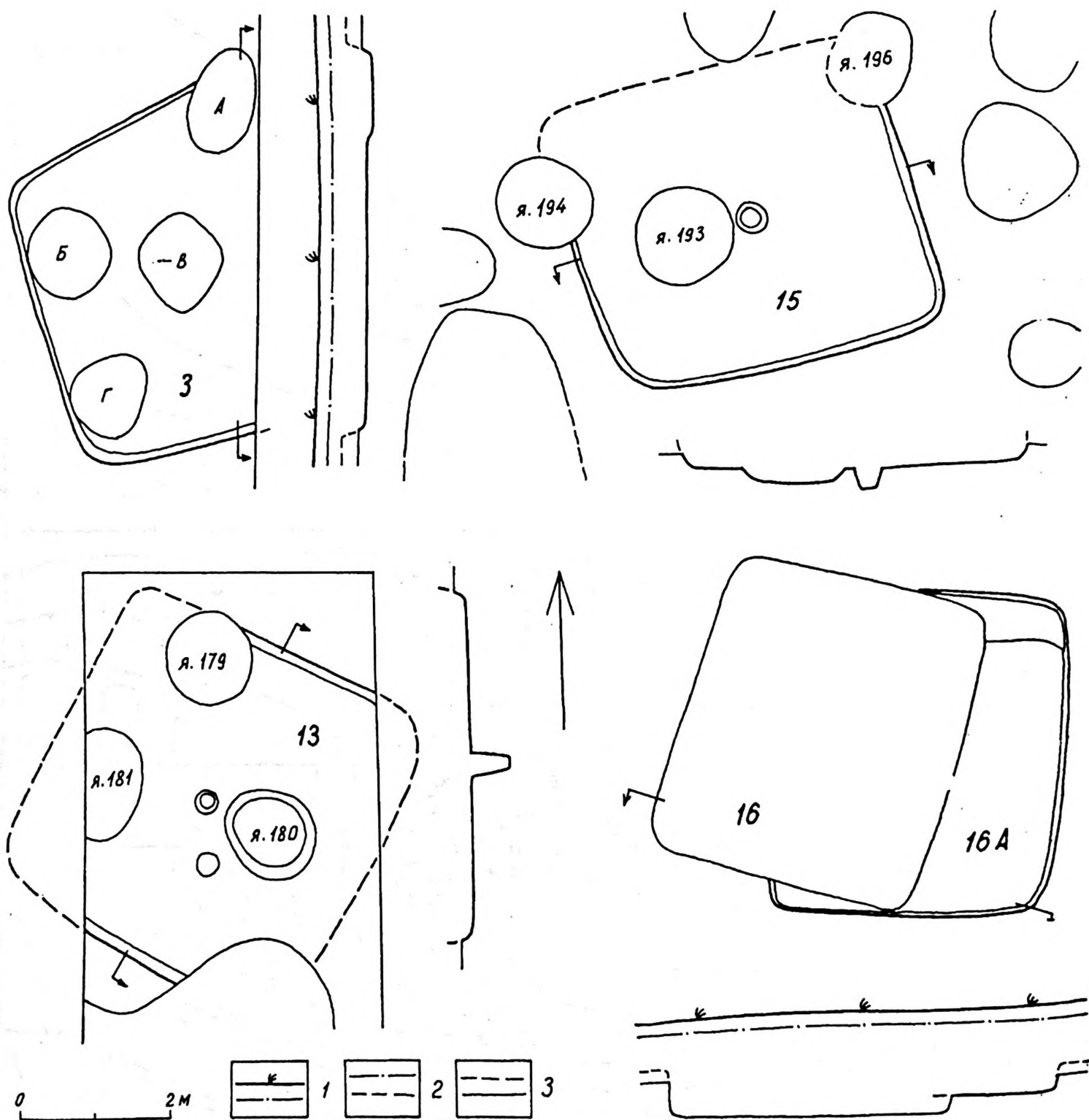

Рис. 4. Сенча. Планы и разрезы построек:

1 — дерново-гумусный слой, 2 — культурный слой, 3 — предматерик

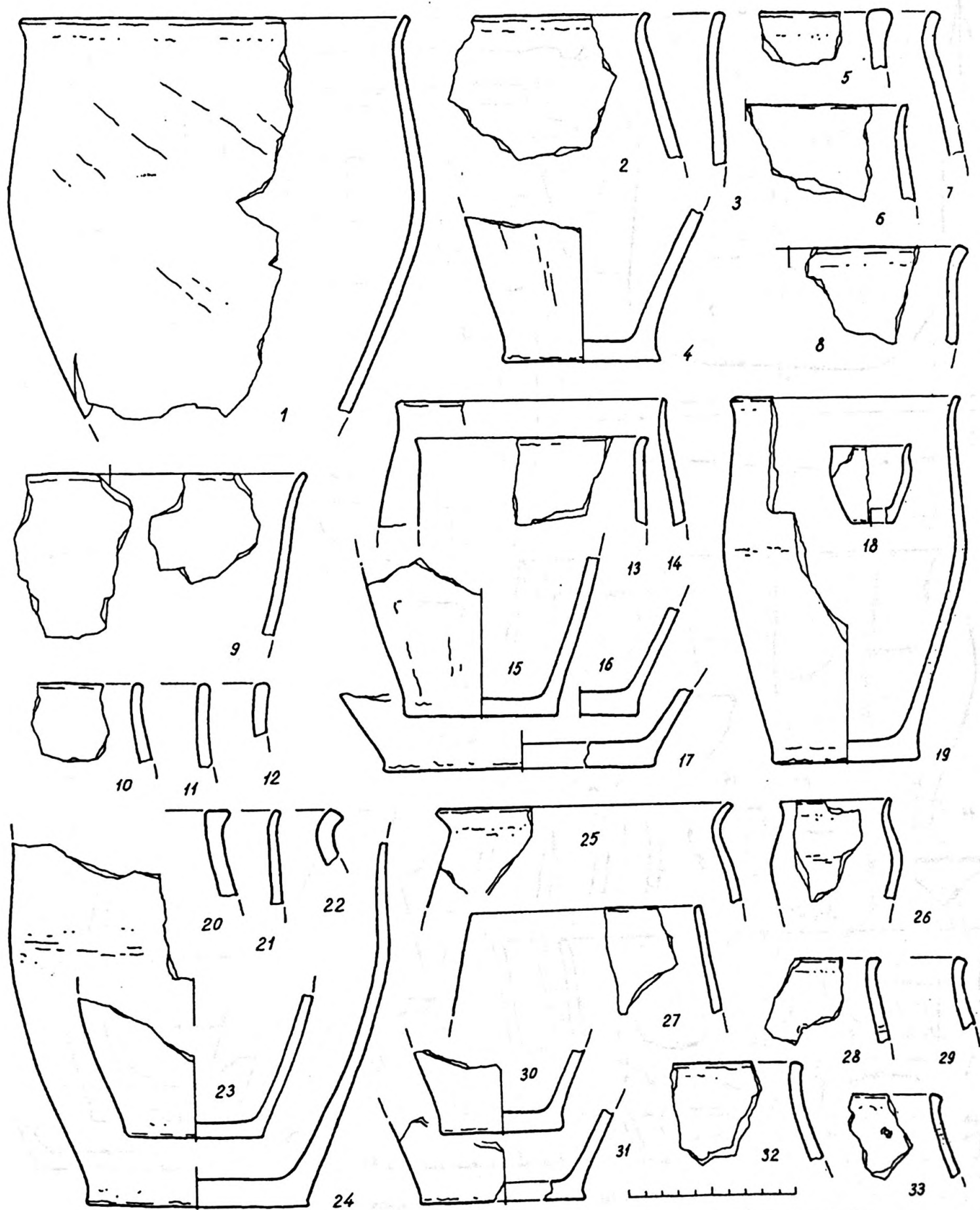

Рис. 5. Сенча. Лепная керамика из построек:

1—4 — постройка 1; 5—8 — постройка 3; 9—19 — постройка 13; 20—24 — постройка 16А; 25—33 — постройка 15

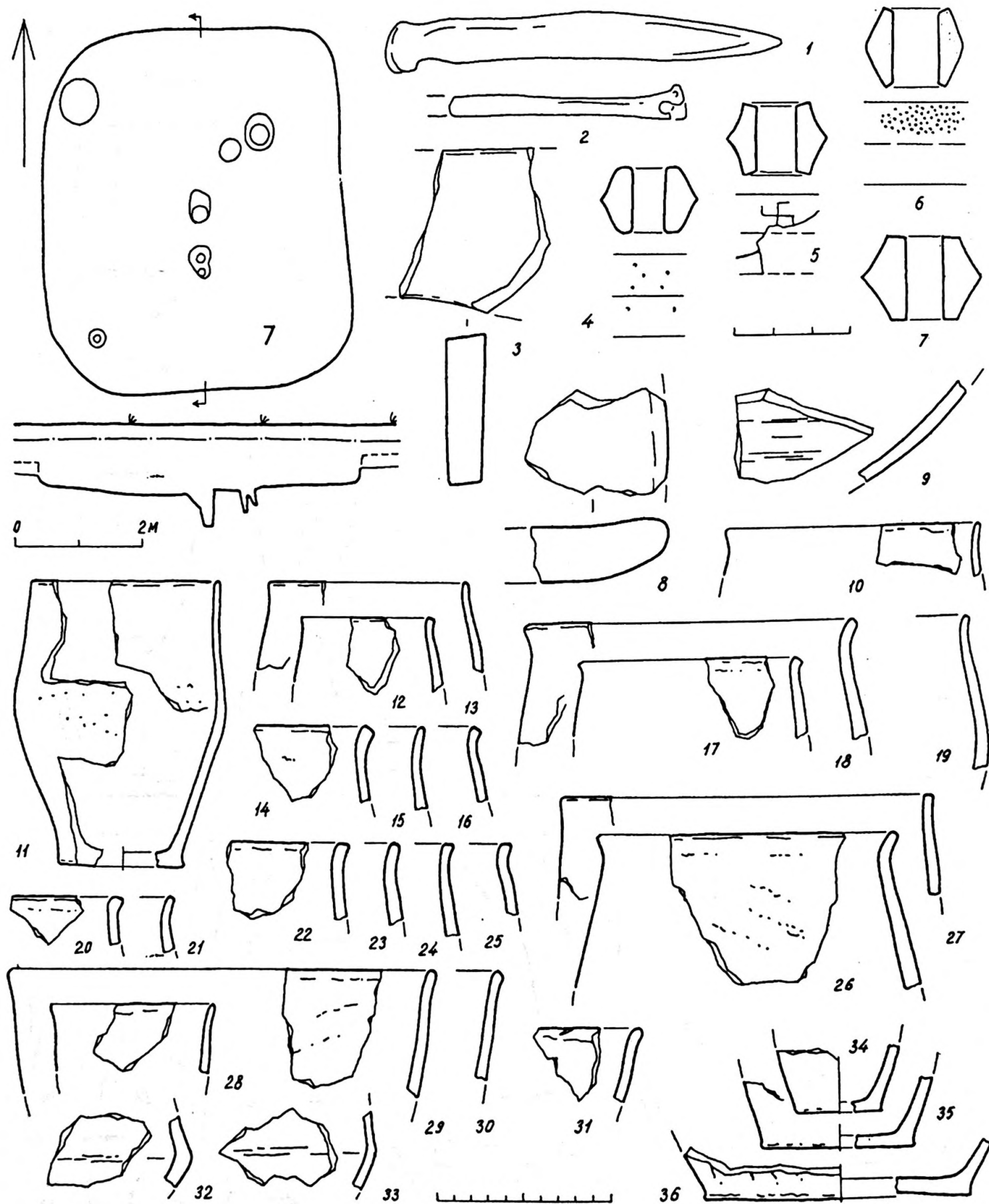

Рис. 6. Сенча. Постройка 7 и комплекс находок из нее:

1—2 — изделия из кости; 3 — обломок каменного точила; 4—7 — глиняные пряслица; 8 — обломок глиняной жаровни (?);
9 — черняховская гончарная и 10—36 — лепная керамика

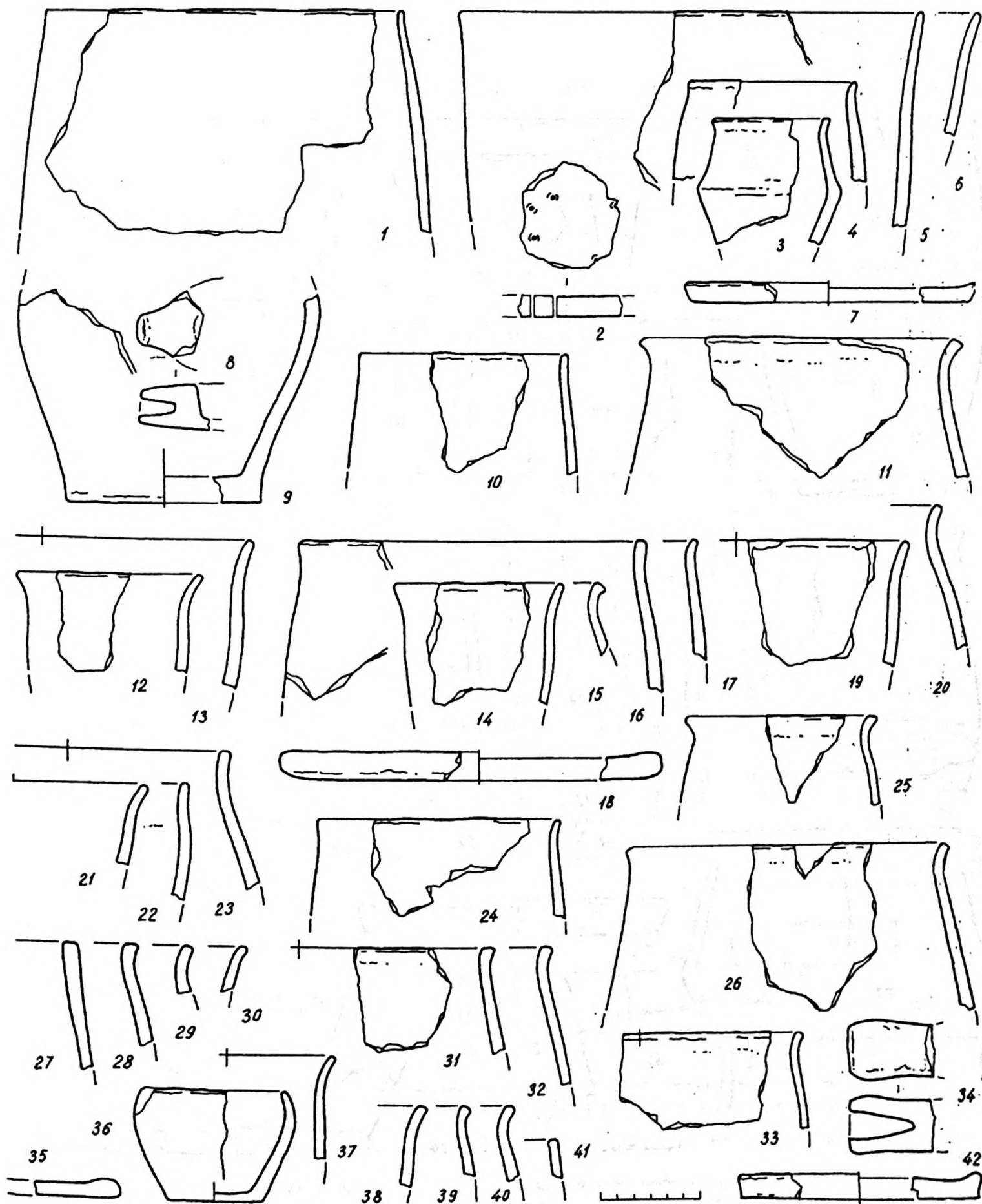

Рис. 7. Сенча. Лепная керамика из хозяйственных ям (городище):

1 — яма 4; 2 — ямы 9—10; 3—6 — яма 26; 8—9 — яма 42; 10 — яма 63; 11 — яма 57; 12—13 — яма 74; 14—18 — яма 67; 19—20 — яма 68; 21—23 — яма 55; 24 — яма 107; 25 — яма 89; 26 — яма 86; 27 — яма 109; 31—32 — яма 79; 33 — яма 120; 34 — яма 112; 35 — яма 142; 38—41 — яма 127; 42 — яма 102

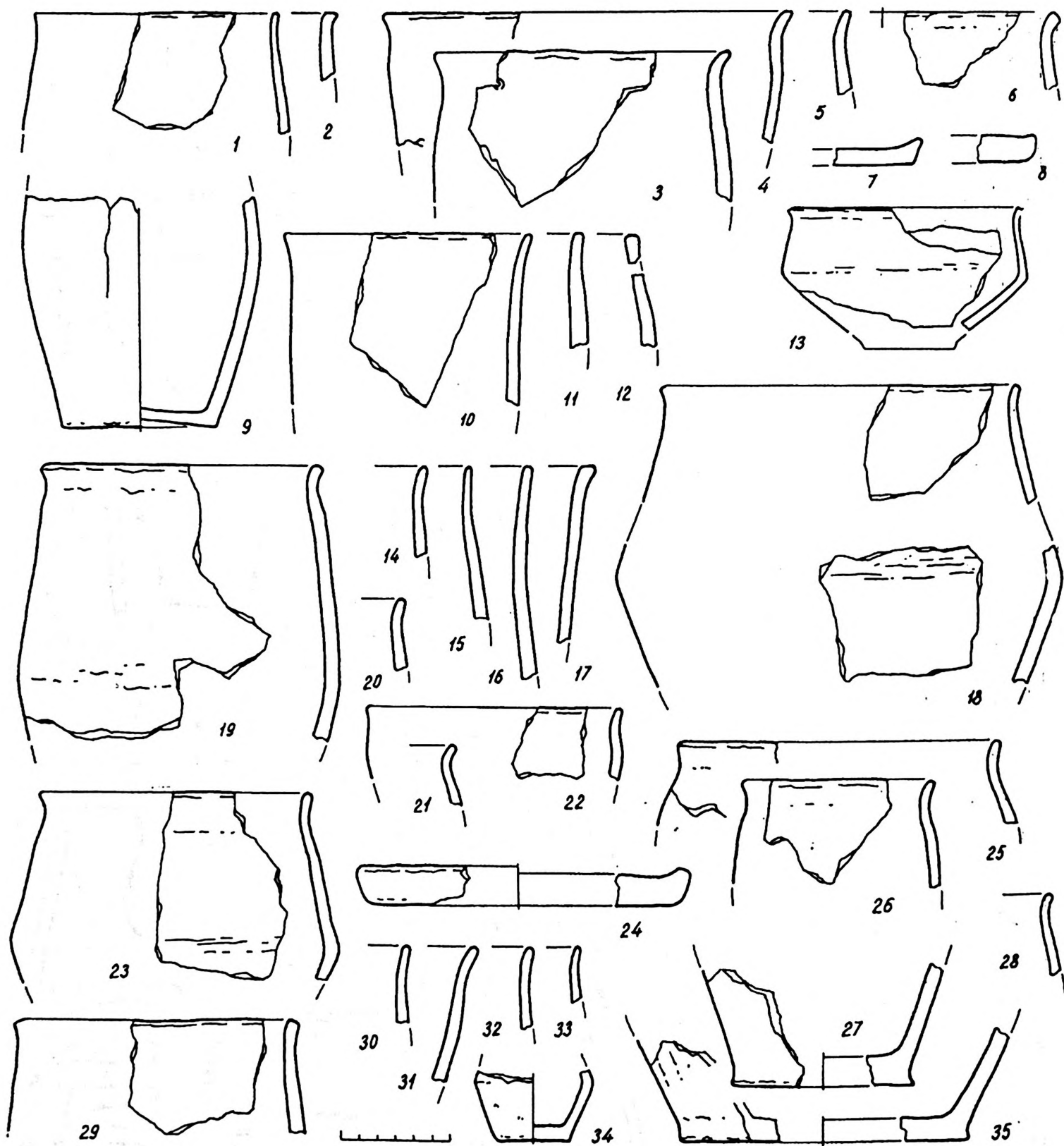

Рис. 8. Сенча. Лепная керамика из хозяйственных ям (1—13 — городище, 14—35 — селище):

1—2 — яма 108; 3—5 — яма 178; 6 — яма 223; 7 — яма 186; 8 — яма 190; 9 — яма 107; 10—12 — яма 192; 13 — яма 226; 14—18 — яма 7; 19—23 — яма 24; 24 — яма 28; 25 — яма 27; 26—28 — яма 29; 29 — яма 65; 30 — яма 64; 31 — яма 62; 32 — яма 42; 35 — яма 31

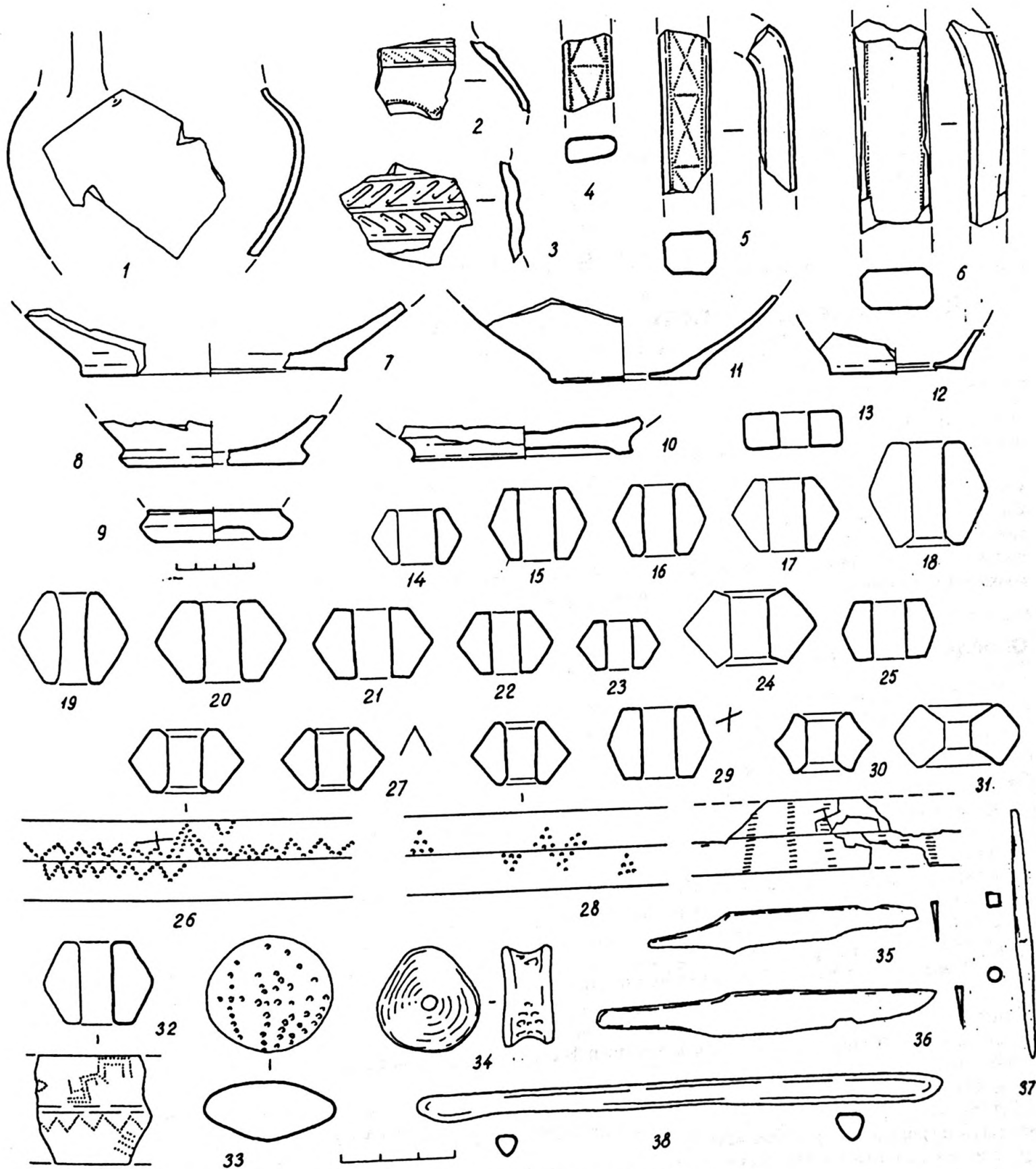

Рис. 9. Сенча. Индивидуальные находки:

1 — постройка 1; 2 — постройка 3; 3 — яма 223; 4, 7, 8, 11, 12, 15—17, 19—22, 24, 27—32, 35, 37, 38 — культурный слой; 34 — яма 107; 9 — яма 91; 10 — яма 12 (сел.); 13 — яма 165; 14 — яма 189; 18 — яма 198; 23 — постройка 13; 25 — яма 90; 26 — постройка 15; 33 — яма 9 (сел.); 36 — яма 184 (1—12 — гончарная керамика черняховской культуры; 13—32 — глиняные пряслица; 39 — глиняный «хлебеш»; 34 — подвеска из рыбьего позвонка; 35, 36 — железные ножи; 37 — железное шило; 38 — стержень из серебряного сплава)

Н. В. Лопатин

Керамические стили и культурные группы III—V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье¹

Основным источником для изучения культурогенеза поздне римского времени в Днепро-Двинском регионе являются наборы керамической посуды. Характер культуры изучаемого периода здесь таков, что до настоящего времени, несмотря на несколько десятилетий археологических работ, единственным по-настоящему массовым материалом, более-менее равномерно распределенным по территории, остается фрагментарная керамика из культурных слоев поселений. Фактически сохраняется ситуация двадцатилетней давности, когда Е. А. Горюнов, разбирая возможности других источников для сопоставления культуры разных регионов Верхнего Поднепровья, отмечал: «...различия в форме жилищ подчас нечетки и к тому же скорее всего находят объяснение не только в культурной и этнической традиции, но и в конкретных почвенных и климатических условиях» [Горюнов 1981: 46].

Определение понятий

Набор — реально существовавшая в обиходе коллектива людей совокупность посуды. Гипотетичность того или иного набора связана с источниковедческими проблемами.

Стиль (стилистическая группа) — совокупность посуды, сходная внутри себя и отличающаяся от других по наиболее общим (в основном качественным) признакам (характер профилировки, манера выделки, устойчивые виды декора). Вообще говоря, стилистические единства настолько общи, что пересекают границы категорий, т. е. охватывают предметы разного назначения, отражая эстетические идеалы в целом в данной человеческой культуре. В то же время в определении стиля нет запрета и на группировку внутри одной категории [Клейн 1991: 163], в данном случае глиняных горшков.

Применение понятия стиля в моей работе обусловлено двумя конкретными причинами. Во-первых, для первоначальной систематизации перемешанных материалов из нестратифицированных культурных слоев нужно было использовать крупную классификационную единицу, ориентированную на самые отчетливые различия в материале. Во-вторых, при работе с центральной группой материала — керамикой киевской культуры и одновременной ей посудой Днепро-Двинского региона — было замечено, что стилистические признаки в ряде случаев позволяют сместить акценты в типологии и выделить среди формально сходных сосудов типы, в наибольшей степени следующие киевским образцам, и типы, в которых отразилось взаимодействие пришлых и местных традиций.

Стиль — более широкая совокупность, чем **тип**. В споре Л. С. Клейна с Дж. Р. Сэкетом о соотношении понятий «стиль», «традиция» и «тип» [Клейн 1991: 162] мне ближе позиция последнего. В то время как содержание (смысл) типа может быть различным, содержание стиля — это только конкретная культурная традиция. Здесь, однако, следует понимать традицию не узко — как «диктат прошлого», но в многообразном развитии, где значительную роль играют взаимовлияния и случайные изменения.

Вариант понимается как единица, подразделяющая какую-либо другую. Правомерны употребления: вариант типа, вариант стиля. Смысл этих вариантов не должен иметь обобщенной трактовки, а определяется в каждом конкретном случае при необходимости. **Вариант стиля** — такая стилистическая группа, которая характеризуется отличием явным и стабильным, но одним, при этом остальные признаки — объединяющие. При углублении знаний такой вариант может перерасти в отдельный стиль.

Итак, здесь применяется следующая иерархическая схема группировки керамики, в которой каждая следующая ступень является подразделением предыдущей: **стиль** — **вариант стиля** — **тип** — **вариант**. Стили и типы обозначены арабскими цифрами, варианты стилей — прописными буквами, варианты типов — строчными в скобках.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00181 а/Б).

Основа выделения наборов и стилей — археологические комплексы, содержащие их в несмешанном виде. В случаях преобладания перемешанных открытых комплексов последние анализируются при помощи стилистико-типологического анализа и сравнения полученных стилистических групп (стилей) и типов с другими комплексами, где они встречены в чистом виде.

Типология керамики III—V вв.

История развития керамических наборов Верхнего Поднепровья и Подвинья в III—V вв. н. э. — это главным образом история замещения традиций эпохи раннего железа новыми традициями, сопоставимыми с разными вариантами традиций киевской культуры. В меньшей степени ощущается наследие традиций местного раннего железного века (днепро-двинской культуры). Это положение вовсе не равнозначно утверждению о вытеснении, замещении соответствующего населения. Вопрос о механизмах замещения керамических традиций, к которому можно подойти лишь на основе углубленного изучения самого материала, будет затронут ниже.

Исходя из такого понимания сущности процесса, автор данной работы при разработке подходов опирался в первую очередь на принципы и типологии, выработанные для материалов позднезарубинецкой, киевской и колочинской культур [Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Обломский, Терпиловский 1991 и др.]. На первом этапе сопоставления керамики Днепро-Двинского региона с материалами киевской культуры необходимо учитывать последние в целом — с тем, чтобы на втором этапе выделить наиболее перспективные для такого сопоставления локальные варианты. Поэтому для сравнительного анализа была взята за основу типологическая схема, представленная в сводной работе по киевской культуре [Терпиловский, Абашина 1992: 46]. Данная типология основана на многолетнем изучении данных древностей авторами, сочетает в себе качества широты охвата (учитывает многообразие локальных вариантов), обобщенности (не злоупотребляет детализацией, уместной в региональной работе) и логической четкости (последнее качество, однако, в большей мере свойственно графической таблице, чем описаниям типов). Благодаря перечисленным качествам типология Терпиловского—Абашиной позволяет легко визуализировать ведущие керамические формы, не прибегая к формально-количественным критериям.

Тем не менее, применение указанной типологии к материалам (горшковидным сосудам) Верхнего Поднепровья и Подвинья выявило ряд ее особенностей, подлежащих корректировке. Отчасти они связаны с локальной спецификой, а отчасти — с некоторыми недостатками структуры самой типологии и дефиниций отдельных типов. В результате при сохранении нумерации типов в исходную схему внесены следующие изменения.

1. Не применяется в качестве основополагающего деление всех горшковидных сосудов на два класса — с плавным профилем и ребристых. Дело в том, что ребристые сосуды в изучаемом массиве весьма различны, имеется множество переходных состояний между наличием и отсутствием ребра (подробнее об этом см. ниже — при сравнительном описании стилей 5 и 6).

В связи с этим при нумеровании типов мною не применяются римские цифры, обозначающие классы, а для ребристых сосудов перед номером ставится буква «Р» (соответствует классу II исходной типологии).

2. Изменены описания типов, с тем чтобы приблизиться к последовательности и однозначности дефиниции каждого типа. С этой целью основной акцент в дефинициях перенесен на один признак — пропорции верхней части (растянутые по вертикали верхние части сосудов в большинстве случаев принадлежат формам с расширением в середине высоты, а сжатые (низкие) — сосудам с расширением в верхней трети). Вторым по значимости признаком — характер перегиба тулова (плавный/ребристый). Вспомогательная роль отводится другим признакам — размерности (различение горшков средних размеров и корчаг), характеру профилировки верхней части (признаки прогнутости/прямизны, выделенности и длины шейки), форме и пропорциям нижней части сосуда.

3. На материалах территории Верхнего Поднепровья и Подвинья выделяется ряд типов и вариантов, которые хотя и примыкают к исходной типологии, но составляют отдельные варианты и могут тяготеть сразу к нескольким типам, т. е. формально представляют собой переходные формы. Они добавлены к исходной типологии под номерами 7—9.

4. В таблицу не включены типы и варианты, которые не диагностируются по фрагментарному материалу, а также не представлены в изучаемом регионе — 2(а), 3(а), 5, 1(в), Р-1(в), Р-2(а), Р-2(б), Р-2(г) (подробнее об этих вариантах см. в описаниях типов).

5. Новая типологическая схема разделена на три модификации для керамики разных степеней сохранности. Как известно, большинство вышеперечисленных типологий создано для верхних частей сосудов, точнее, для форм, реконструированных от верха до перегиба (наибольшего расширения) тулова. На деле это зачастую оборачивается тем, что верхние части сосудов рассматриваются сквозь призму представлений о соответствующих целых формах, а мелкие фрагменты не участвуют в типологиях вовсе.

Основная модификация типологии (рис. 1) справедлива для целых форм (степень сохранности А). При последовательном отделении верхних частей сосудов, реконструированных от верха до перегиба тулова (степень сохранности Б), сливаются между собой типы, основанием для разделения которых были общие пропорции или форма нижней части. В нашем случае это происходит с типами (попарно) 5 и 4(а), 1(а) и 3(а), Р-2(а) и Р-2(г).

Считается, что обращение к еще более мелким фрагментам керамики ведет к существенному искажению общей картины: «Сосуды с загнутым внутрь краем и расширением в верхней части обычно легко определяются даже по незначительным обломкам, в то время как для диагностирования сосудов с плавным перегибом в средней части необходимы крупные фрагменты» [Терпиловский, Абашина 1992: 47]. Однако это не совсем так. Сосуды с перегибом тулова

в средней части также обычно легко диагностируются по экземплярам, не сохранившим перегиба. Дефинирующим признаком в этом случае являются стенки верхней части сосуда, плавно (почти по прямой) направленные книзу.

Данное наблюдение позволяет выделить степень сохранности В (рис. 2), для которой эмпирически принят единый формальный критерий размерности фрагментов любого типа: наименьшая высота — 80 % радиуса верхнего края сосуда. Единственная ощутимая потеря типологии в модификации В по сравнению с предыдущим уровнем Б — неотличимость многих экземпляров типов Р-2 и Р-3, теряющих ребро, соответственно, от типов 3 и 4. Однако в этом явлении есть и положительный для дальнейшего стилистического анализа момент: подчеркивается сходство верхних частей и общих пропорций данных типов ребристых и округлобоких сосудов. В остальном модификация схемы для сохранности В сохраняет диагностирующие возможности модификации Б.

Представляется, что именно степень сохранности В, а не уровень обязательного присутствия перегиба тулова является методически наиболее корректным для типологии разнородных керамических материалов I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и соседних регионах.

В результате используемая в работе типология имеет следующий вид (рис. 1, 2).

Тип 1 — закрытые сосуды с расширением в верхней части и выпуклым плавным перегибом. Вариант (а) — тулово «раздутое», вариант (б) — более вытянутых пропорций.

Тип 2 — сосуды с наиболее высоко расположенным плавным перегибом тулова. Варианты выделяются по степени открытости, или, иначе, по признаку угла наклона плеча. Сосуды этого типа наилучшим образом выделяются на крупных экземплярах (корчагах), см. о них, например, в книге Е. А. Горюнова [Горюнов 1981: 39].

Тип 3 — закрытые сосуды с плавно расширяющимися книзу от горловины стенками, с плавным перегибом тулова в средней части. В Днепро-Двинском регионе с уверенностью можно говорить об одном варианте — относительно стройных пропорций, более приземистые экземпляры немногочисленны.

Тип 4 — сосуды с верхней частью, близкой к цилиндру, с плавным перегибом тулова в средней части. Варианты (а—в) выделяются по степени открытости, то есть по признакам угла наклона плеча и степени отгиба венчика.

Тип 5 — «банковидные» сосуды. Тип выделяется по общим пропорциям (диаметр дна почти равен диаметру венчика); его характеристика у Р. В. Терпиловского и Н. С. Абашиной слишком неопределенна для того, чтобы пользоваться ею при анализе другого материала. Кроме того, в модификациях типологии Б и В этот тип должен быть присоединен к типу 4(а), поскольку характеристика верхней части фактически совпадает с последним.

Тип 6 — сосуды с загнутым внутрь краем. Форма, чуждая позднезарубинецко-киевским традициям. Происхождение ее не выяснено; возможно, что оно не едино на разных территориях. Экземпляры почти везде малочисленны.

Тип 7 — сосуды закрытые, с расширением в верхней трети, плавно сужающиеся к слабо намеченной шейке, с плавно отогнутым коротким (по сравнению с большинством других типов) венчиком. Целые формы единичны. Тем не менее, серия фрагментов верхних частей с четкой траекторией плавного закругления профиля плеча близко к верхнему краю позволяет уверенно диагностировать тип.

Верхние части этих сосудов имеют определенное сходство с керамикой днепро-двинской культуры стиля 2А (см. в нижеследующем разделе), но отличаются от последней рядом стилистических признаков: более плавной изогнутостью, большей толщиной стенок (у крупных сосудов около 1 см) и, наконец, частым присутствием расчесов на поверхности. Все эти признаки связываются с наследием киевской культуры, на памятниках верхнеднепровского варианта которой также встречаются отдельные экземпляры таких сосудов. Последние могут быть отнесены в этих наборах к типам 1(б) и 2(б), но с несколько ослабленной профилировкой. Следует предполагать происхождение типа 7 на основе керамики верхнеднепровского варианта киевской культуры с участием местных традиций днепро-двинской культуры.

Тип 8 — сосуды S-образного профиля. Чаще всего имеют симметричное расширение от шейки вверх (до края) и вниз (до перегиба тулова).

Наиболее вероятный источник — сосуды типа 4(б), которые характерны для деснинского варианта киевской культуры и присутствуют наряду с типом 8 в целом ряде наборов Днепро-Двинского региона, например в верхнем слое городища Тушемля. Сходство двух типов подкрепляется и тем, что оба они почти никогда не имеют расчесов (заксировано по одному случаю для каждого). Влияние на унификацию форм могла оказать и традиция изготовления сосудов типов 2(б) и 3 (у которых более явно, чем у 4(б), профилирована шейка), также встречающихся в наборах с типом 8 (Дедиловичи, Фролы, Узмень). Вряд ли можно предполагать участие в генезисе типа 8 профилированных S-образных форм типа среднего слоя Тушемли (стиля 3А) из-за значительных стилистических различий (у последних более сильная профилировка венчика и почти обязательная орнаментация) и из-за хронологического разрыва.

Тип 9 — сосуды раскрытые, очень слабо профилированные (близкие к усеченному конусу), но все же с намеченной шейкой.

Эта форма реже встречается на памятниках III—V вв., чем две предыдущие, и более характерна для 3-й четверти I тыс. н. э. (культура псковских длинных курганов). Можно предполагать, что это продукт совместного развития типов 7 и 8. Не исключено и влияние днепро-двинской керамики стиля 2Б, а также некоторых типов керамики киевской культуры — 2(в) и 4(в).

Типы 8 и 9 — характернейшие формы керамики Верхнего Поднепровья и Северо-Запада в середине—3-й четверти I тыс. н. э.

Тип Р-1 — сосуды с ребристым перегибом в верхней трети. Варианты (а—в) выделяются по степени открытости, или, иначе, по признаку угла наклона плеча. Вариант (а) типа II 2 типологии Терпиловского—Абашиной близок к этому типу по признаку высокого расположения ребра. По фрагментам уверенно отнести к типу Р-1 можно лишь эк-

земляры с сильно «сжатой» верхней частью. Вариант Р-1(в) в Днепро-Двинском регионе не представлен, а Р-1(б) очень редок; по-видимому, эти формы тяготели к позднезарубинецкому периоду (конец I—начало III в.), когда проникновение южных традиций в Верхнее Поднепровье и Подвинье было минимальным.

Тип Р-2 — сосуды с ребристым перегибом в средней трети и сужающимися кверху стенками верхней части (биконические). Для выделения вариантов в Днепро-Двинском регионе материалов недостаточно.

Тип Р-3 — сосуды с ребристым перегибом в средней трети и почти вертикальными стенками верхней части (цилиндро-конические). Данный тип может считаться вариантом типа Р-2, однако он не теряется в общей массе последнего, поскольку представлен в Днепро-Двинском регионе несколькими хорошими сериями.

Изложенная типология обладает полезным свойством, которое можно назвать периодичностью (по аналогии с системой Менделеева). В таблице (рис. 1) типы сосудов легко располагаются горизонтальными рядами («периодами»), в пределах каждого из них при сохранении общих пропорций форма верхних частей изменяется сходным образом — от закрытой до раскрытой. Наблюдаются и вертикальные столбцы, объединяющие сходные по степени раскрытости формы. Нельзя, конечно, преувеличивать естественность этой схемы (в отличие от системы химических элементов). Скорее это удобная служебная компоновка, позволяющая легко находить место каждого сосуда в типологии. Таблица показывает и соответствие между типами и стилистическими группами: два верхних ряда соответствуют стилю 5, следующие два — стилю 6, нижний ряд (без типа 6) — стилю 7.

Керамические стили I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье

Выше обосновано, что стилистические группы (стили) — более высокий (по сравнению с типами) уровень группировки керамического материала, основанный на наиболее общих признаках такого сходства, которое объясняется в первую очередь причиной родства традиций гончарства.

Выделено 9 стилей керамики (вероятно, список является открытым), часть их делится на варианты. Первые четыре стиля охватывают материалы начала нашей эры, предшествующие появлению керамики киевской культуры в Днепро-Двинском регионе. Рассмотрение стилей 1—4 необходимо, во-первых, для обоснования выделения из смешанных открытых комплексов, содержащих также керамику III—V вв., и во-вторых, для изучения проблем взаимовстречаемости и возможного участия отдельных групп керамики начала нашей эры в генезисе последней. Замечу, что керамические материалы культур раннего железного века изучаемого региона (штрихованной керамики и днепро-двинской) представляются в литературе довольно монолитными массивами, в которых выделяемые типы близки между собой [Шмидт 1992: 92; Митрофанов 1978: 31; Шадыра 1999: 193; Егарэйчанка 1999: 129]. Это, вероятно, во многом соответствует реальности и свидетельствует об устойчивом состоянии традиций гончарства в этих культурах. Применение к этим древностям понятия стиля происходит вполне естественно. Стиль 9 — лепная керамика последних столетий I тыс. н. э. Типология керамики стилей 1—4 и 9 не была здесь актуальной и не разрабатывалась.

Стили 5—8 объединяют керамику III—V вв., для которой разработана также типология, приведенная выше. Общая стилистическая особенность всей груболепной керамики киевской культуры — плавно изогнутая верхняя часть профиля с отогнутым наружу венчиком. Лишь некоторые ребристые формы в крайних проявлениях имеют абсолютно прямой или изломанный верх, не составляя в большинстве случаев отдельной стилистической группы. Выбивается из общей картины и тип 6.

Стиль 1. Позднештрихованный «классический» (рис. 3, 1, 2). Горшки с ребром в верхней трети высоты; венчик прямой, наклоненный внутрь, изредка поставлен вертикально или слегка отогнут. Тулово — в виде усеченного конуса. Нижняя часть (от ребра) покрыта штриховкой, венчики чаще всего не штриховались. Довольно обычна дополнительная орнаментация, особенно зашипы.

К концу существования культуры появляются сглаженные ребра и слабопрофилированные сосуды, пропадает орнамент и сама штриховка [Егарэйчанка 1999: 129—130]. Примером такой керамики признается набор городища Васильковка [Митрофанов 1978: 32]. В материалах этого памятника действительно наряду с классической позднештрихованной присутствует слабопрофилированная (рис. 3, 3). Однако эта группа керамики крайне плохо известна. Она мало опубликована, нет подробных данных о стратиграфических соотношениях ее с керамикой классического позднештрихованного стиля, не исследовался вопрос о возможном заимствовании моды на гладкостенную слабопрофилированную керамику в это время извне.

Поэтому в настоящее время можно лишь ограничиться констатацией «классического» стиля, оставляя вопрос о «позднештрихованном слабопрофилированном» стиле открытым. Точка зрения об эволюции гончарства культуры штрихованной керамики в направлении «банцеровского» 3-й четверти I тыс., если на ней настаивают исследователи этой культуры, требует дополнительной серьезной аргументации.

Стиль 2. Днепро-двинский.

Вариант А. Слабопрофилированный (рис. 3, 4, 5). Керамика гладкостенная, грубая, плавного профиля, с расширением в верхней половине или трети. Иногда подразделяется на типы [Шадыра 1999: 193], которые имеют черты стилистического сходства между собой, отличаясь в основном профилировкой короткого венчика. Толщина стенок в основном 4—6 мм. Перечисленные признаки характерны и для других культур эпохи раннего железа лесной зоны Восточной Европы, в частности для дяковской. Особенностью западного варианта днепро-двинской культуры является орнаментация керамики сквозными проколами или ямочными вдавлениями под краем, а также узкими прямыми линиями, расходящимися от отверстий и перекрещивающимися.

В восточной части ареала днепро-двинской культуры (днепровский или смоленский локальный вариант) керамика стиля 2А господствует почти безраздельно и отличается отсутствием (точнее, большой редкостью) орнаментации. Стандартность не нарушается и выявленными Е. А. Шмидтом хронологическими изменениями технологических признаков [Шмидт 1963: 155—158].

Вариант Б. Непрофилированный (рис. 3, 6, 7). Формы исключительно с вертикальными стенками верхней части, прямым или слегка загнутым внутрь краем (называемые часто банковидными). По данным В. И. Шадыро, такая керамика наиболее характерна для нижних слоев городищ [Шадыро 1999: 193]. В восточном ареале культуры вариант 2Б встречается редко [Шмидт 1963: 153, 154].

Среди керамики варианта Б выделяется группа более толстостенной по сравнению с основной массой керамики стиля 2 (толщина стенок 5—8 мм). Поверхность может быть довольно ровной, даже «замытой» [Короткевич 1989: 11], но встречается и очень грубая, бугристая. Иногда покрыта вертикальной штриховкой, как на городище Подгай [Станкевич 1960: 36: 6; 37: 3]. Наиболее чистый комплекс получен на городище Каратай, где, на основании отсутствия ранней, в первую очередь сетчатой, керамики, известной на этой территории, он отнесен к заключительной фазе днепро-двинской культуры и датирован III—IV вв. [Минасян 1980: 47]. С этим согласуются данные по селищу Ермошино, где развалы сосудов стиля 2Б найдены в комплексе постройки 1, датируемой, скорее всего, IV в. н. э., а также по селищу Фролы (в слое конца IV—V в.).

Стиль 3. Зарубинецкий груболепной.

Вариант А. Гладкостенный (рис. 3, 8). Профилированные, часто S-образные горшки, венчик плавно, но сильно отогнут наружу. Диаметр края чаще превышает диаметр перегиба тулова или равен ему, реже бывает меньшим. Край обычно украшен нарезками или ногтевыми вдавлениями. Реже подобная орнаментация располагается и на уровне наибольшего расширения тулова.

Вариант Б. Штрихованный (рис. 3, 9, 10). Отличается от предыдущего штриховкой поверхности. По-видимому, для этого стиля более, чем для варианта А, характерны сосуды с намеченным ребром на месте наибольшего расширения тулова (рис. 3, 9). Обращая внимание на эту особенность, Е. А. Шмидт видит в ней свидетельство влияния культуры штрихованной керамики [Шмидт 1999: 39]. Вероятно, это так и есть, но совершенно не обязательно относится к региону Смоленского Поднепровья, поскольку все перечисленные признаки в единстве характерны для зарубинецкой группы типа Чечерск-Кистени, формировавшейся в начале нашей эры в Могилевском Поднепровье и Посожье [Обломский, Терпиловский 1991: 99, рис. 26].

В Верхнем Поднепровье и Подвинье стиль 3 является отличительной особенностью памятников типа среднего слоя Тушемли. Известны памятники, где керамика стилей 3А и 3Б встречается совместно и раздельно. Раздельная встречаемость свидетельствует, скорее всего, об участии в формировании культурной группы типа среднего слоя Тушемли двух групп зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья — типа Горошков-Чаплин (гладкостенная керамика) и типа Чечерск-Кистени (штрихованная) [Обломский, Терпиловский 1991: 95—99].

Памятники типа среднего слоя Тушемли датируют I—III вв. [Короткевич 1989: 13], иногда по IV в. включительно [Шмидт 1999: 39]. Исходя из отсутствия взаимовстречаемости с керамикой стилей 5—8 представляется, что более реальная поздняя дата среднетушемлинских памятников — II в. н. э.

Е. А. Шмидт отмечает среди материалов селища Микулино керамику трех видов — слабопрофилированную днепро-двинской культуры, профилированную среднетушемлинскую и слабопрофилированную «тушемлинских типов», в том числе с расчесами гребнем (по излагаемой здесь систематике, стилей 2, 3 и 6). Автор раскопок полагает, что все эти виды бытовали одновременно (найжены в заполнении жилища), что свидетельствует о формировании последнего вида на основе первых двух [Шмидт 1999: 39]. Однако достоверность этого комплекса как закрытого вызывает некоторые сомнения.

Общие приемы декора стиля 3 (насечки и вдавления по краю) наследуются керамикой позднезарубинецкого периода и постепенно изживаются в киевской культуре. Отдельные, вырванные из контекста, отогнутые венчики с насечками стиля 3 могут относиться не только к зарубинецкому времени, но также к позднезарубинецкому кругу культур (который в Днепро-Двинском регионе как будто не зафиксирован) и к раннекиевскому (следы последнего незначительны).

Стиль 4. Столовая посуда (рис. 3, 11). Сюда относится столовая лощеная посуда зарубинецкой культуры, главным образом миски. Стиль наследуется некоторыми группами позднезарубинецкой культуры и в меньшей степени киевской. Единичные экземпляры мисок стиля 4 происходят в Днепро-Двинском регионе с памятников III—V вв. (Ермошино, Каменная Лава, Слобода-Глушица). На соседствующих с юга памятниках киевской культуры их серии более значительны (Абидня, Тайманово, Барсуки, Хотылёво).

Стиль 5. Позднезарубинецко-киевский западный (объединяет типы 1, 2, Р-1, имеющие расширение тулова в верхней трети). На близость типов 2 и Р-1 указывают Р. В. Терпиловский и Н. С. Абашина [Терпиловский, Абашина 1992: 47]. Преобладание этих типов характерно для позднезарубинецких и раннекиевских памятников Верхнего Поднепровья, некоторых памятников Нижнего Подесенья и отчасти Среднего Поднепровья [Терпиловский, Абашина 1992: 53, рис. 13]. Стиль 5 ведет свое происхождение от зарубинецкого стиля 3Б (тип Чечерска).

Варианты А и Б соответствуют двум хронологическим группам памятников верхнеднепровских традиций (типа Гриней и Абидни), специфика которых намечена А. М. Обломским [Обломский 1996: 26—32]. Для варианта А ведущие типы — 2 и Р-1, характерны орнаментация насечками и вдавлениями по краю, расчесы и штриховка по поверхности. Датируется II—началом III в. В варианте Б преобладающими становятся более закрытые формы типов 1, 2(а) и Р-1(а). Датировка — вторая половина III—начало IV в. (вероятно, весь IV в.). Сохраняются архаичные элементы декора — штриховка (есть и расчесы), насечки и вдавления по краю. Наряду с этим более обычной становится керамика без де-

кора или только с гребенчатыми расчесами по поверхности и краю. В Подвинье есть несколько пунктов, где отмечена керамика стиля 5Б — Городок, Рудня, Заболонье, Подосинки. Недавно несколько пунктов с подобными материалами открыты Ю. В. Колосовским на правом притоке Днепра — р. Одров — в Оршанском районе Витебской области.

Стиль 6. Киевско-кологичинский восточный. Представлен типами 3(б), 4, Р-2, Р-3, т. е. формами с расширением во второй трети высоты. Орнаментация и декоративная обработка поверхностей не характерна, однако на памятниках Подвинья расчесы изредка наносились и на эти формы, что обусловлено, скорее всего, смешением традиций.

Типы 3—5, Р-2 и Р-3 объединяются плавной вытянутостью верхней части по вертикали. Они в большей мере тяготеют к киевским памятникам Подесенья и, возможно, Днепровского Левобережья [Терпиловский, Абашина 1992: 53, рис. 13].

Таким образом, намечаются два широко распространенных стиля керамики киевской культуры (стили 5 и 6). Для первого из них характерна более сильная профилировка за счет сдвинутости перегиба тулова вверх, для второго — соответственно наоборот. Именно из-за этого ребристые формы ближе по профилировке к «своим» округлобоким, чем к «чужим» ребристым.

Стили 5 и 6 можно было бы назвать также «раннекиевским» и «позднекиевским». Но в ряде западных (в основном северо-западных для киевского ареала) регионов стиль 5 существует довольно долго. С другой стороны, в восточной части ареала формы стиля 6 начинают появляться с позднезарубинецкого времени (памятники типа Картамышева—Терновки) и затем неуклонно развиваются вплоть до рубежа 3-й—4-й четвертей I тыс. н. э., расширяя свою территорию в северном и западном направлении (в Поднепровье и Подесенья). Их проникновение в Верхнее Поднепровье (Гудок, поздний комплекс Тайманова) отмечает А. М. Обломский [1996: 29]. Появление керамики стиля 5 в Днепро-Двинском регионе отмечается с III в. н. э., а стиля 6 — несколько позднее.

Стиль 7. Тушемлинско-банцеровский (типы 7—9): груболепная керамика слабопрофилированных форм с перегибом тулова чаще всего в верхней трети высоты. Формы можно рассматривать в качестве дополнительных вариантов типов, относящихся к стилям 5 и 6 и представляющих собой их развитие в сторону огрубления, потери «изящества изгибов» сосудов киевской культуры. Высоко расположенные перегибы тулова свидетельствуют о большей взаимосвязанности со стилем 5. Ослабление профилированности, очевидно, связано с участием традиций стиля 2 (днепро-двинской культуры).

В 3-й четверти I тыс. н. э. стиль 7, кроме древностей типа Тушемли и Банцеровщины, характерен также для культуры псковских длинных курганов. Судя по некоторым датированным ранним находкам (Ермошино I, постройка I), развитие некоторых направлений стиля 7 начинается уже в III—IV вв. при взаимодействии традиций киевской и днепро-двинской культур.

Стиль 8. Крупные сосуды улучшенной выделки. По форме это в основном широкие горшки или горшки-миски. В любом случае и относительно высокими пропорциями, и крупными размерами они четко отличаются от мисок стиля 4.

Варианты А и Б — ребристые сосуды, почти всегда с оттянутым в виде валика ребром. Характерна улучшенная (по сравнению с округлобокими формами этих же наборов и по сравнению с ребристыми горшками других территорий) выделка: относительно мелкая (до 3—4 мм) примесь в формовочной массе, выглаженная (иногда лошенная) поверхность. Варианты А (Узмень) и Б (основной, более распространенный, Демидовка) различаются пропорциями форм. Для варианта Б характерны классические «киевско-кологичинские» пропорции ребристых сосудов с расширением в средней трети высоты (типы Р-2 и Р-3). Вариант А, судя по пропорциям верхних частей (целые формы неизвестны), тяготеет к ребристым формам типа Р-1 с расширением в верхней трети.

Вариант В. По-видимому, к этому же стилю следует относить немногочисленные крупные лошенные сосуды без ребра типов 3 (Демидовка), 6 и редких форм (Тушемли [Третьяков 1963: 69, рис. 29, 9, 10]), поскольку они распространены локально в этом же ареале.

Стиль 8 возникает не позднее V в., но скорее всего — уже в IV в. (датировки городища Демидовка и селища Узмень). Стиль весьма распространен в восточной части изучаемой территории на памятниках разных типов и бытует по крайней мере по VII в. включительно: в варианте Б он зафиксирован на ряде городищ (Акатово, Близнаки, Лахтеево) и селищ (Заозерье и др.) Смоленщины, а также на более поздних городищах оршанского и могилевского Поднепровья (Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово). Вариант А, по-видимому, получает развитие в культуре псковских длинных курганов, где известны урны с ребром или валиком в верхней трети высоты.

Стиль 9. Поздний груболепной (рис. 3, 12—14).

Толстостенная грубая керамика с коротким выделенным венчиком, коротким крутым плечом и возможным декором (оттиски «палочки с намотанной веревочкой» по краю и зигзагообразно по плечу, вдавления подушечкой пальца по краю). Иногда крутой перегиб тулова оформляется в виде ребра. Стиль характерен на рассматриваемой территории для культуры смоленско-полоцких длинных курганов, а также ранних памятников Древней Руси. Типология керамики разработана слабо, наборы рассматриваются в литературе, как правило, суммарно. В лесной зоне Восточной Европы появляется не ранее VIII в.

Группировка памятников

Памятники и в ряде случаев их отдельные горизонты сопоставлялись друг с другом согласно взаимовстречаемости типов и стилей керамики. Группировка памятников позволила определить 8 в той или иной степени стандартных наборов керамики, соответствующих отдельным типам памятников (рис. 4). Их распространение показано на карте (рис. 5).

Набор 1 (тип Абидни). Включает сосуды типов 1, 2 и Р-1 (вместе — стиль 5Б), столовую посуду стиля 4, в большом количестве также керамику иных типов киевской культуры и типа 7, керамику с расчесами. Локализуется в Могилевском Поднепровье и прилегающих регионах, а также в ряде пунктов Оршанского Поднепровья и бассейна Западной Двины, что свидетельствует о распространении этих традиций в северном направлении. Датировка (II? — III—первая половина IV в.) определяется датами входящих в эту группу эталонных памятников Абидни и Тайманово (ранний горизонт), где найдено большое количество вещей римского времени. Для северного региона следует исключить время ранее III в., поскольку наборы керамики, специфичные для типа Гриней, в Подвинье неизвестны.

Набор 2 (тип Городка). Отличается от предыдущего тем, что наряду с раннекиевскими элементами массовым становится тип 7. Набор может рассматриваться в качестве результата начального этапа переработки стилистических особенностей керамики киевской культуры в местных условиях. Представлен несколькими пунктами в Витебском и Смоленском Подвинье. Возникновение селища Городок относится, вероятно, к концу III—IV в., хотя широкая датировка найденной там спиралевидной бусины охватывает и более раннее время. Постройка 1 поселения Ермошино имеет дату по ^{14}C , позволяющую датировать ее начиная со второй половины III в.

Набор 3 (тип Заозерья). В большинстве коллекций регулярно встречаются типы 1, 2, 7, Р-1. Стабильно присутствуют фрагменты с расчесами. Сохраняются характерные еще для типа Абидни ромбические композиции нанесения расчесов. В отличие от наборов 1 и 2, отсутствуют насечки, вдавления и штриховка. В наборе селища Заозерье дополнительными массовыми типами являются 3 и 4. Эти элементы присущи наборам 4, 7, 8 и свидетельствуют о смешении традиций.

Набор 3 распространен главным образом в Витебском и Смоленском Подвинье, а также в верховьях Великой и Вилии. Датировочные вещи происходят с селища Заозерье. Это две прогнутые подвязные фибулы разных типов и обломок бронзового браслета с массивным выступом. Поскольку все они происходят из переотложенного слоя, следует придерживаться широкой даты этих вещей — III—IV вв. На селище Свинухи найден обломок бронзового щитка от поясной пряжки, датированного концом V—началом VI в. В Повалишине погребение с горшком типа 7 (с расчесами) стратиграфически предшествует погребениям культуры длинных курганов, относящимся к 3-й четверти I тыс. н. э.

Набор 4 (тип Узменя). Керамика с расчесами присутствует на всех памятниках, но в основном в виде небольшой примеси. Наиболее массовы типы 3 и 8. Присутствие типов 1, 2, 7, Р-1 свидетельствует об участии здесь и традиций набора 3. Встречаются сосуды типа 9. Локализуется в соседних с предыдущим регионах, возможно, чересполосно. Зона его концентрации является компактный регион междуречья Двины и верховьев Ловати. Доминирующее положение здесь занимают особенности не типа Абидни, а каких-то иных вариантов киевской культуры (возможно, деснинского), также подвергшиеся переработке (появление типа 8). Хронология разобрана А. Г. Фурасевым [Фурасьев, в печати]. На основании датировок вещей, радиоуглеродных дат и других данных выделены два периода в рамках второй четверти I тыс. — конец III—IV в. и конец IV—V в.

Набор 5 (городище Тушемля). Имеет сходство с набором 4, однако составлен из разнородных элементов и, вероятно, относится к нестабильному периоду с неустоявшейся керамической традицией. Видимо поэтому прямые аналогии набору в целом отсутствуют. Занимает обособленное положение не только в систематике, но и географически (Посожье). Традиционная датировка 3-й четвертью I тыс. н. э. вряд ли может быть признана правильной. Ряд особенностей набора керамики свидетельствует в пользу даты не позднее V в.

Набор 6. Выделен условно, так как явно неполон (один тип 9) и для изучаемой эпохи нехарактерен.

Набор 7 (тип Демидовки). Наиболее характерные элементы — типы 3, 4, Р-2 и Р-3. Отличительная особенность по сравнению с набором 8 — чрезвычайная характерность крупных сосудов улучшенной выделки (по формам — в основном типы Р-2 и Р-3). Присутствует небольшая примесь керамики с расчесами. Верхний слой городища Демидовка по металлическим вещам должен быть отнесен в основном к V в. Формы керамики соответствуют позднекиевскому и раннеколячинскому периодам Подесенья, что не противоречит такой датировке.

Набор 8 (тип Подесенья, или деснинский вариант киевской культуры). Непременные элементы — типы 3 и 4. Также весьма характерны, но присутствуют не везде типы Р-2 и Р-3, реже столовая посуда стиля 4, типы 1 и 2. На селище Слобода-Глушица типичный деснинский позднекиевский набор керамики сопровождается фрагментом лощеной миски; относящаяся к селищу шпора с коническим шипом и пуговицеобразными окончаниями датируется временем не позднее V в.

Наборы 7 и 8 занимают довольно большую территорию, примыкающую с юга к ареалу наборов 3 и 4. Вероятно, они связаны с распространением деснинских традиций киевской культуры в разных направлениях.

Распространение ребристой посуды имеет локальные особенности, не совпадающие с вышеописанной локализацией наборов в целом. Во-первых, ребристая посуда вообще нехарактерна для территорий к западу от Днепра и Двины. Во-вторых, в рамках одних и тех же наборов имеются варианты с ребристыми формами (Узмень, Демидовка, Хотылёво) и без них (Фролы, Слобода-Глушица).

Большинство вышеперечисленных наборов синхронизируется находками керамики с расчесами, которая наиболее характерна для наборов 1—3 (главным образом типы 1, 2, 7, Р-1). Характерные особенности расчесов позволяют аргументировать положение об их нанесении костяными гребнями римского времени и их обломками [Лопатин 1995: 45, 46]. Поскольку эти предметы могли поступать, вероятно, только из региона черняховской культуры, то традиция нанесения классических расчесов на керамику не должна была надолго пережить середину V в.

Тезис об отсутствии керамики с расчесами на городищах 3-й четверти I тыс. как показателе хронологии, выдвинутый Е. А. Шмидтом и поддержанный А. Г. Митрофановым, сохраняет свою справедливость, но нуждается в уточнении: на ряде городищ такая керамика все же есть (Демидовка, Бураково, Казиново, Заговалино). Вероятно, эти слои городищ отложились ранее 3-й четверти I тыс. н. э.

В итоге широкая датировка керамики с расчесами в Верхнем Поднепровье и Подвинье получается в рамках III–V вв. н. э.

Основные направления истории керамических традиций

Выделенные наборы керамики относятся к нескольким взаимосвязанным культурным кругам. Термин «культурный круг» применяется здесь для обозначения совокупности древностей с некоторым разнообразием керамических наборов и других признаков, а также не всегда полностью синхронных («археологическая культура» — близкое понятие, но оно, в идеале, более четко обосновано с точки зрения типологических характеристик и хронологии). «Тип памятников» (то же, что «культурно-хронологическая группа») понимается как более мелкая и однородная единица.

Для III–V вв. в Днепро-Двинском регионе намечаются два основных культурных круга — киевско-колочинский и Заозерье-Узмень. Весьма вероятно, что в рассматриваемое время в качестве отдельного культурного явления еще существуют памятники типа Каратая — Черной горы. Они представляют собой одну из поздних культурно-хронологических групп в составе днепро-двинской культуры.

К киевско-колочинскому кругу принадлежат наборы 1 (верхнеднепровский вариант киевской культуры), 7 и 8 (деснинский вариант позднекиевской или раннеколочинской культуры в разных проявлениях).

Общее содержание памятников круга Заозерье-Узмень — сочетание (в разных пропорциях) традиций киевской и днепро-двинской культур. Несмотря на недостаток материалов, в рамках этого культурного круга предварительно выделяются по крайней мере 3 типа (наборы 2, 3, 4) — памятники типов Городка, Заозерья и Узменя.

Более детальное, чем ранее, изучение керамики позволяет конкретнее сформулировать понятие группы памятников типа Заозерья, а также ряда других, в разной степени связанных с ней культурных групп. Керамику с расчесами как отдельный факт наиболее правильно рассматривать в качестве показателя синхронизации и наличия контактов между культурными группами. Собственно тип Заозерья корректнее диагностировать через набор керамических форм (набор 3) при характерности керамики с расчесами; присутствия отдельных фрагментов такой керамики для определения типа Заозерья недостаточно.

Наложение ареалов памятников с керамическими наборами 1–4 и предшествующих культур (рис. 6) выявило, что почти все пункты проникновения ранних традиций киевской культуры на север попадают на территорию западного варианта днепро-двинской культуры. Границы ареала памятников круга Заозерье-Узмень почти полностью совпали с границами этого локального варианта. Единственное исключение — «язык», вытянувшийся через верховья Березины к верховьям Вилии на территорию культуры штрихованной керамики. Отсутствие в этой части ареала типологически ранних памятников (с наборами 1 и 2) приводит к предположению, что это регион вторичного расселения уже сформировавшейся этнокультурной группировки.

Совпадение ареалов, а также серия случаев совместного нахождения керамики на памятниках разных типов позволяют предположить, что расселение носителей традиций типа Абидни происходило в форме включения переселенцев в местную этно-социальную структуру, проявившуюся для нас в качестве западного варианта днепро-двинской культуры.

Несколько позднее (вероятно, около конца IV в.) на эту же территорию стали проникать традиции киевской культуры деснинского (?) варианта с керамикой наборов 7 и 8. В Смоленском Поднепровье и Посожье они существуют, очевидно, в чистом виде. Их непосредственных контактов с днепро-двинской культурой не выявлено (во всяком случае, по керамическим материалам). Взаимодействие же с типом Заозерья (главным образом в бассейне Двины) привело к формированию смешанных наборов керамики двух видов: с преобладанием деснинских традиций (тип Узменя — набор 4) и с преобладанием признаков набора 3, как на селище Заозерье.

Литература

- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Егарэйчанка 1999: Егарэйчанка А. А. Культура штрихаванай керамікі // *Археалогія Беларусі*. Том 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск.
- Клейн 1991: Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.
- Короткевич 1989: Короткевич Б. С. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье*. Калинин.
- Короткевич, Мазуркевич 1992: Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры // *ПАВ*. № 2. [СПб., 1992].
- Лопатин 1995: Лопатин Н. В. Стили декора керамики днепро-двинского региона в первой половине—середине I тысячелетия н. э. // *Древности Северо-Западной России: Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова*. СПб., ГЭ.
- Минасян 1980: Минасян Р. С. Городище Городок на берегу озера Каратай // *Сообщения ГЭ*. Вып. XLV. Л.
- Митрофанов 1978: Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. Минск; Сумы.
- Обломский 1996: Обломский А. М. О характере миграций населения Центральной и Южной Беларуси в лесостепь в римское время // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 10. Мінск.
- Обломский, Терпиловский 1991: Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

- Станкевич 1960*: Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвinya в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э.: МИА. № 76. М.; Л.
- Терпиловский 1984*: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья. Киев.
- Терпиловский 1991*: Терпиловский Р. В. Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы конференции. Гомель.
- Терпиловский, Абашина 1992*: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.
- Третьяков 1963*: Третьяков П. Н. Городище Тушемля // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Фурасев, в печати*: Фурасев А. Г. Периодизация древностей середины и второй половины I тыс. н. э. на северном берегу оз. Сенница // Тверской археологический сборник. Тверь.
- Шадыра. 1999*: Шадыра В. І. Дняпра-Дзвінская культура // Археалогія Беларусі. Том 2: Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мінск. С. 174—231.
- Шмидт 1963*: Шмидт Е. А. Городище у д. Новые Батеки // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Шмидт 1992*: Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э.—III в. н. э.). М.
- Шмидт 1999*: Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра во второй четверти I тыс. н. э. // Гісторыя Беларускага Падняпроўя (да 130 г. Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея). Матэрыялы навуковай канферэнцыі 13—14 лістапада 1997 г. Магілёў.

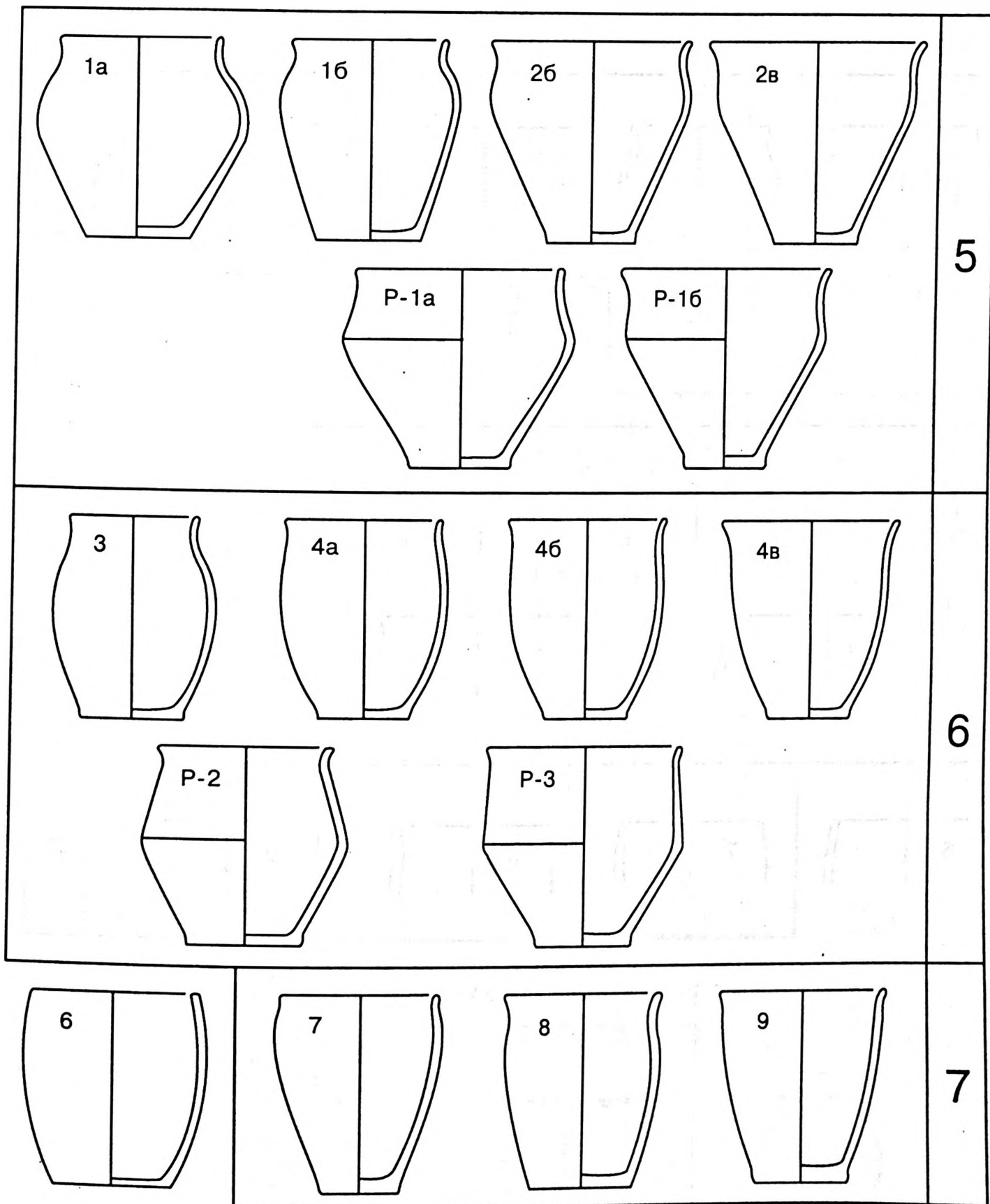

Рис. 1. Типология керамики стилей 5—8, модификация А

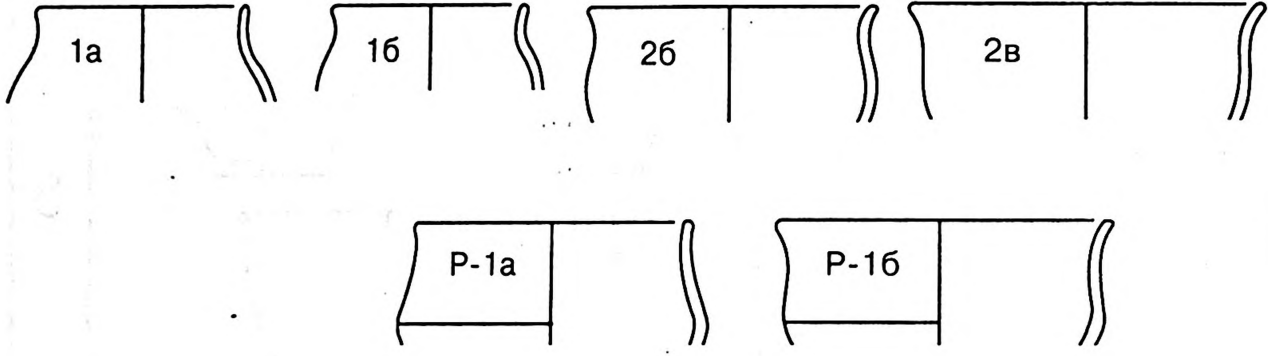
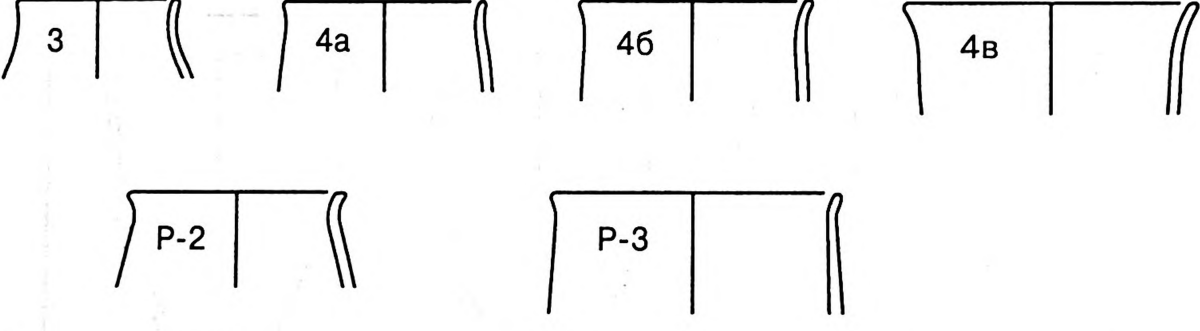
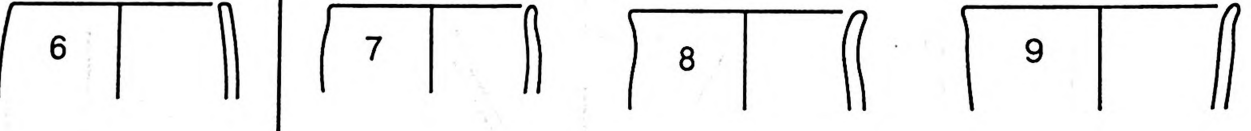
	5
	6
	7

Рис. 2. Типология керамики стилей 5—8, модификация В

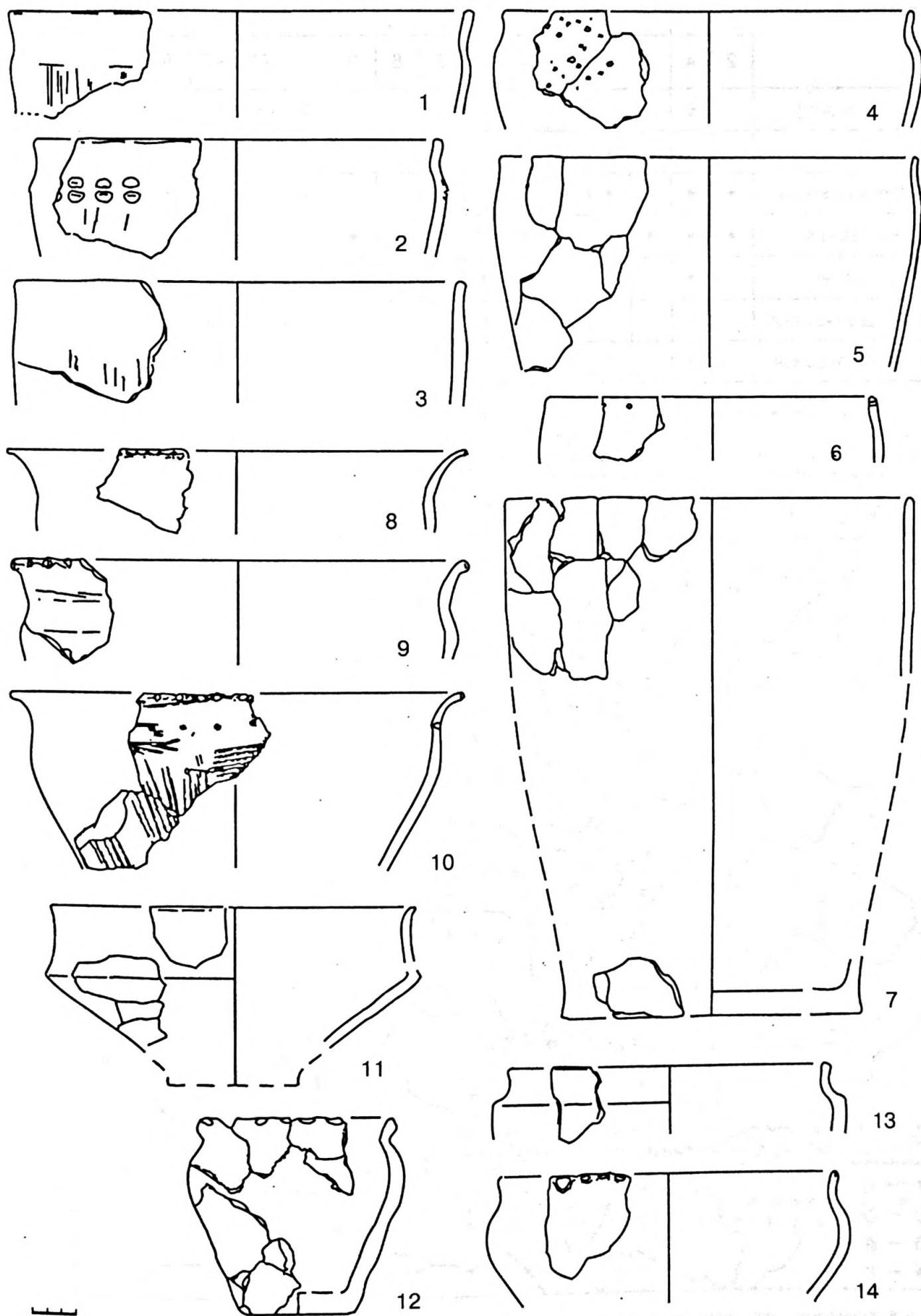

Рис. 3. Керамика стилей 1—4 и 9:

1—3 — стиль 1; 4—7 — стиль 2; 8—10 — стиль 3; 11 — стиль 4; 12—14 — стиль 9.

1—3 — Васильковка, городище; 4 — Заозерье, селище (насыпь кургана 52); 5 — Анашкино, городище; 6 — Фролы, селище; 7 — Каратай, городище; 8, 10 — Демидовка, городище; 9 — Яново, селище; 11 — Ермошино, постройка 1; 12 — Ермошино, погребение 1; 13, 14 — Подосинки, селище

	СТИЛИ		ТИПЫ												ДЕКОР		
	2	4	1	2	3	4	6	7	8	9	P1	P2	P3	P	ст.8	ст.5	расч
набор 1 (тип Абидни)		❖	❖	❖				♦			❖	♦				❖	❖
набор 2 (тип Городка)	♦	♦	♦	♦				♦						♦		♦	❖
набор 3 (тип Заозерья)	♦	♦	♦	♦	♦			❖			♦			♦			❖
набор 4 (тип Узменя)	♦	♦	♦	♦	❖	♦		♦	❖	♦				♦	❖		♦
набор 5 (Тушемля)		♦				❖	♦		❖					♦	❖		
набор 7 (тип Демидовки)					❖	❖	♦					❖	❖		❖		♦
набор 8 (тип Подесенья)		♦		♦	❖	❖						♦	♦				

Рис. 4. Состав наборов керамики: главные ❖ и второстепенные ♦ элементы:

P — ребристая керамика неопределенного типа.

Декор: ст. 8 — выглаженная или лошенная поверхность горшковидных сосудов, частое присутствие оттянутого валика на уровне ребра; ст. 5 — насечки и вдавления по венчику, иногда штрихованная поверхность; расч. — гребенчатые расчески

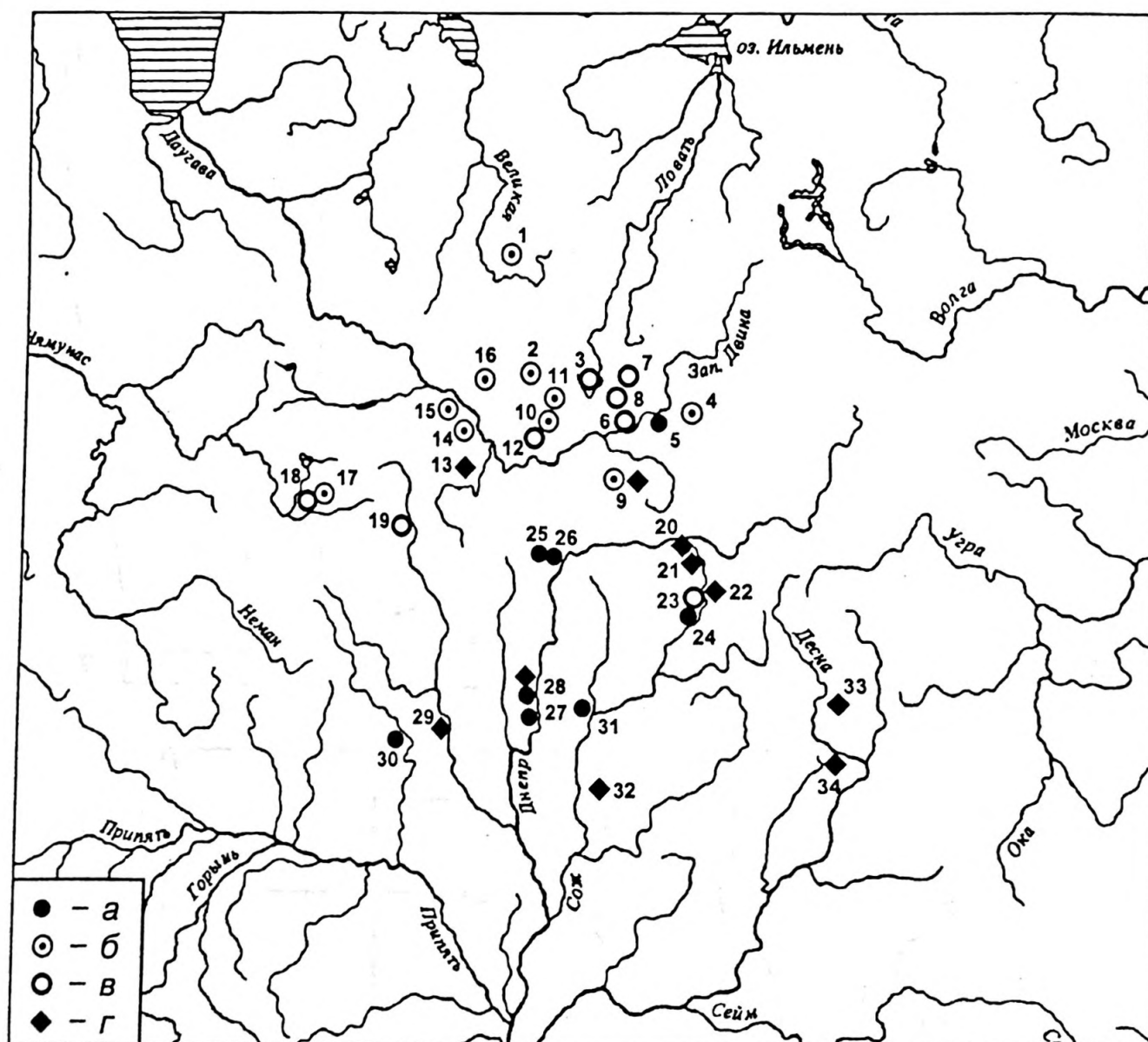

Рис. 5. Распространение памятников с различными наборами керамики в Верхнем Поднепр'ье и Подвин'ье:

a — набор 1; б — наборы 2 и 3; в — наборы 4 и 5; г — наборы 7 и 8.

1 — Свиноухи; 2 — Ермошино; 3 — Фролы; 4 — Подосинки; 5 — Заболонье; 6 — Орляки; 7 — Каменная Лава; 8 — Узмень; 9 — Заозерье; 10 — Городок; 11 — Бураково; 12 — Казиново; 13 — Заговалино; 14 — Бельчица; 15 — Рудня; 16 — Повалишино; 17 — Городище; 18 — Некасецк; 19 — Дедиловичи; 20 — Демидовка; 21 — Лахтеево; 22 — Слобода-Глушица; 23 — Тушемля; 24 — Хиславичи; 25 — Зайцево; 26 — Бараны; 27 — Абидня; 28 — Тайманово; 29 — Щатково; 30 — Симоновичи; 31 — Барсуки; 32 — Гудок; 33 — Касилово; 34 — Хотылёво

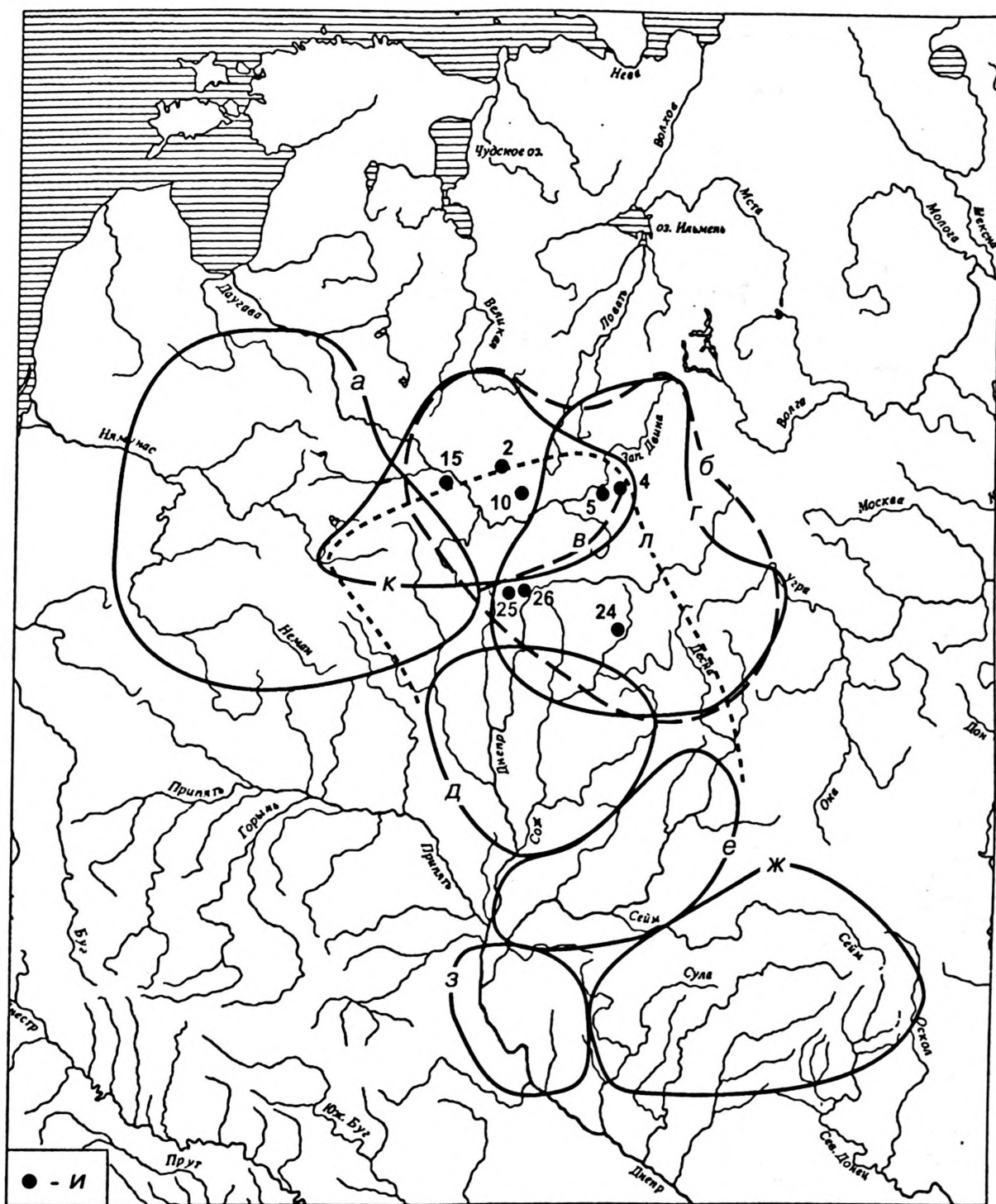

Рис. 6. Ареалы культур первой половины I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье:

а — культура штрихованной керамики (по: [Егарэйчанка 1999: 159]); *б, в* — днепро-двинская культура (*б* — общий ареал, *в* — граница западного и восточного вариантов) (по: [Шмидт 1992: 21; Короткевич, Мазуркевич 1992: рис. 1]); *г* — памятники типа среднего слоя Тушемли (по: [Шмидт 1992: 206; Короткевич 1989: рис. 2]); *д-з* — киевская культура (*д* — верхнеднепровский, *е* — деснинский, *ж* — лесостепной левобережный, *з* — среднеднепровский варианты) (по: [Терпиловский 1991: 37]); *и* — пункты проникновения ранних традиций киевской культуры на север (наборы 1 и 2; номера соответствуют карте на рис. 5); *к* — памятники круга Заозерье—Узмень (наборы 2, 3 и 4); *л* — северная граница распространения и влияния стиля *б* (наборы 7 и 8; примесь к другим наборам) в IV—V вв. н. э.

Культурные трансформации в середине I тыс. н. э.

М. Б. Щукин

Силадьшомйо или Шимлео Сильваней и Фритигерн

Клад, точнее, два клада эпохи Великого переселения народов, найденные в городке на Венгерско-Румынском пограничье в Трансильвании (Силадьшомйо по-венгерски или Шимлео Сильваней по-румынски), столь знамениты, столько раз публиковались и обсуждались в литературе, что помянуть их все же даже как-то неприлично. С ними, казалось бы, все более или менее ясно — оба клада представляют собой сокровищницу гепидских королей, накапливавшуюся в течение двух столетий и захороненную где-то в пределах середины—второй половины V в. Это представление, к которому, не без неких нюансов, пришли почти все исследователи, стало столь распространенным, что превратилось в стереотип и вещи кладов стали хронологическими индикаторами, используемыми и для дальнейших расчетов общеевропейской системы хронологии.

Тут я, было, собирался дать соответствующую ссылку на литературу, но быстро понял безнадежность этого замысла. Сокровище из Силадьшомйо так или иначе поминается практически в каждой работе посвященной эпохе переселения народов, и список названий из моей картотеки превзошел бы по объему эту заметку. В последние годы непосредственно к кладу обращались Аттила Киш [Kiss 1982—1984; 1991; Garam, Kiss 1992; Acsadi, Kiss 1995] и Раду Хархойю [Harchoiu 1993; 1997], а в 1999 г. в Вене и Будапеште была организована выставка, где были, наконец, показаны оба клада вместе, издан прекрасный каталог с основательными статьями специалистов [Seipel 1999], к которому я и отсылаю читателей — в нем они найдут всю предшествующую литературу вопроса, подробные описания предметов и качественное их воспроизведение. В дальнейшем изложении фигурируют номера именно этого каталога, в Венском его издании.

Имя Фритигерна, вождя готов, героя битвы 378 г. под Адрианополем, судьбоносной для Римской Империи, а также обстоятельства его деятельности тоже известны достаточно широко, но никогда не сопоставлялись почему-то с находками из Шимлео Сильваней. Таким образом, выдвигаемая здесь идея ясна из заголовка. Можно было бы на этом остановиться и сразу приступить к дискуссии.

Напомню, однако, вкратце обстоятельства находок, их содержание и исторический контекст. Клад I нашли в 1797 г. местные мальчишки, которые, собирая сливы в церковном саду на окраине городка, увидели как что-то блеснуло в песчаном холмике-кротовине между корнями деревьев [Bernhard-Walcher 1999: 17—26]. Оказалось, — золотой медальон-подвеска, так называемая булла, со вставками граната (Кат., № 17).

Далее мальчишками были извлечены из земли еще 15 золотых медальонов-монет с портретами римских императоров IV в. (некоторые из них в массивных золотых оправках с ушками для подвешивания), золотая цепь длиной 176 см и весом 712,8 г с 52 подвесками, изображающими в миниатюре различные сельскохозяйственные и ремесленные орудия (цепь заканчивалась крупным шариком дымчатого горного хрусталя в золотой оправе) (Кат., № 16), а также несколько других предметов — фрагменты браслетов, перстень со змеиными головками и прочее, в частности, многочисленные золотые колечки, являющиеся, по всей вероятности, деталями гривны, основа кольца которой была из какого-то орга-

нического материала, а колечки на эту основу были нанизаны (Martin 1999: 113—121]. После некоторых перипетий находки попали в Венский музей истории искусства.

По рассказам очевидцев все вещи находились внутри грубого глиняного сосуда и сейчас мы многое дали бы, чтобы увидеть его черепки, но, к сожалению, это невозможно.

Клад II был найден в том же пункте почти сто лет спустя, в 1889 г., при выкапывании картошки [Kiss 1999: 27—31]. По расчетам, обе находки разделяют более чем 100 м, то есть приблизительно как от ворот до ворот футбольного поля, и возникают сомнения в единстве обоих кладов, хотя сейчас на застроенной площади города точно определить места находок двухсотлетней и столетней давности вряд ли уже возможно.

Клад II составляли: золотая Т-образная фибула с крупной овальной вставкой оникса в центре (Кат., № 45), пара круглых выпуклых фибул-брошей со вставками граната и изображениями зверей (Кат., № 48—49) и 8 пар больших двухпластинчатых фибул разной формы и оформления, усыпанных вставками граната, зеленого стекла и эмали (Кат., № 46—47, 50—65), золотой полый браслет с шаровидными выпуклостями (Кат., № 71), три небольших, диаметром от 10,3 см до 12,4 см, но массивные, от 184,25 до 346,72 г, чаши-фиалы, украшенные накладками со вставками граната в технике клузонне (Кат., № 72—74). В конечном итоге вещи попали в Национальный музей в Будапеште.

После длительного изучения большинство ученых, несмотря на нюансы трактовки, пришли к практически однозначным выводам:

Оба клада составляют одно сокровище длительного накопления, принадлежавшее династии королей гепидов, возможно самому Ардариху, верному союзнику гуннов Аттилы в 451 г. в битве на Каталаунских полях и главному противнику гуннов в битве при Недао в 454 г. после смерти патрона. Именно он, по преданию (Iord. Get. 199, 200, 260, 263), организовал подвластные гуннам народы на восстание против угнетателей.

Если отвлечься от деталей, то обоснования данному тезису сводятся к следующему: Шимлео Сильваней находится в зоне расселения гепидов во второй половине V—VI вв. (454—568) в Трансильвании, памятники их собораны и обстоятельно изучены Д. Чалани [Csallany 1961], хотя следует отметить, однако, что лишь в самом восточном пограничье этой зоны [Kiss 1999b: 165 Abb. 1].

Целый ряд стилистических и технических моментов изготовления вещей двух кладов, в частности, использование техники «перегородчатой инкрустации» со вставками гранатов, называемой в Европе «клузонне», получает широкое распространение в эпоху Аттилы и в Меровингское время середины V—VI вв. Это верно, хотя опять же следовало бы оговориться, что такая техника производства ювелирных изделий известна, по крайней мере, с 60-х гг. III в. н. э. [Бажан, Щукин 1990; Shchukin, Bazhan 1994]. Здесь нет необходимости углубляться в эту проблему.

Наконец следует следующее рассуждение: массивные золотые чаши, украшенные накладками в технике клузонне, должны относиться к эпохе Аттилы, поскольку именно в это время гунны получали чрезвычайно высокие выплаты Империи за сохранение мира и именно в их руках должны были бы сосредоточиться значительные запасы драгоценных металлов, в том числе и у гепидов, союзников и подчиненных гуннов [Kiss 1999a]. Отметим, однако, что полусферические чаши использовались в качестве фаларов (возможно их бифункциональное назначение) еще сарматами I в. н. э., примерами чему могут служить чаши-фалары из богатых сарматских погребений в Дачах, в Грушке, в Весняном. Как и чаши из клада II Силадьшомйо, они имеют специальные колечки для крепления к сбруе.

Нужно признаться, все заключения сторонников поздней датировки интересующих нас кладов аттиловским или даже пост-аттиловским временем не лишены логики, но вступают в некоторое противоречие с объективными датами монет и медальонов, находимых в тех же комплексах. Противоречия обычно пытались снять предположением, что медальоны клада I получили свои оправы, стилистически и технически соответствующие вещам клада II, значительно позже чеканки монет, разница достигает 50—70 лет [Dembski 1999].

Здесь нужно учесть, однако, специфику медальонов. Это не деньги в собственном смысле слова [Bursche 1999], в нормальное денежное обращение они, как правило, не поступали. Обычные монеты они превосходят по весу и размеру в несколько раз, в два—три или шесть, а иногда и более. Так, золотой медальон Константина (рис. 1, 4) из интересующего нас клада равен 36 разменным солиди и весит 256 г (Кат., № 4), а подражание монете Валента (Кат., № 12) соответствует 72 солиди и весит 412 г (рис. 2, 5, 6). Чуть ли не полкило золота. Уже каждый из таких медальонов представлял собою сокровище, был своего рода тем банкнотом в 1 млн. фунтов, ситуацию с которым обыгрывает Марк Твен в известном рассказе. В соседней лавочке разменять такую сумму и получить сдачу было невозможно.

Медальоны скорее были медалями, наградными или юбилейными, выдаваемыми то вождям варваров и их свите за те или иные заслуги перед Империей, а то и собственным придворным императора. Как раритеты они могли храниться, конечно, достаточно долго, но в обиходе вряд ли они сильно отставали во времени от императоров, эти награды вручивших.

Мы не будем сейчас заниматься ни проблемой появления и развития техники клузонне, ни вопросом датировки и происхождения полихромного стиля так называемого «горизонта Унтерзибенбрунн», к которому относятся и оба интересующих нас клада, ни соотношением ступеней D₁ и D₂ европейской хронологической системы и их датировки в абсолютном исчислении времени. Обратимся пока непосредственно к содержанию клада I.

Самые ранние медальоны кладов чеканены еще в конце III в., в 290 и в 293/94 гг. (Кат., № 1—2) Максимианом Геркулеусом, соправителем Диоклетана, основателя системы тетрархии. Один из этих медальонов (Кат., № 2) — в оправе со вставками треугольных пластинок граната (рис. 1, 1). Как уже отмечалось, нет оснований относить эту оправу к значительно более позднему времени, поскольку в эпоху тетрархии, на рубеже III и IV вв., техника клузонне была уже достаточно хорошо известна, что можно видеть на целом ряде примеров [Shchukin, Bazhan 1994; Kazanski 1993], в частности, на знаменитой скульптурной порфировой группе, которая изображает четырех обнимающихся тетрархов и

которая находится сейчас в соборе Святого Марка в Венеции, ножны мечей явно оформлены в стиле клузонне [Seipel 1999: 143, Abb. 4]. Скорее всего, здесь представлены августы Диоклетиан и Максимиан с цезарями Галерием и Констанцием Хлором в период 293—305 гг., позже между тетрархами уже не было столь дружеского согласия [Shchukin, Bazhan 1994: 242; Шукин 1999: 92].

Следующие два медальона клада чеканены Константином Великим. Один из них (рис. 1, 4), самый большой, равный 36 солиди, 256 г золота (Кат., № 4. Рис. 1, 4), явно выпущен императором в честь победы над готами его сына Констанция, совершившего победоносный рейд на варварскую территорию за Дунаем, после чего, с 332 г., готы окончательно стали верными союзниками-федератами Империи. В 335—336 гг., на закате жизни, Константин отметил 30-летний юбилей своего правления, и один из выпущенных по этому поводу медальонов в 6 солиди, предназначенных для награды союзным варварам, попал и в интересующий нас клад (Кат., № 3). Не исключено, что именно на этот юбилей прибыло посольство готов-федератов, в составе которого находился юноша греко-готского происхождения — христианин Вульфилла, будущий епископ Готин и проповедник христианства в их среде, переведший затем на готский язык Библию. Все участники посольства должны были бы получить такие медальоны. Впрочем, это не более чем догадка, доказать ее невозможно.

Эпоха Констанция II (337—361), имевшего весьма оживленные контакты с причерноморскими, а быть может даже со скандинавскими варварами, о чем свидетельствует целая серия кладов серебряных селикв, специально предназначенных, вероятно, для расплат с варварами [Шукин 1999: 95; Kruman et alii 1991: 155], представлена в кладах одним медальоном, чеканенным между 347 и 355 гг. (Кат., № 5), а эпоха Валентиниана I (364—375) — медальоном, выпущенным в 369 г. (Кат., № 6).

Больше всего в кладах медальонов брата Валентиниана, правителя восточной части Империи, Валента (364—378), их целых восемь. Последний владелец клада почему-то имел какие-то особые отношения именно с этим императором. Три из них по 9 солиди (Кат., № 7—9), два — по 6,5 солиди (Кат., № 10—11). Александр Бурше, специально занимающийся медальонами, считает, что три из них (Кат., № 7, 10, 11) чеканены в Риме в 376 г., а два (Кат., № 8 и 9) — в Фессалониках в 378 г. в связи с 15-летием правления Валента [Bursche 1999: 42], накануне битвы под Адрианополем.

Имеется еще и медальон Грациана (377—383), императора Запада и племянника Валента (Кат., № 14). Он в оправе с изображением «мертвых голов» (рис. 1, 7). Это мотив, весьма характерный для кельтского искусства, см., например, фалары из Манребно-сул-Мело в Италии еще III—II вв до н. э. (Allen 1971: Pl. XVIII; Jacobsthal 1944: 174). Медальон чеканен в Трире, и сохранение здесь кельтских традиций не столь уж удивительно.

Особый же интерес могут представлять три варварских подражания медальонам Валента, все очень крупные, один из них (Кат., № 12) весит 412 г, соответствуя 72 солиди (рис. 2, 5, 6), а второй (Кат., № 13) несколько меньше — 219,31 г, что примерно соответствует 36 солидам. Если на первом из названных медальонов портрет императора весьма точно воспроизводит обычные его монеты, то на втором это явно варварская копия, с очень неумелым, смешным изображением рук (рис. 2, 1, 2). Реверсы же обеих медальонов необычны для чеканки Валента, во всяком случае, на имеющихся в коллекциях монетах таких не встречалось. Изображен конный император с нимбом над головой, перед ним женская фигура в лучистой короне и с факелом в руках, под ногами коня фигура еще одной, поверженной, женщины, на расстеленном под ней плаще пять крупных точек, может быть, яблоки или другие фрукты, либо еще что-то. За всем этим явно скрывается какая-то символика, к сожалению, нам недоступная. В специальной литературе я не встречал убедительных попыток разгадать этот ребус.

Аналогичная сцена показана и на реверсе третьего медальона-подражания (Кат., № 15) в 48 солиди весом 242,49 г (рис. 2, 3, 4). Несмотря на варварское воспроизведение на аверсе легко распознаются портреты двух императоров-братьев Валентиниана I и Валента. Подобных монет нумизматы не знают, возможно, до нас дошла лишь копия очень редких экземпляров, не представленных в нумизматических коллекциях. Совсем необычна и легенда: REGES ROMANORUM, такая титулатура никогда не использовалась в Римской империи, это явно варварское измышление. На реверсе имеются буквы AN, якобы медальон чеканен в Антиохии. Есть некоторые сомнения в принадлежности этого медальона кладу из Силадьшомйо. Он хранится в Берлинском Мюнцкабинете, и числится там как происходящий из клада в Загожине в Польше. Но сходство реверсов этого медальона с двумя предыдущими (Кат., № 12—13) заставляет исследователей склоняться к мысли, что он был-таки найден в Силадьшомйо, был находчиками продан или каким-то образом утрачен и после некоторых блужданий по нумизматическим коллекциям оказался в Берлине. Так это было или иначе, но на упомянутых выставках он был представлен в составе клада. Согласимся с этим *a priori*.

Кто же из политиков-варваров мог собрать такую коллекцию наград-медальонов, чьи родители и родственники имели дело еще с Максимианом, Константином Великим и с Констанцием II, а сам он имел весьма тесные контакты с Валентом, Валентинианом I и Грацианом, да еще и подчеркивал свои связи с Империей перед лицом соплеменников, воспроизводя дорогостоящие фальшивки? Конечно, мы не знаем по именам всех политических деятелей Барбарикума, лишь некоторые из них оказались запечатленными на страницах письменной традиции. Из числа последних для этой роли, на мой взгляд, больше всего подходил бы Фритигерн, герой битвы при Адрианополе.

Вспомним некоторые обстоятельства его жизни и деяний из того немногочисленного, что нам известно по источникам. Он не царской крови, не принадлежал ни к роду Амалов, ни к роду Балтов, но явно из числа знати — «дукс, управляющий вместо короля». Вероятно, он один из тех риксов или харьисов, кто в составе державы Германариха-Атанариха правил более мелкими территориально-племенными подразделениями, которые в Библии Вульфиллы обозначались как кунья [Wolfram 1990: 105—109]. Хервиг Вольфрам предполагает, что кунья Фрититигерна находилась, примыкая к низовьям Дуная, где-то к юго-западу от расположенного в центральной части современной Молдовы основного домена его патрона, юдекса Атанариха. Точно мы, конечно, ничего знать не можем, но отнюдь не исключено, что люди Фритигерна жили именно на землях примыкающих, к Нижнему Дунаю между Серетом, Прутом и Днестром.

Определенно и Фритигерн, и, вероятно, часть его подданных были христианами арианского толка, и стать таковыми они могли в результате миссионерской деятельности Вульфилы, проповедовавшего в Готии с 341 по 347 гг. Затем на него «взъярился» некий «безбожный и нечестивый» юдекс готов (Phylostorg. H. E. II, 5), скорее всего это был Атанарих [Щукин 1999: 96], и епископу с его паствой пришлось бежать за Дунай, его «малые готы» поселились в районе Никополя (Iord. Get. 267). Но бежали, вероятно, не все, оставшиеся составляли некую внутреннюю оппозицию Атанариху, хотя и оставались его подданными. Среди них, возможно, был и Фритигерн.

Далее события, подробно описанные их участником Аммианом Марцеллином, развивались следующим образом. В 361 г. умер Констанций II и к власти пришел его племянник Юлиан Отступник, безуспешно пытавшийся возродить языческие культы в Империи. В 363 г. он погиб в персидском походе. После краткого правления Иовиана солдаты объявили императором полководца Валентиниана, который сделал соправителем своего брата Валента, предоставив ему восточную часть Империи и продолжение войн с персами.

Оба брата не были из дома Константина Великого, начиналась новая династия, и тут в Константинополе поднял мятеж некий Прокопий, действительно один из побочных представителей Константиновского дома.

Готы, жители Северного Причерноморья, заключив еще в 332 г. договор-феодус с Константином Великим, были верными союзниками Империи и потомков Константина, добросовестно выполняли свои обязанности федератов — не подпускали к границам Империи прочих варваров, поставляли в римскую армию рекрутов и отряды вспомогательных войск для участия в походах императоров, получая в ответ денежные выплаты, поставки продуктов и одежды. Поэтому, когда Прокопий обратился к ним за помощью, особых сомнений у них не было и трехтысячный отряд двинулся в сторону Константинополя.

Но Прокопий оказался плохим организатором и никудышным политиком, популярностью в армии и у народа из-за своего мрачного характера он не пользовался. Поэтому, когда Валент, сняв легионы с восточного фронта, двинулся к столице, сторонники Прокопия его предали и связанным привели в ставку императора. Начались гонения на участников мятежа.

Не простил Валент и готам их невольного участия в восстании. В 367 г. он организовал первую, не очень удачную, карательную экспедицию на территорию Готии, а в 369 г. — вторую, весьма успешную. Переправившись через Дунай в самых низовьях реки около Новиодунума (современная Иссакча), Валент проник достаточно далеко в глубины варварских земель и устроил своего рода охоту за рабами. Тогда же или несколько позже Фритигерн поднял восстание против Атанариха. Два единоверца — а Валент тоже был арианином — в этих условиях должны были неоднократно встречаться, хорошо познакомиться.

В конечном итоге дело кончилось заключением мира — встретились в лодках на середине Дуная Атанарих и Валент для переговоров. Условия мира были отнюдь не благоприятны для готов. Выплаты были если не совсем прекращены, то сильно урезаны, существовавшая прежде прозрачность границы по Дунаю ликвидирована, оставлялось лишь два таможенных пункта для торговли и контактов. Кстати, именно тогда, вероятно, окончательно захирела и была покинута жителями Ольвия. Самые поздние найденные здесь монеты чеканены как раз при Валенте [Карышковский 1988: 129—130, рис. 16, 15—16].

Атанарих ответил новыми гонениями на христиан, известные по церковной истории страдания святых Пины, Риммы и Тины, великомученика Саввы и других относятся, скорее всего, к этому времени (Sozomen, Eccl. Hist. VI, 37; Socrates IV, 33, 7). Мы не знаем, как складывались при всем этом взаимоотношения Атанариха и Фритигерна, источники об этом умалчивают. Возможно, последний и продолжал оставаться в числе подданных юдекса, но неизбежно должен был быть в оппозиции того или иного рода.

Вскоре же последовали события, перевернувшие ход мировой истории — ужасное нашествие гуннов, погиб король гревтунгов-остроготов-остготов герой германских саг Германарих, был разбит и бежал «в Кавкаланд» король тервингов-визиготов-вестготов Атанарих. Случилось это где-то в интервале между 369 и 376, точнее мы не знаем. Предложенная Теодором Момзеном и вошедшая во все учебники и энциклопедии дата 375 г. сугубо условна. Возможно, войны готов с гуннами заняли и не один только этот год.

Так или иначе нашествие гуннов вызвало у населения Причерноморья настоящую панику. После поражения Атанариха, а это случилось, скорее всего, на переправе через Днестр в районе нынешних Бендер, в низовьях Дуная скопились огромные массы самых разных беженцев, искавших приюта и защиты на территории Империи, которых и пришлось возглавить Фритигерну, прежде всего беспокоившемуся, однако, о людях своей куньи — христианах. Далее возникает целая цепь недоразумений.

Фритигерн посылает посольство к Валенту, находящемуся в этот момент в Антиохии, на восточном фронте, с просьбой разрешить его людям поселиться на свободных землях во Фракии и Нижней Мезии. Тот, не ведая, очевидно, реальной ситуации (римская разведка, вероятно, сработала недостаточно четко), разрешает, думая, по опыту 369 г., что людей Фритигерна сравнительно немного. Но за Фритигерном последовала напуганная гуннами огромная масса готов. Пограничная придунайская стража насчитала 200 тысяч переправившихся через реку и далее сбилась со счета. Их было значительно больше. Без всякого на то разрешения переправились тайфалы во главе с Фарнобием, группировка гревтунгов-остготов, объединенная с аланами и руководимая вождями Алатеем и Сафраком. Они привезли с собой малолетнего Видерика, отпрыска дома Германариха.

Сразу же возникло недоразумение, указ сидящего в Антиохии Валента трактовал переселенцев как *deditii*, то есть «военнопленные, сдавшиеся на милость победителя». Их следовало разоружить и расселить на свободных землях как зависимых от императора колоннов-земледельцев, платящих налоги и сами себя обеспечивающих. Готы же рассчитывали на другое, они хотели остаться федератами, то есть вспомогательными подразделениями римской армии, охра-

няющими границы Империи, получающими за это денежные выплаты, поставки от государства продуктов, одежды, оружия и сохраняющими внутреннее самоуправление. Готы, очевидно, были разочарованы, но выбора у них не было.

Местные администраторы Мезии и Фракии не могли справиться с возникшей массой беженцев — ни расселить их, ни разоружить, ни прокормить, а была уже поздняя осень 376 г., осваиваться на новых землях и засеивать поля было уже слишком поздно. В результате готы ужасно голодали, вспыхнул стихийный бунт, и они бросились грабить, главным образом сельскую округу, деревни и виллы, поскольку для взятия городов, где были склады хлеба, они не имели достаточно техники и умения. Отношения самого Фритигерна с римлянами натянулись после того, как его попытались убить во время пира-переговоров.

Валент, занятый делами Востока, все еще не придавал особого значения случившемуся, только просил племянника Грациана (Валентиниан неожиданно умер в 375 г.), помочь навести порядок. Тот, однако, был занят войной с германцами-свевами на Среднем Дунае и единственное, что мог сделать, это послать войска федератов-франков перекрыть перевалы на Балканах, чтобы пламя восстания, к которому примкнули и рабы-германцы, не перекинулось на западную часть Империи. Я даю здесь лишь самую сжатую схему событий, подробнее можно прочитать у Хервига Вольфрама [Wolfram 1990: 125—158].

Только весной 378 г. Валенту кое-как удалось завершить дела на Востоке и бросить армию на подавление восстания переселенцев-готов. Силы римлян сосредоточились под Адрианополем и имели определенное численное и тактическое преимущество перед варварами, Фритигерн еще не сумел сконцентрировать отряды, разбредшиеся ради грабежа, поэтому Валент решил дать генеральное сражение, не дожидаясь подхода основных сил Грациана, не хотел делить славы победы с племянником. Ход битвы в августе 378 г., однако, развернулся не в пользу римлян. Фланговая атака неожиданно появившихся конников Алатея и Сафрака смешала ряды римских войск, и дело кончилось жестоким уничтожением двух третей армии и гибелью самого императора. Весьма знаменательна личная позиция Фритигерна накануне и в ходе битвы, явствующая из описания событий Аммианом Марцеллином (Amm. Marc. XXXI, 12, 8—9). Фритигерн всячески пытался избежать прямого столкновения сил. Еще перед битвой в ставку императора прибыл некий «христианский пресвитер», «верный человек, посвященный в секреты Фритигерна», не исключено, что это был Вульфилла, который принес императору два письма. Одно официальное, где вождь готов требовал, чтобы его людям «предоставлена была для обитания Фракия, и только она одна, со всем скотом и хлебом. Он обязывался сохранять вечный мир, если его требования будут удовлетворены». И второе письмо, секретное, личное, где «Фритигерн сообщал Валенту как человек, который в скором времени должен был стать его другом и союзником, что он не сможет сдерживать свирепость своих земляков и склонить их на условия, удобные для римского государства, иным образом, чем если император покажет им немедленно на близком расстоянии свою армию в боевом снаряжении и страхом, который вызывает имя императора, лишит их губительного боевого задора». Похоже, Аммиан читал эти письма, что не столь уж удивительно, в архиве Валента они могли сохраниться.

Письма Валент оставил без ответа, не мог сразу пойти на мир, поскольку его подданные были недовольны медлительностью императора, почти два года он, занятый на Востоке, позволял восставшим готам грабить Грецию, население столицы было близко к мятежу, но тайный план Фритигерна император, кажется, принял.

Непосредственно перед битвой, пока войска занимали боевые порядки, Фритигерн прислал еще одного «переговорщика» с просьбой выдать знатного заложника для обеспечения безопасности переговоров, и Валент на это пошел, выбрал своего родственника трибуна Эквиция, тот отказался, но вызвался стать заложником франк Рихомер, командовавший подразделением войск Грациана в армии Валента.

Дело действительно могло бы кончиться миром, Рихомер уже двинулся в сторону лагеря готов, и «приближался к вражескому валу», но тут произошло неожиданное, skutарии правого фланга, не дожидаясь общей команды, пошли в атаку и завязали бой с готами. Рихомер был вынужден вернуться (Amm. Marc. XXXI, 12, 14—17).

Далее случилось то, что случилось. Подоспевшая на помощь Фритигерну конница гревтунгов и алан Алатея и Сафрака ударила во фланг римской армии, ее ряды смешались, и началось избиение.

Но готы, как известно, не сумели воспользоваться плодами блестящей победы. Штурм Адрианополя, где находилась казна Империи, не удался. Кстати, нужно отметить, что Фритигерн советовал воздержаться от штурма (Amm. Marc. XXXI, 15, 15). Пытались готы штурмовать и Константинополь, но были отбиты наемниками-сарацинами, и вообще в течение года не сумели взять ни одного города. Армия их опять распалась на отдельные отряды, занимавшиеся грабежом по всему Балканскому полуострову.

Грациану, императору Запада, тогда было всего 19 лет, и он назначил в соправители своего более взрослого и опытного родственника Феодосия, уроженца Испании, предоставив ему разобраться с ситуацией в восточной части Империи. Предложение, прямо сказать, незавидное — земли разорены и в полном неустойстве, всюду шастают шайки грабителей-готов, цвет армии сложил головы под Адрианополем. Но Феодосий не был лишен ни политических, ни полководческих талантов, и первый его шаг почти гениален — он объявляет новый набор добровольцев в армию, причем прошлым рекрутов не интересовались, кто прежде за кого воевал, какова его национальная и социальная принадлежность, какие грехи, преступления и чья кровь на его руках, было неважно, был бы здоров, силен и опытен в военном деле. Естественно, это оказалось привлекательным для многих варваров, включая готов, оказавшихся волей судьбы на территории Империи — твердая зарплата, оружие и занятие любимым делом — войной. Перетасовав рекрутов, готские отряды, в частности, попали в Египет и в Аравию, Феодосий в результате получил за несколько месяцев весьма боеспособную армию, вексилляции которой занялись постепенным вытеснением поредевших готских отрядов во Фракию.

Однажды, весной 380 г., во время этой полупартизанской войны мелких отрядов Фритигерн чуть было не захватил в плен самого Феодосия, но император был предупрежден «своими готами» и сумел ускользнуть [Wolfram 1990: 139].

Не было ли это предупреждение подстроено самим Фритигерном, который, как мы уже видели, в силу складывающихся обстоятельств все время был вынужден вести двойную игру?

Пока отряды Фритигерна грабили Фессалию, Македонию и Ахайю и были постепенно вытесняемы оттуда подразделениями новой армии Феодосия, Алатей и Сафрак отправились на север, в Паннонию, но императору Грациану удалось с ними договориться, и они со своими людьми перешли к нему на службу (Iord. Get. 141), отбивали нападения на провинцию свевов и сарматов. К ноябрю 380 г. Феодосию уже удалось оттеснить отряды готов во Фракию, и он отпраздновал триумф, Адрианополя словно бы и не было [Wolfram 1990: 139].

Тем временем какие-то события происходили в Кавкаланде, куда после поражения на Днестре бежал летом 376 г. Атанарих. Где находится этот Кавкаланд, не совсем ясно, непосредственно в Карпатах или за ними, в Трансильвании? Скорее второе. А тогда это то место, где и были найдены интересующие нас клады. Атанарих был изгнан в результате заговора «своих друзей и родственников», был вынужден нарушить некогда данную отцу клятву — никогда не ступать на землю римлян — и бежать в Константинополь, где был принят с невероятным почетом, император даже вышел из ворот города, чтобы его встретить. При византийском церемонном дворе случай небывалый и, пожалуй, единственный.

Через две недели король неожиданно умер, были устроены весьма торжественные похороны, но он успел провести переговоры, и со скопившимися во Фракии готами был заключен «феодус», они наконец получили то, чего добивались изначально. Через год, в 383 г., Феодосий использовал их силы против очередного узурпатора Галлии. Фритигерн в этих событиях уже не принимал участия, и его имя исчезает со страниц источников.

Имеется, однако, одно весьма примечательное свидетельство Зосима.

«Атанариха изгнали три предводителя — Фритигерн, Аллотей и Сафрак» (Zos. VI, 34). Если он прав, то, похоже, их люди обосновались в Трансильвании и ими, а также не последовавшим за Атанарихом населением оставлены имеющиеся здесь памятники культуры Синтана-де-Муреш-Черняхов.

Именно Фритигерн, вернувшийся в Кавкаланд после изгнания Атанариха, в целях пропаганды своих личных связей с римскими императорами Валентом, Валентинианом и Грацианом — а для варваров, относившихся к священным особам римских императоров с большим пиететом, такие связи выглядели бы весьма престижными — мог изготавливать подделки-медальоны с изображениями этих правителей мира. Клад или клады в Шимлео Сильваней могли быть укрыты в результате событий или 406 г., когда, вероятно под натиском гуннов, массы варваров Центральной Европы — вандалы, свевы и аланы — устремились на запад в Галлию и Испанию, или 433 г., когда, после смерти гуннского царя Руи, его наследники Бледа и Аттила по предложению Аэция заняли Паннонию.

Я отдаю себе отчет в шаткости приведенной здесь логической конструкции, в точности мы ничего не знаем и знать не можем из-за чрезвычайной отрывочности и лакуарности имеющихся в нашем распоряжении свидетельств, но все же, кажется, такая конструкция тоже имеет право на существование, хотя бы как одна из возможных версий.

Если же я окажусь прав в своих предположениях, то из этого, в частности, а также из некоторых других наблюдений, о которых здесь не было речи, будут проистекать весьма существенные выводы, касающиеся абсолютных датировок уже установившейся и казалось бы непоколебимой общеевропейской системы относительной хронологии поздне-римского времени и эпохи переселения народов.

Слушатели доклада на конференции, посвященной памяти Е. А. Горюнова, почувствовали подвох, и был задан вопрос: «А не собираетесь ли Вы, в результате, передатировать ступень D₂ европейской хронологии, связываемой с эпохой Аттилы 430—450 гг., и, соответственно, другие комплексы этой ступени, тоже содержащие медальоны, на более раннее время, приближенное к их выпуску в доаттиловское время?» Я был вынужден ответить утвердительно: да, у меня возникает ощущение, что система не совсем совершенна и превращена в слишком жесткую схему, сказываются некоторые пороки столь важного для археологов типологического метода. Ячейки выстраиваемых типологических рядов подсознательно представляются как сменяющие друг друга, хотя в реальности они могут быть параллельными или почти параллельными, во всяком случае глубоко перекрывающимися друг друга. Недоучет этого обстоятельства приводит к «завышению» всей системы, а монеты, которые только и являются единственным более или менее надежным указателем абсолютной хронологии, почти всегда оказываются «запаздывающими», что превращается уже в правило. Все это меня, признаться, смущает.

Смущает и принятое повсеместно правило датировки каждого комплекса по «наипозднейшей вещи», любая вещь, фибула, пряжка, сережка и пр. имеет свой интервал бытования, и принятие верхней границы этого интервала за датировку комплекса тоже грозит завышением даты и комплекса, и всей системы. Это и происходит в ряде случаев в работах А. К. Амброза (1971) и целого ряда исследователей, следующих за ним. Система в целом нуждается в определенной ревизии, сломе сложившихся стереотипов, в выяснении реальных точек абсолютной хронологии, внутри которых могут «плавать» даты относительной хронологии типов, фаз, кластеров, ступеней и пр. По этому пути, как кажется, в последнее время идут и Ярослав Тейрал [Tejral 1997], и Фолькер Бирбрауер [Bierbrauer 1992].

Из неизбежно возникающих при этом противоречий есть выход, если перейти от «квадратной» системы хронологического мышления к «ромбической», когда фазы, ступени и типы оказываются в значительной мере перекрывающимися друг друга, что вполне естественно [Shchukin, Sharov 1999; Щукин 1999; Щукин 1999а; Щукин, Шаров 2000]. Если использовать такой подход, то интервалы существования типов вещей, кластеров их сосуществования, фаз и ступеней будут как перекрывающимися, так и частично асинхронными.

Эти теоретические рассуждения следовало бы подкрепить практическими хронологическими разработками, где интересующие нас клады имели бы свою позицию и, я думаю, более раннюю, чем гепидская, предлагавшаяся прежде. Но это тема совсем другой, большой и обстоятельной работы.

Литература

- Амброз 1971: Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2—3.
- Бажан, Щукін 1990: Бажан И. А., Щукін М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля cloisonné эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. Вып. 30. Л.
- Карышковский 1988: Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев.
- Щукін 1999: Щукін М. Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина—Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. № 4. Кишинев. С. 66—102.
- Щукін 1999а: Щукін М. Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // 100 лет черняховской культуры. К.
- Щукін, Шаров 2000: Щукін М. Б., Шаров О. В. Еще раз о проблеме верхней даты черняховской культуры // Stratum plus. № 4. Кишинев. С. 369—384.
- Acsdi, Kiss 1995: Acsdi E., Kiss A. Die Bestimmung des Fundortes des Schatzfundes I und II von Șimleul Silvaniei (Szilágysomlyó) // Acta Musei Porolissensis 19. P. 89—91.
- Allen 1971: Allen D. F. The Sark Hoard. Oxford.
- Bierbrauer 1992: Bierbrauer V. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.
- Bursche 1999: Bursche A. Die Rolle römischer Goldmedaillone in der Spätantike // Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien. S. 39—55.
- Csallany 1961: Csallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454—568 u. Z.) // Archaeologia Hungarica. 38. Budapest.
- Dembski 1999: Dembski G. Die Goldmedaillone aus der Schatzfund von Szilágysomlyó // Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien. S. 31—39.
- Garam, Kiss 1992: Garam E., Kiss A. Goldfunde aus der Völkerwanderungszeit in ungarischen Nationalmuseum. Budapest.
- Harchoiu 1993: Harchoiu R. Die Medaillone aus der Schatzfund von Șimleul Silvaniei // Dacia, 37. P. 221—236.
- Harchoiu 1997: Harchoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest.
- Jacobsthal 1944: Jacobsthal P. Early Celtic Art. Oxford.
- Kazanski 1993: Kazanski M. Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IV—V siècles // Vallet F., Kazanski M. (Ed.). L'armée romaine et les barbares du III-e au VII-e siècles. Saint-Germain-en-Laye.
- Kiss 1982—1984: Kiss A. Der Zeitpunkt der Verbergung des Schatzfundes I und II von Szilágysomlyó // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungariae 30. P. 401—416.
- Kiss 1991: Kiss A. Die Schatzfunde I und II von Szilágysomlyó als Quellen der gepidischen Geschichte // Archeologia Austriaca. Bd 75. S. 249—260.
- Kiss 1999: Kiss A. Fundgeschichte und Fundumstände von Schatz II // Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien. S. 17—27.
- Kiss 1999а: Kiss A. Die Schalen // In: Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien. S. 161—162.
- Kiss 1999b: Kiss A. Historische Auswertung. In: Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien. S. 163—169.
- Kroman, Nielsen, Randsborg, Petersen 1991: Kroman A., Nielsen P. O., Randsborg K., Petersen P. V. Gudme og Lundeberg — et fynsk rigdomscenter i jernalderen // Nationalmuseets arbejdsmark. København. S. 144—161.
- Seipel 1991: Seipel W. (Hrsg.). Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. Wien.
- Shchukin, Bazhan 1994: Shchukin M., Bazhan I. The cloisonné Style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // Acta Archaeologica, vol. 65. København. P. 233—248.
- Shchukin, Sharov 1999: Shchukin M., Sharov O. A propos de la date de la fin de la civilisation de Tcherniakhov // L'Occident romain et l'Europe centrale au dé l'époque des Grandes Migrations. Brno.
- Teirál 1997: Teirál J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. Brno.
- Wolfram 1990: Wolfram H. Die Goten. München.

Рис. 1. Золотые медальоны из клада I в Силадышомйо (по R. Harchoiu, 1997.)

Номера каталога по изданию: W.Siepel (Hrsg.) *Barbarenschmuck und Römergold*. Wien. 1991:

- 1 — медальон Максимиана I Геркулеса, чеканенный в Трире в 293—294 гг. В оправе с гранатовыми вставками в технике cloisonné. Вес 53,3 г. Кат., № 2; 2 — медальон Валента (364—378 гг.). Фессалоники. Вес 51,3 г. 9 солиди. Кат., № 39; 3 — реверс того же медальона; 4 — Медальон, чеканенный Константином Великим в честь победы сына Констанция над готами в 330 г. Вес 226 г. 36 солиди. Кат., № 4; 5 — Валент. Чеканен в Риме в 375—378 гг. Без обрамления. Вес 215,6 г. 9 солиди. Кат., № 7; 6 — Валент. Чеканен в Риме после смерти Валентиниана I в 375 г. Вес 48,39 г. 6,5 солиди. Кат., № 10; 7 — Грациан (377—383). Чеканен в Трире. Вес 57,79 г. 4,5 солиди. Кат., № 14

Рис. 2. Медальоны из клада I в Силадьшомйо:

1 — Валент (364—378 гг.). Варварское подражание 375—378 гг. Вес 1219,31 г. 36 солиди. Кат., № 13; 2 — реверс того же медальона; 3 — Валентиниан I и Валент. Литое варварское подражание. Вес. 242,49 г. Кат., № 15. В берлинском Мюнцкабинете числится как происходящий из Загожина в Польше; 4 — реверс того же медальона; 5 — Валент (364—378 гг.). Варварское подражание. Вес 412,72 г. 72 солиди. Выпуск 375—378 гг. Кат., № 12; 6 — реверс того же медальона

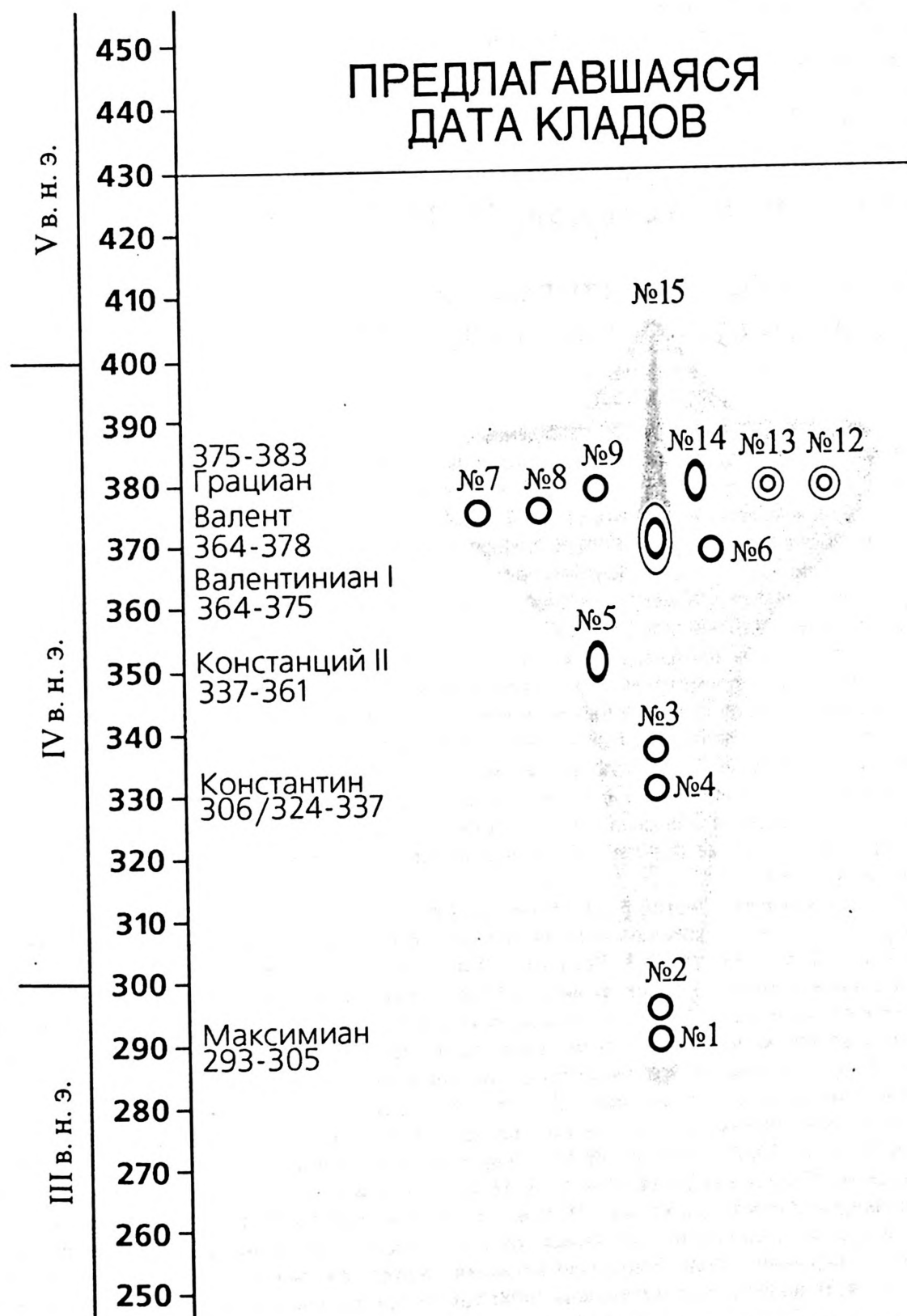

Рис. 3. Хронологическое соотношение медальонов клада I в Силадьшомйо. Номера указаны по каталогу выставки: Barbarenschmuck und Römergold. Wien. 1991. Двойным кружком обозначены варварские подражания

И. Р. Ахмедов, М. М. Казанский

После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст

В ГИМе хранится клад золотых вещей, случайно найденный в Киевской губернии и поступивший в музей путем покупки (Инв. № 41939—41942). Он состоит из браслета с зооморфными окончаниями, пряжки с декором *cloisonné* и гривны, разрубленной находчиками на четыре части, две из которых намеренно согнуты под прямым углом. Фотографии браслета и пряжки впервые были опубликованы в Отчете музея за 25 лет (1883—1908) [Отчет: 77—78, рис. 41—42]. Они и использовались в дальнейшем в работах. Специальному изучению клад никогда не подвергался, не выяснен и его культурно-хронологический контекст. Поэтому основной целью нашей работы является определение места Киевского клада на фоне восточноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов.

Браслет из клада наиболее примечателен (рис. 1, 1). Он золотой, инкрустирован фигурными гранатовыми вставками. Вес браслета 56,5 г, размеры — 83×63 мм, внутри он полый. При изготовлении использованы сложное литье, пайка, гравировка и проработка пунсоном. Судя по наличию винтового замка это позднеримская — ранневизантийская работа, поскольку варвары техникой изготовления винтовой нарезки не владели [Arrhenius 1990]. Винт изготовлен путем напайки на золотой стержень золотой пластины, направление резьбы левое. Возможно, это свидетельствует о том, что браслет являлся парным к не дошедшему до нас экземпляру. Характер инкрустаций гранатами весьма близок изделиям горизонта Апахида-Турнэ (т. е. периода D3 дунайской хронологии, 450—480/490, здесь и далее даты по: [Tejral 1997a]). Центральные вставки сделаны в виде четырехгранных невысоких пирамидок, что сближает их с изделиями из Апахиды II (наконечники мелких ремней с гранатовыми вставками на две грани, см. хорошие фотографии: [L'Or des princes barbares: 29, 14]).

Возможным прототипом является зооморфный браслет из Египта, ныне находящийся в коллекции Думбартон Окс [Ross 1962—1965: pl. 38]. Наиболее близкие аналогии киевским браслетам происходят из княжеского некрополя Бакодпушта (погр. 1 или 2: [Kiss 1983: Abb. 5.3; Bona 1991: Taf. 12]). Браслеты из Бакодпушты парные, отличаются от киевского только деталями гравировки на гривах зверей. При сравнении этих изделий создается впечатление, что они вышли если не из рук одного мастера, то из одной мастерской. Наиболее вероятная дата находки из Бакодпушты — период D3, поскольку из тех же могил 1—2 происходят типичные для 450—490-х гг. перстни с декором *cloisonné* [Kiss 1983: Abb. 5.1, 2, 6, 7], хорошо датированные по дунайским могилам, таким как Берегово (рис. 15, 8) (здесь и далее даны современные географические названия) [Csallany 1961: Taf. 204.12] или Клуж-Сомешени [L'Or des princes barbares: 32, 8]. Стоит также упомянуть упрощенные браслеты раннемеровингского времени из Северной Галлии и Германии [La Picardie: n° 71, 110; Eck 1895: pl. 16; Merowingerzeit: Taf. 19; Rabold, Abb. 104; Brulet 1991: fig. 37; Ile-de-France: 261] и браслет из Сенной [Засецкая 1994: табл. 18.1]. Существует и их «северная» версия, представленная в Скандинавии и Финляндии [Теблеструп, Калвола-Пелтокутила [Giesslinger 1967: Taf. 2.A; Kivikoski 1973: Taf. 32.259]. Непосредственными предшественниками этих браслетов постгуннского времени являются украшения периода D2 (380/400—440/450) из Берегова, Регей, Шимлеул-Сильваней, Унтерзибенбрунна, Шабадбатьяна, Керчи, Мехолуп [Garam, Kiss 1992: n° 14; Bona 1991: Abb. 14; Harhoiu 1998: Taf. 98.5; L'Or des princes barbares: 9, 11; Kiss 1984: Abb. 1; Засецкая 1993: n° 82; Damm 1988: n° 64, 65; Svoboda 1965: tab. 29.2].

Также к периоду D3 относится и пряжка (рис. 1, 2). Она изготовлена из золота, со вставками из глухого обесцвеченного, изначально, возможно, красного стекла на обойме и язычке. Держатель рамки сделан вместе с верхней пластиной обоймы. Длина пряжки — 43 мм, вес — 116,4 г. По прямоугольной обойме с декором в виде розетки и овальному кольцу она напоминает вещи из Чегема, Клужа-Сомешени, Бюлля, погр. 747 (рис. 15, 2), Эстремадуры [OAK, 1897: 75, рис. 175; Harhoiu 1998: Taf. 71.1; Legoux 1998: fig. 18.747.2; Schlunk 1949: fig. 8]. Воинская могила 747 в пикардийском некрополе Бюль (рис. 15) относится, по форме топора, характеру инкрустированного декора и наличию «гуннской» трехлопастной стрелы, к раннемеровингскому времени (450—525) (см. подробно: [Legoux 1998; Pénin 1998]), женское погребение в Клуже-Сомешени по уже упоминавшимся перстням надежно датируется периодом D3.

Витая гривна (рис. 1, 3) скручена из трех стержней круглого сечения, на фрагментах хорошо видны следы разрубания. Вес гривны — 312,02 г, общая длина фрагментов — около 650 мм. Относится к широко распространенному типу IV—V вв., наиболее яркие параллели происходят из Закшува, Концешти, Керчи [Grempler, 1888: Taf. 7.10; Harhoiu 1998: Taf. 19.1; Засецкая 1993: № 80в]. Таким образом, по сочетанию вещей Киевский клад относится к середине—второй половине V в., точнее, к периоду D3.

Киевский клад является редкой, но не единственной находкой престижных вещей постгуннского времени на Украине. Второй клад золотых вещей происходит из Ольвии, сейчас он находится в коллекции Думбартон Окс [Ross 1962—1965: 117—119, pl. 79—82, G; Arthenius 1985: 101, 102, 123, fig. 63, 64; Manière-Lévêque 1997: 83, 84, pl. 6]. Следует быть крайне осторожным в вопросе о месте находки клада: торговцы древностями, чтобы набить цену, часто дают заведомо ложные сведения о происхождении древностей, приписывая их известным археологическим памятникам. Впрочем, в Ольвии были найдены «княжеские» вещи времени клада (см., например: [Von Carnap-Bornheim 1995]) (рис. 2, 4, 5). Клад состоит из престижных византийских вещей [Arthenius 1990a: 121]. Его дата определяется периодом D3 по наличию все тех же перстней с декором *cloisonné* (рис. 2, 3), также полиэдрических инкрустированных серег, хорошо известных в древностях середины—второй половины V в. (о них подробно: [Bierbrauer 1975: 162—167], а также приложение D. de Pirey в статье: [Vallet, Kazanski 1995: 123, 124]), и наконец, серег луновидной формы с подвесками (рис. 2, 2), похожих на происходящие из клада Реджио-Эмилия [Bierbrauer 1975: Taf. 33.7, 8], последний, судя по римской крестообразной фибуле, синхронен могиле франкского короля Хильдерика в Турнэ (ум. 481—482), ср.: [Bierbrauer 1975: Taf. 32; L'Or des princes barbares: 37, 1]; остроготская атрибуция многих италийских находок германского характера была оспорена, сейчас эти вещи датируют второй половиной V в. [Menke 1986].

Эти два клада, Киевский и Ольвийский, по времени следуют за днепровскими левобережными кладами и погребениями периодов D1 (Нежин, 360/370—400/410, не исключена и принадлежность клада к поздней части периода C3, то есть ко второй половине IV в.), D2 (Большой Камень 1 и 2, 380/400—440/450) и D2/D3 (возможно Круглица-Поршнинно, 430/440—470/480) (об их датировке и культурной принадлежности см. подробнее: [Казанский 1997; Kazanski 1998]). Все эти находки, как гуннского времени, так и постгуннские, явно принадлежат высшему слою варварской аристократии (категория IA по Ф. Бирбрауеру: [Bierbrauer 1989]).

Как мы увидим далее, такого рода находки в Центральной и Северной Европе обычно маркируют центры «варварских» королевств. На наш взгляд, скопление княжеских находок в районе Суджи—Обояни как раз и связано с существованием здесь одного из остроготских политических образований гуннского времени, которое мы условно называем «королевством Винитария». Действительно, в этом регионе, в непосредственной близости от места суджанских находок, имеется значительное скопление памятников черняховской культуры. Многие из них найдены экспедицией Е. А. Горюнова, но никогда серьезно не изучались.

Большинство специалистов полагают, что черняховская культура принадлежит готам, а также их германским и негерманским союзникам. Работами М. Б. Щукина и его хронологической школы доказано, что черняховская культура существует по меньшей мере до начала периода D2 [Щукин 1979; Щукин 1980; Kazanski, Legoux 1988; Kazanski 1992a; Schukin, Charov 1999]¹. Видимо, суджанско-обоянские находки, по крайней мере погребения в Большом Камне, принадлежат княжеской верхушке местного позднечерняховского населения заключительной фазы культуры.

В Центральной Европе районы концентрации «привилегированных» могил и кладов горизонтов Унтерзибенбрунн (период D2), Смоллин-Косино (D2/3) или Апахида-Блущина-Турнэ (D3) считаются археологическим выражением существования небольших «варварских королевств» [Laszlo 1951; Kazanski 1996; Tejral 1997; Tejral 1999a]. Подобные малые «королевства» в V в. (гуннское и постгуннское время) можно выделить и у оседлого населения Восточной Европы. «Сгустки» находок, идентичных или близких по составу «княжеским» центральноевропейским, и кладов золотых монет, как правило, связанные с регионами со сравнительно высокой демографией, отмечены в Молдавии (Концешти, Кирилени, Кременчуг, Малкоч, Кишинев 2), на Боспоре Киммерийском (Керчь—некрополи Госпитальная, Глинище и др., Сенная), на Волинии (Борочицы, Ласкив, Качин), на Днепровском Левобережье (Нежин, Большой Камень, Жигайловка, Рублевка), (см. подробнее: [Kazanski 1998: 228—229; Kazanski 1996; Kazanski 1999], там же библиография находок), в районе Ольвии (см. выше), на Эльблонгской возвышенности в Восточной Пруссии (Hammersdorf/Mloteczno) [Кулаков 1998], в районе Танаиса (Синявка) [Безуглов, Ильяшенко 2000], в Пятигорье (Лермонтовская Скала, Мокрая Балка, Клинь-Яр) и в Кабардино-Балкарии (например, Былым-Кудинетово и Былым-Озороково) [Kazanski, Mastukova 1999: 566; Мастыкова, Казанский 2000]. Отдельные могилы и кладов отмечены, как уже говорилось, на Орловщине, на Киевщине, в Юго-Западном Крыму (Лучистое, Алмалык-Дере) [Айбабин, Хайрединова 1998: 283—285; Gerges, Maczynska 2000], на Черноморском побережье Северного Кавказа (Дюрсо) (о социальной интерпретации Дюрсо см.: [Мастыкова 2001]), в Южном Дагестане (Ираги) [Абакаров, Давудов 1993: 215]. Не исключено, что и здесь возникали военно-политические образования, близкие по характеру малым варварским королевствам.

Лишь некоторые из перечисленных находок, такие как Концешти, принадлежат вождям варварских объединений. На Западе «королевские» погребения отличаются не только богатством инвентаря, но и наличием регалий, подчерки-

¹ Новая датировка сразу же встретила поддержку К. Годловского ([Godlowski 1988: 44, 45], с ее подробной аргументацией он ознакомился в 1985 г. по диссертационной работе М. Казанского). К подобным же выводам независимо пришел и Е. Л. Гороховский, однако его исследование остается неопубликованным, в научный оборот введены лишь выводы [Гороховский 1988]. Отнесение верхней границы черняховской культуры ко времени после 375 г. вызвало возражения у ряда зарубежных археологов, однако после того как эту точку зрения поддержал Я. Тейрал, в настоящее время ведущий европейский специалист по эпохе переселения народов [Tejral 1997a; Tejral 2000], дискуссию можно считать завершённой. Сейчас датировка, предложенная в свое время М. Б. Щукиным и его учениками, находит все больше и больше сторонников [Магомедов 1999; Гавритухин 1999; Гавритухин 2000].

вающих особый статус владельца. Это золотые массивные браслеты с расширенными концами, мечи, имеющие золотую обкладку рукояти и декор *cloisonné*, именные печати-перстни, золотые крестообразные римские фибулы, указывающие на принадлежность погребенных к высшему служилому сословию Римской империи. Иногда «королевские» погребения отличаются наличием монументального кургана. Это погребения в Журань (Моравия), в Хегом (Швеция) или, возможно, погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ (Бельгия) (ум. 481—482) [Müller-Wille 1997]. Большая же часть вышеуказанных погребений принадлежит варварской «аристократии» различного уровня (местные старейшины, предводители кланов, воинские вожди, знатные воины и члены их семей), однако их концентрация в конкретных регионах показательна для географии малых «варварских королевств» V в.

Такие «королевства» хорошо известны по письменным источникам V в. в Западной и Центральной Европе. В отличие от больших варварских объединений позднеримского времени, таких как «держава Германариха», они занимают компактную территорию, это особенно хорошо видно на примере дунайских или франкских королевств середины—второй половины V в. Так, сравнительно небольшая территория позднеримской Паннонии, к западу от Дуная, была поделена между тремя остроготскими королями из династии Амалов [Kiss 1979; Корсунский, Гюнтер 1984: 170]. На ограниченной территории современной Южной Бельгии и приграничных районов Франции располагалось, по меньшей мере, два франкских королевства: одно со столицей в Турнэ, другое — со столицей в Камбрэ [Лебек 1993: 39; Bachrach 1972: 4].

На археологическом материале малые варварские королевства выделялись в Центральной и Северной Европе [Laszlo 1951; Tejral 1997; Tejral 1999a; Wyszomirska-Werbart 1992; Kazanski 1996; Kazanski 1999]. В российской археологии вопрос о малых варварских королевствах или, что одно и то же, о малых высоко милитаризированных группах, для эпохи Великого переселения народов был поставлен, насколько нам известно, лишь В. И. Кулаковым, для Эльблонгской возвышенности [Кулаков 1998] и А. В. Мاستыковой для некрополя Дюрсо [Мастыкова 2001]. Показательно, что на сегодняшний день это как раз те немногие российские специалисты, которые непосредственно работают на центрально-европейском материале постгуннского времени в Пруссии (В. И. Кулаков) и Моравии (А. В. Мастыкова). По мнению Я. Тейрала, речь идет о небольших группах смешанного, германского и негерманского (гуннского, аланского и т. д.) происхождения, которые возникли в смутную эпоху Великого переселения народов. В начальной стадии своего существования такие группы выступают чаще всего как пограничные федераты Рима (такие как гото-алан-гуннские отряды Алафея и Сафрака в Паннонии в 378 г.) или вассалы гуннов (например, остроготские Амалы, оставшиеся в Восточной Европе). После смерти Аттилы и окончательного падения римского лимеса в 450—460-е гг. эти королевства получают независимость и вступают между собой в жестокую борьбу за лидерство [Tejral 1997].

Возникая в специфической ситуации повышенной военной напряженности, малые королевства строятся по принципу военной организации. В ней главную роль играет жесткое подчинение королю (предводителю) как составляющих такое королевство кланов (семей), так и отдельных воинов, объединенных в королевскую дружину («дружина конунгов», о ее специфике см.: [Хлевов 1999: 53]). При этом подданные, по крайней мере на первых порах, часто выбирают предводителя и сохраняют за собой право сместить, а то и просто убить неудачливого короля ([Селицкий 1999: 66], там же конкретные примеры для эпохи Великого переселения народов). Король является, прежде всего, военным предводителем (остальные его функции второстепенны), объединяющей фигурой, вокруг которой собирается разноплеменная дружина — реальная опора его власти [Селицкий 1999: 65]. Такая форма организации часто сопутствует первому типу этногенеза по Х. Вольфраму («новые народы», руководимые военными предводителями [Wolfram 1997: 129, 130]). Этническое происхождение воинов, как, впрочем, и остальных подданных, при этом имеет второстепенное значение. Так, если верить позднеримским хроникам, среди ближайших военных соратников короля Хлодвиги оказались гунн Вномад и римский аристократ Аврелиан [Bachrach 1972: 4, 8, 9].

Судьба такого рода образований, созданных для войны, целиком и полностью зависит от военного успеха, удачности предводителя, поэтому малые королевства являются очень недолговечной формой. Показательно, что в бесконечных войнах V в. выживают в первую очередь те королевства, которые базируются, хотя бы частично, на территории с романским населением и которые в конечном итоге находят общий язык со своими римскими подданными. Здесь варвары немедленно воспринимают «римское наследие» и прежде всего — военно-административную организацию поздней империи. Ярким примером является меровингское королевство, властители которого прямо пошли на включение римских войск армориканской береговой оборонительной линии в состав своей армии, или бургундское королевство, где римляне являлись составной частью военной знати. Быстрое восприятие римского военно-административного, экономического, культурного и идеологического наследия является залогом успеха романо-германских королевств раннего Средневековья. Отсутствие такого наследия в Барбарикуме не позволило малым варварским королевствам этой зоны сформироваться в сильные государства и в конечном итоге обрекло их на исчезновение под напором славянской и аварской экспансии VI в.

Можно полагать, некий центр власти типа малого королевства возник в середине—второй половине V в. и в районе Киева, а возможно и в Ольвии, если идентификация клада достоверна. Как и днепровско-левобережные клады, Киевский и Ольвийский клады содержат вещи, типичные для княжеской варварской цивилизации оседлых народов, в первую очередь германцев, нехарактерные для кочевников постгуннской эпохи. Неизвестны пока такие вещи и у славян, которые явно владели Среднеднепровским регионом во второй половине V в., хотя теоретически нельзя исключить возможность появления таких украшений у антской знати. Существование ее как особой социальной группы зафиксировано Иорданом уже для гуннского времени в готской песне о Винитарии и Бозе².

² Следует, однако, отметить, что речь идет именно о «героической» саге (письменной исторической традиции у готов в гуннскую эпоху не существовало), где действуют неизвестные ни по каким другим источникам Винитарий («потрошитель венедов»),

У склавинов же, которым в постгуннское время, если судить по распространению памятников пражской культуры, принадлежала территория к западу от Днепра, в частности регион Киева, знать отмечена источниками лишь со второй половины VI в. (см. о воинских предводителях у склавинов и антов: [Kazanski 1999a]). Реальные находки «княжеского» ранга известны на территории пражской культуры лишь с позднего VI—VII в. (например клад серебряных вещей в Крылосе: [Кропоткин 1971]). Поэтому следует вернуться к вопросу о присутствии германцев в Восточной Европе во второй половине V в. Этот вопрос впервые на широком археологическом материале был уже поставлен одним из авторов в публикации в 1992 г. [Kazanski 1992], см. также: [Kazanski 1996a].

Для эпохи Великого переселения народов фиксируются две практически одновременные волны германской миграции на восток. Первая связана с отступлением гуннов на Днепр после разгрома при Недао в 454—455 гг. Известно, что германцы-ангискиры последовали за гуннами. Видимо, с гуннскими союзниками и надо соотносить группу дунайских вещей восточногерманского происхождения, выявленную нами в 1992 г. (рис. 2, 6—11) [Kazanski 1992; Kazanski 1996a]. Впоследствии И. О. Гавритухин показал, как на базе дунайских прототипов формируются местные понтийско-украинские серии подражаний [Гавритухин 1994; Гавритухин 2000]. Не со всеми его выводами можно согласиться (например, очень сомнительно восточное происхождение фибул типа Токари, поскольку начало этой серии хорошо представлено на Дунае, в частности в Артанде, см.: [Istvanovits, Kulcsar 1999: fig. 16], есть и другие, еще не опубликованные находки, например в Захонь, с нею нас любезно познакомил Ярослав Тейрал), однако общее заключение И. О. Гавритухина о формировании местного убора под влиянием дунайского костюма нам представляется справедливым.

Вторая волна германской миграции на восток была, видимо, вызвана войнами за «гуннское наследство» между малыми германскими королевствами. Она коснулась в основном лесной зоны, где отмечена серия восточногерманских вещей [Kazanski 2000]. Известные на сегодня центральноевропейские вещи восточногерманского происхождения появляются в лесной зоне в сопровождении славянских и балтских культурных элементов [Казанский 1999; Kazanski 2000a], их распространение происходит в очень специфической ситуации. Судя по археологическим данным, в эпоху великого переселения народов в лесной зоне, от Немана до Волги, происходит резкое возрастание военной опасности [Лухтан 1996; Фурасьев 1996; Фурасьев 1996a; Шименас 1990; Казанский 1999; Kazanski 2000; Kazanski 2000a]. Возникает большое количество укрепленных городищ, на ряде из них зафиксированы слои пожаров. На некоторых, например на Демидовке, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе, отмечены бесспорные следы военных действий. Интересно, что на этих трех городищах найдены нехарактерные для лесной зоны трехлопастные наконечники стрел «гуннского типа». Одна стрела засела в костях человека, погребенного на могильнике Плинкайгалис [Казакевичюс 1986]. Было бы неправильно связывать такие стрелы только со степными кочевниками, они широко применялись и оседлыми варварами, в частности славянами и германцами [Казанский 1999; Kazanski 2000]; о раннеславянском оружии подробно см.: [Kazanski 1999a].

В эпоху великого переселения народов в лесной зоне происходит смена археологических культур, что, вне всякого сомнения, связано и с этническими изменениями, миграциями, приходом каких-то аллохтонных групп, частичным или полным исчезновением старого населения. Так, на Верхней Оке исчезает мощинская культура. В верховьях Западной Двины и Волги к первой половине V в. формируется новая культура длинных курганов. В средней части Белоруссии исчезают последние памятники культуры штрихованной керамики, а ее территория поглощается соседней тушемлинской культурой. В Восточной Литве появляется культура восточнолитовских курганов, не связанная с предшествующим населением этой территории. Похоже, что возникновение культуры восточнолитовских курганов есть результат миграции на восток судавов-ятвягов, которым в позднеримское время принадлежат курганы в районе Сувалки. В V в. в Восточной Литве появляются курганы типа Таурапилас. Близ устья Немана возникает новая культурная группа с заметными следами дунайского влияния. Несмотря на то что другие лесные цивилизации, возникшие ранее, в римское время (Тушемля, рязано-окских могильников, позднедыяковская, мордовская и т. д.) переживают эту перестройку, создается впечатление некоего «стресса», охватившего значительную часть территории лесной зоны Восточной Европы.

Среди возможных причин общей дестабилизации в лесной зоне можно назвать события конца IV—середины V в., то есть вторжение гуннов в Восточную Европу, падение готской «империи Германариха», неудачную войну остготов со своими северными соседями венедами-антами и их гуннскими покровителями (см. выше: «сага о Винитарии»), возвращение гуннов в черноморские степи после разгрома у Недао, уход остготов и захват их территории антами и склавиными. Это в южной части Восточной Европы, освященной письменными источниками, что конкретно происходило севернее, можно лишь догадываться. Здесь фиксируется серия «южных» импортов [Kazanski 2000: fig. 3], появляется славянская керамика типа Колочин. Это может свидетельствовать о прорыве на север групп южного населения: венодов, их союзников гуннов, разбитых гуннами готов и др. Судя по археологическим данным, ситуация не улучшилась и в постгуннское время, во второй половине V в., поскольку на это время приходится разгром укрепленного поселения на Демидовке (спиральный декор самой поздней из демидовских пряжек имеет параллели прежде всего в опорных комплексах периода D3, например в Блучине и Таурапиласе, ср.: [Амброз 1970: рис. 1.2, 7; Tautavicius 1981: pav. 12], появляется серия погребений людей, умерших насильственной смертью на рязано-окских могильниках (см. ниже «Экскурсы»).

Боз («злой король», ср. немецкое «böse») и гуннский вождь Баламбер. Вне всякого сомнения песнь о Винитарии верно отражает политическую ситуацию гуннской эпохи в Восточной Европе, однако бессмысленно искать в ней географические реалии и пытаться только на ее основании, без привлечения археологических источников, локализовать готов Винитария или антов Боза. С таким же успехом можно искать, например, былинную Иордань-реку, где Алеша Попович побил Тугарина Змеевича, или восстанавливать географию Дикого Запада по голливудским вестернам.

Именно в контексте такого «смутного времени» и следует рассматривать распространение здесь инородных центральноевропейских элементов, среди которых наиболее яркими являются восточногерманские. Другим важным элементом аллохтонного происхождения является славянский, точнее, склавинский, принадлежащий культуре пражского типа³. Дальнее проникновение склавинов в лесную зону России не является чем-то необычным, поскольку в постгуннское время склавины входят в период экспансии, хорошо освещенный византийскими историками для Дуная и Балкан. Особенно четко пражский элемент выступает на датированном по дунайской пряжке первой половиной—серединой VI в. [Kazanski 2000a: 24] поселении Юрьевская Горка [Исланова 1997: 21—55], где найдены типично славянские жилища и керамика, близкая раннепражской⁴.

Следует, наконец, отметить присутствие в лесной зоне России и Белоруссии западно-балтских и летто-литовских находок эпохи переселения народов. Общий обзор центральноевропейских находок в лесной зоне уже сделан [Kazanski 2000; Kazanski 2000a], ниже на конкретном материале будет более подробно рассмотрена ситуация в Волго-Окском регионе (см.: «Экскурс»).

Среди германских, склавинских и балтских вещей, найденных в лесной зоне, выделяются как предметы женского убора, так и детали мужского костюма (в частности пряжки с почковидным щитком), а также «мужские» предметы вооружения и конского снаряжения. Если лепная керамика склавинского облика, скорее всего, изготавливалась женщинами, то строительство полужемляночных жилищ славянского типа, найденных на том же поселении Юрьевская Горка, явно осуществлялось мужчинами, как это принято в архаических обществах.

Оружие, конский убор и мужской воинский костюм легко заимствуются у варваров, и поэтому их распространение может отражать не только реальное присутствие германцев или балтов, но и влияние их престижной воинской субкультуры. По-другому дело обстоит с «женскими» вещами. Уже давно замечено, что в примитивных обществах предметы женского убора редко являются предметом импорта и прямого заимствования [Werner 1970], поскольку они сакрализированы, отражают систему религиозных взглядов, специфичную для данного народа, они не могут быть из этой системы вырваны и искусственно перенесены в иной контекст. Естественно, заимствования в женском костюме были всегда, но механизм их распространения сложнее. Как правило, заимствуется в первую очередь «княжеский», престижный костюм, часто имеющий интернациональный характер, он сначала усваивается представителями социальных верхов и лишь затем попадает к рядовому населению, которое имитирует свою социальную верхушку и даже не всегда подозревает об инородном происхождении такого убора [Kazanski 1993; Périn 1993; Kazanski 1996a; Казанский, Мастыкова 1998].

Отмеченные в лесной зоне германские и балтские предметы женского убора в массе своей к престижному княжескому костюму не относятся, последний на Дунае хорошо изучен [Bierbrauer 1989]. Можно, следовательно, предположить, что их наличие, не говоря уж о лепной пражской керамике и славянских полужемлянках с печью, свидетельствует о присутствии в лесной зоне реальных выходцев из восточногерманского, склавинского и балтского мира. Разумеется, часть женских вещей могла попасть сюда благодаря смешанным межэтническим бракам. Однако число находок, а главное, широта географического распространения инородных женских вещей в лесной зоне таковы, что необходимо искать другое объяснение.

Скорее всего, речь идет о глубоком проникновении в лесную зону немногочисленных, но сильных в военном отношении групп населения. Группы эти были явно смешанными, поскольку культурные элементы разного происхождения были встречены на одних и тех же памятниках: дунайско-германские и балтские — на Демидовке, Безводном, Луковне, славянские, дунайско-германские, балтские — на Юрьевской Горке. Это неудивительно, ведь для эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья характерно существование полиэтнических варварских военно-политических образований, таких как конфедерация вандалов, свевов и алан, гото-гунно-аланская армия Алафея и

³ Разумеется, этноним «склавины» византийских источников воспроизводит самоназвание славян. Однако в современном научном языке термин «славяне» применяется ко всем славяноязычным народам раннего Средневековья, в частности к антам (носители пеньковской культуры), которые, судя по тем же византийским источникам, четко себя отличали от славян-склавинов. Не исключено, что в это время существовали и другие славяноязычные народы, себя славянами не считавшие. Поэтому, чтобы избежать путаницы, мы применяем к носителям пражской культуры термин «склавины», а под «славянами» понимаем все славяноязычные народы начала Средневековья. Отметим также, что мы не являемся сторонниками живучего научного мифа о «неславянстве» антов. Древние авторы, их современники, которые упоминают этот народ, прямо говорят об общем происхождении антов и склавинов (по Иордану — от венедов, по Прокопию — от неких споров) или же подчеркивают языковую и культурную близость тех и других (Иордан, Прокопий, Маврикий). Ни один письменный источник не говорит о присутствии среди антов каких бы то ни было неславянских групп. Обращалось внимание на вроде бы неславянский, похоже германский, характер некоторых антских имен, однако «ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (Иордан, *Getica*, 58—60). К этому свидетельству осведомленного человека добавим, что факт восточногерманского происхождения имен гуннских предводителей — таких как Руа, Бледа, Аттила — общеизвестен. Тем не менее еще ни одному здравомыслящему исследователю не пришла в голову идея объявить гуннов или их правящую династию германцами.

⁴ Археологов, специально не занимавшихся раннеславянскими древностями, могли бы удивить некоторые формы этой керамики с отогнутым венчиком, которую часто считают более поздней, разбитого VI в. Однако сейчас такая керамика известна и в комплексах, которые все специалисты относят к начальной стадии пражской культуры (ср., например, пражские сосуды с отогнутым венчиком из жилищ поселения Кодын, содержавших также керамику культуры карпатских курганов [Русанова, Тимошук 1984: табл. 14.5, 8; 15.15; 17.3, 10; 20.9, 12, 13, 14; 23.12, 14; 26.2, 4; 27.4 и т. д.]; см. также подобную керамику из поселения Зеленый Гай, найденную в жилище с черняховской посудой [Баран 1972: рис. 58.1, 3, 6] или такую же керамику с поселения Лука-Каветчинска, также найденную в жилище с черняховской посудой [Вакуленко, Приходнюк 1983: рис. 31, 2—5, 9—14].

Сафрака в Паннонии, королевство Одоакра в Италии, включавшее скиров, торкилингов, ругов и герулов, склавинско-лангобардская армия принца Ильдигеса. В варварских формациях этого времени наличие сильной королевской власти, часто объединяющей различные этнические группы, непосредственно предопределяло этногенез, способствовало его интенсивности [Wolfram 1997], при этом ориентация на престижного вождя или династию играла гораздо более важную роль, чем этническое происхождение.

Пришлые группы находились в тесных, видимо, чаще всего мирных (может быть за исключением момента первого контакта) отношениях с автохтонным населением, именно поэтому чужеродные вещи найдены почти исключительно на памятниках местных культур. Даже там, где новоприбывшее население было значительным, как на Юрьевской Горке, где керамика, близкая пражской, составляет до 31 %, автохтоны были все же более многочисленны. Мигранты, видимо, были достаточно быстро ассимилированы местным населением, малые варварские королевства здесь не возникли, но в конкретной ситуации V—начала VI в., в момент общей дестабилизации в лесной зоне Восточной Европы, пришлые группы с высокой степенью милитаризации на короткий период могли сыграть важную роль в военно-политической истории региона. Далее прорыв инородных групп в лесную зону, ситуация военного стресса, наверняка способствовали консолидации местного населения, ускорили процесс появления у него милитаризованной прослойки. Последнее хорошо заметно, например, на материале рязано-окских могильников, где к V в. формируется престижный воинский погребальный обряд, в котором используется большая доля инокультурных элементов. Значительное количество могил содержит оружие и предметы конского снаряжения. Могилы с конями и/или предметами конского снаряжения известны в начале Средневековья и у других «лесных» народов, в частности, у эстиев Пруссии [Кулаков 1995: 105, 106] или склавинов пражской культуры (например, Клементовичи на Волини: [Kazanski 1999a: 209]) и связаны с воинскими погребальными культами. Для этого же времени на Оке отмечены погребения военных предводителей [Akhmedov 1998], а также прямые западные заимствования в престижном воинском костюме и вооружении (см.: «Экскурс»). Наличие аллохтонных элементов в воинской субкультуре является надежным признаком выделения воинов как социальной группы [Кулаков 1995: 106, 107]. Показательно, что количество двулезвийных мечей, оружия воинов-профессионалов, в эту эпоху увеличивается в рязано-окских погребениях. Сейчас здесь известно 10 мечей времени переселения народов, в то время как для IV в. известны всего 3 меча.

Причины ухода дунайского населения на север надо искать в обострении военной ситуации в Подунавье в V в. Занятие гуннами Карпатского бассейна, создание империи Атилы, ее крах и дележ гуннского «наследства» сопровождались серией истребительных войн, оттоком из Центральной Европы значительных масс населения, хорошо зафиксированными письменными источниками (исход вандалов, свевов, остготовов, герулов). Ясно, что помимо известных по письменным источникам миграций, были и другие, не попавшие в поле зрения античных авторов. Именно такими передвижениями исследователи объясняют наплыв дунайских элементов на южное побережье Балтики в V в. [Кулаков 1997; Кулаков 1998]. Известный факт посольства балтов-эстиев в остготскую Италию к Теодориху свидетельствует о существовании каких-то налаженных путей сообщений, по которым дунайские дружины могли попасть в Юго-Восточную Прибалтику. Возможно, группы мигрантов из Подунавья, германцев и сопутствующих им склавинов с восточных отрогов Карпат добрались до Пруссии и Нижнего Немана, а затем через территорию Литвы, вместе с присоединившимися к ним балтами двинулись на восток. Кстати, бассейн Немана связан с Западной Двиной и Березиной системой вполне удобных волоков, использовавшихся в Средневековье.

Что же могло привлечь в лесную зону Восточной Европы германцев, склавинов и западных балтов? Видимо, причиной была пушнина, та самая, которая позднее, в XVI в., являлась основным стимулом покорения русскими Сибири. Действительно, в эпоху переселения народов одежда из пушнины входит в моду повсеместно в Европе, в том числе и в Константинополе. Ранее V в. римляне меховой одежды не носили. Ситуация меняется в V и первой половине VI в., Прокопий и Иордан говорят о налаженной меховой торговле с варварами и об экспорте меха в Византию из Скандинавии [Kolendo 1999]. Скорее всего, «меховая лихорадка» и вызвала появление в лесной зоне России германских, склавинских и балтских предшественников Ермака.

Другой путь миграции дунайских групп, через территории к востоку от Карпат, занятые склавинами, менее вероятен. Дунайские украшения середины—второй половины V в. на Украине относятся к иным типам и, видимо, отражают другие исторические события и процессы (отступление ангискиров в гуннском «обозе» в Причерноморье, союзнические контакты склавинов с герулами и гепидами и пр.). Кроме того, если принять «южную» версию итинерария центральноевропейских мигрантов, то необъясненным останется появление в лесной зоне России западнобалтских и летто-литовских элементов. Впрочем, скорее всего, появление в лесной зоне аллохтонных групп не было однократным актом, эти группы вряд ли были тесно связаны между собой и помимо выходцев из Центральной Европы и Прибалтики включали и других варваров (например с Украины или Верхнего Дона, см. «Экскурс»).

Но что касается Киевского клада, а возможно и Ольвийского, они связаны, скорее, с первой волной германских миграций, когда гунны, после катастрофы при Недао, отступили на Днепр, увлекая за собой ангискиров и других верных им союзников.

Экскурс. Центральная Россия и Подунавье в постгуннскую эпоху

Население лесной зоны междуречья Оки и Волги в середине I тыс. н. э. представлено носителями мощинской и позднемьяковской культур (москворецкий вариант). Первая исчезает в V в., и все более поздние наслоения на городищах относятся уже к окскому варианту роменско-боршевской культуры (Щепилово, Супруты), а вторая сильно изменяет свой облик.

Горизонт гибели мощинской культуры определяют находки в кургане Кажак пряжки с длинным хоботовых язычком (рис. 5, 6) и «гуннских» трехперых стрел (рис. 5, 14—15) (Акиншинское) [Казанский 1999: 414]. О том, что население мощинской культуры могло быть частично уничтожено, а частично вытеснено со своей территории, свидетельствует и тот факт, что наиболее поздние варианты окских фибул с кнопкой, характерные для мощинской культуры, известны только на рязано-окских памятниках, в могилах середины V в. (Кулаковский, Закопищенский, Шумошь и др.), см.: [Ахмедов, Гавритухин, Свод фибул].

Эти события гуннского и постгуннского времени, вероятно, инициированы появлением аллохтонного населения, оставившего серию инокультурных импортов на памятниках Центральной России. Под этим регионом авторами понимается бассейн Оки и междуречье Оки и Волги. Сразу же отметим, что пришлые группы с Юга и Запада попадали в этот регион и ранее. Именно их присутствием следует объяснять появление серии черняховских и вельбаркско-пшеворских импортов на памятниках Центральной России. Скорее всего, это показатель активности готов в эпоху Германариха (350—370-е гг., см. подробно, с каталогом находок: [Kazanski 1992b]).

На памятниках верхнего течения Оки появляются находки инокультурных фибул: на городище Серенск найдена крупная фибула с шишечкой, массивной спинкой и трапециевидной ножкой (рис. 5, 3), которую И. К. Фролов считал вариантом окских крестовидных фибул [Фролов 1970: 81]. Но за исключением общих элементов конструкции, никаких специфических, характерных для окских крестовидных, черт на этой фибуле не прослеживается. Ее нужно рассматривать в контексте переработок в западно-балтийском и центрально-европейском мире (в первую очередь в междуречье Вислы и Эльбы) римских т-образных фибул (примеры: Гошичево в Восточной Померании, Вульфен на Эльбе: [Godlowski 1970: pl. 9.6, 17.38]). Такими же переработками, в конечном счете, являются и окские крестовидные фибулы.

Другая фибула, которая воспроизводит римский тип Келлер 4, найдена на городище Супруты (рис. 5, 2) (раскопки А. Шекова и А. Григорьева). Характерный прием увеличения объема спинки фибулы при помощи мощного вертикального гребня находит аналоги в Моравии [Коштелец на Хане погр. 312: Peskar 1972: Taf. 44.4]. К несколько более позднему времени, 450—550 гг., относится пальчатая дунайская фибула типа «Гурзуф» из Спас-Перекши (рис. 5, 1). Лучше всего эти фибулы представлены на Среднем Дунае, в Италии, в Швейцарии и Бургундии и, наконец, в Крыму (рис. 4, 10—13; 12, 3) (Vallet, Kazanski 1995: 117; Kazanski 1997: 294; Kazanski 1998a: 335—338).

Следует отметить находку браслетообразных височных колец на городище Николо-Ленивец, возможно, балтского происхождения [Никольская 1962: рис. 8.1]. Весьма важна находка германского гребня типа Томас III на Щепиловском городище (не опубликован), большинство аналогов этому типу происходит из Центральной Европы.

О приходе нового населения свидетельствует и появление нового типа погребальных памятников, ранее не известных на среднем течении Оки. Это могильник Лужки под Серпуховом⁵, в котором раскопаны грунтовые ингумации с преобладающей северной ориентировкой (шесть погребений из восьми, остальные с восточной ориентировкой. В могильных ямах использовались подсыпки из мелких камней [Археологическая карта 1997]). Подобные конструкции известны в балтийском мире, в латвийских, литовских, прусских древностях, а также в памятниках вельбаркской культуры. На датировку памятника указывает находка в одном из погребений серебряной пряжки (рис. 5, 4), аналоги которой появляются в древностях смолинского горизонта (D2/D3) (наиболее близкие: Косино и Тиссале — рис. 4, 1, 2: [Kiss 1984: Abb. 3.1, 2]; пряжки этой группы известны также в Мачванской Митровице, Майкопе, Кошице, Домбове, Кискунфеледхазе, Каравукове, Гаве, Мезоберень) и существуют во второй половине V в. Верхняя хронологическая граница памятника определяется перекрывающим погребением так называемым позднедьяковским селищем, датированное третьей четвертью I тыс. н. э., которому соответствует находящийся рядом могильник с трупосожжениями.

Импульс западных импортов прослеживается и на дьяковских памятниках. На городище Луковня обнаружены предметы, западное (германское и балтское) происхождение которых представляется бесспорным: это железный умбон с коническим верхом и шипом, относимый к типу Либенау, характерному для эпохи переселения народов, исчезающих к рубежу V—VI вв. [Kazanski 1994: 446] (рис. 5, 8) (раскопки А. Г. Векслера, экспозиция МИРМ), язычок пряжки с поперечными каннелюрами у основания (рис. 5, 7), имеющий аналоги на Дунае и Балканах в V в. [Tejral 1988: Abb. 14.1, 2; Miletić 1978: pl. 3.5]. Также здесь найден фрагмент браслета с расширенным концом, такие браслеты появляются в лесной зоне в V в. (рис. 5, 9). Пара браслетов с сильным расширением на концах и линейным орнаментом найдена на Успенском городище (рис. 5, 14—10), однако следует отметить, что они могут относиться к уже более позднему времени. Браслетообразные височные кольца, видимо восточно-литовского происхождения (рис. 5, 12—13), известны в материалах Луковни, Боршево, Попадьинского [Розенфельдт 1982: рис. 1.9, 11, 14, 19.2—4, 22.1].

Находки западного оружия, а также находки втульчатых двушипных и ромбических трехперых стрел (рис. 5, 16—19) на городищах Троицкое, Кунцево и на Попадьинском селище [Розенфельдт 1982: 125—128, рис. 31.1—2, 18, 27] позволяют предполагать, что территория Москворечья также подверглась вторжению, следы которого прослеживаются вплоть до Верхней Волги (балтский топор с щечками и В-образная рифленая «европейская» пряжка, найденные в Усть-Белой, рис. 5, 11) [Казанский 1999: 414].

Для нашей темы чрезвычайно важны материалы, содержащиеся в коллекциях, собранных А. С. Уваровым на курганах, раскопанных им в 1852—1854 гг. В Суздальском уезде (с. Давыдково и Кустерь) (ГИМ, инв. № 55421, оп. В1068). Часть вещей в коллекции расписана по комплексам курганов (около 15), часть имеет общие номера по описи Музея Уваровых в с. Поречье. В коллекции имеются различные категории предметов личного убора, в том числе большое количество пряжек, браслеты, серьги, перстни, железный перстень с сасанидской геммой. На некоторых вещах видны следы налипших кальцинированных костей.

⁵ Авторы выражают признательность автору раскопок К. В. Воронину за возможность работы с неопубликованными материалами.

Хронологические рамки этих находок хорошо видны на примере пряжек — от горизонта D1 (овально-рамчатые пряжки со слегка утолщенной в передней части рамкой, квадратная пряжка с фасетированной рамкой, В-образная пряжка с В-образной обоймой — аналоги в дунайских и балканских древностях: квадратная пряжка — Печ, погр. R 207, Шагвар, погр. 263, Тапе-Малайдок, погр. 32; В-образная пряжка — Шагвар, погр. 20, но с фасетированной рамкой, с округлым сечением, Эмона, погр. 170, но с прямоугольной рамкой, Токод, погр. 100 и др.) [Tejral 1997a: Abb. 1.1—3, 6, 8, 2.3, 15; Istvanovits, Kulcsar 1999: fig. 4] Пряжка с полым широким язычком имеет аналоги в вельбаркских древностях (Цецеле, погр. 502a) [Jaskanis 1996: Taf. 62.2]. К горизонту D2 может относиться браслет с обмоткой и замком, близкий дунайским золотым образцам (ср. оформление замка на гривне из Шарваты [Tejral 1999b: Abb. 38.1]). Часть пряжек характерна для Центральной Европы первой половины V в. (калачевидные рамки, хоботковидные язычки, далеко выступающие за передний край рамки). Другие пряжки могут быть отнесены ко второй половине V в., горизонтам D2/D3—D3. Это массивные изделия с тонкой осью для крепления обоймы, их аналоги известны в Тиссадоб-Шигет, Тиссавалк-Кендерфолдек, Артанд-Надьфаркашдомб в Восточной Венгрии [Istvanovits, Kulcsar 1999: fig. 8.12, 17], в Ятрусе на Дунае [Gomolka-Fuchs 1999: Abb. 6.5], в Удине и Тортоне в Северной Италии [Bierbrauer 1975: Taf. 46.3—6]. Пряжки с подтрегольным оформлением рамки есть в Византии, в частности в Пятра-Фрекацей, Сардисе, Пальмире [Petre 1987: Pl. 109b; Waldbaum 1983: pl. 44.710; Kazanski 1994a: fig. 7.6]. Такая форма пряжек известна уже для 450—550 гг., но существует и позднее. Особенно показательна полая пряжка, с расширением в центральной части — прием, появляющийся во второй четверти V в. (например, Якушовице, см.: [Godlowski 1995: Abb. 4.5—7]), однако наиболее популярным становящийся в конце V—VI в. Таким образом, предполагаемые могильники в Суздальском Ополе могли существовать весь V в. (рис. 6).

Наиболее ярко центральноевропейский импульс выражен в инвентаре массовых могильников поволжских финнов, расположенных по берегам рязанского течения Оки и притоков, получивших в литературе название рязано-окских. Эта культура отличается большим разнообразием погребального инвентаря, поэтому в рамках данной работы мы можем сделать лишь краткий обзор западных импортов и некоторых местных серий предметов, подражающих центральноевропейским образцам⁶.

В погребениях V в. встречены массивные серебряные и бронзовые гривны, сделанные из округлого дрота с утолщением в средней части, с двумя разновидностями замков: концы завязаны в крупные петли, из которых согнуты крючок и приемник, у другой разновидности крючок имеет полусферическую головку, а приемник сделан в виде граненого массивного кольца (погр. 71a могильника Заречье, погр. 14, 55, 74 могильника Кораблино, погр. 50 могильника Кузьминское, погр. 126 Шатрищенского могильника и др.: [Спицын 1901: рис. 22]). В погр. 71a могильника Заречье и 50 Кузьминского могильника серебряные гривны украшены по поверхности удлиненными ромбическими фасетками со сглаженными гранями, подобно гривне из Мамекино (рис. 7, 1—2). Гривны разных типов известны в варварских могилах в бассейне Дуная (Бржиза, Унтерзибенбрунн, Кестхей, Сегед-Надьзекшош и др.) и в Галлии (Пуан) [L'Or des princes barbares: 8, 1, 9, 1, 27, 1; Bona 1991: Farbt. 23, 24]. Экземпляры с фасетированной поверхностью встречены в кладах Латвии и Эстонии V в. [Корзухина 1978: 59] и на Балканах [Miletić 1978: fig. 1]

Главенствующим типом фибул являются рязано-окские крестовидные (более 60 шт.). Основное количество этих фибул относится к V в., и, судя по всему, они выполняли роль символа особого социального статуса погребенных (см.: [Ахмедов 1998; Ахмедов, Белоцерковская 1998]) аналогично Т-образным фибулам в погребениях германской знати в Центральной и Западной Европе (наиболее яркие примеры: Апахида, Блучина, погребение Хильдерика) или звездчатым фибулам в балтских погребениях Пруссии [Кулаков 1997; 1998]. Наряду с ними в погребениях известны три двупластинчатые фибулы, одна из которых может быть датирована в рамках периода D1 (Курман, раскопки И. И. Проходцева) (рис. 7, 5), однако инвентарь этого погребения в целом относится уже к середине V в. Другая фибула находит аналоги в древностях круга Унтерзибенбрунн, и еще одна принадлежит к типу Смолин (Борки, сборы В. И. Зубкова: рис. 7, 3—4). Кроме того, в погребении 380/8 могильника Ундрих известна фибула, принадлежащая к варианту фибул типа Прага (рис. 7, 6), характерных для древностей Моравии и Словакии [Schulze-Dörlamm 1986: 693—694]. Ту же роль, вероятно, выполняли уже упомянутые поздние экземпляры окских профилированных фибул с кнопкой.

Проявлением центральноевропейской моды можно считать использование крупных фибул в женских погребениях середины—второй половины V в. Женские погребения с крестовидными фибулами отличаются многочисленностью, «избыточностью» инвентаря (Никитинский могильник и др.) В одном случае (Заречье, погр. 71б) женщина с крестовидной фибулой и обильным инвентарем была дохоронена в погребение мужчины с крестовидной фибулой, мечом с янтарной подвеской и другими «престижными» изделиями, которые свидетельствуют о высоком ранге погребенного. Однако, в отличие от восточногерманского костюма, на Оке их носят по одному экземпляру в нижней части груди.

Вероятно, распространение крупных фибул и способ их ношения связаны проявлением закономерности, когда иннокультурный костюм заимствуется в первую очередь наиболее «знатными» представителями общества, подражающими престижному костюму, как это происходит в V в. на территории черняховской культуры и в Крыму [Kazanski 1993; Kazanski 1996a], а также на Кавказе [Казанский, Мастыкова 1998] и в Испании [Perin 1993]. При этом часто местным населением заимствуется лишь один элемент костюма (нередко просто приспособливаются заменяющие его местные украшения) как маркер принадлежности к престижной моде, а покрой одежды, один из самых устойчивых

⁶ Данные по рязано-окским могильникам даются по рукописи монографии И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова о раскопках могильника Кораблино, по диссертации, подготовленной И. Р. Ахмедовым, по могильнику Заречье — по любезной информации И. В. Белоцерковской. Авторы выражают искреннюю признательность И. В. Белоцерковской, а также А. Н. и А. П. Гавриловым (Шилковский районный народный музей).

этнографических признаков, не меняется. Этот феномен наблюдается и на Нижней Оке (Безводнино, Подболотье, Желтухино, см.: [Городцов 1914; Краснов 1980; Уткин, Черников 1994]). Следует указать на проявления этой тенденции и в других регионах, наиболее ярко — на Северном Кавказе [Казанский, Мастыкова 1998: 107—113] или в Приаралье [Левина 1996: рис. 111, 113—115], где восточногерманские по происхождению двупластинчатые фибулы или их дериваты интегрируются в местный женский костюм.

В Западной Европе подобная позиция фибул (две фибулы в нижней части груди или на животе) известна в погребениях середины—второй половины V в. Швейцарии и Германии (например, Базель-Кляйнхунген, погр. 126, Алдинген, погр. 15, Эшборн, погр. 18). В Центральной Европе скандинавская равноплечая фибула находилась в такой же позиции в гепидском погребении первой половины VI в. в Сентеш-Надьхедь (см. графические реконструкции: [Мастыкова 2000: рис. 7]).

Следующей характерной чертой, появляющейся в гуннское время на Средней Оке, является наличие в мужских воинских комплексах одного браслета, как правило, на правой руке погребенного. Браслеты эти как местных типов, так и привозные — круглодротовые с массивными расширениями на концах (погр. 55, 74 в Кораблино; погр. 95, 30, 39, 41, 55 в Заречье; погр. 91 в Шатрищах, погребение 1983 г. в Ундрихе и др.) (рис. 7, 7—8). Подобные браслеты являются неотъемлемой чертой воинской моды V в., они восходят к германским «королевским» золотым браслетам (Островяны, Бру, Апахида, Блущина, Фюрст, Вольфсхайм, Гроссорнер, Пуан, погребение Хильдерика, см. подборку: [L'Or des princes barbares], а также специально о золотых браслетах, с каталогом: [Kuhlberg 1986: 66—73, 118—121]. В отдельных случаях (например Блущина) известно, что браслет также был на правой руке погребенного [Tejral 1993: obr. 310].

Наиболее многочисленны предметы импорта среди металлических деталей поясных уборов. Количество так называемых «пожных» хоботковых пряжек, характерных в первую очередь для периодов D2 и D2/D3, просто не поддается перечислению в рамках данного исследования. Остановиться следует на пряжке из погр. 5 Борковского могильника (раскопки В. И. Зубкова) (рис. 8, 11) с массивной, утолщенной в передней части рамкой, язычком со стилизованным зооморфным оформлением и поперечным рифлением у основания, с небольшой прямоугольной обоймой. Детали оформления пряжки находят соответствия в дунайских памятниках середины V в. (Смолин, Артанд-Кишфаркашдомб, Тепе-Малайдок и др., см.: [Tejral 1997a: Abb. 22.1. 24.8, 11; Istvanovits, Kulcsar 1999: fig. 15.6]) и отражают синтез нового облика поясного набора постгуннского времени.

Велика серия овальнорамчатых пряжек с овальными и прямоугольными обоймами. К наиболее ранним экземплярам относится серебряный набор из погр. 94/мыс-2 Кораблино (рис. 8, 1—2). Пряжка из этого набора имеет рамку, украшенную штампованными овалами, язычок украшен головкой животного, овальная обойма пряжки и шарнирный наконечник ремня с подвеской украшены штампованным орнаментом в стиле Сесдала. Пряжка является вариантом Стрегошице-Тисаладань-Керчь, относящейся к периодам D1 и D2 [Maczynska 1999; Madyda-Legutko 1978]. Эти пряжки римского происхождения особенно многочисленны на Среднем Дунае (каталог и карта находок: [Bona 1991: 261, 262, Abb. 66]). В этом же стиле орнаментирована и секировидная подвеска из погр. 28 могильника Курман, повторяющая в упрощенном варианте формы подвесок из Качина, Унтерзибенбрунна (рис. 8, 5). К более позднему времени относятся близкие формы инкрустированных подвесок из клада в Доманьяно, датированного временем Одоакра (рис. 12, 4) [Bierbrauer 1975: Taf. 20.1—9; Menke 1986: 263].

Более поздние экземпляры представлены сериями пряжек с массивными овальными и В-образными рамками и массивными почковидными и прямоугольными коробчатыми обоймами. Из них наиболее ранними являются пряжки с менее массивными рамками, обоймами-коробочками, составленными из пластин, и язычками с прямо срезанным основанием, плавно загибающимся за передний край рамки (период D2/D3). Уже ко времени D3 следует относить появление пряжек с массивными рамками и крупными гранеными язычками, в отдельных случаях со стилизованной головкой животного, с прямоугольной площадкой у основания язычка, имитирующей гнездо для вставки (рис. 8, 6—9, 12—20). В некоторых случаях эти язычки напаиваются на бронзовую пластину, крепящую язычок на пряжке (рис. 8, 10). Пряжки этих серий связаны с пряжками европейских типов, происходящих из погребений периода D3, наиболее роскошные из них встречены в погребениях в Апахиде, Блущине, могиле Хильдерика, Бюлле, Шамбли, Лувр-ан-Паризи [L'Or des princes barbares, 2000: 29; Tejral 1993: obr. 310; Tejral 1995: Abb. 8; Périn 1995: fig. 10; Huet 1995: fig. 1.2]. В-образная пряжка с рифленой рамкой происходит из погр. 18 Никитинского могильника (тип «Притшир-Полибино»: [Бажан, Каргопольцев 1989]). Синтезной является местная серия пряжек (рис. 8, 21—23) с рифлеными массивными рамками, язычками с площадками у основания и массивными вытянутыми обоймами (Кузьминский, Кораблино, Курман, см.: [Спицын 1901: табл. 21.16; Уваров, 1890, табл. 5]).

Особое внимание следует уделить ремненным наборам с украшениями в виде птичьих головок (рис. 7, 9—13). Отдельные из них уже рассматривались в специальных работах в контексте дунайских заимствований в лесной зоне [Амброз 1970]. За последнее время количество этих находок существенно увеличилось и в настоящее время составляет на Средней Оке уже 13 находок наборов и отдельных элементов пояса, а также металлических деталей головных уборов. Наборы этого стиля датируются достаточно широко, в пределах второй трети V—начала VI в. Разделители ремней головных уборов (рис. 7, 14—16) выполнены в манере, встреченной на пряжках из погребений на австрийском течении Дуная (Вена-Леопольдау, Сигмундсберг), Паннонии (Мёш) (рис. 4, 3—5), на детали ножен меча из Великой Бахты в Закарпатской Украине (рис. 4, 9), периода D2/D3 [Tejral 1997: fig. 7.16—18, fig. 13.1, fig. 16.7—9] а также на пряжке из Хмельны в Среднем Поднепровье [Корзухина 1996: табл. 91.18]. Близкие гарнитурные особенно многочисленны на Дунае (каталог и карта находок: [Bona 1991: 248, Abb. 34]). Они известны в Венгрии (например Чанад-Бокень, Яношхида и др.) [Csallany 1961: Taf. 159.3; Tejral 1988: Abb. 41.14, 16], Румынии (Маритейя) [Ignat 1983:

fig. 1], в Германии (Гондорф, Мальберг) [Kazanski, Périn 1997: fig. 1.14; Alamannen 1997: Abb. 194], Швеции (Сьеруп) [Germanen 1987: XI, 9. c, e] (рис. 4, 3—8).

Птицевидные бляхи делятся на несколько вариантов (рис. 7, 11—13) наиболее распространенный из которых находит аналоги в Среднем Поднепровье (Хмельна) и Венгрии (коллекция Rath) Они декорированы в технике кербшнита, на венгерской бляшке присутствует решетчатый орнамент [Корзухина 1996: табл. 92.15; Fettich 1937: Abb. 35.2].

Пряжки из этих наборов снабжены противостоящими пластинами (рис. 7, 9—13), аналогично набору из Блущины, что восходит к провинциально-римской воинской моде конца IV—начала V в., обильно представленной на памятниках дунайского и рейнского лимеса. Птицевидные фигуры, украшающие как противостоящие пластины, так и некоторые из пряжек, находят прототипы в изображениях львов, грифонов, дельфинов и т. д. на римских поясах. На германских и византийских украшениях мотив парных птичьих голов, развернутых в разные стороны или противостоящих друг другу, известен со второй половины V в. (рис. 12, 1, 2, 5) (фибула из Десаны, пряжки из Ландриано и др., см.: [Bierbrauer 1975: Taf. 6.1—2; Taf. 25.1]; изделия из Керчи и Лермонтовской Скалы [Засецкая 1993: табл. 52.269, 271; Рунич 1976]), похоже, что этот мотив появляется уже в гуннское время (см. наконечники ремней в Сегед-Надьсекшош [Or des princes barbares: 19, 2]. Наиболее ранний набор встречен в комплексе с фибулой типа Виллафонтана и пряжкой местной серии с зооморфным язычком, что указывает на возможную дату этого погребения в рамках D1—D2/D3. Наиболее поздние из этих наборов, вероятно, относятся к концу V в., как находки из погр. 4 Никитино и из сборов А. В. Селиванова на Борковском могильнике (рис. 7, 9—10) [Спицын 1901: табл. 14.18—19]. Пряжка из Никитино находит аналогии во второй половине V в.: форма напоминает пряжку из погребения 1889 г. в Гюлтлингене (рис. 14, 5) [Quast 1993: Taf. 1], элементы композиции на обойме пряжки ближе экземплярам с длинной обоймой в Бачки-Моностор и Шекей [Tejral 1997a: Abb. 25.14, 18]; решетчатый декор широко представлен на различных предметах второй половины V—VI в. [Vallet 1988: 52].

Все это позволяет предполагать, что в лесной зоне вырабатывался новый стиль поясных гарнитур подобно тому, как это происходило в материнской культуре остготов на Балканах и в Северной Италии, визиготов в Южной Франции и Испании, а так же в Крымской Готии.

Многие из пряжек (в том числе и с прямоугольной обоймой) находились на поясах, к которым привешивались крупные боевые ножи — тесаки, сопоставимые с европейскими скрамасаксами (погр. 63, 71, Борки; погр. 91, Шатриши, см.: Спицын 1901: табл. 20.11; Кравченко 1974: 171, рис. 23.2; погр. 96/мыс 2, Кораблино; погр. 380/8, Ундрих; погр. 55 Заречье и др.). Пояса с пряжками с овальной рамкой и прямоугольной обоймой и скрамасаксами известны в бургундских, аламанных, тюрингских и баюварских погребениях второй половины V в., таких как Изенав [Vallet, Kazanski 1995: fig. 1], Эшборн, погр. 9 [Ament 1992: Taf. 20], Алдинген [Schach-Döriges 1987: Abb. 36], Хемминген, погр. 44, 46 [Müller 1976: Taf. 11. A. 1, 2, B. 1, 2], Биттенбрунн, погр. 25 [Germanen 1987: XV, 13], Деерсхейм, погр. 15 [Schneider 1983: Abb. 88.1, 9], Страубинг, погр. 330 [Geisler 1998: Taf. 103.330.2, 3] (рис. 16, 18, 19). Сам обычай ношения воинских поясов с подвешенными к ним однолезвийными кинжалами восходит к римской армии, поясные гарнитур с ножами хорошо известны в воинских позднеимперских могилах начала V в. в Галлии и на Рейне, в частности на некрополях Аббевиль, Келн-Якобштрассе, Крефельд-Геллеп, Мартевиль, Уденбург, Тонгерен, Турнэ, Бад-Крейзнах, Фолклинген, Френувиль, Фюрфоз, Лиме, Майен, Нуэлле, Суан-ан-Солонь, Трейн, Верман, Вилла д'Анси, Вире-Молан и др. [Kazanski 1995: 40, 41].

Впрочем, для Оки возможно и не прямое заимствование с Запада. Действительно, пояса с пряжками с овальной рамкой и прямоугольной обоймой и с тесаками известны не только на Западе, но и в Черноморском регионе, на готском могильнике Дюрсо, на Северокавказском побережье. Они, в частности, представлены в погр. 291 [Дмитриев 1982: рис. 5.40, 47]. Однолезвийные тесаки на поясах с пряжками с овальной рамкой и прямоугольной обоймой известны во второй половине V в. у апсиров в Абхазии [Воронов, Юшин 1973: рис. 11.4, 17]⁷. Военные контакты между финнами Оки и Кавказом в постгуннское время устанавливаются по параллелям в конском снаряжении [Ахмедов 1997; Ахмедов 1997а). Похожие, но не идентичные пояса с тесаками и с пряжкой с почковидной или овальной обоймой засвидетельствованы для второй половины V—середины VI в. на византийских Балканах (погр. I в. Кошарево [Daskalov 1998: Abb. 3.1, 4]) и в Абхазии (погребение на некрополе Шапка-Юстинианов Холм, с тремя монетами Юстиниана и элементами пояса раннего VI в. [Воронов, Юшин 1971: рис. 41.5, 16, 42.2]). Возможно, что «западная» мода на пояса с пряжками с обоймой и тесаками попала на Оку через Черноморье.

Однолезвийные боевые ножи длиной от 25 до 50 см, типа западных скрамасаксов, в некоторых случаях в ножнах с пластинчатыми обоймами или с накладными пластинами с пуансонным орнаментом, из бронзы или серебра, известны в 38 случаях: Борок II — 4 экз. (Шиловский музей: кол. № 110, 296, 513, 525), Кораблино — 5 экз. (погр. 15, 42, 96, 106, 129 — мыс 1, раскопки И. В. Белоцерковской), Заречье IV — 12 экз. (погр. 20, 28, раскопки А. Н. Сорокина, см.: [Ахмедов, Белоцерковская 1996: рис. 15.8, 20.1], а также погр. 30, 37, 55, 60, 66, 71а, 108, 150, 158, 173а из раскопок И. В. Белоцерковской), Шатриши — 3 экз. (погр. 22, 50, 81, см.: [Кравченко 1974: рис. 19, 1, 2], Борковской — 4 экз. (погр. 54, 63, 71, 101, см.: [Спицын 1901]), Никитинский — 4 экз. (погр. 5, 11, см.: [Воронина 1986: 93] а также погр. 19, 30 из раскопок И. Р. Ахмедова), Курман — 4 экз. (2 экз. — раскопки Ф. А. Уварова и 2 экз. в фонде РИАМЗ), по 1 экз. в Кузьминском (погр. 40, см.: [Спицын 1901: 32, рис. 9, табл. 20.1, 16.2]) и Шокшинском (информа-

⁷ Это подтверждает наше предположение о ближне- и средневосточном (византийско-сасанидском?) происхождении европейского тесака-скрамасакса [Kazanski, 1991: 133; Kazanski, 1993a: 56], дополнительные аргументы см.: [Quast, 1999]. К сожалению в цитируемой работе немецкий коллега пугает скрамасакс и палаш и почему-то приписывает нам идею о римском происхождении скрамасакса.

ция В. Н. Шитова). В 6 случаях (Борок, погр. 110, 296; Заречье IV, погр. 55, 71а, 158; Ундрих, погр. 8, 1999 г.) боевые ножи-скрамасаксы встречены в погребениях с длинными двулезвийными мечами (рис. 9, 6—10, 12). Среди последних следует особо упомянуть меч с птицевидными деталями ножен (Борок, погр. 110) [Akhmedov 1998], близкий образцам из Ширма-Бешеньо, Тамани, Дюрсо, Лара [Menghin 1994/95, Abb. 24, 33, 43; Воронов, Шенкао 1982: рис. 4.32].

В некоторых случаях эти погребения сопровождаются наконечниками копий типа Казакиявичюс II и наконечниками дротиков Казакиявичюс VII (рис. 9, 4—5) (о них см.: [Казакиявичюс 1988]). Они, наряду с типами, развивающимися предшествующие, являются основными для V—первой половины VI в. и составляют наиболее часто встречающуюся пару (Кораблино, погр. 29, 55, 81, 86; Заречье, погр. 20, 26, 28, 30, 32, 35, 37, 39, 41, 55, 60, 84, 89, 153, 166, 187, 190). Западное происхождение этих типов вооружения было установлено [Казанский 1999]. Следует также указать на присутствие в воинских погребениях медальона, сделанного из римских монет, германского железного кресала (рис. 9, 11), аналогичные которому известны в Велатице, погр. 4/37, Хаммельбурге и др. [Tejral 1997: fig. 17.4; Menghin 1994/95, Abb. 11].

Наконец, даже среди предметов конского убора, который в рязано-окских древностях всегда был тесно связан со степной и северокавказской уздой, известны западные импорты, найденные на могильнике Ундрих. Это два уздечных набора, один из которых, со стержневидными псалиями с полиэдрическими головками, рифлением, выделенной центральной частью, пряжками с полкой рамкой, двускатными зажимами (рис. 9, 3), изготовлен в стиле западноевропейской узды второй половины V в., наиболее яркие образцы ее происходят из Апахиды, Крефельд-Геллепа, погр. 1782, Гроссорнера [Pégin 1995; L'Or des princes barbares]. Зооморфные зажимы, сохранившиеся от второй узды (рис. 9, 2), несут декоративные мотивы, известные по находкам в западных погребениях того же времени. Отметим также очевидную близость между псалиями, найденными в погр. 55 могильника Заречье IV [Ахмедов 1997: рис. 2.1] и в аламанских могильниках Реннинген, Плейделсхейм и Альдинген [Alamannen 1997: Abb. 180; Schach-Döriges 1987: Abb. 37.3]. Близки им и удила из погр. 216 аламанского некрополя Базель-Кляйнхюнинген [Giesler-Müller 1992: Taf. 46.216.1], хотя в деталях они отличаются (рис. 20). В Заречье и в Алдингене в состав узды входили также гвоздики-заклепки. По сбруйной пряжке погребение из Заречья может быть отнесено к Шиповскому постгуннскому горизонту (приблизительно 450—550 гг., о дате горизонта см.: [Kazanski, Mastikova 1999], к этому же времени относятся и аламанские могильники. Трудно, однако, сказать, имеет ли здесь место заимствование с Запада, поскольку псалии из Заречья IV представляют собой поздний вариант понтийских псалиев, более характерных для Черноморья и Кавказа, чем для Запада [Ахмедов 1997]. Аламанские псалии могут быть восточноевропейскими по происхождению, но и в этом случае их сходство с уздой из Заречья свидетельствует о воинских контактах.

Шпора из могильника Ундрих (рис. 9, 1) относится к наиболее поздним вариантам шпор типа Лейна или варианту Д западно-провинциальных римских шпор [Giessler 1978], бытовавшему и в V в. Близкий по форме экземпляр известен в одном из поздних слоев Ятруса [Gomolka-Fuchs 1999: Abb. 2.12].

Из представленных материалов видно, что основное количество западных элементов V в. в материальной культуре рязано-окских могильников относится к сфере воинской культуры (оружие, пояса, конский убор), это указывает на определенный характер контактов. Такие контакты могли носить и не мирный характер, о чем могут свидетельствовать на рязано-окских могильниках два горизонта погребений людей, погибших насильственной смертью (Кораблино, Заречье). Один из них относится к началу гуннского времени, другой датируется серединой—второй половиной V в. Так, в погр. 16 могильника Кораблино погребенная женщина была убита двумя стрелами, из них одна, застрявшая в ноге, относится к ромбическим трехперым черешковым. В тазовых костях воина, погребенного с поясом и большим тесаком в могиле 96/мыс-1 Кораблино, был обнаружен двушипный дротик, в непосредственной близости от этой могилы находилось погребение мужчины с рублеными ранами на лицевой части черепа.

Исходный пункт экспансии аллохтонных групп мог находиться к северо-западу от среднего течения Оки, на это указывает тот факт, что рязано-окские классические крестовидные фибулы за пределами рязанского течения Оки встречены только там (рис. 10, 3—5) — на селище Хотяжи под Звенигородом и на городищах Орлов городок и Дуденево на северо-востоке Тверской области [Ахмедов, Гавритухин. Свод фибул]. Показательно, что и рязано-окские гривны с замком в двойную петлю и напускными бусами (рис. 10, 1—2) найдены на Дьяковом городище и в Березняках [Розенфельдт 1982: рис. 13.1, 3]. Крестовидные фибулы и гривны были социально значимыми предметами в рязано-окской культуре и вряд ли могли быть предметами товарообмена. Присутствие восточнолитовских браслетообразных колец может свидетельствовать, что носители «западных» культурных элементов перед этим прошли через Прибалтику.

Наплыв западных импортов наблюдается и на финских памятниках на Нижней Оке, относимых к муроме: здесь присутствуют хоботковые пряжки. В могиле 16 некрополя Безводное была найдена пряжка с вытянутой подтреугольной обоймой и полым зооморфным язычком (рис. 11, 6), имитирующая центральноевропейские формы второй половины V в. [Maczynska 1999: fig. 13; Istvanovits, Kulcsar 1999: fig. 19.4; Tejral 1997: fig. 7.10]. В этом же погребении присутствует также наконечник копья, близкий типу Казакиявичюс II. Само погребение коллективное (три погребенных) с частями туши коня, а в костях погребенного молодого мужчины с поясом застрял обломок стрелы. В-образная пряжка с зооморфным язычком, площадкой у основания и длинной обоймой находилась в погребении 119 (рис. 11, 5), похожая пряжка с рамкой, близкой по сечению и деталям декора, известна в погр. 10 могильника Прага-Велеславин [Tejral 1997a: Abb. 20.8]. В погр. 21 находился однолезвийный тесак, а в погр. 5 — обувной набор с птичьеголовыми деталями (рис. 11, 4—5), близкий описанным выше из рязано-окских могильников. По деталям оформления он связан со шведским набором из Сьерупа.

Кроме того, отметим наличие в Безводном характерных для муромских памятников грубых литых имитаций дунайских двупластинчатых фибул. Наиболее ранняя, с полукруглой верхней пластиной (погр. 150), возможно, имитирует фибулы типа Смолин—Косино, вместе с ней в погребении также присутствуют браслеты из круглого в сечении

дрота с расширяющимися концами (рис. 11, 1—2) [Краснов 1980: 139—140, рис. 34.2, 40.2, 11, 12, 41.6, 51.3]. Интересно, что в погр. 150 были также обнаружены браслетообразные балтские кольца. Они представлены и в погр. 97 [Казанский 1999: 406].

Необходимо упомянуть воинское захоронение 11 Желтухинского могильника, в котором на груди погребенного находилась крестовидная фибула нижеокской серии, на правой руке был надет массивный браслет, в районе тазовых костей помещался поясной набор, в его составе присутствует крупная пряжка с массивной обоймой, зооморфным язычком и с площадкой у основания язычка (рис. 11, 11), близкая описанным пряжкам из Борковского могильника. Погребение сопровождалось захоронением лошади, рядом с которым лежали наконечники копья и дротика, близких типам Казакавичюс II и VII [Уткин, Черников 1994: рис. 9.1, 3—4, 7—8, 10.12]. Таким образом, пласт воинских погребений прослеживается и на Нижней Оке, а наличие коллективных погребений убитых V в. при сопоставлении с горизонтом погибших из рязано-окских могильников позволяет предположить, что нижеокское население также было втянуто в события, происходившие в лесной зоне.

В древнемордовских памятниках пензенской группы также присутствуют предметы западного импорта. Так, в Селиксенском могильнике есть балтская пряжка с В-образной рамкой, с фигурой в виде крыльев у основания язычка и с длинной орнаментированной обоймой (рис. 11, 8) [Полесских 1962: рис. 4.5], имеющая аналоги в Литве на могильнике Судата V—VI вв. [Казанский 1999; Kaczynski 1963: fig. 1]. В Армиевском могильнике в погр. 72 (раскопки П. С. Рыкова) и погр. 178, 133 (раскопки М. Полесских) находились большие тесаки. В погр. 133 тесак сопровождался западной В-образной пряжкой с овальной обоймой и язычком с площадкой у основания (рис. 11, 10). Целая серия подобных пряжек (по описанию автора — 22 экз.) представлена в погребениях, раскопанных на Армиевском могильнике П. С. Рыковым [Рыков 1930: табл. 6.57—59, 7.60—62; Полесских 1979: рис. 25]. Кроме того, среди находок в Армиеве необходимо указать на гривну с массивной передней частью, аналогичную описанную выше среди рязано-окских древностей, фибулу, аналогичную по рисунку типу Виллафонтана (рис. 11, 9), пряжку с массивной овальной рамкой, выделенной тонкой осью, и язычком с прямоугольной площадкой у основания [Рыков 1930: табл. 5.10, 8.56, 14.70, 20.118]. Весьма показателен набор с птицевидными деталями (рис. 11, 7), относящийся к наиболее поздним этого типа, о чем свидетельствуют, на наш взгляд, упрощенные формы поясных бляшек и полая В-образная рамка (погр. 226, раскопки М. Р. Полесских [Полесских 1979: рис. 29.1, 3; Гавритухин, Иванов 1999: рис. 8.30—32]).

В марийских памятниках также встречены пряжки западного происхождения. В первую очередь, это пряжка с овальной, утолщенной к передней части рифленой рамкой, овальной обоймой и зооморфным язычком из погр. 128 Младшего Ахмыловского могильника и крупная пряжка с овальной рамкой и овальной обоймой, с хоботковидным язычком, слегка выступающим за передний край рамки, из погр. 120 (рис. 11, 12—13). В погр. 16 и 102 найдены браслеты с расширяющимися концами. В погр. 122 находилась гривна с обмоткой, напускными бусами и замком в двойную петлю [Архипов 1962; 1963]. Материалы Младшего Ахмыловского могильника характеризуются наличием сильного окского компонента, происхождение которого связывается марийскими археологами с рязано-окскими могильниками. Однако наличие в материалах могильника мелких деградированных грубых литых крестовидных фибул, аналогичных нижеокской серии, указывает на то, что этот компонент, скорее, связан по происхождению с муромскими памятниками [Ахмедов, Гавритухин. Свод фибул]. Материалов ранее V в. в марийских памятниках не прослеживается, в то же время они не связаны генетически с более ранними азелинскими памятниками. Возможно, появление нового населения в Марийском Поволжье связано с событиями, происходившими в середине V в. в лесной зоне Центральной России.

Все перечисленное свидетельствует о том, что изменение облика материальной культуры в лесной зоне, явившийся следствием прихода новых групп населения, затронуло практически все лесные районы Центральной России. Поволжско-финское население, пережившее эту перестройку, не только заимствовало огромное количество инноваций в воинском обиходе, костюме, престижной символике, возможно, в погребальном обряде (трупосожжения?), но и приняло участие в сложении новых цивилизаций.

Центральноевропейские и балтские параллели указывают на происхождение аллохтонных групп, появившихся в Центральной России, но Запад, видимо, не был единственным исходным пунктом экспансии. В поиске районов, откуда происходило заимствование «западных» элементов, необходимо учитывать наличие на соседней территории, в верховьях Дона, грунтового могильника с трупоположениями на Животинном городище [Медведев, Винников 1989]. Памятник ранее был определен авторами публикации как сарматский и отнесен к I—IV вв. Однако материалы наиболее представительного погр. 4 дают возможность иной датировки: в составе инвентаря присутствуют пояс с крупной серебряной пряжкой, два меча: длинный и короткий, янтарная бусина — подвеска с бронзовым колпачком, мелкие портупейные пряжки, кресало с кремнем, находившиеся в сумке, от которой сохранились заклепки, сероложенный кувшин (рис. 13). Пряжка близка находкам в могильниках Изенав и Эшборн [Vallet, Kazanski 1995: fig. 1; Ament 1992: Taf. 20], датируемым в пределах 450—480 гг. (рис. 13, 12; 16, 2; 18, 3). Таким образом, характер находок идентичен «западному» воинскому комплексу, присутствие которого на Оке было показано выше. Объяснить это миграцией идей не представляется возможным. Он мог попасть в Центральную Россию только с носителями западной «воинской цивилизации». Вероятно, именно для этих людей изготавливались гребни типа Томас 3, заготовки которых найдены в костерезной мастерской, исследованной А. М. Обломским в том же регионе [Обломский 1999]. Необходимо указать на уже упомянутую находку гребня этого типа на верхнеокском городище Щепилово. Из того же Верхне-Донского региона, с городища Чертовицкое III, происходит пряжка центральноевропейского облика с насечками, имитирующими рифление, а также «кочевническая» трехлопастная стрела [Медведев 1998: рис. 10.8, 15.1]. Таким образом, лесостепная зона междуречья Днепра и Дона также может быть источником новаций для лесной зоны, тем более что в этом регионе сходятся верховья Оки, Дона и левых притоков Днепра, на которых найдены богатые «княжеские» могилы и клады V в.

Литература

- Абакаров, Давудов 1993: Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М.
- Айбабин, Хайрединова 1998: Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 6. С. 274—311.
- Амброз 1970: Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М. С. 70—74.
- Археологическая карта: Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997.
- Архипов 1962: Архипов А. Г. Младший Ахмыловский могильник: Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1962 г. — Архив ИА РАН. Р-1, № 2466.
- Ахмедов 1997: Ахмедов И. Р. Уздечный набор из могильника Заречье 4 // Древности Евразии. М. С. 261—268.
- Ахмедов 1997а: Ахмедов И. Р. К истории раннесредневековой узды (горизонт Шипово-Сахарная Головка) // Международная конференция «Византизм и Крым», Севастополь, 6—11 июня 1997 г. Симферополь. С. 14—16.
- Ахмедов 1998: Ахмедов И. Р. Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию П. Д. Степанова. Саранск. С. 58—61.
- Ахмедов, Белоцерковская 1996: Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 104—141.
- Ахмедов, Белоцерковская 1998: Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. О месте фибул в рязано-окских могильниках // Археологические памятники Поочья. Рязань. С. 105—123.
- Ахмедов, Гавритухин. Свод фибул: Ахмедов И. Р., Гавритухин О. И. Свод фибул Центральной России. Рукопись.
- Баран 1972: Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.
- Бажан, Каргопольцев 1989: Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 198. С. 28—34.
- Безуглов, Ильяшенко 2000: Безуглов С. И., Ильяшенко С. М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // Донская Археология. 1. С. 91—100.
- Вакуленко, Приходнюк 1984: Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев.
- Воронина 1986: Воронина Р. Ф. Финский могильник у деревни Никитино // КСИА. 83. С. 92—94.
- Воронов, Шенкао 1982: Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение войнов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М. С. 121—165.
- Воронов, Юшин 1971: Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии // КСИА. 128. С. 100—105.
- Воронов, Юшин 1973: Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. 1. С. 171—191.
- Гавритухин 1994: Гавритухин И. О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Гокари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский Сборник. 4. С. 32—42.
- Гавритухин 1999: Гавритухин И. О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры // 100 лет черняховской культуре. Киев. С. 48—86.
- Гавритухин, Иванов 1999: Гавритухин И. О., Иванов А. Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем Средневековье (Archaeologia Permica 1). Ижевск. С. 99—60.
- Гавритухин 2000: Гавритухин И. О., Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz. С. 261—324.
- Городцов 1914: Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. 24. С. 40—216.
- Гороховский 1988: Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного Конгресса Археологов-славистов. Киев. Т. 4. С. 34—46.
- Дмитриев 1982: Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М. С. 69—107.
- Засецкая 1993: Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV—первой половины V в. н. э. МАИЭТ. 3. С. 23—105.
- Засецкая 1994: Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб.
- Исланова 1997: Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М.
- Казакевичюс 1986: Казакевичюс В. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис // СА. 1986. 3. С. 238—243.
- Казакевичюс 1988: Казакевичюс В. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Казанский 1997: Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский Археологический Вестник. СПб.; Кишинев. С. 181—193.
- Казанский 1999: Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 6. С. 404—419.
- Казанский, Мастыкова 1998: Казанский М. М., Мастыкова А. В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-Археологический Альманах Армавирского краеведческого музея. 4. С. 102—135.
- Корзухина 1978: Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI вв. в Среднем Поднепровье. Л.
- Корзухина 1996: Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. Предисловие В. М. Горюновой и О. А. Щегловой // МАИЭТ. 5. С. 349—435.
- Корсунский, Гюнтер 1984: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.
- Кравченко 1974: Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник. Археология Рязанской Земли. М. С. 116—183.
- Краснов 1980: Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. М.
- Кропоткин 1971: Кропоткин В. В. Клад серебряных вещей VII в. из с. Крылос в Поднестровье // Acta Archaeologica Carpathica. 12. С. 65—71.
- Кулаков 1995: Кулаков В. И. Прусская дружина в V—XII вв. // Элита и этнос Средневековья. М. С. 105—112.
- Кулаков 1997: Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. 12. С. 143—171.
- Кулаков 1998: Кулаков В. И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н. э. // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. 13. С. 98—119.
- Лебек 1993: Лебек С. Происхождение франков, V—IX вв. М.
- Левина 1996: Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Лухтан 1996: Лухтан А. Война в Литве в V веке // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагодзі н. э. Минск. С. 53, 54.

- Магомедов 1999: Магомедов Б. В. К истории финального этапа черняховской культуры // 100 лет черняховской культуре. Киев. С. 39—47.
- Мастыкова 2000: Мастыкова А. В. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V—VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья (Археология восточноевропейской лесостепи. 14) Воронеж. С. 31—47.
- Мастыкова, 2001: Мастыкова А. В. Социальная иерархия женских могил северокавказского могильника Дюрсо в V—VI вв. (по материалам костюма) // Историко-Археологический альманах Армавирского краеведческого музея. 7.
- Мастыкова, Казанский 2000: Мастыкова А. В., Казанский М. М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V—VI вв. XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск. С. 99—102.
- Медведев 1998: Медведев А. П. III Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж. С. 42—84.
- Медведев, Винников 1989: Медведев А. П., Винников А. З. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж. С. 148—156.
- Никольская 1962: Никольская Т. Н. Городище у деревни Николо-Ленивец // СА. 1962. I. С. 221—240.
- Обломский 1999: Обломский А. М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк. С. 127—133.
- Отчет 1916: Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет. (1883—1908). М.
- Полесских 1962: Полесских М. Р. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. // СА. 1962. . С. 179—188.
- Полесских 1979: Полесских М. Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. (Тр. МНИИЯЛИЭ. 63). Саранск. С. 5—56.
- Рунич 1976: Рунич А. П. Захоронение вождя эпохи раннего Средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. 3. С. 256—266.
- Розенфельд 1982: Розенфельд И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М.
- Русанова, Тимощук 1984: Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын-славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М.
- Рыков 1930: Рыков П. Культура древних финнов в районе реки Узы. Саратов.
- Селицкий 1999: Селицкий А. И. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998 года. СПб. С. 58—81.
- Спицын 1901: Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы (МАР 25). СПб.
- Уваров, 1890: Уваров А. С. Курманский могильник // Древности. Труды Московского Археологического Общества. 14. С. 328—343.
- Уткин, Черников 1994: Уткин А. В., Черников В. Ф. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов (Археология и этнография марийского края. 23). Йошкар-Ола. С. 41—66.
- Фролов 1970: Фролов И. К. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. М. С. 80—82.
- Фурасьев 1996: Фурасьев А. Г. Демидовка и Узьмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н. э. Мінск. С. 78—80.
- Фурасьев 1996а: Фурасьев А. Г. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра // Ладога и Северная Европа. Чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 4—6.
- Хлевов 1999: Хлевов А. А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 года. СПб. С. 49—58.
- Шименас 1990: Шименас В. Великое переселение народов и балты // Археология и История Пскова и Псковской земли. Псков. С. 72—74.
- Щукин 1979: Щукин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 158. С. 17—22.
- Щукин 1980: Щукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. Vol. 2. P. 399—412.
- Alamannen 1997: Die Alamannen. Stuttgart.
- Ament 1992: Ament H. Das alamannische Gräberfeld von Eschborn (Main-Taunus-Kreis). Wiesbaden.
- Akhmedov 1998: Akhmedov I. La tombe de chef militaire finno-ougrien du Ve s. a Borok 2 (Russie centrale) // Bulletin de liaison de l'Association Française d'Archéologie mérovingienne, 22. P. 59, 60.
- Arrhenius 1985: Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm.
- Arrhenius 1990: Arrhenius B. Die Schraube als Statussymbol. Zur Technologietransfert zwischen Römern und Germanen // Frankfurter Beiträge zur Mittelalter-Archäologie. 2. Frankfurt-am-Main. P. 9—26.
- Arrhenius 1990a: Arrhenius B. Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period // From Baltic to the Black Sea. London-Boston-Sydney-Wellington. P. 118—137.
- Bachrach 1972: Bachrach B. S. Merovingian Military Organisation 481—751. Minneapolis.
- Bierbrauer 1975: Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Bierbrauer 1989: Bierbrauer V. Ostgermanischer Oberchichtgräber der römischen Kaiserzeit und des Frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Łódź. P. 39—106.
- Bona 1991: Bona I. Das Hunnenreich. Budapest; Stuttgart.
- Bruet 1991: Bruet R. Les fouilles du quartier Saint-Brice à Torunai. 2. L'environnement funéraire de la sépulture de Childéric. Louvain-la-Neuve.
- Csallany 1961: Csallany G. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 u. Z.). Budapest.
- Damm 1988: Damm I. G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt. 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 21. P. 65—200.
- Daskalov 1998: Daskalov M. Ein Grab der Völkerwanderungszeit aus Südwestbulgarien (2. Hälfte des 5. Jhs. -Anfang des 6. Jhs.) // Archaeologia Bulgarica. 1998. 3. P. 77—87.
- Eck, 1895: Eck T. Exploration d'anciens lieux de sépultures de la Somme et de l'Aisne // Bulletin Archéologique. P. 387—398.
- Garam, Kiss 1992: Garam E., Kiss A. Goldfunde aus der Völkerwanderungszeit im Ungarischen Nationalmuseum. Budapest.
- Geisler 1998: Geisler H. Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstrasse I. Rahden/Westf..
- Gercen, Maczynska 2000: Gercen A., Maczynska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź. P. 522—544.
- Germanen 1987: Germanen. Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg.
- Giesler 1978: Giesler U. Jüngerkaizerzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg-Jahrbuch 35. P. 5—56.
- Giesler-Müller 1992: Giesler-Müller U. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Derendingen.
- Giesslinger 1967: Giesslinger H. Horte als Geschichtsquelle darstellt an der völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraumes. Neumünster.
- Godłowski 1970: Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.

- Godłowski 1988: Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego. Scripta Archaeologica, Warszawa; Kraków. P. 27—49.
- Godłowski 1995: Godłowski K. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau. P. 155—179.
- Gomolka-Fuchs 1999: Gomolka-Fuchs G. Zur Militärbesatzung im spätrömischen Limeskastell Iatrus vom 4. Bis zum zweiten Viertel des 5. Jahrhunderts // Eurasia Antiqua. 5. P. 509—522.
- Grempler, 1888: Grempler W. Der II und III. Fund von Sackrau. Berlin.
- Fettich 1937: Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn (Archaeologia Hungarica. 21). Budapest.
- Harhoiu 1998: Harhoiu R. Die frühe Völkervanderungszeit in Rumänien. Bukurești.
- Huet 1995: Huet Ch. La tombe de chef mérovingien de Louvres // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé; sur-Noireau. P. 303—308.
- Ignat 1983: Ignat M. Descoperiri din prima jumitate a secolului V e. n. pe Valea Sučevei // Studii Antiqua et Archaeologica. 1. Corollo memoriae Nicolai Gostar dedicata. Iași. P. 205—214.
- Ile-de-France: Ile-de-France de Clovis à Hugues Capet, du Ve siècle au Xe siècle. Condé-sur-Noireau, 1993.
- Istvanovits, Kulcsar 1999: Istvanovits E., Kulcsar V. Sarmatina and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alföld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Brno. P. 67—94.
- Jaskanis 1996: Jaskanis J. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków.
- Kaczynski 1963: Kaczynski M. Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 w miejscowości Sudata, pow. Swiecie na Wielenszczyźnie (LSSR) // Wiadomości Archeologiczne. 29. P. 138—156.
- Kazanski 1991: Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 4. P. 123—139.
- Kazanski 1992: Kazanski M. L'influence danubienne dans la steppe pontique pendant la seconde moitié du Ve siècle: le rôle des Angiskires // Medieval Europe. 1992. 4. Death and Burial, York. P. 139—144.
- Kazanski 1992a: Kazanski M. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. 22. P. 191—229.
- Kazanski 1992b: Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania. 70. 1. P. 75—122.
- Kazanski 1993: Kazanski M. The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th—7th Centuries AD). In: Chapman J., Dolukhanov P. (dir.) // Cultural Transformations in Eastern Europe. Aldershot. P. 211—235.
- Kazanski 1993a: Kazanski M. Les armes de wadi Dura' // Breton J.-F., Abd Al-Quadir Bafaquih M. et alii., Trésors du Wadi Dura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris. P. 51—61.
- Kazanski 1994: Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg. P. 429—485.
- Kazanski 1994a: Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve — VIe siècles // Archéologie Médiévale. 24. P. 137—198.
- Kazanski 1995: Kazanski M. L'équipement et le matériel militaires au Bas-Empire en Gaule du Nord et de l'Est // Revue du Nord-Archéologie. 87. P. 37—54.
- Kazanski 1996: Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis. P. 109—126.
- Kazanski 1996a: Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. 5. P. 324—337.
- Kazanski 1997: Kazanski M. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno. P. 285—320.
- Kazanski 1998: Kazanski M. Le royaume de Vinitharius: le récit de Jordanes et les données archéologiques // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300—800. Leiden; Boston; Köln. P. 221—240.
- Kazanski 1998a: Kazanski M. Les Barbares à Chersonèse (Ve-VIe s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Paris. Vol. 2. P. 329—344.
- Kazanski 1999: Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno. P. 293—316.
- Kazanski 1999a: Kazanski M. L'armement slave du haut Moyen-Age (V—VIIe siècles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // Prehled vyzkumu 39. P. 197—236.
- Kazanski 2000: Kazanski M. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź. P. 406—459.
- Kazanski 2000a: Kazanski M. Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du Moyen Age // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris. P. 17—44.
- Kazanski, Legoux 1988: Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjahov récente. Archéologie Médiévale. 18. P. 7—53.
- Kazanski, Mastikova 1999: Kazanski M. Mastikova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e—6e siècles // Eurasia Antiqua. 5. P. 523—573.
- Kazanski, Perin 1997: Kazanski M., Perin P. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. 29. P. 201—217.
- Kiss 1979: Kiss A. Ein Versuch die Funde und das Siedlungsgebiet der Ostgoten in Pannonien zwischen 456—471 bestimmen // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 31. P. 329—339.
- Kiss 1983: Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze, und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 35. P. 5—131.
- Kiss 1984: Kiss A. Ergänzung zur Frage der Funde von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert // Alba Regia. 21. P. 251, 252.
- Kiss 1984a: Kiss A. Über eine silbervergoldete Gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // Folia Archaeologica. 35. P. 57—76.
- Kivikoski 1973: Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Kolendo 1999: Kolendo J. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain // Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte. 18/2. P. 1—23.
- Kühlberg 1986: Kühlberg O. Late Roman and Byzantine Solidi. An Archaeological analysis of coins and hoards // Excavations at Helgö X. Coins, Iron and Gold. Stockholm. P. 13—126.
- Laszlo 1951: Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1. P. 91—104.
- Legoux 1998: Legoux R. Le cadre chronologique de Picardie: son application aux autres régions en vue d'une chronologie unifiée et son extension vers le romain tardif // La datation des structures et des objets du haut Moyen Age, méthodes et résultats. Saint-Germain-en-Laye. P. 137—188.

- Maczynska 1999: Maczynska M. La fin de la culture de Przeworsk // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Bmo. P. 141—170.
- Madyda-Legutko 1978: Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford.
- Manière-Lévêque 1997: Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux «aristocratiques» féminines à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. 1. P. 79—106.
- Menghin 1994/95: Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 26/27. 1994/95. P. 140—191.
- Menke 1986: Menke M. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen // Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica 7). Lodz. P. 239—281.
- Merowingerzeit: Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1995.
- Miletić 1978: Miletić N. Reflets des Grandes Invasions en Bosnie-Herzégovine // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi-Sad. P. 97—116.
- Müller 1976: Müller H. F. Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen (Kr. Ludwigsburg). Stuttgart.
- Müller-Wille 1997: Müller-Wille M. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli // Antiquités Nationales. 29. P. 245—257.
- L'Or des princes barbares: L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J. C. Paris.
- Périn 1993: Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve-VIe siècles) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau. P. 411—423.
- Périn 1995: Périn P. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau. P. 247—301.
- Périn 1998: Périn P. La question des «tombes-références» pour la datation absolue du mobilier funéraire mérovingien // La datation des structures et des objets du haut Moyen Age, méthodes et résultats. Saint-Germain-en-Laye. P. 189—206.
- Peskar 1972: Peskar I. Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Praha.
- Petre 1987: Petre A. La romanité en Scythie Mineure (Ie -VIIe siècles de notre ère). Bucuresti.
- La Picardie: La Picardie, berceau de la France. Amiens, 1986.
- Quast 1993: Quast D. Merowingerzeitliche Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart.
- Quast 1999: Quast D. Auf der Suche nach fremden Männern: die Herleitung schmalen Langsaxe vor dem Hintergrund der alamannisch-donauländischen Kontakte der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno. P. 115—128.
- Ross 1962—1965: Ross M. C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1962—1965. Vol. 1.
- Schach-Dörge 1987: Schach-Dörge H. Römische und alamannische Spuren im Raum Rembeck am Neckar. 1987.
- Schneider 1983: Schneider J. Deersheim. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Nordhessenvorland // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 66. S. 75—358.
- Schukin, Charov 1999: Schukin M. B., Charov O. V. A propos de la date de la fin de la civilisation de Tcherniakhov // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Brno. P. 327—340.
- Schulze-Dörrlamm 1986: Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelfibeln des 5. und 6. Jahrhundert n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. P. 593—720.
- Schlunk 1949: Schlunk H., Varia. The Walters Art Gallery Baltimore. W. A. Gall 1947 // Archivo Espanol de Arqueologia. 75. P. 207—213.
- Svoboda 1965: Svoboda B. Cechy v době stehování národu. Praha.
- Tautavicius 1981: Tautavicius A. Taurapilio «kungaikscio» kapas // Lietuvos Archeologija. 2. P. 18—43.
- Tejral 1988: Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donau // Archaeologia Austriaca. 72. P. 223—304.
- Tejral 1993: Tejral J. Za dob velikého nekludu // Praveké dějiny Moravy. Brno. Vol. 3. 471—503.
- Tejral 1995: Tejral J. Die Verbündeten Roms nördlich des panonischen Limes und ihre Nobilität während der Spätantike // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau. P. 139—154.
- Tejral 1997: Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 29. P. 137—166.
- Tejral 1997a: Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum. Brno. P. 321—392.
- Tejral 1999a: Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno. P. 217—292.
- Tejral 1999b: Tejral J. Archäologisch-kulturelle Entwicklung im norddanubischen Raum am Ende der Spätantike und am Anfang der Völkerwanderungszeit // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Brno. P. 205—271.
- Tejral 2000: Tejral J. The Problem of the primary acculturation at the beginning of the Migration period // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz. P. 5—31.
- Vallet 1988: Vallet F. A propos des tombes à épées d'apparat de la Rue Saint-Pierre (Oise) et d'Arcy-Sainte-Restitut (Aisne) // Revue Archéologique de Picardie. 1988. 3—4. P. 45—55.
- Vallet, Kazanski 1995: Vallet F., Kazanski M. Eléments étrangers en Bourgogne dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon. P. 111—127.
- Von Carnap-Bornheim 1995: von Carnap-Bornheim C. Eine cloisonierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // Germania. 73. 1. P. 151—155.
- Waldbaum 1983: Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis. Cambridge; London.
- Werner 1970: Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wandelhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1 (Antikvariskt Arkiv 38). P. 65—81.
- Wolfram 1997: Wolfram H. La typologie des ethnogeneses: un essai // Antiquités Nationales. 29. P. 127—136.
- Wyszomirska-Werbat 1992: Wyszomirska-Werbat B. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period // The Cultural Interactions. Contacts across the Baltic Sea. Lund. P. 59—72.

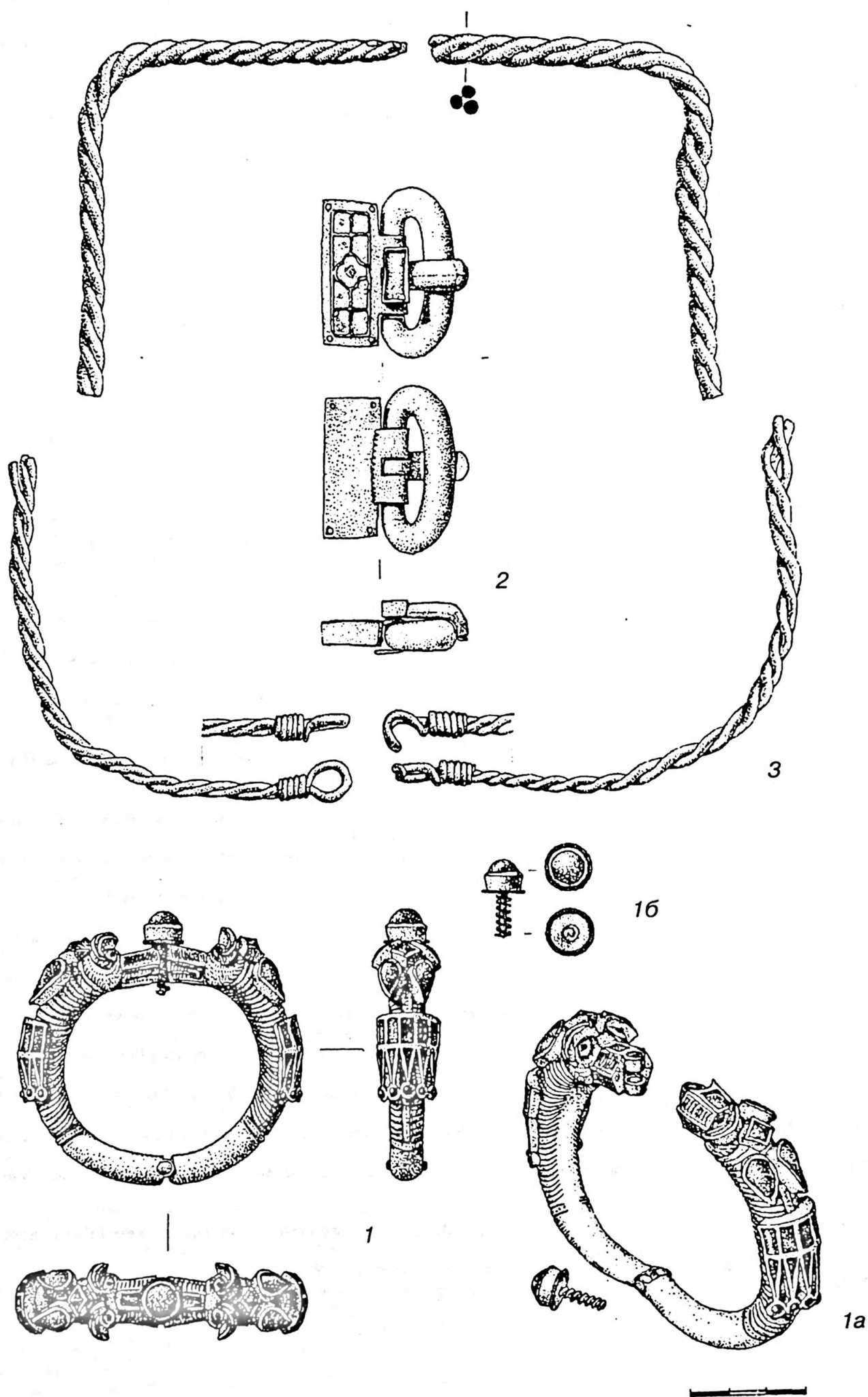

Рис. 1. Киевский клад:

1 — золото, гранаты; 2 — золото, глухое стекло; 3 — золото (коллекции ГИМа)

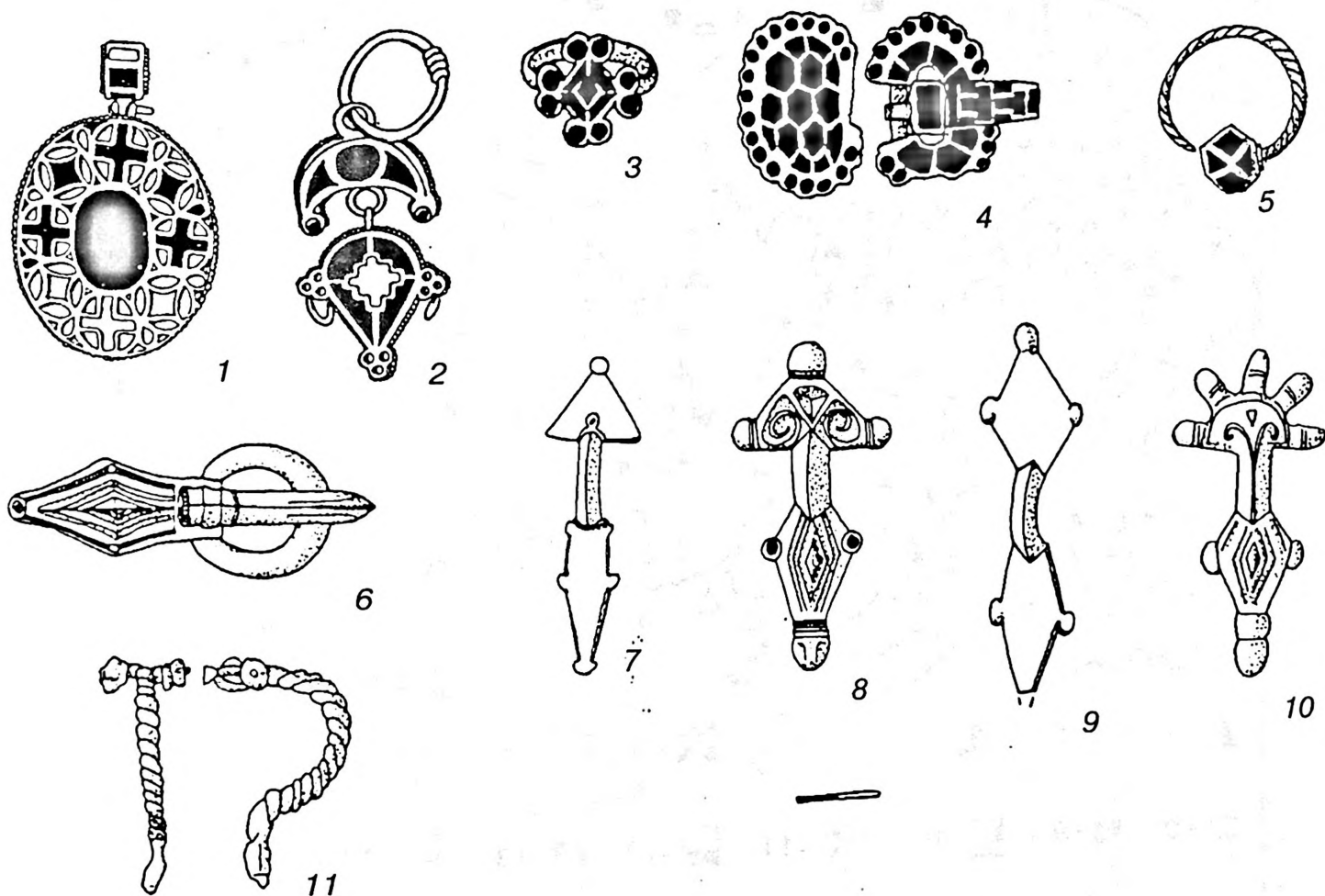

Рис. 2. Некоторые вещи из Ольвийского клада и находки постгуннского времени из Ольвии и Среднего Поднепровья:
 1—3 — Ольвийский клад (без масштаба); 4, 5 — Ольвия; 6 — Пекари; 7, 8 — Каневский уезд; 9 — Черкасский уезд; 10 — Звонецкие Пороги;
 11 — Михайловка (1, 2 — по: [Arrhenius 1986]; остальное по: [Kazanski 1992])

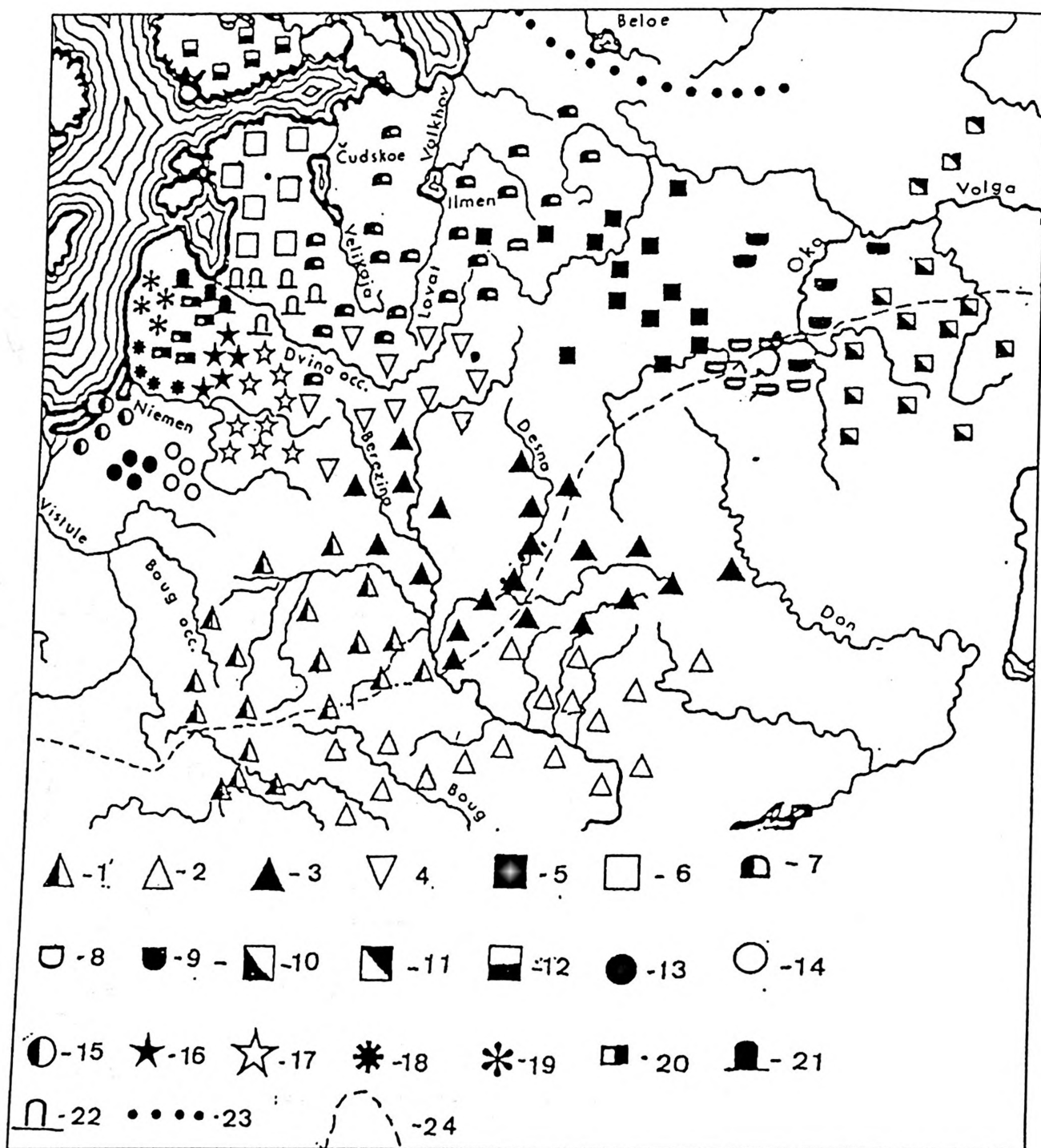

Рис. 3. Карта. Археологическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы во второй трети V—середине VI в.

Археологические культуры: 1 — Прага; 2 — Пеньковка; 3 — Колочин; 4 — Тушемля; 5 — Дьяково; 6 — Таранд; 7 — длинные курганы (Линдора-Полбино); 8 — Рязань-Ока; 9 — памятники муромы; 10 — памятники мордвы; 11 — памятники мари; 12 — каменные курганы Финляндии; 13 — группа Алленштейн/Ольштын; 14 — группа Сувалки (судавы); 15 — группа Долькейм/Коврово (самбийско-натангинская); 16 — грунтовые могильники Центральной Литвы; 17 — восточнолитовские курганы; 18 — грунтовые могильники Нижнего Немана; 19 — грунтовые могильники с каменными оградками; 20 — грунтовые могильники Центральной Жемайттии; 21 — грунтовые могильники и курганы Земгалли с каменными кругами; 22 — курганы Латгалии с каменными кругами; 23 — приблизительная южная граница памятников типа Белозеро-Усть-Царева; 24 — южная граница лесной зоны

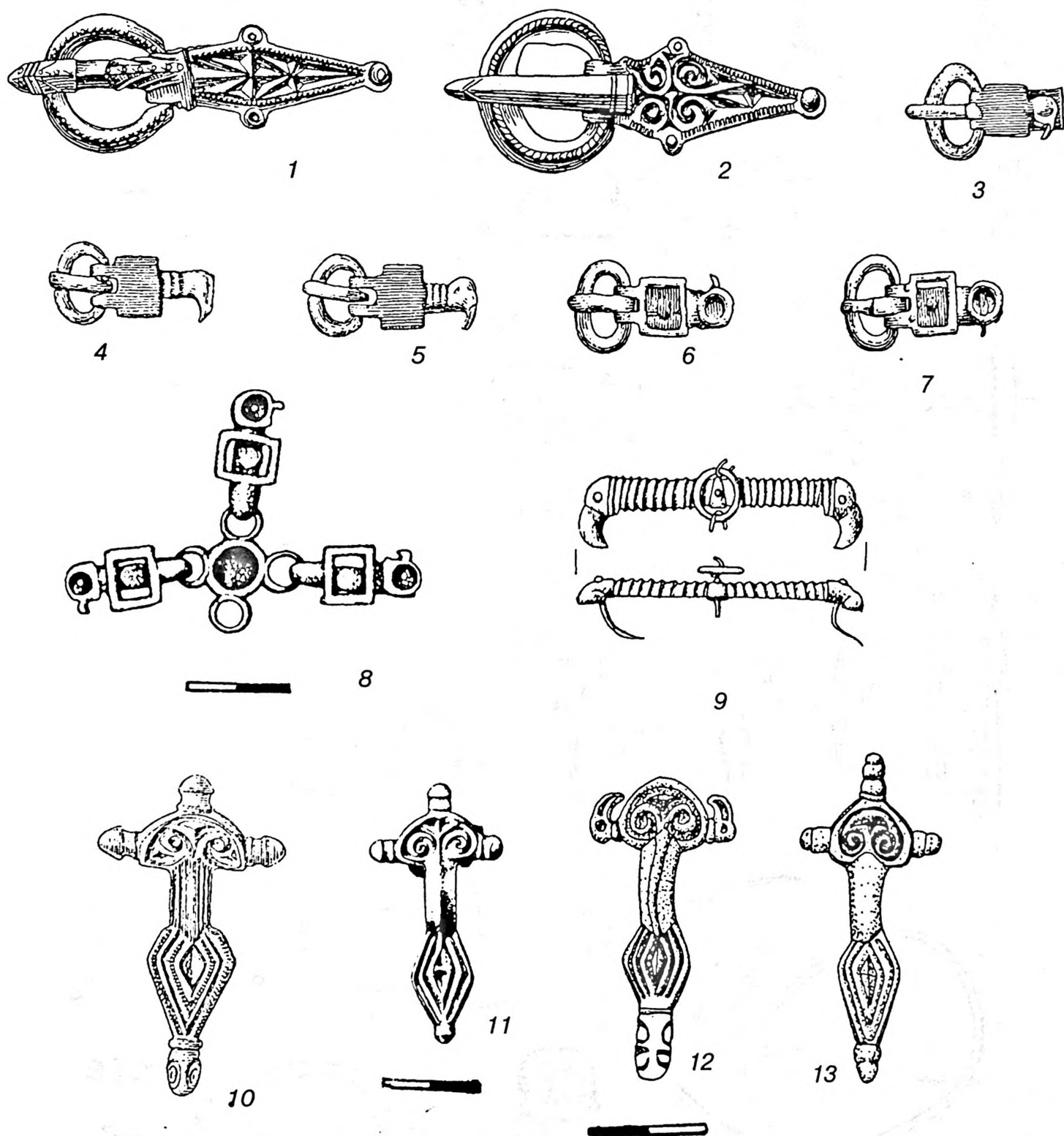

Рис. 4. Некоторые дунайские и западноевропейские параллели находкам из Центральной России:
 1 — Косино; 2 — Тиссале; 3—5 — Меш; 6, 7 — Яношхида; 8 — Гондорф; 9 — Велика Бакта; 10 — Велки Песек-Сикеница; 11 — Базель-Кляйнхю-
 нинген, погр. 30; 12 — Брошон; 13 — Базель-Готтермбарвер (1—7 — по: [Tejral 1988]; 8 — по: [Kazanski, Périn 1997]; 9, 10 — по: [Tejral 1997]; 11 —
 13 — по: [Kazanski 1997]. 1—7, 9, 10, 11 — без масштаба)

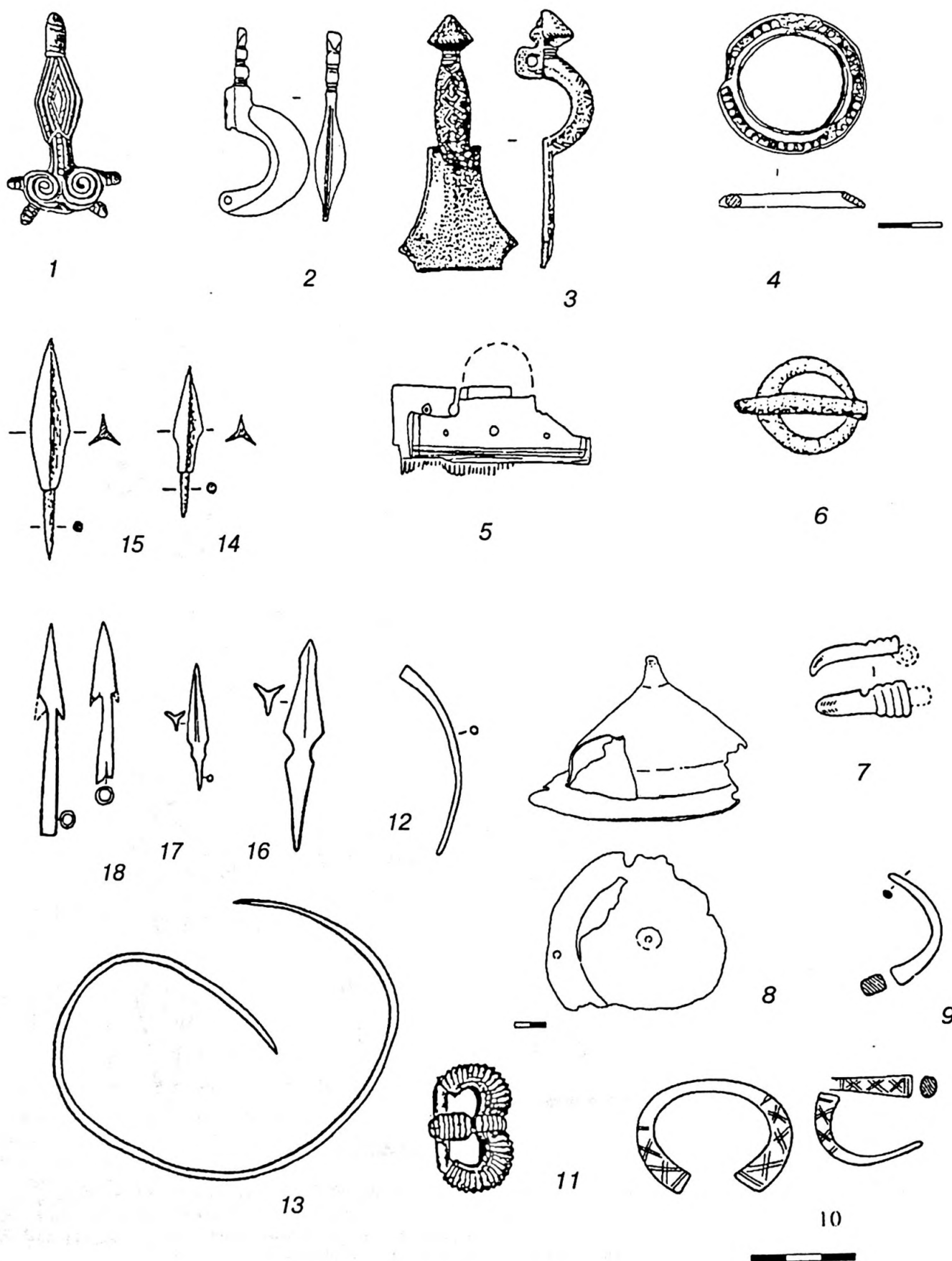

Рис. 5. Материалы памятников Верхнего Поочья и Москворечья:

1 — Спас—Перекша; 2 — Супруты; 3 — Серенск; 4 — Лужки; 5 — Щепилово; 6 — Кажак; 7—9, 12 — Луковня; 10 — Успенское; 11 — Усть-Белая; 13 — Попадьянское; 14—15 — Акиншинское; 16 — Попадьянское; 17 — Кунцево; 18—19 — Троицкое (по: [Казанский 1999; Фролов 1970; Ахмедов, Гавритухин. Свод фибул; Розенфельдт 1982]; 4—5, 8 — с оригинала кол. ГИМ, МИРМ, ИА РАН)

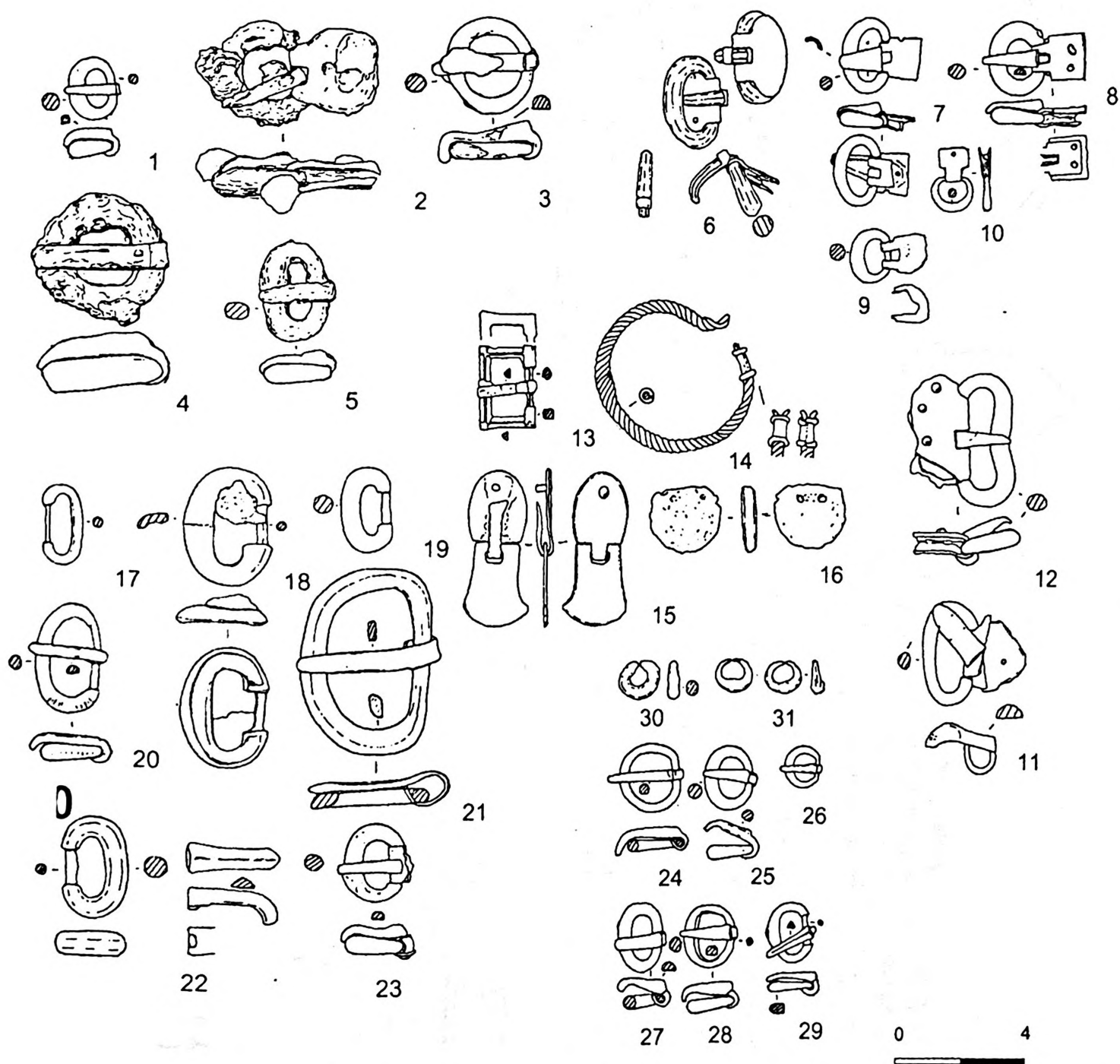

Рис. 6. Материалы раскопок А. С. Уварова у с. Давыдково:
 1—5 — номер по описи 342; 6—10 — номер по описи 344; 11—12 — номер по описи 343; 17—23 — номер по описи 345;
 24—31 — номер по описи 346.2; 4 — железо; 21 — белый металл; остальное бронза

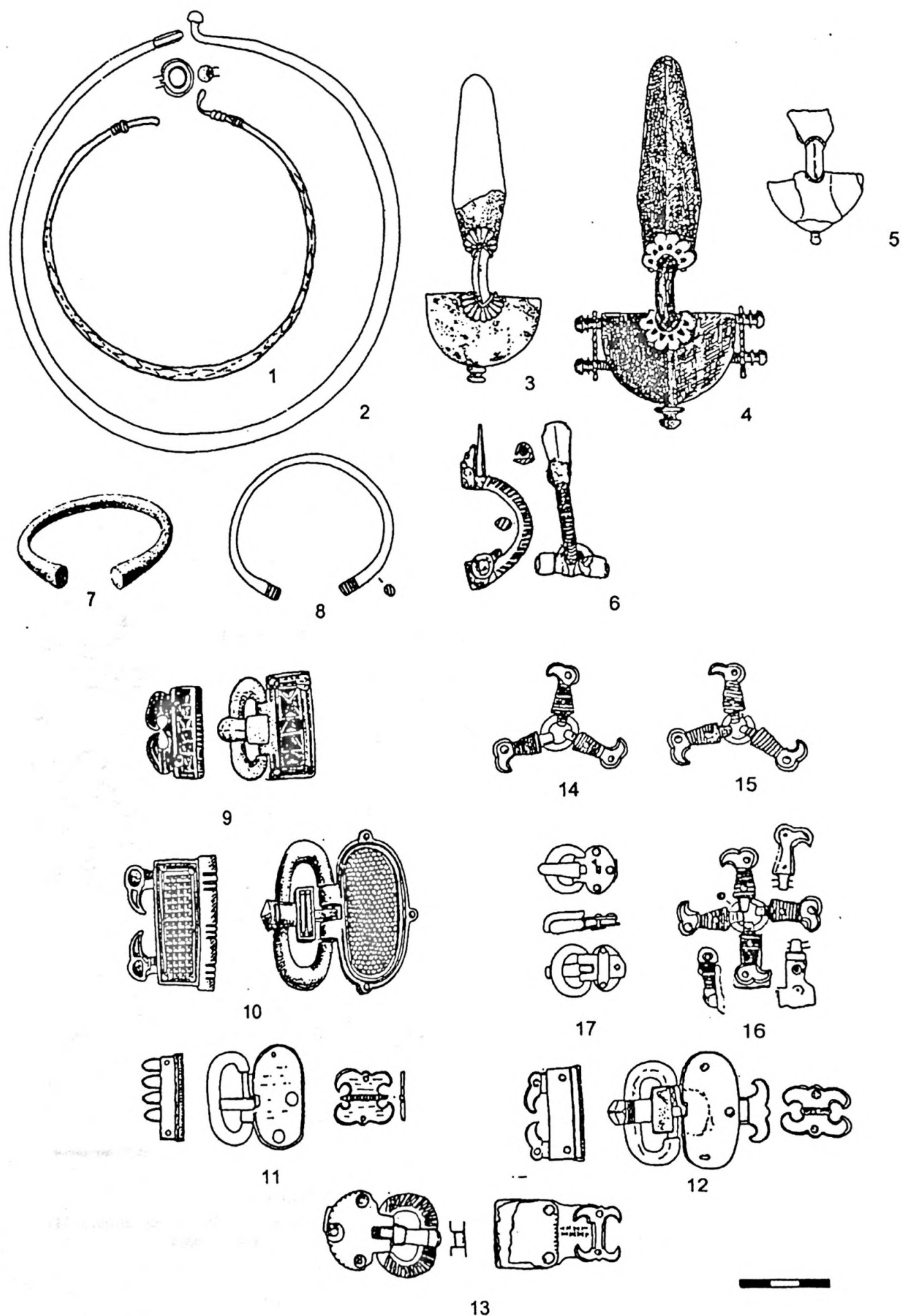

Рис. 7. Предметы убора из рязано-окских могильников:

1 — Кузьминский, погр. 50; 2, 14—17 — Борок II, № 525; 3—4 — Борковской, сборы В. И. Зубкова; 5 — Курман, раскопки И. И. Проходцева; 6 — Ундрих, погр. 380/8; 7 — Борковской, погр. 69; 8 — Шатрищенский, погр. 91; 9 — Никитинский, погр. 4; 10 — Борковский, сборы А. В. Селиванова; 11 — Шатрищенский, погр. 69; 12 — Рязанская область; 13 — Борок II, № 125; 1—5, 8, 9, 11, 12, 17 — белый металл; 6—7, 13, 14—16 — бронза; 10 — бронза, белый металл (3—4 — по рис. В. И. Зубкова в РИАМЗ; 7, 10 — по: [Спицын 1901]); остальное с оригинала, фонды ГИМ, РИАМЗ, ШРПМ)

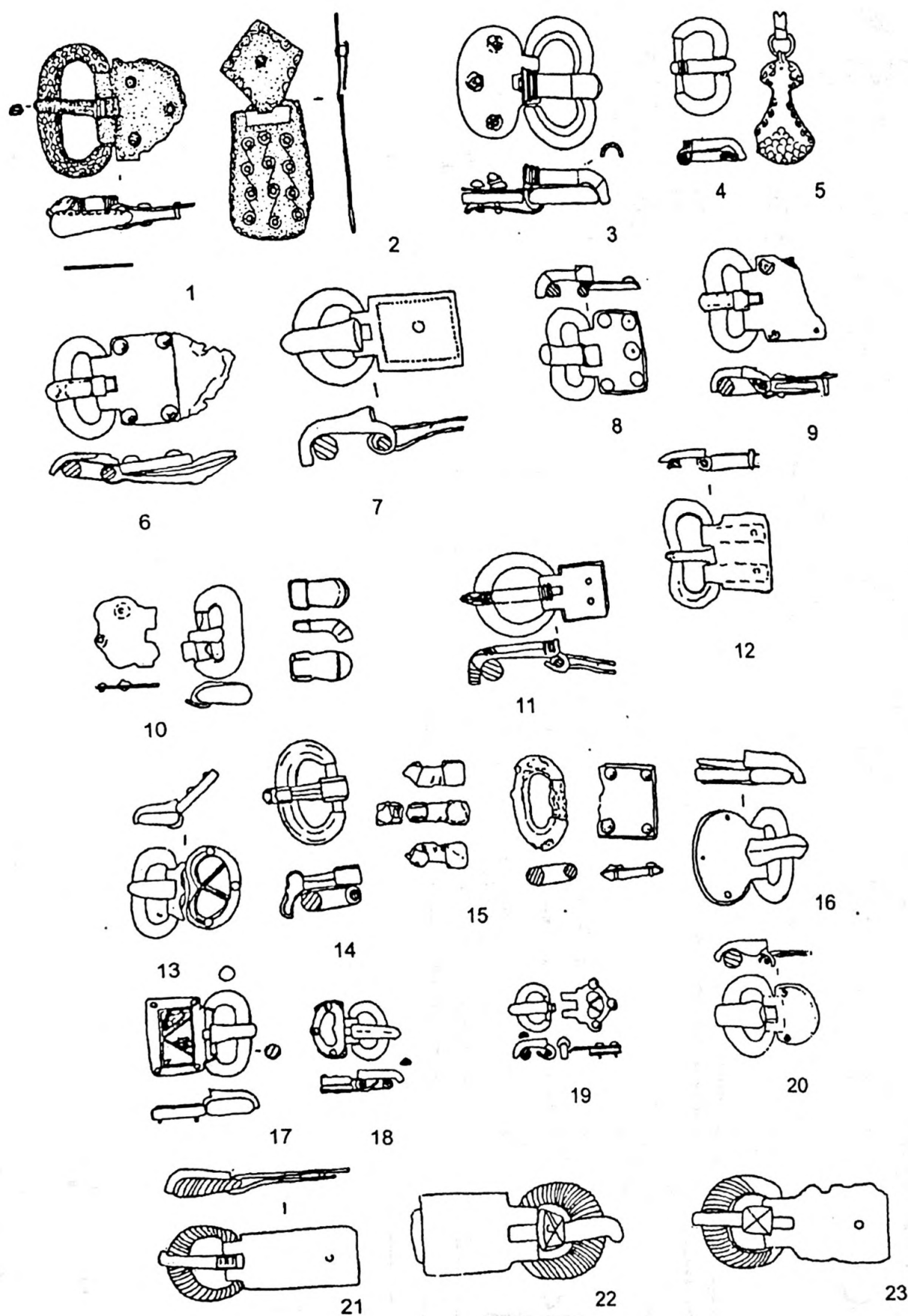

Рис. 8. Детали поясных наборов из рязано-окских могильников:

1—2 — Кораблино, погр. 94; 3 — Борок II, № 525; 4—5 — Курман, погр. 28, раскопки Ф. А. Уварова; 6 — Шатрищенский, погр. 91, раскопки Т. А. Кравченко; 7 — Шатрищенский, погр. 4 раскопки П. П. Ефименко; 8 — Борковской, погр. 71; 9 — Борковской, сборки Н. В. Говорова, 1935 г. 10 — Шатрищенский, погр. 34, раскопки Т. А. Кравченко; 11 — Борковский, погр. 5, раскопки В. И. Зубкова; 12 — Старо-Кадомский, погр. 4; 13 — Кораблино, погр. 86; 14 — Борковский, погр. 1961 г., раскопки В. И. Зубкова; 15 — Борковской, погр. 63; 16 — Кораблино, погр. 18; 17 — Ундрих, погр. 380/8; 18 — Борок II, № 110; 19 — Борок II, № 550; 20 — Борковский, погр. 94; 21 — Кораблино, погр. 74, мыс. 1; 22 — Кузьминский, погр. 52; 23 — Курман, погр. 32;

1—6, 8—10, 13, 17, 20 — белый металл; 7, 11, 12, 19 — бронза; 18, 19 — бронза, позолота (22 — по: [Спицын 1901]; 23 — по: [Уваров, 1890]; остальное с оригинала по фондам ГИМ, РИАМЗ, ШРПМ)

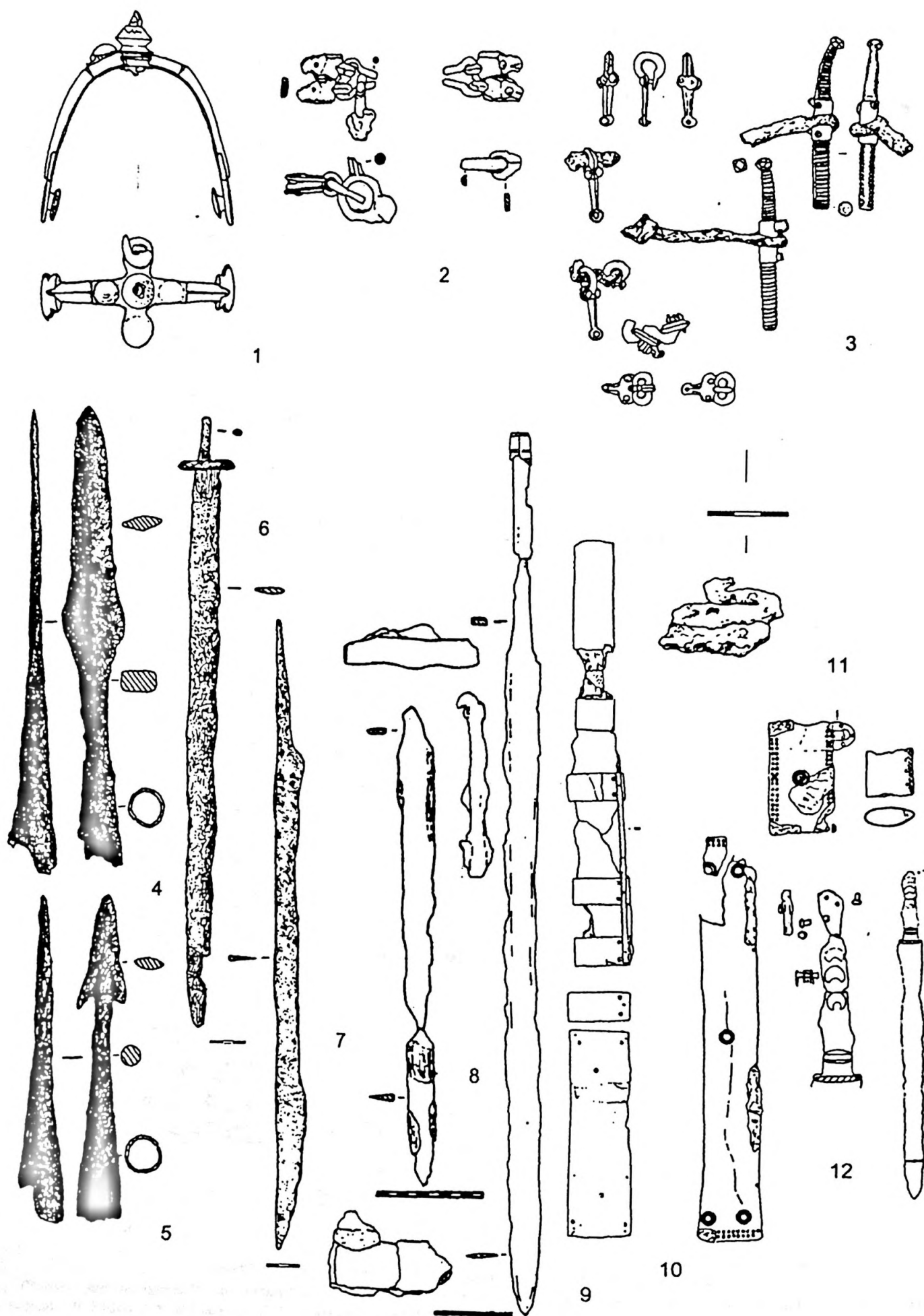

Рис. 9. Оружие и предметы конского убора и снаряжения всадника из рязано-окских могильников:

1—2 — Ундрих, находки из разрушенных погребений 1983 г.; 3 — Ундрих, находки из разрушенного погребения (сборы в кол. ШРНМ); 4—5 — Кораблино, погр. 29; 6 — Кораблино, погр. 86, мыс 1; 7 — Кораблино, погр. 129; 8—9 — Борок II, № 110; 10—11 — Борок II, № 525; 12 — Борок II, № 125; 4—8, 11 — железо; 9 — железо, кожа; 10 — железо, дерево, белый металл; 1—3, 12 — железо, бронза

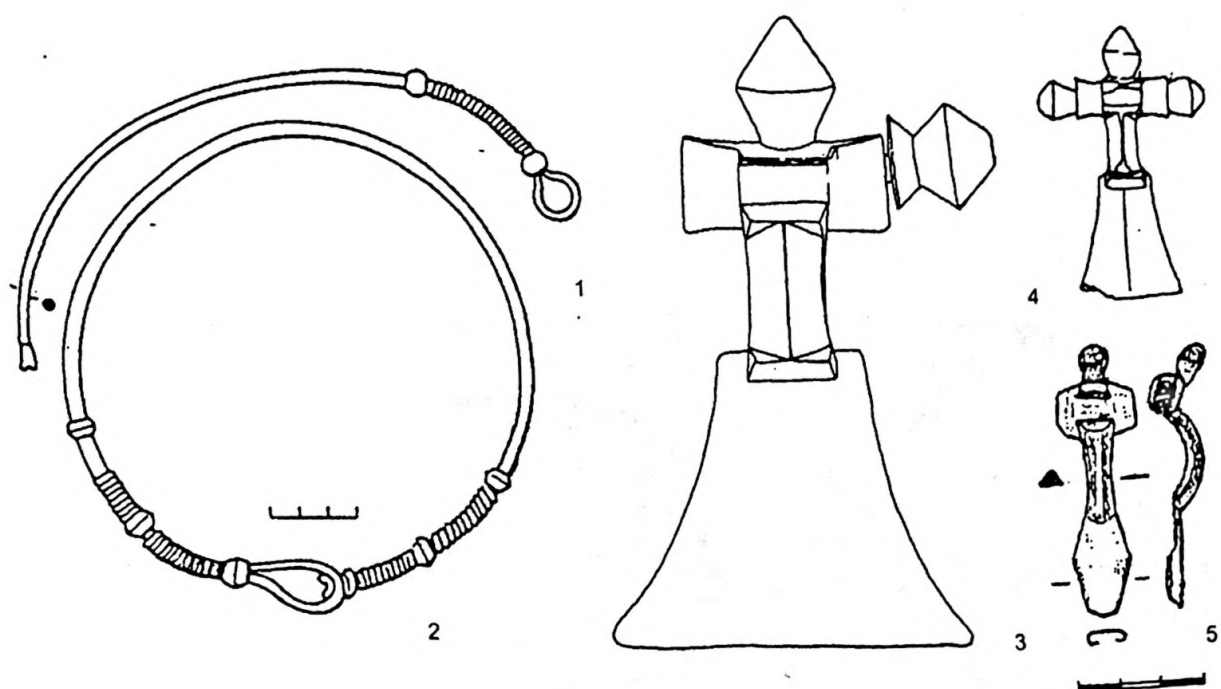

Рис. 10. Рязано-окские изделия в Волго-Окском междуречье:
1 — Березняки; 2 — Дьяково; 3 — Дуденево; 4 — Орлов городок; 5 — Хотяжи
(по: [Розенфельдт 1982]; 3—5 — по: [Ахмедов, Гавритухин, Свод фибул])

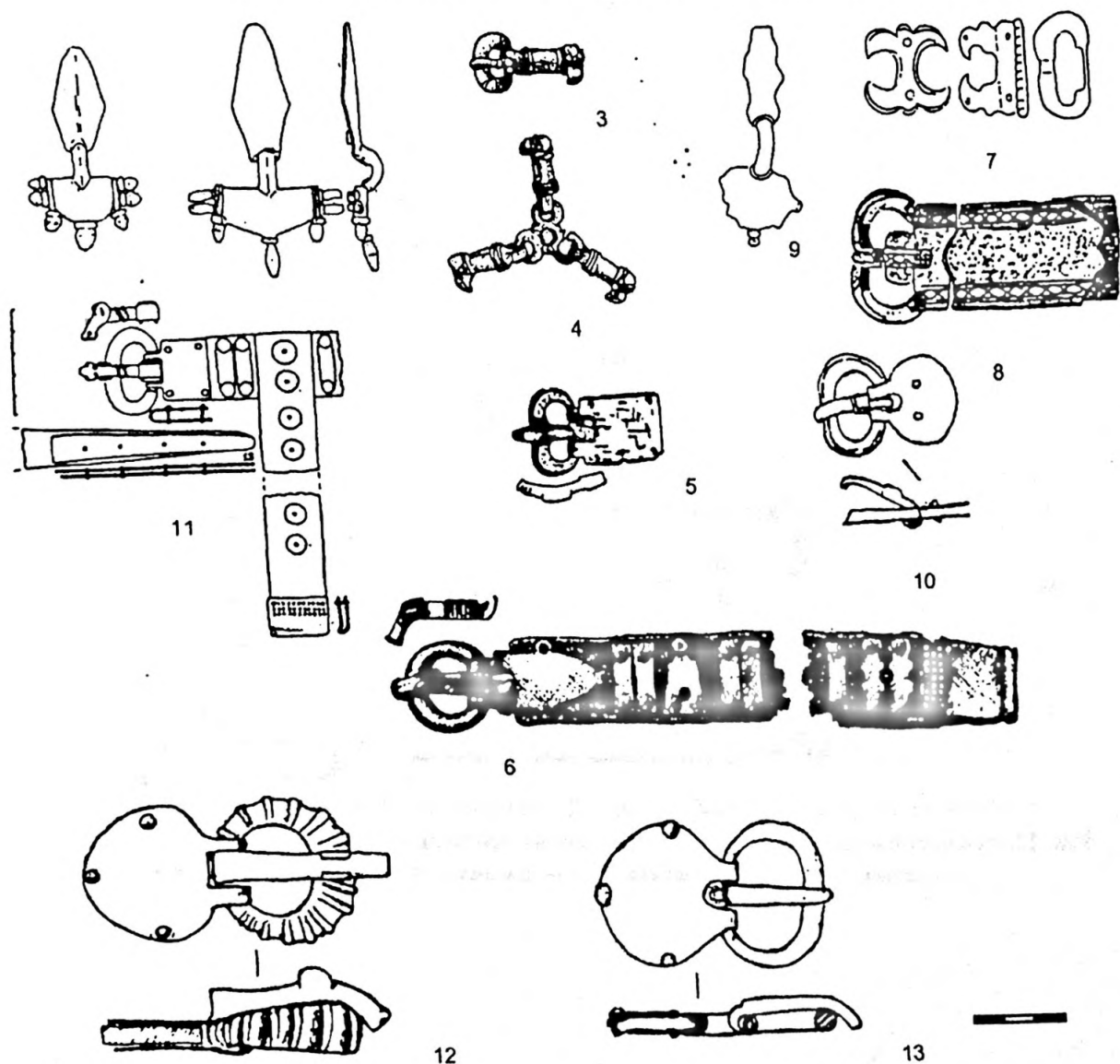

Рис. 11. Материалы могильников нижнего течения Оки, Посурья и Среднего Поволжья:

Безводнинский: 1 — погр. 150; 2 — погр. 41; 3—4 — погр. 5; 5 — погр. 119; 6 — погр. 16; Желтухинский: 11 — погр. 11; Армиевский: 7 — погр. 226, раскопки М. Р. Полесских; 9 — погр. 117, раскопки П. С. Рыкова; 10 — погр. 133; Селиксенский: 8 — погр. 74; Младший Ахмыловский: 12 — погр. 128; 13 — погр. 120 (по: [Ахмедов, Гавритухин, Свод фибул, Краснов 1980; Полесских 1962; 1979; Рыков 1930; Уткин, Черников 1994; Архипов 1963])

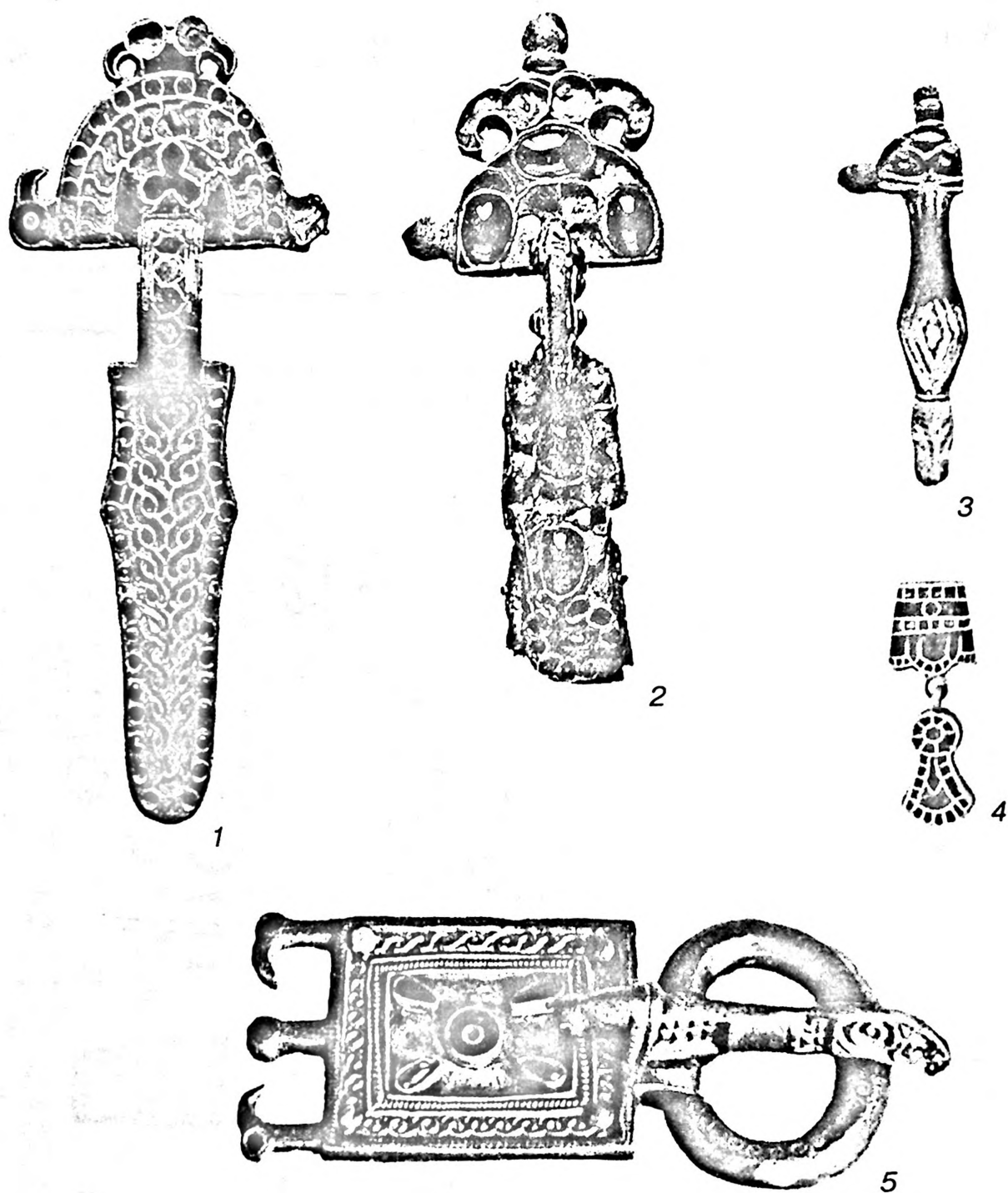

Рис. 12. Некоторые итальянские параллели находкам из Центральной России (по: [Bierbrauer 1975]):
 1 — Десана; 2 — Фана; 3 — Сан-Секондо; 4 — Доманьяно; 5 — Италия. Без масштаба

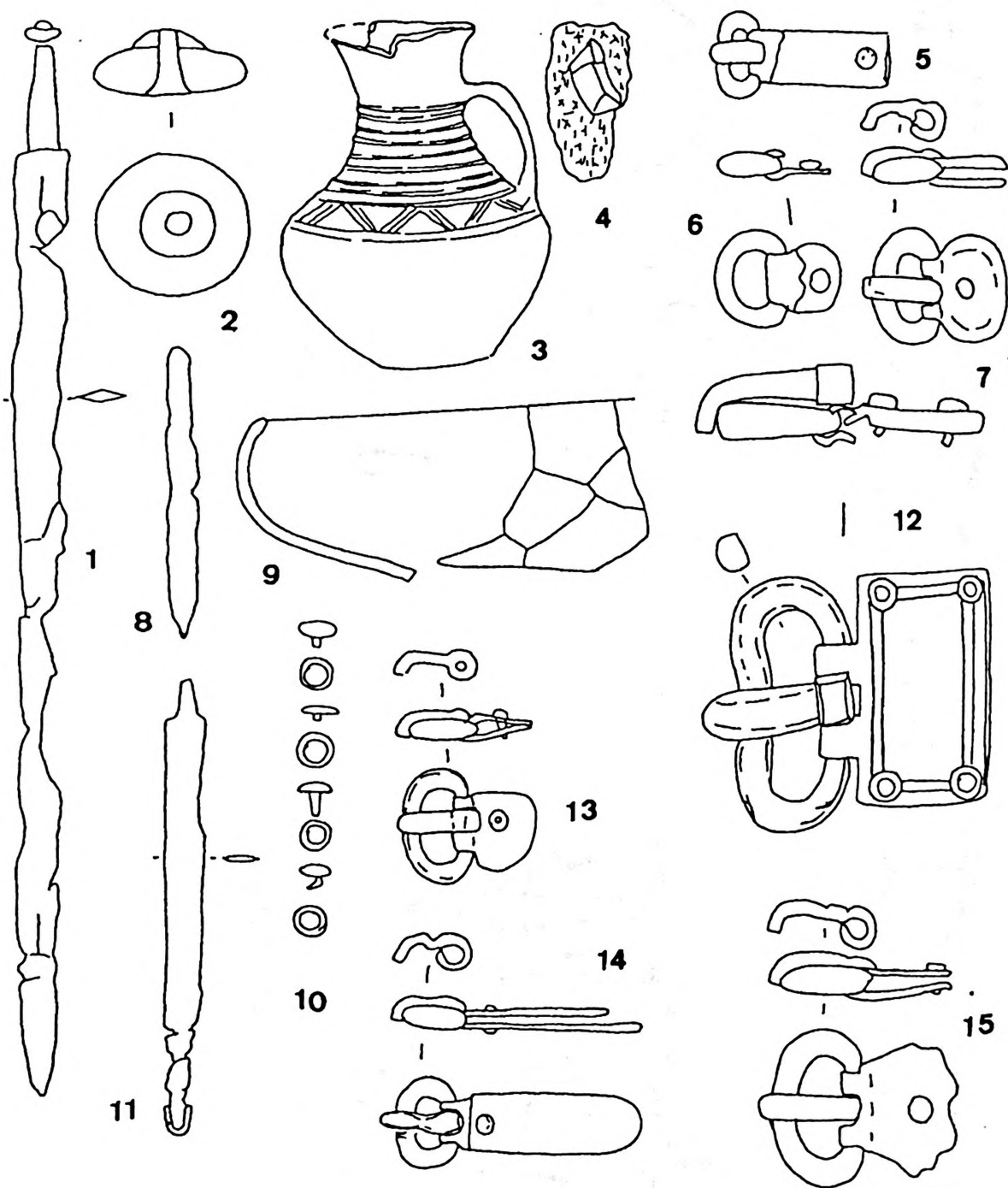

Рис. 13. Погребение в Животинном (по: [Медведев, Винников 1989]). Без масштаба

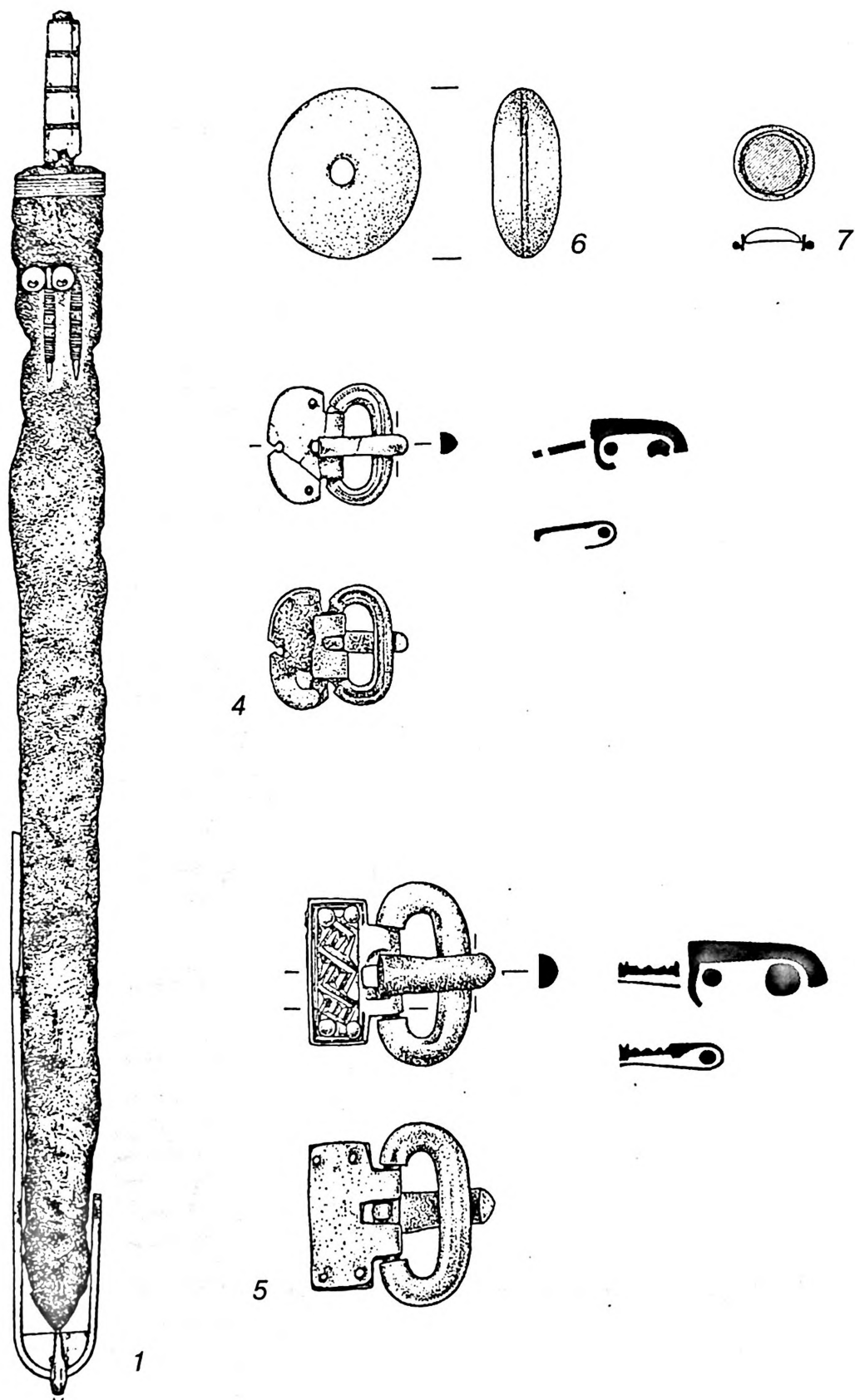

Рис. 14. Погребение Гюлтлинген 1889 г. (по: [Quast 1993]). Без масштаба

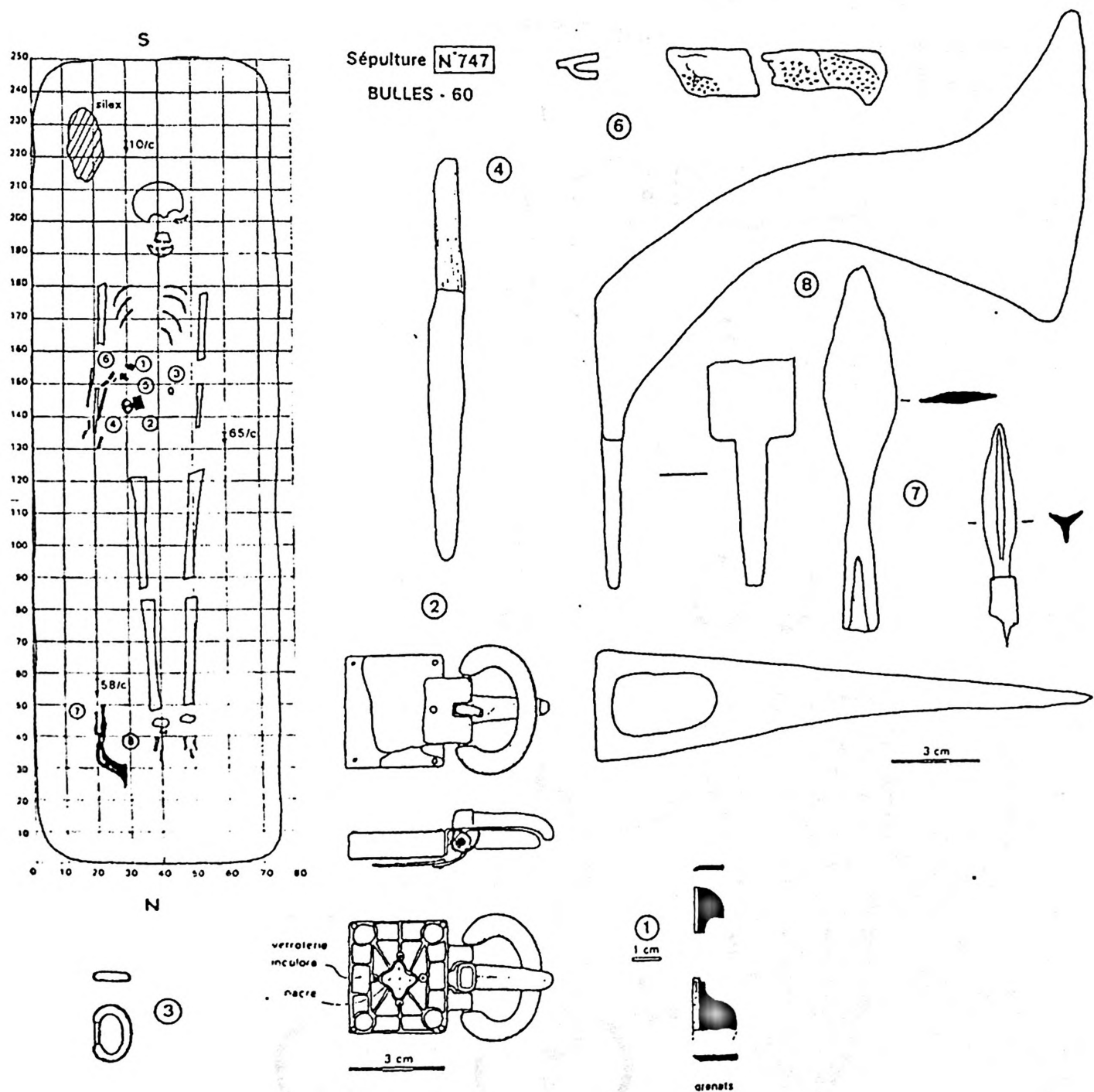

Рис. 15. Погребение Бюль 747 (по: [Legoux 1998])

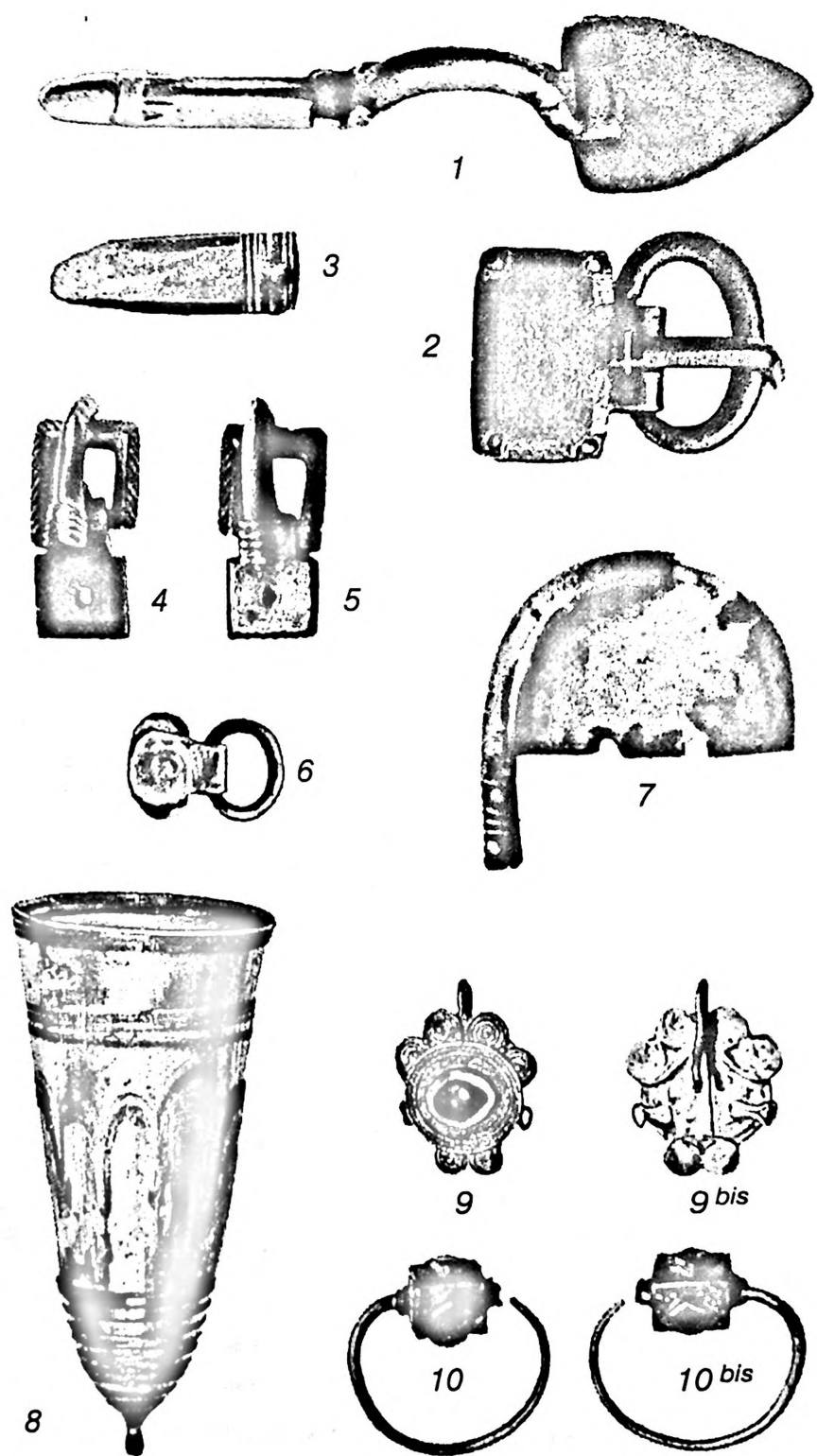

Рис. 16. Парное погребение Изенав (по: [Vallet, Kazanski 1995])

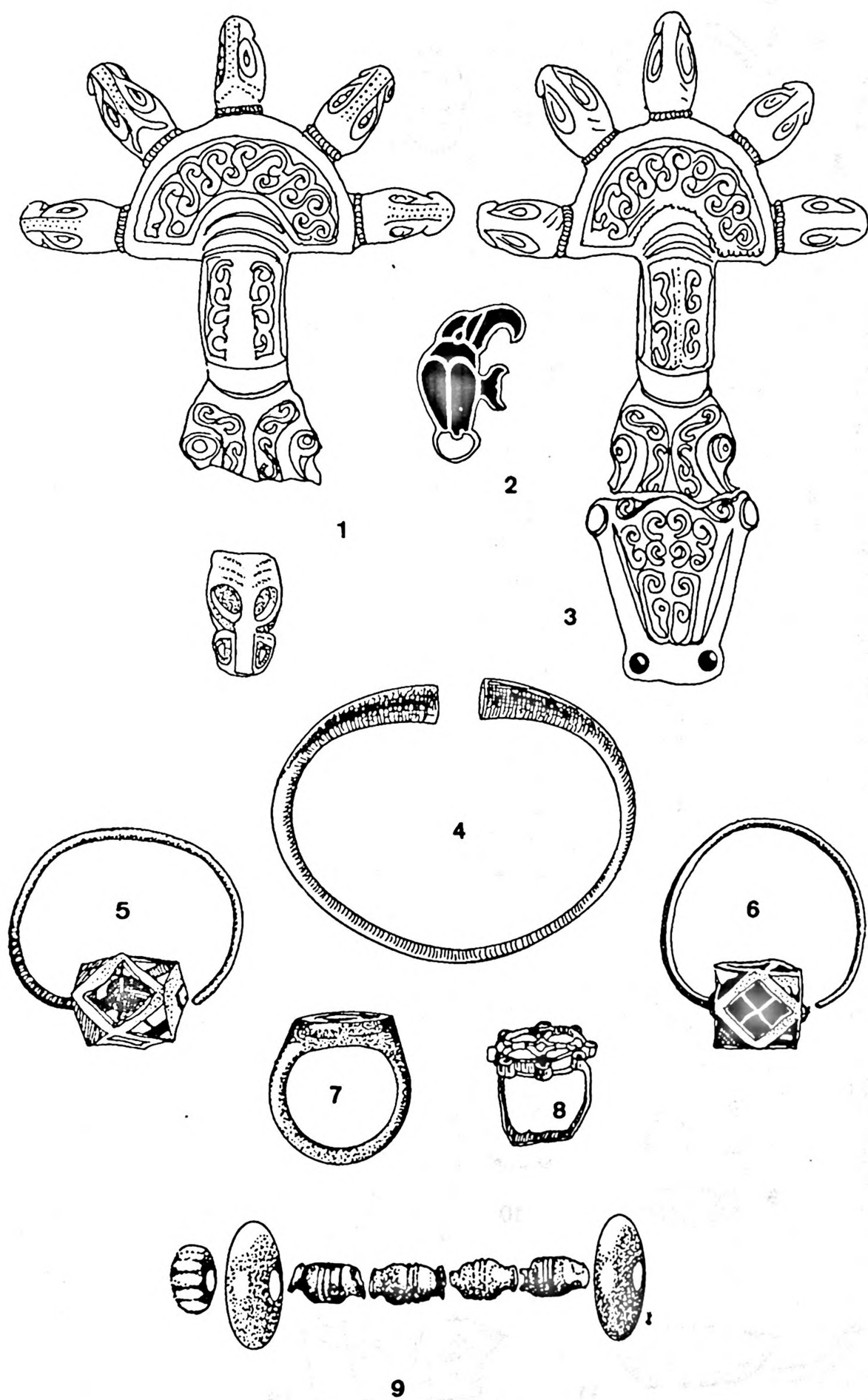

Рис. 17. Погребение в Берегово (по: [Arrhenius 1986]). Без масштаба

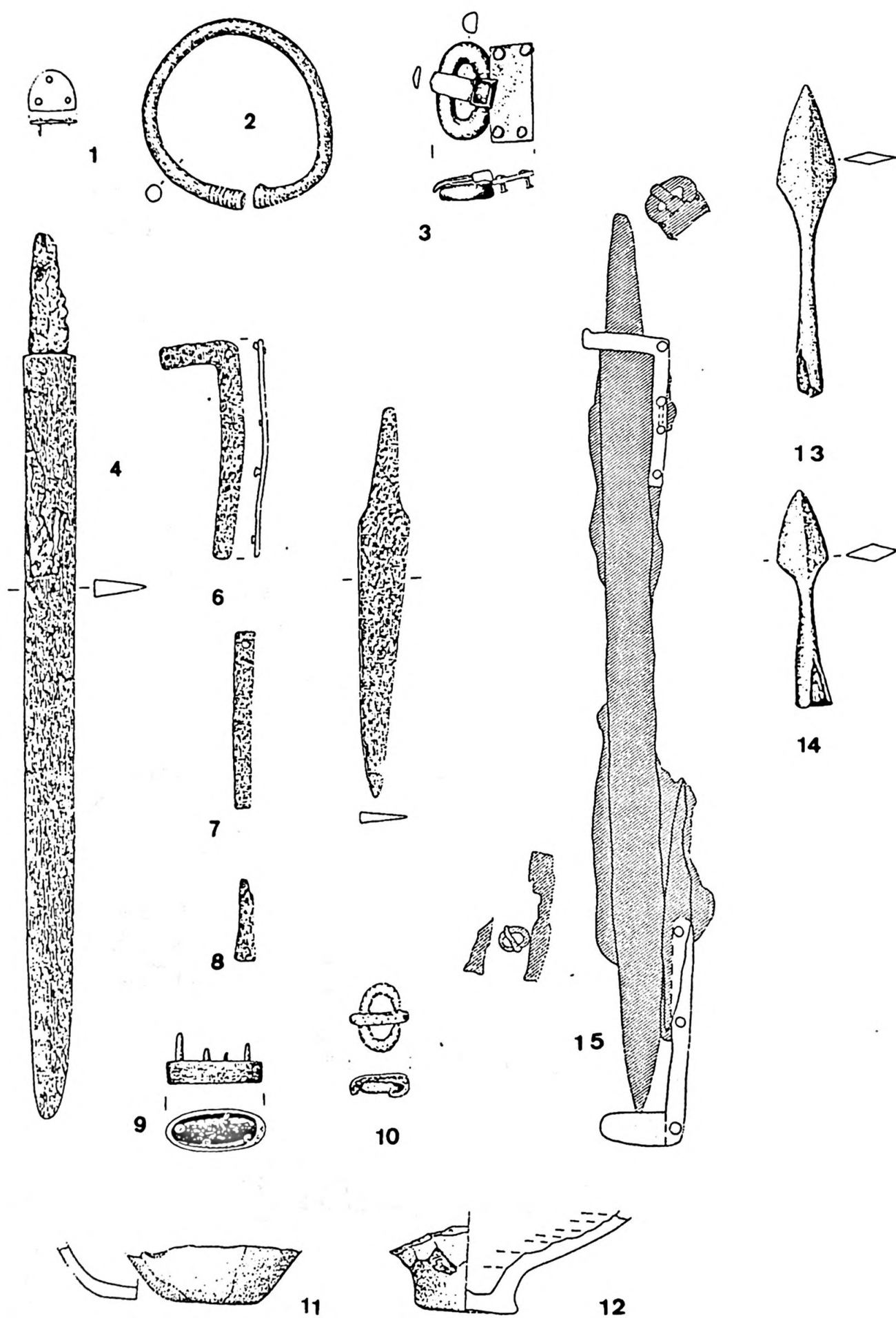

Рис. 18. Погребение 9 на могильнике Эшборн (по: [Ament 1992]). Без масштаба

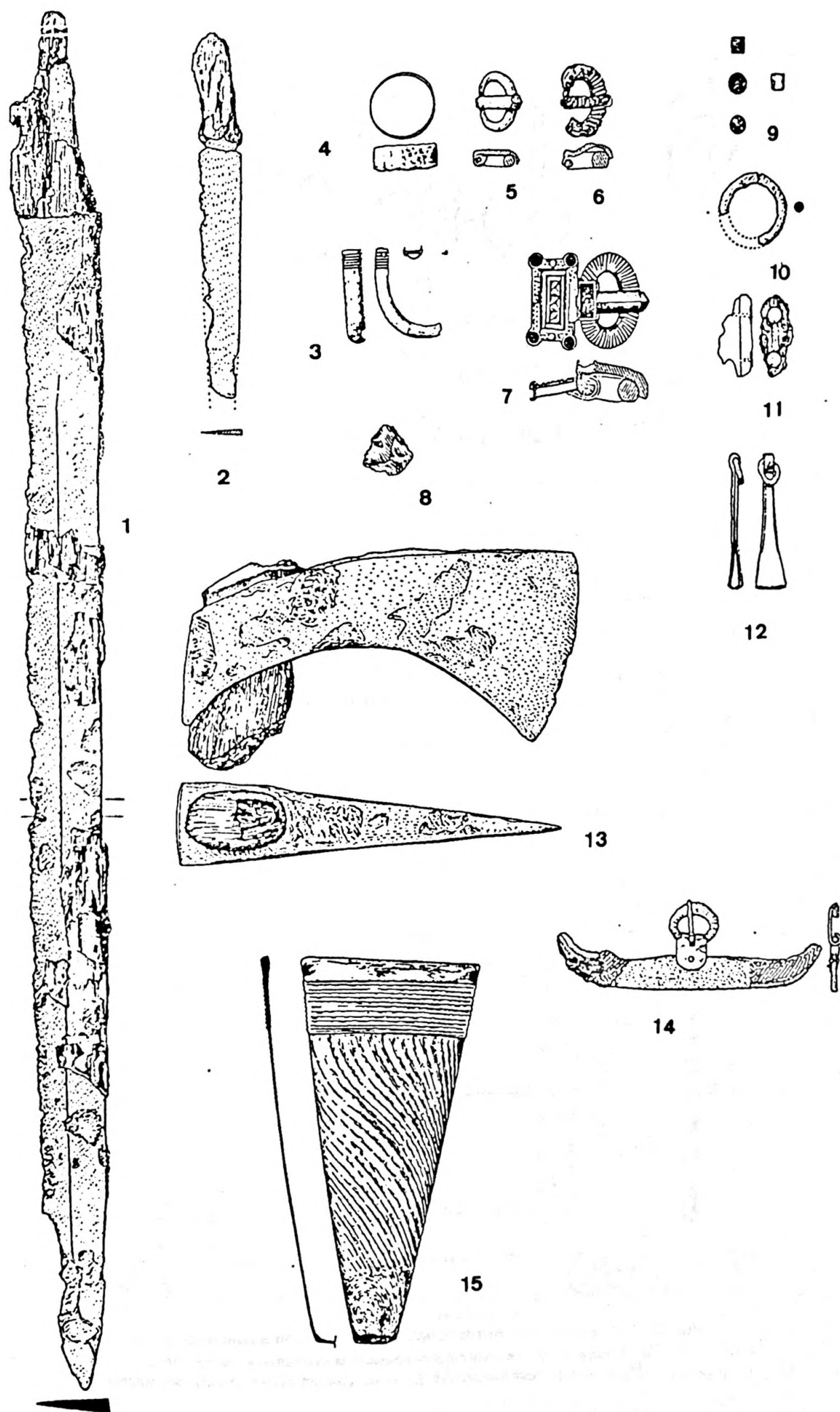

Рис. 19. Погребение со скрамасаксом на могильнике Альдинген (по: [Schach-Döriges 1987]). Без масштаба

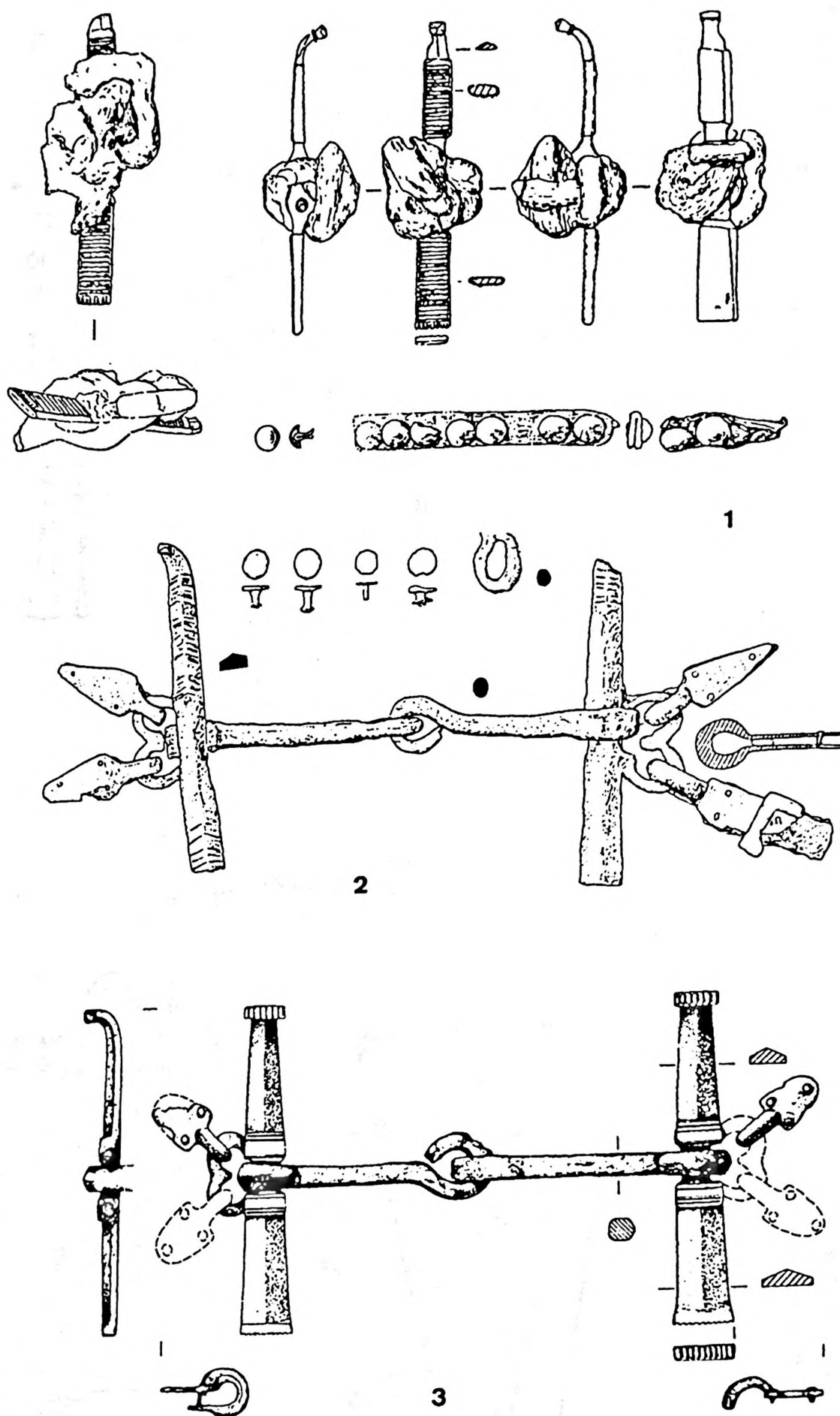

Рис. 20. Удила из могильника Заречье 4 и их параллели на Западе:
 1 — Заречье-IV, погр. 55; 2 — Алдинген; 3 — Базель-Кляйнхюнинген, погр. 216
 (1 — по: [Ахмедов 1997]; 2 — по: [Schach-Döriges 1987]; 3 — по: [Giesler-Müller 1992]). Без масштаба

А. Г. Шпилев

К уточнению места нахождения «обоянского клада» 1849 г.

Долгое время точное место нахождения комплекса предметов, относящихся к концу IV—началу V в. и известного в литературе как Обоянский клад, оставалось неустановленным. В 1895 г. на запрос Императорской археологической комиссии Курское губернское правление сообщило, что «делопроизводство о старинных вещах, найденных в Обоянском уезде малолетними детьми государственных крестьян Савенковых в 1849 году... разборною комиссиею старых архивных дел уничтожено» [Архив, 1895]. Именно поэтому при описании Обоянского клада исследователи [Спицын 1901: 98; Мацулевич 1934: 79] ограничивались лишь общим описанием обстоятельств и места его нахождения, в основном повторяющим ответ Курского губернского правления.

При работе над темой «Курские клады и кладоискатели» автору пришлось обратиться к законодательным актам, которые применялись в Российской империи при нахождении кладов. Согласно одной из статей «Свода губернских учреждений», принятой в 1837 г., «в случае, когда где-либо в стане будут найдены неизвестно кому принадлежащие, забытые или потерянные вещи, а равно и старые монеты и другие древности, или особенно замечательные произведения природы, становой пристав, узнав о том и получив сии древности или вещи, представляет оные в Полицейское Управление, для отсылки к губернскому начальству и для объявления о забытых или потерянных вещах через Губернские ведомости. Становой пристав с тем вместе объявляет представившим потерянные вещи или найденные древности, что они непременно получают следующее им за то вознаграждение, по мере ценности представленной ими вещи, а именно: ...за древности всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны» [Свод законов...: 164].

В «Курских губернских ведомостях» за 1849 г. в рубрике «О найденных вещах» действительно обнаружилось помещенное в исполнение этой статьи следующее сообщение: «Курское Губернское Правление объявляет, что малолетними государственными крестьянами села Паник Обоянского уезда Савенковыми на лугу, называемом Винным, найдены вещи: кольцообразный, кругловатый, металлический в концах с отделкою с крючком и петлей пояс; семьдесят три маленьких, в различных формах отделанные металлического изделия вещи, стеклянное блюдечко, выпуклое сверху с резьбою. Почему буде кто признает эти вещи собственными, то явился бы в Губернское правление для получения оных, с законными доказательствами на принадлежность их» [О найденных вещах: 191]. Село Паники существует на территории Курской области до сих пор и по своей территориально-административной принадлежности относится к Паникинскому сельсовету Медвенского района.

Интересно отметить, что сообщение о находке Обоянского клада было единственным, помещенным в разделе «О найденных вещах». Уже начиная с 1850 г. информация об обнаруженных кладах начинает печататься «Курскими губернскими ведомостями» в виде отдельных сообщений.

Литература

Архив, 1895 — О найденных старинных вещах, препровожденных в 1849 г. в Московское общество истории и древностей // Архив ИИМК, ф. 1, д. 3, л. 109.

Мацулевич, 1934 — Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи. М.: Л.

О найденных вещах — О найденных вещах // Курские губернские ведомости. 1849. № 41.

Свод законов... — Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1892.

Спицын, 1901 — Спицын А. А. Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // Курский сборник. Вып. I. Курск.

И. В. Зиньковская

К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской Лесостепи на рубеже римского времени и раннего Средневековья

В процессах сложения этнокультурных общностей на территории Юго-Восточной Европы в позднеимское время принимали участие различные этнические группировки, крупнейшими из которых были славяне и германцы.

В позднеимское время и на рубеже позднеимского времени и раннего Средневековья в Днепро-Донской лесостепи сосуществовали памятники двух культур — киевской (конец III—первая половина V в. н. э.), принадлежащей антскому союзу племен, и черняховской (вторая половина III—конец IV в. н. э.), являющейся археологическим выражением готского военно-политического союза.

Население, оставившее памятники черняховского типа, в Днепро-Донской лесостепи появилось во второй половине III в. н. э. Ранние черняховские памятники расположены на северо-западе региона (Успенка, Соснова), что указывает на направление экспансии.

Чересполосица киевских и черняховских памятников, имевшая место в Днепро-Донской лесостепи на протяжении второй половины III—начала IV в. н. э., сменяется появлением к западу от верховьев Северского Донца однородного черняховского массива, в то время как местные киевские племена были вытеснены с этой территории и частично ассимилированы. Основная масса черняховских могильников IV в. в регионе находится в западной его части, что, однако, не исключает возможности продвижения черняховского населения в восточном направлении (Хохлово, Голубовка II).

Ареал черняховской культуры частично перекрывает территорию киевской культуры в поречье Уды. Здесь наблюдается чересполосица киевских и черняховских памятников, а также известны киевско-черняховские поселения, свидетельствующие о мирном характере контактов местного и пришлого населения [Обломский 1991]. Южная граница распространения черняховских памятников практически совпадает с границей лесостепи, северная — проходит строго по левому берегу р. Сейм и несколько южнее нижнего течения р. Десна. В своем движении на север черняховское население было остановлено племенами киевской культуры Посеймья—Подесенья, оказавшими, по-видимому, прищельцам сопротивление [Обломский 1996].

Погребальный обряд черняховского населения характеризуется биритуализмом — сочетанием ингумаций и кремаций. Черняховские погребальные комплексы с кремациями неоднородны и подразделяются на 4 группы.

В первую группу входят урновые погребения с очищенными от погребального костра обильными останками кремации, где кости преимущественно уложены в анатомическом порядке, с трехручными вазами, многочисленными сосудами-приношениями, разнообразными вещами (фибулы, гребни, ведерковидные подвески, бусы, прясла) и гранитными камнями. Урны имеют обкладки из фрагментов разбитых сосудов-мисок (Соснова, Компанийцы, всего 5 % всех погребений). Подобные комплексы присутствуют на пшеворских могильниках, где идентифицируются с германским этническим компонентом [Русанова 1990; Седов 1994]. Наиболее близкие аналогии и параллели эти трупосожжения имеют в вельбарских могильниках [Кухаренко 1980]. Погребения первой группы оставлены вельбарским компонентом.

Вторая группа включает урновые захоронения с очищенными костями, иногда сложенными в анатомическом порядке, и ямные погребения с разнообразными вещами (фибулы, трехручные вазы в обломках, гранитные камни, иглы, шило, гвоздь, ведерковидные подвески, предметы вооружения, ножи, детали пояса, вбитые в землю острия, сосуды-приношения, ведро, птичьи кости, кусочки охры) (Соснова, Компанийцы, Родной Край, Лохвица, Павлюковка, Сумы, Жовнинский Остров, Новоселовка, всего 30% погребений).

На могильнике Родной Край была зафиксирована вымостка из пережженных камней с обилием продуктов горения, фрагментами керамики, в том числе трехручной вазы с геометрическим орнаментом. Подобные вазы были распространены в германских культурах Северной Европы.

Сооружение представляло собой подкурганное трупосожжение с каменным ядром и насыпью [Петренко 1991]. Подобные курганы характерны для вельбарской культуры [Могильников 1974]. Погребения этой группы оставлены вельбаро-пшеворским, германским компонентом.

Третья группа — это преимущественно ямные и одно урновое захоронение, с лепными горшками, фибулой, бусами, прясами, деталями пояса, браслетом, вторично обожженными фрагментами лепной и гончарной керамики, костями животных. Отличительной особенностью некоторых погребений этой группы является сочетание мужских и женских вещей, свидетельствующее о возможной парности захоронений (Соснова, Компанийцы, Успенка, Переяслав-Хмельницкий, всего 15 % погребений) Эту группу, по-видимому, следует идентифицировать с пшеворским и незначительным киевским компонентами.

Четвертая группа объединяет ямные и — реже — урновые погребения с гончарной керамикой, безынвентарные и без характерных признаков (Соснова, Компанийцы, Вовчик, Белоцерковцы, Савинский, Дубьяги, Кантемировка, Новоселовка, всего 50 % всех погребений).

Погребения с сожжениями 1-й и 3-й групп характерны для могильников с большим количеством погребений, в которых преобладают кремации, а среди ингумаций отмечены захоронения с различной ориентировкой и сарматскими чертами (ямы с подбоем, уступками). Некрополи Компанийцы, Соснова, Успенка, Переяслав-Хмельницкий относятся, по Е. А. Гороховскому, ко 2—5-й фазам черняховской культуры (последняя треть III—последняя четверть IV в.) [Гороховский 1988] и, по-видимому, оставлены населением, в состав которого входили готы, сарматы и, возможно, немногочисленные славянские группировки, связанные по происхождению с киевской и пшеворской культурами.

Погребения с трупосожжениями 2-й группы отмечены на небольших некрополях (9—20 погребений) со стабильным погребальным обрядом, характеризующимся сочетанием трупоположений с северной ориентировкой и урновых захоронений с очищенными костями (Родной Край, Лохвица) или наличием только урновых чистых захоронений (Жовнинский Остров, Павлюковка).

В биритуальных могильниках отмечена взаимосвязь кремаций и ингумаций, некоторые трупосожжения располагались в верхней части ям с трупоположениями, что отражает родственные отношения умерших [Петренко 1991].

Рядом и под погребениями с ингумациями находятся культовые ямы с отдельными кальцинированными косточками и фрагментами керамики, которые имеют поминальный характер и связаны с ритуальными действиями до и после похорон. Проведение обряда ингумации требовало использования огня в ритуальных целях, остатки которого захоранивались в специальных ямах, что указывает на тесную взаимосвязь обоих ритуалов и не позволяет этнически разделять носителей черняховской культуры, использовавших ингумацию и кремацию. Сосуществование двух погребальных обрядов, по-видимому, отражает социальные и этнографические различия отдельных групп населения черняховской культуры.

Могильники, где представлены трупоположения с северной ориентировкой и урновые чистые трупосожжения (Родной Край, Лохвица, Жовнинский Остров, Павлюковка), относятся к 5-й фазе черняховской культуры, по Е. А. Гороховскому (последняя четверть IV в. н. э.) [Гороховский 1988]. Они оставлены этнически гомогенными группировками черняховской культуры, которые следует идентифицировать с восточногерманскими племенами готов.

Этот факт подтверждает гипотезу М. Б. Щукина о многоэтапном процессе миграции гото-гепидского населения на юго-восток.

На первом этапе в Днепро-Донскую лесостепь продвигаются смешанные пшеворско-вельбарские группировки, появление которых связано с тем, что вторгшийся на территорию пшеворской культуры из Нижнего Повисленья и Поморья в конце II в. н. э. готский племенной союз впитал в себя часть пшеворского населения.

На втором этапе происходит проникновение только вельбарского (готского) компонента, что, по-видимому, связано со стремлениями Готской державы установить в регионе политическую гегемонию.

Носители черняховской культуры оказали неоднозначное влияние на материальную культуру местного антского населения. В Подесенье и Среднем Посеймье, примыкающих к черняховскому ареалу с севера, количество гончарной черняховской керамики на позднекиевских селищах не превышает 5 %. На этих памятниках встречены также импортные украшения и орудия труда, свидетельствующие о заимствовании киевским населением некоторых более эффективных ремесленных и сельскохозяйственных технологий [Терпиловский 1984].

На востоке черняховского ареала, в бассейне Северского Донца, на поселениях киевской культуры доля импортной гончарной посуды достигает 35 %. Особенности набора лепной посуды, а также приемы домостроительства киевских селищ водораздела Днепра и Дона и некоторых черняховских поселений (Головино I, Боромля II, Колосовка) свидетельствуют о частичном этническом смешении населения в восточном киевско-черняховском пограничье. Немногочисленные группировки киевской культуры или ее отдельные представители могли быть включены в состав черняховской общности. В то же время на территорию киевских племен проникали какие-то группы черняховского населения, которые приносили с собой свои приемы изготовления лепной посуды, постройки печей, причем иноплеменники могли входить в состав тех же общин, что и местные жители. Микромиграции происходили как с запада на восток, так и в противоположном направлении [Обломский 1991].

Таким образом, на востоке региона контакты киевского и черняховского населения были не только торгово-экономическими, но и этническими, что свидетельствует об отношениях дружественных, возможно, даже союзнических. Контакты населения на севере региона были значительно слабее и ограничивались торговлей [Обломский 1996].

Интенсификация связей киевского населения Подесенья с черняховской культурой, о которой свидетельствуют черняховский импорт, местные подражания украшениям, орудиям труда, изредка гончарной керамики, происходит в конце IV—первой половине V в. н. э. Видимо, в это время черняховское население, отрезанное гуннами от причерноморских центров и римских провинций, значительно расширило свои контакты с киевскими племенами [Славяне...].

В результате воздействия более высокоразвитой черняховской общности на киевскую культуру последняя усваивает ряд новых культурных и технологических традиций. Новые элементы появляются во многих компонентах киев-

ской культуры: в керамике, домашних промыслах, комплексе орудий труда, домостроительстве, широкое распространение получает гончарная керамика, происходит смена моды на украшения.

В то же время киевская и черняховская культуры на протяжении IV в. н. э. остаются обособленными. Между античными и готскими поселениями сохраняются территориальные и ландшафтные различия: поселения киевской культуры расположены на краях песчаных террас рек, черняховские поселения занимают черноземные первые или вторые террасы. Глубокие отличия оставались также в наборе лепной посуды, в домостроительстве, в степени распространения гончарной керамики и импортных античных изделий.

Проблема хронологического соотношения поздних черняховских и ранних славянских памятников в Днепро-Донской лесостепи в настоящее время далека от разрешения. Причина этого заключается в относительно слабой изученности региона. Анализируя хронологию черняховских могильников, Е. Л. Гороховский пришел к выводу, что наиболее поздние комплексы востока Днепро-Донского Левобережья относятся к последней четверти IV—первой трети V в. н. э. [Гороховский 1988].

Вельбарские элементы в черняховской культуре отчетливо фиксируются вплоть до конца IV—начала V в. н. э., то есть до гуннского времени. В этот период, по сообщениям письменных источников V—VI вв., готы на территории Юго-Восточной Европы, входившие в военно-политический союз, археологическим выражением которого была черняховская культура, терпят поражение от гуннов. Различные готские группировки постепенно концентрируются в Подунавье, проникая затем в пределы Римской империи [Буданова 1990].

Анты — племена киевской культуры, обитавшие на северной периферии черняховской культуры, в Подесенье и, по-видимому, подчинявшиеся германским племенам, воспользовались новой политической обстановкой и выступили против готов. Они начинают продвигаться на юг в конце IV в. н. э., в то время, когда черняховская культура в Днепро-Донской лесостепи еще продолжала существовать.

Следующим этапом славяно-германских отношений в Юго-Восточной Европе явились славяно-готские войны конца IV—начала V в. н. э., описанные Иорданом.

После смерти готского короля Германариха и ухода вестготов в пределы Римской империи (376 г. н. э.) остготы остались на прежних местах в Северном Причерноморье, попав под власть гуннов. Сохранив некоторую самостоятельность, остготы начали военные действия против антов.

«По смерти короля их Германариха, они (остготы), отделенные от вестготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господства. Подражая доблести деда своего Вультфульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удаче, с горечью переносил подчинение гуннам. Помежно освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с 70 старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных» [Иордан 1960].

Однако власть Винитария над антами не была длительной. «Но с такой свободой он повелевал едва в течение одного года: этого положения не потерпел Баламбер, вождь гуннов: он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов, и возобновив с ним союз, повел войска на Винитария. Долго они бились: в первом и втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов. Но в третьем сражении, когда оба (противника) приблизились один к одному, Баламбер, подкравшись к реке Эрак (Днепр), пустил стрелы и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и (соответственно) решению гуннов» [Иордан 1960].

По мнению О. М. Приходнюка, события рубежа IV—V вв. н. э., связанные с войнами между антами, готами и гуннами, происходили на Левобережье Среднего Поднепровья, на территории раннепеньковских памятников, которые связываются с ранними антами Иордана [Приходнюк 1992].

Таким образом, антов от угнетения готов спасло вмешательство Баламбера. Поражение антов было временным и не смогло остановить процессов славянской консолидации, приведших к созданию военно-политического союза, занявшего место готского объединения в Юго-Восточной Европе.

Заключительный период славяно-германских отношений в Юго-Восточной Европе приходится на V—VI вв. н. э.

По мнению А. М. Обломского, не все черняховское население покинуло Днепро-Донскую лесостепь и ушло на запад. Потомкам готов принадлежат некоторые раннесредневековые лесостепные ингумации, а также «черняховские элементы» на раннем этапе пеньковской культуры [Гавритухин, Обломский 1996]. К ним относятся фрагменты гончарной керамики, отдельные формы сосудов, воспринятые от черняховской культуры, — лепные горшки с загнутым внутрь краем, миски, кружковидные сосудики [Приходнюк 1985].

Сохранив связи с этнически родственной европейской средой, потомки готов вступили в разнообразные отношения со славянами и стали проводником центрально-европейского влияния в Днепро-Донской лесостепи, что обусловило долговременные и прочные контакты этого региона с культурами восточногерманского круга [Гавритухин, Обломский 1996].

В результате этих контактов в V—VI в. в регионе появляются вещи восточногерманского происхождения, и в частности фибулы с решетчатым орнаментом, пряжки с решетчатыми вставками, В-образные рифленые пряжки с язычками, украшенными трехгранно-выемчатым декором.

Влияние черняховской общности на позднекиевское — протоколичинское население проявилось не только в материальной культуре — некоторых областях хозяйства и формировании комплекса украшений, но, судя по материалам могильников, и в духовной сфере — в изменении погребальной обрядности. Погребальный обряд славянского населения колочинской культуры V—VII вв. формируется на основе синтеза киевской и черняховской традиций, заимствуя у последней социально значимые модели обряда кремации.

Реконструкция этнокультурной истории населения Юго-Восточной Европы на рубеже позднеримского времени и раннего Средневековья с учетом важного аспекта — славяно-германских отношений этого времени позволит по-инному осветить вопросы о причинах и характере трансформации киевской культуры на рубеже IV—V вв., приведшей к формированию пеньковской и колочинской культур в регионе и последующей славянской экспансии на запад, в том числе на территорию германских культур.

Литература

- Буданова 1990: Буданова В. П. Готы в эпоху великого переселения народов. М. С. 14—17.
- Гавриутухин, Обломский 1996: Гавриутухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С. 142—143.
- Гороховский 1988: Гороховский Е. А. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 4. С. 34—46.
- Иордан 1960: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. С. 115.
- Кухаренко 1980: Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М. С. 6—16.
- Могильников 1974: Могильников В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э.—III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. М. С. 163—164.
- Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы. С. 146.
- Обломский 1996: Обломский А. М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // СА. № 4. С. 53.
- Петренко 1991: Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж. С. 19.
- Приходнюк 1985: Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы V—VII вв. (пеньковская культура). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев. С. 13.
- Приходнюк 1992: Приходнюк О. М. Некоторые аспекты изучения войн между антами и готами времен Божя // История и археология Слободской Украины. Харьков. С. 174—175.
- Русанова 1990: Русанова И. П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования по археологии. М. С. 119—135.
- Седов 1994: Седов В. В. Славяне в древности. М. С. 182—193.
- Славяне...: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М., 1992. С. 118.
- Терпиловский 1984: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья. Киев. С. 83—84.

И. О. Гавритухин

Среднеднепровские ингумации второй половины V—VI в.

Нельзя сказать, что погребения по обряду ингумации, известные в ареале «раннеславянских» культур, обойдены вниманием исследователей. Правда, большинство авторов оценивали их на основании нескольких примеров и суммарно, с точки зрения как культурно-исторической атрибуции, так и хронологии (обзоры см.: [Синица 1999: 98—101; Гавритухин, Обломский 1996: 122]). В книге о Гапоновском кладе мои соавторы предложили опыт каталога таких памятников и оценки некоторых их источниковедческих возможностей, причем, внимание было уделено прежде всего комплексам, содержащим вещи, известные по кладам типа Мартыновки, что объясняется вспомогательным характером этих сюжетов для целей той работы [Гавритухин, Обломский и др. 1996]. Публикация каталога Г. Ф. Корзухиной [Корзухина 1996] и критического обзора Е. В. Синицы [Синица 1999] делает вполне понятными наличный состав и источниковедческий потенциал ингумаций VII в. В работах Е. Л. Гороховского [Гороховский 1988], М. М. Казанского [Казанский 1997] и ряда других авторов, где затрагивалась проблематика «постчерняховских» ингумаций Поднепровья, хронологические рамки по преимуществу ограничивались V в. Такая ситуация и побудила меня обратить внимание на ряд памятников, по разным причинам не привлечших должное внимание исследователей, а также предложить ряд наблюдений, которые, по-моему, следует иметь в виду для понимания этих древностей.

К рассматриваемому кругу принадлежат следующие известные мне памятники.

1. Волобуевка (Изюмский уезд Харьковской губ. [Сибилев 1926]; рис. 2, 1—5; 1, 2). Несмотря на неясность особенностей обряда, судя по инвентарю, это следы погребения женщины в уборе, типичном для «восточногерманского» культурного круга V—VI вв. (пара пластинчатых фибул, ожерелье из бус и золотых пронизей, браслет). Треугольные прессованные накладки с упрощенным змеевидным орнаментом, простые кнопки, сравнительно небольшие размеры при «хрупкости» пластин отличают эти двупластинчатые фибулы и от образцов с толстыми пластинами и литыми накладками, сложившихся в Подунавье еще в гуннское время, и от сформировавшихся на их базе дунайских серий, имеющих более крупные размеры, иную форму кнопок и орнаментацию накладок, а также от других западно- или центральноевропейских вариаций, зато находят полное соответствие на ряде находок из комплексов второй половины V в. в Дюрсо, принадлежащих местной серии двупластинчатых фибул с накладками (подробнее см. приложение 1). Схожий контекст — локальные серии переработок на северо-востоке Причерноморья дунайских образцов V в. — можно указать и для ряда других поднепровских находок, например, для фибул из Токарей, Мощенки и др. (рис. 2, 12, 16; подробнее о них см. приложение 2).

Говоря о культуре «восточногерманского» круга в Восточной Европе, конечно же, следует иметь в виду не что-то монолитное, а ряд довольно своеобразных культурных групп, находящихся в достаточно сложных отношениях и между собой, и с соседями. В Причерноморье можно различать, как минимум: ряд памятников в округе Херсонеса [Kazanski 1998]; неопубликованные раскопки А. Филиппенко, которого я благодарю за информацию (коллекции ГИМа, ГЭ, МЗХТ); культуру могильников типа Суук-Су [Амброз 1994]; несколько групп на Боспоре [Засецкая 1998; Казанский 1999; Kazanski 1996]; культуру Дюрсо [Дмитриев 1982]. Особого размышления требует ждановский комплекс (рис. 2, 6—10; см. приложение 2 о фибулах типа Мощенка), как и комплекс Волобуевка, примыкающий к ареалу восточноевропейских кочевников (рис. 1л). Очевидно, неоднородными были и носители «восточногерманской» традиции в Поднепровье.

2. Любовка (Харьковской обл. [Радзівська, Шрамко 1980: 103—104]; рис. 2, 23—30; 1, 3). Могильник, от которого зафиксировано два погребения, одно — разрушено более поздней ямой. Второе — погребение женщины 25—30 лет, в вытянутом (на спине) положении; костяк положен головой на север с небольшим отклонением на восток, он сопровождался двумя различными фибулами, ожерельем из бус, коралловых пронизей, бисера, парой браслетов. Удлиненная, обильно орнаментированная ножка с коротким приемником ставит воинскую фибулу из рассматриваемого комплекса (рис. 2, 24) в ряд западно- и южноевропейских находок второй половины V—первых десятилетий VI в. (наиболее близки типы Инвелино и Дуратон, по: [Schulze-Dorrlamm 1986: Abb. 56, 1—2, 9; 61, 2, 4—5, Taf. 1]). Пластинчатая орнаментированная спинка и широкое кольцо для удержания оси пружины прогнутой подвязной фибулы (рис. 2, 23)

вписываются в балканско-понтский круг изделий V—VI вв. При этом прямых безусловных аналогов обе фибулы не имеют, зато образец из Большой Даниловки (рис. 2, 22) и ряд других, отражающих дунайский импульс в Поднепровье [Гавритухин, Обломский 1996: рис. 52, 25—26; 53, 10] имеют с ними очевидные переключки в стиле орнаментации.

3. Мартыновка (Каневский уезд Киевской губ. [Корзухина 1996: № 27.1—2], рис. 2, 20—21, 1, 1)). Купленные в 1897 г. Н. Е. Брандербургом фибулы, по сведениям находчиков, связаны с погребением по обряду ингумации. Проявленный некоторыми украинскими коллегами скептицизм [Синица 1999: 101] в отношении этого случая представляется мне чрезмерным: эти вещи не разновременны, обе отремонтированы в близкой технике — с помощью гвоздиков, не является уникальным и сочетание разнотипных фибул в одном костюме (см. ниже). Датировку комплекса в рамках VI в. [Kazanski 1999: 100] я считаю вполне приемлемой, хотя и заслуживающей специального исследования для уточнения. В отношении фибулы с вписанными ромбами на ножке мной уже отмечался «дунайско-карпатский» контекст ее происхождения [Гавритухин 1997], то же можно показать и для второй фибулы из этого набора.

Фибулы комплекта 1897 г. из Мартыновки интересны и тем, что на них можно указать черты, реализованные в ряде поднепровских пальчатых фибул VII в.: округлые пальцы на «ножке с воротничком», три пары выступов на ножке фибулы, упрощенный спиральный орнамент, решение зооморфной головки, завершающей ножку, «швы» на обратной стороне изделия. Здесь стоит вспомнить, что высказанное А. К. Амброзом наблюдение о дунайском происхождении прототипов днепровских пальчатых фибул VII в. в настоящее время наиболее приемлемо и не имеет оснований для пересмотра, а круг поднепровских находок, соответствующих этому контексту, весьма представительен (примеры в отношении лишь некоторых типов см.: [Гавритухин 1997]).

Для изучения традиций поднепровского ремесла VII в. небезынтересны упомянутые «швы» на обратной стороне фибул. Эти «прожилки» (по Г. Ф. Корзухиной) или следы «ребер жесткости» у формы для отливки (по наблюдениям Е. А. Шаблавиной; см. ее статью в данном сборнике) общепризнанно являются одной из характеристик именно днепровской подгруппы поствосточногерманских пальчатых фибул. На многих сериях центральноевропейских и понтских пальчатых фибул, с которыми я имел возможность работать, этот признак не зафиксирован. Но его можно отметить на некоторых фибулах черноморской серии группы Левице—Токари (рис. 2, 19; [Гавритухин 1994: рис. 2, 14]) и их дунайских прототипах (из изучавшихся мной в оригинале вещей укажу на образцы из Левице (Ужгородский краеведческий музей, № Б-3, 537/2—3) и погр. 2 в Миттерхоф (Природноисторический музей в Вене, № 89.037), о них см. приложение 2. «Шов» известен мне и на фибуле из «Венгрии» (MNM, № 1/1874.40) типа Вышков-Херсонес, как и группа Левице—Токари, имеющей дериваты V в. в Причерноморье и Поднепровье, среди которых, например, «шов» имеет находка из Херсонеса (МЗХТ, № 5/37041), зато на близких им фибулах типа Братей—Бригетто, типичных для Подунавья и Прикарпатья (многие примеры из коллекции MNM и Музея града Белграда), «швы» я не видел (см. приложение 2 и [Гавритухин 2000]).

Таким образом, истоки ремесленных приемов, с которыми связаны рассматриваемые «швы», следует искать в среде лишь некоторых дунайских культурных групп середины V в. Цепочка традиции, по-видимому, была продолжена через некоторые восточноевропейские серии фибул и с ними была усвоена в Поднепровье. В этом случае фибула из Мартыновки (рис. 2, 21) интересна тем, что прототипы ее формы происходят из Карпато-Дунайской зоны, а выполнена она в традициях, вписывающихся в черноморско-днепровский контекст. Впрочем, до специального систематического исследования нельзя исключить и других вариантов развития традиции, фиксируемой «швами».

4. Лихачевка (Богодуховский уезд Харьковской губ. [Зарецкий 1888; 1925]; статья А. М. Обломского в настоящем сборнике; вещи хранятся в ГИМе; рис. 1, 4). Погребение, впущенное в курган скифского времени, представляло собой вытянутую ингумацию, ориентированную головой на северо-запад, голова была помещена в берестяную «лодочку» (полукруглый в разрезе гроб?) и перекрыта берестой же. У изголовья стоял горшок, наполненный просом. У остатков черепа находились две золотые серьги, на шее — ожерелье, включавшее не менее 30 бусин темно-вишневого цвета. На локте лежало изделие из дубовой доски и кожи, с ним связаны две пряжки с округлыми обоями из низкопробного серебра (по И. А. Зарецкому — «бронзовые»), прикрепленные к ремешкам, два ременных разделителя из того же материала, «бронзовая пластинка — наконечник ремня». Возможно, это не сохранившееся в коллекции изделие изображено на табл. II: 14 в публикации И. А. Зарецкого. Выше погребения в насыпи кургана были зафиксированы конские зубы, черепки от сосуда, куски дуба и многочисленные угольки. Аргументы в пользу датировки погребения в рамках второй половины V—первой половины VI в. приведены в упомянутой статье А. М. Обломского.

Обильное ожерелье свидетельствует в пользу того, что в Лихачевке была похоронена женщина. Погребальный обряд находит ряд параллелей у восточноевропейских кочевников [Амброс 1981; Орлов 1985; Засецкая 1994], более всего — в памятниках Нижнего Поволжья: берестяные или деревянные конструкции гроба; перекрытие из бересты; многочисленные плахи и угольки, кости животных, чаще всего — коня, в курганной насыпи. Не редкость для кочевнических погребений расположение сосуда у головы погребенного, а форма лихачевского сосуда сопоставима с горшками из Сивашовки, Рисового, Ленинска. Для восточноевропейских кочевников типична ориентировка погребенных на северо-восток, но известны и погребения, ориентированные на запад (Беляус) или северо-запад (Большой Токмак). В Белозерке зафиксированы также остатки конструкции, напоминающие формой лодку. Погребение в Лихачевке, вероятнее всего, принадлежало женщине и отражает присутствие населения кочевнического («тюркского», «постсарматского») круга.

5. Бабичи (Черкасский уезд Киевской губ. [Каталог IX АС, № 125—132; Корзухина 1996: табл. 3 = кат. № 24; Архив ИИМК РАН, ф. 5, № 334, л. 54]; рис. 1, 5; 3, 1), находки, связываемые с двумя курганами и городищем. Е. В. Синица справедливо подчеркнул (вслед за Г. Ф. Корзухиной), что пальчатая фибула (№ 125 каталога съезда) не имеет отношения к курганам, а ременная гарнитура из кургана, опубликованная Г. Ф. Корзухиной (каталог,

№ 127), датируется концом I тыс. [Синица 1999: 101]. В итоге Е. В. Синица приходит к выводу, что находки из Бабичей не имеют отношения к днепровским ингумациям V—VII вв. Однако в знаменитых «корочках» А. А. Спицына есть схематический рисунок находок из Бабичей (рис. 3, 1), известный, но почему-то обойденный Г. Ф. Корзухиной при составлении свода. Этим вещам можно найти соответствия в каталоге выставки IX АС, а с учетом каталога музея Киевского университета, выписки из которого известны мне по материалам Г. Ф. Корзухиной (Архив ИИМК РАН, ф. 77, № 83, л. 63—64), можно попробовать восстановить и комплекс другого кургана у Бабичей.

Этот «спицынский» комплекс содержал следующие вещи. «Нашивные украшения» «из двух широких полукружий листового золота, покрытых чешуйчатым орнаментом, по краям дырочки...» (№ 126 по каталогу съезда) — это накладки на ленчики седла (рис. 3, 1з). «Серебряный массивный набор уздечки, из четырех пряжек, четырех наконечников и цилиндрического стержня, покрытого поперечными нарезками» (№ 131) представлен образцами ременной гарнитуры (рис. 3, 1в—е) и, возможно, обломками плети или жезла (рис. 3, 1ж). В него входили также калачиковидная серьга или обломок рамки пряжки и две костыльковые застёжки (рис. 3, 1а—б), которые могли не быть представлены на выставке, а потому не описаны в каталоге съезда, или же фигурировать в качестве недостающих на рисунке пряжек и наконечников. Бронзовая шпора, обломок «шипчиков», пальчатая фибула (каталог съезда, № 125, 129, 130), судя по каталогу университета, происходят с городища, как и другие «разновременные вещи». Где найдена «круглая бляха с крестообразной вырезкой по середине и двумя боковыми отверстиями для ремня» (№ 132 каталога съезда), по данным университетского каталога не понять, может и вообще не в Бабичах. Но не исключено, что эта вещь входила в комплекс из кургана, опубликованный Г. Ф. Корзухиной, но не сохранилась в коллекции, ею обработанной.

Таким образом, в «спицынском» кургане из Бабичей представлено снаряжение и, вероятно, погребение коня (иначе — непонятно, почему в каталоге съезда уверенно пишется об уздечке). Не исключено также и присутствие всадника (судя по наличию плети или жезла); уверенно об этом можно будет говорить, если подтвердится, что в комплексе действительно есть серьга (рис. 3, 1б). Накладки на ленчики седла из Бабичей имеют вытянутые пропорции (отношение высоты к длине превышает 2,8 : 1, составляя, учитывая отломанный кусок, около 3 : 1). Такая черта, наряду со скругленной передней частью, показательна для ленчиков варианта 4в по И. П. Засецкой, датируемых около первой половины VI в., а в Восточной Европе распространившихся, возможно, во второй четверти VI в. (см. приложение 3). Вертикальное расположение крепежной петли массивного язычка пряжки (рис. 3, 1д) распространено достаточно широко, начиная с гунского времени, вплоть до VI в. Позднее такое расположение сохраняется лишь на некоторых серьях, например, на орлиноголовых пряжках.

Наконечники ремня с завершением в виде опрокинутого рога вниз полумесяца (рис. 3, 1в) или близкой формы известны в нескольких вариациях: украшенные фасетками и нарезками — в комплексах V в. из Лучистого и Ираги; выполненные из бронзовой пластины, обтянутой золотой штампованной фольгой с вставками из янтаря, происходят из, вероятно, разрушенного погребения на поселении в Капуловке, находящего соответствия как в «гунское», так и в более позднее время; гладкие неорнаментированные образцы со штифтами в верхней и нижней части принадлежат, по-видимому, локальной серии из Дагестана, они есть в Урцеки (по публикации комплекс долговременного памятника неясен) и в кургане 20 Паласа-сырта, датируемого по двупластинчатой фибуле второй подгруппы (по А. К. Амброзу) едва ли ранее середины V в. [Айбабин, Хайрединова 1998: рис. 16, 14; Абакаров, Давудов 1993: рис. 36, 58; 49, 11; Засецкая 1994: табл. 6, 14; Гмыря 1993: рис. 14, 8—9]. Таким образом, наконечник из Бабичей не имеет прямых аналогий ни на одной из известных мне вариаций рассматриваемого типа. Датировка же типа, несомненно, включает V в., хотя не исключает и какой-то части VI в. Еще менее ясна атрибуция второго наконечника (рис. 3, 1з). Детали В-образной пряжки с выступами в задней части рамки (рис. 3е) неясны; поскольку вещи схожих очертаний существуют длительное время [Гаритухин 1999: 162 и др.], на основании схематичного изображения она не может привлекаться для уточнения датировки комплекса. Прочие вещи также непригодны для этого. В результате дата комплекса на основании спицынских рисунков может быть определена как «не позднее» VI в., судя по рассмотренным элементам ременной гарнитуры, но и едва ли старше этого столетия, учитывая аналоги накладке на ленчик седла.

Отсутствие сведений о погребальном обряде делает этнокультурную атрибуцию комплекса гадательной. Это может быть инфильтрация кочевников (как «рябовский казус» или группа богатых погребений VII в. в районе Новых Санжар [Гавритухин, Обломский 1996: 122, 142, 144—145]; см. также о комплексе из Любовки — здесь № 4). Разные формы симбиоза кочевников и оседлого населения многократно обсуждались для гунского времени и VII в. Для «шиповской» эпохи (в рамках от второй половины V до начала VII в.) в этой связи можно вспомнить находки, отражающие производство вещей, обычных в «шиповских» комплексах: литейные формы для вещей шиповского круга в славянской полуземлянке из Бернашовки [Винокур 1997: рис. 16; 30; 33; 38; 39], бракованная полая пряжка с треугольной обоймой в Херсонесе [Айбабин 1990: рис. 38, 19], матрица из Танаиса (рис. 3, 9). Верхняя граница этого памятника едва ли ограничивается первой половиной V в., о чем свидетельствует ряд наблюдений С. И. Безуглого [Безуглый 1999], наличие на поселении краснолаковой посуды «позднеримской группы С» (по Дж. Хейсу не ранее второй половины V в.) и синхронных ей понтийских форм (благодарю за информацию К. Домжальского).

О проникновении в лесное Поднепровье элементов культуры, обычной для степи и ее соседей, свидетельствует и фигурка человечка из Мощенки (рис. 3, 2; благодарю Р. В. Терпиловского за предоставленное изображение). Поза и ряд деталей этой фигурки напоминают достаточно хорошо известные изображения VI—VII вв., черноморско-кавказские (типа изображенных на рис. 3, 12—14) или кавказско-волжско-приаральские (как на рис. 3, 10), но отличаются сравнительно крупной головой в «рубчатом» окаймлении. Решение головы рассматриваемой вещи стилистически ближе всего накладным пластинам, нередким в комплексах шиповского круга (рис. 3, 6—9). На фоне известных мне

аналогов фигурка из Мошенки уникальна по сочетанию деталей и может рассматриваться как образец переработки культурных импульсов юго-восточных соседей днепровского населения. Некоторые из особенностей человека из Мошенки имеют перекличку с фигурками VII в. (рис. 3, 3—4), что позволяет видеть в ней отражение процесса складывания стилистики изображений, известных в днепровских кладах.

Говоря о «степных» аналогиях погребения из Бабичей, нельзя полностью исключать и влияние понтийских групп населения (учитывая погребения оседланных коней в Дюрсо и «волобуевский» контекст в культуре Поднепровья — см. о комплексе 1), так же как принадлежность захоронения местной культуре, ведь представление о славянских воинах как убого вооруженной пехоте явно ситуативно и однобоко, достаточно вспомнить курган из Климентовичей, антов на византийской службе в Италии и Закавказье, другие факты [Kazanski 1999a].

Ряд комплексов я не могу датировать с желаемой точностью, но их хронологические рамки включают рассматриваемый период. В любом случае эти памятники необходимо учитывать при анализе ингумаций V—VII вв. в зоне «раннеславянских» культур.

6. Сумы-Сад, погр. 4 (Сумская обл. [Некрасова 1985]; рис. 3, 22—24; 1, 8). Погребение на черняховском могильнике было ориентировано головой на северо-восток, вытянуто на спине, левая рука положена на грудь. Инвентарь включал пряжку и серьгу с полиэдрическим окончанием. В отношении пряжки я не исключаю раннюю датировку, предложенную М. М. Казанским [Казанский 1997], но аналогичные рамки и язычки вполне обычны и на более поздних образцах (например: [Айбабин 1990: 36—37]). Поэтому сужение даты комплекса в рамках 5—6(?) вв. представляется мне гадательным. Не может дать узкую дату и серьга с полиэдрическим окончанием, такие вещи имеют многочисленные аналоги от Западной Европы в V—VI вв. до Поволжья и Кавказа в V—VII вв. [Гавритухин 2000: 279].

7. Максимовка (Градижский район Полтавской обл.; раскопки И. П. Костюченко в 1959 г.; [Кравченко, Сымонович 1983: № 242]; рис. 3, 18—20; 1, 9). Из двух погребений одно (№ 2), в узкой яме со скругленными углами, ориентированное на ЮЮВ, сопровождалось браслетом с утолщенными концами (рис. 3, 19—20); другое (№ 1) разрушено плугом, вероятно, ему принадлежал найденный неподалеку браслет с утолщенными концами (рис. 3, 18). В этом же районе на поверхности памятника была найдена пирамидальная подвеска, так называемая н. «палица Геракла», возможно, связанная со слоем черняховского поселения, в который впущены погребения. Сами по себе браслеты с утолщенными концами датируются широко, но в черняховской культуре такие вещи неизвестны, на более позднюю дату указывает и стратиграфия памятника. Нет аналогов погребениям из Максимовки и среди древностей конца I тыс. В итоге наиболее приемлемой остается датировка в рамках V—VII вв.

8. Чулаковка, курган 38/1896(?) г. (Радомышльский уезд Киевской губ. (Архив ИИМК РАН, ф. 5, № 334, л. 107); рис. 3, 21; 1, 6). Инвентарь, известный по «корочкам» А. А. Спицына, включал «выпуклую бронзовую бляху» и серебряную серьгу с полиэдрическим окончанием, вещи, не позволяющие сузить датировку в рамках V—VII вв. (см. о комплексе 6). Других сведений о находке мне найти не удалось, так что нет уверенности даже в том, что это погребение по обряду ингумации. Однако, в любом случае, комплекс следует иметь в виду, хотя бы при интерпретации погребения из Сум.

IV. 9. Константиновград (позднее переименован в Красноград; Полтавской губ. [Рудинский 1928; Гороховский 1988]; рис. 3, 15—17). Данные об отношении этих находок к конкретному памятнику мне неизвестны. Скорее всего, этот комплект связан не с поселением, а с погребением по обряду ингумации. Пряжки из рассматриваемого комплекта, принадлежат тому же типу, что образцы из Лихачевки, это и определяет дату в рамках второй половины V—первой половины VI в. Хотя формально этот пункт и включают в ареал пеньковской культуры, именно здесь находится один из «языков» типичного степного ландшафта, выклинивающегося на север, а пеньковских памятников поблизости не известно (благодарю за консультацию А. М. Обломского).

При интерпретации данного комплекса, кроме прочего (см. о комплексах 4, 5), хочется обратить внимание на близкие по времени погребения Животинного могильника, связываемые А. П. Медведевым [Медведев 1990] с сарматской традицией. Кувшин из погр. 4 Животинного, как заметил А. М. Обломский, находит ближайшие аналогии на могильнике Бжид (к СЗ от Туапсе, раскопки А. В. Пьянкова, которого я благодарю за возможность ознакомиться с материалом). Вне зависимости от того, связывать ли Животинный могильник с населением, оставившим неподалеку поселения типа Замятино, либо с контактировавшей с ним иной группой, для нашей темы здесь важны два аспекта. Во-первых, это еще один показатель далеких и разнообразных северных связей ряда групп населения Северо-Восточного Причерноморья в V—VI вв. Кроме примеров, приведенных при рассмотрении комплекса 1 и ряда керченских фибул более позднего времени [Гавритухин 1997], отмечу керченские прототипы для нижнеокской серии двупластинчатых фибул (ср. рис. 4, 2 и образцы из статьи И. Р. Ахмедова и М. М. Казанского в данном сборнике), а с другой стороны — подвески круга «древностей антов» из разрушенных погребений между ст. Натухаевская и пос. Ленинский путь (к востоку от Анапы; благодарю за информацию А. В. Пьянкова). Во-вторых, здесь получены новые материалы для понимания сложности и пестроты этнокультурных группировок восточноевропейской лесостепи в V—VI вв., что, несомненно, должно учитываться при анализе днепровских ингумаций.

В завершение остановлюсь на еще одном сюжете. Говоря о контексте интересующих нас днепровских ингумаций, исследователи нередко обращаются к молдавским материалам, при этом чаще всего ограничиваются несколькими могилами из Данчен и Селишт. Мне представляется плодотворным для понимания этих памятников учет всего «восточно-прикарпатского» контекста ингумаций V—VII вв. Во-первых, это анклав памятников, связанных с черняховской традицией, сохранившийся до второй половины V в. между Карпатами и Прутом (могильники типа Деалул Кэрэмидэрей и поселения круга Костиша Мэноя [Гавритухин 2000]). Во-вторых, ингумации с полиэдрическими серьгами и

браслетами с расширенными концами из Валя Лупулуй и Сэкуэнь, допускающие широкую датировку, учитывая наличие в этом районе и поздних погребений по обряду ингумации: могильник Дэнешть — Васлуй датирован пряжкой типа Сучидава около середины—второй половины VI в., а могила в Сэбзоань — в рамках VII в., судя по пряжке, принадлежащей кругу гарнитур из Вильховчика и Козиевки [Teodor 1978: 19]. Наконец, в Поднестровье отмечу ингумацию в Глинжень, вероятно, круга Деалул Кэрэмидерей или даже несколько более позднюю [Гольцева, Кашуба 1995; Гавритухин 2000], а на левобережье Среднего Прута — погр. 7 из Старой Сараты [Гросу 1990: № 52], о датировке которого в рамках второй половины V—первой половины VI в., кажется, первым заговорил Е. Л. Гороховский.

Кроме важности учета всего контекста ингумаций V—VII вв. в восточноевропейской лесостепи, очевидных типологических и культурно-исторических соответствий, упомянутые восточнокарпатские памятники интересны для нашей темы в плане конкретных сопоставлений. Речь идет не только о дунайско-карпатском влиянии на культуру Поднепровья (см. о комплексе 3). Стоит обратить внимание и на редкую для лесостепи юго-восточную ориентировку погребенных. А таковая известна как в Максимовке (комплекс 7), так и в Никитень (погребении круга Деалул Кэрэмидерей, для которого обычна западная и северо-западная ориентировка), и в одном из погребений сэкуэньского могильника. Отмечу и погребение круга Деалул Кэрэмидерей в Роман, где, кроме полиэдрических серег, ожерелья из бус, браслетов, найдены две разнотипные фибулы (ср. комплексы 2, 3).

Из представленного обзора достаточно очевидно, что для однозначной и систематической характеристики ингумаций V—VII вв. в лесостепном Поднепровье материала маловато. Понятно, что сами эти памятники пестры и гетерогенны, а оставившие их группы людей были включены в сложную систему культурных взаимосвязей. Все это нельзя игнорировать при интерпретации занимающего нас феномена, а обобщенные характеристики типа «славяне»/«германцы»/«кочевники» явно для этого слишком грубы. К позитивным выводам из рассмотренных материалов можно отнести следующие.

1) Среди поднепровских ингумаций, связанных с культурой «восточногерманского» круга, часть имеют ближайшие соответствия по вещам и «этнографическому» убору среди разных групп населения востока Северного Причерноморья, другие — в карпато-дунайской зоне. Это не случайно и объяснимо традиционными, в том числе, вероятно, родственными связями. Корни этих различий могут восходить еще к «черняховскому» времени. Впрочем, нельзя не учитывать и разные формы политической активности (переселения, союзы и т. д.), имевшие место на протяжении V—VII вв.

2) Культурные явления, фиксируемые на погребениях по обряду ингумации, не были изолированы от представителей других традиций этого ареала, что очевидно не только в отношении времени формирования кладов типа Мартыновки, но и для более раннего периода. Это было возможным лишь через разные формы симбиоза населения, оставившего ингумации, с носителями «собственно раннеславянских» традиций. В отношении последних важно иметь в виду, к сожалению, практически не изученные культурно-локальные варианты, несомненно, отражавшие и различие в формах взаимодействия с соседями.

3) Кроме обычных парных фибул, ряд групп населения Поднепровья не был чужд обычай ношения двух разнотипных фибул, по крайней мере, на протяжении от второй половины V до VII в.

4) Говоря о раннесредневековых курганах Поднепровья, следует иметь в виду не только традиции разных групп кочевников или курганы с кремациями, бытовавшими, наряду с грунтовыми могильниками, в пражской и колочинской культурах, но и среднеднепровские курганные погребения по обряду ингумации.

5) Погребения по обряду ингумации отнюдь не являются особенностью ареала пеньковской культуры, а тем более — ее характеристикой. Комплекс из Чулаковки (№ 8) и ряд восточно-карпатских примеров (часть IV) происходят из ареала пражской культуры. Более логично одну часть рассматриваемых ингумаций связывать с зонами, где сохранилось (не обязательно в форме непосредственной поселенческой преемственности) черняховское наследие, другую — с зонами влияний степных культур. Сказанное объясняет, почему ингумации V—VII вв. не встречены в колочинском или тушемлинско-банцеровском ареалах.

6) В формировании набора украшений, отраженногокладами типа Мартыновки, кроме части носителей пеньковской и колочинской культур, несомненно, участвовали и довольно пестрые по составу группы людей, которые хороши в V—VI вв. по обряду ингумации. Оценка конкретного вклада каждой из этих групп требует специального анализа и, желательно, новых материалов.

Приложения

1. Двупластинчатые фибулы с подтреугольными накладками.

Данный текст является необходимым для оценки фибул из Волобуевки кратким изложением результатов части подготовленного мной исследования «Двупластинчатые фибулы эпохи великого переселения народов (подгруппа 2 по А. К. Амброзу)», выполненного в качестве плановой темы в ИА РАН. После ряда доработок предполагается полная публикация рукописи. В данной работе нет возможности опубликовать и каталог рассматриваемых изделий. Сведения о них есть в ряде публикаций ([Амброз 1982; Bierbrauer 1995; 1998; Tejral 1988; Werner 1961; Kazanski, Perin 1998; Казакавичюс 1987; Sasse 1997; Szameit 1998; Lovasz 1999]; там же обзор проблематики и предшествующая литература), ряд вещей известны мне по прорисовкам из фонда А. К. Амброза в архиве ИА РАН (рис. 4, 1, 3), а находки из Артанда (рис. 4, 6) — благодаря любезному сообщению Э. Иштванович, которой я благодарен и за разрешение поместить рисунок одного образца.

Фибулы с подтреугольными накладками делятся на ряд вариантов и серий, образующих взаимосвязанные блоки. К блоку вариантов «Кишкереш» относятся образцы сравнительно небольших размеров, имеющие плотные литые пластины, кнопки геометрических форм и литые украшенные гравировкой и врезками или паяные, украшенные вставками накладки (рис. 4, 34—35, 32; 5а). Их по общим типологическим соображениям и составу комплексов следует синхронизировать с поздней частью горизонта D2 (ср.: [Tejral 1998; Kazanski, Perin 1998]). Блок серий Дюлавари отличаются крупные размеры, сравнительно тонкие пластины, кнопки сложных форм (рис. 4, 9—11, 24—31; 5б—г). Смоленские образцы (рис. 5, 27), в этом ряду наиболее архаичны, близки по ряду признаков блоку вариантов Кишкереш и должны датироваться серединой V в. Прочие же находки, имеющие прессованные накладки (рис. 4, 9—11, 24—26, 29—30), принадлежащие локальным подунайским сериям (см. картографирование на рис. 5), по стилю орнаментации и составу комплексов соотносимы с древностями горизонта D3 (по: [Tejral 1998] — ок. 450—490 гг.). Можно указать и ряд упрощенных или гибридных реплик, также связанных с культурами Подунавья (рис. 4, 6—8, 33; 5д; ср. [Kazanski, Perin 1998]). Блок вариантов Кастильтиера (рис. 4, 12—15; 5ж) дает пример влияния дунайских фибул блока серий Дюлавари на везиготские традиции, представленные на ранних памятниках Толедского королевства (480—520/530 гг. [Bierbrauer 1998]; там же литература).

Локальные центры переработок дунайских образцов существовали и в Причерноморье. Керченская серия (рис. 4, 1—4; 5з) производна от образцов блока вариантов Кишкереш или их дериватов, но выполнена в традициях местного ремесла (ср.: [Werner 1961]). Ряд особенностей, отличающих серию Волобуевка (рис. 4, 5, 16—22; 5е), рассмотрен А. В. Дмитриевым на примере находок из Дюрсо. Они производны от дунайских прототипов нескольких серий, отличаясь от них упрощением и своеобразием решения ряда деталей, технологическими особенностями. Эти вещи дают локальную линию эволюции от образцов с ромбической ножкой к образцам, имеющим на ней вырезы [Дмитриев 1982]. Уже ранние варианты этой серии имеют черты как блока вариантов Кишкереш (форма кнопок, характер очертаний ножки), так и блока серий Дюлавари (прессованные сложно орнаментированные накладки). Это, наряду с другими данными [Дмитриев 1982; Kazanski 1994: 164; Гавритухин, Малашев 1988: 50—52], свидетельствует о формировании серии Волобуевка во второй половине V в. Соответственно, еще позже, вероятно, захватывая какую-то часть V и VI вв., датируются варианты, утратившие ромбовидную форму ножки (рис. 4, 5, 17). К явлениям того же порядка, что и серия Волобуевка, принадлежит также фибула из Плинкайгалиса (рис. 4, 23; 5и), возможно, она производна от дунайских образцов, близких находкам из Хедьмезовашархей (рис. 4, 33).

2. К изучению причерноморских серий фибул «восточногерманского» круга.

О связях и культурных влияниях культур «восточногерманского» круга (речь идет о народах или этнографических группах, культурно, политически, а иногда и родственно связанных с готами, гепидами и близкими им объединениями) и Северного Причерноморья написано довольно много: даже обзор сделанного потребовал бы специальной обширной работы. Тем не менее, представляется, что тема эта далеко не исчерпана. Кроме систематизации в целостную картину, необходимо и дальнейшее введение в научный оборот новых материалов, а также уточнение и конкретизация сделанных наблюдений. Последним из указанных направлений работы в связи с поднепровскими находками и посвящены предлагаемые ниже заметки.

В рамках фибул группы Левице—Токари мной была выделена серия изделий, отражающая северо-причерноморскую линию развития фибул типа Левице, «основная» серия которых отражает близость культурной среды Среднего Подунавья и Северного Причерноморья в середине V в. В той же работе было показано, что, по-видимому, после битвы на Недао фибулы рассматриваемого типа эволюционировали по-разному (хоть и не изолированно) в Причерноморье и на более западных территориях [Гавритухин 1994]. Дальнейшая работа с материалом позволяет сделать следующие уточнения.

Во-первых, фибула из Тамани была отнесена мной к причерноморской серии ошибочно. Ее ближайшие аналоги происходят из Верхнего Потисья (пара из Захони, пара из погр. 178 и образец из слоя могильника Артанд — благодаря Э. Иштванович за информацию и возможность работать с находками). Знакомство с вещами убеждает, что они принадлежат иной традиции: показательна, прежде всего, система крепления пружины — пара стоек для нее располагались по бокам головки, украшенные кнопками концы оси пружины выступали за абрис головки, создавая, вместе с кнопкой на вершине головки, эффект трехпальчатой фибулы. Такая схема появляется на локальных вариациях малых двупластинчатых фибул горизонта Виллафонтана на северо-востоке Карпатской котловины и находит продолжение в ряде подунайских серий горизонта D3 (типа Соколище и т. п.). Неправильным представляется мне сейчас и отнесение к причерноморской серии находки из Тырново [Гавритухин 1994, каталог № 7]. Орнаментация ножки четырьмя ромбами, как на обломке из Тырново, на образцах причерноморской серии модифицируется, но сохраняется на изделиях западных серий.

Во-вторых, несколько проявилась ситуация с составом находок причерноморской серии. Фибулы с длинным пальцем на ножке известны в Херсонесе как по коллекции ГИМа (этот образец опубликован в [Гавритухин 1994: рис. 2, 14]), так и в Эрмитаже (византийский отдел № X-679 — см. рис. 2, 19 данной статьи). Последняя, судя по записи в картотеке, происходит из находок 1887 г., но, по замечанию хранителя, В. Н. Залесской, в данном случае не исключена неточность, вкравшаяся в ходе неоднократных передач коллекции. Наконец, пара таких же фибул известна мне по фотографии из путеводителя Римско-Германского центрального музея в Майнце (Bohner K., Ellmers D., Weidemann K. Das frühe Mittelalter. Führer durch das Römisch-Germanische Zentralmuseum. Bd. 1.2 Auflage. Mainz 1980. S. 59), именно одна из них опубликована Х. Кюном [Khun 1974: Taf. 263: 65, 7]. Идентификация этих вещей с находкой из Херсонесского склепа 3/1891 остается до конца не ясной, как и вопрос о керченской атрибуции образца, опубли-

ликованного Х. Кюном [Гавритухин 1994: каталог № 3, 5]. Но, как мне кажется, можно говорить о наличии следующих, очень близких, различающихся лишь мелкими деталями, находок фибул причерноморской серии с длинным пальцем на ножке (вариант «Зюк»): не менее двух случаев в Херсонесе; один — на мысе Зюк; пара из Северного Причерноморья, возможно — из Керчи (новый вариант карты распространения причерноморской серии в целом см. на рис. 1, 13).

В круг локальных причерноморских фибул «постаттиловского» времени входит и серия «Мошенка». Это пятипальчатые фибулы с ножкой, не имеющей выступов и близкой по форме ножкам двупластинчатых фибул; варианты не орнаментированы или украшены на головке кербшитными лучами. Такой мотив напоминает накладку на некоторых сериях двупластинчатых фибул, хотя распространен и на ряде серий пальчатых. На своеобразии этих вещей, отражающих влияние двупластинчатых фибул на пальчатые, обратил внимание А. К. Амброз [Амброз 1982: 120]. Известные в настоящее время находки позволяют выделить следующие варианты.

Вариант «Мошенка». Гладкие. 1) Мошенка (рис. 2, 14), Городнянский район Черниговской обл., случайная находка (Терпиловский Р. В. Памятники в Черниговском Подесенье // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів 1992. С. 22, рис. 1, 4). 2) Керчь (рис. 2, 12), обстоятельства находки неясны, рис. по фото.

Вариант «Херсонес — Пастырское». С лучевой орнаментацией головки. 3) Херсонес (рис. 2, 13), случайная находка на западном некрополе в 1909 г. в ходе работ Р. Х. Лепера; МЗХТ, № 23110 [Якобсон 1959: рис. 137, 6; Kazanski 1998: fig. 2, 9]. 4) Пастырское (рис. 2, 11), из коллекции Ф. Ф. Кундерева [Корзухина 1996: табл. 28, 1 = кат. 73, 26]. 5) Керчь (рис. 2, 15), покупка [Амброз 1982: 120, 110, рис. 1, 48].

6) К дериватам серии, производным от варианта Херсонес — Пастырское относится образец «из погребения» (рис. 2, 10), известного мне по фотографии вещей, поступивших в Ждановский музей; фото хранится в фонде А. К. Амброза в архиве ИА РАН.

Хотя рассмотренные вещи не найдены в узкодатируемых комплексах, уже их стилистическая оценка позволяет получить репер для датировки. Сосуществование двупластинчатых фибул с накладками в виде лучей и пальчатых фибул приходится на вторую половину V в. Около середины V в. появляются единичные образцы, а в «постаттиловское» время получают распространение массовые серии пальчатых фибул, головка которых украшена кербшитным орнаментом в виде лучей [Tejral 1998: Abb. 23, 17—19; Айбабин 1990: рис. 14, 9 и т. п.]. Все это и позволяет определить вторую половину V в. как время, когда сформировалась серия Мошенка. Кроме близости датировки и общего культурного круга, рассматриваемые вещи сопоставимы с фибулами причерноморской серии группы Левице—Токари по культурному контексту и ареалу находок. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с проявлениями одного и того же исторического феномена.

К кругу вещей, связанных с причерноморскими переработками восточнотерманских фибул V в., известными в Поднепровье, относятся и ряд других серий, например, небольшие двупластинчатые фибулы «с выступами на головке и ножке» и др. Некоторые наблюдения в отношении этих вещей опубликованы [Гавритухин 2000: 281—294]. В той работе недостаточно учтен балканский материал, в значительной степени не опубликованный и ставший известным мне недавно. Я надеюсь вернуться к рассмотрению этих вещей в будущем, а некоторые наблюдения см. в данной статье при обсуждении контекста комплекса из Волобуевки (часть II. 1).

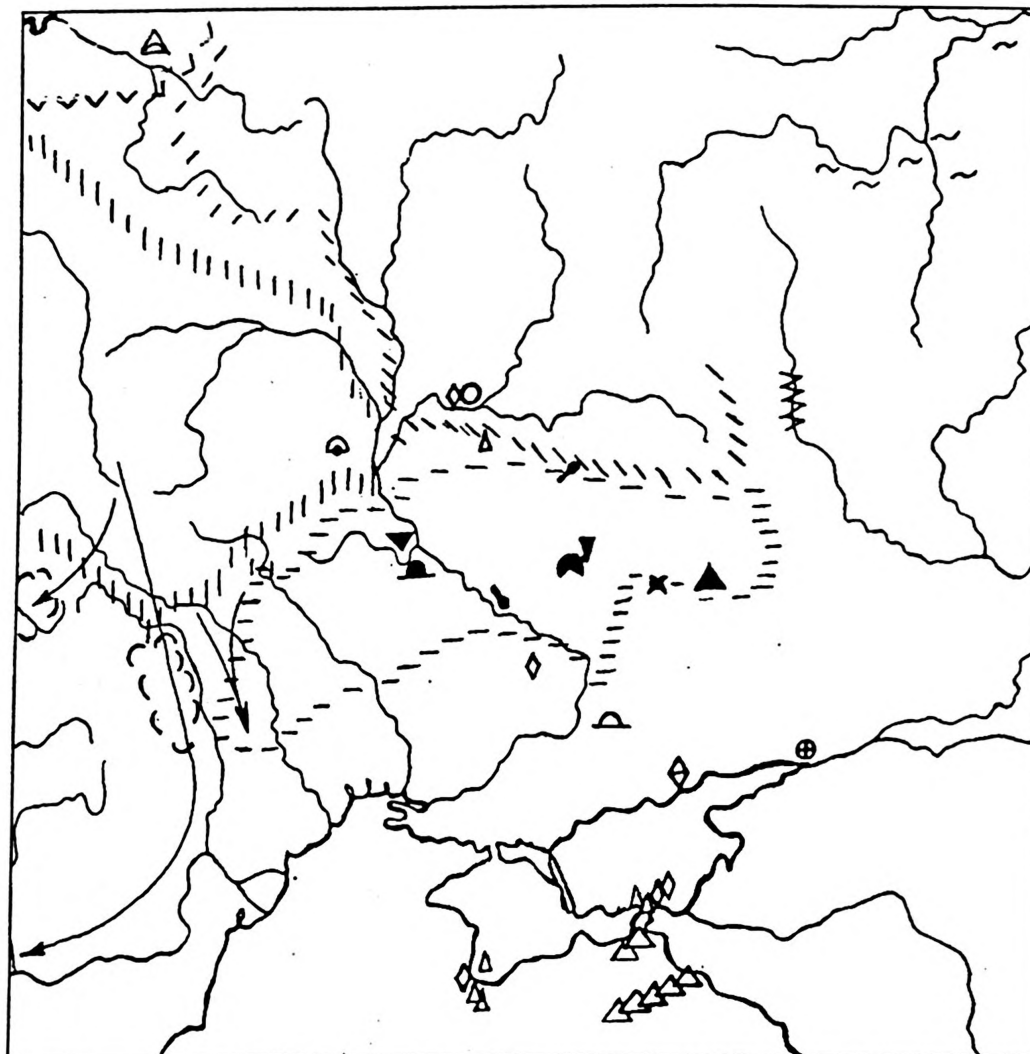
3. К оценке модификаций накладок на ленчики седел эпохи великого переселения народов.

А. К. Амброз убедительно показал, что ленчики гуннского времени отличаются подтреугольной формой, а в более поздних комплексах, вплоть до VII в., они имеют вытянутую «рыбовидную» форму [Амброз 1989: 77—82, 127]. И. П. Засецкая отметила неоднородность «рыбовидных» ленчиков и предложила их дробную типологию, выстроив варианты в выразительный эволюционный ряд в зависимости от пропорций [Засецкая 1994: 45—49; рис. 9—10]. Представляется, что в данном случае следует учитывать и локальные различия. Центральноевропейские седла гуннского времени имеют короткие подтреугольные ленчики (вариант 1а: здесь и далее по И. П. Засецкой). Восточноевропейские ленчики близких пропорций отличает скругленный «лоб», в комплексах несомненно гуннского времени это малозаметно, в тех, где имеются вещи «шиповского» круга, этот признак отчетливо выражен и сочетается с горизонтальным или слабоскругленным верхним срезом (варианты 3 и 4а, б). Вытянутые ленчики выглядят как типологически более поздние (вариант 4в, известный в Западной Европе, Керчи и Дюрсо, на Северном Кавказе; особняком стоит ленчик из Владимировки варианта 1б). Наличие четко отличающихся ленчиков вариантов 4б и 4в в очень близких по составу комплексах (Дюрсо, конские погребения 9 и 5) и феномен западноевропейских ленчиков заставляют думать, что появление варианта 4в связано не с эволюцией из 4б, а отражает новый культурный импульс, связанный, вероятно, с византийско-средиземноморским влиянием, а позднее отразившийся и в северокавказских находках, в том числе и VII в.

Опорным в датировке ленчиков варианта 4в является погребение 1782 из Крефельд-Геллепа. Найденный там меч группы С относится к горизонту, датируемому по М. Мартину около 510—570/580 гг., а пряжки принадлежат образцам периода III по К. Бенеру, начало которого около 520/530 гг. подтверждено новыми материалами ([Perin 1995; 1998]; там другая литература). Возможно, появление в Керчи и Дюрсо таких седел связано с культурным импульсом, отраженным в формировании боспорской серии фибул типа Удино—Планинс и других вещей, связываемых с появлением на Боспоре в начале правления Юстиниана Великого византийских отрядов, которые включали и германские контингенты [Kazanski 1996; Засецкая 1998: 438]. Сказанное объясняет и то, почему я не считаю время появления ленчиков варианта 4в в Северно-Восточном Причерноморье верхней границей бытования вариантов 4б и 4а-2, известных в комплексах шиповского круга.

Литература

- Айбабин 1990: Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь.
- Абакаров, Давудов 1993: Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М.
- Амброз 1981: Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Амброз 1982: Амброз А. К. О двупластинчатых фибулах с накладками — аналоги к статье А. В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М.
- Амброз 1989: Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. М.
- Амброз 1994: Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
- Гавритухин 1994: Гавритухин И. О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токарн (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. Вып. 4. М.
- Гавритухин 1997: Гавритухин И. О. Боспор и Поднепровье в VI—VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византизм и Крым». Севастополь. 6—11 июня 1997 г. Симферополь.
- Гавритухин 2000: Гавритухин И. О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätromische Keisergzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.
- Гавритухин, Малашев 1998: Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. 2.
- Гавритухин, Обломский 1996: Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.
- Гмыря 1993: Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Гольцева, Кашуба 1995: Гольцева П. В., Кашуба М. Т. Глинжене II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.
- Гороховский 1988: Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. ... канд. ист. наук. К. // Архив ИА НАНУ.
- Гросу 1990: Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Дмитриев 1982: Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи переселения народов V—VIII вв. М.
- Зарецкий 1888: Зарецкий И. А. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевка // Харьковский сборник. 2.
- Зарецкий 1925: Зарецкий И. А. Раскопки курганов Харьковской губ. Богодуховского и Ахтырского уездов в 1887—1888 гг. — Архив ИИМК РАН. ф. 2.1925. № 216.
- Засецкая 1994: Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (IV—V вв.). СПб.
- Засецкая 1998: Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского раннесредневекового некрополя // МАИЭТ. VI.
- Казаквичюс 1987: Казаквичюс В. Находка двупластинчатой фибулы в Литве // СА. 4.
- Казанский 1997: Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев.
- Казанский 1999: Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре. Киев.
- Каталог выставки XI-го Археологического Съезда в Киев. Киев, 1899.
- Медведев 1990: Медведев А. П. Сарматы и лесостепь. Воронеж.
- Некрасова 1985: Некрасова А. П. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. 50.
- Орлов 1985: Орлов Р. Г. Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.
- Рудинський 1928: Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник Полтавського музею ім. В. Г. Короленко, присвячений 35-річчю музею. 1.
- Сибилев 1926: Сибилев П. В. Древности Изюмщины. 1. Изюм.
- Синиця 1999: Синиця Е. В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пенківської культури // Vita Antiqua. 2.
- Сымонович, Кривченко 1983: Сымонович Э. А., Кривченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д1—22. М.
- Якобсон 1959: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 63.
- Bierbrauer 1995: Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) — Zur Chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jb. RGZM. 1991.
- Bierbrauer 1998: Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // AntN. 29 (1997).
- Kazanski 1994: Kazanski M. Les plaques-boucles mediterraneennes des Ve—VI-e siecles // Archeologie medievale. 24.
- Kazanski 1996: Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du V s. et au VI s. // МАИЭТ. Вып. V.
- Kazanski 1998: Kazanski M. Les Barbares à Chersonèse (Ve—VIe s.) // EYXXIA. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Paris.
- Kazanski 1999: Kazanski M. Les Slaves. Paris.
- Kazanski 1999a: Kazanski M. L'armement slave du haut moyen-age (Ve—VIIe siecles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens slaves // Přehled výzkumu. 39 (1995—1996). Brno.
- Kazanski, Perin 1998: Kazanski M., Perin P. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // AntN. 29 (1997).
- Khün 1974: Khün H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Süddeutschland. Graz.
- Lovasz 1999: Lovasz E. Hun és german jellegű leletek Borsod megyében // A Herman Otto múzeum évkönyve. XXXVII.
- Perin 1995: Perin P. Les Tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.
- Perin 1998: Perin P. La question des «tombs-references» pour la datation absolue du mobilier funéraire mérovingien // La datation des structures et des objets du haut moyen age: méthodes et résultats. Paris.
- Sasse 1997: Sasse B. Die Westgoten in Südfrankreich und Spanien. Zur Problem der archäologischen Identifikation einer wandernden «gens» // Archäologische Informationen. 20/1.
- Schulze-Dorrlamm 1986: Schulze-Dorrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. Mainz.
- Szameit 1998: Szameit E. Ein Völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mitteldonaum. Brno.
- Tejral 1988: Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaum // Archäologia Austriaca. 72.
- Tejral 1998: Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mitteldonaum. Brno.
- Teodor 1978: Teodor Dan Gh. Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e. n. Iași.
- Werner 1961: Werner J. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). I. Die Fibeln. Berlin.

— а	△ — и	▼ — 1	◇ — 10
— б	⊕ — к	▲ — 2	○ — 11
/// — в	◊ — л	▼ — 3	△ — 12
/// — г		▲ — 4	△ — 13
/// — д		▲ — 5	△ — 14
~ — е		▲ — 6	
~ — ж		▲ — 7	
○ — з		▲ — 8	
		▲ — 9	

Рис. 1. Погребения по обряду ингумации второй половины V—VI в. и их культурный контекст:

а — ареал пеньковской культуры; б — восточная часть ареала пражской культуры и направления славянского расселения в конце V—VI вв.; в — южная граница колочинской культуры; г — юго-западная часть ареала памятников круга Тушемля—Банцеровщина; д — памятники типа Заматино—Чертовицкое; е — рязано-окские и близкие им могильники; ж — юго-восточная граница западно- и восточно-балтских памятников; з — карпатские группировки восточно-германского круга во второй половине V в.; и — курганы шиповского круга в Поднепровье; к — Танаис; л — Ждановское погребение;

1 — Мартыновка; 2 — Волобуевка; 3 — Любовка; 4 — Лихачевка; 5 — Бабичи; 6 — Чулаковка; 7 — Константиновград; 8 — Сумы, Сад; 9 — Максимовка; 10 — фибулы серии Мошеника; 11 — человек из Мошеники; 12 — фибулы серии Волобуевка; 13 — фибулы Причерноморской серии группы Левице—Токари; 14 — фибула из Плинкайгалиса

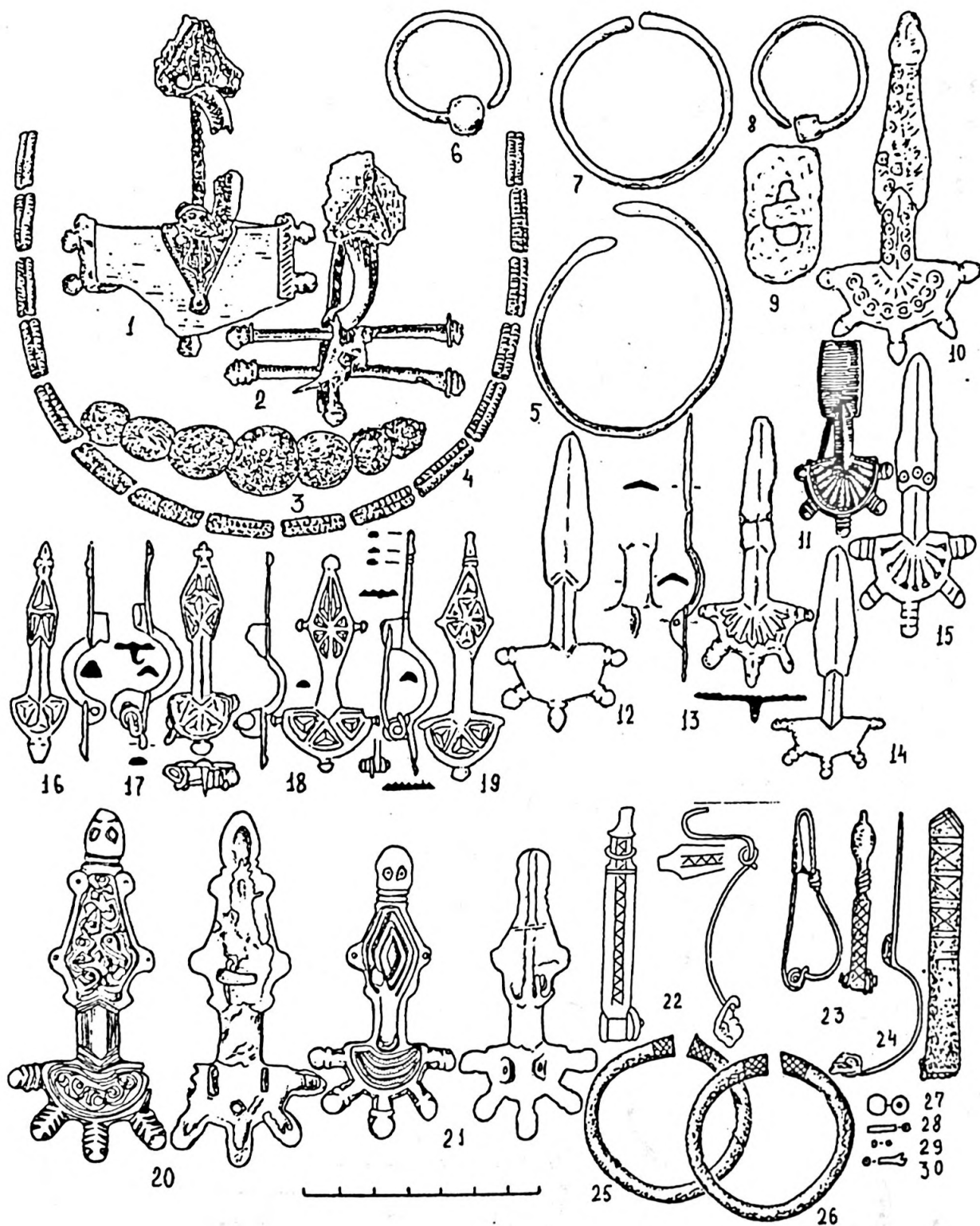

Рис. 2. Вещи V—VI вв. днепровско-понтийского и днепровско-дунайского контекста:

1—5 — Волобуевка; 6—10 — Жлановское погребение; 11 — Пастырское; 12 — Керчь; 13 — Херсонес; 14 — Мощенка; 15 — Керчь; 16 — Токари; 17 — Сахарная головка; 18 — Керчь; 19 — Херсонес; 20—21 — Мартыновка; 22 — Б. Даниловка; 23—26 — Любовка

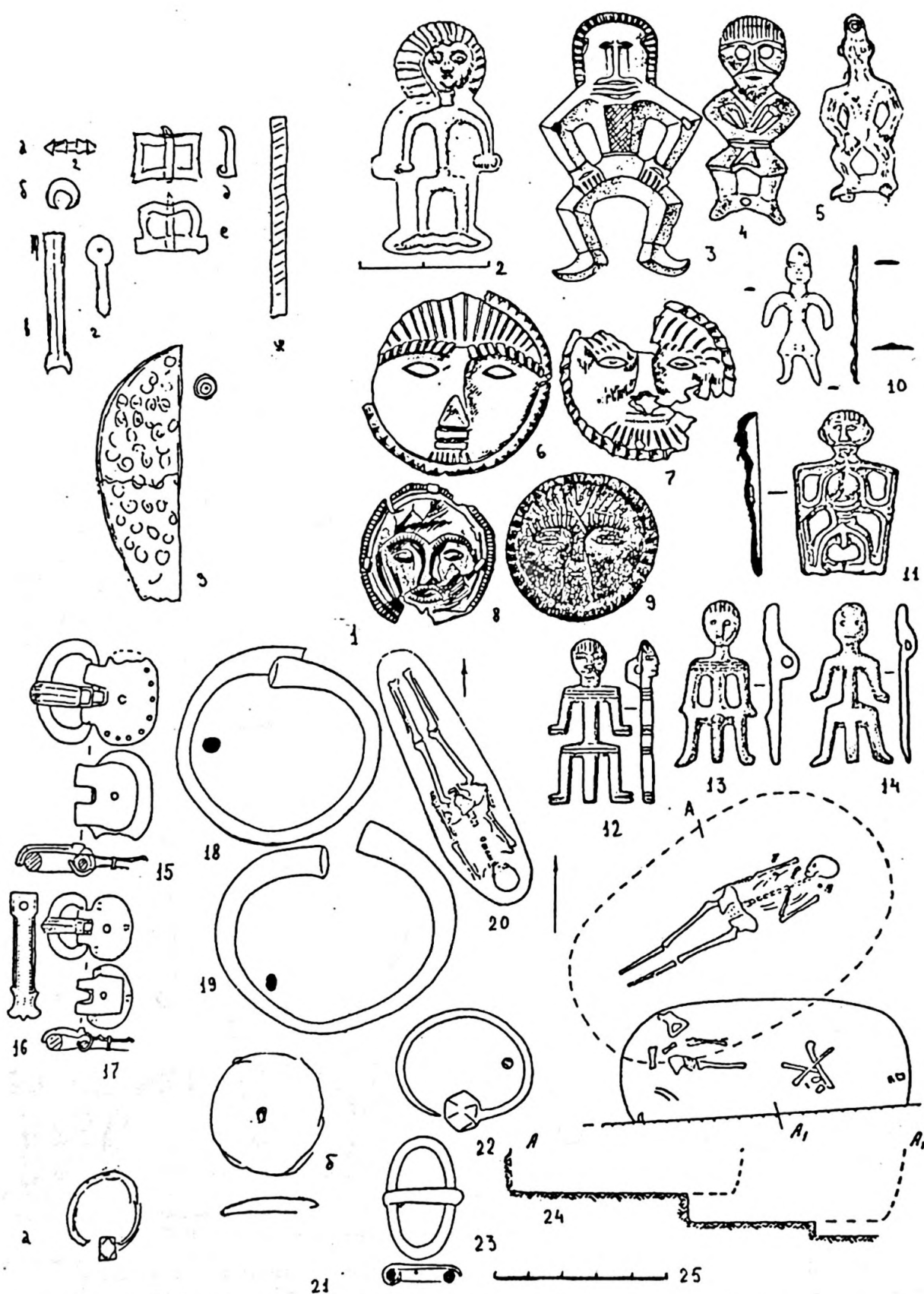

Рис. 3. Поднепровские ингумации V—VI вв. спорной атрибуции и аналоги фигурке из Мошенки:

1 — Бабичи; 2 — Мошенка; 3 — Мартыновка; 4 — Преградная; 5 — Старый Орхей; 6 — Владимирское; 7 — Покровск; 8 — Новогригорьевка; 9 — Танаис; 10 — Ош Пандо; 11 — Червоноармейское; 12 — Белосарайская; 13 — Керчь; 14 — Айвазовское; 15—17 — Константиновград; 18—20 — Максимовка; 21 — Чулаковка; 22—24 — Сумы, Сад; 25 — масштаб для 3—19, 22—23

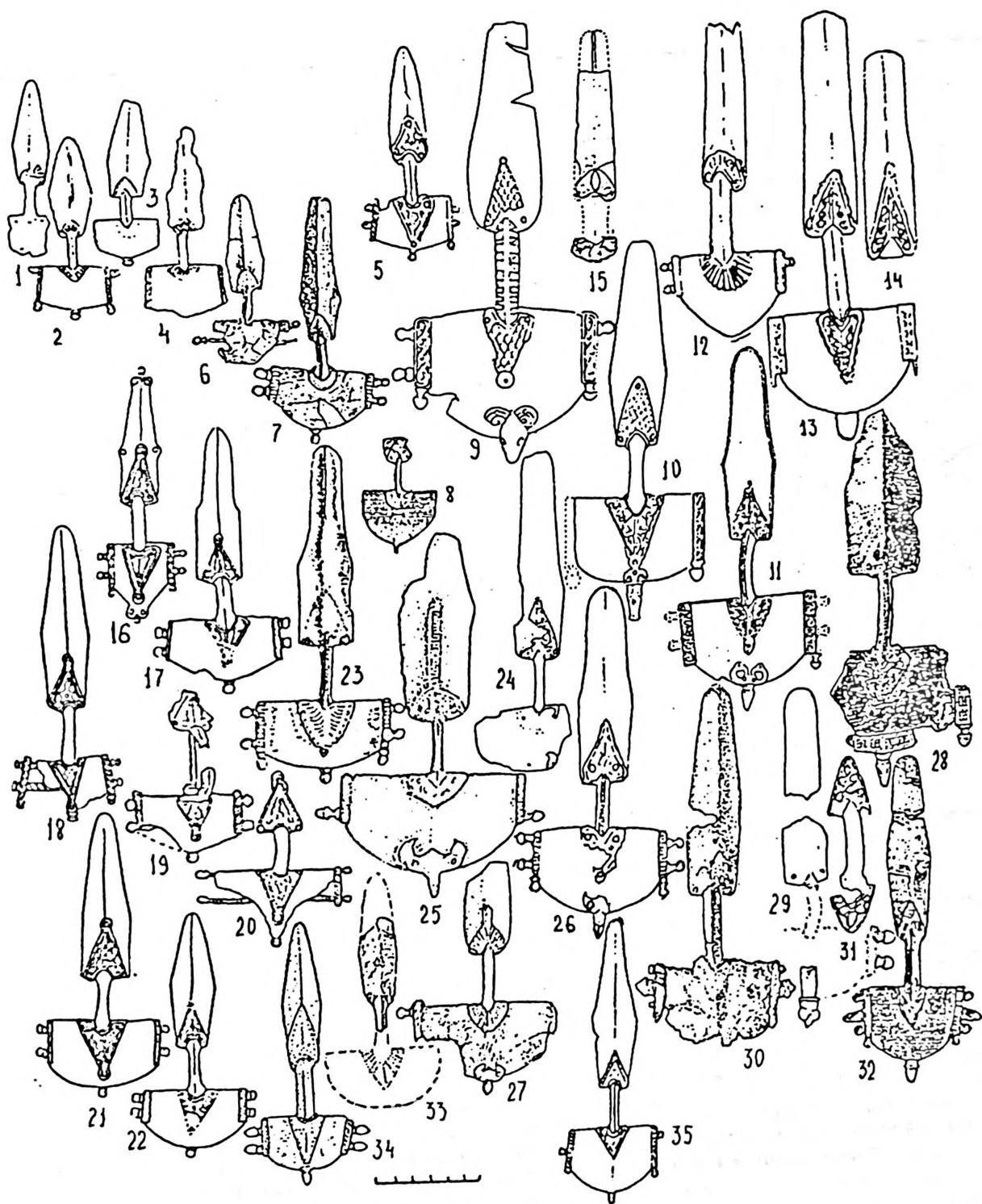

Рис. 4. Двупластинчатые фибулы с подтреугольными накладками:

1—2, 4 — Керчь; 3 — Суук-Су; 5 — Чокрак; 6 — Артанд, п. 41; 7 — Страсбург; 8 — Чонград, ул. Вербоци; 9 — Тисалек, ул. Арпадов, 17; 10 — Косино; 11 — Дьюлавари; 12—13 — Кастильерра; 14 — «Испания», кол. Ин-та Валенсия де Дон Жуан; 15 — Эль Капно да Тахо, п. 142; 16—18, 21 — Дюрсо (16 — п. 420; 17, 22 — п. 500; 18 — п. 197; 21 — п. 292); 19 — Волобуевка; 20 — Чокрак; 23 — Плинккайгалис, п. 144; 24 — Штеттен; 25 — Лом, гр. 1938 г.; 26 — Мезекевешд—Мосойаш, п. 2; 27 — Лаа на Дые, п. 1/1908; 28 — Кишкунфелдьхаза; 29 — Мад; 30 — Девня (Маршиано-полис); 31 — Кйюжду; 32 — Перьям; 33 — Ходьмезовашархей—Шошхалом; 34 — Баллер, п. 1874 г.; 35 — Кишкереш

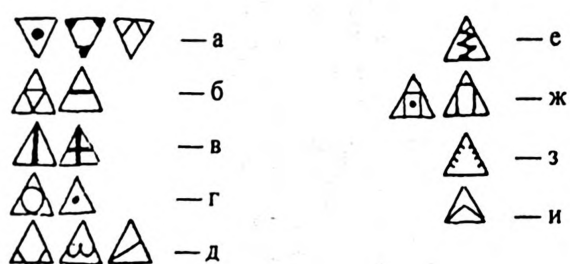
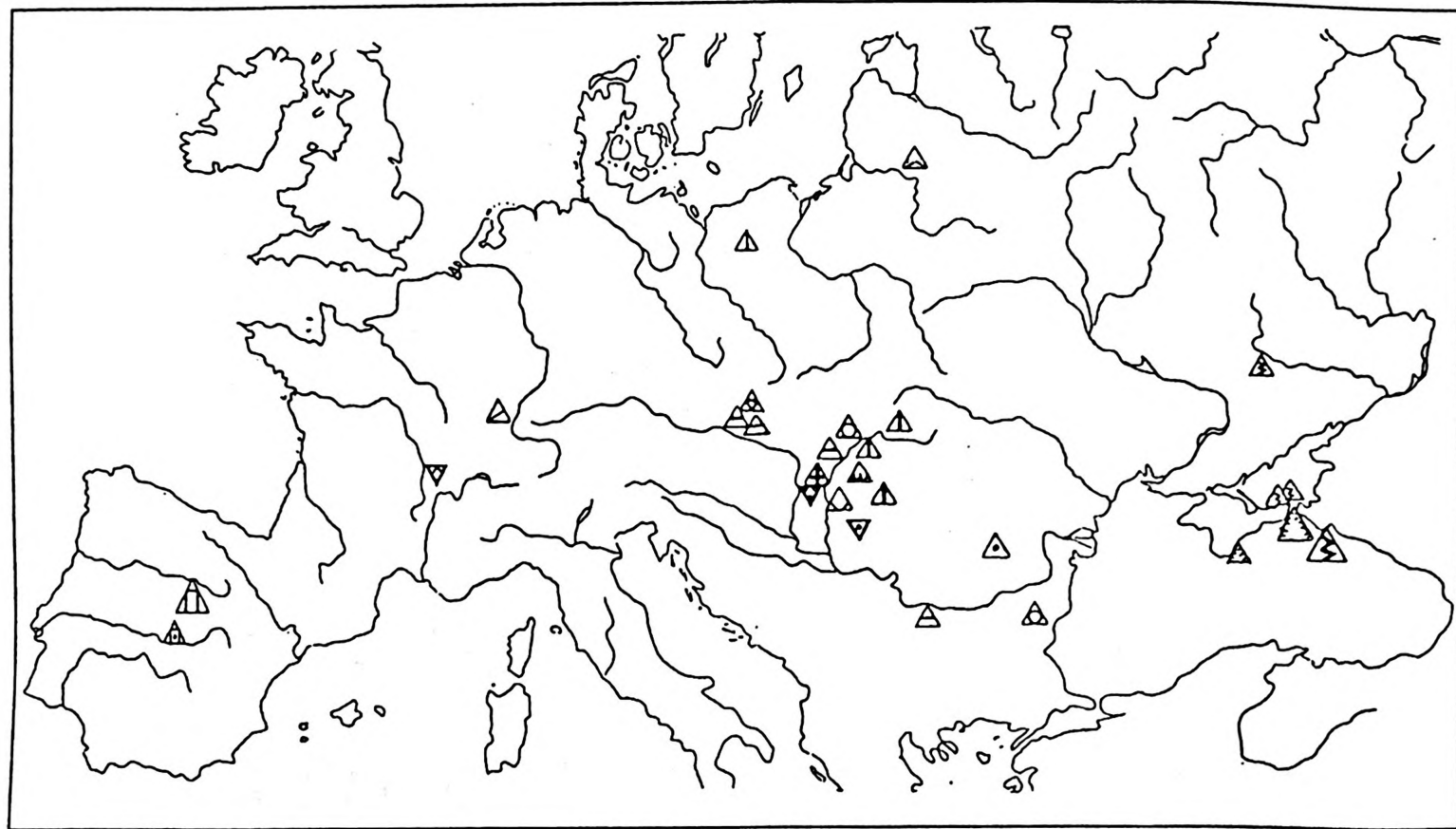

Рис. 5. Распространение разновидностей двупластинчатых фибул с подтреугольными накладками:

а — блок вариантов Кишкереш (Перьям; Кишкереш; Баллер); б — серия Лаа — Мезекевешд (Лаа на Дые; Штетген; Бушберг; Мезековешд — Мосойаш; Лом); в — серия Тисалек (Тисалек, Косино, Дьюлавари, Радостово) и вариант Кишкунфеледьхаза; г — серия Мад (Мад; Девня) и вариант Койжду; д — упрощенные дунайские вариации (Ходьмезовашархей — Шошхалом; Артанд; Страсбург); е — серия Волобуевка (см. также рис. 1, 12; Волобуевка; Чокрак — 2 шт.; Дюрсо — 5 образцов из 4 могил); ж — блок вариантов Кастильтьерра (Элькапио да Тахо; Кастильтьерра — 2 шт; «Испания»); з — керченская серия (Керчь — 3 шт.; Суук-Су); и — вариант Плинккайгалис

А. М. Обломский

Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области¹

Село Лихачевка Котелевского р-на Полтавской обл. (бывшего Богодуховского уезда Харьковской губ.) лежит на р. Мерла в ее устье недалеко от впадения Мерлы в Ворсклу с левой стороны последней (рис. 1). Работы в окрестностях Лихачевки проводил в 1887—1889 гг. И. А. Зарецкий. В 1888 г. им были опубликованы результаты изысканий [Зарецкий 1888] — сборов разновременных предметов на дюнах при впадении Мерлы в Ворсклу, которые развеивались ветром (черепки сосудов, кремневые и скифские бронзовые наконечники стрел, фибула римского времени, половина монеты Септимия Севера, украшения эпохи раннего Средневековья), и раскопок 6 курганов, проводившихся в 1887—1888 гг. «около городища Разрытая могила в полуверсте от с. Рублевки и близ окраины с. Лихачевки» [Зарецкий 1888: 240]. Большинство погребений относилось к скифской эпохе, а одно (захоронение 1 из кургана 6) — к периоду раннего Средневековья. Ингумаций конца IV—VII в. на территории Днепровского Левобережья известно относительно немного (сводки их см. [Гороховский 1988: 174—178; Гавритухин, Обломский 1996: 121—122, 161—162; Синица 1999], а также статья И. О. Гавритухина в настоящем сборнике), лишь небольшая часть этих комплексов хорошо документирована. По этой причине сведения о любом из них чрезвычайно важны для специалистов. Подробное описание погребений из Лихачевских курганов сохранилось в архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге, а коллекция находок — в фондах ГИМа в Москве. И. П. Зарецкий издал краткие сведения о погребении и фотографии происходивших из него вещей. Последние из-за низкого качества полиграфии получились довольно бледными, многие детали предметов, в т. ч. и важные для определения даты совершения захоронения, неясны. Ниже публикуются материалы из отчета И. П. Зарецкого, рисунки вещей и их описание, сделанные автором статьи. К сожалению, ни в публикации, ни в отчете никаких чертежей нет.

«Курган № 6 — рядом с № 1 и 2, поближе к городищу, всего на 260 аршин от него (рис. 1). Вышина кургана — 4 аршина, окружность — 195 арш. В этом кургане сделан мною колодец 6—1/2 аршин ширины и 11—1/2 аршин длины. На верху кургана при начале раскопок найдено несколько конских зубов и черепки от разбитого глиняного сосуда; кроме того, вся насыпь перемешана была с мелким сосновым и дубовым углем и кусочками дубового дерева; чем глубже, тем чаще попадались угли. На глубине трех аршин от вершины кургана, в южной его стороне, стоял глиняный сосуд в виде нынешней глиняной малороссийской банки (слонка) вышиной 6—1/2 дюймов, грубой ручной работы; сосуд был пустой и только на дне сосуда лежало немного истлевшего проса, которое от прикосновения превращалось в пыль (рис. 2, 7). Сосуд находился у самого изголовья покойника, имевшего выпрямленное положение головою на северо-запад; покойник положен был в нечто подобное узкой лодочке из бересты; лодочка к головам и ногам суживалась, к ногам больше, а самое широкое место было напротив груди; ширина в этом месте равнялась 3/4 аршина; длину невозможно было определить, так как часть лодочки у ступней ног разрушена; сверху лодочка была покрыта также берестой; поперечный разрез лодочки имел вид полукруга. Кости скелета превратились в желто-бурую ноздреватую массу. Там, где должна была находиться голова, от которой уцелел только кусочек черепа, оказалась в земле пустота, по сторонам пустоты этой лежали две кованные золотые сережки в роде овального гладкого кольца с постепенным утолщением по середине (рис. 2, 1, 2); на месте шеи рассыпаны были стеклянные темно-вишневого цвета бусы величиной в крупную горошину, двух видов: совсем круглые и граненые, всего бусин собрано штук до тридцати. На уцелевшем локтевом суставе правой руки лежали обломки какого-то предмета, сделанного из дубовой доски и кожи, между доской и кожей оказались две полукруглые бронзовые пряжки, прикрепленные к ремешкам (рис. 2, 3, 4); два бронзовых колечка с тремя надетыми на них ушками, прикрепленные тоже к ремешкам (рис. 2, 5, 6), и бронзовая пластинка — наконечник ремешка. Какую форму имел этот деревянно-кожаный предмет, определить не было возможности. При раскопке глубже этого погребения на 1 арш. показались сгнившие дубовые доски, составлявшие крышу сруба, сложенного из дубовых бревен с досчатым дном; сруб помещался в яме, выкопанной в материке в аршин глуби-

¹ Статья написана при поддержке the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, грант № 440/1999.

ной; ширина сруба была 2 аршина и длина 4, крыша сруба провалилась до дна. В этом срубе найдено железное (чугунное) листовидное копье длиною 11—1/2 дюймов; в трубке копья осталась часть дубового древка; возле древка лежали железные конские удила обыкновенного вида; с обеих сторон лежали по одному костыльку или усику, имевшему с одной стороны по три ушка; возле удила лежал бронзовый крючок в 3—1/8 дюйма вроде рыболовной удочки с ушком наверху и на конце вроде якорной лапы; крючок помещался на дубовой колодочке в вырезанном желобке. Все это, судя по оставшимся на удилах кусочкам ткани вроде холста, вероятно, было завернуто или помещено в мешок. В ушках удила, костыльков и крючка остались кусочки скрученных ремней. Вне сруба найден кусочек доньшка такой миски, как в № 2, на этом кусочке черепка начертан значок такого вида, как на досках из кургана № 3» [Зарецкий 1925: 5—6].

В публикации описание погребения в кургане 6, как уже отмечалось, гораздо более краткое. В целом оно совпадает с данными отчета, за исключением одной немаловажной детали: «... положение покойника было головой на северо-восток» [Зарецкий 1888: 242], а не на северо-запад.

Фотографии удила с С-овидным псаломом с тремя ушками и копья, приведенные в публикации [Зарецкий 1888, табл. II: 15—17], не оставляют сомнения в скифской принадлежности находившегося в основании кургана дубового сруба, следовательно, погребение, исследованное в насыпи, было впускным. Свообразным было сооружение из бересты, которое И. А. Зарецкий трактует как «плодочку». В правильности этой интерпретации имеются сомнения. Автор раскопок упоминает, что «плодочка» была перекрыта берестой сверху. Следовательно, останки погребенного находились в чем-то, напоминающем, скорее, саркофаг или гроб с расширением в месте груди.

Таким образом, погребение в кургане 6 было впускным в более раннюю насыпь скифского времени. Захоронение, по всей видимости, принадлежало женщине, судя по находкам сережек по обеим сторонам головы и бус на месте шеи. Тело было положено в берестяной саркофаг, а в головах погребенной стоял лепной горшок с остатками проса. На локте правой руки покойницы находилось некое изделие из ремешков, дощечки, двух пряжек, двух колечек с зажимами, наконечника ремня. Ориентировано захоронение было либо на северо-восток (данные публикации), либо на северо-запад (сведения отчета).

В фондах ГИМа из материалов впускного погребения в кургане 6 сохранились две серьги, две пряжки, оба кольца с зажимами, лепной горшок. В коллекции из Лихачевки (№ 18779—85) имеется также множество бус, но выяснить, какие из них происходят из кургана 6, сейчас не представляется возможным. Ниже приводится описание вещей.

1—2. Две калачевидные серьги (рис. 2, 1, 2) изготовлены из золота. Они круглые, размерами 1,6×1,4 и 1,7×1,5 см с расширением в нижней части, подчеркнутым мягкой гранью, ориентированной перпендикулярно оси изделия. В сечении — круглые, диаметром от 0,1 до 0,5 см.

Прочие предметы сделаны из бронзы или плохого серебра. К их числу относятся пряжки и кольца с зажимами.

3. Пряжка с круглой обоймой (рис. 2, 3). Одночленная, имеет овальную раму размерами 1,8×1,5 см, круглую в сечении (диаметр — 0,3—0,4 см). Язычок пряжки в сечении — полуовальный длиной 0,3 см, охватывает всю раму спереди, прямой без прогиба. На тыльной стороне помещен выступ шириной 0,2 см, расчлененный тремя поперечными бороздками. Обойма — круглая, размерами около 1,4×1,4 см, сохранившаяся на 2/3 своей величины, с одним штифтом, соединяющим верхнюю и нижнюю пластины, которые по конфигурации одинаковы.

4. Пряжка с прямоугольной обоймой (рис. 2, 4). Также одночленная. Овальная рама имеет размеры 2,0×1,4 см, круглое сечение диаметром 0,30—0,25 см, плоский язычок шириной 0,4 см с небольшим прогибом посередине, охватывающий почти всю раму спереди. Сзади у язычка имеется выступ длиной 0,25 см с тремя поперечными бороздками на поверхности. Обойма сохранилась плохо, точные размеры ее установить невозможно. Она имела прямоугольную форму, ширину около 1 см и длину не менее 1 см, один штифт по центру для крепления ремня.

5—6. Два колечка с надетыми на них зажимами для ремешков (рис. 2, 5, 6) имеют диаметры 1,3 и 1,4 см, круглое сечение диаметром около 0,2 см. Зажимы представляют собой обоймы из узкой пластины с тыльной стороны и из широкой — с внешней с одним штифтом для крепления ремней. Точные размеры и форма этих пластин неясны — их края раскрошились. Судя по фотографиям И. А. Зарецкого, опубликованным в харьковском издании [Зарецкий 1888: табл. II, 9, 10], внешние стороны пластин у одного из колец были круглыми (рис. 2, 5), а у другого — трапецевидными (рис. 2, 6).

На планшетах коллекции из Лихачевки пряжки и кольца были помещены на обрывках кожи. Здесь же имеется несколько кусочков истлевшей бересты, видимо, от гроба-«плодочки».

7. Лепной горшок (рис. 2, 7а, б) содержит в тесте примеси мелкого шамота и органики. Внутри сосуда заметен нагар. Судя по фотографии И. А. Зарецкого, это тот самый горшок, который стоял в изголовье погребенной. На самом сосуде заметна надпись, сделанная в традициях дореволюционной орфографии, «1887 г. Лихачевка, курган 6». Горшок — сильнопрофилированный округлобокий. Сохранился целым, лишь край венчика в одном месте отбит. Диаметр венчика составляет 9,7 см, шейки — 9 см, места наибольшего расширения тулова — 12 см, дна — 7 см, общая высота сосуда — 14 см, высота от венчика до плеча — 6 см.

Чем же было изделие из кожи, двух пряжек, ремennого язычка и двух колец с зажимами? Первоначально после того, как я прочитал публикацию И. А. Зарецкого, у меня возникло впечатление, что в захоронение была помещена конская уздечка вроде тех, которые довольно часты в степных погребениях позднеримского и гуннского времени. После просмотра коллекции в фондах ГИМа и ознакомления с отчетом в архиве ИИМКа я изменил свое мнение по двум причинам. Во-первых, кроме ремешков и металлических деталей в состав этого изделия входила дощечка, ненужная в уздечном наборе. Во-вторых, зажимы и кольца, на которых они крепятся, из Лихачевки — значительно меньшие по размеру, чем уздечные. Пряжки также невелики. Наиболее близкие по размерам и форме колец и обойм зажимы происходят из погребения 5 склепа 88 могильника Лучистое в Крыму. Здесь в районе стоп погребенного на каждой ноге

найден по одному маленькому кольцу с тремя зажимами и по одной пряжке. Э. А. Хайрединова трактует эти изделия как металлические детали ремней обуви. Вещи из склепа датируются в рамках первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова 1988: 291—293, 309, рис. 16, 24; 21, 10, 11, 14; Хайрединова 1999: 203—206]. На ногах покойников аналогичные зажимы с пряжками, также относящиеся к гуннскому времени, были найдены и в нескольких захоронениях позднего этапа некрополя Танаиса (сердечно благодарю И. Толочко, показавшую мне неопубликованные материалы из новых раскопок этого памятника). В Лихачевке ремешки, пряжки и зажимы лежали не на ногах плохо сохранившегося скелета (и не на месте ног), а на локте правой руки. По всей видимости, обувь не принадлежала захороненной в кургане женщине, а была напутственным даром.

Хронология комплекса определяется по датам входящих в его состав вещей.

На то, что серьги из захоронения в Лихачевке датируются не римским временем, а более поздним, первым обратил внимание Е. Л. Гороховский, хотя традиционно это погребение считалось позднесарматским [Гороховский 1988: 176]. Они относятся к типу литых калачиковидных украшений, которые получают распространение в Восточной Европе в гуннское время [Засецкая 1994: 76] и существуют до первой половины VII в. [Богачев 1996: 104], а возможно и несколько дольше [Гавритухин, Малашев 1998: 67, рис. 6, 39]. Очень похожие изделия (с таким же, как в Лихачевке, утолщением в середине нижней части) происходят из погребения 39 некрополя Танаиса [Шелов 1961: 17, табл. XXXIV, 9].

Значительно сложнее определить дату пряжек из лихачевского комплекса, поскольку хронология массовых изделий этой категории для гуннского и раннесредневекового периодов на территории Центральной и Восточной Европы разработана пока плохо. Вертикально-овальные пряжки с круглой или многоугольной в сечении рамой, одинаковой толщины или с небольшим утолщением в передней части, с коротким язычком и прямоугольной сравнительно короткой обоймой в Центральной Европе относятся к группе Н типу 16 Р. Мадыды-Легутко. Они в целом больше найденных в Лихачевке (размеры рамы — 1,5—2,0×2,5—3,0 см). Прототипы (тип Н3) появляются на стадии С2. Общая дата типа Н16 — ранняя фаза переселения народов в пшеворской, вельбарской и западнобалтийской культурах, в древностях Моравии. К сожалению, форма язычка в классификации Р. Мадыды-Легутко не учитывается, но язычки, загнутые «клювом» с «печатками» у места крепления к раме, в это время уже были (имеется в виду период D К. Годловского, абсолютные даты которого Р. Мадыда-Легутко определяет в рамках середины IV—первой половины V в.). [Madyda-Legutko 1986: 65—66, 89s. Taf. 19]. В. Новаковский по форме близкую к лихачевской пряжку из могильника Долькайм (погр. 178) относит к третьей хронологической ступени, которая соответствует позднему периоду фазы D К. Годловского [Nowakowski 1996: 20—21 s. Taf. 15: 11]. В Восточной Европе такие, относительно большие, пряжки живут довольно долго. Так, например, погребение 152 Старобокановского могильника в Прикамье с похожей пряжкой Т. И. Останина относит к пятой хронологической группе мазунинской культуры (V в. н. э.) [Останина 1997: 109—110, рис. 75, 3], а А. И. Айбабин похожие изделия из склепа 465 крымского могильника Скалистое датирует первой половиной VI в. [Веймарн, Айбабин 1993: 170, рис. 84, 2—4].

Маленькие пряжки, по размерам наиболее близкие к лихачевским, с обоймами, как круглыми, так и прямоугольными, известны в Смоленне в Подунавье, склепе 75 Лучистого, погр. 517 второго и 410 третьего этапов могильника Дюрсо, склепе 4 могильника Кугуль на Северном Кавказе [Амброз 1989: рис. 16, 4; 18, 25, 26; 20, 18; 26, 28; Айбабин, Хайрединова 1998: рис. 10, 6]. Пряжки из Смолина и Лучистого А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова, ссылаясь на Я. Тейрала, датируют периодом D2/D3, т. е. 430—455 гг., второй этап Дюрсо А. К. Амброз относил к первой половине VI в., а третий — ко второй половине VI, возможно, к началу VII в. [Айбабин, Хайрединова 1998: 299; Амброз 1989: 51—55].

Территориально наиболее близкие лихачевским маленькие пряжки (по размерам, форме рамы, обоймы и язычков) обнаружены в погребении 4 грунтового Животинного могильника под Воронежем, где было исследовано 5 захоронений, расположенных в юго-восточной части мыса правого коренного берега р. Воронеж на площадке древнерусского городища. Учитывая, что вся часть мыса, примыкающая к реке, вскрыта сплошной площадью, могильник, по всей вероятности, был раскопан полностью. Из пяти погребений одно было безынвентарным, два — разрушены более поздними перекопами. Полностью сохранились лишь два захоронения — погр. 4 и 5. В погр. 4 был захоронен мужчина-воин. Скелет лежал вытянуто на спине, ориентированный головой на северо-северо-восток. У головы стоял сероглиняный гончарный лощеный кувшин. Слева от погребенного вдоль ноги лежал железный меч без металлического перекрестья. У рукояти меча была найдена янтарная бусина с бронзовым колпачком. У левой руки был положен железный кинжал с ручкой штырем без перекрестья и навершия, но с остатками деревянных ножен, завершающихся снизу бронзовой подковообразной обкладкой. У правого колена находилась кость животного, в которую был воткнут железный нож. На тазовых костях обнаружено 3 пряжки. Слева лежала массивная бронзовая пряжка с серебряной прямоугольной обоймой (рис. 2, 8). Под клинком кинжала лежало бронзовое кольцо с овальными рамой и обоймой и одной заклепкой (рис. 2, 10). Третья пряжка (из серебра) с обоймой, близкой к трапецевидной, обнаружена на правой половине таза (рис. 2, 9). Над кистью правой руки встречен сильно корродированный железный предмет из перегнутой пополам пластины, в которую впаялись отщеп кремня и серебряная пряжка (остатки сумки? — рис. 2, 14). Тут же находились 4 серебряные заклепки с грибовидными шляпками. Под левой ключицей лежала серебряная пряжка с удлинено-овальной обоймой (рис. 2, 11). Еще две пряжки, которые изображены на рис. 2, 12, 13, найдены на шиколотках обеих ног захороненного здесь мужчины, т. е. пряжки, как и в Лихачевке, были обувными.

Погребение 5 совершено в яме, ориентированной меридионально, дно ее посыпано мелом. Здесь было 2 захоронения (парных) — женщины и ребенка. Оба повернуты головами на юг. Справа от черепа женщины находился лепной горшок, а за ее черепом встречено днище второго сосуда. Слева от черепа лежала бронзовая калачевидная серьга (рис. 2, 15), на правой руке был надет бронзовый браслет (рис. 2, 16). На поясе найден обломок железного ножа. При скелете ребенка находок не было [Медведев, Винников 1989].

Поскольку обувные пряжки из погр. 4 по всем параметрам, вплоть до формы язычков, аналогичны лихачевским, хронология Животинного могильника требует специального анализа. Авторы первоначальной публикации датировали погр. 4 в рамках конца III—IV в., а погр. 5 — I—II вв. [Медведев, Винников 1989: 153—154]. В последующих работах А. П. Медведев писал, что погр. 5 датируется относительно широко — первыми веками нашей эры, а погребальный обряд указывает на принадлежность захороненных к среднесарматскому периоду [Медведев 1990: 77]. Дату погр. 4 он также определял осторожнее — «не ранее IV в. [Медведев 1998: 9].

По моему мнению, оба захоронения относятся к значительно более позднему времени. Принципиально важной для определения хронологии погр. 4 является массивная бронзовая пряжка с серебряной обоймой (рис. 2, 8).

Пряжка относится к изделиям типа III по А. И. Айбабину, которые в зависимости от формы и орнаментации щитков делятся на несколько вариантов. Основные признаки типа — вертикально-овальная (иногда с прогибом спереди) рама, трехгранный уступчато срезанный сзади или хоботовидный с прямоугольным выступом с тыльной стороны язычок, прямоугольная пластинчатая обойма с орнаментом (в т. ч. и с гравировкой) или без него, вытянутая параллельно раме. По крымской хронологии А. И. Айбабина эти пряжки характерны в основном для первой половины VI в., хотя появление их во второй половине V в. не исключается. Встречаются они и позже — до конца VI столетия. В могильнике Дюрсо по А. К. Амброзу подобные пряжки происходят из комплексов второго этапа, ориентировочная дата которого — первая половина VI в. [Айбабин 1979: 30—31, рис. 5, 1, 2, 5; Айбабин 1990: 36—37, рис. 2; 37, 3—8; Амброз 1989: 50—51, рис. 18, 2; Дмитриев 1979: рис. 8, 3].

Прямые длинные двулезвийные мечи без дола и перекрестья, вроде того, что найден в погр. 4, происходят не только из позднесарматских захоронений, как считает А. П. Медведев. Они хорошо известны в комплексах четвертой хронологической группы А. И. Айбабина в Крыму (первая половина V в.) [Айбабин 1999: 261], погребениях V в. в восточноевропейских степях [Амброз 1981: 15, рис. 5, 2; Засецкая 1994: 23] и в Абхазии в погребениях V—VI вв. [Воронцов, Шенкао 1982: 128—130; Гей, Бажан 1997: 26—27, табл. 28, 18], причем зачастую мечи снабжены подвеской в виде большой бусины, как в Животинном.

В погр. 5 Животинного обнаружена бронзовая калачиковидная серьга (рис. 2, 15), правда, менее массивная, чем в Лихачевке, но подобные серьги хорошо известны в гуннское время и раннее Средневековье в Волго-Камье [Богачев 1996: рис. 2]. Точную аналогию браслету из погр. 5 Животинного (с узкими концами, украшенными насечками, с последующими плоскими прямоугольными расширениями, на которых выгравированы косые кресты) представляет собой браслет из погр. 253 Танаиса (рис. 2, 19), где также найдены калачиковидные серьги (рис. 2, 17, 18) [Арсеньева 1977: табл. XXXI, 6, XXXIII, 8]. Погребение из Танаиса, таким образом, должно датироваться как минимум гуннским периодом. Лепной горшок из погр. 5 Животинного, по мнению А. П. Медведева, аналогичен сосудам, найденным на Третьем Чертовицком городище [Медведев 1998: 9], но период расцвета верхнедонских памятников типа Чертовицкого—Замятино приходится на гуннское время [Обломский 1999: 132—133].

Детали обряда захоронения погр. 5 Животинного, на которых акцентировал внимание А. П. Медведев (узкая прямоугольная могильная яма, меловая подсыпка дна, скрещенные в голених ноги покойников, южная ориентировка их) действительно характерны для сарматской культуры. Некоторые элементы этого обряда, правда, известны и в погребениях степного круга раннего Средневековья. Меловая подсыпка на дне могильной ямы прослежена в Большом Токмаке, а «в виде белого тлена» — в кургане 35 Виноградного на Украине [Орлов 1985: 103; Орлов, Рассамкин 1996: 115]. В южном секторе ориентированы головой отдельные захоронения позднего этапа некрополя Танаиса [Арсеньева 1977: 113]. Тем не менее, общий «постсарматский» облик погребений в Животинном могильнике нельзя не отметить, хотя по инвентарю этот некрополь явно относится к более поздней эпохе.

Учитывая приводившиеся выше аналогии вещам, комплекс из Лихачевки и погр. 4 Животинного могильника датируются в рамках второй половины V—первой половины VI в. К этому же времени, вероятнее всего, относится и погр. 5 Животинного, хотя допустимый диапазон совершения этого захоронения шире: V—VI вв., не исключая конец IV в.

В очерке, посвященном ингумациям Днепропровского лесостепного Левобережья, опубликованном мною в 1996 г. [Гавриутхин, Обломский 1996: 121—122], было высказано предположение о том, что в их составе можно выделить, по крайней мере, две традиции: некую «постчерняховскую» (или «западного круга») и степную кочевническую. К какой же из них относится погребение из Лихачевки? Рассмотрим для ответа на этот вопрос обряд захоронения.

Несмотря на отмеченные разночтения в описании, скелет явно был ориентирован головой в северном секторе. Именно эта ориентировка типична для большинства степных труположений V—VI вв. Если в могилах кочевников встречались сосуды, то, как и в Лихачевке, они обычно стояли в головах погребенных [Амброз 1981: 18—19; Орлов 1985: 103]. Такая же картина наблюдается и в Животинном могильнике. Значительное число степных захоронений были впускными в более ранние курганы. Специфической деталью лихачевского погребения является берестяной саркофаг. Обычай использовать бересту в качестве деталей погребальной камеры был известен кочевникам Восточной Европы раннего Средневековья [Амброз 1981: 19]. Берестой был перекрыт решетчатый гроб из кургана 3 у ст. Шипово [Засецкая 1994: 19]. На берестяных подстилках лежали умершие во Втором Коминтерновском могильнике [Казаков 1998: 100]. Интересно, что в верхней части насыпи лихачевского кургана И. А. Зарецкий отмечает находки древесного угля, которые были «чем глубже — тем чаще», и зубов лошади. Не исключено, что здесь были прослежены остатки такого же ритуального кострища с костями животных, в т. ч. и лошади, как во многих курганах гуннского и шиповского периода Нижнего Поволжья [Засецкая 1994: 13]. Таким образом, по всем основным признакам погребение в Лихачевке относится к кругу степных древностей V—VI вв., точнее, к первой группе захоронений (рядовых), выделенных по сочетанию инвентаря Р. С. Орловым [Орлов 1985: 103].

Литература

- Айбабин 1979: Айбабин А. И. Погребения второй половины V—первой половины VI в. в Крыму // КСИА. № 158.
- Айбабин 1990: Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I.
- Айбабин 1999: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин, Хайрединова 1998: Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. VI.
- Амброз 1981: Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.
- Амброз 1989: Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. М.
- Богачев 1996: Богачев А. В. К эволюции калачиковидных серег IV—VII вв. в Волго-Камье // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара.
- Веймарн, Айбабин 1993: Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев.
- Воронов, Шенкао 1982: Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М.
- Гавритухин, Малашев 1998: Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Гавритухин, Обломский 1996: Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гей, Бажан 1997: Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Гороховский 1988: Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. ... канд. ист. наук. — Архив ИА НАН Украины.
- Дмитриев 1979: Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 4.
- Зарецкий 1888: Зарецкий И. А. Заметки о древностях Харьковской губ. Богодуховского уезда слободы Лихачевка // Харьковский сборник. Вып. 2. Харьков.
- Зарецкий 1925: Зарецкий И. А. Раскопки курганов Харьковской губ. Богодуховского и Ахтырского уездов в 1887—1888 гг. — Архив ИИМК РАН, ф. 2, 1925. № 216.
- Засецкая 1994: Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб.
- Казаков 1998: Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Медведев 1990: Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.
- Медведев 1998: Медведев А. П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н. э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.
- Медведев, Винников 1989: Медведев А. П., Винников А. З. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Дону-Волжской лесостепи. Воронеж.
- Обломский 1999: Обломский А. М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.
- Орлов 1985: Орлов Р. С. Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.
- Орлов, Расмакин 1996: Орлов Р. С., Расмакин Ю. А. Новые памятники VI—VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н. э. по истории и археологии Украины и Венгрии. Киев.
- Останина 1997: Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III—V вв. Ижевск.
- Синица 1999: Синица Є. В. Ранньосередньовічні інгунації в ареалі пенківської культури // Vita antiqua. Київ. Вип. 2.
- Хайрединова 1999: Хайрединова Э. А. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев.
- Шелов 1961: Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). М.
- Madyda-Legutko 1986: Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen (der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum) // BAR. N 360. Oxford.
- Nowakowski 1996: Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa.

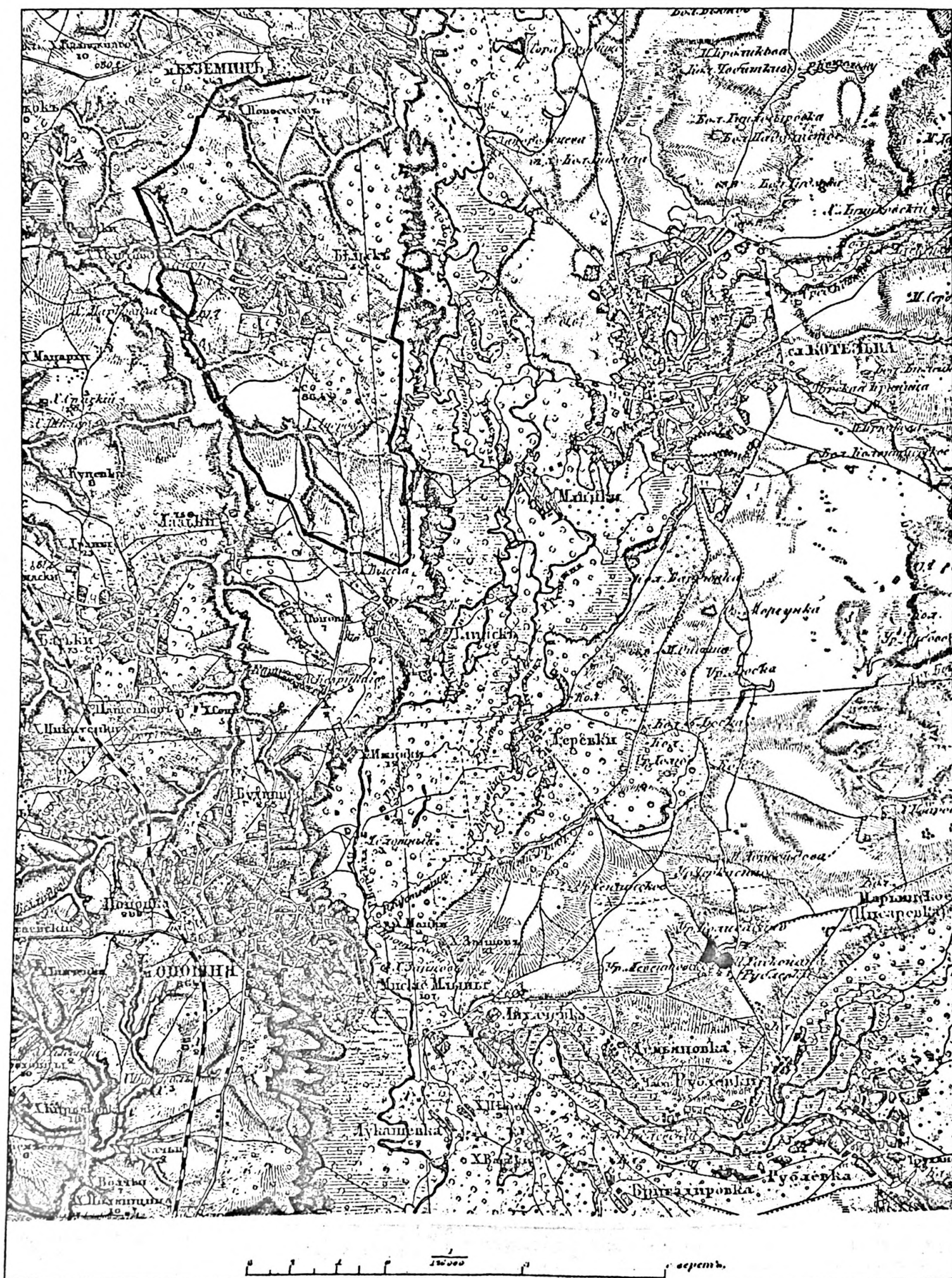

Рис. 1. Окрестности с. Лихачевки (выкопировка с карты съемки 1869 г.). Жирной черной линией обведены валы Бельского городища скифского времени, кружком обозначено местонахождение майдана («городища», по И. А. Зарецкому) Разрытая могила; треугольником обозначено приблизительное место расположения кургана 6

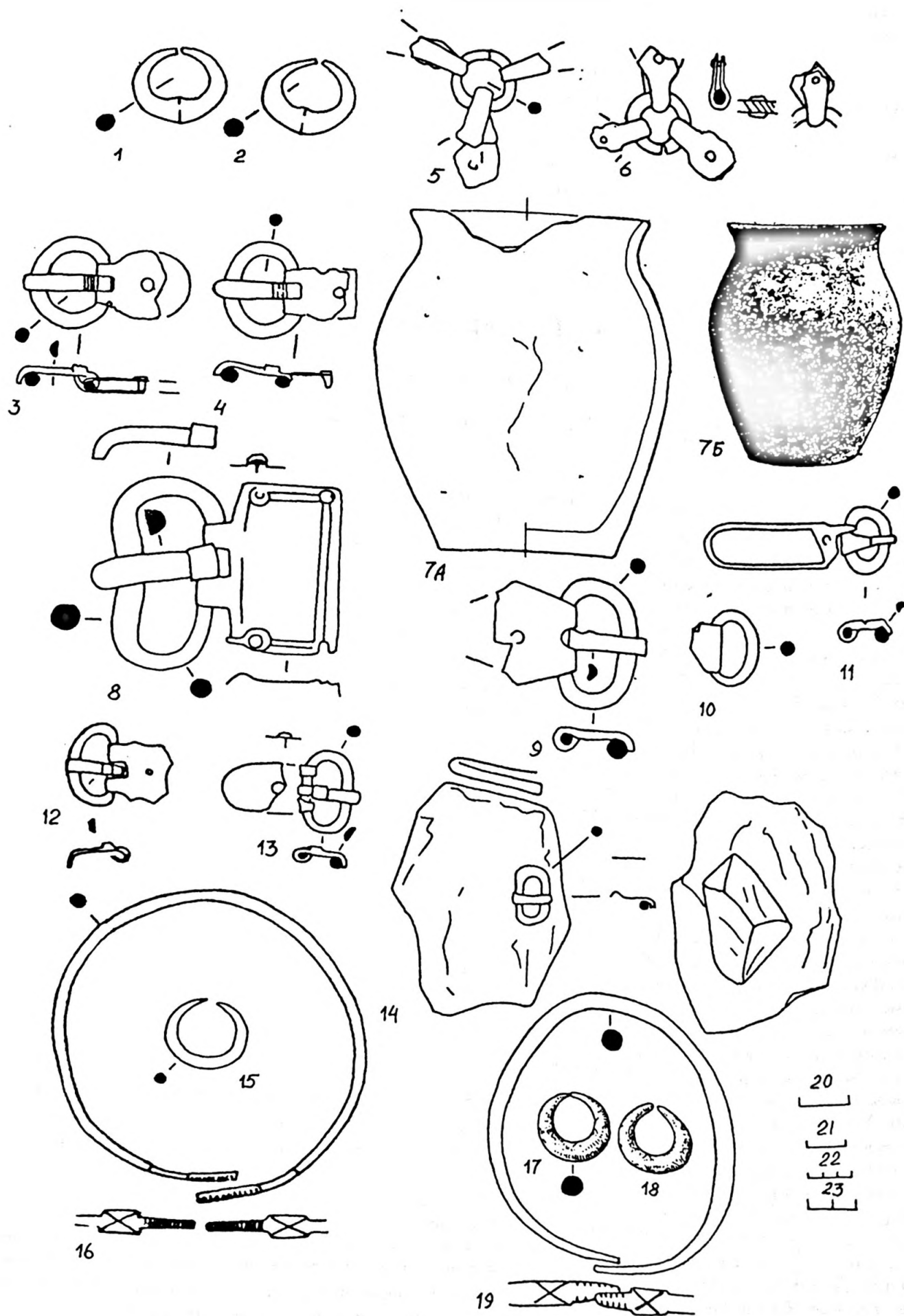

Рис. 2. Находки из Лихачевки и некоторые материалы из раннесредневековых труположений:

1—7 — погребение из кургана 6 у с. Лихачевка (1—2 — золото; 3—6 — бронза или плохое серебро; 7 — глиняный лепной горшок; а — рисунок автора; б — фотография И. А. Зарецкого); 8—14 — Животинный могильник, погребение 4 (8 — бронзовые рама и язычок, серебряная обойма; 9, 11 — серебро; 10 — бронза; 12—13 — бронза или плохое серебро; 14 — железная обойма, кремневый отщеп, серебряная пряжка); 15—16 — Животинный могильник, погребение 5 (оба предмета из бронзы); 17—19 — Танаис, погребение 253 (все предметы из бронзы);

20 — масштаб к позициям 1—6, 8—16; 21 — масштаб к позициям 17—19; 22 — масштаб к позиции 7Б; 23 — масштаб к позиции 7А

А. Г. Фурасьев

Истоки погребального обряда грунтовых могильников Подвинья середины I тыс. н. э.¹

На протяжении всего периода раннего железного века население значительной части территории северо-запада Русской равнины, как и ряда смежных областей, практиковало неизвестный и пока «неуловимый» обряд погребения. Первые достоверно зафиксированные захоронения и некрополи здесь, а также в Верхнем Поднепровье появляются не ранее IV—V вв. н. э. и представлены различными традициями — грунтовой и курганной, что говорит, вероятно, о разных источниках их формирования.

Проблема происхождения погребального обряда грунтовых могильников в регионе Смоленского Поднепровья и Подвинья специально пока никем не затрагивалась в научной литературе, хотя отдельные высказывания по данному вопросу делались различными авторами. Так, А. Г. Митрофанов, рассматривая проблему происхождения древностей V—VIII вв. Верхнего Поднепровья, связывал появление здесь новых культурных элементов, в том числе и грунтового обряда погребения, с расселением позднезарубинецких (киевских) племен [Митрофанов 1980: 107—108]. Этой же точки зрения придерживался и П. Н. Третьяков, считая обряд могильника Акатово в Смоленской области нехарактерным для местных племен и связанным с традициями населения Среднего Поднепровья [Третьяков 1966: 270]. Среднеднепровское происхождение этой обрядности, отмеченной в ареале культуры длинных курганов, или шире — на северо-западе Русской равнины, не вызывает сомнений у В. Я. Конецкого [Конецкий 1997: 222], Р. В. Терпиловского [Терпиловский 1999: 296] и Г. Цолль-Адамыковой [Цолль-Адамыкова 1999: 325—326].

Таким образом, тот факт, что на соседней территории Среднего Поднепровья и Подесенья грунтовые могильники были основным и практически единственным видом погребальных памятников на протяжении раннего железного века и раннего Средневековья (если не считать курганов кочевников), а известные ныне погребальные традиции середины I тыс. н. э. в других близлежащих областях значительно отличаются от них (всевозможные каменные могильники и могильники с оградками Прибалтики, «домики мертвых», восточнолитовские и мошинские курганы), определил наиболее вероятные и простые пути решения проблемы. Но для полного ее понимания необходимо сопоставление погребальных памятников двух указанных областей по конкретным деталям обряда, которое отсутствует в работах названных выше исследователей.

В этой работе мы опираемся на материалы трех давно известных и одного недавно исследованного грунтовых могильников с погребениями по обряду трупосождения на стороне. Все памятники опубликованы, что избавляет нас от необходимости их подробной характеристики.

Узмень. Усвятский р-н Псковской области. Раскопки Р. С. Минасяна в 1971—1972 гг. [Минасян 1979]. Могильник расположен в непосредственной близости от синхронного открытого поселения, на противоположном от него склоне небольшого холма. Изученная площадь составляет 872 кв. м. Всего обнаружено 34 погребения и 5 материковых ямок, наполненных углем без костей.

Все погребения помещены в материковые ямы круглой или овальной формы, диаметром в среднем около 20—35 см. Шесть захоронений — урновые, причем одно из них (погребение 1) было накрыто большим перевернутым сосудом. Семь погребений из 34 (что составляет около 20 %) содержат скудный сопроводительный инвентарь, остальные — безынвентарные. Десять погребений (32 %) наряду с углем содержат мелкие фрагменты лепной керамики, иногда со следами вторичного обжига. Только в четырех случаях (11 %) кальцинированные кости были очищены от следов костра, в остальных они залегают вперемешку с углем и золой. В одном погребении среди человеческих костей обнаружены кальцинированные кости какого-то животного.

Время функционирования могильника Узмень может быть определено на основании находки железной посоховидной булавы из проволоки прямоугольного сечения [Минасян 1979: рис. 6, 12], которая аналогична булавам позднего этапа киевской и днепро-двинской культур и могильников Эстонии первой половины I тыс. [Медведев 1995: 191,

¹ Расширенный вариант статьи см.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 36. 2003.

рис. 9: Терпиловский, Абашина 1992: 65, рис. 15, 22]. Кроме того, нельзя не учитывать и датировку материалов открытого поселения, несомненно, синхронного могильнику, определяемую как конец IV—V в. [Фурасьев 1997: 35]. Эти находки указывают возможную для могильника Узмень датировку — IV—V вв.

Акатово. Демидовский р-н Смоленской области. Раскопки Е. А. Шмидта в 1957—1960 гг. [Шмидт 1963]. Могильник расположен недалеко от синхронного городища на вершине песчаной дюны у берега Акатовского озера. На площади 526 кв. м зафиксировано 37 погребений, относящихся к третьей четверти I тыс. н. э.

Основная часть погребений Акатовского могильника представляет собой скопления кальцинированных костей с золой и углями, помещенные в материковые ямки диаметром 30—60 см. Урновых погребений обнаружено 15, что составляет 40 % от общего числа. Во всех случаях размеры ям несколько превышают диаметр стоящих в них сосудов. Урны помещены в нормальном положении, в трех случаях они накрыты перевернутым сосудом, в одном случае в ямке овальной формы стояли две урны с костями. Все погребения неочищенные, наличие среди костей мелких фрагментов керамики в публикации могильника не отмечено. Лишь три погребения содержат скудный сопроводительный инвентарь, частично поврежденный в огне [Шмидт 1963: 64—67, рис. 12].

Фролы. Невельский р-н Псковской области. Могильник был впервые обнаружен в 1996 г. на окраине синхронного селища и исследовался автором в течение 1996—1998 гг. [Фурасьев 2001].

Комплекс памятников занимает террасообразное возвышение на северном берегу оз. Сенница, высотой до 5 м над уровнем воды. Некрополь тяготеет к восточной, наиболее возвышенной части террасы. В раскопе площадью 288 кв. м обнаружено 21 погребение и несколько ямок, заполненных углистой супесью, но без костей. Погребения были вписаны в слабовыраженный культурный слой селища, непродолжительное время существовавшего не только на западной половине террасы, но и на восточной. Объекты погребального характера стратиграфически четко отделяются от поселенческих ям.

Практически все захоронения совершались в грунтовые ямки округлой, реже — овальной формы, диаметром в среднем 15—30 см. Лишь два погребения — № 8 и, предположительно № 18 — урновые. В первом случае сосуд с костями стоял в нормальном положении, во втором он разрушен. Два погребения поверхностные — № 10 (россыпь костей) и 15 (кучка костей в дерне). Десять погребений содержат сопроводительный инвентарь (в основном мелкие обломки пережженных бронзовых предметов, спиральки, колечки, глиняные пряслица), что составляет 48 % от общего числа захоронений. Четырнадцать погребений содержат мелкие фрагменты лепной керамики, часто со следами вторичного обжига, лежащие вперемешку с костями (66 %). Только в шести случаях кости очищены от следов погребального костра, в остальных погребениях содержат угли и золу (71 %). Как правило, кости очень мелкие, сильно пережженные, поэтому их объем в погребениях невелик, как невелики и размеры погребальных ямок.

Обращают на себя внимание и другие, менее характерные, но весьма показательные детали обряда. Размещение костей в мягких органических емкостях выразилось в сферической или, скорее, сгусткообразной форме скопления костей внутри ямки чуть больших размеров (погребения № 11, 13, 16). Вероятно также поэтапное помещение костей в ямы, что прослеживается в виде нескольких отдельных сгустков костей в одной ямке (погребения № 7 и 12). А наличие многочисленных очень мелких обломков бронзы, смешанных с угольками и костями (погребения № 4, 13, 17) можно объяснить непреднамеренным «сгребанием» остатков погребального сопроводительного инвентаря с костра. В двух случаях в погребениях отмечены кости животных (№ 18 — сырая кость и № 21 — пережженные крупные кости, в том числе зубы животного), в одном — очень крупные куски угля (№ 20).

Особо выделим погребения № 7 и 9. Погребение 7 — в яме диаметром 0,5 м, заполненной углистой супесью и мелкими обломками керамики. Кальцинированные кости залежали двумя сгустками в верхней части заполнения вперемешку с угольками, ниже — слабогумусированная супесь с обломками керамики и единичными косточками.

Погребение 9 — своего рода ритуальный комплекс, занимающий большую яму диаметром 0,9 м, с развалом придонной части крупного сосуда-приставки, столбовой ямой диаметром 20 см, то есть столбом на поверхности, и вертикально воткнутым рядом с ямой железным ножом, свидетельствующим о каких-то ритуальных действиях, вероятно, после совершения захоронения. Яма имеет стратифицированное заполнение. В верхней ее части располагалось незначительное количество сильно пережженных костей с углем. Ниже шла углистая масса без костей, затем — гумусированная супесь с миниатюрной стеклянной пронизкой и обломками керамики от нескольких сосудов, в том числе со следами вторичного обжига.

Пронизка из голубого полупрозрачного стекла в виде трубочки с перетяжкой на конце позволяет уточнить время возникновения могильника Фролы. Период бытования подобных изделий в Северном Причерноморье и Центральной Европе относится преимущественно к первым векам нашей эры, а в IV в. их производство, вероятно, прекращается [Алексеева 1978: 67, рис. 15; Stawiarska 1987: 30], хотя отдельные находки встречаются и в погребениях периода D [Tempelmann-Maczynska 1985: 39, tab. 8, taf. 3, 145, 147]. Но бусина могла попасть в погребение вместе с заполнением ямы культурным слоем более раннего селища, которое на данном участке существовало какое-то время на рубеже IV и V вв. [Фурасьев 2001a].

Для образца угля из погребения 20 получена радиоуглеродная дата 1820±100 лет тому назад (Ле-5429), при калибровке дающая интервал от 10 г. до н. э. по 430 г. н. э. Поэтому наиболее вероятное время возникновения могильника, с учетом датировки предшествующего слоя поселения, — не позднее первой половины V в., скорее всего рубеж IV и V вв. Наиболее вероятный период функционирования некрополя — V в.

Юрьевская Горка. Удомельский р-н Тверской области. Раскопки И. В. Ислановой в 1980-е гг. [Исланова 1997: 50—54]. Могильник занимает окраину синхронного открытого поселения у подножия городища. Исследовано около

600 кв. м и обнаружено 11 погребений, три из которых разрушены и реконструируются автором раскопок гипотетически [Исланова 1997: 51].

Все погребения безурновые, помещены в грунтовые ямы округлой формы, диаметром от 0,43 до 0,75 м. В четырех погребениях из восьми среди костей залежали обломки лепной керамики (50 %), в шести погребениях отмечено наличие угольков (75 %), в двух случаях кости, видимо, были очищены. Лишь три погребения содержали сопроводительный инвентарь (37 %). Два погребения — № 5 и 6 — имели стратифицированное заполнение: его верхняя часть содержала крупные куски обожженной глины, причем в первом случае это была плотная забутовка, в которую был воткнут наконечник дротика (возможно, следы того же ритуала, что и на погребении 9 во Фролах). Яма погребения 8 имела дно и стенки, обмазанные глиной, а кости были помещены в мягкую органическую емкость. Ямка погребения 7 была перекрыта сверху крупным валуном, а рядом находилась еще одна ямка — столбовая [Исланова 1997: 51—53], вероятно, от столба, отмечающего погребение, подобно погребению 9 во Фролах.

Могильник, как и весь комплекс памятников, датирован И. В. Ислановой широко в пределах VI—VIII вв. [Исланова 1997: 54].

Нельзя не согласиться с тем, что наиболее близки погребальным памятникам Подвинья, как в территориально-хронологическом, так и в культурном отношении, могильники киевской (затем колочинской) культуры. Следует отметить, однако, что такие основные его черты, как обряд трупосожжения на стороне с помещением костей вперемешку с углями и обломками керамики (в том числе вторично обожженными) в грунтовые ямы, имеют в первой половине I тыс. н. э. очень широкое распространение. Подобные захоронения характерны не только для киевской, но и для черняховской и пшеворской культур [Сымонович, Кравченко 1983: 49—51; Фурасев 2001а: 324]. Все они, как правило, безурновые и безынвентарные. И все-таки именно киевский погребальный обряд наиболее близок могильникам Подвинья как в основных чертах, так и в частности.

Располагаются могильники киевской и колочинской культур, как правило, в непосредственной близости от синхронных им поселений, как и некрополи Подвинья, часто на более возвышенном участке местности, неподалеку от водоема. Могильники Подвинья тяготеют к берегам озер, озерных протоков или небольших речек; некрополи Поднепровья занимают песчаные всхолмления в пойме и коренные берега рек [Терпиловский, Абашина 1992: 38].

Погребения киевской культуры в подавляющем большинстве безурновые, безынвентарные, содержат неочищенные кости, помещенные вместе с обломками керамики в грунтовые ямы диаметром в среднем от 0,35 до 1,2 м [Терпиловский, Абашина 1992: 39—42]. Ямки небольших размеров в Среднем Поднепровье и Подесенье встречаются реже, чем более крупные. Маленькие ямки диаметром до 0,5 м характерны для киевско-колочинских некрополей, расположенных на территории Белорусского Поднепровья [Поболь 1973: 227; Поболь 1974: 169—171; Терпиловский, Абашина 1992: 39—42].

Другие индивидуальные особенности погребального обряда могильников Подвинья также имеют аналогии на памятниках киевской культуры и рассматриваются там как культуруопределяющие: стратифицированное заполнение могильных ям, компактное расположение костей в ямке, наличие как сырых, так и пережженных костей животных, крупных кусков угля и вторично обожженной керамики [Терпиловский, Абашина 1992: 39—41, табл. 2; Щукин 1990: 119]. Ямки от столбов, отмечающих погребение на поверхности, как во Фролах и Юрьевской Горке, обнаружены на могильниках киевской культуры Кулига [Щукин 1990: 16, рис. 3] и Приоскольское-II [Обломский 1991: 208]. Ямы с углем, но без костей, как на могильниках Узмень и Фролы, часто фиксируются на киевских некрополях, где их связывают с ритуальными действиями [Терпиловский, Абашина 1992: 39]. Плотная забутовка могильной ямы, подобно двум погребениям Юрьевской Горки, отмечена на могильнике Казаровичи Среднего Поднепровья. Правда, там использована не просто обожженная глина, а многочисленные фрагменты лепной посуды [Максимов, Орлов 1974: 12].

При перерастании киевской культуры в колочинскую обряд существенно не меняется, но прослеживается явная тенденция к количественному преобладанию могильных ям небольших размеров (около 20—50 см в диаметре) и увеличению числа урновых и инвентарных погребений. Среди последних встречаются захоронения, аналогичные погребениям № 4, 13 и 17 могильника Фролы. Они содержат многочисленные мелкие пережженные остатки вещей, помещенные в погребальную яму, скорее всего, непреднамеренно, вместе с костями и углем [Липкинг 1974: 140—141, 147—151; Падин 1974: 132—135; Поболь 1974: 170].

Ниже приведена сравнительная таблица особенностей погребального ритуала могильников Подвинья и наиболее представительных «полей погребений» киевской и колочинской культур Поднепровья и Подесенья: Новый Быхов и Нижняя Тошица [Поболь 1974], Тайманово [Поболь 1973], Усох [Падин 1960; 1974], Княжинский и Лебяжинский [Липкинг 1974], Казаровичи, Новые Безрадицы, Приоскольское-2 [Терпиловский, Абашина 1992: табл. 2].

Из таблицы видно, что по показателям № 3—9 и 12 памятники Подвинья более тяготеют к киевско-колочинским могильникам Верхнего Поднепровья и колочинским древностям Подесенья, несколько отличаясь в этом от киевских захоронений Среднего Поднепровья относительно раннего периода. Однако, с последними их сближают признаки 10 и 11.

Таким образом, по основным характеристикам и по совокупности более мелких деталей погребального ритуала можно констатировать значительное сходство, практически тождество погребального обряда грунтовых могильников Подвинья, с одной стороны, и некрополей киевской и колочинской культуры Верхнего Поднепровья и Подесенья — с другой. Учитывая, что последние являются результатом развития одной погребальной традиции во времени, можно прийти к выводу, что и на памятниках северных территорий также прослеживается развитие той же киевской погребальной обрядности.

Таблица

Особенности погребального ритуала могильников Подвинья, Поднепровья, Подесенья

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Подвинье:													
Акатово	V—VII	37	27—74	60	92	100	?					+	
Узмень	IV—V	34	20—50	82	80	89	32				+	+	
Фролы	IV—V	21	15—90	95	52	71	66	+	+	+	+		+
Юр. Горка	VI—VII	8	43—75	100	63	75	50	+		+			
Верхнее Поднепровье:													
Н. Быхов	IV—VIII	41	15—180	93	68	71	30	+	+			+	+
Н. Тошица	V—VII	12	40—95	33	91	58	42					+	
Тайманово	IV—VIII	165	40—180	87	82	77	32					+	
Подесенье:													
Усох	VI—VII	18	40—70	87	67	100	33	+		+			+
Княжинский	VI—VII	22	30—95	18	73	36	+					+	
Лебяжинский	VI—VII	104	20—175	71	30	23	17		+		+	+	
Среднее Поднепровье:													
Казаровичи	II—III	15	60—160	100	87	73	93			+	+		+
Н. Безрадничи	III—IV	14	45—200	100	71	80	86			+	+		+
Приоскольское	III—IV	10	60—190	100	80	80	100			+	+		+

Номера признаков в таблице: 1 — дата памятника (века н. э.); 2 — количество погребений; 3 — предельные размеры могильных ям (см); 4 — безуровневые погребения (%); 5 — безынвентарные погребения (%); 6 — несочисленные погребения (%); 7 — погребения с мелкими обломками керамики (%); 8 — наличие погребений в мягких органических емкостях; 9 — наличие погребений с мелкими остатками пережженного инвентаря; 10 — наличие погребений со стратифицированным заполнением ям; 11 — наличие костей животных в погребении; 12 — наличие урновых погребений, накрытых перевернутым сосудом; 13 — наличие погребений с компактным залеганием костей в ямке.

Появление нового обряда погребения на территории Подвинья относится, вероятнее всего, ко времени около рубежа IV и V вв. Именно в этот период возникают могильники Фролы и Узмень. Их возникновение, на мой взгляд, можно связать с притоком нового населения, скорее всего из ареала верхнеднепровского варианта киевской культуры, которое впервые приносит сюда грунтовый обряд погребения с присущими ему некоторыми особенностями. В частности, погребения 7 и 9 могильника Фролы в больших ямах со стратифицированным заполнением имеют прямые аналогии только на киевских некрополях Поднепровья, что может указывать также и на раннюю дату могильника, так как на колочинских памятниках данный признак пока не отмечался. В пользу этого же свидетельствует наличие в некоторых погребениях Узмени и Фролов вторично обожженной керамики и крупных кусков угля, что может рассматриваться как хронологический признак могильников второй четверти I тыс. н. э. [Тихомиров 1990: 147].

Нужно заметить, что южные истоки прослеживаются и в материалах, в особенности в керамике, прилегающих к могильникам поселений. Керамический комплекс селищ Узмень и Фролы имеет целый ряд специфических особенностей, связанных с синхронными киевскими традициями Поднепровья поздней фазы развития [Фурасев 1997: 33—35; 2001a].

Литература

- Алексеева 1978: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12.
 Исланова 1997: Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
 Конечкий 1997: Конечкий В. Я. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород.
 Липкинг 1974: Липкинг Ю. А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье // РВД. Л.
 Максимов, Орлов 1974: Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева // РВД. Л.
 Медведев 1995: Медведев А. М. Посоховидные булавы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Мінск.
 Минасян 1979: Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды ГЭ. Т. XX.
 Митрофанов 1980: Митрофанов А. Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.—IX в. н. э.). // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
 Носов 1982: Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л.
 Обломский 1991: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы.
 Падин 1960: Падин В. А. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска // СА. № 3.

- Падин 1974: Падин В. А. Древности VI—VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска // РВД. Л.
- Поболь 1973: Поболь Л. Д. О новых археологических памятниках БССР в VI—IX вв. // Славяните и средиземноморският свят VI—IX век. София.
- Поболь 1974: Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // РВД. Л.
- Сымонович, Кравченко 1983: Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д1—22.
- Терпиловский, Абашина 1992: Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев.
- Терпиловський 1999: Терпиловський Р. В. Населення лісової зони Подніпров'я I тис. н. е. — балти чи слов'яни? // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів.
- Тихомиров 1990: Тихомиров Н. А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Третьяков 1966: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Фурасьев 1997: Фурасьев А. Г. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Гістарычна-Археалагічны зборнік. Вып. 11. Мінск.
- Фурасьев 2001: Фурасьев А. Г. Грунтовый могильник Фролы 2 — новый погребальный памятник середины I тыс. н. э. в Подвинье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь.
- Фурасьев 2001а: Фурасьев А. Г. Периодизация древностей середины—второй половины I тыс. н. э. на северном берегу оз. Сenniца // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь.
- Цолль-Адамікова 1999: Цолль-Адамікова Г. До питання про генезис слов'янського поховального обряду на початку раннього середньовіччя (VI—VII ст.) // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів.
- Шмидт 1963: Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. // МИА. № 108.
- Щукин 1990: Щукин М. Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Stawiarska T. 1987: Stawiarska T. Katalog paciorkow szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Wrocław.
- Tempelmann-Maczyńska M. 1985: Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein.

Древности третьей четверти I тыс. н. э. в Поднепровье и за его пределами

В. Е. Родинкова

Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов¹

Среди раннесредневековых древностей Восточной Европы, и в частности Поднепровья, известны своеобразные фибулы, украшенные рельефными изображениями птичьих голов по краю полукруглого щитка, которые в литературе традиционно рассматриваются как одна из разновидностей больших пальчатых фибул. В свое время на эту категорию украшений обратил внимание еще А. П. Калитинский [Калитинский 1928: 291, 292, табл. XXXVIII: 64—67]. Позже И. Вернер включил их как самостоятельный тип в группу славянских пальчатых фибул [Werner 1950: 161, 162, taf. 38: 17, 18; 40; 41: 45], а Б. А. Рыбаков опубликовал значительную часть известных к тому времени находок [Рыбаков 1953: рис. 9, 3, 5—7, 10, 4, 8, 9, 23, 10]. Но, к сожалению, за прошедшие с момента выхода в свет статей И. Вернера и Б. А. Рыбакова почти 50 лет изучение днепровских фибул с каймой из птичьих голов фактически не продвинулось вперед. Хотя ссылки на них, в частности на находки в датированных крымских комплексах и вкладах «древностей антов», фигурируют во многих работах, посвященных исследованию восточноевропейского раннего Средневековья [Амброз 1971: 114, табл. II: 25; Айбабин 1988; Айбабин 1990: 22, 23, рис. 2; Щеглова 1990: 169 и след.; Гавритухин 1996а: 65, 68, рис. 69; Гавритухин, Щеглова 1996: 53—57; Приходнюк 1998: 38, 56; и др.], а детальные описания практически всех таких украшений, найденных к середине 70-х гг, присутствуют в своде Г. Ф. Корзухиной [Корзухина 1996: 355 и след.], рассматриваются они лишь совместно с другими изделиями в составе группы днепровских пальчатых фибул. А. И. Айбабин, О. М. Приходнюк и некоторые другие исследователи считают фибулы с бордюром из птичьих голов отдельным типом застежек [Айбабин 1990: 22; Приходнюк 2000: 55], однако детальные типологические и классификационные схемы для них не разработаны, самостоятельному хронологическому и культурному анализу они не подвергались. Лишь И. О. Гавритухиным в совместном с И. Р. Ахмедовым своде «Фибулы Средней России» была предпринята попытка более детального изучения этих вещей в связи с находкой одной из них на могильнике Кузьминское около Рязани, но данная работа пока, к сожалению, остается неопубликованной. Ситуация, которая сложилась вокруг изучения фибул с каймой из птичьих головок, возможно, следует объяснять относительно небольшим, особенно на фоне прочих пальчатых фибул Поднепровья, числом находок, которые до недавнего времени были известны. Однако в последние годы в результате активных раскопок могильника Лучистое в Крыму, после публикации Трубчевскогоклада и появления новых материалов в Подунавье и в бассейне Днепра количество украшений рассматриваемой разновидности сильно увеличилось². На сегодня их известно около 50 экземпляров, что, очевидно, со-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00181а/Б).

² Некоторые из новых находок пока остаются неопубликованными. В связи с этим автор благодарит сотрудников Национального археологического музея в Варшаве за информацию о фибуле из коллекции И. А. Хойновского; Т. Вида за возможность ознакомиться с фибулой из Будакаласа; заведующего отделом археологии Харьковского Государственного исторического музея В. С. Аксенова за разрешение опубликовать шаблоны для изготовления разъемных глиняных литейных форм, хранящиеся в фондах музея; И. О. Гавритухина за возможность работать с рукописью свода «Фибулы Средней России».

ставляет достаточно большую группу материала, способную послужить базой для самостоятельного исследования. Анализ этих вещей посвящена настоящая работа.

Рассматриваемые украшения образуют тип фибул с каймой из птичьих голов в рамках группы славянских пальчатых (тип IID по И. Вернеру) или поствосточногерманских пальчатых (по И. О. Гавришину) фибул³. Тип разделяется на подтипы пятиглавых и семиглавых украшений, с изображением, соответственно, пяти и семи птичьих голов по краю полукруглого щитка изделия. В каждом из подтипов выделяются серии А и Б. Серия А как для пятиглавых, так и для семиглавых фибул объединяет достаточно разные экземпляры, для которых, тем не менее, характерен один общий признак: отчетливое, реалистическое, иногда даже подчеркнутое изображение клюющих друг друга в затылок птиц. Кроме того, украшения серии А обладают сравнительно большими размерами — 13,6—19,4 см в длину. Это находки из погребения 87 Суук-Су (рис. 1, 4, 5), Градижска, из Киевской губ. (рис. 1, 8) и с Пастырского городища⁴ (рис. 1, 6, 7) в подтипе семиглавых и из погребения 28 Суук-Су (рис. 1, 28), из состава Козиевского клада (рис. 1, 29), Смородино (рис. 1, 30) и коллекции И. А. Хойновского в подтипе пятиглавых. Специфический орнамент — ряды пирамидок — на головках двух последних изделий по мере накопления нового материала, возможно, послужит основой для выделения подобных застёжек в самостоятельный вариант. Парные фибулы из захоронения 7 склепа 36 в Лучистом (рис. 1, 2, 3), а также с Пастырского городища и из Хмельны (рис. 1, 23, 24) выглядят достаточно своеобразно даже на фоне разнородных украшений серии А. Выделяется из общей массы находок также экземпляр из Вестманланда (рис. 1, 1). Изображения птиц по краю полукруглого щитка данного изделия достаточно схематизированы, однако остальные детали и характер орнамента сближают его с семиглавыми фибулами серии А, особенно с парой застёжек из погребения 87 Суук-Су.

Дальнейшее разделение материала внутри серии А пока затруднено в связи с относительно небольшим количеством находок, однако следует отметить, что большая часть из перечисленных экземпляров образует пары либо практически тождественных, либо очень близких друг другу вещей (фибулы из погребения 87 Суук-Су, с Пастырского городища, из захоронения 7 склепа 36 в Лучистом, из Хмельны и с Пастырского городища, из погребения 28 Суук-Су и Козиевского клада).

Фибулы серии Б представляют дальнейшее развитие и, в конечном итоге, деградацию идеи изображения птичьих головок как элемента декора, когда клюющие друг друга в затылок птицы забываются и переосмысливаются просто как ажурная кайма вокруг одного из щитков застёжки. Уменьшаются в целом и размеры украшений, экземпляры, входящие в серию Б, имеют длину от 8,8 до 10,0 см (подтип пятиглавых) и от 9,4 до 14,8 см (подтип семиглавых).

Серия Б подтипа пятиглавых фибул с ажурной каймой на головке представлена вариантом Керчь, к которому относятся находки из Керчи (рис. 1, 31), из состава Козиевского клада (рис. 1, 32, 33) и захоронения 9 склепа 36 в Лучистом (рис. 1, 34). Для них характерны фигурные прорезы вокруг головок и орнамент из окружностей разных диаметров, которые покрывают большую часть лицевой поверхности изделия. Одна из козиевских застёжек (рис. 1, 36) и экземпляр из Среднего Поднепровья (рис. 1, 35) отличаются от украшений варианта Керчь, но в целом их принадлежность к серии Б подтипа пятиглавых фибул не вызывает сомнений. Экземпляры из Давидени (рис. 1, 27), Звонецкого (рис. 1, 25) и с Бельского городища (рис. 1, 26) следует пока, вероятно, определять только на уровне принадлежности к подтипу пятиглавых фибул. Нужно отметить, что в процессе типологического развития изменяется форма застёжек, украшенных пятью птичьими головами. Так, если ножки экземпляров серии А из Суук-Су, Козиевки, Смородино отлиты в форме вытянутых шестиугольников, то у фибул серии Б они имеют отчетливо выраженную трапециевидную, иногда даже треугольную форму, а их боковые выступы большей частью носят рудиментарный характер.

Серия Б подтипа семиглавых фибул разделяется на четыре варианта. Вариант Игрень включает находки из Игрени (рис. 1, 14), Балаклеи (рис. 1, 16) и бывшей Екатеринославской губ. (рис. 1, 15). Ножки этих застёжек отлиты в форме очень вытянутых, приближающихся к трапециям шестиугольников с крючковидными боковыми выступами возле дужки. Головки полукруглые, с фигурными прорезами вдоль края. Поверхность обоих щитков украшена небольшими ямками, дополненными гравировкой и циркульным орнаментом.

К варианту Пастырское относятся экземпляры с Пастырского городища (рис. 1, 17), из балки Верховат близ с. Волошское (рис. 1, 18), из Трубчевского клада (рис. 1, 19), из погребения 154 Суук-Су (рис. 1, 20), из захоронения 9 склепа 38 в Лучистом (рис. 1, 21) и из Ягала-Йеессу (рис. 1, 22). Отличительной особенностью этих фибул являются вогнутые боковые стороны ножек между средними и ближайшими к дужке парами выступов. При этом средние пары выступов расположены в месте несколько смещенного в сторону дужки наибольшего расширения щитка, отчего ножки имеют отчетливо выраженную шестиугольную форму. Головки полукруглые, по краю снабжены округлыми или близкими к округлым сквозными прорезами. Лицевая поверхность изделий украшена циркульным орнаментом.

Вариант Волошское объединяет экземпляры с поселения у с. Волошское (рис. 1, 37), из состава Трубчевского клада (рис. 1, 38, 39) и с о. Готланд (?) (рис. 1, 40). Ножки всех перечисленных фибул имеют удлиненную аморфную форму, боковые выступы рудиментированы, головки полукруглые с округлыми или близкими к округлым отверстиями вдоль края. Орнамент составлен из бессистемно расположенных окружностей с точкой в центре.

³ Список рассматриваемых вещей в алфавитном порядке с указанием литературы, в которой каждая из фибул упоминается, приведен в конце статьи.

⁴ Рисунок фибулы, весьма близкой пастырским экземплярам и фрагменту из Киевской губ., происходящей якобы из Суук-Су и хранящейся в ГИМе, приведен в статье А. П. Калитинского [Калитинский 1928: табл. XXXVIII: 65]. Позже это же изображение было перепубликовано И. Вернером [Werner 1950: taf. 40: 32]. Однако следует отметить, что в публикации материалов сууксинского могильника, осуществленной Н. И. Репниковым [Репников 1906; 1907], данных о находке, подобной фибуле, которая упомянута у А. П. Калитинского и И. Вернера, нет.

Вариант Майорка включает в себя всего три находки — из балки Майоровой (рис. 1, 41), из состава Козиевского клада (рис. 1, 42) и из погребения 7 могильника Кузьминское (рис. 1, 43). Форма их ножек — удлинённая, подчеркнута шестиугольная, с вогнутыми боковыми сторонами и сильно смещённым в сторону дужки наибольшим расширением — сближает эти изделия с экземплярами варианта Пастырское. В то же время фибулы из Майорки, Козиевки и Кузьминского демонстрируют, очевидно, финальную стадию эволюции данной категории украшений. Забывается, трансформируется уже не только суть основной идеи орнаментации птичьеголовых фибул, но и её форма: вдоль края полукруглых щитков экземпляров варианта Майорка можно видеть не 7, а 8 предельно схематизированных изображений птичьих голов. И головки, и ножки застёжек украшены орнаментом из вписанных друг в друга окружностей.

Кроме всех перечисленных украшений, в состав серии Б подтипа семиглавых входят ещё несколько фибул, каждая из которых, однако, достаточно специфична для того, чтобы быть отнесённой к какому-либо из выделенных вариантов. Это находка в Сухинах (рис. 1, 9), которую по характеру изображения головок птиц следует, вероятно, считать переходной от серии А к серии Б; фибула из состава Трубчевского клада (рис. 1, 10), очевидно, испорченная при отливке; фибула из погребения 439 в Будакалас, у которой не только вокруг головки, но и вместо двух пар боковых выступов на ножке отлиты схематизированные изображения птичьих голов, а также экземпляры из погребения 55 в Суук-Су (рис. 1, 12) и с Пастырского городища (рис. 1, 13). В этом ряду стоит и пара застёжек из погребения 172 могильника Мронгово (рис. 1, 11), обладающих несколько своеобразными пропорциями ножек, которые, как и экземпляр из Вестманланда, отличаются от остальных фибул рассматриваемого типа ещё и отсутствием центрального выступа на головке. Фибула из погребения 23 могильника Боки, также относящаяся к серии Б подтипа семиглавых, судя по опубликованному изображению, сближается с изделиями из Мронгово по форме и пропорциям ножки. находку из с. Литвинцы, как и одну из застёжек Трубчевского клада, пока можно определить лишь на уровне принадлежности к подтипу семиглавых фибул, а находку из захоронения 16 склепа 54 в Лучистом, изображение которой на сегодня, к сожалению, не опубликовано, — лишь на уровне принадлежности к типу фибул с каймой из птичьих голов.

Картографирование выделенных серий и вариантов застёжек позволяет наблюдать несколько неожиданную картину (рис. 2). Единичные экземпляры таких украшений известны в Подунавье, в Прибалтике и даже на Скандинавском полуострове. Однако подавляющее большинство их, в отличие от прочих больших днепровских пальчатых фибул, распространённых довольно равномерно на сравнительно большой территории, сконцентрированы всего в нескольких точках. В бассейне Днепра это Пастырское городище, Надпорожье и три находки в бывшем Каневском уезде, на Днепровском Левобережье — Козиевский клад, в Подесенье — Трубчевский клад, а в Крыму — два расположенных недалеко друг от друга раннесредневековых могильника — Суук-Су и Лучистое. Интересно при этом, что набор вариантов рассматриваемых вещей в каждой из этих точек специфичен и отличается от наборов в других точках, и это позволяет установить корреляцию между находками некоторых вариантов фибул и определёнными территориями. В частности, изделия варианта Игрень встречены лишь в Днепровском Надпорожье и прилегающем к нему регионе, варианта Пастырское — на Пастырском городище, в Надпорожье, в Трубчевском кладе, в Крыму и даже в Эстонии, варианта Волошское — в Надпорожье, в составе Трубчевского клада и на о. Готланд. По одному экземпляру фибул варианта Майорка происходит с территории днепровских порогов, из Козиевского клада и из бассейна Оки, а украшения варианта Керчь известны только в Крыму и в Козиевском кладе. Вообще застёжки с изображениями пяти птичьих головок найдены в основном в Крыму и на Днепровском Левобережье. Исключение составляют лишь парные вещи из Хмельны и с Пастырского, которые, на наш взгляд, можно отнести к типу фибул с каймой из птичьих голов лишь с оговоркой, а также находки из Звонецкого и Давидени, которые с трудом поддаются типологическому определению. Среди левобережных же экземпляров подавляющее большинство пятиглавых фибул происходит из Козиевского клада.

Приведённые наблюдения дают возможность наметить некоторые направления контактов населения, использовавшего в своём костюме фибулы с ажурной каймой по краю полукруглого щитка. Достаточно тесные связи существовали, очевидно, между племенами среднего течения Днепра и Днепровского Надпорожья и населением Крымского полуострова. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в крымских могильниках раннесредневекового периода встречаются пальчатые, антропоморфные фибулы и фибулы с каймой из птичьих голов днепровского облика, причем разнотипные экземпляры зачастую механически объединяются в пары в одном и том же погребении. Например, в захоронении 9 склепа 38 в Лучистом и в погребении 154/1 в Суук-Су фибулы с каймой варианта Пастырское, а в погребении 28 в Суук-Су — застёжка серии А подтипа пятиглавых встречены совместно с большими днепровскими пальчатыми фибулами. В погребении 55/1 Суук-Су фибула серии Б подтипа семиглавых, а в захоронении 16 склепа 54 в Лучистом фибула с каймой из птичьих голов составляли пары с малыми антропоморфными застёжками. Считается, что эти и другие подобные данные свидетельствуют о чужеродности днепровских, в частности птичьеголовых, фибул в Крыму, о том, что перемещение предметов материальной культуры, как и, по-видимому, её носителей, происходило с севера на юг, из Поднепровья, в котором рассматриваемые украшения автохтонны, на Крымский полуостров. Однако было движение и в обратном направлении, что, на наш взгляд, подтверждают материалы Козиевского клада. Для этого комплекса характерны фибулы варианта Керчь, встреченные также на могильнике Лучистое и в Керчи, причем один из козиевских экземпляров и керченская находка практически идентичны, у них совпадают даже мелкие детали формы и орнамента. Фибула серии А подтипа пятиглавых из Козиевки кажется упрощённой репликой застёжки из погребения 28 в Суук-Су. И если рассматриваемые крымские находки происходят с разных памятников, находящихся на различных территориях, то их днепровские аналоги сосредоточены в одном комплексе, в одном пункте. Объяснять это, вероятно, следует тем, что фибулы с пятью птичьими головами из Козиевки носят не местный, а привозной характер, и появились они или образцы, по которым их изготовили, на Днепровском Левобережье, скорее всего из Крыма.

В подтверждение гипотезы о связи Козиевского клада и его владельца с крымским регионом можно привести еще одно косвенное доказательство. В 1998 г. Р. С. Минсян на основе трасологического анализа пальчатых фибул «боспорского» или «керченского» типа, хранящихся в Эрмитаже, убедительно доказал существование на Боспоре в ранне-средневековое время технологии отливки таких украшений в разъемных глиняных двусторонних формах [Минсян 1998: 479—482, 486, 488]. Это исследование дает возможность по-новому взглянуть на один из предметов, входящих в состав Козиевского комплекса. Речь идет об изделии (рис. 1, 3б), отлитом из сплава светло-желтого цвета (предположительно латуни или бронзы с высоким содержанием олова), орнамент, форма и размеры которого (длина 8,7 см, ширина полукруглого щитка 4,3 см) позволяют определить его как фибулу серии Б подтипа пятиглавых. Однако значительная толщина (0,30—0,38 см), а следовательно, и достаточно большой вес отливки, так же как и отсутствие на ее оборотной стороне приспособления для крепления пружины иглы и иглоприемника, заставляют усомниться в том, что рассматриваемая вещь действительно является фибулой. В то же время отмеченные особенности получают удовлетворительное объяснение, если предположить, что перед нами — шаблон для производства глиняных разъемных литейных форм. В процессе высыхания глина подвергается усадке, вероятно поэтому, чтобы получить фибулу нормальной толщины, шаблон для изготовления глиняных форм нужно сделать массивнее. А для отливки иглоприемника и стоек для крепления пружины достаточно ножом или другим инструментом подходящего размера и толщины проделать углубление в глине той формы, по которой будет отливаться оборотная сторона фибулы. Такую же модель, длиной 17,80 см и толщиной 0,40—0,65 см, без иглоприемника и механизма крепления оси пружины, представляет собой и одна из вещей Новоодесского клада [Корзухина 1996: табл. 44, 2]. С ее помощью делали двусторонние формы для изготовления больших днепровских пальчатых фибул. К сожалению, нет возможности подвергнуть материалы Козиевского и Новоодесского кладов дополнительному исследованию, так как два описанных шаблона, которые в настоящий момент находятся в фондах Харьковского исторического музея, — одни из немногих дошедших до нас предметов из их состава. Судя по сохранившимся описаниям и рисункам, оба эти клада носили ярко выраженный ремесленный характер, и в таком контексте присутствие в них моделей для производства глиняных литейных форм удивления не вызывает. Станным кажется лишь, что эти уникальные вещи, изготовленные, по-видимому, из одного и того же сырья одним и тем же мастером, оказались в двух различных комплексах. С другой стороны, обращает на себя внимание, во-первых, совпадение находок кладов в Новой Одессе и Козиевке по времени — они были сделаны весной и летом 1920 г., а во-вторых, то, что данные населенные пункты в территориальном отношении расположены чрезвычайно близко друг к другу. Кроме того, известно, что первоначально с. Новая Одесса в качестве места находки клада в документах, посвященных этому вопросу, в частности в переписке А. С. Федоровского и А. А. Спицына, не упоминается [Корзухина 1996: 396, 397]. На основе всего сказанного можно предположить, что изначально материалы и Новоодесского, и Козиевского кладов составляли единый большой комплекс, который был разделен на части либо владельцем, либо, что более вероятно, находчиками, и это разделение впоследствии закрепилось в археологической литературе. В составе данного комплекса присутствуют уникальные ремесленные изделия, полные аналоги которым пока неизвестны и которые могут иметь отношение к существовавшему на Боспоре в раннем Средневековье технологическому процессу отливки украшений в глиняных двусторонних формах. По нашему мнению, это является дополнительным подтверждением сделанного ранее на основе анализа распространения фибул с каймой из пяти птичьих голов вывода о том, что по крайней мере часть материалов рассматриваемого клада имеет крымское происхождение или создана под влиянием крымских традиций. Сокровище из Козиевки—Новой Одессы могло принадлежать группе ремесленников или одному мастеру-ювелиру, выходцу с Крымского полуострова, искавшему новые рынки сбыта для своей продукции, или местному уроженцу, побывавшему в Крыму и пытавшемуся использовать в производстве новые технологические приемы и художественные образы. Таким образом, получает некоторое подтверждение идея А. Л. Якобсона о производстве во всяком случае отдельных разновидностей «днепровских» пальчатых фибул в Крыму или по крымским образцам [Якобсон 1958: 464, 465].

На северное направление контактов населения Среднего Поднепровья указывают материалы Трубчевского клада, в состав которого входят фибулы вариантов Пастырское и Волошское. В то время как на Днепре эти украшения встречаются на разных памятниках, в Подесенье они входят в состав одного комплекса, что, вероятно, по аналогии с Козиевским кладом и Крымом, свидетельствует о появлении их здесь из района Пастырского городища и Надпорожья, а не наоборот. Видимо, Трубчевский клад принадлежал ремесленнику-ювелиру, хорошо знакомому с набором женских украшений днепровской лесостепи.

Фибулы вариантов Пастырское и Волошское из Ягала-Ййессу и с о. Готланд (?) также являются, очевидно, импортами из бассейна Днепра. Их, как, возможно, и Трубчевский клад и даже некоторые из крымских застежек, следует рассматривать в контексте прочих находок, подтверждающих существование в эпоху раннего Средневековья торговых водных путей из Прибалтики в Черное море, в функционировании которых население Поднепровья должно было играть определенную роль. В то же время фибулы из Вестманланда и Мронгово, которые традиционно связываются с Днепровским регионом, занимают особое место в ряду прочих изделий рассматриваемого типа. Не исключено, что они, как и находки из Подунавья, из Давидени и Будакаласа, представляют параллельную линию развития украшений с каймой из птичьих голов и имеют с днепровскими экземплярами общий прототип или были созданы под их влиянием.

Прежде чем перейти к вопросу о датировке рассматриваемых изделий, необходимо отметить, что выделенные серии и варианты практически невозможно выстроить в хронологической последовательности. Судя по некоторым деталям орнамента, несколько раньше других появляются, кажется, крупные пяти- и семиглавые экземпляры серий А. Однако развитие типа происходит настолько стремительно, что поздние варианты Керчь, Волошское, Майорка входят в обращение в то время, когда фибулы серий А еще продолжают активно использоваться. Таким образом, более ранние

и более поздние в типологическом отношении разновидности птичеголовых застёжек в целом существуют синхронно и параллельно друг другу и, скорее всего, в течение достаточно небольшого отрезка времени. Об этом свидетельствуют совместные находки фибул вариантов Керчь и Майорка и серии А подтипа пятиглавых в Козиевском кладе и фибул варианта Керчь и серии А подтипа семиглавых в слое 2 склепа 36 в Лучистом. Чтобы определить абсолютное время существования днепровских фибул с каймой, следует обратиться прежде всего к датированным комплексам крымских погребений. Такие застёжки встречены здесь с днепровскими пальчатыми и антропоморфными фибулами, с малыми пряжками византийского круга, в частности, с пряжками с коробчатой петлей, крестообразными и типа Сиракузы, а также с орлиноголовыми пряжками III—IV вариантов по А. И. Айбабину (лишь в слое 3 склепа 38 в Лучистом, в котором зафиксировано захоронение с птичеголовой фибулой варианта Пастырское, найдена орлиноголовая пряжка II варианта по А. И. Айбабину [Айбабин 1988: 7, рис. 2]). А. К. Амброз относил существование всех перечисленных вещей в Суук-Су ко второй половине VII в., только для орлиноголовой пряжки со сравнительно коротким держателем кольца из погребения 28 этого могильника возможна более ранняя датировка [Амброз 1971: 114, 115, табл. II]. На хронологической шкале А. И. Айбабина днепровским пальчатым, антропоморфным фибулам и фибулам с каймой из птичьих голов, а также орлиноголовым пряжкам III—IV вариантов соответствуют в основном вторая и третья четверти VII в. Пряжки типа Сиракузы и с коробчатой петлей появляются в Крыму со второй четверти, а пряжки с крестообразным щитком — с третьей четверти VII в. Последней четвертью VII в. исследователь датирует только женское погребение 55/1 Суук-Су с фибулой серии Б подтипа семиглавых, малой антропоморфной фибулой, пряжкой с крестообразным щитком и несколькими фрагментами бронзовых пластинок, которые он интерпретирует как наконечники ремней перещепинского типа [Айбабин 1988: 7, 8, рис. 2; 1990: 22—26, 33, 34, 43, 44, рис. 2]. (Не вдаваясь в подробности, отметим в скобках, что соотнесение Перещепинского клада с концом VII в. нельзя считать общепринятым; некоторые исследователи датируют данный комплекс более ранним временем [Werner 1984: 17, 18, 38—43; Щеглова 1990: 179]). Не исключено, что несколько раньше прочих рассматриваемых погребений было совершено захоронение 7 в склепе 36 Лучистинского могильника, содержащее пару уникальных семиглавых застёжек серии А. В слое 2, которому принадлежит данный комплекс, хоронили умерших, по мнению А. И. Айбабина, с конца VI по начало второй половины VII в. [Айбабин 1990: 25]. Открытое в этом же слое погребение 9 с типологически поздней фибулой варианта Керчь следует, очевидно, связывать с финальным этапом его накопления. К анализу встречаемости вещей в комплексах могильников типа нижнего горизонта Суук-Су и к датирующим возможностям монет, известных в ряде погребений, еще раз обратился И. О. Гавритухин. Согласно его точке зрения, фаза 2б, а также фаза 3 существования южнокрымских материалов, для которой наряду с прочими украшениями характерны и днепровские пальчатые, птичеголовые и антропоморфные фибулы, относится к VII в, причем финал фазы 3 наступает не ранее середины VII в. или даже несколько позднее [Гавритухин 1996а: 65—68]. Таким образом, выводы исследователей, занимавшихся в последние годы изучением раннесредневековых древностей Юго-Западного Крыма, в части, касающейся датировки фибул с каймой из птичьих голов и вообще фибул так называемых днепровских типов, схожи: временем бытования этих вещей на полуострове следует, вероятно, в целом считать вторую—третью четверти VII в. Отметим, что крымские материалы, кажется, подтверждают предположение о несколько более раннем по сравнению с другими разновидностями застёжек этого типа появлении фибул серий А. Погребения 28 в Суук-Су и 7 в склепе 36 в Лучистом с такими фибулами А. К. Амброза и А. И. Айбабин относят к начальному этапу существования здесь нового набора женских украшений.

Помимо крымских погребальных комплексов, фибулы с ажурной каймой по краю полукруглого щитка входят в состав Козиевского и Трубчевского кладов, которые, как и Новоодесский клад, принадлежат к I группе кладов «древностей антов» по О. А. Щегловой. Время накопления этих комплексов, на наш взгляд, достаточно аргументированно определяется в рамках второй—третьей четверти VII в, а время попадания их в землю — в рамках второй половины—третьей четверти VII в. [Щеглова 1990: 179; Гавритухин 1996б: 92—95]. На поселении Давидени фибула с изображением пяти сильно схематизированных птичьих голов найдена в жилище 41. А из жилища 58, принадлежащего, вероятно, к этому же периоду существования памятника, происходит малая пальчатая фибула типа Сармизегетуса-Кишкереш или IG по И. Вернеру [Mitrea 1994—1995: 446, 447, fig. 1, 2]. Такие украшения в целом датируются в Восточной Европе VII в., исключая его начало ([Гавритухин 1991: 129, 130], там же прочая литература). Учитывая признаки деградации, заметные на экземпляре из Давидени, его, по-видимому, следует относить не к ранним этапам существования таких изделий. Фибула варианта Волошское, происходящая с одноименного поселения, зафиксирована в сопровождении других вещей в постройке пеньковской культуры. Дробная периодизация пеньковских древностей пока не разработана, однако их верхняя хронологическая граница вполне достоверно определяется по находкам на пеньковских памятниках кладов и отдельных украшений круга I группы «древностей антов». Предложенная для этих вещей в литературе относительно узкая датировка позволяет предположить, что большинство пеньковских поселений прекратили свое существование во второй половине—третьей четверти VII в. [Родинкова 1996: 126, 129, 160]. Значительное количество фибул с каймой из птичьих голов как типологически ранних, так и более поздних разновидностей связано с Пастырским городищем. Начало жизни на этом памятнике О. М. Приходнюк связывает со славянами, переселившимися сюда из дунайских провинций в последней четверти VII в., после 680 г., под давлением болгар во главе с ханом Аспарухом [Приходнюк 1996: 66, 67; Приходнюк 2000: 69]. В то же время, судя по присутствию керамики пастырского типа среди материалов ряда позднепеньковских поселений, жизнь на городище должна была начаться, когда днепровскую лесостепь еще населяли пеньковские племена, то есть, с нашей точки зрения, не позднее середины—третьей четверти VII в. При этом заключительный этап существования Пастырского городища и его гибель соотносятся с реалиями уже совершенно иной этнокультурной ситуации в Поднепровье и маркируютсякладами и отдельными находками вещей II группы «древностей антов», которые никак не связаны с украшениями предшествующей эпохи.

Рассмотрев основания датировки днепровских фибул с ажурной каймой из птичьих голов, следует заключить, что их бытование в бассейне Днепра, на Крымском полуострове, в Подунавье укладывается в хронологические рамки VII в., исключая, вероятно, его начало и конец, а может быть, и в более узкий временной отрезок, во вторую—третью четверти VII в. В Западной Европе сходные с исследуемыми в стилистическом отношении, украшенные рельефными изображениями головок птиц застёжки были широко распространены в течение достаточно длительного времени. Однако в литературе считается общепризнанным, что подобные украшения на западе выходят из употребления уже к концу VI в. На наш взгляд, этот факт не имеет принципиального значения при определении хронологии днепровских фибул с каймой, так как они обладают целым рядом существенных особенностей, не позволяющих связывать их непосредственно с западноевропейскими образцами [Корзухина. Рукопись: 408—428]. Возможно, существовало некое переходное звено между западными и восточными изделиями, которого мы пока не знаем и которое могло бы заполнить хронологическую лакуну между концом VI в. и второй четвертью VII в. Однако не исключено также, что восточноевропейские экземпляры являются самостоятельной линией развития птичеголовых фибул, хотя и имеют с западными общие корни. В таком случае известные на сегодняшний день фибулы с каймой днепровского типа представляют, очевидно, финальную стадию эволюции этой категории вещей. Более ранние этапы их развития, как и ближайшие прототипы, исходные образцы, на основе которых были созданы непосредственно рассматриваемые украшения, пока не выделяются. А. И. Айбабин, правда, предлагает считать подобным образцом застёжки из захоронения 7 склепа 36 в Лучистом (рис. 1, 2, 3) [Айбабин 1990: 24, 25], но, как было отмечено выше, эти находки весьма своеобразны по форме, стилю и характеру орнамента; пока, кажется, линия типологического развития, берущая начало от лучистинских фибул, в анализируемом материале не прослеживается. Тем не менее, некоторые экземпляры серии А, несомненно, являются попыткой подражания каким-то более ранним изделиям. Например, орнамент в виде цепочки на дужках вышеупомянутых фибул из Лучистого А. И. Айбабин рассматривает как декоративный элемент, типичный для гепидских украшений VI в. в Подунавье [Айбабин 1990: 24]. Такие же цепочки, только расположенные на шее у птиц, есть и на фибуле в погребении 28 Суук-Су. А парные застёжки из погребения 87 Суук-Су с сильно рудиментированными боковыми выступами на ножках воспроизводят, очевидно, образец с более выраженными выступами, на которых, к тому же, был нанесен циркулярный орнамент.

В результате анализа распространения фибул с каймой из птичьих головок создается впечатление, что в Восточной Европе существовало несколько независимых очагов, в которых был получен импульс к производству подобного рода украшений. Во всяком случае, большинство застёжек серий А, причем парами, зафиксировано в двух ограниченных в пространственном отношении зонах — в могильниках Суук-Су и Лучистое в Юго-Западном Крыму и в районе Пастырского городища. При современном состоянии изучения данной проблемы нельзя исключать возможность того, что изготовление фибул с рельефными изображениями голов птиц по краю полукруглого щитка на Крымском полуострове началось несколько раньше, чем в бассейне Днепра. На Пастырское городище их образцы или даже идея об их создании могли появиться как из Крыма, так и из какого-либо другого региона. Несомненно, однако, что в Поднепровье развитие этого типа вещей продолжилось самостоятельно, и местными мастерами был сконструирован целый ряд новых оригинальных вариантов птичеголовых застёжек, которые отсюда, в свою очередь, попали на Крымский полуостров, в Подесенье, в Прибалтику. Специфический орнамент в виде рельефных пирамидок, покрывающий головки фибул серии А подтипа пятиглавых из Смородино и из коллекции И. А. Хойновского, сближает их с такими находками, как пряжка с городища Демидовка, пряжка и пластина из Борковского могильника, обломок пластинки из Посудинчей и с некоторыми другими изделиями. Возможно, две рассматриваемые фибулы, как и прочие перечисленные вещи, имеют отношение к явлению, которое А. К. Амброз назвал верхнеднепровским очагом ювелирного искусства [Амброз 1970: 71, 73, 74, рис. 1, 2—4]. Однако в этом случае вряд ли стоит говорить о независимом возникновении принципиально новой разновидности женских украшений, как в Крыму или в Среднем Поднепровье. Скорее, ювелиры, отличавшиеся экземпляры из Смородино и коллекции И. А. Хойновского, просто соединили давно и хорошо известный им орнаментальный мотив с своеобразной формой фибул, распространившейся среди соседних племен к середине—третьей четверти VII в.

Подавляющее большинство фибул с каймой из птичьих голов днепровского типа связано с ареалом пеньковско-количинской археологической общности. Они вместе с большими пальчатыми фибулами и рядом других категорий украшений составляют в восточноевропейской лесостепи весьма устойчивый комплекс, очень яркий и самобытный, который считается сегодня одной из специфических черт материальной культуры известного по письменным источникам антского союза племен. Однако мода собственно на птичеголовые застёжки получила распространение не среди всего антского населения, а лишь среди небольшой его части, обитавшей в бассейне Среднего Днепра. Очевидно, Среднее Поднепровье и Днепровское Надпорожье, зона контактов между степью и лесостепью, которая в эпоху Великого переселения народов находилась на пути многочисленных группировок, продвигавшихся как на запад, так и на восток, постоянно испытывала на себе влияние различных этнических, культурных, ремесленных традиций. Знакомство местного населения с одной из таких инноваций и послужило, вероятно, начальным толчком к конструированию и производству своеобразных застёжек с ажурной каймой вокруг полукруглого щитка. Какие конкретные исторические события стоят за появлением в Восточной Европе этих вещей, какова была этническая принадлежность тех, кто принес сюда идею их создания, пока остается неясным. В результате анализа некоторых категорий вещей с Пастырского можно сделать вывод о том, что если не все обитатели городища, то, по крайней мере, их часть являлась выходцами из дунайских провинций [Приходнюк 1996: 69—77; Родинкова. В печати]. Кроме того, известно, что и крымские материалы, во всяком случае знаменитые орлиноголовые пряжки и другие изделия этого круга, также связываются с группами людей, переселявшимися на полуостров из Подунавья. В связи с этим в качестве рабочей гипотезы можно,

вероятно, выдвинуть предположение, что появление фибул с каймой из птичьих головок и в Поднепровье, и в Крыму каким-то образом связано с воздействием дунайских ремесленных традиций. При этом не следует забывать, однако, что, кроме находок из Давидени и Будакаласа, других изделий, сопоставимых с интересующими нас образцами на уровне прямых прототипов или близких аналогий, в бассейне Дуная пока нет.

В заключение хочется отметить, что что бы ни было причиной возникновения на Днестре в VII в. фибул, украшенных каймой из птичьих голов по краю полукруглого щитка, очевидно, тем не менее, что они, как и прочие большие пальчатые фибулы днепровской подгруппы, представляют собой сугубо местное явление, кратковременный, но чрезвычайно яркий феномен, отражающий одну из сторон материальной и духовной культуры славян в конце эпохи Великого переселения народов. И изучая этот феномен, мы фактически изучаем определенный срез крупнейшего раннеславянского сообщества, сумевшего в период своего расцвета оказать достаточно сильное влияние на большинство регионов раннесредневековой Восточной Европы.

Находки фибул с каймой из птичьих голов днепровского типа

- Балаклея. Погребение. Фибула с каймой из птичьих голов (рис. 1, 16) найдена вместе с пальчатой фибулой с кружковым орнаментом. [Werner 1950: 162, № 40, taf. 40, 40; Рыбаков 1953: рис. 9, 3; Корзухина 1996: 374, № 68: 2, табл. 23, 2]
- Бельское городище. Культурный слой раннесредневекового времени. Фрагмент (рис. 1, 26). [Шрамко 1980: рис. 3, 9, 4, 1; Приходнюк 1998: рис. 63, 1]
- Боки. Могильник. Погребение 23, впускное. [Sedov 1994: 129, 2 pav. 1; Седов 1994: 73, 74]
- Будакалас. Могильник. Погребение 439.
- Верхолат, балка у с. Волошское. Случайная находка (рис. 1, 18). [Рыбаков 1953: рис. 10, 9; Корзухина 1996: 422, № 141, табл. 109, 3]
- Вестманланд (?) (рис. 1, 1). [Werner 1950: 160, № 18, taf. 38, 18; Корзухина 1996: 414, № 103, табл. 96, 2]
- Волошское. Поселение. Постройка 2 (рис. 1, 37). [Корзухина 1996: 421, № 140: 2, табл. 109, 4; Приходнюк 1998: рис. 18, 11]
- Остров Готланд (?) (рис. 1, 40). [Werner 1950: 161, № 37, taf. 40, 37; Корзухина 1996: 414, № 104, табл. 96, 1]
- Градижск. Случайная находка. [Информация о фибуле хранится в Научном архиве Центра археологии Полтавской обл., ф. 2В/3, спр. 61]
- Давидени. Поселение. Жилище 41 (рис. 1, 27). [Mitrea 1994—1995: 445, 446, fig. 1, 1]
- Екатеринославская губ. Случайная находка (рис. 1, 15). [Werner 1950: 161, № 33а; Корзухина 1996: 421, № 138, табл. 109, 1]
- Звонецкое (рис. 1, 25). [Приходнюк 1998: рис. 73, 2]
- Игрень (?). Случайная находка (рис. 1, 14). [Корзухина 1996: 421, № 134: 4, табл. 109, 2]
- Керчь (рис. 1, 31). [Айбабин 1990: 23, рис. 18, 3]
- Киевская губ. Случайная находка. Фрагмент (рис. 1, 8). [Werner 1950: 161, № 34, taf. 40, 34; Корзухина 1996: 411, № 102, 18, табл. 83, 4]
- Козиевка. Клад. Шесть экземпляров, в том числе три идентичных (рис. 1, 29, 32, 33, 36, 42). [Корзухина 1996: 397, № 81, 2—7, табл. 47, 2, 3; 48, 1—4]
- Коллекция И. А. Хойновского. Место находки неизвестно.
- Кузьминское. Могильник. Погребение 7 (рис. 1, 43). [Калитинский 1928: табл. XXXVIII, 66; Werner 1950: 161, № 38, taf. 40, 38; Корзухина 1996: 418, № 124, табл. 107, 4]
- Литвинцы. [Корзухина 1996: 355, № 16, 2, табл. 94, 3]
- Лучистое. Могильник. Склеп 36, захоронение 7. Пара (рис. 1, 2, 3). Склеп 36, захоронение 9 (рис. 1, 34). Склеп 38, захоронение 9 (рис. 1, 21). Склеп 54, захоронение 16. [Айбабин 1988: рис. 1, 7; 2; 1990: 22, 24, 25, рис. 17, 4, 21, 1, 2]
- Майорова, балка у с. Волошское. Случайная находка (?) (рис. 1, 41). [Корзухина 1996: 421, № 140, 4, табл. 109, 5; Приходнюк 1998: рис. 73, 1]
- Мронгово. Могильник. Погребение 172. Пара (рис. 1, 11). [Werner 1950: 161, № 36, taf. 40, 36; Kühn 1981: 57, № 9, taf. 2, 9; Корзухина 1996: 415, № 113, 7, табл. 96, 3]
- Пастырское городище. Пять экземпляров. Случайные находки (рис. 1, 6, 7, 13, 17, 23). [Калитинский 1928: табл. XXXVIII, 67; Werner 1950: 161, 162, № 33, 39, 45, taf. 40, 33, 39; 41, 45; Рыбаков 1953: рис. 9, 5, 6, 7; 23, 10; Корзухина 1996: 380, № 73, 47, 50—53, табл. 29, 1—3; 30, 2, 3; Приходнюк 1996: рис. 4, 10—12]
- Смордино. Могильник (?). Фрагмент (рис. 1, 30). [Рыбаков 1953: рис. 10, 4; Корзухина 1996: 402, № 83, 1, табл. 60, 3]
- Среднее Поднепровье. Случайная находка (рис. 1, 35). [Werner 1950: 162, № 41, taf. 40, 41; Корзухина 1996: 411, № 102, 19, табл. 82, 7]
- Суук-Су. Могильник. Погребение 28, фибула с каймой из птичьих голов (рис. 1, 28) найдена совместно с пальчатой фибулой с кружковым орнаментом. Погребение 55, фибула с каймой из птичьих голов (рис. 1, 12) найдена совместно с малой зооморфной фибулой. Погребение 87. Пара (рис. 1, 4, 5). Погребение 154, фибула с каймой из птичьих голов (рис. 1, 20) найдена совместно с пальчатой фибулой с кружковым орнаментом. [Репников 1906: 8, 9, 15, 25, 26, 62, рис. 3, табл. VI, 3, 6; VII, 1; Репников 1907: 117, 140, табл. XIII(I), 6; Калитинский 1928, табл. XXXVIII, 64; Werner 1950: 160, 161, № 17, 31, 35, 36а, taf. 38, 17; 40, 31, 35; Рыбаков 1953: рис. 10, 8; Айбабин 1990: рис. 18, 4, 5; Корзухина 1996: 424, № 150, 16, 26, 4а, 4б, 6б, табл. 111, 1, 4, 6; 112, 3, 4]
- Сухины. Случайная находка (рис. 1, 9). [Корзухина 1996: 368, № 34, табл. 83, 2]
- Трубчевск. Клад. Пять экземпляров, в том числе одна пара (рис. 1, 10, 19, 38, 39). [Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 95, № 4780/138, 142, 144—146, рис. 1, 2; 2, 4; 4]
- Хмельна. Случайная находка (рис. 1, 24). [Корзухина 1996: 357, № 21, 4, табл. 82, 2]
- Ягала-Йыессу. Городище (рис. 1, 22). [Корзухина 1996: 414, № 105, табл. 96, 4]

Литература

- Айбабин 1988*: Айбабин А. И. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев.
- Айбабин 1990*: Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.
- Амброз 1970*: Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // МИА. № 176.
- Амброз 1971*: Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. № 2.
- Гавритухин 1991*: Гавритухин И. О. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Гавритухин 1996а*: Гавритухин И. О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий. Крым // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин 1996б*: Гавритухин И. О. Синхронизация хронологических колонок и место в этой системе днепровских кладов I-й группы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин, Щеглова 1996*: Гавритухин И. О., Щеглова О. А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Калитинский 1928*: Калитинский А. П. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. Т. II. Прага.
- Корзухина*: Корзухина Г. Ф. Среднее Поднепровье во второй половине VI—начале VIII в. Рукопись неопубликованного свода. — РА ИИМК. Ф. № 77.
- Корзухина 1996*: Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (Каталог памятников) // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь.
- Минасян 1998*: Минасян Р. С. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
- Приходнюк 1996*: Приходнюк О. М. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.
- Приходнюк 1998*: Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж.
- Приходнюк 2000*: Приходнюк О. М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.
- Приходнюк, Падин, Тихонов 1996*: Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.
- Репников 1906*: Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. I // ИАК. Вып. 19. СПб.
- Репников 1907*: Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. II // ЗООИД. Вып. XXVII. Одесса.
- Родинкова 1996*: Родинкова В. Е. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Родинкова*: Родинкова В. Е. Малые пальчатые фибулы Поднепровья. В печати.
- Рыбаков 1953*: Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. XVII.
- Седов 1994*: Седов В. В. Очерки по археологии славян. М.
- Шрамко 1980*: Шрамко Б. А. Ранньосередньовічне поселення в Більску // Археологія. Вип. 35.
- Щеглова 1990*: Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья. Курск.
- Якобсон 1958*: Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85.
- Kühn 1981*: Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Graz.
- Mitrea 1994—1995*: Mitrea I. Deux fibules «digitées» trouvées sur le site de Davideni, dép. de Neamț (VI—VII siècles) // Dacia. T. XXXVIII—XXXIX.
- Sedov 1994*: Sedov V. Venedai-vendai kuršiu žemeje // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. II. Klaipeda.
- Werner 1950*: Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz.
- Werner 1984*: Werner J. Der Grobfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München.

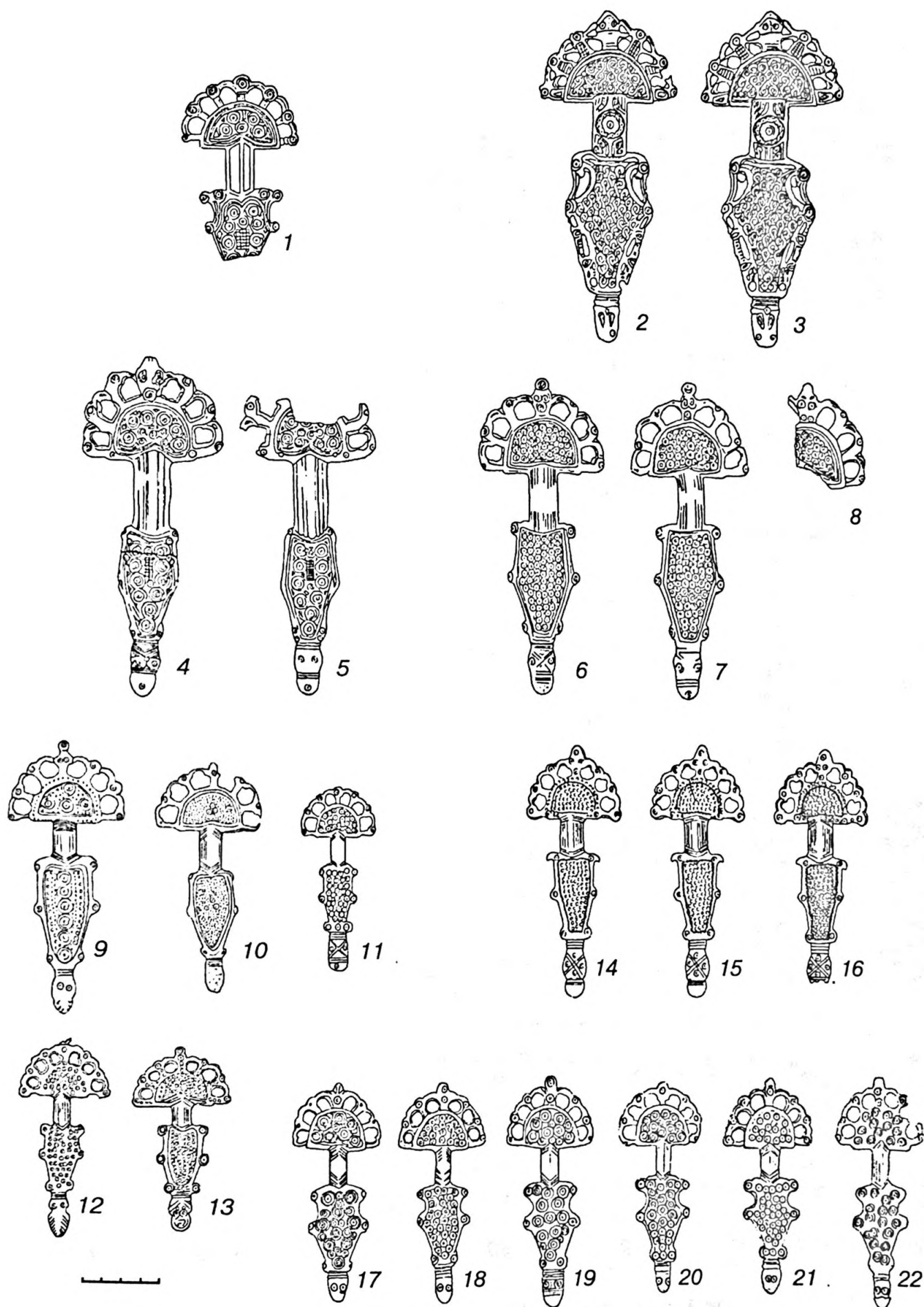

Рис. 1. Фибулы с каймой из птичьих голов:

1 — Вестманланд; 2, 3, 21 — Лучистое (2, 3 — склеп 36, захоронение 7, слой 2; 21 — склеп 38, захоронение 9, слой 3); 4, 5, 12, 20 — Суук-Су (4, 5 — погребение 87; 12 — погребение 55; 20 — погребение 154); 6, 7, 13, 17 — Пастырское городище; 8 — Киевская губ.; 9 — Сухины; 10, 19 — Трубчевск; 11 — Мронгово, погр. 172; 14 — Игренъ; 15 — Екатеринославская губ.; 16 — Балаклея; 18 — балка Верховлат; 22 — Ягала-Йиессу

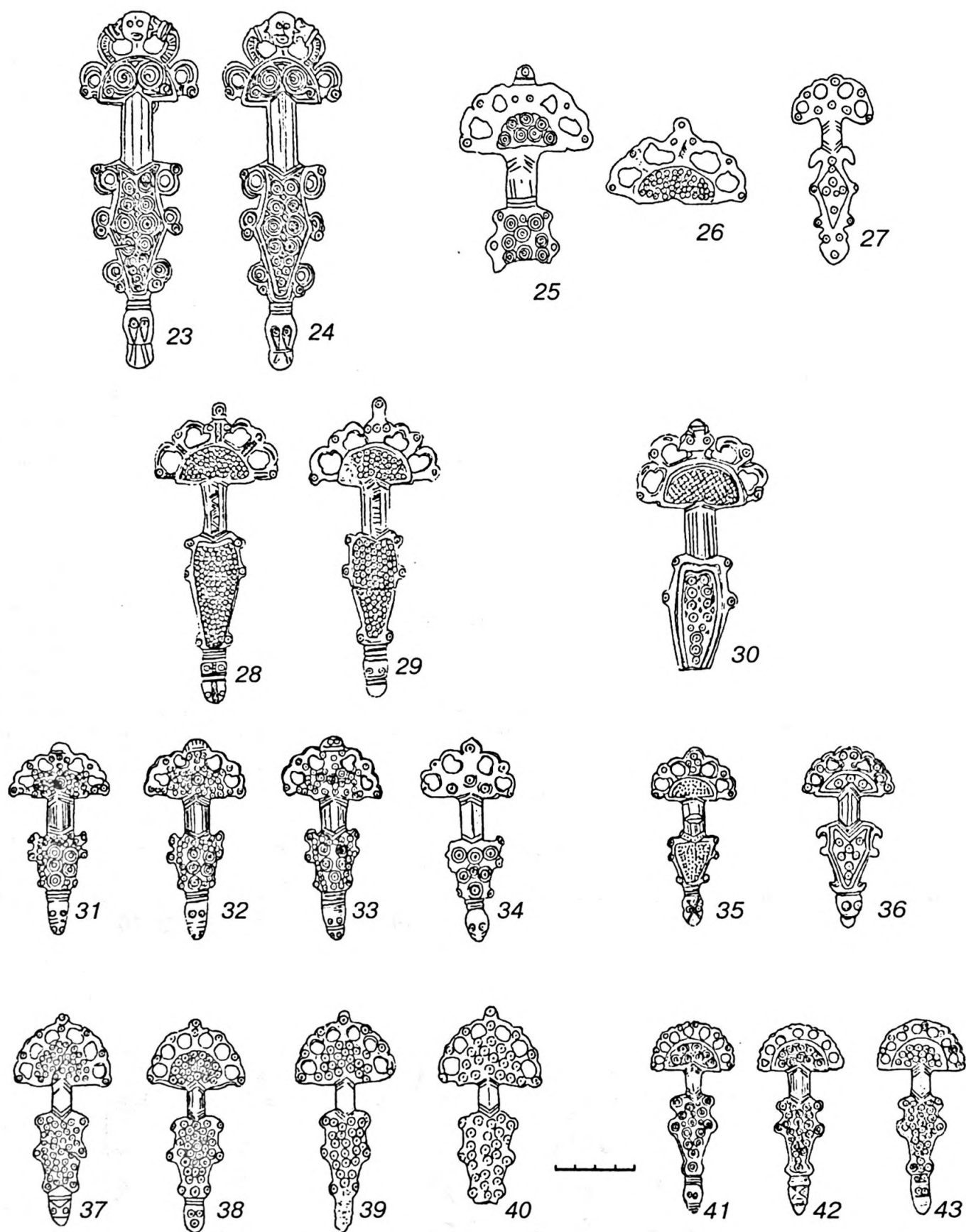

Рис. 1. Фибулы с каймой из птичьих голов (продолжение):

23 — Пастырское городище; 24 — Хмельна; 25 — Звонецкое; 26 — Бельск; 27 — Давидени; 28 — Суук-Су, погребение 28; 29, 32, 33, 36, 42 — Козиевка; 30 — Смородино; 31 — Керчь; 34 — Лучистое, склеп 36, захоронение 9, слой 2; 35 — Среднее Поднепровье; 37 — Волошское; 38, 39 — Трубчевск; 40 — о. Готланд (?); 41 — балка Майоровая; 43 — Кузьминское

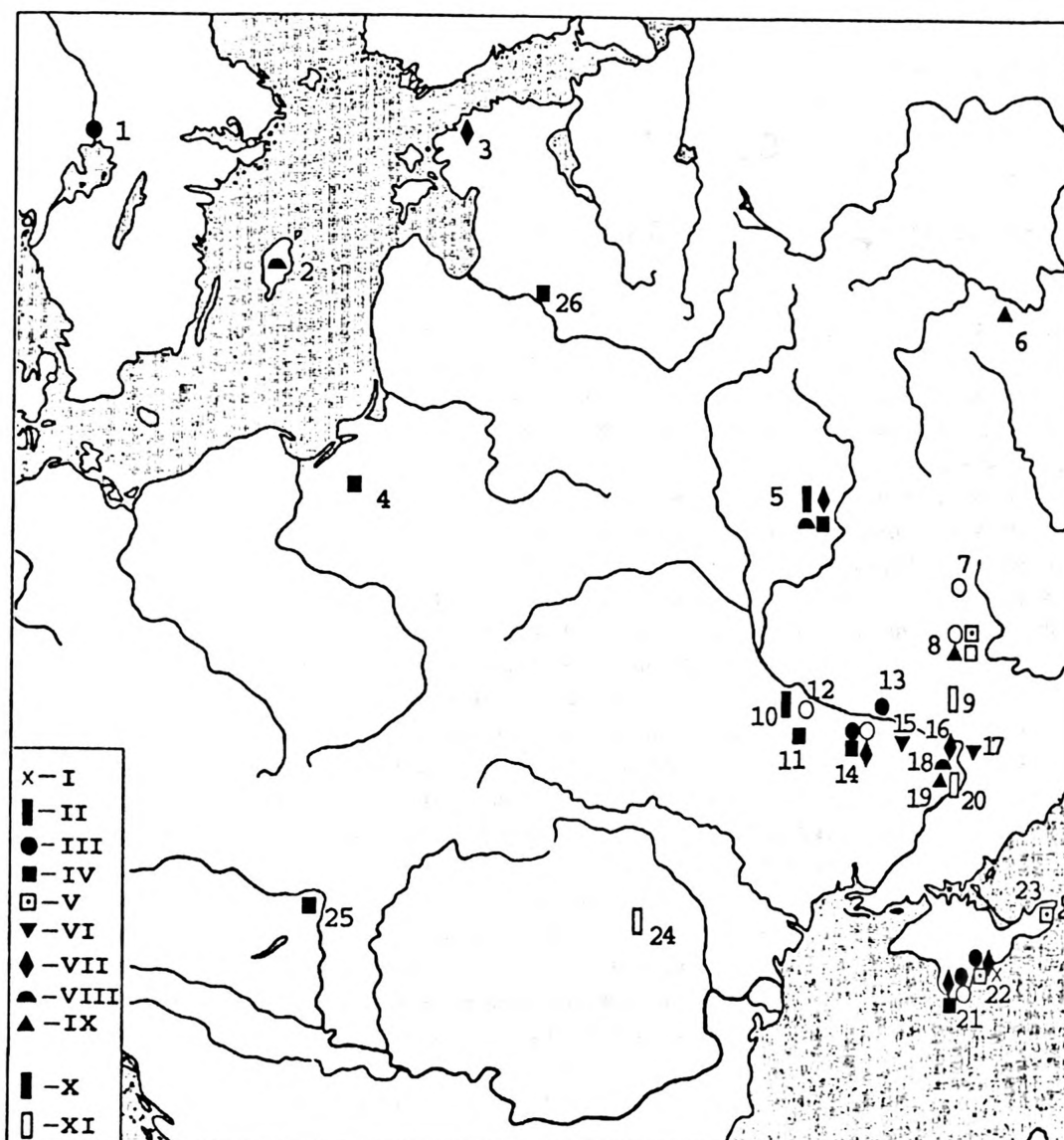

Рис. 2. Распространение фибул с каймой из птичьих голов:

I — фибула определяется на уровне типа; II — фибула определяется на уровне подтипа; III — серия A; IV — фибула определяется на уровне серии B; V — вариант Керчь; VI — вариант Балаклея; VII — вариант Пастырское; VIII — вариант Волошское; IX — вариант Майорка; X — фибула подтипа семиглавых; XI — фибула подтипа пятиглавых;

1 — Вестманланд; 2 — о. Готланд; 3 — Ягала-Йыессу; 4 — Мронгово; 5 — Трубчевск; 6 — Кузьминское; 7 — Смородино; 8 — Козиевка; 9 — Бельск; 10 — Литвинцы; 11 — Сухины; 12 — Хмельна; 13 — Градижск; 14 — Пастырское; 15 — Балаклея; 16 — балка Верховат; 17 — Игрень; 18 — Волошское; 19 — балка Майорова; 20 — Звонецкое; 21 — Суук-Су; 22 — Лучистое; 23 — Керчь; 24 — Давидени; 25 — Будакалас; 26 — Боки

Е. А. Шаблавина

Пальчатая фибула из коллекции Е. А. Горюнова

Среди всех вещей, входящих в коллекцию Е. А. Горюнова, наиболее любопытной представляется пальчатая фибула, которая сейчас хранится в ИИМК РАН (рис. 1, 2). Изображение этого предмета опубликовано на обложке монографии Е. А. Горюнова «Ранние этапы истории славян Днепровско Левобережья», известного широкому кругу специалистов, занимающихся славянской проблематикой [Горюнов 1981], ее фотографии напечатаны во французских изданиях М. Kazanski «Les Slaves» и «Le Grand atlas de l'archéologie» [Kazanski 1999]. Однако отсутствие во всех этих работах подробного анализа фибулы позволяет ее изучить с морфологической и трасологической позиций.

Данная фибула является случайной находкой, происходящей с территории Днепровского Левобережья Харьковской области. Она выполнена из сплава меди. Ее длина — 14,0 см, ширина головного щитка — 3,9 см, высота — 2,5 см.

С точки зрения морфологии, это пальчатая фибула с полукруглым головным щитком и пятью лучами-пальцами, в основании которых проходит одна бороздка, а у центрального отростка — две бороздки. Ножка треугольная, имеющая две пары боковых выступов и заканчивающаяся стилизованным изображением головы животного. Дужка не сильно выгнута и украшена продольными и косыми линиями. Лучи-пальцы, головной щиток и ножка декорированы кружковым орнаментом. На оборотной стороне находится устройство застёжки, состоящее из двух стоек и иглоприемника. По типологии Й. Вернера, данный предмет относится к днепровскому типу фибул [Werner 1950].

Трасологическое изучение вещи показало, что лицевая сторона отливки была зачищена. Орнамент литой и затем дополнительно обработанный различного рода острями, возможно циркулем и штихелями, что подтверждают заусенцы и концентрические круги на краях и стенках кружков (рис. 3). Линейный орнамент на дужке и на конце ножки прочеканивался, об этом свидетельствуют жесткие следы в виде вертикальных полос. На литейной поверхности прослеживаются два вида кружков — большие и маленькие. Они были выполнены по восковой модели металлическими или деревянными пунсонами, которые на концах имели негатив рельефного кружка. Данное предположение подтверждается рядом аргументов. Во-первых, все большие и маленькие кружки имеют одинаковые размеры (рис. 3). Во-вторых, при нанесении кружкового орнамента пунсоном на лицевую сторону восковой модели фибулы с оборотной стороны остаются следы в виде круглых бугорков (рис. 4). Наконец, в-третьих, если бы орнамент был нанесен чеканом после отливки на лицевую поверхность, то с оборотной стороны также появились бы выпуклости, но иного характера. Бугорки были бы расплющены и имели бы жесткий след от соприкосновения с наковальней, на которой производилась чеканка изделия.

Оборотная сторона фибулы не обработана, и по всей литейной поверхности хорошо читаются наросты от микротрещин глиняной формы (рис. 4). В стойках изделия сохранился сердечник из железной проволоки. При внимательном трасологическом обследовании данной пальчатой фибулы была выявлена существенная интересная деталь. На оборотной стороне вещи по ножке проходят три рельефных стержня в виде трезубца (рис. 2, 4). Подобного рода элементы, наличествующие на других фибулах, отмечены в архивных материалах Г. Ф. Корзухиной, которая обозначила их как «вертикальные выпуклые жилки» [Корзухина 1950: ф. 77, д. 145, л. 466]. Природа образования этих жгутиков пока не объяснена. В связи со сложившейся ситуацией появилась цель собрать подобные пальчатые фибулы, имеющие данную деталь и, проанализировав их по морфологическим и трасологическим признакам, реконструировать технику изготовления фибул на основании полученной информации.

Аналогичные пальчатой фибуле из коллекции Е. А. Горюнова изделия уже находили в ареале так называемых «антских» кладов, но случайно или очень редко в погребениях. Этот материал и образует группу фибул Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья. Данные украшения изготовлены из сплавов меди. Они отличаются от европейских («Bügefibulen») и боспорских пальчатых фибул, изготовленных в основном из серебра, имеющих небольшие размеры (длина 9—11 см), яркую орнаментацию и вставки из драгоценных камней или стекла. Поднепровские фибулы — массивные, более крупные (длина 12—19 см), имеют незамысловатый узор, чаще всего выполнены из латуни достаточно простыми техническими операциями.

На данном этапе изучения были использованы пальчатые фибулы из коллекций Эрмитажа, ИИМК РАН, Курского областного государственного музея археологии, Курского областного краеведческого музея, Харьковского исторического музея и тех данных, какие известны по публикациям. Сразу хотелось бы отметить, что среди вещей были поми-

мо одиночных, и парные пальчатые фибулы. При подробном анализе их морфологическо-трассологических особенностей выделяется целый комплекс следов, отображающих этапы процесса изготовления вещи и ремонта. Во-первых, все пальчатые фибулы Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья — цельнолитые изделия. Во-вторых, литейная поверхность на лицевой стороне каждого предмета, без исключения, зачищена, о чем свидетельствуют следы от скобления в виде продольных полос между лучами-пальцами. Литники обрублены, литейные боковые швы удалены. Спиральный и линейный орнамент фибул после отливки прочеканивались, так как на декоре остаются жесткие неглубокие следы в виде вертикальных полос и заусенцы на их краях. У многих кружков внешнее кольцо тоже прочерчивалось после литья, возможно циркулем, доказательством чего являются концентрические следы на стенках колечек. В-третьих, внешняя литейная поверхность оборотных сторон изделий сплошь покрыта наростами, выщербинами, а местами и обломом от микротрещин, образовавшихся при высыхании и обжиге глиняных форм, а также при остывании металла. Отверстия в стойках просверливались, так как на стенках находится концентрическая резьба и острые неровные края. В-четвертых, многие изделия с оборотной стороны имеют приподнятые стенки и выемки на пальцах, дужках и окончаниях ножек. Данное обстоятельство объясняется тем, что восковые модели для фибул делались на выплеск. Поэтому, когда при остывании поверхности воск давал усадку, модель приобретала ваннообразную форму. Кроме того, на большинстве фибул прослеживаются рельефные продольные борозды, которые образовались от заглаживания и выравнивания поверхности восковой модели перед нанесением орнамента. В-пятых, пружины и иглы для украшений были выполнены из железной проволоки, о чем свидетельствуют пятна и потеки корродированного железа около стоек и приемников-иглодержателей, а иногда и сохранившийся ржавый сердечник. И наконец, у рассмотренных пальчатых фибул на оборотных сторонах по ножкам, а у некоторых и по пальцам, проходят выпуклые продольные стержни или «вертикальные жилки», по Г. Ф. Корзухиной, а иными словами — ребра жесткости. Данная конструктивная деталь придает дополнительную прочность и жесткость изделиям по их основным осевым линиям. Это положение подтверждается тем, что все ребра жесткости проходят строго по центру ножек, а иногда и радиально по середине пальцев головных щитков, тем самым защищая украшения и их восковые модели от различного рода деформаций на промежуточном этапе изготовления вещей.

На основании комплекса следов, выявленного при изучении пальчатых фибул Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, можно реконструировать весь технологический процесс изготовления предметов и проверить его экспериментальным путем.

Вопросами и проблемами, связанными с техникой изготовления днепровских, германских, боспорских пальчатых фибул, занимались такие исследователи, как Б. А. Рыбаков, Г. Ф. Корзухина, Н. Roth, В. Г. Пуцко, О. А. Щеглова, Р. С. Минасян и др. [Рыбаков 1948; Корзухина 1950: Ф. 77, Д. № Р-21; Roth 1986; Пуцко 1997; Минасян 1998; Щеглова 1999]. Однако здесь хотелось бы подробнее остановиться на точке зрения Г. Ф. Корзухиной по двум следующим причинам. Во-первых, ее гипотеза, связанная с производством данной категории украшений, до сих пор не опубликована, и весь огромный объем материала хранится в рукописном архиве ИИМК РАН в личном фонде Г. Ф. Корзухиной (Ф. 77). Во-вторых, до настоящего времени эта гипотеза остается одной из самых обстоятельно изложенных и доказательных в области данной темы.

Г. Ф. Корзухина, при изучении пальчатых фибул с прямоугольным сетчатым полем в центре «среди кружков и спиралей» на ножке (9 шт.) заключила, что эти предметы были выполнены одним и тем же мастером. Данное утверждение подкреплялось целым рядом наблюдений. Исследовательница при сравнении предметов увидела, что у девяти фибул (из поселений Мартыновка, Смородино, Дудари, Журженцы, Петрушки, Сахновка, Нижняя Сыроватка, из Среднего Поднепровья и из Подболотья на Оке), несмотря на некоторые различия в общей длине и размерах отдельных частей, абсолютно идентичный орнамент, состоящий из спиралевидных завитков. Подобное она отметила и в керченских фибулах группы II типа I. Г. Ф. Корзухина полагала, что эти украшения были отлиты в глиняных литейных формах, хотя ни одной формы не было найдено. Для изготовления глиняной формы была необходима восковая модель, которую можно было получить несколькими способами: 1) вылепить вручную, но тогда отливки получались бы разными; 2) изготовить в старой литейной форме; 3) выполнить сложный спиральный орнамент на воске при помощи штампа, что, скорее всего, и имело место. Далее автор указывает, что после отливки изделий некоторые детали, особенно решетка, дорабатывались и подправлялись резцом. В данной работе также указано, что орнамент из кружков или групп колечек тоже делался на воске с помощью циркуля.

Г. Ф. Корзухина, И. О. Гавритухин, А. М. Обломский основываясь на идентичности размеров и декора на изделиях, считали, что парные пальчатые фибулы были отлиты в одной форме. Данное утверждение спорно по нескольким причинам. Во-первых, у парных фибул с идентичным орнаментом оборотные стороны разные, о чем свидетельствуют разнотипность наростов и выщербин от микротрещин глиняной литейной формы, места расположения устройств застёжек, а также выпуклых стержней. Даже если бы фибулы были отлиты в одной форме, то большинство следов и дефектов совпадали бы с обеих сторон изделий. Во-вторых, глиняная литейная форма практически не выдерживает повторной отливки, поэтому, чтобы изготовить вторую парную фибулу, необходимо было сделать новую литейную форму.

Учитывая данные замечания, необходимо представить альтернативную модель производства пальчатых фибул. Все изделия, происходящие с территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, были отлиты в двусторчатых глиняных формах, доказательством чего является не зачищенная литейная поверхность с оборотных сторон фибул. Фрагменты глиняных литейных форм для отливки пальчатых фибул были найдены далеко от нашего региона — в Нуу (Belgian) (рис. 5). Некоторые различия, имеющиеся на оборотной стороне пальчатых фибул объясняются тем, что лицевую сторону изготавливали при помощи шаблона, который в процессе использования мог корректироваться. Такая ситуация, к примеру, наблюдается с парными фибулами из Смородино, где одно изделие отличается от другого дополнительным кружком на головном щитке фибулы. Большинство шаблонов из бронзы и свинца найдено в Западной Европе (рис. 6); на территории Днепровского Левобережья известно пока только два — в

кладах Новая Одесса и Козиевка (рис. 7, 8). В принципе, моделью могла служить и готовая фибула, но полученные при ее помощи изделия будут сильно отличаться от своего первоначального образца. Кроме того, для изготовления металлического шаблона необходимо сделать образец из другого крепкого материала. Скорее всего, это была деревянная модель, покрытая воском. Воск является пластичным и очень удобным в работе материалом. После получения оттиска в глине мастер делал восковую модель, на которую накладывал металлические или деревянные стержни, выполняющие функцию ребер жесткости для фибулы. В данном случае восковая модель используется в качестве посредника для изготовления оборотной створки. Затем створки разнимаются, вынимается восковая модель, на глиняной створке для оборотной стороны изделия делаются прорезы для устройства застежки, потом створки совмещаются друг с другом и оставляются на просушку. После обжига створок в них производят литье фибулы, которая затем тщательно механически обрабатывается и зачищается.

Экспериментальная работа. Для эксперимента были использованы: деревянный брусок (ель) 14,5×8,0×1,4 см; воск; голубая глина с примесью отошителя (шамота и мелкозернистого песка) около 40—60 %; деревянные и металлические стержни; латунь — сплав меди и цинка желто-зеленого цвета, обладающий высокой пластичностью, с температурой плавления в пределах 900—1045° С; угольная крошка и инструменты (штихель, стамеска, нож и различного рода острия). При помощи штихеля и стамески из бруска дерева был вырезан позитив формы лицевой стороны пальчатой фибулы. Изображение для изделия было позаимствовано у парных фибул из Гапоновского клада (рис. 8). Далее при помощи деревянного шаблона в приготовленной глине делается оттиск пальчатой фибулы. Во избежание прилипания модели к формовочной массе ее предварительно смачивают водой или смазывают жирной смесью. В нашем случае это подсолнечное масло. Перед заливкой воска лицевая створка посыпается сверху угольной крошкой, чтобы затем легче было удалить восковую модель из глины, минимально повредив орнамент. После в лицевую створку заливается расплавленный воск. При остывании воска, происходит его усадка, вследствие чего прогибается оборотная сторона модели (рис. 9). Поверхность восковой модели зачищают от наплывов, и в нее по центру ножки и по середине пальцев вдавливаются металлические или деревянные стержни, которые выполняют функцию ребер жесткости у фибулы (рис. 9, 10). Далее, не вынимая восковой модели из лицевой створки, формируют оборотную глиняную створку, на которой отпечатываются все следы поверхности модели. Затем створки разнимают, чтобы сделать прорезы для устройства застежки и удалить восковую модель. Если воск будет находиться внутри створок, то при сушке глиняная литейная форма треснет. После указанных операций створки опять совмещают друг с другом и оставляют сушиться на несколько дней, а затем обжигают при температуре около 800—900° С (рис. 11). После в них в вертикальной позиции производят литье. Расплавленный металл заливается через литниковое отверстие. Как только латунь остынет, створки формы разнимаются и из них извлекается изделие. Литейная поверхность отлитого изделия покрыта наростами от микротрещин, образовавшихся при сушке створок; орнамент нечеткий. Начинается тщательная механическая обработка предмета слесарным способом. На оборотной стороне в стойках просверливаются отверстия, при этом остаются заусенцы на краях и круговая резьба на их стенках, а приемник-иглодержатель сгибается. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить профессионального ювелира Л. Сысоеву за помощь в проведении данного эксперимента.

Таким образом, в результате изучения фибулы из коллекции Е. А. Горюнова и аналогичных ей изделий по морфологическим и трасологическим аспектам, а также реконструкции техники их изготовления можно выделить целый комплекс местных ювелирных приемов и операций, характерных для Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья. Производство вещей происходило по единой технологической схеме — литье в двусторчатые глиняные формы в комбинации с местными ювелирными приемами. Мастера данного региона использовали пунсоны для нанесения на воск кружкового орнамента, циркуль для проработки колечек, а также для прочерчивания кружков после отливки. Они подвергали предмет тщательной механической обработке с лицевой стороны, и — частично — с оборотной. Неожиданностью в ювелирном производстве Восточной Европы в V—VII вв. н. э. является то, что ювелиры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в изготовлении фибул используют такую конструктивную деталь, как ребра жесткости, что нехарактерно для крымских и западноевропейских ювелиров. То, что это производство является местным, не вызывает особых сомнений, так как мастера не использовали таких ювелирных приемов, которыми работают на соседних территориях, а именно: амальгамирование (горячее золочение), изготовление гнезд для вставок камней или стекла, пайка и др. На вопрос, по каким образцам производились днепровские пальчатые фибулы — дунайским или боспорским, ответить сложно. Для ответа на поставленную задачу требуется более обширный сравнительный материал и его подробный аналитический разбор.

Литература

- Гавриутхин, Обломский 1996: Гавриутхин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Ранне-славянский мир. 3. М.
- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Корзухина 1950: Корзухина Г. Ф. Среднее Поднепровье в V—VIII вв. — Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 77, д. Р-19, 20, 21.
- Минасян 1998: Минасян Р. С. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь. С. 479—489.
- Пуцко 1997: Пуцко В. Г. Мужинівська фібула // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів.
- Рыбаков 1948: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.
- Щеглова 1999: Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus, № 5. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Kazanski 1999: Kazanski M. Les Slaves. Les origines (Ier—VIIe siècle après J.-C.). Edition Errance. Paris.
- Moosleitner 1998: Moosleitner F. Handwerk und Handel // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488—788.
- Roth 1986: Roth H. Kunst und Handwerk im frühen Mittelalter. Stuttgart.

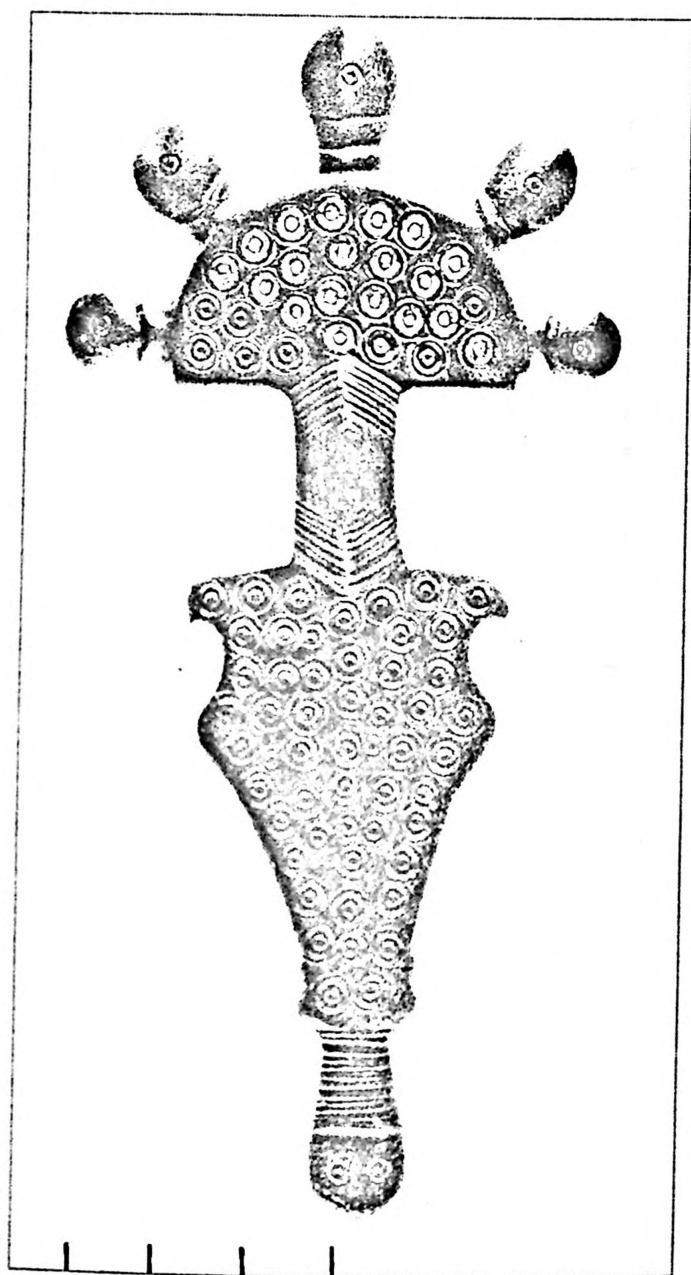

Рис. 1. Пальчатая фибула, происходящая с территории
Днепровского Левобережья. Лицевая сторона

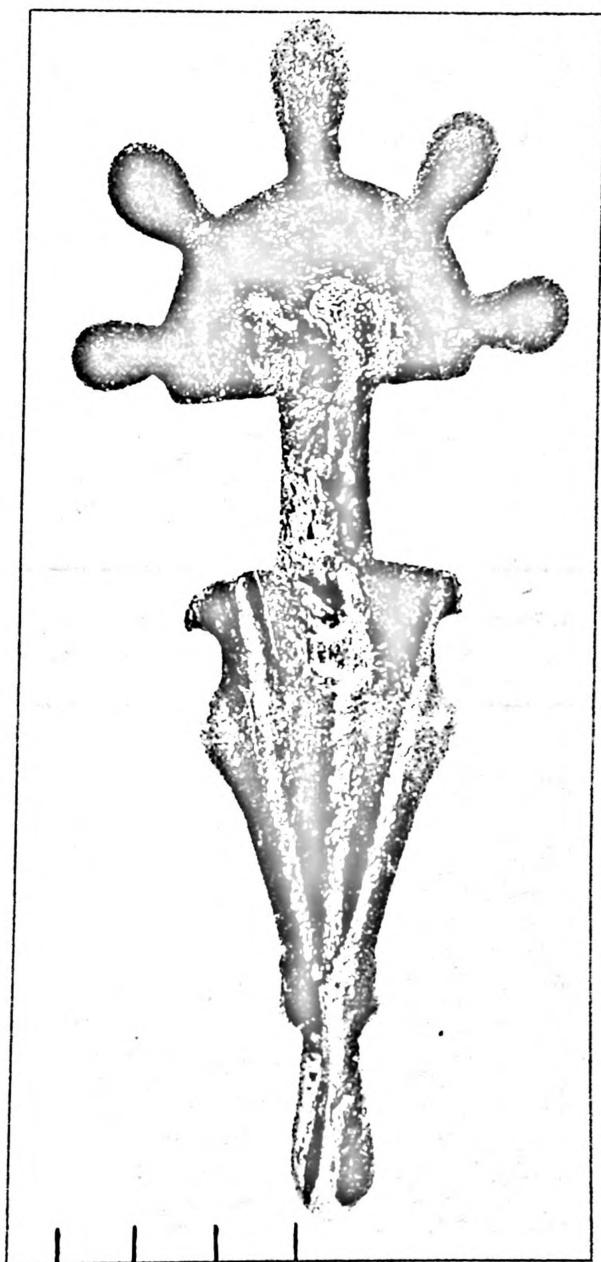

Рис. 2. Пальчатая фибула, происходящая с территории
Днепровского Левобережья. Обратная сторона

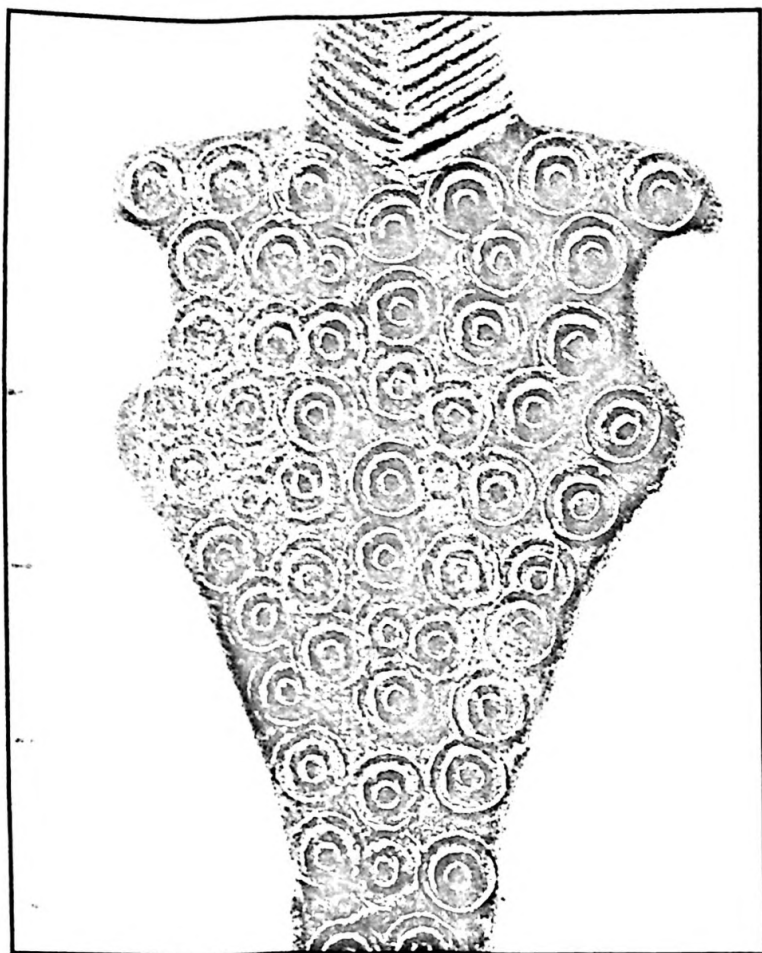

Рис. 3. Фрагменты пальчатой фибулы, происходящей с территории Днепровского Левобережья. Лицевая сторона (слева), увеличение в 3 раза (справа)

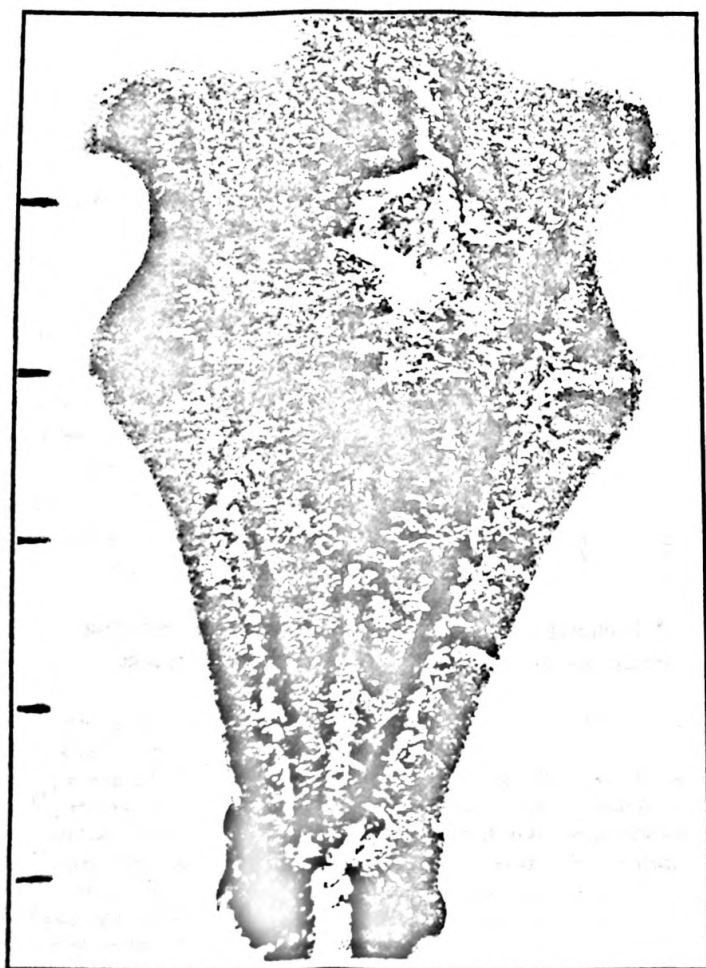

Рис. 4. Фрагменты пальчатой фибулы, происходящей с территории Днепровского Левобережья. Обратная сторона (слева), увеличение в 3 раза (справа)

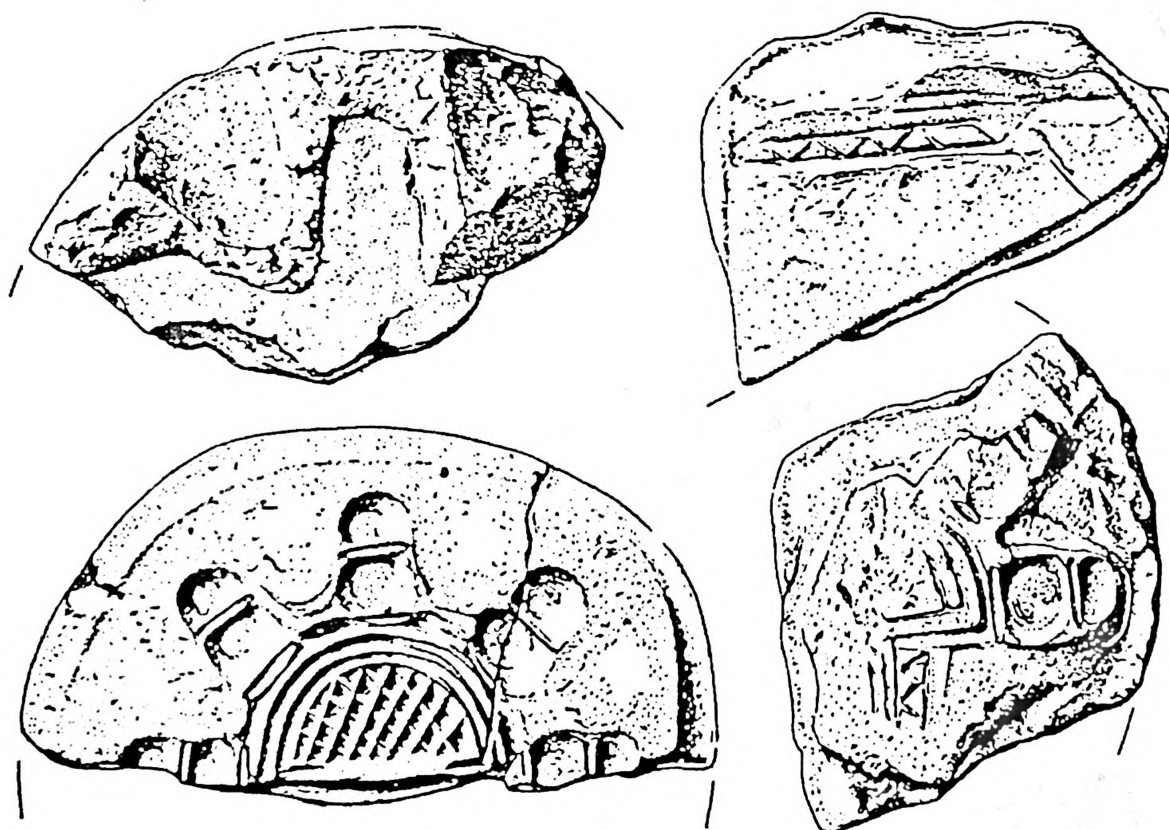

Рис. 5. Фрагменты глиняных литейных форм из Нуу (Бельгия)

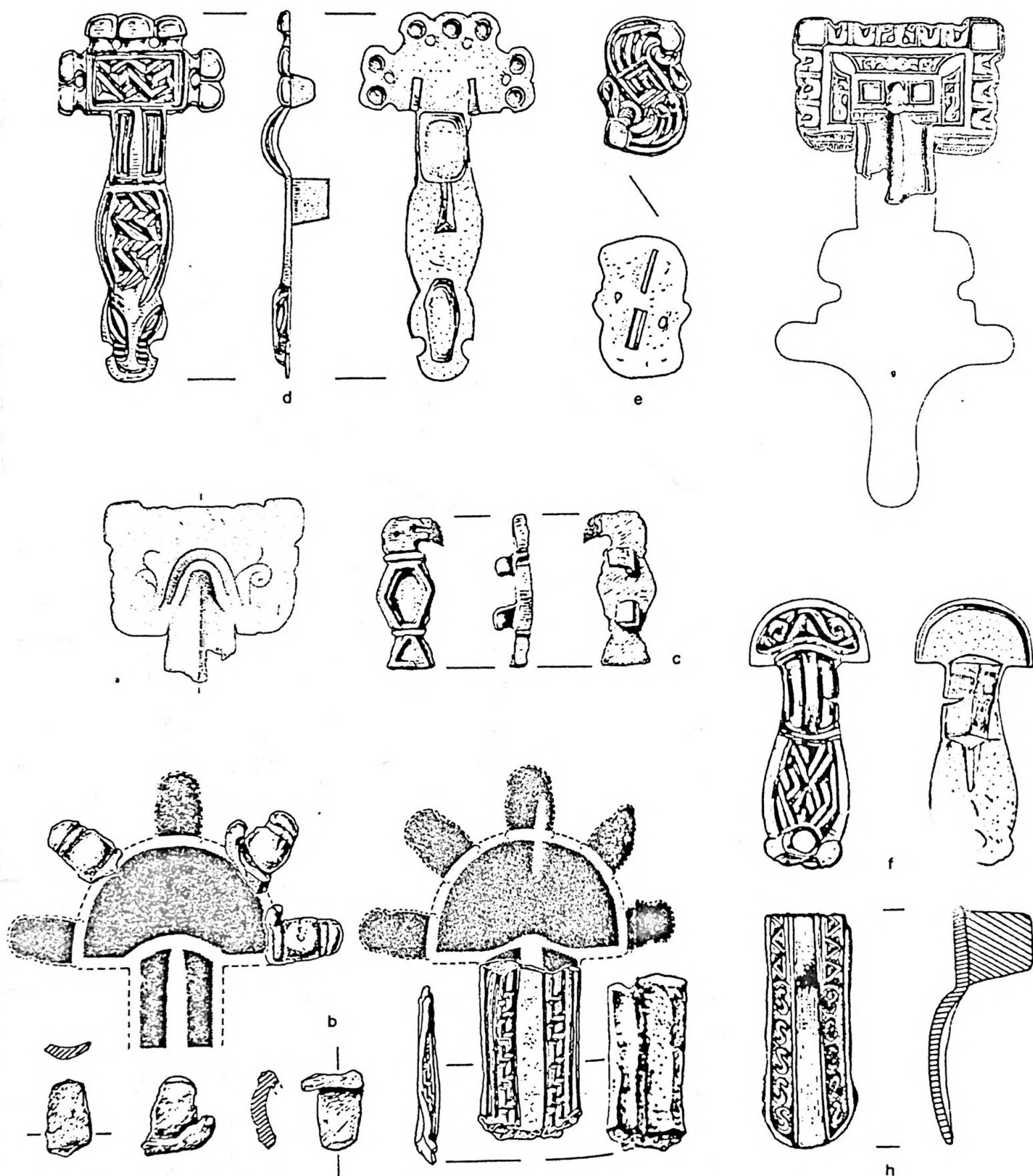

Рис. 6. Свинцовые и бронзовые шаблоны с территории Западной Европы

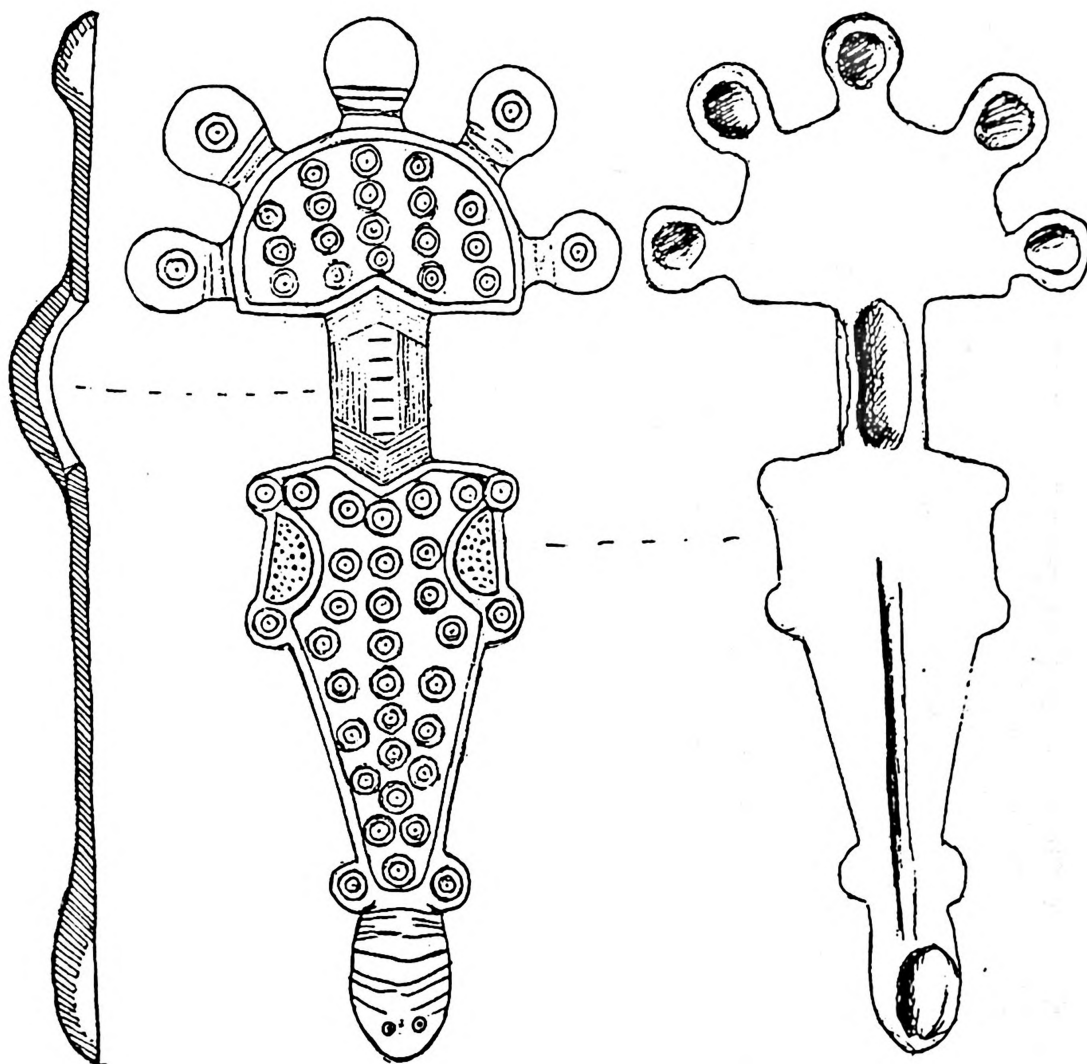

Рис. 7. Шаблон для изготовления пальчатых фибул из клада Новая Одесса. Лицевая и оборотная стороны

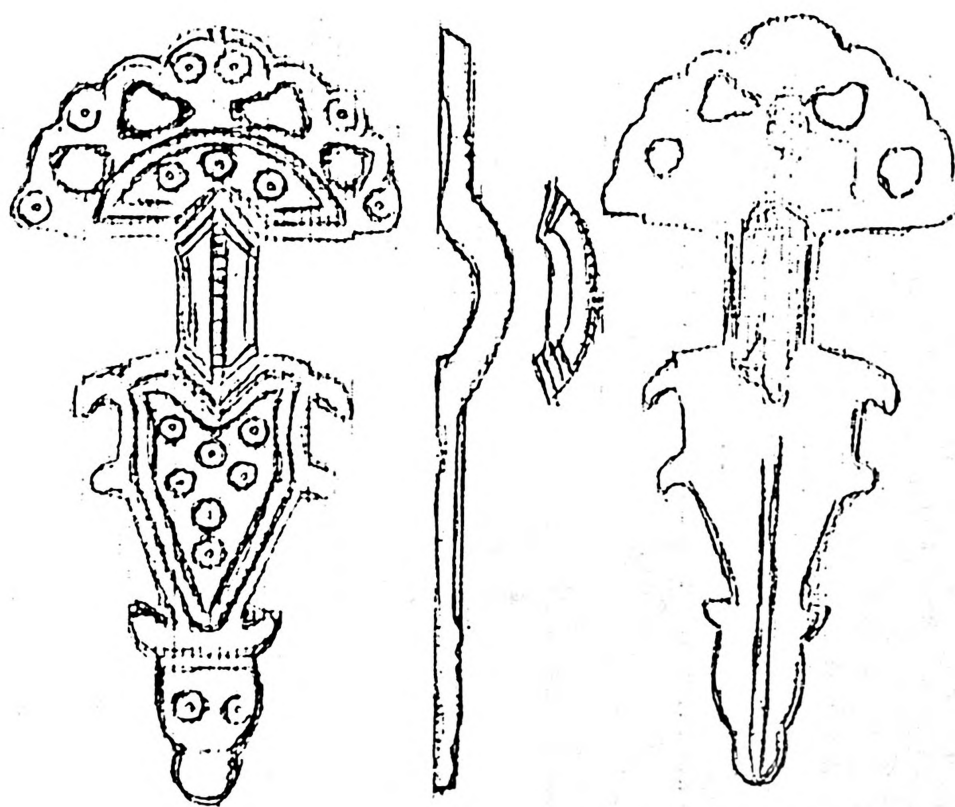

Рис. 8. Шаблон для изготовления пальчатых фибул из Козиевского клада. Лицевая и оборотная стороны

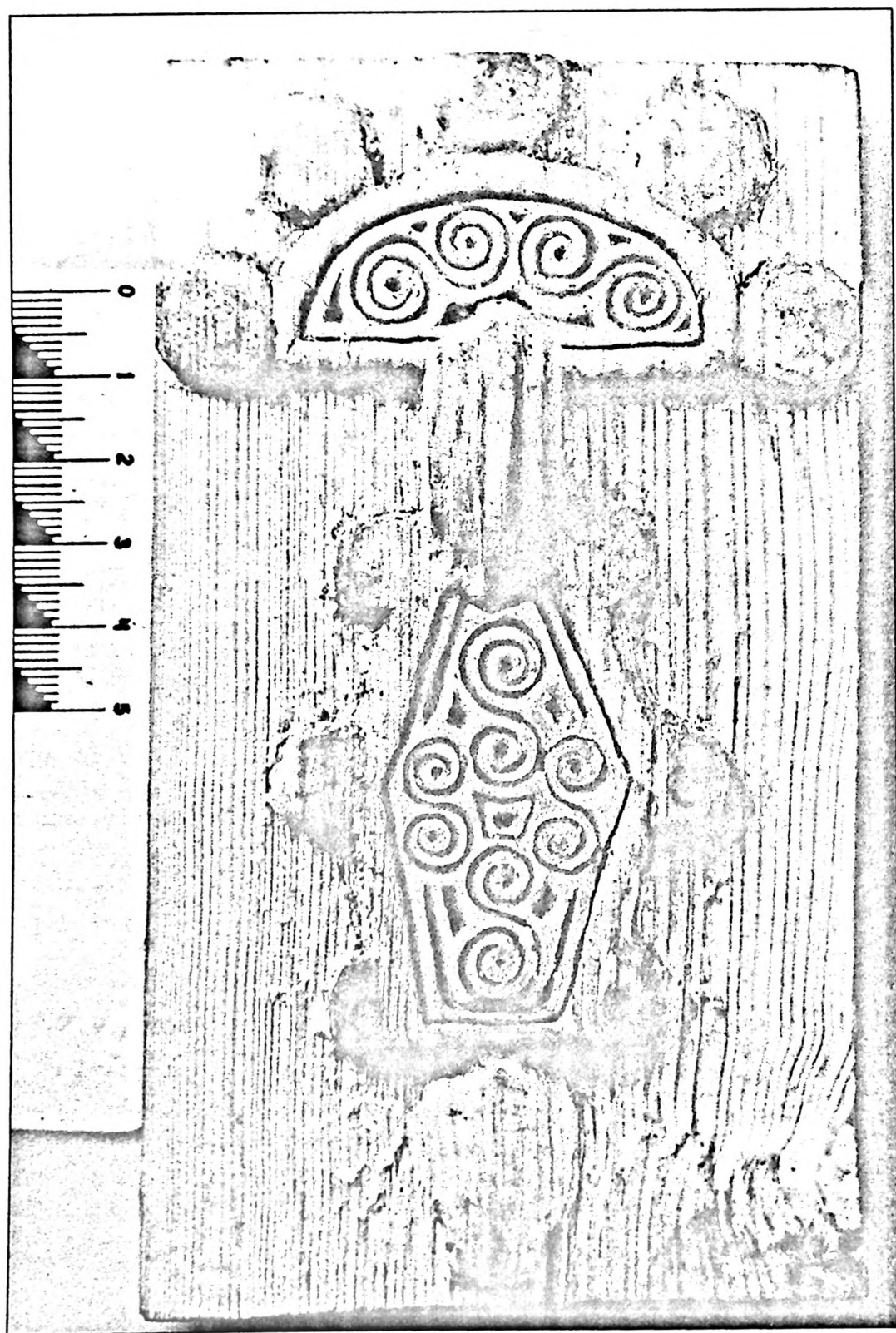

Рис. 9. Экспериментальный деревянный шаблон для изготовления пальчатых фибул

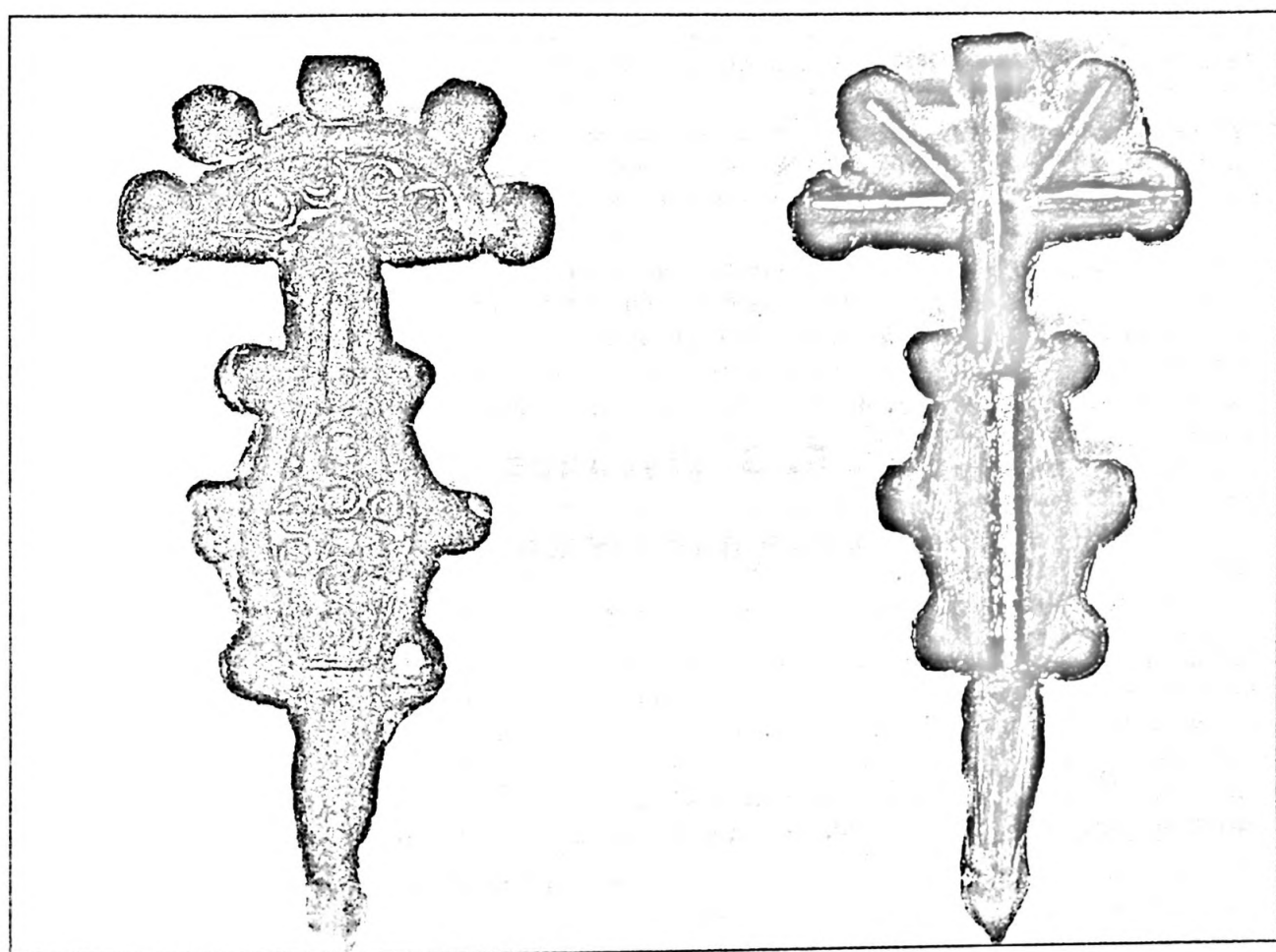

Рис. 10. Экспериментальная восковая модель. Лицевая и обратная стороны

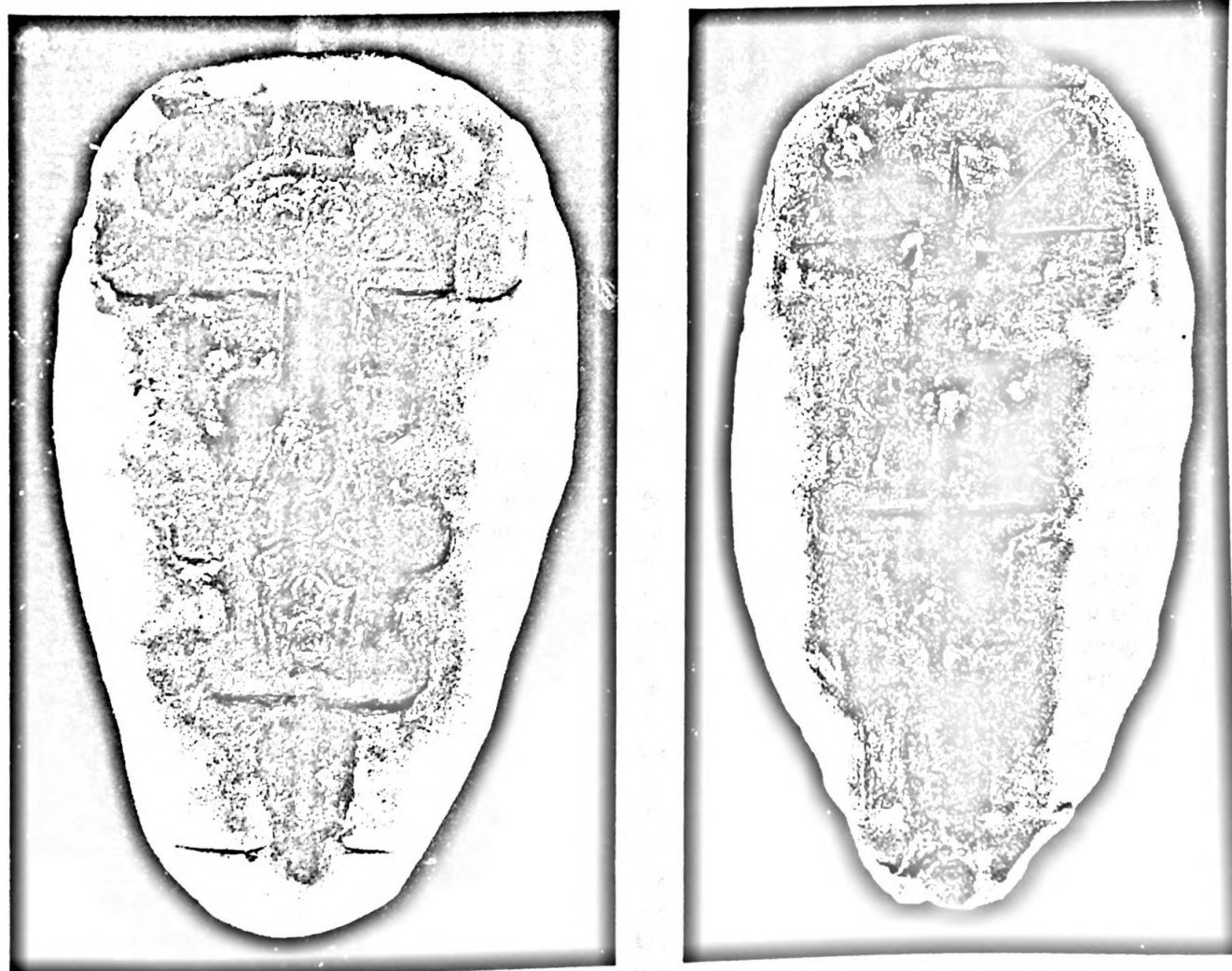

Рис. 11. Экспериментальная глиняная литейная форма. Лицевая и обратная створки

П. В. Шувалов

Оружие ранних славян¹

Военное дело — такая же неотъемлемая часть древней жизни, как, например, морское дело, или сельское хозяйство, или же властно-административные отношения. Война — часть культуры общества, особая подсистема в социуме. Поэтому имеет смысл рассмотреть свидетельства о военном деле отдельно, так же, как рассматривают сельское хозяйство или мореплавание. Задача данной статьи — дать обзор и первичный анализ всех источников об оружии, употреблявшемся славянскими воинами наиболее раннего периода истории славян — VI в. Источники — как письменные, так и археологические, — несмотря на свою немногочисленность, позволяют сделать весьма конкретные наблюдения.

* * *

Для начала — одно общее наблюдение. В ранних источниках² достаточно часто встречается мотив слабой вооружённости славян и связанных с ними венетов. Наиболее ранний пример такого рода содержится в истории готов Кассиодора (Cassiod. apud Jord. Get.). Там при описании войны Германариха с венетами (Jord. Get. 119), следующем за описанием подчинения тем же Германарихом герулов (Jord. Get. 117—118), содержится интересная характеристика вооружённости венетов. Здесь венеты презренны своей невооружённостью, но при этом сильны своей численностью (*quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes*). Однако и эта сторона «робких, слабых и невоинственных» (*inbelles!*) венетов ничего не значит (*nihil valet multitudo inbellium*), в особенности (*praesertim ubi*) когда против них с божьей помощью выступает хорошо вооружённое готское войско. Они пытаются сначала противостоять готам, однако оказываются, несмотря на свою многочисленность, бессильными против воли бога (Одина?), покровительствующего Германариху, и против готского войска. Естественно эта «презренность» венетов отражает то, как видела венетов готская эпическая традиция. Возможно, что текст этого параграфа восходит к Аблавию. Так или иначе, но этот латинский текст был написан не ранее конца V в. в окружении Теодориха Великого и был призван, естественно, возвеличить короля и его предков. Не исключено, что в основе его лежал какой-то письменный текст на готском языке, который, как доказано [Анфертьев 1991б: 100; Анфертьев 1991а: 147—148, прим. 166], лежит в основе части текста «Гетик». Тем не менее очевидно, что дошедший до нас латинский текст (Jord. Get. 116—120) является сокращённым переложением какого-то готского предания, видимо, саги или песни о Германарихе: в другом месте того же сочинения содержится указание на то, что древние предания живы среди готов и «по сей день». Скорее всего среди живых преданий сохранялся и образ венетов, важный для понимания величия одного из главных готских героев — Германариха. А раз образ был жив, то и наш автор (Аблавий, Кассиодор?) не мог даже в угоду своему венценосному покровителю серьёзным образом его изменить, тем более что никаких существенных оснований для неприязни или симпатии Теодориха к венетам мы не знаем. Следовательно, образ венетов в переложении саги должен в общих чертах соответствовать готскому фольклорному образу венетов. Можно только гадать, что вызывало такое отношение со стороны воинственных готов, среди которых нормой для каждого мужчины было владение мечом, щитом и копьем. Анализ истоков

¹ Данный текст не соответствует теме доклада, прочитанного мной на конференции. При составлении программы конференции я колебался в выборе между двумя темами для моего доклада — сделать ли доклад по военному делу или по тенденциям развития культуры ранних славян — и в конце концов выбрал тему более сложную, более спорную и, как оказалось ближе к заседаниям, плохо обеспеченную источниками. Представить доложенный мною текст к тому же ещё и в виде статьи явно не имело смысла. Поэтому я предложил в этот сборник другой текст. Он является плодом двухлетней работы по коллективному гранту № 841/1998 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation. Несмотря на то что общение с каждым из участников этого проекта тогда научило меня многому, одному из них — А. К. Нефёдкину, с которым многократно обсуждались излагаемые здесь идеи, я приношу особую благодарность. Ср., однако, [Нефёдкин 2003].

² Это отметил еще Л. Нидерле [Нидерле 2000/1956: 411, 544, примеч.41]. У него же см. список источников.

такого рода представлений я дал в специальной работе [Шувалов 2000³]. Здесь же нужно лишь указать на этот, видимо, весьма в своё время распространённый в готской среде мотив, повлиявший на позднеантичную историографию.

Ниже мы рассмотрим конкретные упоминания о вооружении славян, сопровождая (для удобства читателя) указанием на время, им отражаемое.

Начало 30-х (?) гг. VI в. — Подробное описание славянского (точнее: склавов и антов) вооружения содержится в тексте военного трактата Псевдо-Маврикия (Mauric. XI, 4, 11 ln. 44—50 ed. Dennis). Текст этот⁴ явно составлен профессионалом, хорошо знакомым со склавами и антами как с реальным противником. Автору свойствен цинично-прагматический деловой подход по существу дела, без литературно-риторических или идеологических пассажей. Заподозрить автора в каком-то особом отношении именно к славянам невозможно [Шувалов 2002б]. О вооружении славян в этом трактате говорится в контексте общего описания примитивности, неупорядоченности и разбойности их жизни. Каждый славянин вооружён двумя малыми (короткими?) дротиками (ἀκόντια μικρά). Любопытно это указание на малую величину славянского дротика, очевидно отличавшую его от дротиков («аконтиев») восточно-римской пехоты, имевших, судя по Вегецию, длину древка 160 и 100 см (для спидула и верута, соответственно, — Veg. mil. II, 15). На этом общераспространённое у славян вооружение и заканчивается. Лишь некоторые имеют также «отличные/превосходные/прекрасные» (т. е., видимо, «крепкие»), но «труднопереносимые» (т. е., видимо, «большие и тяжёлые») щиты: τινὲς δὲ αὐτῶν (ὀπλίζονται) καὶ σκουτάριους γενναίους μὲν, δυσμετακορίστοις δέ. Кроме того, они пользуются также и деревянными луками с маленькими стрелами (κέρρηται δὲ καὶ τόξοις ξυλίνοις καὶ σαγίταις μικραῖς). Из этих слов источника ясно, что луки их были маленькие, чисто деревянные, а не большие сложносоставные с костяными накладками, как у кочевников. Стрела, пущенная из такого лука, ударяет слабо и не очень опасна. Маленькая стрела должна была нести и маленький наконечник. Зато, по свидетельству того же источника, славяне смазывали такие стрелы сильнодействующим ядом — настолько сильным, что раненному ею приходилось обрезать рану по кругу, чтобы яд не распространился по всему телу. Ясно, что слабость лука была скомпенсирована ядом. Однако при описании конкретных сражений со славянами в источниках лук и стрелы практически⁵ нигде прямо не упоминаются, так что возникает вопрос, а использовались ли стрелы с луком в открытом бою? Соединение у Псевдо-Маврикия фразы о дротиках и щитах с фразой о луках посредством слов «Пользуются же и... (κέρρηται δὲ καὶ)» указывает на то, что, по мысли автора этого текста, лук не был столь же типичным (распространённым / часто используемым?) для славян оружием, как дротики. Важно, что этот текст в основе своей имеет жёсткий вопросник, твёрдо соблюдаемый автором при описании противника (главы 1—4: персы, скифы, блондины, склавы и анты). В этом вопроснике в пункте, посвящённом вооружению (в главах, не посвящённых славянам), говорится о длинных копьях-контосах, о мечах, о защитном вооружении. Ни о чём подобном в главе о славянах и речи нет. Это скорее всего прямо указывает на отсутствие подобного оружия у славян. В свою очередь, описание славянских дротиков и ядовитых стрел никак не соотносится с описанием вооружения других народов в этой книге, что также могло бы напрямую свидетельствовать об особенностях вооружения славян. Однако текст главы о славянах (XI, 4), возможно, принадлежит другому автору и лишь потом был подогнан под вопросник трёх других глав одиннадцатой книги.

40-е — начало 50-х гг. VI в. — Второе подробное описание вооружения славян содержится в сочинении Прокопия из Кесарии (Proc. Caes. bell. VII, 14, 25—26) в середине его экскурса о славянах (точнее: склавах и антах). Прокопий, офицер разведки при штабе Велизария [Rubin 1954: 24], имел личный опыт знакомства со славянами, по крайней мере с наёмниками. Прокопий, несмотря на то, что у него славяне — одни из наиболее злых врагов, в целом относится к славянам так же, как и к другим варварам, — скорее нейтрально⁶. Источники прокопиевского экскурса о славянах неизвестны. Экскурс о славянах у Прокопия является отступлением от основного повествования в рассказе о двух Хильбудиях. Источники, использовавшиеся Прокопием для написания рассказа о Хильбудиях, до конца неясны, но скорее всего это были какие-то официальные документы⁷. Возникает соблазн к этим же документам возвести и экскурс Прокопия о славянах, содержащийся в середине рассказа о Хильбудиях. В таком случае прокопиевский экскурс, так же как и псевдомаврикийский, может восходить к кому-то из окружения Хильбудия. Однако, скорее всего, Прокопий, будучи сам лично неплохо знаком со славянами, несколько переработал данные своего источника, приспособив их под ситуацию середины VI в. Из текста Прокопия следует, что славяне во время битвы идут (ἵασι) на врага, имея в руках щиты и дротики (ἀσπίδια καὶ ἀκόντια). Мне представляется неправильным перевод С. А. Иванова «маленькие щиты» [Иванов 1991: 225, 84]. При этом греческое слово ἀσπίδιον воспринимается как уменьшительная форма от слова ἀσπίς. Однако, в позднеантичную эпоху в военной среде суффикс -ιον потерял уменьшительное значение, например: ἀκόντιον, σκουτάριον⁸. Поэтому ἀσπίδιον у Прокопия означает просто «щит»,

³ Этот же текст опубликован без моего ведома с небольшими ошибками в юбилейном сборнике в честь Э. Д. Фролова. Прошу коллег ссылаться только на [Шувалов 2000].

⁴ Так же как и вся четвёртая глава одиннадцатой книги Стратегикона, он восходит, по моим наблюдениям, скорее всего к неизвестному автору 30—40-х гг. VI в., происходящему, может быть, из окружения известного полководца Хильбудия. См. подробнее: [Шувалов 2002а].

⁵ Вопрос представляют общие термины, используемые в источниках для обозначения метательного оружия славян, под которыми, как мне кажется, скорее следует понимать дротики, нежели стрелы.

⁶ См. подробнее со ссылками: [Свод I: 170—172].

⁷ См. например: [Литаврин 1986: 25, 27 и след.].

⁸ Важно отметить, что Прокопий придерживается классического языка и как аттицист употребляет архаизирующие слова либо в чистой форме (τόξαιον, ἀσπίς, θώραξ), либо же с поздними суффиксами (ἀσπίδιον). В военной же среде скорее всего, судя по Стратегикону Псевдо-Маврикия, вместо этих слов говорилось, соответственно: вместо ἀσπίδιον — σκουτάριον, вместо θώραξ — ζάβα

ἀσπίς. Доспехов же (θώραξ) славяне, по Прокопию, никогда не имеют: видимо, большие (см. выше описание Псевдо-Маврикия) щиты были им достаточной защитой в бою. Любопытно, что Прокопий в экскурсе о славянах ничего не сообщает о луке у них: либо славянские наёмники в восточно-римской армии не пользовались своим слабым луком (рядом были гуннские лучники!), либо Прокопий пишет только об оружии, использовавшемся славянами в открытой атаке (ἵασιν) на врага.

550 г. н. э. — Тот же Прокопий в других местах (Proc. Caes. bell. VII, 38, 17; aed. IV, 11, 14—16) сообщает, что склавины при штурме стен города Топир засыпали защитников с соседней нависавшей над стеной скалы множеством снарядов (πλήθει βελῶν), чем вынудили их покинуть стены. К сожалению, здесь нет чёткости в словах πλήθει βελῶν и под этим выражением можно понимать либо стрелы, либо дроты, либо и то и другое вместе. К тому же не исключено, что образ тучи стрел и копий рождён был в сознании информаторов, бывших ответственными за оборону города или как-то причастными к бегству защитников со стен: т. е. этот образ призван был отчасти реабилитировать побеждённых горожан, а источником Прокопия здесь был, скорее всего, какой-то официальный отчёт о падении города. Однако защитники всё-таки не удержались и город пал под натиском атакующих. К тому же человек, составивший этот отчёт, скорее всего знал о реальном ходе событий при обороне. Так что обстрел «снарядами», несомненно, был, интенсивность же его, однако, могла быть и не столь высокой.

556 г. н. э. — Из текста сочинения Агафия (Agath. hist. IV, 20, 4), историка середины VI в., известно оружие, которым пользовался один из наёмников в ромейской армии — склав по имени Сваруна: он метко и, видимо, с большого расстояния броском копья (δόρυ)⁹ поражает насмерть крайнего из врагов, скрывавшихся за винеей (переносным плетёным заграждением). Бросок этот был, видимо, выдающимся, раз уж и сам этот эпизод и имя воина удостоились записи в военном отчёте, лёгшем в основу текста Агафия¹⁰. Возможно, что именно такой вид боя был привычен для славян: бросание дровиков из-за переносных заграждений.

Вторая половина VI в.¹¹ — Во всём тексте военного трактата «Стратегикон» Псевдо-Маврикия упомянут только один вид оружия, заимствованный восточно-римской пехотой у славян (Mauric. XII B, 5 ln. 6): это славянское копье («ланкидий» — λαγκίδιον), которое должны иметь наряду с мартзобарбулами¹² все легковооружённые восточно-римские пешие дротикометатели. При этом оно предусмотрено Псевдо-Маврикием лишь как замена для верута при оснащении легковооружённых: βηρύττας ἤτοι λαγκίδια Σκλαβίνισκια. Посмотрим внимательнее на терминологию Псевдо-Маврикия.

Слово λαγκίδιον является типичным поздним образованием с помощью «военного» суффикса -ιον от латинского *lanx* 'копье с петлёй посередине для бросания и для рукопашной'¹³. Во всём трактате Псевдо-Маврикия слово «ланкидий» (λαγκίδιον) употреблено только в этом месте.

Слово же «верут» (βηρύττα — *verutum*) встречается — считая и вышеупомянутый случай — всего в пяти местах этого трактата. Все эти пять случаев содержатся в книге XII B, посвящённой восточноримской пехоте и написанной Урбикием в начале VI в.¹⁴: необходимость тренировать тяжеловооружённых (Mauric. XII B, 2 ln. 3) и легковооружённых (3.20 ln. 4. 86) кидать верут (любопытно, что верут не входит в число оружия, которое должен иметь тяжеловооружённый воин: он должен только уметь его бросать, вооружён же он пикой и мартзобарбулами); верут (либо же славянское копье) входит в число оружия, которое должен иметь легковооружённый пеший дротикометатель (5 ln. 6); легковооружённые верутами или же мартзобарбулами ставятся позади или с флангов тяжеловооружённых (12 ln. 12—14); при прохождении трудных мест легковооружённые пехотинцы должны иметь наряду с малыми мавританскими

или *λωρίκιον*. Вместо же ἀκόντιον иногда могли сказать λαγκίδιον, хотя и слово ἀκόντιον по-прежнему было в употреблении. Данный пассаж о двух Хильбудиях и славянах может воспроизводить лексику не столько Прокопия, сколько его источников. Любопытно, что слово ἀσπίδιον у Прокопия более нигде, кроме как в этом месте, в его произведениях не встречается. Действительно, если принять, что в источнике стояло неаттицизированное σκουάρια καὶ ἀκόντια μικρά «щиты и малые дроты», — то Прокопий (или промежуточный автор) как аттицист вполне мог бы передать это через ἀσπίδια καὶ ἀκόντια «щиточки и дротышки», стараясь, с одной стороны, сохранить какое-то соответствие военным терминам по части суффиксов, с другой же стороны, продолжая аттицизировать. Следуя такому противоречивому стремлению, он вынужден был бы из соображения риторического благозвучия — дабы избежать тавтологии («малые дротышки») — пожертвовать словом μικρά. Этой гипотезой, на мой взгляд, можно примирить данные Прокопия и Псевдо-Маврикия о славянских щитах.

⁹ Агафий, так же, как и Прокопий, — аттицист и, естественно, употребляет для обозначения копья классическое слово *δόρυ*. Кроме того, Агафий был юристом и поэтому и не имел никакого военного опыта, а, следовательно, мог быть не очень точен в употреблении военной терминологии. Так что придавать большое значение употреблению им именно слова *δόρυ* не стоит.

¹⁰ Источник Агафия для этого эпизода, по мысли И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьева [Левинская, Тохтасьев 1991в: 292; 1991а: 310], имел документальный характер, т. е. это, скорее всего, был какой-то военный отчёт.

¹¹ Такова дата предполагаемой мною поздней интерполяции в основной текст Псевдо-Маврикия, состоящей из слов ἤτοι λαγκίδια Σκλαβίνισκια. Если же оставаться на традиционном отнесении этих слов ко времени императора Маврикия или его преемника, то дата данного упоминания славянского копья будет конец VI в. На самом же деле попасть такое нововведение в текст теоретического военного трактата могло только после того, как появилась соответствующая реальность в военном деле и соответствующий термин. Дело в том, что характер трактата Псевдо-Маврикия исключает возможность истолкования данного пассажа как оторванное от практики предложение кабинетного прожестёра. Соответственно, появление славянского ланкидия на вооружении восточноримской пехоты следует отнести к середине—второй половине VI в.

¹² Это маленькие оперенные легкие дроты со свинцовым грузилом на границе втулки и древка. Другое название их — плюмбаты [Конноли 2000: 261, рис. 8—9].

¹³ Консультация А. К. Нефёдкина.

¹⁴ Мою гипотезу о дате и авторе трактата см.: [Шувалов 2002а].

копьями-«аконтиями» и небольшим количеством мартзобарбул, также и веруты (βηρύτταις, ἀκόντιοις μικροῖς Μαυρικίοις καὶ ὀλίγοις μάρτζοβαρβούλοις — 20 ln. 9). Остаётся неясным, как соотносится мавританское малое копье с верутом и, соответственно, со славянским копьем. Ясно лишь, что все три отличались от мартзобарбул, о которых речь всегда идёт особо. Любопытно, что все эти разновидности дротиков явно отличаются от двух видов копий тяжеловооружённой восточно-римской пехоты — длинных и коротких пик. Последние называются короткими некавалерийскими пиками (κοῦτάρια κονδὰ μὴ καβαλλαρικά).

Ἀκόντιον же встречается в тексте Псевдо-Маврикия то как общее понятие для дротика вообще в противоположность луку (VII A, Pr, 15 ln. 43; IX, 2, ln. 22; XI, 4, 16 ln. 74), то как вид дротика лёгкого пехотинца, противопоставляемый веруту (XII B, 20 ln. 87: βηρύττας καὶ ἀκόντια). Иногда, возможно, под аконтием в таких пассажах понимается спикул (тяжёлый дротик) Вегетия: Вегетий (Veg. mil. II, 15) знает два вида дротиков легионной пехоты: тяжёлый (spiculum, бывший pilum) и лёгкий (verutum, бывший vericulum). Спикул имел треугольный наконечник (fegum triangulum), т. е. либо плоский подтреугольной формы, либо же — скорее — плоский с двумя оттянутыми назад зубьями, образовавшими вместе с остриём как бы треугольник [Конноли 2000: 261, рис. 12]. Верут же был снабжён небольшим либо пирамидальным, либо листовидным наконечником [Конноли 2000: 261, рис. 10—11; 12—15]. Итак, основным метательным копьем восточноримской лёгкой пехоты начала VI в.¹⁵ был верут. Кроме того, использовались также и мартзобарбулы или плюмбаты. Однако, в отдельных случаях — при действиях в лесной и сильнопересечённой местности — использовался также и аконтий. Позже, наряду с верутом как вариант появляется и славянское копье, о чём и делается примечание в тексте XII книги, но не во всех местах, где говорится о веруте, а только там, где перечисляется нормативное вооружение лёгкой пехоты. При этом очевидно, что славянское копье было ближе к аконтию (т. е. спикулу?), чем к веруту.

Вторая четверть¹⁶ VI в. — 584 г. — известный епископ-миссионер Иоанн Эфесский при описании событий 581—584 гг. отметил (Joh. Eph. hist. III, 6, 25), что славяне за эти годы захватили много оружия, хотя раньше (!) не имели никакого, кроме только двух-трёх лонкидиев (lwnkdywn), т. е. метательных копий. Судя по всему, здесь имелись в виду всё те же ланкидии (λαγκίδια)¹⁷. Несомненно, что Иоанн, будучи больше идеологом, чем историком, заботился не столько о передаче исторических фактов, сколько о том, как показать степень упадка всего и вся при недостойной власти в государстве ромеев, в том числе показать наглость и безнаказанность варваров. Так что феномен резкого обогащения славян — по сравнению с их доселе почти полной невооружённостью — можно было бы списать на идеологическую риторику и к тому же на топ «примитивных варваров». Однако на это никоим образом нельзя «списать» упоминание Иоанном «двух или трёх лонкидиев, т. е. дротиков»: ясно, что это упоминание восходит к какому-то источнику, использованному Иоанном.

593 г. — Согласно тексту Феофилакта Симокатты, во время контратаки ромеев малыми силами против внезапно атаковавших римский лагерь славян тагматарх Татимер, оказавшись совсем рядом (ἐγγ...quoj) с врагами, попадает в тяжёлое положение. Не выдержав боя лицом к лицу (ἀντιμέτωπος μάχη), он бежит. Получив несколько несмертельных ран от метательного оружия (βολαί — Theophyl. Simm. hist. VI, 8, 5), он едва спасается. Раны эти ему приходится некоторое время лечить, что приносит ему определённые затруднения по пути в Константинополь (VI, 8, 8). Трудно точно определить, от какого оружия были раны Татимера, но скорее всего это не были стрелы, тем более отравленные. Т. к. славяне, судя по источникам, не употребляли пращи, то остаётся только предположить, что, вероятнее всего, раны ему были нанесены брошенными дротиками. Поскольку Феофилакт использовал целую серию источников, не очень сильно подгоняя их друг к другу, то велика доля вероятности того, что и текст источника, легшего в основу данного места сочинения Феофилакта, передан им здесь в целом без намеренных искажений. Источником для данного места, скорее всего, был основной источник Феофилакта по Балканам, откровенно превозносивший начальника Татимера — Приска — в ущерб двум другим полководцам. Автором его, вероятно, был профессиональный военный [Свод II: 11], так что описание сути событий должно было быть выдержанным на должном уровне военного специалиста. Источниками же этого текста были, видимо, какие-то документы военных ведомств. Любопытно, что Татимер, явно бывший одним из фаворитов нашего автора, тем не менее, согласно тому же тексту, в начале этой стычки со славянами оказывается не совсем на высоте и бежит от врага. Так что данный текст заслуживает доверия по существу. Неясно, однако, по каким принципам Феофилакт или автор его «проприсковского» источника проводили аттицизацию профессиональной терминологии, т. е. какой военный термин мог скрываться за словом βολαί, впрочем, скорее всего это общее обозначение метательных снарядов.

594/598 г.¹⁸ — Согласно тому же источнику, славяне бросали дротики в коней приближавшихся всадников (κατὰ τῶν ἵππων ὑπὸ τῶν βαρβάρων ἀκόντια προερχόμενα — Theophyl. Simm. hist. VII, 2, 5), обороняясь от ромеев с выстроенного из телег вагенбурга. Когда же восточные римляне по команде Александра атаковали их в пешем строю, славяне некоторое время успешно отбивались метательным оружием (ἐκπομπὰι τῶν βελῶν) — видимо, теми же дротиками, но возможно, также и стрелами. Текст, по мнению Уитби [Свод II: 51, коммент. 57], склонен приукрашивать действия командира ромеев Александра, оттеняя таким образом неспособность его начальника полководца Петра, со-

¹⁵ Такова дата, по моему мнению, написания Урбикием текста, составившего книгу XII трактата Псевдо-Маврикия.

¹⁶ Ясно, что источник, к которому восходят сведения Иоанна о вооружении славян в период до 80-х гг., был текстом, уже несколько устаревшим к тому времени, когда Иоанн создавал своё сочинение. Следовательно, этот текст был составлен примерно во второй—третьей четверти VI в.

¹⁷ Комментарий Н. И. Серикова [Сериков 1991: 283, коммент. 29] к этому месту не учитывает того, что в позднеантичной профессиональной военной терминологии суффикс -ιον был не уменьшительным, а нейтральным.

¹⁸ О дате 594/598 г. см. [Шувалов 1998: 15, примеч. 4].

перника Приска. Так что опасность, исходившая от дровиков славян преодолённая мужеством отряда Александра, возможно, и преувеличена в тексте Феофилакта. Однако мелкие детали боя, содержащиеся в описании, вызывают в целом доверие к тексту.

На этом данные письменных источников о вооружении славян VI в. заканчиваются.

* * *

Можно сделать следующие выводы по письменным источникам, сопоставляя их при этом с данными археологии¹⁹.

Итак, по письменным источникам, традиционное вооружение славянского пехотинца состояло из 2—3 коротких дровиков длиной примерно 1,0—1,2 м, которые были несколько отличны от позднеримских верутов: возможно, они были тяжелее, чем веруты. Основная масса славянских воинов, видимо, ничем более, кроме как дровиками, не была вооружена. В связи с этим интересно разобрать находки наконечников копий на славянских памятниках. Всего в каталоге М. М. Казанского учтено 11 наконечников, распадающихся на 4 типа.

Интерес представляют наиболее массивные втульчатые наконечники с так называемым листо- и пламеобразным (или: ромбовидным типов I Б, I В и I Г и профилированным типа II по Казакиявичюсу²⁰ [Казакиявичюс 1988] или типы 4, 5 и 6 второго раздела по Перхавко [Перхавко 1979: 49—50]) по форме и ромбовидным или профилированным в сечении пером с продольным ребром жёсткости посередине, при отношении пера к втулке примерно как 1:1. Они объединены М. М. Казанским в первый тип и представлены на раннеславянских памятниках, по Казанскому, шестью экземплярами. Наконечники именно такого типа, по мнению М. М. Казанского, широко представлены на варварских памятниках балтской зоны — в Восточной Пруссии, Литве, Верхнем Поднепровье²¹. За пределами балтославянского мира они известны в Средней Европе и на позднеримских укреплениях Балкан [Kazanski 1999: 199]. Трое из этих шести славянских наконечников найдены в погребениях (сожжениях), видимо, в качестве оружия, которое погребённый, надо полагать, собирался забрать с собой на тот свет. При этом в одном из них лежало сразу два наконечника (Лебяжье [Kazanski 1999: 199, fig. 1, 2] и Княжий [Kazanski 1999: 199, fig. 1, 3—4]). Кроме того два сходных наконечника найдены в кладе из Колосково [Ляпушкин 1961: 183, рис. 86, 5, с. 185, рис. 87, с. 187, № 5]. Всё это является прекрасным подтверждением данных письменных источников о том, что славянские воины имели по 2—3 дротика. Следовательно, логично предположить, что наконечники этого типа как раз и принадлежали упоминаемым в письменных источниках славянским дротикам. Длина имеющихся экземпляров около 21 см (ок. 25; ок. 20; 20,5; 20; 22 см), при этом на втулку приходится около половины общей длины. Как указано выше, в трактате Псевдо-Маврикия славянский дротик признан допустимой заменой веруту. Размеры наконечника (ferrum: 5 унций = 12,3 см) и древка (hastile: 3,5 фута = 104 см) верута, определённые Вегецием (Veg. mil. II, 15) на примерно 386 г.²², позволяют выдвинуть два предположения, если считать, что верут не изменился за полтора века от Вегеция до Псевдо-Маврикия (конец IV—середина VI в.): либо славянский дротик был в два раза тяжелее верута, либо же Вегеций имел в виду длину не всего наконечника, а только длину пера без втулки (и тогда размеры верута и славянского дротика близки). Учитывая данные археологии [Конноли 2000: 261, рис. 10, 13—15], следует заключить, что первый вариант более вероятен. Любопытно, что длина указанных наконечников, найденных на славянских памятниках, практически идентична длине наконечника (9 унций = 22 см) тяжёлого дротика по Вегецию (ibidem), так называемого спикула (spiculum), называвшегося, по Вегецию, раньше pilum, а Псевдо-Маврикием определяемого, судя по всему, как аконтий (ἀκόντιον). Следовательно, мы можем определить славянское метательное копье как тяжёлый дротик с длиной древка чуть более одного метра, с обычным втульчатым листо- или пламеобразным наконечником при примерно равном соотношении длин пера и втулки.

¹⁹ Здесь опорой служит хороший обзор находок оружия на славянских поселениях и могильниках V—VII вв. (культуры типов Прага-Корчак, Колочин, Пеньковка и ряд памятников Румынии), сделанный М. М. Казанским [Kazanski 1999]. Из этой работы мною заимствованы данные о находках и их типологическом делении. Представления же автора о функции того или иного типа и тем более социологические реконструкции пересмотрены мною заново. Раннеславянский археологический материал не может быть ещё разделён однозначно между доаварским, раннеаварским и более поздними периодами (хотя подходы к хронологическому членению уже разработаны И. О. Гавритухиным), так что привлекаемые археологические аналогии выходят за верхний хронологический рубеж нашего исследования и захватывают VII в.

К сожалению, интересная и очень важная работа М. М. Казанского носит скорее проблемный, нежели систематический характер: в ней учтены не все известные находки (например, с памятников Румынии), нет серьёзной критики источника (так, не все учтённые находки могут быть однозначно отнесены к выделенной им эпохе), имеются досадные ошибки в рисунках (например, топор из Хангу-Нямц, наконечник копья из Колочина). Между тем необходима работа по каталогизированию всех находок оружия V—VII вв. с территории востока Европы (от Одера и Карпат до Дона и Ильменя), а не только предположительно славянских культур. Только после проведения такого сплошного каталогизирования можно будет сделать серьёзные выводы о вооружении раннего славянства. Предлагаемые же сейчас (мною или коллегами) построения могут пока претендовать лишь на первое приближение к цели.

²⁰ М. М. Казанский определяет (р. 199) наконечники этого типа только как тип I В по Казакиявичюсу, мне же представляется, что основная масса находится на границе типов I В (III—VI вв.) и I Г (IV—VII вв.); экземпляр же из Княжего (fig. 1, 4) относится к слабопрофилированному варианту типа II.

²¹ Городище Демидовка дало два наконечника [Шмидт 1970: 68, рис. 3: 1, 3]: один нашего типа около 25 см в длину (рис. 3: 3) и другой более крупный (ок. 29 см с другим соотношением пера и втулки). Последний, возможно, и не относится к нашему типу вопреки Казанскому (р. 199).

²² Такова дата написания первой книги Вегеция по К. Цукерману [Zuckerman 1994: 73]. Эта часть текста Вегеция, возможно, восходит в основе своей через какой-то текст IV столетия [Neuman 1965: 1016] и через сочинение Корнелия Цельза к тексту Катона Старшего [Schenk 1930] и таким образом отражает реалии доцезаревской армии. Однако сохранение этого пассажа в тексте IV в. свидетельствует об актуальности описываемых копий во время Вегеция (несмотря на [Schenk 1930: 11]).

При этом отличительные черты славянского дротика, которые дали основания для возникновения в восточноримской военной среде специального типа копья и соответствующего ему термина «славянский дротик» (λαγκίδιον Σκλαβίνικον — *Maugis*. XII В, 5 In. 6), сводятся, видимо, к тому, что спикул имеет треугольный наконечник (*ferrum triangulum*) и более длинное древко (1,6 м), вернут же, при примерно равной длине древка, — более миниатюрный наконечник, чем «славянский ланкидий». Правда, в трактате Псевдо-Маврикия, в отличие от Вегеция, термин «спикул» уже не встречается: не исключено, что отсутствие спикула и призван был восполнить у лёгкой пехоты славянский дротик.

Источники указывают на то, что каждый воин-славянин имел по два или по три таких дротика. Часть из них, несомненно, была предназначена для метания в противника. Но поскольку другого серьёзного оружия у большинства воинов не было, то бросался один или, в крайнем случае (при трёх изначальных), два дротика, один же оставался в руках для рукопашного боя. Возможно, что в обозе или поклаже имелись запасные дротики и их подносили во время боя взамен брошенных, — тогда каждый воин мог метать и большее их количество. При всём этом, однако, не исключено, что в рукопашной схватке славянский воин мог действовать сразу двумя дротиками: по одному в каждой руке. С этим, возможно, связано слабое употребление щитов славянами этого времени.

Второй тип наконечников дротиков, по М. М. Казанскому, является восточноевропейской вариацией франкского ангона (тип VII по Казакевичюсу, тип 1 и 2 второго раздела по Перхавко ²³ [Перхавко 1979]), распространённой среди балтославянского и финского населения лесной зоны Восточной Европы ([Kazanski 1999: 199], ср., например: [Lebedynsky 2001: 167]). Эти наконечники имеют удлинённую втулку и перо с двумя ²⁴ характерными оттянутыми назад зубьями, не позволяющими легко извлечь их из пробитого ими щита или доспеха. Длина их чуть меньше (20,2 и 17,5 см) и они менее массивны, чем наконечники первого типа. М. М. Казанский считает эти наконечники также славянскими, однако картирование учтённых экземпляров (см. карту) скорее опровергает этот тезис: все они происходят из крайнего северо-западного пограничья славянского мира. Близок этим наконечникам и наконечник (17,5 см) из той же пограничной с балтами зоны (могильник Церковище), отличающийся лишь отсутствием зубьев на пере [Соловьёва 1970: 100—101, рис. 2, 2].

Третий и четвёртый типы представлены черенковыми тонкими небольшими наконечниками (15,5, 17,5 и 19,2 см). Наконечники этих двух типов слишком малочисленны, чтобы строить на них какие-то заключения.

Некоторые славянские воины, судя по письменным источникам, имели крепкие тяжёлые и, скорее всего, большие щиты. Поскольку на славянских памятниках пока, судя по каталогу Казанского, не найдено ни одного умбона и ни одной оковки края щита, то следует предположить, что щиты ранних славян были иного типа, чем щиты германцев и римлян. Славянские щиты, не имея металлических частей для отражения ударов, должны были иметь более толстую деревянную или кожаную основу. Это, видимо, и делало их тяжёлыми и труднопереносимыми, как об этом свидетельствуют письменные источники. Соответственно, в мобильном рукопашном бою приходилось, видимо, обходиться без них.

При наличии достаточного количества щитоносцев в первой линии всё построение славян оказывалось уже хорошо защищённым. Это способствовало полному отсутствию у славян защитного вооружения, в частности панциря, что отмечается письменными источниками. Тем не менее, в нескольких славянских погребениях (Лебяжье, погр. 32, 63 [Kazanski 1999: 216]) и на поселениях (Мошёнка — [Kazanski 1999: 217], Игрень-Подкова [Kazanski 1999: 220]) найдены единичные или сцепленные звенья кольчуг (всего 5 находок). Кроме того, на поселении найдена одна пятиугольная пластина с тремя дырочками от чешуйчатого доспеха (Мошёнка [Kazanski 1999: 217]). Контекст этих находок либо не исключает датирование их VII в., либо прямо указывает на VII в. Следовательно, эти находки не противоречат данным источников о полном отсутствии доспеха у славян VI в.

Письменные источники свидетельствуют, что в некоторых случаях часть славянских воинов использовала слабые деревянные (без костяных накладок) луки с небольшими стрелами, снабжёнными отравленными наконечниками. Очевидно, что в лесу лук обычно используется не в нападении, а при стрельбе из укрытия. Поэтому у славян также это оружие употреблялось не в открытых сражениях, а скорее в засадах. На раннеславянских памятниках найден, судя по каталогу М. М. Казанского, 41 железный наконечник стрелы. Почти во всех случаях, однако, нельзя исключить, что эти стрелы скорее принадлежали врагам славян, нежели самим славянам: находки на поселениях являются свидетельствами вражеских обстрелов (у себя дома стрелы не теряют) ²⁵, стрела же из трупосожжения вполне и могла быть причиной похорон ²⁶. Наиболее вероятно, что местному населению принадлежали сломанные наконечники, происходящие из хозяйственных ям: возможно предположить, что они вышли из употребления из-за их дефектности. Из списка М. М. Казанского в ямах достоверно были найдены лишь два наконечника [Kazanski 1999: fig. 2, 6, 7] — в Хотомеле (12,5 см) и в Рашкове (более 8 см): оба наконечника трёхлопастные, хотомельский с круглыми дырками в лопастях. Из них дефектным может считаться лишь рашковский. Из десятка же не учтённых М. М. Казанским наконечников с территории Валахии и Молдавии интерес представляет только находка небольшого (чуть более 4,5 см) железного черешкового наконечника с плоским ромбическим в сечении пером подтрапещевидной суживающейся к острию формы из середины заполнения хозяйственной ямы № 6/24, датируемой по другим находкам (калачевидное кресало, лепная и

²³ Ср. у него же тип 3, типологически близкий к двум указанным.

²⁴ У обоих экземпляров, учтённых М. М. Казанским, сохранился только один зуб.

²⁵ В особенности в обществе со столь технически ещё слабо развитой экономикой, как у славян VI в.: цена металлического наконечника должна была быть достаточно высокой. Отсутствие же следов пожаров на многих из этих поселений вовсе не исключает их обстрела из луков врагами и последующего увода в плен оставшихся в живых жителей, а также последующего запустения поселения.

²⁶ Это, впрочем, признаёт и М. М. Казанский, но как-то мимоходом (р. 214 н° I. 12).

гончарная керамика) примерно VII в., с поселения Одая [Рафалович 1964: 61]. У наконечника отломано остриё. Любопытно, что среди всех 40 наконечников из списка М. М. Казанского такой тип отсутствует. Более того, из этих 40 наконечников лишь 4 [Kazanski 1999: fig. 2, 1, 2, 5, 41] примерно соответствуют по длине одаевскому, остальные же — в 1,5—2,0 раза крупнее. Надо полагать, из небольшого слабого славянского лука нельзя было стрелять стрелами с такими большими (до 13 см) наконечниками. По этому же признаку и наконечник из Рашкова стоит поставить под сомнение. По-видимому, наконечник из Одай — это единственная находка, для которой следует предполагать использование её славянами VI в., а не их врагами: кроме того, что о нём точно известно, что он не происходит из жилища или из кости погребённого по славянскому обряду, этот наконечник подходит под тип предполагаемого славянского лука. Итак, о стрелах ранних славян на сегодня мы практически ничего сказать не можем кроме того, что они были небольшими, с небольшими, скорее всего металлическими, наконечниками и смазывались ядом.

На селище Хитцы в жилище 6, условно датируемом в пределах V в., найдена одна срединная фронтальная костяная накладка на лук, характерная для степных культур [Горюнов 1981: 68, рис. 21, 9, с. 125, 127; Kazanski 1999: 200]. Поскольку поселение, на котором найдена эта накладка, расположено в лесостепи Левобережья Днестра, которая несомненно в V в. находилась под контролем гуннов, то разумнее в этой единственной (!) находке видеть вещь, принадлежавшую кому-то из степняков. Так как находки такого рода отсутствуют на других раннеславянских памятниках, то данные Псевдо-Маврикия о небольшом деревянном (т. е. без костяных накладок) славянском луке не опровергнуты, а скорее подтверждены археологией.

Письменные источники ни разу не упоминают боевые секиры у славян VI в., но есть упоминание Павлом Диаконом метательных топоров западных славян для несколько более позднего времени (706 г. — Paul. hist. Langob. VI, 24). Поскольку это упоминание топоров относится к западным славянам, то разумно видеть в этом эпизоде свидетельство влияния на западных славян военного дела западных германцев (франков, аламандов), у которых были распространены метательные топоры франциски²⁷. В зоне же раннеславянских поселений можно указать восемь находок небольших топоров²⁸, однако неясно, все ли они действительно относятся к нашему времени. Любопытно, что большинство находок тяготеет к карпатской зоне. Широколезвийный топор из Братиславы скорее всего был плотницким, фигурные же узколезвийные (Лука Каветчинская, Хангу²⁹, Арбора, Йонештии-Говории) можно теоретически отнести и к боевым.

Из одежды славянских воинов письменные источники упоминают как носимые всеми воинами только порты, или, скорее, ноговицы (высокие гетры)³⁰, подтянутые так, чтобы только немного прикрыть мужское достоинство славянского воина (Proc. Caes. Goth. VII, 14, 26) [Иванов 1991: 224—226, примеч. 86]. Для закрепления ноговиц на поясе, возможно, использовались ремни с указанными ниже пряжками. Судя по Прокопию, перед боем некоторые (наиболее отважные?) славянские воины раздевались до ноговиц, скидывая с себя другую одежду. Впрочем, только этой одеждой ограничивалась в бою лишь у немногих, основная же масса, судя по тексту Прокопия, была более целомудренна и имела также рубахи и плащи. Однако все равно неясно, имела ли эта одежда защитную функцию.

О вооружении и снаряжении славянских всадников по письменным источникам ничего не известно. Кое-что о конской сбруе и амуниции можно почерпнуть из археологического материала: известно девять фрагментов удила и сбруи (в т. ч. три из погребения), шесть костяных и железных пряжек (в т. ч. три из погребения) и три шпоры (в т. ч. одна из погребения VII в.) [Kazanski 1999: 202—204]. Шпоры происходят только из глубины лесной зоны. Находки, поддающиеся датированию, указывают на VII в. Не найдено ни одного фрагмента, который мог бы указывать на престижный конский набор (фалары, обкладки седла, налобники и т. д.).

Это традиционное вооружение дополнилось, судя по данным письменных источников, массой трофейного восточноримского оружия в 80-х гг. VI в. Славяне должны были захватывать, судя по всему, доспехи, шлемы, щиты с умбонами, тяжёлые сложносоставные луки, пики, мечи и т. д. Однако неясно, какое из этого употреблявшегося в восточноримской армии оружия было принято на вооружение воинами славянских отрядов, грабивших Балканы. Ясно лишь,

²⁷ См., например: [Lebedynsky 2001: 169—172].

²⁸ В большинстве случаев эти находки не привязаны жёстко к контексту. К сводке М. М. Казанского [Kazanski 1999: 200, 230] следует добавить ещё топор из Арбори около Сучавы длиной 210 см [Dan Teodor 1970: 107, fig. 6, 10]. Кроме того, вместе с лепной и гончарной керамикой было найдено два подобных топора на Пастырском городище в полужемлянке 13 [Брайчевский 1955: рис. XXIX, 1, 3]. Сходная находка длиной 219 см происходит из поселения Йонештии-Говории в Олтеннии, однако там контекст скорее указывает на позднеримское время.

²⁹ Поскольку рисунок топора из Хангу около Нямц не совсем правильно приведён у М. М. Казанского, ср.: [Dan Teodor 1970: 107, fig. 6, 11]. Тут же можно указать и на противоречие между каталогом Казанского и данными Дана Теодора: длина топора колеблется от 139 мм [Kazanski 1999: 214] до 175 см [Dan Teodor 1970: 107, fig. 6, 11, p. 108].

³⁰ Для этнографических славян из поясной одежды традиционны узкие штаны, скроенные из трёх кусков ткани — двух штанин (колош) и соединяющей их небольшой ромбической вставки (ширинки, мотни и т. д. [Этнография... 1987: 264—265]). Весьма убедительно мнение, что вставка — это более поздний элемент, а изначально обе штанины (а также будущая вставка?) носились отдельно, не будучи сшитыми. Древним названием такой льняной, т. е. портяной (отсюда *рътъ, порты [Фасмер III: 334]) одежды могло быть общеславянское гача, множ. число гачи (слово, видимо, с изначальным сексуальным оттенком: прасл. *gatiа < и.-е. *ghabhtia 'женские (?) половые органы, пах' [Фасмер I: 297—298], ср. ЭССЯ s. v. *gati). Любопытно распространённое изначально, видимо, на юге обозначение такой одежды — калоши/колоши (< лат. calcea 'чулок' < calceus 'полусапог' [Фасмер II: 297]), указывающее, может быть, на форму этой одежды в дунайский период истории славянства. На северо-востоке же этнографического славянства было распространено иное древнее название «станы/штаны» [Откупщиков 2001/1963: 165], что, может быть, отражает иной покрой этой одежды. Не исключено, что право носить поясную одежду юноши приобретали только с совершеннолетием (ср. традиционные обычаи у восточных славян [Зеленин 1991: 233]).

что в это время славяне заимствуют какие-то виды вооружения у противника, терпящего как раз в эти самые годы серию поражений от склавинских отрядов. Наверняка среди этих трофеев были и длинные широколезвийные мечи-спаты³¹. Однако маловероятно, чтобы отдалённым отзвуком этой глубинной перестройки комплекса славянского вооружения являлась находка в Днепро-Днестровском Левобережье целой спаты V—VI вв. с рукоятью, обёрнутой бронзовой накладкой (Картамышево, см.: [Kazanski 1999: 204]). Дело в том, что левобережное Поднепровье, и по данным археологии (пеньковская культура), и по данным Прокопия (Proc. Caes. Goth. IV, 4, 8—9), было заселено антами, а не склавинами: следовательно, жители этих районов не были основными организаторами балканских походов 581—585 гг. К ним меч мог попасть от склавинов лишь в результате обмена, торговли или вторичной военной добычи. В таком случае равновероятным, если не более предпочтительным становится вариант попадания меча к антам в обход склавинов в результате прямых контактов антов с их союзниками, восточными римлянами в середине VI в. Другая находка из Днепро-Днестровского Левобережья — находка перекрестия меча первой половины V в. (Великие Будки [Kazanski 1999: 204]), судя по дате (D₂—D_{2/3} и ранее), скорее относится также к доаварскому периоду. Любопытно, что и все разобранные выше находки фрагментов кольчуг и чешуйчатого доспеха происходят из того же Днепро-Днестровского Левобережья, заселённого антами (см. карту). Видимо, здесь, на окраине степи, по соседству с кочевьями кутригур, оружие славянского населения было несколько более развитым. Итак, скорее всего, находки престижного вооружения связаны не столько с Балканами, сколько с зоной степей. Обогащение же склавинов римским оружием на Балканах в 80-х гг. VI в., известное нам по Иоанну Эфесскому, в археологических находках, происходящих с раннеславянских памятников с территории к северу от Дуная, пока никак не отразилось. Возможно, что та часть славянских воинов, которая обогатилась римским оружием в 80-х гг., так уже никогда и не вернулась обратно на исходные славянские земли, а осталась в Нижнем Подунавье или на территории империи либо как банды грабителей, либо как профессиональные наёмники.

На существенные изменения в оружейном комплексе ранних славян, произошедшие в начале аварского периода, указывают многочисленные находки на славянской территории бронзовых и серебряных пряжек и блях от наборных поясов VII в. Судя по каталогу М. М. Казанского [Kazanski 1999: 205—207], все они происходят с поселений, могильников и кладов из восточноевропейской лесостепи, указывая, видимо, на прямое кочевническое влияние второй половины VI—VII вв. К предыдущему же периоду второй половины V—первой половины VI в. относятся только две находки рифлёных пряжек (Большая Андрусовка — V—первая четверть VI в. и Сахновка VI в. [Kazanski 1999: 207], даты по типологии таких пряжек, разработанной в статье [Бажан, Каргапольцев 1989]), которые широко распространены в мужских погребениях Восточной Европы от Восточной Пруссии до Северного Кавказа во второй половине V—VI в. [Бажан, Каргапольцев 1989; Kazanski 1999: 207]. Эти пряжки, по остроумному наблюдению М. М. Казанского, характерны для воинских мужских поясов в Восточной Европе до распространения там в аварское время наборных кочевнических поясов геральдического стиля. Судя по двум указанным находкам, такие пояса использовались и славянами Среднего Поднепровья (т. е., скорее всего, антами).

* * *

В дополнение к сказанному кое-какие данные об оружии даёт лингвистический материал. Приведу известные факты, никоим образом при этом не претендуя на самостоятельное исследование в чуждой для меня лингвистической области.

К чисто славянским или унаследованным от индоевропейских предков терминам, обозначающим оружие, относятся: *korje < *kopati/*karati 'наносить удары'; *bodidlo < *bosti 'колоть'; *sudlica < *sovati; *groť 'дротик' < и.-е. *g^ur-ot-; *lŕkъ 'лук' < праслав. *lęki 'гнуть'; *strěla 'стрела' < и.-е.; *toporъ 'топор' < праслав. *terpъ 'бью' или из и.-е.³² Любопытно, что в этом ряду исконно славянских терминов оружия представлено как раз либо то оружие, о котором точно известно по письменным источникам, что оно было распространено у ранних славян (дротик, лук, стрелы), либо то, которое неотделимо от хозяйственного инвентаря (топор). Применение слова *korje для обозначения как колющего, так и метательного древкового оружия [Одинцов 1979: 114—117] свидетельствует, видимо, о неполном функциональном расчленении пик и дротиков у ранних славян. О важности такого оружия у славян говорит разнообразие терминов для обозначения древкового оружия.

Два термина, обозначающих оружие, были заимствованы в праславянский из кельтского: *šćitъ 'щит' возможно родственно др.-прус. scaytan, ирл. scíath, кимр. ysgwyd, лат. scutum, ср.: [Иванов 2002: 110]; *meťъ/*meťъ 'меч' < кельт. tess- 'сверкать, блестеть', откуда также и прагерманская форма *mēkja³³. Оба заимствования связаны с распространением нового для праславян комплекса вооружения (большой кельтский щит и длинный меч?). Трудно судить, когда это заимствование имело место — в период латенских влияний или позже. Не исключено, что передатчиками кельтских слов и типов оружия были бастарны-зарубинцы. Так или иначе, ни кельтский большой щит с металлическим умбоном, ни мечи не характерны, как было показано выше на письменных и археологических данных, для ранних славян и вообще для лесной зоны. Скорее всего, слово *šćitъ применялось славянами в VI в. для обозначения, в первую очередь, своих (а не кельтско-римских) щитов, отличавшихся отсутствием умбона и большим весом. Не исключено, что

³¹ Мне осталось неясным, на чём основывается следующее утверждение А. Клибанова [Клибанов 1945: 78]: «Из другого сообщения Прокопия видно, что на вооружении славян имелись мечи и топоры». Клибанов не указал точное место у Прокопия, а мне оно неизвестно. И ниже — также без указания на источник — читаем: «в рукопашном бою применялось короткое оружие: меч, ... топор, ... находившееся на вооружении славян».

³² Фасмер s. v. копье, копать, сулица, дротик, грот, лук, стрела, топор; ЭССЯ s. v. *groťъ, lŕkъ.

³³ Фасмер s. v. щит, меч, ср.: Фасмер III: 831; ЭССЯ s. v. *meťъ.

это указывает на происхождение таких щитов: они могли быть деградировавшим вариантом латенского щита. Слово же *тежь, которое, по данным лингвистики, уже присутствовало в славянском VI в., возможно, не имело постоянного соответствия в комплексе славянского вооружения: мечей, как показано выше, для славян этого времени по письменным источникам не зафиксировано. Археология же в этом вопросе не даёт однозначного ответа.

Известно поразительно мало достоверных заимствований в славянский из поздней латыни. Кроме упомянутого выше «щита» [Иванов 2002: 110], возможно, латинское происхождение имеет слово *секура < securis, хотя и здесь существует традиционное представление об исконности этого слова в праславянском [Иванов 2002: 110; Фасмер s. v. се-кира].

Важны несколько заимствований из германского в ранне(пра?)славянский в военной сфере, на что уже обращалось внимание в литературе:

*gěz(a) 'дротик, копье' < герм. *gaiza, зафиксировано только в личном имени Дабрагез и названии племени велегезитов. Может быть, не является общеславянским заимствованием. Любопытно, что то же заимствование из германского есть и в финском: keihäs [Тохтасьев 1998: 46, 47, 48; Левинская, Тохтасьев 1991а: 301—302, коммент. 2. 11]. Вряд ли слово *gěz(a) свидетельствует о заимствовании славянами дротика у германцев: скорее, это свидетельство особого значения этого вида оружия у славян, при том что названий других видов оружия в именах собственных у ранних славян не зафиксировано.

*šelmъ < др.-герм. *helmaz, гот. hilms 'шлем' ³⁴. Скорее всего, это заимствование связано со знакомством древних праславян в V—VI вв. с новым для них видом защитного вооружения: по письменным источникам известно, что ранние славяне не использовали шлем.

*bъnъję ~ лтш. brunas ~ др.-прусс. brunyos < готск. brunjōn ~ д.-в.-н. brunja 'броня, панцирь, латы' ³⁵.

*bordy < герм. *bardō '«бородатый», т. е. топор с оттянутым вниз лезвием' ³⁶. Слово это присутствует только у балканских славян и, возможно, является более поздним (VIII в.?) заимствованием, связанным с распространением особого типа боевого топора (таких топоров нет на раннеславянских памятниках).

Итак, у германцев были заимствованы слова для обозначения неизвестных видов оружия (шлем, броня, боевая секира). Заимствование понятий, видимо, не означало повсеместное широкое распространение и использование соответствующих видов оружия. Так, ранние славяне в массе своей, видимо ещё долго не использовали ни шлемов, ни лат. Кроме того, было заимствовано германское обозначение дротика — основного раннеславянского оружия, но лишь в качестве словообразующего элемента для имён собственных. Показательно на этом фоне отсутствие в раннеславянском военных терминов, происходящих из народной латыни и из тюркско-булгарского. Это можно объяснить тем, что на этапе формирования военной культуры и соответствующих понятий в языке праславянское общество находилось под средневропейским (германо-кельтским) влиянием. О влиянии же степи и Средиземноморья в этот период говорить не приходится. Поскольку период VI в., особенно его вторая половина, по археологическим и письменным источникам известен как период интенсивных контактов ранних славян со степным миром и Средиземноморьем, то выявляемые лингвистами германские заимствования в праславянском относятся, скорее всего, к более раннему времени.

* * *

Раннеславянский комплекс вооружения можно охарактеризовать как восточноевропейский лесной вариант варварского средневропейского типа. Со Средней Европой славян роднит слабое использование защитного вооружения, кроме щита, и незначительная роль лука. Использование ангона и шпор на северо-западных ареалах раннеславянского мира является прямым свидетельством средневропейских и прибалтийских контактов или традиций. Специфическим же для мира восточноевропейских лесов является упор на использование дротиков (в т. ч. восточноевропейского варианта ангона), больших щитов без умбонов, особых воинских поясов с рифлёными пряжками, а также отсутствие мечей. Характерным для зоны густых равнинных лесов является использование практически лишь одной лёгкой пехоты, вооружённой дротиками, и незнание пращи. Нужно отметить слабость как кочевнического, так и средиземноморского влияния на славянский комплекс вооружения в доаварский период. Начиная же с аварского времени происходит постепенное проникновение в этот комплекс кочевнических элементов (в первую очередь поясного набора, а также кольчужного доспеха, мечей).

В целом комплекс вооружения и амуниции славян VI в. оказывается крайне прост, если не сказать беден. Типичный раннеславянский воин, будучи защищён в открытом бою практически одними ноговищами, нападал на врага по возможности неожиданно, используя естественные укрытия или небольшое количество тяжёлых больших щитов: сначала следовал залп небольшими дротиками, а затем — короткая рукопашная с применением таких же дротиков. Лук был слабым и небольшим, и обстрел противника короткими стрелами с небольшими отравленными наконечниками производился, видимо, лишь из засад. Наверно, эта слабая развитость комплекса вооружения и была одной из причин презрения к славянам со стороны германской воинственной знати.

³⁴ Фасмер s. v. шлем.

³⁵ Фасмер s. v. броня.

³⁶ Фасмер s. v. бртва; ЭССЯ s. v *bordy.

Литература

- Анфертьев 1991а: Анфертьев А. Н. Иордан: комментарий // Свод I. С. 114—169.
 Анфертьев 1991б: Анфертьев А. Н. Иордан: вводная статья // Свод I. С. 98—105.
 Бажан, Каргапольцев 1989: Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. В-образные рифлёные пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 198. С. 28—35.
 Брайчевский 1955: Брайчевский М. Ю. Отчёт о работе раннеславянской экспедиции ИА АН УССР // Архив ИА АН УССР, д. 1955/10а.
 Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян днепровского левобережья. Л.
 Зеленин 1991: Зеленин Д. К. Восточно-славянская этнография. М.
 Иванов 1991: Иванов С. А. Прокопий Кесарийский: комментарий // Свод I. С. 208—250.
 Иванов 2002: Иванов Вяч. Вс. Поздне(вульгарно)латинские и романские заимствования в славянском // Славянская языковая и этноязыковая система в контакте с неславянским окружением. М., С. 104—111.
 Казакевичус 1988: Казакевичус В. Оружие балтских племён II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс.
 Клибанов 1945: Клибанов А. Боевой порядок у древних славян // Исторический журнал. 1945. 1—2 (137—138). С. 74—81.
 Конноли 2000: Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.
 Левинская, Тохтасьев 1991а: Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Агафий Миринейский: комментарий // Свод I. С. 296—310.
 Левинская, Тохтасьев 1991б: Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Агафий Миринейский: вводная статья // Свод I. С. 292—295.
 Литаврин 1986: Литаврин Г. Г. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // ВВ. 47. С. 24—31.
 Ляпушкин 1961: Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л.
 Нефёдкин 2003: Нефёдкин А. К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // ВВ. 62 (87). С. 79—91.
 Нидерле 2000/1956: Нидерле Л. Славянские древности. М.
 Одинцов 1979: Одинцов Г. Ф. К истории древнейших русских названий копья // Этимология. 1977. М. С. 110—121.
 Перхавко 1979: Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. 4. С. 40—51.
 Рафалович 1964: Рафалович И. А. Отчёт о полевых исследованиях отряда раннеславянской археологической ПДЭ за 1963—64 / Архив Отделения этнографии и искусствоведения АН МССР, д. 24.
 Свод I: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.) / Ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М., 1991.
 Свод II: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (VII—IX вв.) / Ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995.
 Сериков 1991: Сериков Н. И. Иоанн Эфесский: комментарий // Свод I. С. 279—283.
 Соловьёва 1970: Соловьёва Г. Ф. Памятники конца I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье // Древние славяне и их соседи. М. С. 98—102.
 Тохтасьев 1998: Тохтасьев С. Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания, языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки) / Ред.: А. В. Десницкая, Н. И. Толстой. СПб. С. 29—57.
 Откупщиков 2001/1963: Откупщиков Ю. В. Штаны // Очерки по этимологии. СПб., 2001.
 Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О. Н. Трубачёва. СПб., 1996.
 Шмидт 1970: Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М. С. 63—69.
 Шувалов 1998: Шувалов П. В. Проникновение славян на Балканы // Основы славянского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки. СПб. С. 5—28.
 Шувалов 2000: Шувалов П. В. Венедская слабость и антская сила: к вопросу об эпическом образе ранних славян // Stratum plus. 5. С. 141—144.
 Шувалов 2002а: Шувалов П. В. Урбикий и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть I) // Византийский временник. Т. 61(86). М. С. 71—87.
 Шувалов 2002б: Шувалов П. В. Враги Империи (по трактату Псевдо-Маврикия) // ЗВОРАО. 1 (26). 2002. С. 422—452.
 Этнография... 1987: Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Ред. К. В. Чистов. М.
 Dan Teodor 1970: Dan Teodor Gh. Elemente și influențe biantine în Moldova în secolele VI—XI // SCIV. 21. 1. Р. 87—128.
 Kazanski 1999: Kazanski M. L'armement Slave du haut Moyen-Age (Ve—VIIe siècles). A propos des ches militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slavs // Přehled výzkomů, 39 (1995—1996). Brno. P. 197—236.
 Lebedynsky 2001: Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions (IVe au VIe siècle après J.-C.). Paris.
 Neumann 1965: Neumann A. Vegetius // RE. Suppl. 10. Col. 1016.
 Rubin 1954: Rubin B. Prokopios von Kaisareia, Mitarbeiter Belisars und Historiker. Stuttgart.
 Schenk 1994: Schenk D. Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma Rei Militaris // Klio. Bhft. 22.
 Zuckerman 1994: Zuckerman C. Sur la date du traité militaire de Végèce et son destinataire Valentinien II // Scripta classica Israelica. XIII. P. 67—74.

Условные обозначения (обведены значки, соответствующие находкам из кладов и погребений):

Лесная группа

— наконечник ангона

— шпора

Центральная группа

— наконечник копья с широким пером

— топор

Лесостепная группа

— меч

— накладка на лук

— звено кольчуги или доспеха

О. М. Приходнюк

Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства

Пастырское городище, которое расположено на пограничье Днепровской лесостепи и степи в Смелянском районе Черкасской области, в начале эпохи раннего Средневековья (последняя четверть VII—середина VIII в.) было крупным ремесленным центром, где работали высокопрофессиональные кузнецы, ювелиры и гончары. Добытые там археологическими раскопками материалы уже более столетия находятся в поле зрения специалистов. Больше внимания уделялось изучению ювелирных и производственных металлических изделий [Айбабин 1975: 62—72; Приходнюк 1994: 61—77; Приходнюк 2000: 48—73; Недопако 1998: 25—30].

Вместе с тем, Пастырское городище выделяется не только большим количеством сельскохозяйственного, ремесленного и бытового инвентаря, художественными изделиями из цветных и благородных металлов, но и неординарной глиняной посудой, представленной лепными и гончарными керамическими изделиями. К сожалению, этому важному источнику для изучения феномена Пастырского городища уделено очень мало внимания. В. В. Хвойка считал достаточным отметить, что гончарные изделия Пастырского принадлежат к культуре полей погребений [Хвойка 1905: 94—102]. Больше, но далеко не достаточно внимания пастырскому археологическому комплексу уделил М. Ю. Брайчевский. Он отметил, что среди находок раннесредневекового времени наиболее массовой является глиняная посуда. Кроме большого количества ее фрагментов, было найдено 25 сосудов, которые удалось реставрировать. Это лепные и гончарные изделия. Лепные формы принадлежат к категории слаборасчлененных изделий, близких к банкам и горшкам. Гончарную посуду представляют горшки с шаровидным туловом. «Эта группа посуды, — пишет М. Ю. Брайчевский, — может считаться наиболее характерной для раннесредневековых слоев Пастырского городища. Она имеет много общих черт с аналогичной группой керамики культуры полей погребений Черняховского типа, хотя в некоторых отношениях приобретает особенные, присущие только ей, черты» [Брайчевский 1955: 73]. Однако, и в этом случае керамические комплексы городища надлежащим образом не были введены в научный оборот. Из 25 уцелевших сосудов, в публикацию попал только один целый горшок, кочевавший потом из одной публикации в другую [Брайчевский 1955: рис. 47, 1].

В ходе семилетних раскопок, проведенных на Пастырском городище в девяностые годы XX в. под руководством автора статьи, получена большая коллекция керамики. Особенно много обнаружено ее в длинном сооружении № 1, где в лепных и гончарных горшках хранилось зерно. Там собраны фрагменты от 70 сосудов, 32 из которых удалось реставрировать. Из длинного сооружения № 2 отреставрировано 17 сосудов. Из других объектов происходит еще 21 изделие. Кроме того, нам удалось частично отреставрировать еще более 100 сосудов и получить представление об их размерах, форме, пропорциях. Всего статистически было обработано 179 полностью или частично реставрированных изделий, из которых 81 (45,25 %) принадлежит к лепным, а 98 (54,75 %) — к гончарным формам керамики.

Лепная кухонная керамика Пастырского городища представлена разнообразными по размерам и пропорциям горшками. Они коричневого, серо-коричневого, черно-коричневого цвета, с бугристой поверхностью и примесями дресвы, шамота, песка и слюды в глиняном тесте. Различаются лепные горшки размерами, пропорциями, профилировкой тулова и способом оформления венчика и днища. Дно бывает с закраиной и без нее. Встречаются небольшие сосуды, высотой 10—12 см и сравнительно большие, высотой 23—28 см. Однако преобладают изделия средних размеров, высотой 14—18 см.

Группа I-A (32 экз., 39,5 %). Ее составляют приземистые горшки небольших и средних размеров с максимальным расширением тулова на середине высоты. У сосудов незначительная разница между диаметром венчика и дна и короткие венчики с утолщенным или утонченным краем. Иногда венчики украшены по срезу пальцевыми вмятинами (рис. 1, 1—4).

Группа I-B (7 экз., 8,64 %). К этой группе принадлежат горшки средних размеров, стройных пропорций, с наибольшим диаметром тулова в верхней трети высоты сосудов. Их поверхность слегка сглажена. Короткие венчики незначительно отогнуты наружу. Иногда их край утолщен или утончен (рис. 1, 5—7).

Группа I-B (12 экз., 14,81 %). Горшки таких же пропорций, как и предыдущая группа сосудов: с максимальным расширением на верхней трети высоты. Но в отличие от последних они имеют бугристую поверхность, днища с закраиной и венчики, более отогнутые наружу. Край венчиков часто украшен пальцевыми защипами (рис. 1, 8—10).

Группа I-Г (16 экз., 19,75 %). Приземистые, с широким туловом изделия, средних и больших размеров, у которых максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты. Тулово сужено к плоскому дну. Открытая горловина с отогнутым и коротким краем значительно больше диаметра дна. Поверхность ошершавлена. Край венчиков утончен или утолщен, иногда с пальцевыми защипами (рис. 2, 1, 3).

Группа I-Д (4 экз., 4,95 %). Горшки средних размеров с открытой горловиной и коническим, суженным ко дну туловом. Плечо у них расположено под отогнутым наружу утолщенным или утонченным венчиком (рис. 2, 4, 5).

Группа I-Е (4 экз., 4,95 %). Ее составляют средних размеров горшки вытянутых пропорций, со слабопрофилированным туловом и отогнутым наружу венчиком. Край венчика изредка украшен пальцевыми защипами (рис. 2, 6, 7).

Группа I-Ж (3 экз., 3,7 %). Своеобразную группу составляют изделия средних размеров с шаровидным сглаженным туловом. У них диаметр венчика почти равен диаметру дна. Короткие утолщенные или утонченные венчики отогнуты наружу (рис. 2, 8, 9). Наиболее вероятно, что такая лепная форма сосудов является производной от гончарной шаровидной пастырской керамики.

Группа I-З (3 экз., 3,7 %). Эту группу составляют небольшие и средних размеров биконические сосуды с ребром на середине высоты и ошершавленной поверхностью. У них диаметр венчика почти равен диаметру дна. Короткие утолщенные венчики почти вертикальны или отогнуты наружу. Иногда их край украшался ногтевыми защипами (рис. 2, 10, 11).

В одной из полуземлянок на Пастырском городище были обнаружены два фрагмента от лепных сковородок с невысокими бортиками диаметром 8 и 20 см (рис. 1, 11, 12), а в хозяйственной яме — миниатюрный лепной сосудик с ребром на тулове и отбитым верхом (рис. 2, 14). Кроме того, при раскопках 1955 г. были найдены два кухонных сосуда, изготовленных из глиняного теста с грубыми примесями, с шершавой поверхностью. Их сформировали на медленном круге или изготовили от руки, затем подправили на гончарном круге (рис. 2, 12, 13). Один из них округлобонный, стройных пропорций, с максимальным расширением на верхней трети тулова и отогнутым наружу коротким венчиком. Край венчика украшен косыми насечками, а верхняя часть тулова — прямыми и волнистыми горизонтальными резными линиями (рис. 2, 12). Второй горшок — приземистый, с приподнятым плечом и широким дном. Удлиненный с утолщением венчик почти вертикальный с внутренней закраиной. Верхняя часть тулова оснащена волнистой резной линией (рис. 2, 13).

Гончарная посуда Пастырского городища представлена горшками, мисками и кувшинами. Она характеризуется высоким качеством производства, изготовлялась на быстром круге и обжигалась в специальных гончарных горнах. На днищах двух сосудов имелись клейма мастеров (рис. 3, 5, 9). Посуда сделана из плотного с мелкими примесями песка и слюды глиняного теста. В большинстве случаев ее поверхность хорошо лощенная или сглаженная. Сосуды серого, черного или светло-кирпичного цвета. Черепки на сломе одно-, двух- или трехцветные.

Среди гончарных изделий преобладают округлобокые на плоском поддоне *горшки* (83 экз., 84,71 %). Между ними имеются незначительные отличия в размерах, профилировке тулова, обработке поверхности, в оформлении орнамента и венчиков. Встречаются небольшие изделия — высотой 14—16 см и средние — высотой 19—26 см. Только одним экземпляром представлена корчага.

Группа II-A представлена шаровидными изделиями небольших размеров с короткими отогнутыми венчиками с округленным или скошенным краем, на котором бывает внутреннее или внешнее утолщение (5 экз., 15,4 %). Их поверхность обработана не очень тщательно. Туловища украшают от горловины до дна лощеные вертикальные линии (рис. 3, 1).

Группа II-B. Горшки этой группы имеют средние размеры, шаровидное тулово и короткий отогнутый наружу венчик (33 экз., 33,6 %). Они тонкостенные, с хорошо лощеной поверхностью. Венчики на внешней части края имеют утолщение. У некоторых экземпляров по внутренней части края венчиков проходит каннелюра. Поверхность сосудов украшена лощеным и врезным орнаментом. Прослеживается две системы орнаментации. Первая, когда орнамент в виде частой лощеной сеточки нанесен почти на всю поверхность тулова (рис. 3, 2). Вторая, когда тулово разделено на две части горизонтальным пояском, нанесенным на наиболее расширенную часть сосуда. Пояски могут иметь вид одной, двух или нескольких прямых резных и волнистых линий. Иногда они охватывают тулово широкой полосой, центральная часть которой украшена лощеными треугольниками и волнистыми вертикальными линиями. Нижняя часть горшков оставалась неорнаментированной или была украшена лощеными вертикальными линиями. Верх также либо не орнаментировался, либо имел лощеные сеточки, зигзагообразные горизонтальные и вертикальные линии, треугольники и т. д. (рис. 3, 3—7).

Группа II-B (31 экз., 31,62 %) типологически близка предыдущей группе. Круглобокые горшки небольших и средних размеров с приподнятым плечом и отогнутыми наружу короткими венчиками. Они имеют хорошо лощеную поверхность, украшены врезным и лощеным орнаментом, похожим на орнаментацию шаровидных сосудов (рис. 3, 10; 4, 2). Но есть несколько сосудов с небрежно обработанной поверхностью (рис. 3, 8). В эту же группу следует включить гончарную корчагу высотой 52,5 см, поверхность тулова которой разделена прямыми горизонтальными линиями на три сектора (рис. 4, 1).

Группа II-Г (1 экз., 1,02 %). Оформлением верхней части выделяется горшок, у которого приподнятое плечо плавно переходит в вертикальный слегка утонченный венчик с внутренней закраиной. У него серая хорошо лощенная поверхность. Тулово, покрытое частыми лощеными вертикальными полосами, разделено пояском из комбинаций прямых и волнистых линий (рис. 4, 6).

Группа II-Д (2 экз., 2,05 %). Горшки с шершавой поверхностью и примесями дресвы и песка в глиняном тесте. У таких изделий тулово имеет максимальное расширение на верхней части, которая украшалась врезными горизонтальными и волнистыми линиями (рис. 4, 4).

На Пастырском городище найдено несколько *гончарных мисок* высотой 11—14 см при диаметре венчиков 18—19 см (5 экз., 5, 9 %).

Группа III-A (4 экз., 4,07 %). К этой группе принадлежат серолощенные круглобокие изделия с хорошо выраженным плечом и отогнутым наружу коротким венчиком. Плоские, без закраины, днища меньше диаметра венчика. Под венчиком они украшены каннелюрами, а по тулову — лощеными вертикальными линиями (рис. 4, 7).

Группа III-B. Одним большим фрагментом представлена миска красноватого цвета с хорошо лощенной неорнаментированной поверхностью (1 экз., 1,02 %). У нее округленное тулово с приподнятым плечом. Венчик обозначен небольшой вертикальной оттяжкой, утолщенной при переходе к шейке (рис. 4, 5).

Кувшины на Пастырском городище представлены преимущественно фрагментами, а иногда и целыми экземплярами гончарных изделий больших, средних и маленьких размеров с одной, двумя ручками или без них (10 экз., 10, 2 %).

Группа IV-A (1 экз., 1,02 %). Фрагмент верхней части двуручного гончарного кувшина. Диаметр венчика составил 12 см. Шейка у него плавно переходит в короткий утонченный венчик. Расположенные с противоположных сторон небольшие ручки имеют округлое сечение. Под венчиком имеются две врезные горизонтальные линии (рис. 5, 1).

Группа IV-B (2 экз., 2,05 %). Лощеные серого и черного цвета кувшины большого и среднего размеров, с одной округлой в сечении ручкой. Объединяют их воронкообразно расширенная горловина с выступающим сливом, крутые плечики, переходящие под горловиной в тулово, слегка суженное к широкому плоскому днищу, и узкая шейка, украшенная тремя врезными горизонтальными линиями. На тулово нанесены лощеные вертикальные полосы (рис. 5, 4, 5).

Группа IV-B (1 экз., 1,02 %). Небольшой одноручный кувшин тыквообразной формы, высотой 15,5 см, с максимальным расширением тулова в нижней части. Дно широкое, плоское. Верхняя часть сужена, плавно переходит в короткий вертикальный венчик. Небольшая круглая в сечении ручка помещена в верхней наиболее расширенной части тулова (рис. 5, 1).

Группа IV-Г (2 экз., 2,05 %). Среди пастырской керамики особое место занимают фрагменты одноручных красноватого цвета гончарных кувшинов. Они отличаются почти цилиндрической горловиной высотой 9—10 см при диаметре 10—12 см и коротким отогнутым венчиком. Горловина посажена на крутые расширенные плечики; в месте стыка горловины и плечиков имеются горизонтальные каннелюры. Плоские в сечении ручки верхним концом прилеплены чуть ниже края горловины, а нижним — к верхней части тулова (рис. 5, 9, 10).

Группа IV-Д (1 экз., 1,02 %). Своеобразным является большой фрагмент одноручного гончарного кувшина с грубо обработанной, неорнаментированной поверхностью. Вертикальная, расширенная к утолщенному краю шейка диаметром 7,4 см, переходит в крутые плечики суженного книзу туловища. Округлая в сечении небольшая ручка соединяет край венчика и максимально расширенную часть кувшина (рис. 5, 2).

Группа IV-E (1 экз., 1,02 %). Небольшой одноручный серолощенный тонкостенный кувшинчик высотой около 12 см с ребром на нижней части тулова. У него отогнутый наружу короткий венчик, биконическое тулово и дно с кольцевым поддоном. Плоская в сечении ручка была присоединена к верхней части изделия (рис. 4, 3).

Группа IV-Ж (1 экз., 1,02 %). К изделиям без ручек относится серолощенный гончарный кувшин стройных пропорций, высотой 24 см, с округлым, почти шаровидным туловом, плоским широким дном и высокой расширенной вверх шейкой. У основания шейки и на месте максимального диаметра тулова имеются пояски из горизонтальных каннелюр, а на тулово нанесены лощеные вертикальные полосы (рис. 5, 6).

Группа IV-З (1 экз., 1,02 %). У второго серолощенного кувшина без ручек отсутствует нижняя часть. Судя по сохранившемуся фрагменту, это было небольшое изделие с шаровидным туловом и высокой цилиндрической шейкой с отогнутым краем. У основания шейки и на месте максимального расширения тулова имеются пояски из рельефных каннелюр, между которыми нанесены лощеные зигзагообразные горизонтальные линии. Поверхность шейки и нижней части тулова украшена лощеными вертикальными полосами (рис. 5, 7).

Группа IV-И (1 экз., 1,02 %). Разновидность изделий без ручек представляет большой фрагмент гончарного чернолощеного кувшина с округлым туловом и короткой расширенной шейкой. Вся его поверхность от края венчика покрыта лощеными вертикальными полосами (рис. 5, 8).

Отдельную группу гончарной керамики Пастырского городища составляют *амфоры*. Это горловина и два целых однотипных сосуда, изготовленных из плотной кирпичного цвета глины с примесями мелкого шамота, песка, конкреций белого цвета и слюды. Их поверхность ангобирована. Амфоры имели укороченное яйцеобразное тулово (рис. 4, 8, 9). У одной из целых амфор дно округлое, а у второй — слегка заостренное. Верхняя часть тулова первой амфоры украшена прямыми горизонтальными линиями, у второй, кроме прямых горизонтальных линий, на плечики нанесена широкая волна. Орнамент врезной, он нанесен до обжига по сырой глине. Сосуды имеют высокие, суженные горловины, утолщенный край которых сверху уплощен. Овальные в сечении ручки на своей внешней стороне имеют продольное ребро. Они прикреплены к горловине, несколько ниже уровня венчиков, и к плечикам. Размеры амфор: высота — 56 и 52 см, диаметр тулова — 47 и 42 см, высота горловины — 12,0 и 7,5 см, диаметр края горловины — 8,0 и 7,5 см. На плечиках амфор имеются монограммы и знаки в виде перекрещенных линий. Они процарапаны после обжига сосудов.

Общеизвестно, что на восточнославянских памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. высококачественная гончарная посуда присутствует локально и в очень незначительных количествах. В частности, на ранних поселениях, которые датируются V в., иногда попадаются фрагменты гончарных сосудов черняховского облика, а на более

поздних, относящихся к VII в., — черепки гончарных сосудов канцирского типа. Наиболее вероятно, что первые указывают на существование незначительных черняховских гончарных традиций в славянской среде, а вторые — на связи между славянским населением и гончарами балки Канцирки степного Приднепровья.

Вместе с тем, на позднепечниковских памятниках второй половины VII в. иногда попадаются и гончарные черепки пастырского типа. Единичные фрагменты гончарной посуды этого типа найдены при раскопках в селах Стецовка, Сушки, Новоселица, Балка Яцева в Среднем Приднепровье, а также в селах Хитцы, Александровка на Левобережье Днепра; в селе Семенки в Южном Побужье и в некоторых других местах [Приходнюк 1998: 55]. Лишь на поселениях Ханска I, II в Молдове насчитывалось 1,6—1,1 % пастырской керамики от общего количества посуды [Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 98. Табл. 4]. Чуть большее ее количество на этих двух славянских поселениях, вероятней всего, объясняется влияниями не столько пастырского, сколько нижнедунайского гончарства, где такая посуда приобрела довольно значительное распространение в раннесредневековое время. По данным И. Фидлера, небольшие гончарные горшки с шаровидным туловом (по нашей, классификации группа II-A) обнаружены в погребениях № 7, 20, 65, 89, 185 на могильнике Раздельна; в погребениях № 9, 24, 31, 35, 40, 41 на могильнике Юпер; в погребениях № 40, 48, 67 в Гарване; в погребениях № 74, 92, 198 в Истрии; в погребениях № 8, 20 в Бабово; в погребении № 41 из Девни и в погребении № 40 из Кюлевец, а средних размеров (группа II-B, II-V, II-G) — в погребениях № 15, 17, 34, 38, 45, 57, 58, 67, 70 на могильнике Юпер; № 11, 22, 40, 41, 43 в Бабово; № 65, 182, 219, 40, 67, 89 в Гарване; № 65, 182, 219 в Раздельне; № 15, 125 в Истрии; № 2а, 15 в Сату-Ноу; № 17 в Бласково; № 25 в Гирлифе; № 242 в Бдинцах. Гончарная шаровидных очертаний лощеная посуда присутствовала на могильниках Преслав — 8, Доробант, Торговице — I, Иванеки, Дибиа, Гирлаф и в других местах (Fidler 1992, Teil I: 138—141). На хорошо исследованных могильниках Балкано-Дунайского региона из Гарвана, Бабово и Юпера такой посуды насчитывалось, соответственно, 19,5 %, 28,2 %, 57 %.

Таким образом, Балкано-Дунайские земли были основным регионом, где во второй половине I тыс. н. э. получили широкое распространение гончарные горшки с лощеной поверхностью, украшенной врезным и лощеным орнаментом, напоминающим орнаментацию гончарной посуды Пастырского городища. Поэтому, если уместно говорить о пастырской культуре, то основным ее ареалом следует признать не Среднее Поднепровье, где она представлена одним городищем, а Балкано-Дунайские земли, на которых известны многие археологические памятники VII—VIII вв. с лощеной гончарной посудой, пальчатыми фибулами, звездчатыми литыми подвесками и другими материалами, типичными для Пастырского городища.

Типологическая близость лощеной пастырской керамики, встречающейся в Среднем Поднепровье, на Балканах и Подунавье, указывает на общие истоки ее происхождения, что признается большинством исследователей. Однако существуют расхождения в определении этих истоков. Часть археологов видит их в салтовской или черняховской среде. Салтовская линия развития пастырского керамического комплекса не выдерживает серьезной критики уже в силу того, что Пастырское городище датируется досалтовским временем.

Приводимые Д. Т. Березовцом единичные аналогии пастырским шаровидным гончарным горшкам с Верхнего Салтова [Березовец 1965: 56, рис. 4, 1—4], могут служить скорее аргументом в пользу влияния пастырских или балкано-дунайских гончарных традиций на салтовское гончарное производство, а не наоборот. М. Ю. Браичевский видел корни пастырской гончарной керамики в черняховском гончарном производстве [Браичевский 1955: 73, 76]. Действительно, черняховские и пастырские горшки с шаровидным туловом очень похожи. И если бы не хронологический разрыв между временем существования черняховских древностей и Пастырского городища, то такие истоки пастырских гончарных горшков были бы очень вероятными. Однако при существовании между ними хронологической лакуны в 2,5—3 века, местный генезис пастырской керамики был невозможным.

Часть болгарских археологов, вслед за Д. Т. Березовцом [Березовец 1965: 55] и М. И. Артамоновым [Артамонов 1966: 1—9], считают, что на Балканы и в Подунавье такая посуда попала из Среднего Поднепровья [Ваклинова 1977: 31; Димитров 1976: 17]. С. Ангелова ее истоки усматривает в придунайской среде. По ее наблюдениям, на могильнике Пятра-Фрекацей (Нижнее Подунавье), где исследовано 228 погребений II—VII вв., в могилах IV—VI вв., которые принадлежали готам-федератам, присутствовали круглобокие гончарные горшки. Эти формы под влиянием византийского гончарства постепенно эволюционировали в гончарную посуду с лощеной обильно орнаментированной поверхностью, которая в Подунавье и на Балканах доживает до IX в. [Ангелова 1984: 8]. Другие исследователи истоки таких изделий усматривали в кельтской среде конца I тыс. до н. э. [Filip 1956: Tabl. CXIII, 5; CXXIII, 2; CXXXI, 1] или в провинциальноримском гончарстве [Böttger 1967: 421—4232; Diakonu 1970: 248].

Нижнее Подунавье и Балканский полуостров были тем регионом, где на основе позднеримских округлобоких горшков появились ранневизантийские формы лощеной посуды [Böckisch, Böttger 1966: 28, Taf. 1]. Именно там прослеживается непрерывное развитие этой формы керамики от позднеримского до ранневизантийского времени. В Болгарии известны даже гончарные центры, работавшие в позднеримское и ранневизантийское время [Султанов 1969: рис. 10а].

Процесс эволюции гончарной посуды круглобоких форм прослеживается и на материалах римского лимеса, расположенного западнее Нижнего Подунавья. Там в середине I в. н. э. известны серо-коричневые горшки. В частности, они найдены в погребениях этого времени на могильнике, расположенном рядом с крепостью Вормс в Германии [Grünwald 1990: 205, F. 32]. В римском лагере из Гарнунтума, в Австрии, в слоях времен Траяна (98—117 н. э.) также обнаружены круглобокие гончарные горшки серого цвета (рис. 6, 1), которые встречаются там и в последующих слоях, датируемых вплоть до IV в. [Grünwald 1979: 60]. Сначала такие горшки имели ошершавленную поверхность с горизонтальными врезными линиями на верхней части (рис. 6, 2, 3). В последующее время на многих из них появилось лощение поверхности и богатая лощеная и врезная орнаментация в виде перекрещивающихся линий, сеточек, густо

нанесенных горизонтальных линий и т. д. (рис. 6, 4—14; 7, 1—4). Элементы этой орнаментации, несомненно, были перенесены на высококачественную посуду раннесредневекового времени. Это касается и елочного орнамента (древо жизни), присутствующего как на поздне римских изделиях из Гарнунтума (рис. 8, 1, 2), так и на раннесредневековой керамике из Джеджови Лозя в Болгарии (рис. 8, 3) и Пастырского городища (рис. 8, 4). Лощеная раннесредневековая керамика орнаментирована еще и поясами из лощеных треугольников, волнистых вертикальных линий и др. Такие орнаментальные мотивы присутствуют и на поверхности салтовских кувшинов [Плетнева 1989: рис. 68—76]. Исходя из этого, Ст. Ангелова и Л. Дончева-Петкова допускают, что орнаментика высококачественной гончарной раннесредневековой посуды сформировалась на базе провинциально-римских традиций при аланском влиянии. Последние могли попасть на Нижний Дунай и на Балканы вместе со степным населением досалтовского периода [Ангелова, Дончева-Петкова 1990: 62—69].

Формы с округлым туловом и суженным устьем, аналогичные пастырским мискам (группа III-A), известны на территории Дакии начиная с рубежа нашей эры [Grisan 1969, Pl. XXXIV, 1—6, 9, 10; XXXV, 1, 4, 9] вплоть до V—VII вв. [Teodor 1978: fig. 17, 1]. Для миски, красноватого цвета с приподнятым плечом и венчиком в виде утолщения (III-B), известна аналогия на раннесредневековом могильнике Раздельна в Северо-Восточной Болгарии [Димитров 1978: Табл. VI, II; Fidler 1992: Teil. 2, Taf. 59, 19]. Большие корчаги с округлым вытянутым туловом и утолщенным венчиком (II-B), имели наибольшее распространение на территории Южной, Центральной и Юго-Восточной Европы в поздне римское время [Diakoviciu 1972: Pl. XXIII, 7; Póczy 1955: Tabl. 28, 29; Сымонович 1956: 262—270].

Кувшины Пастырского городища разделяются на изделия местного производства и импортные. К первым относятся изделия без ручек (IV-Ж, IV-З, IV-И). С местной посудой их роднит характер глиняного теста и украшения на туловах в виде горизонтальных врезных линий, лощеных вертикальных полос, наличие лощеного зигзагообразного орнамента. Прототипы таких изделий можно усматривать в похожих провинциально-римских кувшинах, которые, в свою очередь, берут начало от античных красноглиняных кувшинов [Магомедов 1977: 114]. Напротив, одноручные кувшины (IV-A, IV-Б, IV-В, IV-Д) порождены традициями аланского гончарства. Наиболее вероятно, что они связаны с производственными мастерскими балки Канцирки из степного Поднепровья [Смиленко 1975: рис. 56]. С крымскими гончарными традициями связаны одноручные кувшины красноватого цвета с почти цилиндрической шейкой (IV-Г). В частности, похожие изделия обнаружены при раскопках Скалистинского могильника [Веймарн, Айбабин 1993: 57, рис. 36, 1, 2; 83, рис. 57, 10; 146, рис. 108, 14].

В соответствии с взглядами, утвердившимися в последнее время, амфоры, аналогичные пастырским (рис. 4, 8; 9), датируются V—первой половиной VII в. Изначальным центром их производства считается о. Кипр и местечко Гермонида в Южной Греции [Сазонов 1989: 41—60; 1991: 60—72]. На Дунайском лимесе и на побережье Боспора впервые они появляются в начале VI в. На других Причерноморских территориях они распространяются во времена Юстиниана (527—565 н. э.). Такие амфоры известны в Стамбуле, Варне, Истрии, Яссах и прочих местах. Много их найдено в Карфагене и Галлии, где они датируются второй половиной VI—VII в. [Пиери 1994: 95]. Фрагменты таких амфор попадают в Крым, в слои VI—VII в. [Якобсон 1979: рис. 3, 4]. В хорошо датированных комплексах средневекового Херсонеса, в портовом квартале I и в засыпке цистерны для засолки рыбы № 92, такие амфоры датируются концом VI—началом VII вв. [Романчук, Сазонов, Седикова 1995: 39]. В Херсонесе похожие, но с более вытянутым туловищем, амфоры встречаются в более позднее время, в слоях VIII—начала IX в. [Романчук, Сазонов, Седикова 1995: 130, табл. 20, 91, 92]. Аналогичные изделия с вытянутым туловом известны в VIII в. на салтовском поселении у с. Дмитриевка на р. Короче [Плетнева 1989: 62, рис. 28, 6] и в Среднем Поволжье, в погребениях № 1 и № 2 кургана № 4 могильника Урень II [Багаутдинов, Набоков 1993: 18, рис. 2, 3, 6].

Кроме яйцеобразного тулова, поздние амфоры от более ранних отличаются наличием продольного ребра на внешней стороне ручек. То есть пастырские амфоры являются промежуточным звеном в развитии этих двух групп тарной посуды. С первой их роднит укороченное тулово, а со второй — ручки с продольным ребром. Следует особо подчеркнуть, что херсонесские амфоры, в отличие от других, на туловах имели граффити, как и амфоры с Пастырского городища [Романчук, Сазонов, Седикова 1995: 51]. Наиболее вероятно, что на Пастырское городище амфоры попали с Крымского полуострова, ведь между населением этих двух регионов в раннесредневековое время была установлена тесная взаимосвязь. В Крыму известны горны по обжигу амфор (Левадия, Мисхор, Ялта). Возле Ялты, в ущелье Суат, амфоры такого типа были найдены в горне, который датируется первой половиной VIII в. [Баранов 1982: 145—148].

Неординарными являются и лепные керамические наборы Пастырского городища. По типологическому составу они не имеют полного соответствия ни одной из групп лепной посуды раннесредневековых археологических культур. Однако отдельно взятые керамические формы встречаются в том или ином славянском культурном ареале. Так, наиболее многочисленные лепные горшки с расширением тулова на середине высоты (I-A) занимают одно из ведущих мест среди керамических наборов пеньковской культуры и встречаются на памятниках пражского и колочинского ареалов [Славяне... 1990: 232], входят в состав сахновской керамической посуды [Приходнюк 1980: 49, рис. 27, 3]. Имеются они в наборах раннесредневековых славянских древностей на территории Румынии [Teodor 1978: 207, fig. 48, 8] и Болгарии [Въжарова 1965: 15, обр. 4, 36]. И наоборот, горшки с расширением на верхней трети высоты (I-B) являются более многочисленными в культуре пражско-корчакского типа, хотя и встречаются среди наборов посуды пеньковской и колочинской культур [Славяне... 1990: 231—232]. Такие керамические формы известны также на славянских памятниках Балкано-Дунайского региона [Teodor 1978: 176, fig. 17, 5; Въжарова 1965: 92, 93, обр. 59, 60]. Близкие по пропорциям изделия, но с более грубо обработанной поверхностью и более отогнутыми наружу венчиками, край которых часто украшен пальцевыми зашипами и насечками (I-B), являются распространенной формой керамических наборов типа Сахновки [Приходнюк 1980: 49, рис. 27, 4] и ранней Луки-Райковецкой [Русанова 1973: 71, табл. 19, 20].

21]. Хорошо они представлены на памятниках Нижнего Подунавья и Балканского полуострова [Teodor 1978: 207, fig. 48, 1; Въжарова 1965: 93, 94, обр. 61, 62—63; 1976: 382, обр. 226, 3]. Приземистые горшки с туловом сильно суженным ко дну, хорошо известны среди пеньковской [Приходнюк 1998: 106—128, рис. 35, 3; 43, 4; 6, 55, 4; 57, 4] и волынцевской [Славяне... 1990: 280, рис. 59, 10—13] посуды, а также на славянских памятниках Румынии [Teodor 1978: 178, fig. 19, 5, 6] и Болгарии [Въжарова 1965: 67, обр. 41, 3; 1976: 51, обр. 29, 6]. Изделия стройных пропорций с открытой горловиной и коническим туловом (I-Д) напоминают колочинскую посуду [Этнокультурная карта... 1985: 6, рис. 17, 4, 5]. Они иногда встречаются среди пеньковской керамики [Приходнюк 1986: 126, 129, рис. 55, 16; 58, 7], а также в наборах раннесредневековой славянской посуды с территории Румынии [Teodor 1978: 178, fig. 19, 3] и Болгарии [Въжарова 1965: 13, обр. 3, 5; 1976: 382, обр. 226, 4]. Горшки вытянутых пропорций, со слабопрофилированным туловом (I-Е) имеют аналоги среди наборов пеньковской [Приходнюк 1998: 102—120, рис. 31, 3; 38, 2; 48, 2; 49, 1], колочинской [Славяне... 1990: 325, рис. 46, 8] культур и на славянских памятниках Балкано-Дунайского региона [Teodor 1978: 176, fig. 17, 5; Въжарова 1965: 15, 109, обр. 4, 3; 81, 2]. Другие, менее распространенные формы лепной посуды Пастырского городища встречаются в тех же ареалах Восточной и Южной Европы. Сковороды считаются одним из определяющих признаков раннесредневекового славянского керамического набора.

Нетрудно заметить, что по набору лепных керамических форм Пастырское городище не имеет полного соответствия ни с одной из археологических культур Восточной Европы. Вместе с тем каждая из выделенных форм лепной посуды в той или иной мере присутствует во всех славянских ареалах второй половины I тыс. н. э. и в достаточно полной мере представлена на славянских памятниках Нижнего Подунавья и северо-восточной части Балканского полуострова. Такое явление было закономерным, ведь среди восточных славян, двигавшихся в VI—VII вв. в Балкано-Дунайский регион, были представители, оставившие после себя пеньковские, пражские и колочинские древности. Там черты их культур смешивались, впитывая в себя передовые достижения местных народов. Ярким примером этому может служить культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, которая в V—VII вв. была распространена на Левобережье Нижнего Подунавья в Мунтении, Олтении и Юго-Восточной Трансильвании. Хотя часть румынских исследователей рассматривают археологические комплексы этой культуры как результат длительной эволюции местных культур Дакки [Zaharia 1971: 283] или как славянскую культуру, постепенно ассимилировавшуюся под влиянием местных романизированных культур [Comsa 1968: 355—380], в целом культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел следует считать проявлением пребывания славян в Подунавье в период начальной стадии Средневековья [Zscesel 1970: 125—136; Comsa 1972: 9—28]. Проанализировав керамику культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, С. Ангелова выделила в ней лепные неорнаментированные горшки пражского и пеньковского типов, грубой работы гончарную посуду с волнистым и линейным орнаментом на туловище, славянского облика, гончарные изделия дако-римских традиций культуры Сынтана-де-Муреш и византийскую импортную посуду, сформованную на быстром круге [Ангелова 1992: 152].

На Пастырском городище кухонная посуда с грубыми примесями в глиняном тесте представлена лишь единичными экземплярами. Тулово таких сосудов украшено асимметричными волнистыми врезными и прямыми линиями (рис. 2, 12, 13). Считается, что такие горшки формировались на ручном гончарном круге. Однако из-за ее малочисленности, а также существования высокоразвитого гончарного производства на Пастырском городище применение такого примитивного устройства было маловероятным. Кроме того, применение ручного гончарного круга, на наш взгляд, было вообще невозможным. Ведь физически нельзя вращать руками круг и одновременно формировать сосуд. Надо полагать, что асимметричная гончарная посуда с Пастырского городища, как и все славянские горшки примитивной технологии, появилась в результате внедрения в славянское керамическое производство ножного круга, на котором сосуды вначале формировались при медленном его вращении. Это было обусловлено не техническими возможностями приспособления, а характером формовочной массы, содержащей крупные с острыми краями примеси (шамот, дресва), которые лишали возможности использовать в полном объеме ротационный потенциал гончарного круга. Позже крупные примеси были заменены более мелким песком, что позволило увеличить скорость вращения ротационной части круга, а вместе с тем и формировать более качественные гончарные изделия. Славяне не изобретали самостоятельно гончарный круг. В этой связи очень важным выглядит наблюдение М. И. Артамонова, что круг не изобретался каждым народом самостоятельно, а, раз возникнув, перенимался извне, по мере готовности народа к его внедрению в процесс собственного керамического производства [Артамонов 1935: 58—64].

К этому следует добавить, что широкое внедрение гончарного круга в VII—VIII вв. наблюдается почти у всех европейских народов. То есть такое влияние носило не региональный, а общеевропейский характер. Оно было порождено производственным импульсом, который исходил из одного центра. При его поисках особое внимание следует уделить территории Балкано-Дунайского региона, где позднеимские традиции в производстве гончарной посуды сохранялись и в период начальной стадии Средневековья. Вместе с тем исследователи обратили внимание на определенный упадок гончарного производства на этих территориях во второй половине V—начале VII в. и на унификацию форм кухонной посуды [Böttger 1967: 297; Ангелова 1984: 78]. Это случилось после разгромов военно-административных центров, которые были местом концентрации ремесла, в том числе и гончарного. После их упадка появляется большое количество небольших сельских гончарных мастерских, где производилась почти одинаковая по форме гончарная керамика, которая была рассчитана на сельских потребителей. В отличие от больших двухъярусных горнов, которые концентрировались в городах и крепостях, на сельских поселениях были небольшие одноярусные горны, получившие распространение в VII—VIII вв. [Дончева-Петкова 1977: 31; Ангелова 1984: 114].

Провинциально-римское происхождение имеет и традиция орнаментации туловищ сосудов раннесредневекового времени врезным линейным и волнистым орнаментом [Böttger 1967: 421—423].

Славяне постепенно воспринимали традиции римско-византийского гончарного производства. Раннее проникновение славян в земли Балкано-Дунайского региона прослеживается на памятниках типа Братей в Румынии, на которых

сформированная на быстром круге посуда позднеимских образцов в V в. выступает вместе со славянскими горшками пражского типа [Zaharia 1971: 269—278; Barzu 1973: 79—99]. Лепная неорнаментированная керамика пражского и пеньковского типов найдена вместе с ранневизантийской в слоях VI в. при раскопках римской бани в Силистре, ранневизантийского города в с. Войвода и укреплений Хан-Крум в северо-восточной части Болгарии [Ангелова 1992: 156]. Лепную славянскую керамику также обнаружили в слоях VI—VII вв. при раскопках крепостей дунайского лимеса в Диногее, Берос, Стримен и в других местах [Комша 1992: 365]. В крепости Нова Черна лепная биконическая, пеньковская керамика найдена вместе с гончарной ранневизантийской посудой и бронзовой пальчатой фибулой [Ангелова 1992: 156]. Совместное сосуществование ранневизантийской и славянской керамики прослежено на славянских поселениях Чернат, Поян и в других местах Румынии [Zsekely 1970: 125—136].

Особенно интересные комплексы, в которых прослеживается сосуществование лепной и гончарной керамики имеются на славянских могильниках Северо-Восточной Болгарии, территория которой примыкает к Дунаю. Это хорошо известные могильники с погребениями по обряду кремации и з Гарвана, Юпера и Бабово, на которых исследованы 101, 74 и 57 погребений. По археологическим признакам эти погребения распадаются на несколько групп. Часть из них принадлежит безурновым погребениям в небольших круглых ямках. На могильнике из Гарвана их насчитывалось 4 (3,96 %), из Юпера — 8 (4,05 %), а из Бабово — 2 (3,5 %). Ж. Вожарова указывала, что на этих памятниках имеются ямные захоронения, в которых среди кальцинированных косточек встречаются мелкие фрагменты керамики. Эти могилы мы относим к категории безурновых. В Гарване их было 8 (7,92 %), в Юпере — 20 (27 %), в Бабово — 6 (10,5 %). Большая часть погребений на этих могильниках относится к урновым. Урной служили лепные, примитивно-гончарные и гончарные кухонные сосуды, гончарные горшки с лощеной поверхностью (пастырского типа). Преобладают одно- и двуурновые погребения. В некоторых из них присутствуют горшки-приставки.

Одна лепная урна была в 20 погребениях из Гарвана (19,68 %), в 3 — из Юпера (4,05 %) и в 1 — из Бабово (1,75 %). Две лепные урны были в 1 погребении из Гарвана (0,99 %) и в 1 — из Бабово (1,75 %). Одна примитивно-гончарная урна обнаружена в 26 кремациях из Гарвана (25,74 %), в 1 — из Юпера (1,55 %) и в 2 — из Бабово (3,5 %). Две примитивно-гончарные урны обнаружены в 1 погребении из Юпера (1,35 %). По одной урне, которыми служили гончарные кухонные горшки, обнаружено в 21 погребении из Гарвана (20,8 %), в 15 — из Юпера (20,25 %) и в 24 — из Бабово (42 %). Две такие урны стояли в 1 погребении из Гарвана (0,99 %), в 3 — из Юпера (4,05 %) и в 3 — из Бабово (5,25 %).

В 3 захоронениях на могильнике в Бабово (5,25 %) обнаружены гончарные урны и приставки. По одной гончарной урне с лощеной поверхностью присутствовало в 10 могилах из Гарвана (9,9 %), в 24 — из Юпера (32,5 %) и в 9 — из Бабово (15,9 %). Две гончарные урны с лощеной поверхностью найдены в 3 погребениях из Юпера (4,05 %). На этом же могильнике в 1 безурновом погребении стоял горшок-приставка с лощеной поверхностью (1,35 %).

Кроме преобладающего количества погребений, в которых находились горшки только одной технологической линии производства — лепные, примитивно-гончарные кухонного или столового облика, имеются погребальные комплексы, в которых различные по технологии производства сосуды встречаются вместе. Так, в 1 погребении из Юпера (1,35 %) обнаружены примитивно-гончарная и гончарная кухонного облика урны, в 1 погребении из Юпера (1,35 %) и в 5 — из Юпера (8,85 %) стояло по две урны кухонного и столового облика. Более того, в 1 погребении из Бабово (1,75 %) было обнаружено 6 урн с 2 горшками-приставками.

Урнами служили 2 лепных, 2 примитивно-гончарных и 2 гончарных с шершавой и лощеной поверхностью горшка. В качестве приставок использовали 1 лепной сосуд и 1 примитивно-гончарный горшок. Особую категорию погребений на могильнике из Гарвана составляют 9 захоронений в каменных ящиках. В 3 (2,97 %) кальцинированные косточки были сложены в кучку без урн, в 5 (4,95 %) урной служили кухонные гончарные горшки, а в 1 (0,99 %) — гончарный сосуд с лощеной поверхностью.

Таким образом, материалы могильников из Гарвана, Юпера и Бабово свидетельствуют, что у славян Балканского полуострова урной служили лепные, примитивно-гончарные и гончарные кухонные горшки, а также столовые сосуды с лощеной поверхностью. Лепными урнами были неорнаментированные сосуды пражского типа с примесями песка и кварца в глиняном тесте. По форме это округлобокие горшки с максимальным расширением тулова на верхней трети высоты с крутыми плечиками, хорошо выраженной шейкой и короткими отогнутыми венчиками. И лишь в 1 погребении из Юпера (1,35 %) в качестве урны был использован лепной глиняный котел с внутренними ручками.

Примитивно-гончарные урны всегда асимметричны, с грубо обработанной поверхностью. Это округлобокие изделия различных пропорций с короткими отогнутыми наружу венчиками, на их поверхности иногда нанесены прямые и волнистые горизонтальные линии. В Гарване обнаружили 1 (0,99 %) примитивно-гончарную урну биконических очертаний.

Значительная часть кремаций на этих могильниках была помещена в гончарные урны. Одни из них были горшками кухонного облика. Они округлобокие, самых разнообразных пропорций, с короткими отогнутыми наружу венчиками. Поверхность их туловищ густо орнаментирована прямыми и волнистыми врезными линиями.

Отдельную очень выразительную группу керамического материала составляют округлобокие с лощеной поверхностью горшки с короткими отогнутыми венчиками. Они изготовлялись из хорошо отмученной глины с мелкими примесями. Тулово у многих из них оснащено пояском из врезных горизонтальных линий. Верхняя часть его украшалась лощеным орнаментом. Данная группа идентична столовой посуде пастырского типа.

На материалах славянских могильников юго-восточной части Балканского полуострова прослежено существование могил с лепной, примитивно-гончарной и гончарной посудой. Это указывает на одновременность совершения погребений. Наиболее ранними следует считать те захоронения, в которых присутствует лепная керамика. Более поздними являются погребения с гончарной керамикой. Кроме того, на этих могильниках прослеживаются случаи, когда в закрытых комплексах присутствуют различные по технологии изготовления сосуды, а иногда даже полный набор всех технологических групп керамики. Если исходить из восточнославянских реалий, то это указывало бы на длительное

существование более архаичных керамических форм вплоть до более поздних времен, когда в быте славян появляется гончарная посуда, что, в частности, прослеживается на памятниках культуры Луки-Райковецкой. Невозможным было бы существование на наших территориях славянской гончарной посуды в пражско-корчакской культуре. Именно ориентируясь на реалии в развитии гончарства на коренных славянских территориях, Ж. Вожарова датировала погребения из Гарвана, Юпера и Бабово VI началом VII в. и VIII—X вв. [Вожарова 1976: 416—422]. Однако на Балканах и в Подунавье ситуация с применением гончарного круга была совсем иной. Там его при изготовлении посуды применяли беспрерывно, начиная с позднеримского времени. Славяне, попав на Балканы, быстро освоили новые технологии. Сначала посуда славян была более примитивной в сравнении с ранневизантийской, но она соответствовала их традициям [Ангелова 1992: 154]. Свидетельством относительно более раннего появления гончарной керамики с врезным линейным и волнистым орнаментом в славянской культурной среде Нижнего Подунавья являются керамические наборы культуры Ипотешть-Кындеть-Чурел. В подтверждение этому можно привести материалы из могильника Балта Верде в Румынии, на котором в одном из славянских погребений вместе с раннегончарной керамикой была найдена бронзовая пряжка типа Сиракузы, датируемая VII в. [Fidler 1992: 90, Abb. 14, 1—12].

Все это является свидетельством тому, что славяне, попав на Балканы и в Нижнее Подунавье, уже в VII в. начали применять при изготовлении посуды гончарный круг. Поэтому неубедительной выглядит хронологическая лакуна в VII в. на могильниках Гарван, Юпер и Бабово [Вожарова 1976: 417]. Против существования такого хронологического разрыва в функционировании этих могильников говорит и их планиграфия. Там кремации с различными категориями посуды расположены не обособленно, а встречаются вперемешку. Отсутствуют случаи перекрывания одних погребений другими. Население хорошо ориентировалось в том, где были совершены предыдущие погребения, что свидетельствует о беспрерывном использовании площади могильников. Присутствие в погребальных комплексах различной по технологии изготовления посуды является свидетельством в пользу одновременного существования на определенном этапе лепной, примитивно-гончарной и гончарной (кухонной и столовой) керамики.

Следовательно, славяне, попав на Балканы и в Нижнее Подунавье, быстро освоили местные технологии по производству и орнаментации керамики. Они восприняли производство серолощенной столовой посуды. Та часть славян, которая вернулась в Среднее Поднепровье, принесла с собой высокие технологии гончарного производства, что нашло отражение в материалах Пастырского городища.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на формирование сахновских керамических наборов конца VII—первой половины VIII в. имели влияние не только местные традиции, но и традиции Балкано-Дунайского региона, что хорошо фиксируется на материалах Среднего Поднепровья [Приходнюк 1960: 49, рис. 27]. Более того, такие влияния прослеживаются и на сахновских памятниках, весьма удаленных от основного ареала. Например, на поселении Шоссейное (Белгородская область) в четырехугольных полуземлянках присутствуют все основные типы лепной посуды, имеющиеся как среди сахновских наборов, так и на славянских памятниках Балкано-Дунайского региона [Обломский, Смирнов, Сорокин 1987: 178, рис. 5, 14, 16; 179, рис. 6, 6; 7, 1, 3, 14; 180, рис. 7, 1, 3, 6, 7; 181, рис. 8, 1, 3, 5, 8]. Более того, на этом памятнике имеется слабопрофилированный сосуд, напоминающий горшки типа Чурел [Обломский, Смирнов, Сорокин 1987: 179, рис. 6, 8]. Нельзя исключать, что археологические материалы из Шоссейного представляют материальную культуру славян, переселившихся туда с территории Нижнего Подунавья. Однако, оторванные от единого этнокультурного ареала, они были поглощены местной этнической средой, из-за своей малочисленности не оставили заметного следа в их культуре. Напротив, дальнейшая трансформация археологических культур третьей четверти I тыс. н. э. на Правобережье Днепра происходила под влиянием и при непосредственном участии славян Балкано-Дунайского региона. Именно оттуда исходили культурные импульсы, способствовавшие трансформации и нивелировке местных культур пеньковского и пражско-корчакского типов в культуру Луки Райковецкой. Особенно отчетливо это проявляется в керамическом производстве. В провинциально-византийской среде происходило внедрение в восточнославянскую культуру гончарного круга и традиции орнаментации сосудов врезным линейно-волнистым орнаментом. То есть ни гончарный круг, ни линейно-волнистый орнамент не являются изобретением славян. Это были достижения римско-византийского гончарства, которые постепенно распространились в среду народов, находившихся в сфере культурных влияний Балкано-Дунайского региона в начале эпохи Средневековья. Одно из самых ранних проявлений такого рода влияний на восточнославянские территории фиксируется на материалах Пастырского городища и в дальнейшем находит свое выражение на памятниках Луки Райковецкой: со второй половины VIII в. гончарный круг становится неотъемлемой частью восточнославянской материальной культуры на Днепро-вском Правобережье [Археология... 1986: 178]. Гончарная посуда постепенно вытесняет лепную керамику. Народы, которые не были в сфере влияния византийской цивилизации, сохранили свою самобытность, в том числе и в керамическом производстве. У славян Днепро-вского Левобережья сформировался своеобразный керамический комплекс со специфической орнаментацией, в котором даже на этапе существования роменской культуры отсутствует гончарная посуда местного производства.

Литература

Абабин 1973: Абабин А. И. К вопросу о происхождении серезек пастырского типа // СА. № 3.

Ангелова 1984: Ангелова Ст. Местни традиции във формирането на битова керамика в Северно-източна България през VII—X в. // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. Т. 77. София.

Ангелова 1992: Ангелова Ст. Нижнедунайская зона контактов славян с Византией в VI—VII вв. (по данным керамики) // Четвърти международен конгрес по славянска археология. Т. I. София.

- Ангелова 1990: Ангелова Ст., Дончева-Петкова Л. Традиции в прабългарската излъската керамика // Добруджа. № 7. Добруджа.
- Артамонов 1935: Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 131. М.: Л.
- Артамонов 1968: Артамонов М. И. Этническая принадлежность и историческое значение: на пастырскую культуру // Археология. Т. XI. № 3. София.
- Археология... 1986: Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев.
- Багаутдинов, Набоков 1993: Багаутдинов Р., Набоков А. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Баранов 1979: Баранов И. А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Беразовецъ 1965: Беразовецъ Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. № 19. Київ.
- Брайчевський 1955: Брайчевський М. Ю. Нові розкопки на Пастирському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. Київ.
- Ваклинова 1977: Ваклинова Ст. Формирование на старобългарската култура VI—XI в. София.
- Веймарн, Айбабин 1993: Веймарн Е. В. Айбабин. А. И. Скалистинский могильник. Киев.
- Въжарова 1965: Въжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI—XI век. София.
- Въжарова 1976: Въжарова Ж. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България). София.
- Димитров 1978: Димитров Д. Некрополът при тара Разделна // Известия на народния музей. Т. 14 (29). Варна.
- Дончева-Петкова 1977: Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие (втора половина на VI края на X в.). София.
- Комша 1992: Комша М. Этапы переселения славян на Балканский полуостров в VI—IX вв. // Четвърти международен конгрес по славянска археология. Т. I. София.
- Магомедов 1977: Магомедов Б. В. О происхождении форм черняховской керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Недопако 1998: Недопако Д. П. Технологія обробки заліза на Пастирському городищі // Археологія. № 3. Київ.
- Рикман, Рафалович, Хынку 1971: Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев.
- Романчук, Сазонов, Седикова 1995: Романчук А. И., Сазонов А. В., Седикова А. В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург.
- Обломский, Смирнов, Сорокин 1987: Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) // СА. № 4. М.
- Пиери 1994: Пиери Д. Импорт восточносредиземноморских амфор в Галлию (V—VII вв.): состояние исследований // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средновековье (VI—XI вв.). Симферополь.
- Плетнева 1989: Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Приходнюк 1980: Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ.
- Приходнюк 1994: Приходнюк О. М. Технологія виробництва та витоків ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. № 3. Київ.
- Приходнюк 1998: Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж.
- Приходнюк 2000: Приходнюк О. М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.
- Русанова 1973: Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // Свод археологических источников. Вып. Е1-25. М.
- Сазонов 1989: Сазонов А. В. О хронологии Боспора раннесредневекового времени // СА. № 4. М.
- Сазонов 1991: Сазонов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. 2. Симферополь.
- Славяне... 1990: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Сміленко 1975: Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Придніпров'і (II—XIII т.). Київ.
- Султанов 1969: Султанов Б. Новооткрит керамичен център при с. Хотница от римската и старобългарската епоха // Археология. № 4. I. София.
- Сымонович 1956: Сымонович Э. А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. Т. 26. М.; Л.
- Хвойка 1905: Хвойка В. В. Городища Среднего Поднепровья // Труды XII археологического съезда. Т. I. М.
- Этнокультурная карта... 1985: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.
- Якобсон 1979: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л.
- Bârzu 1973: Bârzu L. Continuitatea populației autohtone în Transilvania în secolele IV—V. (Cimitirul de la Bratei). București.
- Böckisch, Böttger 1966: Böckisch C., Böttger B. Spätromische und frühbyzantinische Keramik // Klio. Bd. 46.
- Böttger 1967: Böttger B. Die Keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr entwicklungsgeschichtlicher Zusammenhang mit der spätantiken Keramik der Balkanländer // Klio. Bd. 48.
- Comşa 1968: Comşa M. Sur l'origine et l'évolution de la population romane et ensuite protoromaine aux VI—X siècles sur le territoire de la Roumanie // Dacia. XII.
- Comşa 1972: Comşa M. Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la Péninsule Balkanique aux VI—VII siècles (avec regard spécial sur le territoire de la Roumanie) // Balcanoslavica. № 1.
- Diaconu 1970: Diaconu Gh. Über die scheibengedrehte Keramik in der Sîntana de Mureş-Tschernjachowkultur // Dacia. XIV.
- Diacoviciu 1972: Diacoviciu H. Dacia de la Burebista la cucerirea romană // Cluj.
- Fidler 1992: Fidler U. Studien zu Gräberfeldern des 6 bis 9 Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil I, II. Bonn.
- Filip 1956: Filip I. Keltore ve střední Evropa. Praha.
- Grisan 1969: Grisan J. Ceramica daco-geacă cu specială privire la Transilvania. București.
- Grünwald 1979: Grünwald M. Die Gefäßkeramik des Legionslagers von Garnuntum. Wien.
- Grünwald 1990: Grünwald M. Der Römische Nordfriedhof in Worms. Worms.
- Póczy 1956: Póczy S. Die Töpferwerkstätten von Aquincum // Acta Archaeologica Hungaricae. T. VII.
- Teodor 1978: Teodor Gh. D. Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e. n. (Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român). Iași.
- Zaharia 1971: Zaharia Em. Donnés sur l'archéologie des IV—XI siècles sur le territoire de la Roumanie. La culture Bratei et la culture Dridu // Dacia. XV.
- Zczekel 1970: Zczekel Z. Die frühesten slawischen Siedlungen in Sialenburg // Slavia Antiqua. XVII.

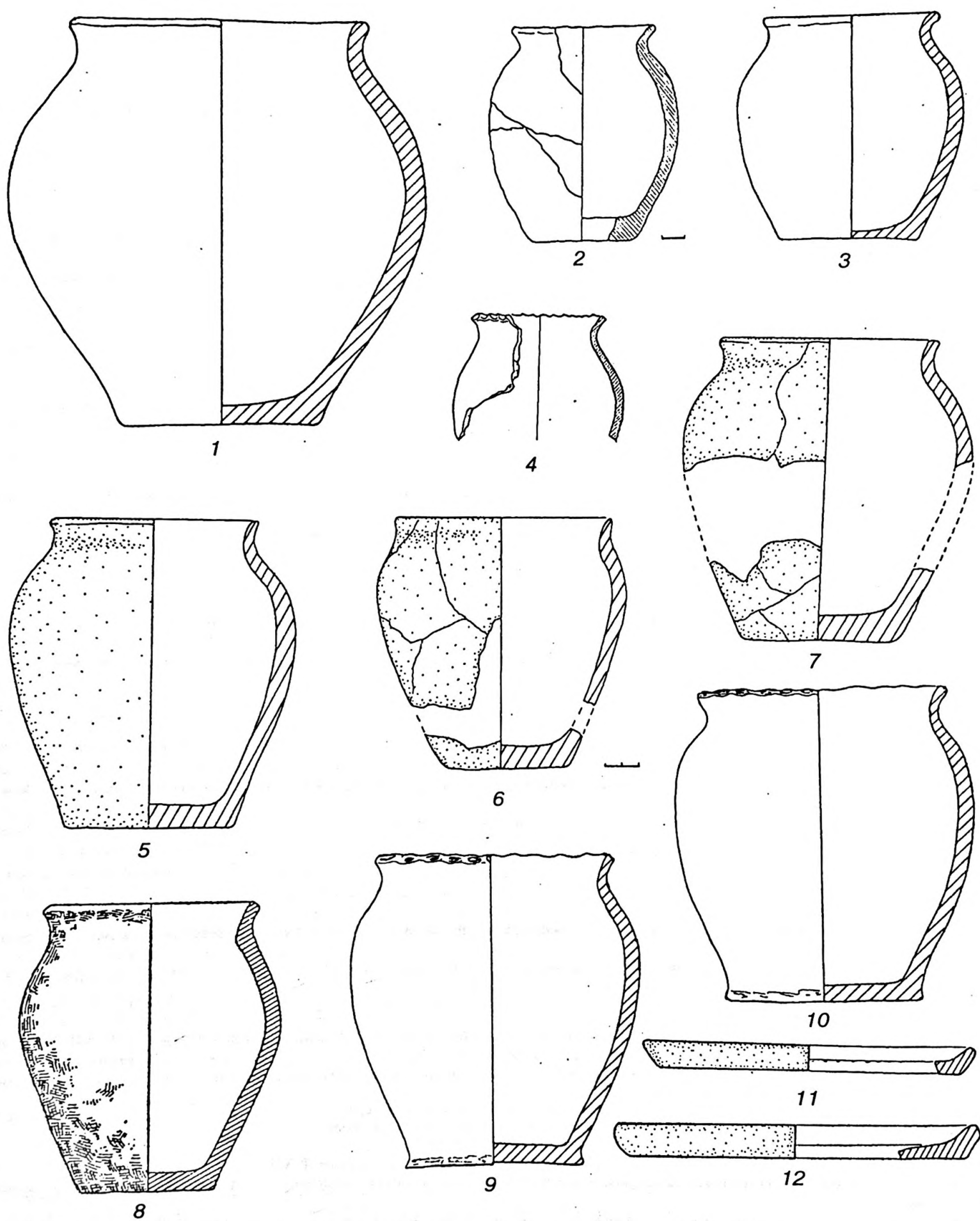

Рис. 1. Лепная посуда Пастырского городища:
1—10 — горшки; 11, 12 — сковороды

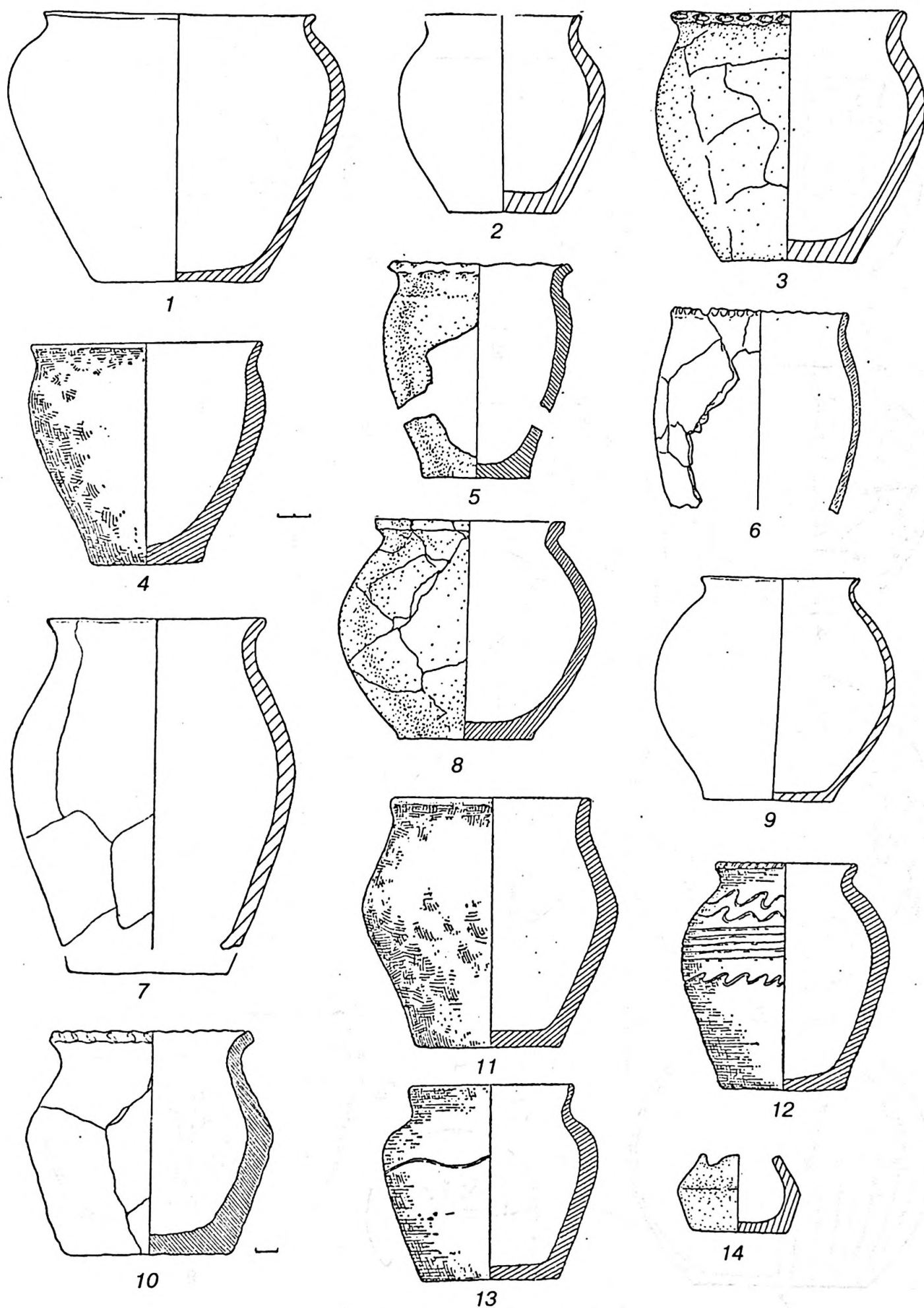

Рис. 2. Лепная (1—11, 14) и примитивногончарная (12, 13) посуда Пастырского городища:
1—13 — горшки; 14 — миниатюрный сосудик

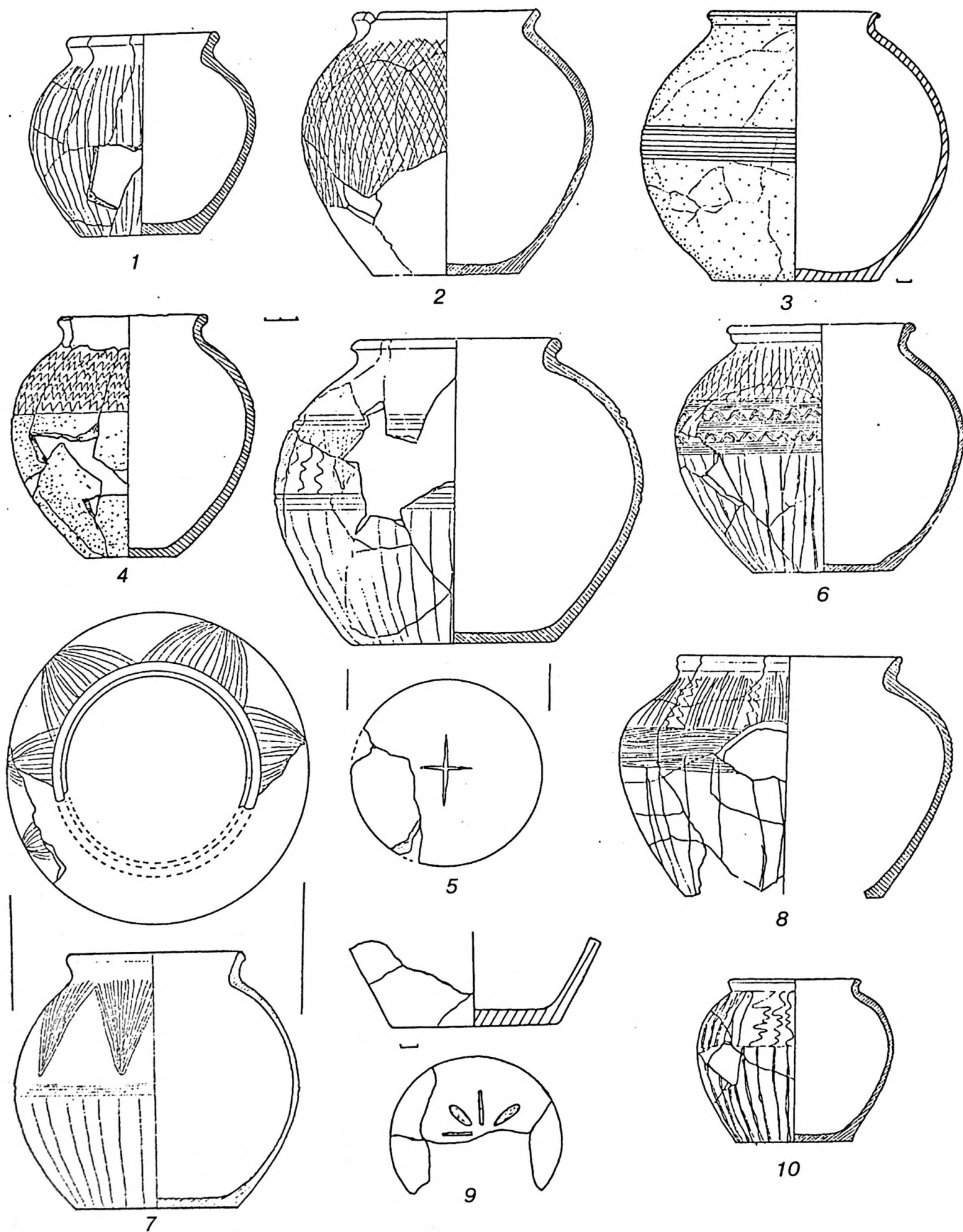

Рис. 3. Гончарные горшки Пастырского городища

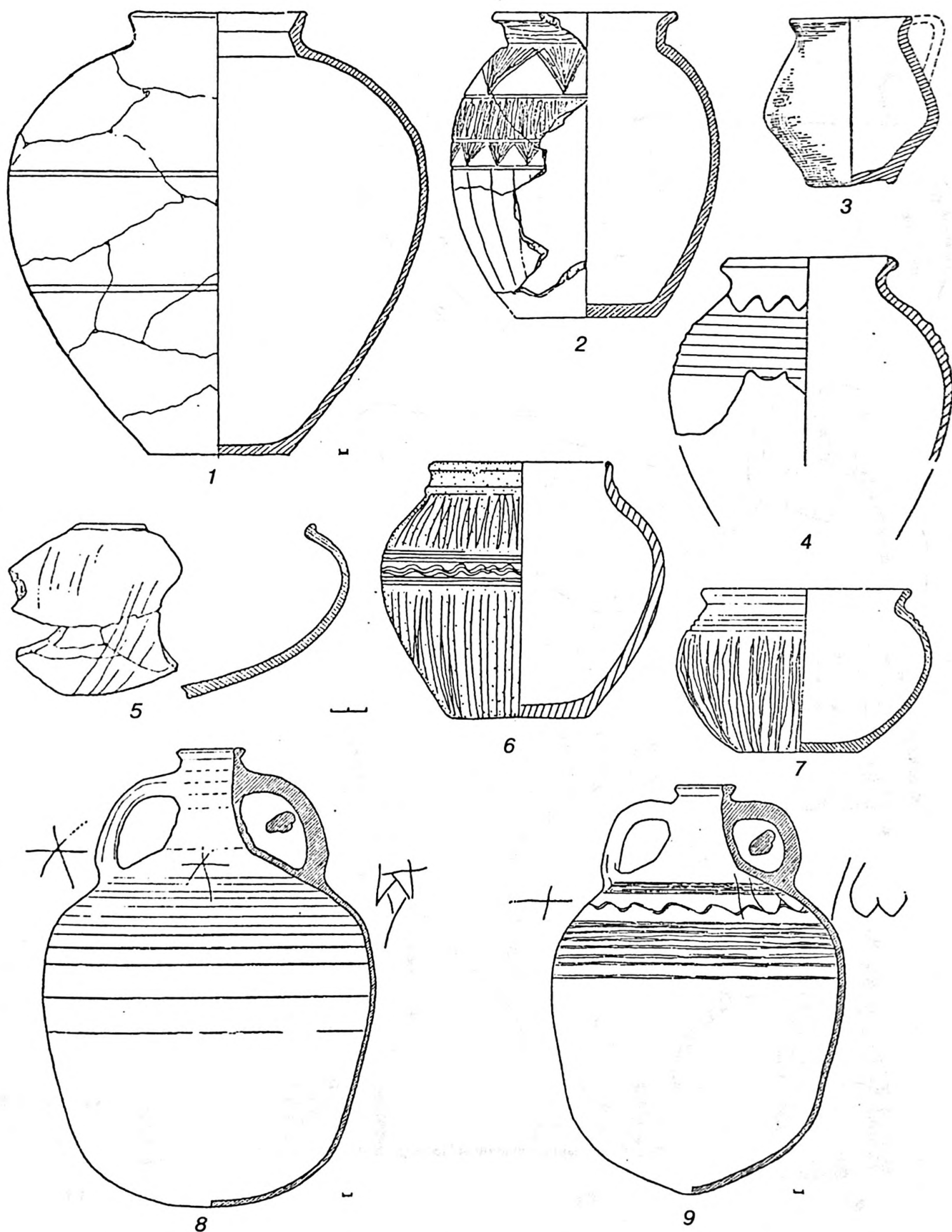

Рис. 4. Гончарная посуда Пастырского городища:

1 — корчага; 2, 4, 6 — горшки; 3 — кувшинчик; 5, 7 — миски; 8, 9 — амфоры

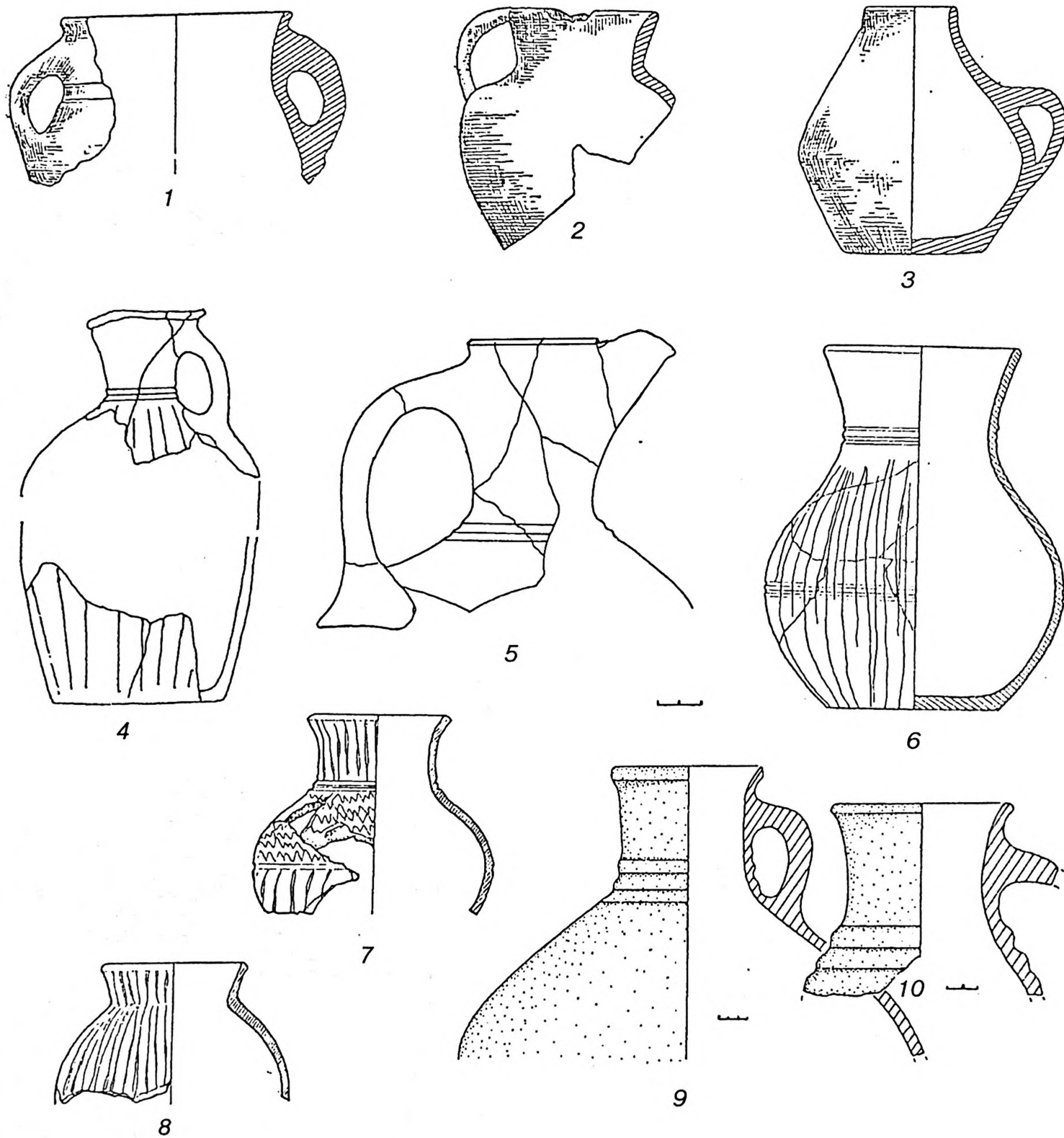

Рис. 5. Гончарные кувшины Пастырского городища

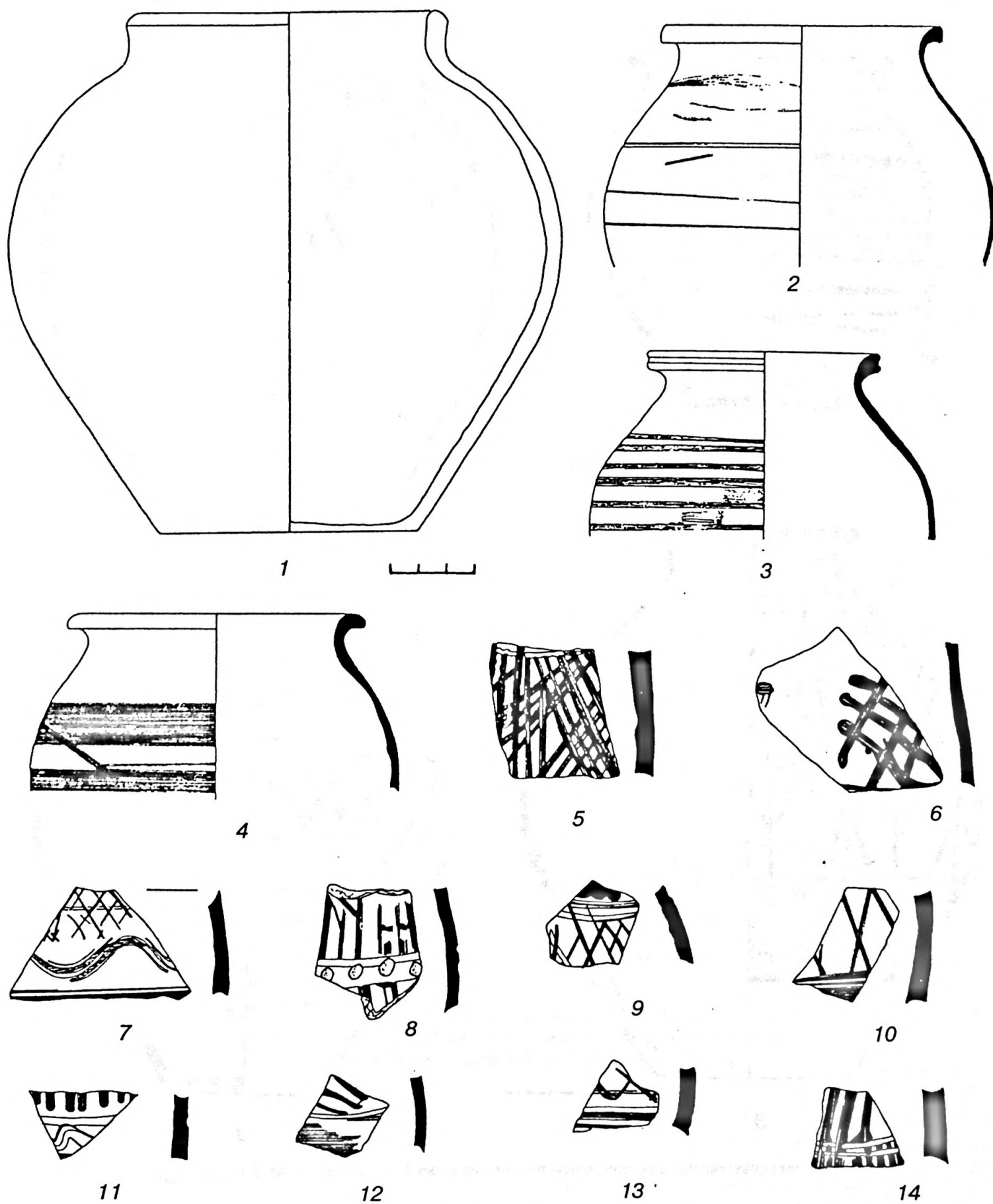

Рис. 6. Гончарная посуда и ее фрагменты из римских слоев Гарнунтума (по М. Грюневальд)

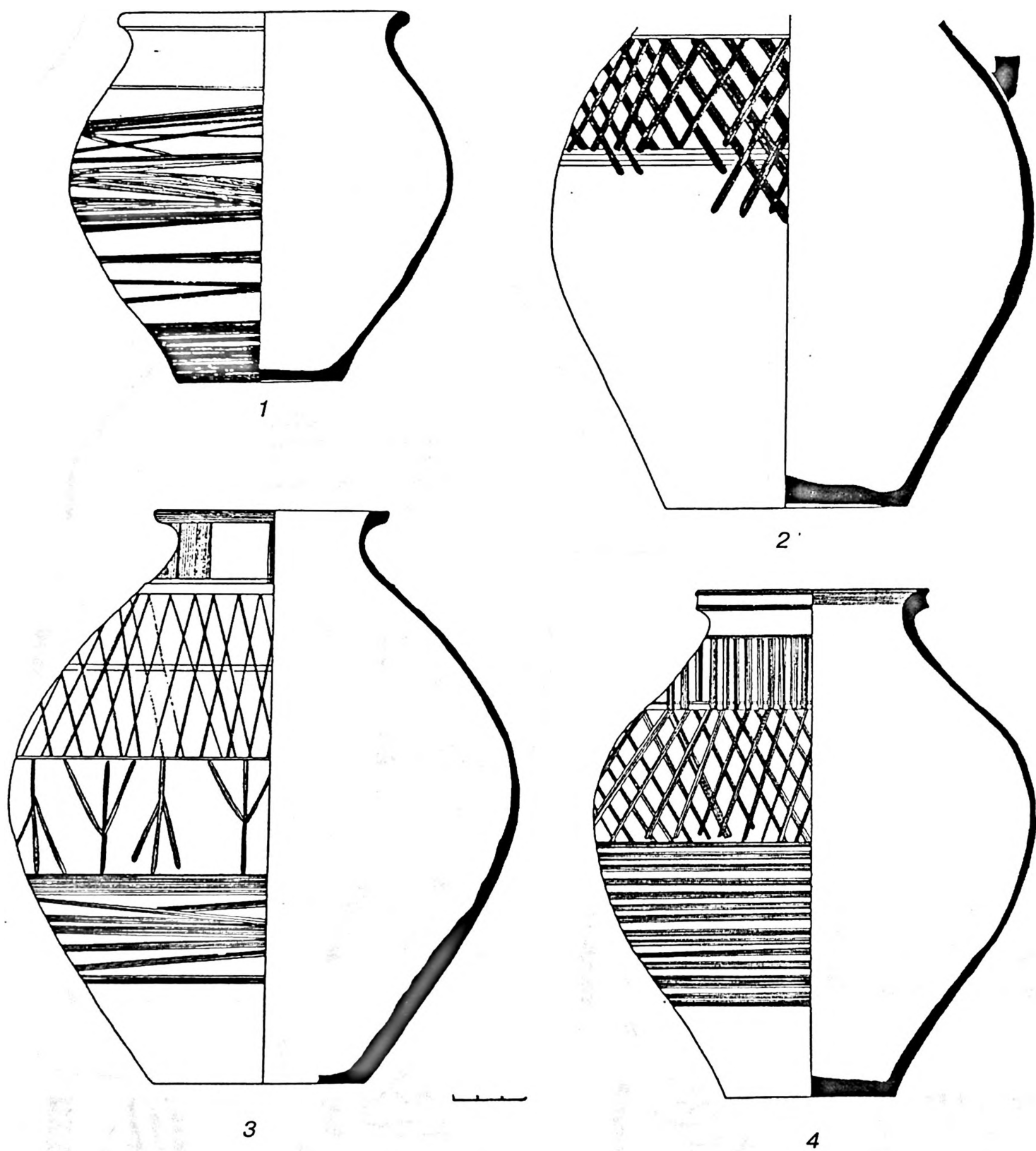

Рис. 7. Гончарная посуда и ее фрагменты из римских слоев Гарнунтума (по М. Грюневальд)

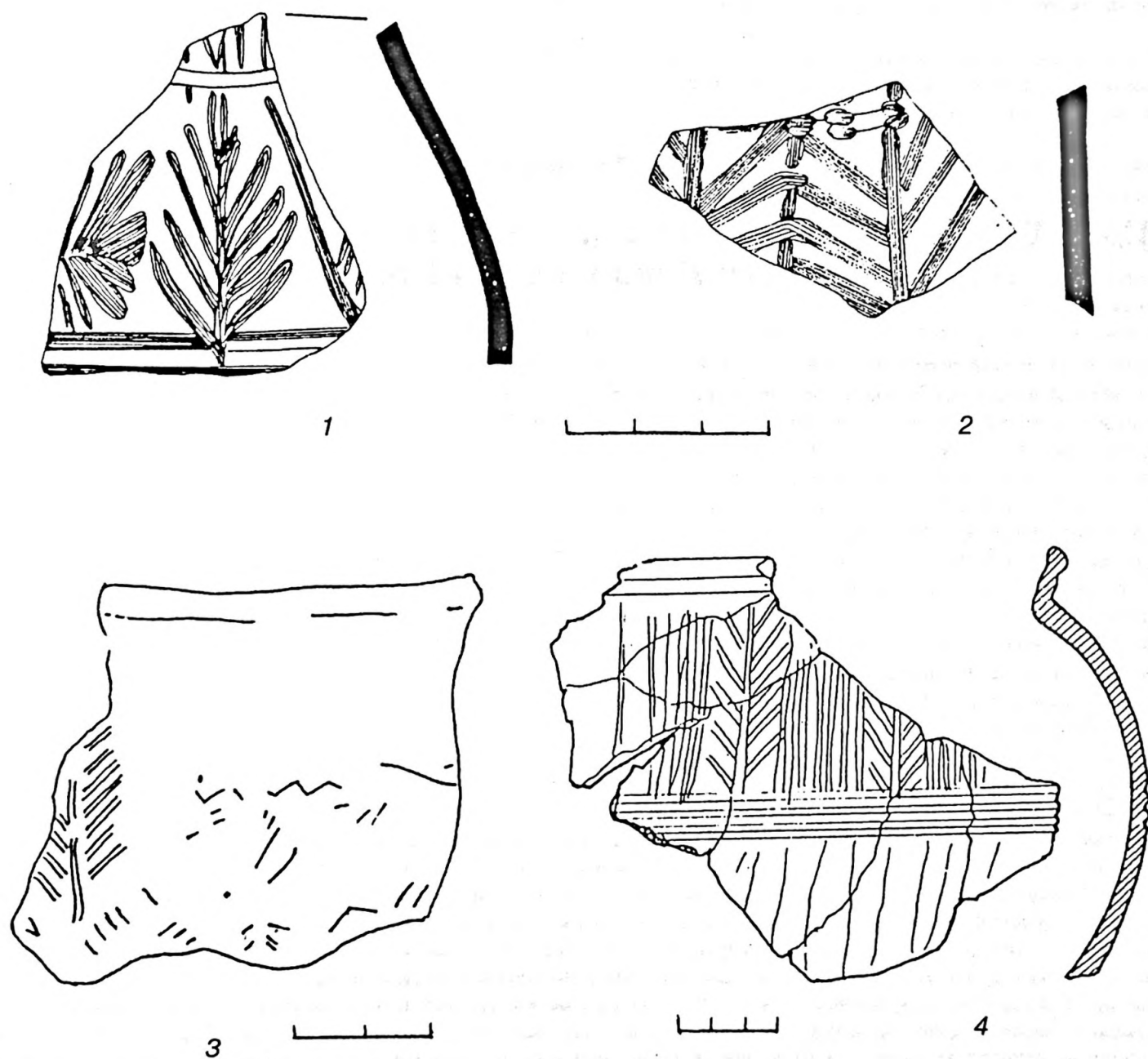

Рис. 8. Фрагменты сосудов римского времени (1, 2). Фрагменты лепного (3) и гончарного (4) раннесредневековых горшков с елочным орнаментом:
1, 2 — Гарнунтум; 3 — Джежови Лозя; 4 — Пастырское городище

В. В. Приймак

Идеи Е. А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н. э.

Финал колочинской и пеньковской культур и появление волынцевских древностей на территории Днепровского лесостепного Левобережья близки по времени либо синхронны погребениям кочевников типа Сивашовки, Малоперещепинскому комплексу, памятникам типа Белокони—Чередники, Вознесенскому комплексу, распространению пасырской и канцерско-мачухской посуды, а также сахновских посуды и домостроительства, подунайских по происхождению украшений и новых, более совершенных земледельческих орудий — наральников и серпов. На этот же период приходится и начало функционирования салтовских памятников Подонья.

Эти археологические реалии последних десятилетий VII—первых десятилетий VIII в. фиксируются в разных районах Левобережья в своеобразных сочетаниях, их проявления связаны с миграциями, зонами влияния, направлениями торговли, другими факторами. Выявление целостной картины будет невозможным без анализа перечисленных явлений, которые влияли на хозяйство, этнический состав населения, социальные отношения, систему расселения различных микрорегионов. Ощутимый вклад в изучение этих явлений внес Е. А. Горюнов, в первую очередь благодаря масштабным полевым исследованиям памятников, выбор для исследования которых определялся обширными познаниями ученого и умением видеть проблемы, решение которых возможно лишь в будущем. К сожалению, ему не удалось реализовать значительную часть своих замыслов, угадываемых по изучаемым памятникам и последним работам ученого.

Е. А. Горюнов был первым из исследователей раннеславянских памятников Левобережья, кто построил свою работу по региональному принципу, выделив левобережное Полесье и лесостепь в регионы, где этнокультурные процессы имели свои особенности. Полевая деятельность ученого свидетельствует, что вслед за относительно хорошо изученным Подесеньем такими же должны были стать Посулье, бассейны Ворсклы, Псла. В последующие годы, уже после смерти исследователя, стационарные работы, сочетающиеся с масштабными разведками, продолжались его коллегами из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Курска, Полтавы, Сум. Это позволило перейти к изучению микрорегионов на базе раскопанных памятников и разведок, позволяющих составлять более-менее адекватные существовавшей в I тыс. н. э. ситуации археологические карты. Как свидетельствует рассмотрение изученных таким образом микрорегионов, между ходом этнокультурных процессов в них существуют заметные отличия.

Колочинские памятники в основной массе представлены неукрепленными поселениями и грунтовыми могильниками. Первые располагаются преимущественно на первых террасах рек, реже — на дюнных возвышениях в поймах, могильники — неподалеку от них. В то же время, обращаясь к погребальному обряду, исследователи обращали внимание на курганы с формами посуды присущими колочинской и пеньковской культурам. Наиболее известным могильником был и остается до сих пор Кветуньский, анализу которого уделил внимание и Е. А. Горюнов, показавший неоднородность погребального обряда данного памятника. Помимо Кветуни, недвусмысленную оценку как дороменскому Е. А. Горюнов дал исследованному еще Д. Я. Самоквасовым могильнику в урочище «Старый кирпичный завод» у с. Волокитино в бассейне р. Клевень [Горюнов 1981]. В последующие годы, с открытием курганных могильников у с. Артюшково (ниже по течению р. Сейм от Рыльска) и у с. Бездрик в окрестностях г. Сумы, стало понятно, что курганный погребальный обряд в колочинской культуре был довольно широко в территориальном плане распространен, а его сравнение с роменским показывает, что имеются общие черты, которые не могут быть случайными совпадениями. Колочинские курганы относятся к двум группам: по обряду кремации на месте и на стороне.

1.1. Кремация на стороне и рассеивание кальцинированных костей и обломков посуды в насыпи. Представлены в с. Артюшково, в Кветуни, Бездрике. Методическая сложность исследования курганов с таким обрядом состоит в том, что их легко можно принять за ограбленные, что со 100%-ной вероятностью следует относить к роменским, исследованным Д. Я. Самоквасовым, о которых говорится, что в насыпи встречались обломки сосудов и пережженных костей. Можно предполагать с большой степенью вероятности наличие такого обряда в роменской культуре. Исходя из этого, курганы у хут. Сетнов, Вировка на левом берегу Сейма из раскопок конца XIX—начала XX в. и Октябрьское 50—

60-х гг. (работы Д. Т. Березовца и С. С. Ширинского) должны быть исключены из списков безусловно роменских памятников, их культурно-хронологическую принадлежность следует решать, опираясь на имеющиеся материалы, прилегающие памятники и новые исследования сохранившихся памятников (Октябрьское).

1.2. Трупосожжение на стороне и безурновое погребение на горизонте. По такому обряду совершено погребение в кургане № 1 Бездрицкого могильника [Обломский, Приймак 1999].

1.3. Трупосожжение на стороне и безурновое погребение в подкурганной яме. О таком обряде можно говорить, исходя из курганов № 3 и № 6 Кветуни, а также кургана № 5 Артюшково.

1.4. Трупосожжение на стороне и безурновые погребения в верхней части насыпи. Условно к данному типу обряда можно отнести погребения в курганах № 9 и № 28 Кветуни, поскольку в курганах № 1 и № 21 погребения по такому обряду относятся к более позднему времени.

1.5. Трупосожжения на стороне и урновые погребения в насыпи на уровне горизонта. Данный тип обряда представлен курганом № 12 Кветуни, где в урне (горшок типа 1, 3-б по А. М. Обломскому) были угли и кальцинированные кости, а также курганом № 2 Бездрицкого могильника (раскопки Д. И. Середы 2000 г.). Среди инвентаря в урне — обломок браслета с расширенным концом типа Великобудковских клада и городища.

2.1. Кремация на месте на погребальном костре. Представлена курганом № 1 северной группы Кветунского могильника. Поскольку керамика из насыпи определена Л. В. Артишевской как аналогичная посуде Владимирского городища, на котором выделены лишь слои раннего железного века и колочинской культуры, следует предполагать, что пряжка с ажурным щитком все же датирует финал существования колочинской культуры в Подесенье и относится к периоду ее сосуществования с сахновско-волынцевскими элементами, ставшими определяющими несколько позже.

2.2. Кремация на месте в погребальной камере. Данный тип обряда представлен в Кветунском могильнике курганами № 17 и 21. В обоих случаях под насыпью обнаружены камеры, сооруженные на уровне горизонта, размерами 4,5—5,2 м на 4 м и 4,0—4,1 м на 2,4 м, соответственно. Они были сожжены. Одна из камер содержала урновое погребение, а вторая — безурновое, в ямке [Обломский, Приймак 1999; Артишевская 1963; Археологическая карта... 1993; Приймак 1997].

Соответствие в роменском погребальном обряде находят типы 1.2 (помещение остатков погребения без урны на уровне горизонта) — в Дорошевском могильнике из раскопок Д. Т. Березовца, 1.3 — в могильниках у с. Октябрьское (раскопки Д. Т. Березовца) и у с. Щербиновка (раскопки автора) в Посеймье. А погребения по обряду кремации на стороне и помещения ее остатков в верхней части насыпи (1.4) в роменской культуре являются наиболее распространенными. Тип 1.5 находит соответствие в роменском урновом погребении на уровне горизонта у с. Жерновец в Курском Посеймье [Приймак 1997]. Что касается ответа на вопрос о наличии в роменской культуре погребений с рассеянными в насыпи костями, то получить его можно в ходе исследований Дорошевского могильника, где на рубеже XIX—XX вв. были исследованы курганы и еще сохранились неисследованные насыпи. Следует отметить, что Л. В. Артишевская указывала на подобие камерных погребений Кветуни и роменских из Полужья. К сожалению, слабая изученность волынцевского погребального обряда не дает возможности говорить о том, в каком из регионов Левобережья курганный погребальный обряд колочинской культуры мог трансформироваться в аналогичный роменский. Вместе с тем ареал курганных некрополей роменской культуры не выходит за пределы распространения волынцевских памятников в Посулье, на Псле и лишь немного опускается на юг по Ворскле. Следует отметить, что, помимо погребального обряда, между колочинской и роменской культурами есть еще одна общая черта — спиральные подвески, на что уже обращали внимание исследователи.

Носители колочинской и пеньковской культур стали первыми обитателями городищ на территории Днепровского Левобережья в I тыс. н. э. Колочинские материалы выявлены на городищах, сооруженных в раннем железном веке, у с. Великие Будки в Посулье, Будища и Воргол в Посеймье, Случевск в Подесенье, Битица в бассейне Псла, а пеньковские — на Восточном укреплении Бельского городища и городища у с. Пороз в бассейне Ворсклы, на Донецком и Хорошевском городищах в бассейне Северского Донца. Соседство впускного погребения с зооморфной фибулой в кургане у с. Постав-Мука на р. Удай с одним из трех городищ раннего железного века, расположенных в данном микрорегионе, — Поставмукским, возможно, также не является случайным, учитывая его одинаковую отдаленность от пеньковских селищ на р. Многе и в ур. Шимбереве у с. Хитцы, а также большую приспособленность для обороны по сравнению с Сухоносковским и Липовским.

Рассматривая расположение городищ с пеньковскими и колочинскими материалами, антских кладов и погребений по обряду ингумации, невозможно не заметить их совпадение не только в ареале Днепровского Левобережья, но и в целом ряде микрорегионов, в бассейне одной реки с их притоками. Кроме нижнего течения Удай, где не выявлены антские клады, частичное совпадение отмечено для Верхнего Посулья (клад и городище у с. Великие Будки находятся через р. Терн примерно напротив), Подесенья (Случевск и Трубчевск), Псла (Битица и Н. Сыроватка), а наиболее выразительно в бассейне р. Ворсклы. Здесь на р. Ворсклице и ее притоке Пожне располагаются городище у с. Пороз, рядом с которым находится с. Смородино, откуда происходит комплекс вещей, относимых к антскимкладам, у с. Верхняя Пожня при шурфовке пеньковского селища возле печки-горна ювелира (?) были обнаружены заготовки круглых бляшек и резец, которым, вероятно, вырезали из тонкого листа металла эти заготовки, а ниже по течению — могильник по обряду Сивашовки на пеньковском селище у с. Рябовка и ингумационное погребение с фибулами из с. Березовка. Следует добавить, что в этом же микрорегионе было исследовано и два волынцевских жилища на селище у с. Солдатское. Несколько ниже по течению Ворсклы находятся неподалеку Бельское городище и селище Вовки, а также соседствующий с ним клад у с. Блажки. Подобное сочетание памятников — пеньковские селища и кочевнические погребения, в том числе по обряду Сивашовки (Заплавка) [Шалобудов 1983] отмечается лишь в междуречье Нижней

Ворсклы и Нижней Орели, откуда происходит Малоперещепинский комплекс. Следует отметить, что отсюда происходят также и погребения из курганов у с. Климовка, датировать которые затруднительно лишь на основании керамики, хотя редко встречаемая переключенная ручка на кувшине находит соответствие в могильнике Абрау-Дюрсо, что позволяет относить погребения с южной ориентацией из Климовки к предшествующему времени по сравнению с Малоперещепинским комплексом и Заплавкой либо считать их синхронными. Следует отметить, что у с. Старые Санжары (Решетняки) имеется городище раннего железного века, на котором производил работы И. И. Ляпушкин. На пеньковских селищах Осиповка, Богатое, Чернетчина обнаружены юртообразные сооружения, а возле самого с. Малая Перещепина также собраны пеньковские материалы. Принимая во внимание данные факты, а также отсутствие погребений типа Сивашовки в бассейне Северского Донца, где в то же время на сахновском этапе отмечается сосуществование на одних памятниках славянских и салтовских материалов, можно считать, что единой модели славяно-салтовских взаимоотношений для всего Левобережья не существовало. Учитывая тот факт, что в сравнительно хорошо разведанном бассейне Ворсклы ниже по ее течению от устья Ворсклицы волынцевских памятников не обнаружено, как их не выявлено и чуть южнее линии пеньковского-кологичинского пограничья в бассейнах Сулы и Псла, мы можем говорить предположительно о границе волынцевских древностей и памятников типа Лаврики—Белокони—Чередники. Вероятно, что за этими отличиями стоят какие-то разные модели этнокультурного процесса. Возможно, что Битицкое городище как центр волынцевских памятников являлось следующим этапом во взаимоотношениях славян с кочевническим или уже осевшим на земле степным по происхождению населением. Следует отметить, что именно на южных роменских памятниках изредка встречаются архаические элементы, не нашедшие распространения на волынцевской стадии: округлое, т. е., по существу, юртообразное сооружение (Опошня), костяная пряжка прямоугольных очертаний без язычка и продольной прорези из Полтавы, характерный фрагмент керамики с веревочным орнаментом и наклепным валиком под венчиком (Новотроицкое), биспиральная подвеска в роменском погребении (Глинск), весьма архаичный керамический комплекс Опошни. Выявление в керамическом комплексе памятников новинковского типа Поволжья, связываемых с одной из групп болгар, горшков с высоким вертикальным венчиком [Богачев, Зубов 1993] позволяет, в совокупности с явными салтовскими материалами Битицы (кувшины, юртообразные сооружения, комплекс вооружения и снаряжения коня), предполагать в кочевническом элементе волынцевских памятников болгар — выходцев с территории Поволжья. Если судить о лесостепи Днепропровского Левобережья генерализованно, то, по существу, в послепеньковское и послекологичинское время мы видим, как кочевническое по происхождению население освоило данный регион, построив разные модели взаимоотношений со славянами: ассимиляция славян — на Северском Донце, совместное проживание с сохранением собственных черт обоих — на Ворскле, а на более северных территориях, в среде волынцевских и роменских племен кочевники были ассимилированы славянами.

Литература

- Горюнов 1981: Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепропровского Левобережья. Л. С. 106.
- Обломский, Приймак 1999: Обломский А. М., Приймак В. В., Терпиловский Р. В. Исследования раннеславянского кургана у с. Бездрик // Третя Сумська наукова історико-краєзнавча конференція. 7—8 грудня 1999 р. Суми. С. 17—20.
- Артишевская 1963: Артишевская Л. В. Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. № 108. С. 88—94.
- Археологическая карта... 1993: Археологическая карта России. Брянская область / Автор, сост. А. В. Кашкин. М. С. 17, 49, 197.
- Приймак 1997: Приймак В. В. Роменська культура в межі річки Десни і Ворскли: дискусійні питання, нові матеріали. Полтава: Суми. С. 12—15.
- Шалобудов 1983: Шалобудов В. Н. Погребение кочевника 8 в. у с. Заплавка // Древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск. С. 67—68.
- Богачев, Зубов 1993: Богачев А., Зубов С. Бруснянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988—1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. С. 41, рис. 7, 14, 15.

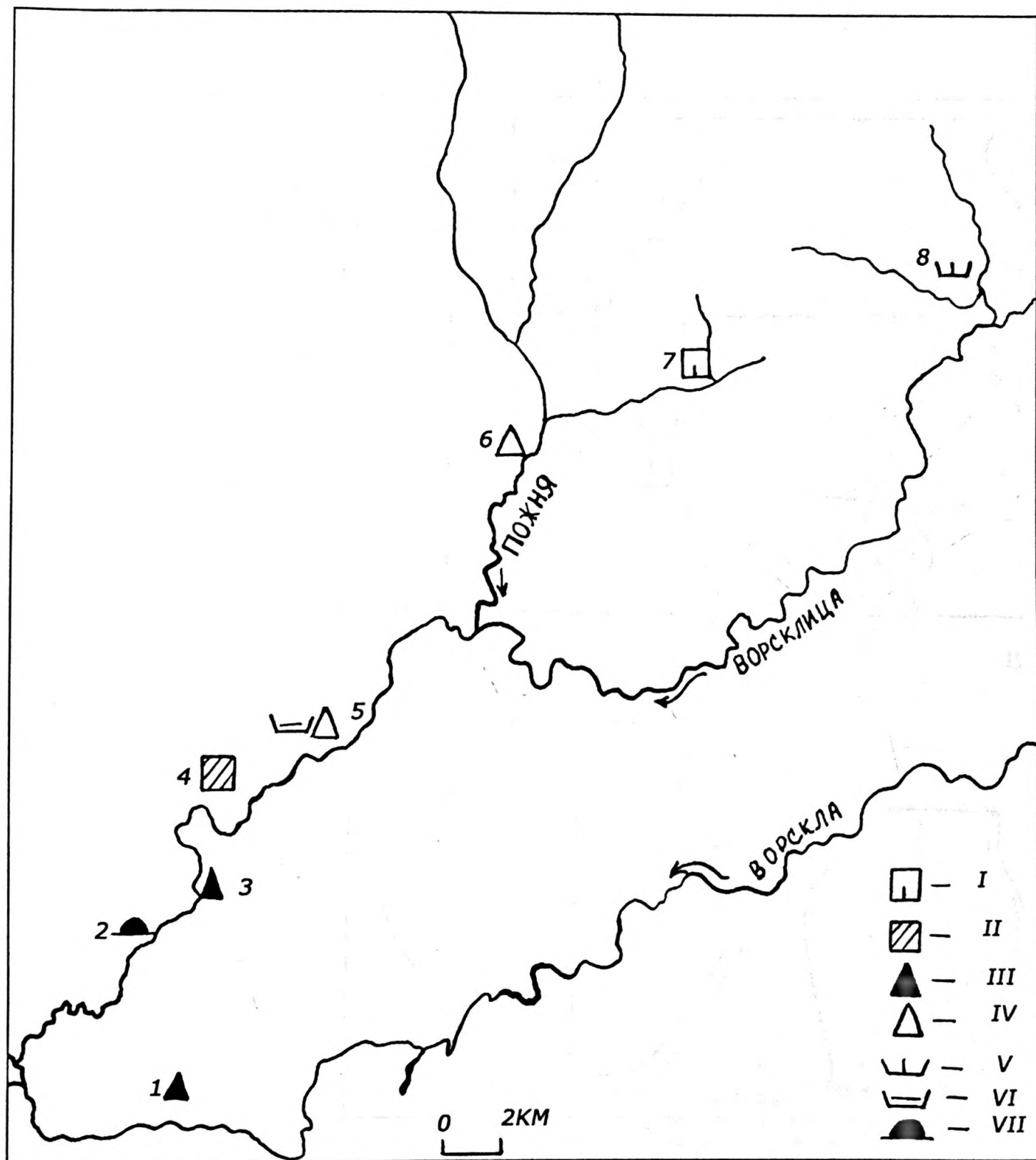

Рис. 1. Памятники VII—VIII в. в бассейне р. Ворсклицы:

1 — Ст. Ивановка; 2 — Березовка; 3 — Солдатское; 4 — Ницаха; 5 — Рябовка; 6 — Верхняя Пожня; 7 — Пороз; 8 — Смородинно.

I — городище раннего железного века с Пеньковскими материалами; II — роменско-древнерусский комплекс; III — волынцевское селище; IV — исследованное пеньковское селище; V — могильник по обряду кремации; VI — могильник по обряду ингумации; VII — ингумация, впущенная в курган

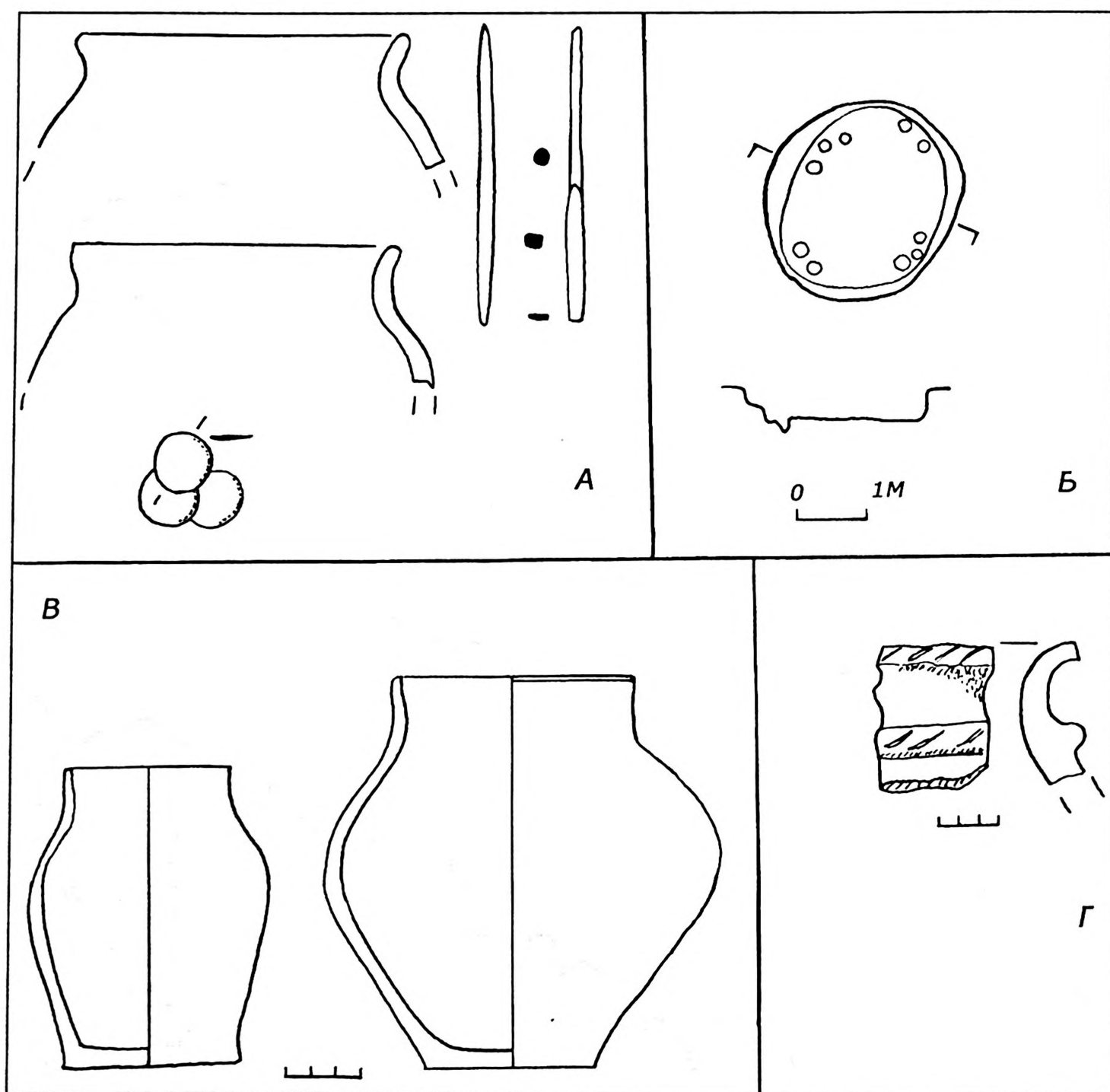

Рис. 2. Материалы VII—IX вв. из бассейнов Ворсклы, Псла и Поволжья:

А — керамика, заготовки бляшек и резец из Верхней Пожни; Б — постройка № 12 из Опошны (по О. В. Сухобокову и С. П. Юренко); В — керамика из II Бруснянского могильника (по А. В. Богачеву и С. Э. Зубову); Г — фрагмент керамики из городища Новотроицкого (по И. И. Ляпушкину)

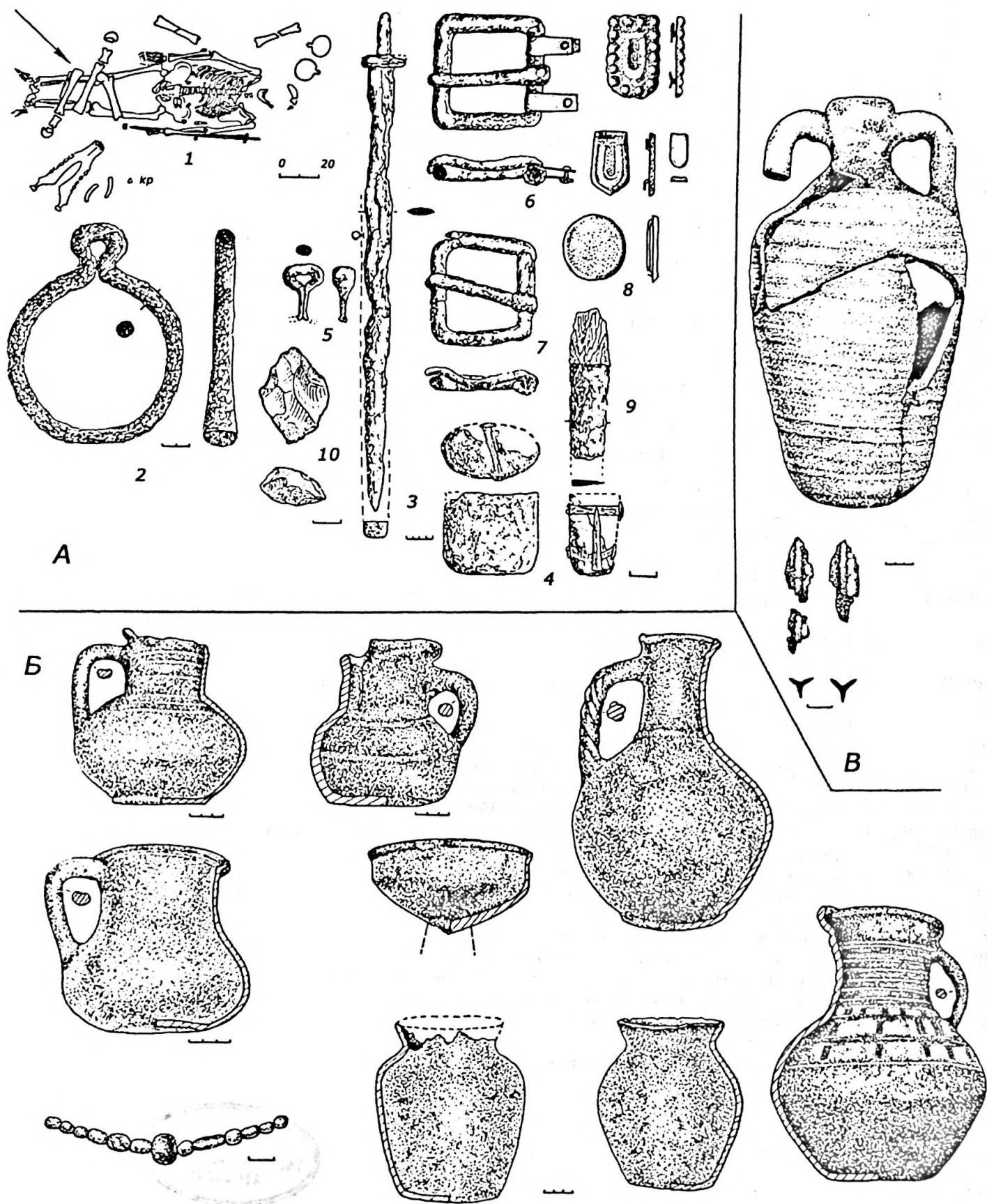

Рис. 3. Кочевнические материалы из Нижнего Поволжья и Поорелья:

А — Погребение у с. Заплавка (по В. Н. Шалобудову); Б — инвентарь могильника у с. Климовка; В — случайные находки из с. Климовка (по А. Б. Супруненко)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКР	— Археологическая карта России. Москва
АО	— Археологические открытия. Москва
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург (Ленинград)
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВИ	— Вопросы истории. Москва
ГАКО	— Государственный архив Курской области. Курск
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
КЕС	— Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара
КОКМ	— Курский областной краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Москва
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МЗХТ	— Музей-заповедник Херсонес Таврический. Севастополь
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НА КГОМА	— Научный архив Курского государственного музея археологии
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
РА	— Российская археология. Москва.
РА ИИМК	— Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
РВД	— Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Археология СССР. Москва
Свод I	— Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.) / ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. Москва
Свод II	— Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (VII—IX вв.) / ред. Г. Г. Литаврин. Москва
Труды ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург (Ленинград)
Тр. МНИИЯЛИЭ	— Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск
Труды КГСК	— Труды Курской губернской статистической комиссии
Труды КГУАК	— Труды Курской губернской археологической комиссии
ЭССЯ	— Этимологический словарь словянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачёва. Москва
AntN	— Antiquités nationales. Paris
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford
JAMÉ	— Jóna András Múzeum Évkönyve. Nyíregyháza.
Jb. RGZM	— Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz. Mainz
KWMOR	— Kultura wielbarska w młodszyim okresie rzymskim. Lublin
MNM	— Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest
SIA	— Slovenská Archeológia. Nitra
WA	— Wiadomości Archeologiczne. Warszawa